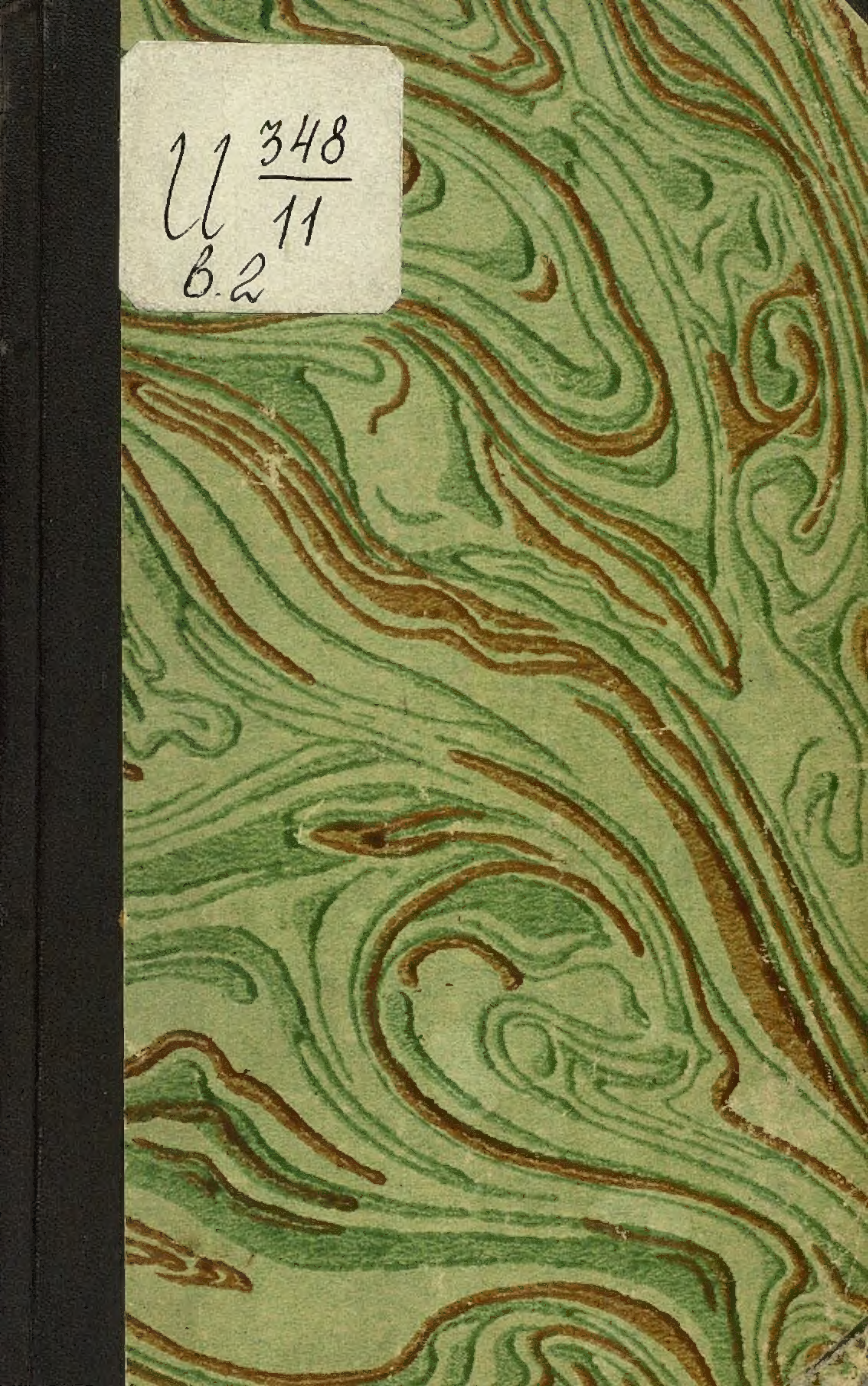

И 348/11
в.2

МЕМУАРЫ

ОТНОСЯЩІЕСЯ

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РУСИ.

Выпускъ II (перв. половина XVII ст.)

Ѳ. Евлашевскій. Я. Собескій. Походы 1625 и 1628 г.г. С. Окольскій Г. Бопланъ. Освобожденіе невольниковъ. Б. Машкевичъ.

Переводъ К. Мельникъ

(*Подъ редакціею В. Антоновича.*)

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й.
1896.

МЕМУАРЫ

ОТНОСЯЩІЕСЯ

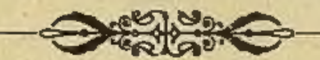
КЪ ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РУСИ.

Выпускъ II (первая половина XVII ст.).

Ѳ. Евлашевскій. Я. Собескій. Походы 1625 и 1628 г.г. С. Окольскій Г. Бопланъ. Освобожденіе невольниковъ. Б. Машкевичъ.

Переводъ К. Мельникъ

(подъ редакціею В. Антоновича).

КІЕВЪ.

Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1896.

Дозволено цензурою Кіевъ, 8-го Октября 1896.

Первый выпускъ мемуаровъ, заключавшій записки, относящіяся къ исторіи южной Руси во второй половинѣ XVI столѣтія, вышелъ въ 1890 году. Не зависящія отъ переводчика обстоятельства задержали изданіе второго выпуска до настоящаго времени; въ этомъ выпускѣ мы предлагаемъ переводъ восьми мемуаровъ, относящихся къ первой половинѣ XVII столѣтія.

Если обстоятельства будутъ благопріятствовать, мы намѣрены издать еще два выпуска настоящей серіи; въ третьемъ выпускѣ мы предполагаемъ помѣстить мемуары, относящіеся ко времени движенія Хмельницкаго: Ерлича, Емеловскаго, Мясковскаго; Освѣцина, Рудавскаго, анонима, изданнаго Войцицкимъ, Павла изъ Алепа, Гановерера; въ четвертомъ—записки лицъ, жившихъ во второй половинѣ XVII стол. и въ началѣ XVIII, въ эпоху такъ называемой „Руины“: Гордона, Перетятковича, Зеленевицкаго, Деларака, Отвиновскаго, Лукьянова и преп. Димитрія Ростовскаго.

I.

Дневникъ новгородскаго подсудка Өедора Евлашевскаго.

(1564—1604 года).

Подлинная рукопись записокъ Өедора Евлашевскаго хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки графовъ Потоцкихъ въ Вилянове; судя по списку *fac-simile*, приложенному къ той копіи, которою мы пользовались для нынѣшняго изданія, подлинникъ писанъ весьма неразборчивымъ порчекомъ XVI столѣтія, чѣмъ и объясняются пробѣлы и неточности въ текстѣ, встрѣтившіеся въ данной копіи. Копію эту мы нашли въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ она внесена въ каталогъ подъ № 2,444. Составляя списокъ, нынѣ предлагаемый для печати, не смотря на крайнее желаніе, мы не могли сохранить вполнѣ правописанія рукописи, ткаъ какъ переписчикъ, списывавшій рукопись изъ оригинала, очевидно самъ не соблюдалъ точности въ воспроизведеніи его правописанія. Мы совершенно отказались удержать начертанія ѧ и ꙗ, которыми изображается звукъ *я*, а также начертаніе ѡ, которымъ въ копіи часто замѣняется *о*; начертанія эти переписчикъ, а можетъ быть и самъ составитель дневника, употреблялъ безразлично, не руководясь никакимъ твердо установленнымъ правиломъ правописанія и употребляя то тѣ, то другія начертанія въ одномъ и томъ-же словѣ. Остальныя особенности правописанія рукописи мы сохранили совершенно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ встрѣтили ихъ въ копіи института Оссолинскихъ,

а именно: вездѣ удержаны нами *кг* для изображенія звука *g* и *г* для изображенія звука *h*, сохранены также *ы* и *и*, какъ употреблялъ ихъ первый переписчикъ, и сдѣлано незначительное отступленіе лишь относительно *ѣ* и *ъ*. Знаки эти въ рукописи, которою мы пользовались, то опускаются, то ставятся. Не видя въ употребленіи или опущеніи ихъ чего либо опредѣленнаго и существеннаго, мы, для удобства чтенія, вставили эти знаки и тамъ, гдѣ въ рукописи, съ которой мы списывали, они опущены.

Записки Евлашевскаго въ печати появились въ 1860 году въ польскомъ переводѣ г. Евгенія Цѣмневскаго [1]; вслѣдствіе этого онѣ мало извѣстно въ русской исторической литературѣ, между тѣмъ записки эти составляютъ одинъ изъ интересныхъ памятниковъ, поясняющихъ исторію западной Руси во второй половинѣ XVI столѣтія и сообщаютъ многочисленныя черты для обрисовки быта, культуры и міросозерцанія дворянскаго сословія этого края.

Авторъ записокъ—русскій дворянинъ новгородскаго воеводства, Ѳедоръ Евлашевскій, родился въ 1546 г. и проживалъ въ окрестности мѣстечка Ляховичъ (нынѣ слуцкаго уѣзда минской губерніи); онъ получилъ неблестящее образованіе, единственно возможное, по его словамъ, въ половинѣ XVI столѣтія въ западной Руси; оно состояло въ знаніи русской и польской грамоты, и въ умѣніи читать письмена еврейскія, впрочемъ безъ пониманія еврейскаго языка; другія знанія: счетоводство, изученіе законовъ и т. п. авторъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, въ то время, когда занимался уже практическою дѣятельностію, частью при помощи лицъ, съ которыми сталкивала его судьба, частью личнымъ трудомъ, самоучкою. Тѣмъ не менѣе, не смотря на довольно скудный запасъ знанія, авторъ причисляетъ себя къ передовымъ людямъ своего времени; онъ въ запискахъ старается обобщать отдѣльные, описываемые имъ, факты и по временамъ вставляетъ въ свой дневникъ философскія разсужденія: о пользѣ вѣротерпимости, о Промыслѣ Божіемъ и т. п. Изъ

[1] Pamiętnik Teodora Jewłaszewskiego, Nowogrodzkiego podsędka. Wydał T. X-że Ł. Wanszawa. 1860.

біографіи автора видно, что современники, признавали дѣйствительно Евлашевскаго человѣкомъ умнымъ и развитымъ; не смотря на довольно скромное имущественное положеніе, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ; знатные паны цѣнили его юридическія познанія и довѣряли ему свои дѣла—онъ велъ, по большей части съ успѣхомъ, въ качествѣ адвоката, процессы во всѣхъ инстанціяхъ, въ томъ числѣ и въ задворномъ королевскомъ и въ сеймовомъ судѣ, пользовался благосклоннымъ пріемомъ при королевскомъ дворѣ и избирался своими согражданами на разныя общественныя должности, исполненіе которыхъ требовало болѣе обширныхъ юридическихъ познаній.

Евлашевскій былъ человѣкъ глубоко религіозный; онъ принадлежалъ къ семьѣ, искренно преданной православію; отецъ его, овдовѣвши, принялъ духовное званіе и умеръ въ санѣ православнаго пинскаго и туровскаго епископа. Не смотря, впрочемъ, на семейныя преданія, самъ авторъ записокъ не остался вѣрнымъ православію: 19-ти лѣтъ отъ роду, проживая въ Вильнѣ, онъ увлекся проповѣдью протестантскихъ пасторовъ и сдѣлался поборникомъ ихъ ученія. Этотъ переходъ къ новой церкви не нарушилъ его добрыхъ семейныхъ отношеній ни къ родителямъ, ни въ послѣдствіи къ женѣ, искренно преданной православію. Впрочемъ переходъ Евлашевскаго въ протестантизмъ не свидѣтельствуетъ вовсе о сильномъ развитіи въ авторѣ религіознаго раціонализма; не смотря на свои близкія отношенія къ протестантскимъ богословамъ, Евлашевскій сохраняетъ глубокую вѣру въ разныя суевѣрныя, языческаго происхожденія, миѳическія существа и предразсудки: онъ не разъ въ теченіи жизни видитъ какого-то, преслѣдовавшаго его, огненнаго человѣка, который является ему, лишь только онъ подвергнется горячечному бреду; онъ признаетъ существованіе „лятавцевъ“ и „инкубусовъ“ и серьезно увѣренъ, что появленіе послѣднихъ вызываетъ „повѣтріе“, т. е. эпидемію; онъ глубоко вѣруетъ въ пророческое значеніе сновъ, во всевозможныя предсказанія „ворожбитовъ“ и предзнаменованія. Евлашевскій усвоилъ изъ протестантскаго ученія развѣ только понятія о предопредѣленія; онъ глубоко вѣруетъ, что самъ онъ лично поль-

зуется особеннымъ, исключительнымъ покровительствомъ Провидѣнія, и очень тщательно отмѣчаетъ факты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, явствуетъ, что строгая кара Господня, иногда даже слишкомъ тяжелая, должна постичь всякое лицо, нанесшее ему какую либо обиду или оскорбленіе. Записывая каждый такой случаай, онъ приноситъ Господу благодарность за то исключительное покровительство, которымъ онъ пользуется.

Въ отношеніяхъ общественныхъ симпатіи Евлашевскаго сложились согласно занимаемому имъ въ обществѣ положенію. Въ качествѣ бѣднаго дворянина, онъ постоянно долженъ прибѣгать къ протекціи и пребывать на службѣ у знатныхъ и богатыхъ пановъ, потому онъ и высказываетъ постоянно благоговѣніе и преданность по отношенію къ лицамъ, высоко поставленнымъ въ дворянской средѣ того времени и съ особеннымъ уваженіемъ относится къ членамъ рода Ходкевичей, у которыхъ находится на службѣ въ продолженіи всей своей жизни; не смотря на польское право, нивелировавшее de jure всѣ слои литовскаго шляхетства послѣ 1569 года, Евлашевскій глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ „пановъ" надъ шляхтичами и съ большей гордостью говоритъ о своемъ званіи слуги Ходковичей, чѣмъ о земскихъ судейскихъ должностяхъ, которыя ему достаются по выбору, какъ члену независимаго и полноправнаго сословія.

Записки Евлашевскаго носятъ исключительно личный автобіографическій и мѣстный областной характеръ; вслѣдствіе этого онѣ изобилуютъ бытовыми подробностями и содержатъ весьма мало извѣстій о крупныхъ политическихъ, современныхъ автору, событіяхъ; о послѣднихъ онъ по большей части упоминаетъ вкратцѣ, прибавляя притомъ замѣчаніе, что, желающіе ближе познакомиться съ ними, найдутъ гораздо болѣе подробностей въ другихъ сочиненіяхъ. События эти очевидно интересуютъ автора живѣе только въ такомъ случаѣ, если они непосредственно касаются его околотка: но авторъ обитаетъ въ одномъ изъ центральныхъ воеводствъ великаго княжества литовскаго, до территоріи котораго внѣшнія событія достигаютъ рѣдко; этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, можно объяснить

то, что изъ всѣхъ политическихъ событій, упоминаемыхъ авторомъ, подробнѣе другихъ описанъ набѣгъ Наливайка на литовско-бѣло-русскія области, такъ какъ набѣгъ этотъ коснулся литовскаго Полѣсья, въ которомъ жилъ самъ авторъ.

Евлашевскій писалъ свои записки, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, въ концѣ жизни, именно занимался составленіемъ ихъ въ 1603—1604 годахъ, но при этомъ онъ несомнѣнно пользовался краткими замѣтками, которыя составлялъ въ теченіи всей жизни, такъ какъ время упоминаемыхъ имъ событій онъ всегда опредѣляетъ весьма точно, обозначая нетолько годъ, но также мѣсяцъ и число, когда они случились.

Записки написаны на западно-русскомъ языкѣ, напоминающемъ языкъ литовскаго статута и грамотъ XVI столѣтія; впрочемъ воспитаніе, а также частыя посѣщенія Евлашевскимъ столицы и многочисленныя связи съ польскими панами отразились на его рѣчи; она подверглась, какъ намъ кажется, въ большей мѣрѣ польскому вліянію, чѣмъ рѣчь другихъ письменныхъ памятниковъ XVI стол.

Дневникъ Евлашевскаго въ русскомъ текстѣ былъ напечатанъ нами въ Кіевской старинѣ за 1886 г., въ январской книгѣ.

Самому пану Богу мому зо всякихъ добродѣйствъ его насветшое милости нехъ зостава вечна честь и хвала, за которого презренемъ и я, Федоръ Евлашевскій, уродилемсе отъ выше номенненыхъ родичовъ моихъ въ Ляховичахъ, въ року отъ нароженя сына Божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, въ неделю ночи пришлое, около полуночи, а давно ми име ведля свята руского, которое было на онъ часъ въ понедѣлокъ, мѣсеца февраля 8 дня, а у римляновъ положено естъ мѣсеца марца 2 дня—Теодора, гетмана отъ Лициниуша замучоного. А яко меломъ ведомость отъ родичовъ, же въ рокъ по уроженю моемъ, промовилемъ до отца моего ,,абба", зъ чого се они урадовали; але я намней потомъ не мовилъ, ажъ въ полъчварта року отъ нарожиня моего почаломъ мовить, а въ пятомъ року почато мне бавити наукою рускою, кгдыжъ въ тыхъ часехъ въ той

нашей стороне не было еще иншихъ наукъ, и для того пришло ми зостати зъ рускою наукою; я по жидовскый написати умелемъ, але тое письмо ихъ потребуе умеетности языка ебрайскаго, або хоть немецкого, кгдыжъ вже теперъ библия жидовская немецкимъ езыкомъ, а литерами ихъ выдана, чогобъ полскимъ езыкомъ учинити бы се не могло для ортокграфеи, якей въ иншихъ языкахъ не машъ. А потомъ удавши се на службу, трафяли ми се таки паны, которые ме оборачали до браня поборовъ и чиненя личбъ, порозумевши на то зъ натуры способного: и панъ Богъ былъ завше зо мною.

А потомъ, за наступленемъ и поднесенемъ войны отъ короля его милости Жикгимонта Августа зъ кнеземъ Иваномъ московскимъ, року 1564 мѣсеца генваря 27 (*билемъ въ битвѣ*) на Иванымъ полю надъ рекою Улою, а потомъ—то и до вприкреня были ми частые язды на тые войны: а яко оттеразъ упатрую, мало потребные, бовемъ же и речи посполитой пожитку не веле те войны приносили, а мне паметне зостали для утерпеня великихъ пригодъ, трудностей, шкодъ и невыповеденыхъ невчасовъ. Самому пану Богу хвала, же ме зо всихъ ихъ выбавять, а праве на некоторыхъ местцахъ чудовне охранять рачилъ, давши ми праве у вшиткихъ людей вдячность, ласку и учинность надъ надее мое, а неприятелей, которые некгды зъ задрости повставали и головы свои подносити хотели, значными припадками зъ света зглажаючи, жемъ тою праве толко ласкою Божою не толко убезпеченый, але и розпѣщоный будучи, никгдымъ се ку оборонѣ отъ неприятелей моихъ не готовалъ, анимъ се за слова ихъ бралъ, очекиваючи власне помсты Божой, котра тежъ никгды не омешкала, а некгды и ве мне самымъ ажъ плачъ и велике порушене въ духу чинила, уважаючи такъ вшехмоцного и великого Бога незапаметане мне, межи незличоными людомъ, яко робачка малого, и непожаловане тратити можнейшихъ надъ мене ку обороне моей.

Року *1565* мешкалемъ въ месте Виленскомъ, выбираючи поборъ, названный покгловный, гдемъ мелъ великую втеху, слухаючи слова Божого ве зборе хрестиянскомъ за министровъ вчоныхъ: Вендрокгорского и Костеницкого, а противнымъ зась обычаемъ зналемъ великую

ласку мужа годного памети, кнезя Яна Маковецкого, архидиякона варшавского, кустоша и каноника виленского, писаря въ скарбе короля его милости, который ме барзей въ те то личбы вправилъ и доброго ме пожитку пабавилъ и веля людямъ въ знаемость подалъ и залецилъ; бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила найменейшой разности прятельской, для чого самого тамтотъ векъ золотымъ ми се видилъ отъ нинейшого веку, кгде южъ и межи одной веры людьми облуда все заступила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре захowане, а навенцей межи свецкими станы. Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, кгды дисейший папежъ Клеменсъ еще кардиналомъ былъ у короля его милости Стефана въ Вилне, седилемъ у столу кнезя Бартломея Недызвицкого, каноника виленского, зъ преднейшыми слугами (влохами) его, тые же се кгды доведели, жемъ евангеликъ, дивовались барзо, яко ме смелъ кнезь каноникъ на обѣдъ свой взывати, а кгды имъ онъ преложилъ, же въ насъ зъ того жадна ненависть не была и милуемосе яко зъ добрыми приятелы, хвалили то влохи, мовечи, же ту Богъ живе, а ганили свои домовы права а родины несмаски. О Богъ бы то далъ, абы и теразъ ласкавше веки наступить могли, жебы хрестияне, преложоного и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, въ лепшимъ поштанованю мели, а одъ него, яко отъ отца мудрого и ласкового зношони и милованы были, прикладомъ отца домового, который сыновъ своихъ, и розныхъ отъ себе и отъ другой братіи въ обычаяхъ, зносити умелъ.

1566 року, въ осени, поветре кгвалтовне въ месте Виленскомъ было; мешкалемъ подъ нимъ не мало, бачечи тамъ доктора Сепреза и иншихъ каноником и людей разныхъ, которе тежъ въ тимъ поветрю живо зостали были, а маючи отъ помененого доктора пересторогу, межи иншими речами, абымъ се переляkнення варовалъ, кгдыжъ се и покусы въ поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебымъ шедлъ противъ тому безпечно и до броне се мелъ, то мело згинути; и такъ я, южъ будучи въ собе постановеный, едучи зъ Вилна до дому, мяновите въ Дорогове, въ стодоле ночуючи, обачилемъ южъ на свитаню въ избе огнистого человѣка,

до которого гдымъ се порвалъ, онъ тежъ до мне выступовалъ и, эшедши се середъ избы, порвалемъ зъ запалемъ пожъ и ударилемъ панъ, а онъ, зникнувши, зновъ се былъ въ тымъ же куте указалъ и зпову до мне шелъ; а я шапку рутилемъ нань и окно отворилемъ; южъ малый день былъ, а то згинуло; а тамъ въ избе былъ господарь зъ жоною и пахолокъ подорожный, але того не слышели; потомъ балемъ се ехать до дому, розумеючи, жемъ се заповетрилъ, и тыжъ тамъ умыслилемъ былъ бавить се длужей, до чого се тежъ и причина налезла; згинула ми была ручница коротка зъ олстремъ зъ воза моего въ стодоле, о которой выведане копнымъ обычаемъ чинилемъ, а вшиткимъ впродь то видене мое поведалемъ. Обачили потымъ ручничку мою надъ возомъ въ самомъ верху завешану, ажъ драбину зъ веси принесши, знято ю. Затымъ невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кгдымъ ей мовилъ о томъ виденю, же се бою, если бымъ кгдо не заповетрилъ се, бовемъ и въ Новокгродку было повєтре, она ми рече: „не бой се! не поветре,!" але, указавши недалеко свой домекъ, „зъ окна, поведила, виделамъ завше, яко лятавець приходитъ до той ту невесты господарской". И такъ, за ее отухою, ехалемъ до дому, где за ласкою Божою зе вшиткимъ здоровымъ былемъ. Одножъ потомъ во три чверти року припадать ми почало въ спаню за якимъ колвекъ злякненемъ душене прикре барзо; и меновали докторове ту хоробу инкубусомъ и лечено ме на то на розныхъ местцахъ, але хоть южъ не такъ часто, яко зъ перву было, однакоже презъ увесь животъ мой почувалемъ я въ собе той припадокъ.

Тогожъ року 1565 на перше роки земске были ве всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаиле; а Новогородски, за заповетренемъ места Новокгродского, въ Ляховичахъ сужоны были; а старостою на онъ часъ былъ ляховицкимъ панъ Володимиръ Семеновичъ Заболоцкий, зацного дому человекъ зъ Москвы.

Року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московские, то есть на имя: Федоръ Ивановичъ Колычовъ, наместникъ суздалскій, человековъ зъ нимъ 728, а коней 922; Григорій Ивановичъ Накгой, дво-

рецкий, людей зъ нимъ 269. а коней 384; Василій Яковлевичъ Щолкановъ, дьякъ або писарь, людей зъ нимъ 228, а коней 332. Сума всихъ людей 1,225, а коней 1,638; зъ которыми о спокою ницъ се не постановило. Тое же осени король, его милость, былъ зъ войскомъ въ шику подъ Радошковичами.

Року 1568 по сойме Кгродненскомъ и по зезде воинскомъ ехалъ король, его милость, до Люблина для скончения унеи; откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовецы, бачечи веле речей собе противныхъ, отехали были зъ Люблина; вnaкже по великой ночи презъ универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесеными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня, А предтымъ еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны присужоны и списами прилучоны были, не за разъ, але зъ особна по одной земли отъ Литвы урываючи, яко свитчать привилия имъ даные: въ Подляскомъ найперша дата, албо спадней одерване—марта пятого; за тымъ у Волынской земли двадцать шостого дня мая, а Киевска земля и далей затримана была, ажъ ей привилей выдано шостого дня чирвца въ ономъ же року 1569.

Року 1570 былъ съемъ у Варшаве, але се розехали безъ констытуцией за незгодою, а подъ тымъ часомъ послы были у московского. а меновите съ Полски: панъ Янъ зъ Борчина Кротоский, воевода иновлодславский, и панъ Рафалъ Лещинский зъ Лешна, староста радеевский, а зъ Литвы: панъ Миколай Тальвишъ, каштелянъ минский, а панъ Андрей Ивановичъ, писарь короля его милости; которые князю великому московскому Ивану Васильевичу о доконченю унее нашое ознаймили и примере на три лета принесли. Смеялсе московский на ознаймене унеи, мовечи: „дивномъ я то видалъ, Ляхи и Литва королевские“.

Того року трохамъ былъ до дому се зъ Варшавы звротилъ въ лете и знову зъ початку осени ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ тамъ презъ вшитку осень..... спысковалемъ въ потребахъ короля его милости, хоть ми послуга мерзила.

Пріехалемъ до дому остатнего дня грудня въ року 1570, где заставши пана отця и панію матку у вечери, заразъ не моглемъ доседеть у столу: припала ми срога горячка, бовемъ въ дорозе мелемъ при собе хорыхъ людей и заповетрилемсе отъ нихъ еще у Венкгрови, а потымъ, жемъ презъ тыйдень ехалъ не подаючи се, ажъ южъ гвалтовне мя въ дому зломало, и то была дивна справа Божа, же мя въ дорозе уфолкговать рачилъ. Лежалемъ въ той хоробе семъ недель и отпадывалемъ, або въ рецыдыве входилемъ, трикрать, даючи причины на то зъ пеобачепя моего, яко въ молодомъ веку моемъ. Ледвемъ се выбилъ и оздравляти почалъ подъ месопусты въ року 1571.

Въ томъ року 1571, по велякой почи, ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ при дворе; ажъ липца 17 схалемъ былъ до дому и, приехавши до местечка што се зове Добрымъ, захоралемъ на горючку и казалемъ се везты ажъ до Брянска, маючи тамъ доброго человека, кгосподаря Яна Манзика, гдемъ долежалъ выпоцепя и скончепя той хоробы; а пани матка моя, не ведаючи о мне, гдемъ былъ и што се зо мною деяло, але сердцемъ материнскимъ чуючи то, велце се зфрасовала и здорове собе попсовала, звлаща, по первыхъ хоробахъ моихъ и фрасункахъ своихъ значне здоровя урвала; и за приеханемъ моимъ до дому але по первимъ привитаню жалосный билемъ, розумеючи о ей недолгомъ животе: якожъ потомъ въ марцу пришломъ живота доконала.

А я еще осени той мусилемъ Варшаву наведити, кгдышъ тамъ король, его милость, Августъ мешкалъ а мне потребы короля, его милости, правние ку отправованю злецоны были.

На початку року 1572 былемъ забавеный потребами его милости пана Миколая Криштофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Олыце и Несвижу, а теразнейшого пана воеводы троцкого, которыхъ потребъ, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили надъ инше справы якогось пана Шахна, земянина его княжеской милости зъ маетности Сверженской, который задарши се зъ паномъ Миколаемъ Служкою, старостичемъ крычовскимъ, суседомъ той-же маетности Сверженской, дывне штуки вырежалъ и паны

затруднилъ, ажъ добре се его милость панъ маршалокъ (звлаща яко въ молодымъ веку самъ) доведивши се, зъ паномъ Служкою до поровнаня прията елского пришолъ и пану Шахнови за добре не мелъ. Отъ тыхъ часовъ завшемъ служилъ въ потребахъ его княжеской милости пана воеводы нинейшого троцкого, хоть потымъ не завше притомне, однакже правдиве и пилне ажъ до той старости моей, въ которой то, а мяновите въ року панскомъ 1603 пишу и деткомъ своимъ раду мою зоставую, абы се при мне и по мне его княжеской милости и деткомъ и домови его княжеской милости прикладомъ моимъ служить се не вымовляли. Въ томъ року 1572 дня 8 февруарія сполнило ми се отъ нароженя моего летъ 26, а семый двадцатый насталъ.

Въ тымъ-же року нещасливого месеца марца второго дня въ неделе предеднемъ умерла намилшая матка моя Феодора зъ великимъ жалемъ пана отца нашого и насъ, детей ихъ милыхъ; которой тело пристойною учтивостю поховано въ Ляховичехъ въ церкви руской.

А ту се за смертю пани матки моей розерване мыслей моихъ стало вторе: были ехать до Угоръ и до Турціи, зведати иные краины далеке, научить се ремеслъ розныхъ, кгдыжемъ былъ жалосный.

За смертю пана отца моего детокъ хованье и опатрованье, албо опека детокъ ихъ, братей и сестеръ моихъ, на мя припадши, въ тыхъ кутехъ света мне затримали.

Того-жъ року былъ соемъ валный у Варшаве, але король, его милость, Августъ южъ былъ хорый, протожъ се ничого не постановило. Былъ и чаушъ отъ турка; слухали го панове радные; на местцу королевскомъ арцыбискупъ Якубъ Уханский седилъ. Мовилъ турчинъ, слуга чаушовъ, за его указованемъ турецкимъ по латине, которому признавано, же добре мовилъ; а при отправеню чинилъ му респонсъ панъ канцлеръ Валентый Дембинский по полску. И татаринъ нашъ наготованный хтелъ му толмачити, але чаушъ не казалъ, поведаючи, же самъ розумитъ по полску; указовано то отъ многихъ людей, же се турконе въ Парыжу французкомъ пилне латины учатъ, а бодай не перенеслы се до нихъ науки, яко се переношали первей отъ народовъ тыхъ до другихъ, што теперъ, яко слышемы о великихъ наукъ розмно-

жено въ панствахъ турецкихъ, хоть тежъ и воля християнъ, туркамъ прилеглыхъ, въ языку се ихъ турецкомъ закохали; а што ведеть, ку чому то за часомъ своимъ панъ Богъ привести будетъ рачилъ?

Подъ тыжъ-же часомъ король, его милость фримаркомъ за Свислочъ пустилъ Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на онъ часъ старосте жмудскому, и взялъ е его милость 12 дня червца въ томъ року 1572; того тежъ дня человекъ зацный, подле Ляховичъ мешкаючий, Федоръ Юрыга, умеръ; ямъ былъ у Варшаве при дворе, где тежъ повѣтре морове значне се показовало. Король не хотелъ было выехати, ажъ дворяне на замку мреть почали: померли пахолята Былицкій и Копарскій, а червца 19 умеръ князь Массальскій, въ ласце на онъ часъ королевской будучий, тедыжъ король его милость, улекнувши се, далъ се вывезти на ночь до Пракги за реку Виелу; и такъ далей проважоно короля у возе великомъ, на то заготованомъ зъ блоками, а въ нимъ ложко зъ королемъ лежачимъ висело. Приехано зъ нимъ такъ до Кнышина 28 червца, а я еще въ дорозе впалъ въ тежкую горючку и казаломъ се вести до Кнышина, кгдемъ се ледве зъ тое горючки выходилъ. Умеръ король, его милость, Августъ въ понеделокъ липца 7 дня, годины третей зъ полудня, которого смерти, яко се тамъ сподевано, не таено, але заразъ всимъ обявлено 8 дня липца; въ шаты королевские убрано 9 липца; еще безъ труны на столе при стене всимъ людемъ, кто хотелъ видети тело королевское, указано; 10 липца до труны тело вложоно; а за тоюжъ смертю короля его милости и хоробою моею зостали листы мое неподписаны, которые мне король, его милость, на маетности дание написати былъ казати рачилъ, што се великому нещастю моему причитати мусить.

За тымъ зъезды въ Полше и въ Литве бывали. Послы цесарские и отъ иншихъ пановъ приездили; отъ турка се пилно выстерегали; немней розерваня зъ Литвою обавяли се, абы се Литва зъ московскимъ не порозумела; и протожъ были отъ поляковъ въ Кгродне панъ воевода подолский и панъ каменецкий, кгдо се о згодной елекцыей намовили (опускаю то, яко ведаючи достаточне

то отъ инших выписано). Въ томъ-же року 1572, видечи я пана отца моего осиротелого и велце для смерти малжонки своей жалосного, радячисе и намовляючи се зъ нимъ, зрозумилемъ, жебы позволилъ на якимъ владычестве живота докопать; доводивши се о ваканцыей владычества пинского, чинилемъ всяке старане, не жалуючи працъ, накладовъ и розныхъ практикъ, кгдыжъ то все для добродея отца моего милого былъ повиненъ; але кгды ми до накладовъ пенезей не стало, былемъ такъ нещастный, жемъ се ту около Ляховичъ у людей тыхъ, которымъ емъ се часто въ потребахъ ихъ згожалъ, на узычене пенезй способити не моглъ; ажъ о которомъ мней надеи мелемъ, панъ Андрей Ждановичъ Доровскій, и по смерти му добре слово зоставую, же ме пенезми былъ поратовалъ, жемъ то владычество пинское пану отцеви отрималъ; на которе въ року 1573 стычня 15 дня въ Новгородку отъ митрополиты Попы Протасевича посвецоный былъ; до Пинска приехалъ на столицу свою 26 стычня въ понеделокъ. Зъ тыхъ всихъ речей нехай буде на веки самому пану Богу честь и хвала. Аминь.

А такъ, зъ Пинска се отправивши, початомъ се старати о отыскане въ Турове, где князь Константынъ, воевода кіевскій, боронилъ, для чого знову переездовъ, накладовъ не мало быти мусело; былемъ въ Турове у княжати, и зоставилъ ме еще на обетницы, и такъ долго зволокъ, ажъ въ Кракове на коронацией короля Генриковой року 1574, кгдымъ му послужилъ до отысканя имоней Острога и инших, презъ пана Лаского, воеводу спрацкого, королеви Августови заведеныхъ, тожъ былъ въ Туровъ пану отцу моему поступити казалъ. Тамже рковмо, поуспокоивши се, панъ отецъ мой былъ на той зацной столицы владычества пинского въ веякомъ людкомъ поважению, доброй славе и оздобе, але не долго, бо въ року 1574, будучи въ Турове, впалъ у фебру и зъ полрока въ ней бывши, умеръ въ Пинску, року 1575 дня 9 марца въ середу ранючко, где потомъ и тело его поховано въ церкви святое Пречистое, а на мене припало ховане детокъ и плачене не мало долговъ его. Але панъ Богъ мой не опускалъ ме и въ тыхъ речахъ, розумови моему трудныхъ, але ме значне ратовалъ и зе вшехъ ихъ

выбавити рачилъ; нехай буде зе вшехъ добродествъ своихъ Панъ Богъ похваленъ на веки. Аминь.

Въ томъ тежъ року умеръ въ Ляховичахъ сынъ пана виленского, панъ Ярошъ, маючи около летъ 15, а въ той молодости своей былъ мудрости и розторопности великой. Умеръ тежъ панъ Андрей Грегоровичъ Ходкевичъ, подстолий великого князства литовского, велице добротливый и рыцарскій панъ, которому мено было дати въ малженство воеводянку виленскую Радивиловну, але се то тою смертнею пана подстолего розервало: и выличилъ небощикъ панъ виленский, же то южъ была за его ведомостью одинаста пара людей зъ дому ихъ Ходкевичовского, приходечи до споввиноваценя зъ домомъ Радивиловскимъ, розервана.

Року того-жъ въ маю зъехвши се панове и рыцерство до Стенжицы, конклюдовавши Генрика короля болше южъ не чекати, до елекцыей нового пана приступили и змешкавши тамъ три неделе, розсхали се, въ розерваню ничого не справивши. Ехалемъ за позволенемъ пана моего до Острова, у Люблина местечка будочого, мелемъ справу тамъ зъ шляхтою Казновскими отъ ихъ братовое, церкви годного памети мужа Стефана мостовничого, отца суседовъ моихъ, пановъ Вадошинскихъ. А, едучи до Бреста, предъ Полюбичами былемъ въ великомъ страху отъ грому, же муселисмы подъ частыми срокгими перунами, значне межи нами спадаючими, ехати мили зъ полтретей, не маючи, где зостановити се; потомъ, приехавши до дому, былемъ у того-то пана мостовничого, а мяновите лицца 24, оъ недѣлю, а межи иншими розмовами припоминалемъ тотъ страхъ громовый, якосмы се натерпели; онъ на то поведилъ, же му еще молодому въ Кракове отъ якогось перевжучого кгвяздара практыковано, же мелъ мети смерть отъ грому въ року живота его шестдесятымъ, а яко-бы му южъ зъ ласки Божей лятъ шестдесятъ минуло; и такъ се покгласкалъ по бороде; за чимъ на сердцу моемъ стало ми го барзо жаль, и пытамъ; если се боитъ, кгды му се трафятъ быти подъ громомъ? реклъ ми на то: же не дбаетъ пикгды, ежели где потреба была зъ душнымъ збавенемъ.. А по тыхъ розмовахъ и розеханю нашомъ въ десети дняхъ, мяновите серпня 4 дня,

въ четворгъ, того пана мостовничого громъ забилъ въ полю, подъ сосною, подъ которою былъ, для дощу подехавши, станулъ.

Въ той-же осени былъ панъ виленский зъ войскомъ у Лифлянтехъ; зобравши се, взелъ Борку. А ямъ былъ на Волыню, у Олыце. А (къ) воли пану Стефану Лозце, маршалку мозырскому, былемъ зъ нимъ у Бабине, у шляхетного мужа, пана Андрея Бабинского и змовилисмы за него сестру пана Лозчину, панну Томилу, въ томъ року 1575 месеца паздерника 21 дни.

Року 1575 мисяца лютого оского дня сполнило се мне летъ тридцать и насталъ рокъ 31. Воды въ томъ року на весне гвалтовные были, и трафяло ми се быти, кгды бронено вырваня у млына ляховецкого, названого Нового, где Янушъ млынаръ сталъ на крайней балце, отбияючи пешною кригу ледовую, а за нимъ два хлопы древномъ великимъ зъ мосту тлукли тежъ ледъ и упустили тотъ паль, который, выпадши имъ зъ рукъ, ударилъ Януша млынаря въ тылъ головы; а онъ упалъ въ ставъ до воды, а наразъ презъ упустъ пренесеный на долъ у глубину великую и не рыхло зъ ней указалъ се, несеный далеко водою, а пешне предъ се мелъ въ рукахъ своихъ; ажъ такъ и вышелъ зъ воды и надъ надею всихъ насъ, людий тамъ будучихъ, живъ зосталъ, бо не можна му было жадного ратунку дати.

Лета того отъ неякогось Пацкевича Степана и Михайла Зверева москвитина и отъ иншихъ непріятелей моихъ, щастю моему, хоть малому, предъ се заздрощающихъ, мелемъ немалые фрасунки, зъ которыхъ ме самъ толко Панъ Богъ, хвалы вечное кгодный, вызволилъ. Въ томъ-же року вересня 11 дня былемъ на комисей въ Менску, межи княземъ Соломирецкимъ и местомъ Менскимъ; была бурда велика тамъ и также Панъ Богъ оборонилъ.

Паздерника 5 выехалемъ зъ дому до Туруня и вступовалемъ до Белой, где была справа велика его милости пану Радзивилу зъ опекунами Тетерскаго о имене Свержино; отътудъ на Варшаву ехалемъ и былемъ въ Туруню 23 того месеца паздерника; тамъ былъ южъ Стефанъ король, яко 15 дня того месеца приехалъ и сеймовалъ, а цесарь Максимилиянъ 12 дня паздерника умеръ. На сейме тымъ, кромъ

о Кгданщанахъ намовъ ничого не справивши, пожегнали послове короля его милость 2 декембря. Ямъ не мало справъ судовыхъ мелъ предъ королемъ его милостю и щастило ми се за ласкою Божою.

Позналемъ се тежъ зъ королемъ Стефаномъ и его венкграми, которыхъ найчастей панове до себе на обеды прошивали; и я помню: Заичди Янушъ, Барити Юригай, Нодохъ Петеръ, Батори Петеръ, Бурномиса Янушъ, Кенды Петеръ, Верфевичъ Мартинъ, Полякъ Мигай, кухмистръ Крачокъ, а пахолята: Ференцый и Асемерый.

Тамъ-же въ Туруню привиталемъ новый рокъ 1577, а въ нимъ приехалемъ до дому въ неделю дня 13, месеца стычня; а уклопотаный вже будучи працами и волокитами уставычными, уважаючи тежъ волю и росказане Бога всемогучого, уступилемъ въ томъ року 1577 месеца февраля десятого дня въ малженство светое зъ теперешною малжонкою моею, Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича зъ Руси; которыхъ то Болотовъ продокъ, человекъ значный, еще за короля Казимира зъ Москвы былъ приехалъ, на имя Антоній Болото; и былъ славнымъ мужомъ и потомки его презъ часъ немалый; а другие зъ нихъ, розродивши се, розно се розышли и подъ панами некоторыми оселости боярские побравши, яко то ве Шклове и инде, мешкаютъ. Въ маетности смы се зъ обу сторонъ ровной зпесли были, але, зъ блогословенства Божого, была намъ семйа спора и помнажаючалсе надъ працу и надею нашу; мелемъ зъ нее добру жону; не уприкрылы ми се для ней дни живота моего; была бовемъ у пригодахъ и хоробахъ серца мужского, цноты великой, пыха и злие мысли спать у ней никгды до серца не наступовали, ку убогимъ, хорымъ и засмученымъ людямъ упреймого милосердія, же и въ ночи, спати не могучи, о таковыхъ ратунку мыслила и старане чинила; а хоть у вере руской трывала, але такъ бачне и не упорне, же то намнейшей позгоды не указовало и люди видеть того не могли, тымъ-же болшей, смотречи на наше спокойное, тихое и веселое помешкане, въ заздрость впадаючи, мовами своими фальшивыми насъ щипали и розними способы иншими; а наконецъ и чарами прешкодити то усиловали, але Панъ Богъ, который ме насл̆ъ одного самого, не опустилъ ме и зъ тою малжонкою моею и не подавалъ насъ на волю неприятелей нашихъ, але, ихъ

самыхъ розными плякгами дотыкаючи, яко отъ скалы отъ насъ отпалыхъ и завстыжоныхъ зоставовалъ, а насъ, зъ ласки своей, въ деточки помнажалъ; якожъ напродъ ку великой потешности далъ намъ первородного сына Яроша, а потымъ иншие сыны и цорки, же по нинешный рокъ 1604, яко се то пише, сполнило се сыновъ 9, а цорокъ пять, зъ которыхъ южъ мамы Яроша, сына намъ милого, жонатого, а цорку нашу Раину въ малженстве за паномъ Яномъ Грескимъ выданую, о чомъ будетъ на потымъ на местцу своемъ ширей.

Въ томъ року бавилемъ се въ дому его милости пана виленского, а начастей въ Ляховичахъ мешкалъ. Подъ тымъ-же часомъ въ маетности бискупства виленского у Недведичахъ былъ урядникомъ панъ Василій Рогачовскій, человекъ мудрый и великого захованя у людей. Мелъ малжонку у себе Токачовну, невесту барзо добрую; ово не ведотъ зъ чого впалъ въ меланхолию, о всемъ собе зле тушачи, наконецъ о ласце у князя Валеряна, бискупа, пана своего, и товаришовъ; а бискупъ онъ цнотливый миловалъ его яко сына и товариши не были му незычливими; которого, яко на ме велце ласкавого розными способы отводилемъ отъ того и поднялемъ се былъ ехать зъ нимъ до Вилна для опатреня здоровя его; а, зрозумевши по нимъ, же мыслилъ о учинене якой смерти собе, бо ме просилъ за женою и церкою своею, ознаймилемъ малжонце и некоторымъ слугамъ его; якожъ они покрыли были желѣза и ручницы, але въ понеделокъ святочный въ тымъ року, мая 27, кгды се люди при полудню розешли, замкнувши се самъ одинъ, ручникомъ се въ избе (повесилъ). Стало се то зъ великимъ страхомъ людцкимъ, и самъ его милость панъ виленский, услышавши то въ Ляховичахъ, былъ дивно стрывожоный и веле на то мовилъ, конклѣдуючи; „же не ведаютъ люди, не ведаютъ, що естъ шатанъ!“ а потомъ за его-жъ милости помочю выпровадилемъ зъ Медведичъ до себе въ домъ малжонку и цорку небожчиковску и поховалисмы тело его въ Ляховичахъ у старой церкве, а пани, змешкавши при мне и жоне моей въ дому моемъ шесть недель, отехала въ поветъ минский и шла была замужъ за пана Макаровича. Я, жемъ се былъ барзей престрашилъ, бовемъ першого-жъ дня, звлаща въ ночи, былемъ тамъ у паней Рогачевской, и знову

въ Ляховичахъ, мелемъ се не добре ве спаню, а летавцамъ што начастсй виделъ, не толко въ ночи, але и ве дне, же и иншие люди, при мне будучи, видели; мне тежъ не дивъ было: надивнейший припадокъ, о которомъ въ року 1566 писалемъ.

Того-жъ лета король, его милость, Стефанъ подъ Кгданскомъ зъ войскомъ былъ, а московский Иванъ у Лифлянтехъ замковъ веле побралъ и позаседалъ; тамже зъ подъ Кгданска зъ обозу принесено ми листы короля, его милости, на мостовничество пинское и сервецкое, по небожчику пану Стефане вакуючое.

Въ месецы лютымъ указала се была комета велика на зимнымъ восходе сонца и была часъ не малый.

Року 1578 его милость панъ Ходкевичъ, панъ виленский, самъ зъ войскомъ ехалъ до Лифлянтъ, барзо хорый, а мене на съемъ до Варшави выправилъ въ пилныхъ справахъ своихъ и княжати Корецкого, пришлого зятя своего; который съемъ зачатый былъ стычня 20 дня; маршалковалъ межи послами нашъ литвинъ—князь Лукашъ Болько Свирский. На тотъ съемъ привезено Подкову и дано его заразъ за стражъ гайдукомъ, потымъ и пута нань вложоно надъ надее его, кгдыжъ му ласку королевску обецовано; тогъ-жъ потымъ лета пришлого ве Львове, къ воли туркови, стяти дано. На томъже сейме былъ у Варшаве княже Ерый Фрыдерыкъ зъ Аншпахъ, маркграбя бранденбурский зъ малжонкою своею, вырежалъ му король Стефанъ и королева велику учтивость и банкетъ великий ве дне и въ ноцы зъ танцами чинено; и выправилъ собе опеку надъ княжатемъ прускимъ, але му потомъ княжна малжонка его умерла; шидзоно при дворе, же се порушила танцемъ, припоминано то тожъ, же нешкодене (sic) былъ его милость панъ Замойский, канцлеръ, отъ того Аншпаха, яко и отъ Кгданщанъ, а то щасте вшистко праве заразомъ зъ ласкою королевскою ему было припало.

Въ томъ-же року по святахъ въ Новгородку, подъ роками земскими, запаливши се въ ночи отъ стодолы пана Андрея Ивановича, писара короля его милости, згорело домовъ 12. Въ тежъ часы умеръ панъ Александеръ Ходкевичъ, староста городенскый, панъ барзо добрый; погребъ былъ тела его у Супрасли 31 дня августа отправеный.

О светомъ Михале былемъ при его милости у Городне, маючи великие справы передъ судомъ земскимъ.

Того року 1578, 22 октобра побито отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два (пробѣлъ въ подлинникѣ) и арматы немало побрано (пробѣлъ въ подлинникѣ).

Року того-жъ 1578 въ листопаде дня 9, въ день неделный, умеръ княже его милость Юрей Слуцкий, презъ великие богатства и скарбы собраные славный панъ.

Року 1579 о трохъ кролехъ былемъ у Городномъ маючи потребы немалые. Въ лютымъ засе 23 дня умерла побожна пани Маковецка Анна зъ Синевицъ. Въ маю тожъ 3 дня въ неделе былемъ при великимъ жалю и фрасунку у пана Ивана Баки у Осташине, имепю его, где му умерла малжонка Александра княжна Крошинская. Человекъ то былъ невыповедяной доброти, пани шляхетна, бокгобойна, уроды цекной, але покоры болшой якъ веры, же отъ пана Бога и людий всихъ была милована; пророковалемъ на серцу моимъ, же не молъ мети такой другой: якожъ взялъ потомъ тетку ее, котора первей была за Турчановскимъ и Подаровскимъ, Татяну Скуминовну, далеко южъ розну отъ той першой, хоть сестреницы ей, надеръ скупую, котора до зобраня пенезей ему помогла, але отъ датку па зборъ новокгродский и учинки милосерные звыкло отвела, бо за небожчицу першую и мне былъ кони зе три далъ, а за той ни козлятка, а еще ме и великой шкоды набавилъ: напервей по забитю сына моего Яна при Бруханскомъ преставалъ, а потомъ, за отданемъ отъ велможного пана Александра Ходкевича маетности Добромышльское сынови моему Ярошови, былъ заздростю затопеный, штрафуючи о то зацного пана и шацуючи ту маетность на пятнадцать тисячей злотыхъ: затымъ одервалъ въ Деревной себе до живота влекъ оселыхъ зъ рудникомъ и млыномъ пять, а суми прибавилъ за выкупно у себе-жъ надъ 14 сотъ копъ грошей—еще шесть сотъ копъ грошей: нехъ му то тогда Панъ въ онъ день справедливый Судя (отдасть).

Того-жъ року 1579, августа 4, у второкъ, годины 18, въ месте виленскомъ умеръ онъ великий панъ, а монархамъ справами своими ровный, Янъ Ходкевичъ, панъ виленский, староста жмудский, зъ вел-

кою жалостю люду посполитого; которого потомъ 13 октобра погребъ отправено на замку виленскомъ, въ костеле святого Станислава. Королъ его милость Стефанъ въ те часы былъ зъ войскомъ подъ Полоцкомъ и добыто Полоцка 30 дня августа.

Потомъ въ декабры былъ съемъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету новгородского послами были, и працовалисмы, пишучи трибуналъ; якожъ увесь написаный и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ констытуцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый. Была тамъ у Варшаве ей мость пани виленская, стараючи се о вечность маетности Свислоцкой.

Докончилъ се тотъ сеймъ 9 стычня року 1580, а въ тыдень потомъ было веселе на замку; отдавалъ панъ канцлеръ Замойский сестру свою за пана Дялынского.

Тамъ-же у Варшаве року 1580 стычня 18 згорело на предзамчу 60 домовъ; гайдуки и венкгрове незле бронили, лечь неподлей и рабовали, што се трафило, а король его милость былъ убралсе по великой осторожности, бовемъ то въ ночи было.

Въ року 1580, месеца кветня 23, въ субботу, на пробжддe короля его милости Стефана у Вилни, замовивши се его милость панъ Криштофъ Радивилъ, панъ троцкий, гетманъ великий зъ паномъ Володимеромъ Заболоцкимъ, москвитиномъ, якобы Володымиръ не хотелъ му шапки зняти, пришли потомъ до словъ злыхъ зъ обудву сторонъ: здрады и отметки; кгды се мовилъ панъ троцкий на Володымира, теды Володымиръ мовилъ: „самесь такий". Зачимъ, образивши се панъ троцкий, ехалъ до пана воеводы виленского, отца своего, который, выслухавши скаркги о той припадокъ, такъ му рекъ: „не помстишь ли му се того, теды и я о тебе такъ розуметь буду, яко то онъ назвалъ". Той ночи намней панъ троцкий не спалъ, фрасуючи се на Володимира, и сталъ за брамою Завилейскою въ дворе своемъ, прозванномъ Довойновскомъ, где до его милости зъехали се ротмистрове и жолнере великое множество; а Володымиръ сталъ у мещанина Полгрошка, которого дахъ припущоный былъ зъ дахъ каменницы Авкгуштына, войта виленского; зъ котороe-жъ то

каменицы и даху войтовского коморники пана троцкого вшедши подъ дахъ Полкгрошковъ и прекопавшись въ песку на избе, видели Володымера и што се зъ нимъ дело, яко потомъ ездилъ до пановъ сенаторовъ, просечи о поеднане пана троцкого, але же се было спознило, обецали му се были на ютро. Потомъ въ господе своей ходилъ до лазней, о чимъ всемъ давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючи се: „каже ли? тоды могутъ его зъ пулгаку забити“. Але его милость не казалъ, и такъ въ тыхъ пересылкахъ ночь зошла, а рано, въ неделю 24 кветня, ведечи панъ троцкий о всемъ, же се Володимиръ готовалъ до церкви светое Пречистое, заехалъ зъ улицы и брамы Завилейской ку костелови св. Духа, где велкость людей пешихъ въ кляшторе была, а езди въ улицы; и перепустивши Володимира за фортку, одни зъ стороны, а другие зъ великихъ воротъ и зъ той улички указали се, предъ которыми шолъ пехотою (пробѣлъ въ рукописи). Кгорецкий, маючи свой гневъ на Володымира, тотъ споткавши се кинулъ Володымерови камнемъ до перси, а Володымиръ добылъ шаблицы, которую носилъ зъ правой руки и левою се рукою боронилъ потужно. Москва, его слуги, поутекали, окроме Путила званого москвитина; тото се самотреть зъ литвинами двема зостановилъ, але отъ велкости людей поранени заразъ были, а Володымиръ, ку одной строне подъ муры складаючи се, уступовалъ; тамже его тотъ-же Кгорецкий кордомъ подъ правое перси перепхнулъ, же южъ безъ мовы ве двухъ годинахъ умеръ.

Та весть кгды короля Стефана на замку, еще не убраного, дошла, дивне се былъ стревожилъ, же не рыхло до убираня пришолъ, ходечи по покою, ляментуючи, ажъ подканцлерый коронный, князь Боруховский, приехавши, гамовалъ его, розважаючи тотъ нещастный припадокъ: ведаю, же и самъ панъ троцкий не хотелъ его забити, одно выбити, але се то иначей стало за власною васнею Кгорецкого, же Володымиръ, зоставши старостою трабскимъ, приворочалъ его подъ свою владзу зъ якимсь именьемъ его, которе предъ тымъ въ присуде тымъ трабскомъ было; ехалъ былъ заразъ потымъ панъ троцкий до короля, але король, выславши къ нему того-жъ кнезя подканцлерого, воротилъ его и до собе ити не казалъ былъ; потомъ самъ панъ воевода

виленский у короля былъ, отмовляючи сына свого и заступаючи, же то онъ казалъ, здаючи здорове свое на волю и ласку его королевской милости.

Не мало се то такъ терло. Сенаторове короля его милости усмиряли, ажъ 11 дня мая въ середу допустилъ король его милость пану троцкому въ себе быти, застановивши, абы намней Володымира не упоминалъ; и седилъ король на предпокою, а мы люде, не ведаючи того, тиснелисмысе, хотечи слышеть рацыю обмову пана троцкого, который, пришедши, просилъ короля, абы не мелъ за зле, же презъ тотъ часъ зъ некоторыхъ нещасныхъ припадковъ своихъ у его королевской милости не бывалъ, надто ничого болшей не мовечи; шелъ король на покой, а сенаторове, допровадивши его, заразъ зъ паномъ троцкимъ розехалисе.

По тымъ на першомъ сейме, зъ ведомости королевское, сестра Володымирова, котора зъ Полоцка зъ мужомъ была взята, позвала была пана троцкого; тамъ также самъ панъ воевода виленский пана троцкого заступовалъ. А маючи вшитокъ сенатъ по себе, короля ублагалъ и сестре Влодымеровой щось пенезми далъ. На онъ часъ, при забитю Володымира, король, въ тымъ своемъ запаленый гневе, написалъ былъ цедулу рукою своею: кто былъ Володымиръ, яко летъ двадцать чтыри стравилъ, на дворехъ королей венгерского и полского се мужественно завше въ речахъ рыцерскихъ поступуючи, а того дня у спикненю и збунтованю людскомъ згинулъ; и хтелъ то мети на хоругви надъ гробомъ его.

Ямъ былъ добре ведомъ Володымира: и не учинилъ того онъ зъ пыхи якой, не чапкуючи пану троцкому, але зъ меланколией своей великой, же, едучи, самъ зъ собою мовилъ, мыслилъ и частокротъ, на споткааню зъ паны, миялъ ихъ, запомнявши, се, хоть кто другий чапкованемъ почастилъ, то ажъ напомненый отъ слугъ, волалъ за нимъ, для Бога просячи, абы не мелъ за зле.

Въ тежъ часы былъ у короля въ Вилни гонецъ московский, стараючи се о вызволене вязней и о примире.

Року того-жъ 1580 червця пятого дня, дворяне королевские, зослани во Трокахъ, поймали и, приведше до Вилна Григора Остика,

дали до везеня пану маршалкови, которого потомъ, неякихъ намовъ и порозуменя его зъ Москвою досвятчивши, дано его стяти 18 дня того-жъ мисяца червца въ месте виленскомъ предъ костеломъ святояпскимъ. А король того вечора выехалъ былъ на войну, и былъ потомъ подъ Луками.

Въ Слуцку на тотъ часъ были 4 докторы: сандомерский Бартолянъ, краковский Мартинъ, Фоскосъ любелский, Лаврендышъ слуцкий, старый и добрый; тамъ се веле пановъ, пань и розного стану людей на лекарство зъехали, и якому Панъ Богъ здравилъ, оправовали се. Року того-жъ 1580 вресня 5 король его милость подъ московскимъ Луки взялъ былъ и людъ подъ мечь дано было, яко упорный, который замокъ потомъ за примиремъ верненъ московскому. Въ тежъ часы панъ Филонъ [1]), убезпечоный презъ фалшивые шпекги зъ невеликимъ людомъ припалъ былъ до Смоленска, а тамъ великое войско было московское, же ажъ той-же ночи Филонъ уходилъ; людей нашихъ сила погипуло; тамъ-же суседа моего Михайла Зверова, москвитина, поймано и обвешоно; былъ ми то велкимъ неприятелемъ, пане Боже отпусть му! Въ томъ-же року былъ король его милость, змовляючи се о потужности пришлое войны. Року 1581 генваря 20 въ пятницу жона моя мила, Ганна Болотовна, уродила мне сына Иохима тужъ преде днемъ, а на цаломъ зегару годины 14. Тотъ на сесь часъ, вже тому три роки, ве Влошехъ у княжати Мантуанского. Пане Боже му благославь!

Въ месецу червцу Москва, невидоме въ руски земли вторгнувши, огнемъ и мечемъ и забранемъ великие шкоды починила.

Того лета и весны, въ року 1581 король Стефанъ былъ подъ Псковомъ гдемъ ижъ презъ хоробы мое не былъ, слухаю радъ иншихъ, которие, ведоми будучи, о томъ выписали. Бородичъ панъ Иванъ, повинный мой, едучи зъ подъ Пскова, умеръ въ дорозе кгрудня 22 дня, а похванъ у Кгравжишкахъ.

Року 1582, названого отъ мене нещасливого зъ певныхъ причинъ, же ми въ нимъ марца 22 умеръ милый и единый же у мене рожо-

---

1) Филонъ Кмита, назначенъ былъ Баторіемъ комендантомъ Великихъ Лукъ (Hejdensztejn, II, 44).

ный братъ мой Иванъ въ месте виленскимъ, и то дошла ме та ведомость презъ злую дорогу, ажъ за тыйдень; презъ который тыйдень, будучи я въ дому моимъ, яко у тридцяти миляхъ отъ Вилна, тескнилемъ барзо, жаловалемъ и мовилемъ до жоны моей, же запевно ми братъ умеръ; такъ то серца людзкие чують зъ далека припадки детокъ и милыхъ приятелей своихъ. А про тожъ ездилемъ до Вилна и далемъ тело его поховати, водле порученя его, у светое Тройцы, церкви руской; зажилемъ жалю надъ обычай и злое дороги, а, едучи назадъ, ледвосми вси не потонули на Немне реце подъ Ивемъ. Ямъ былъ зъ гостемъ якимсь одинъ тамъ приехалъ, и южъ се зъ нами промъ починалъ былъ на нурте заливати, и такъ, напоминаючи перевозниковъ, абысе не лякали (бо южъ были шосты порутили, мовечи, же гинемъ), а горечо Пану Богу се молечи, переехали; а после слуги, зъ возомъ моимъ и зо всими конми едучи, на томъ-же местцу тонули, кони зпыхали, а тымъ болшей лодки заливали, же вси дошчки вода знесла, а возъ передними колы завесилъ се въ лоди, котора на гору шла, а другая се лодь у воду занурыла; люде перевозные и слуги мое были въ лоди, а инши, побравши се конемъ за огоны, не ведали, што се зъ ними дее, ино кони шли тежъ за лодею внизъ, куды вода несла, ажъ е потомъ на берегъ, гдемъ и я былъ, принело межи лозы, и тамъ се ратовали; ово толко, задумавши се дивнымъ чудомъ Божіимъ, хвалилемъ насветшое имя Его. Потомъ сентабра 23 отдалемъ сестру мою панну Зофею за пана Щасного Самсоновского. Месеца паздерника 21, въ неделю, умеръ зацный и богобойный мужъ Иванъ Третякъ, приятель дому нашого, а по немъ декабра 10 умерла добрая приятелька моя, пани Твиклинская Дорота Кграбовская, а самъ по ней на велканоцъ умеръ року 1583.

Року 1583 подъ кгромницу зима се постановила моцно по первшихъ неуставичностяхъ; мелемъ на тотъ часъ у себе великимъ приятелемъ старосту ляховицкого, пана Симона Шлятковского, которому дня 21 лютого жона, Сулимянка, умерла зъ великимъ жалемъ веля людей, а за нею въ томъ-же року новембра 18 и самъ Шлятковский умеръ, человекъ презъ великую доброту свою вечнои годный памети.

Въ томъ року 1583 пани виленская въ повете Новгородскомъ мешкала, а я зъ роковъ на другие роки уставичне и въ розные поветы: до Новгородка, Минска, Слонима и Волковыска ездити муселемъ; а въ посте муселемъ у Вилни и знову о святкахъ также бытн для справъ задворныхъ, которыхъ се намножило было, мандатовъ всихъ было 17; розмышлялемъ въ собе, яко за живота пана виленского и одинъ позовъ по него не былъ, але се теперъ нагороцило: приятели не дбали на оное захованя давное, кождый своего щастя смотря, а Ходкевича жадного въ раде королевской не было, а на конецъ и (пробѣлъ въ рукописи) ветуй Пане Боже на потымъ.

Року 1584 февраля 5 оженилъ се былъ панъ Мартинъ Окунь зъ панною Боянецкою. А на заутре оженилъ се панъ Янъ Монвижъ зъ панною Мложавъскою; отправовала си веселя пани виленская въ Ляховичахъ зъ великимъ достаткомъ. Въ марцумъ мелъ справъ панскихъ сила у Вилни предъ королемъ, и въ речахъ королевскихъ пилновалемъ, и взывано ме на инстыгаторство.

Въ томъ року пани виленская мела затрудненe немалое зъ Матфеемъ Волкомъ, который, маючи еще отъ самого пана его милости фолваркъ ляховецкий Павлюковский у пети сотъ копахъ грошей, справилъ былъ собе другий листъ неправдивый на другую такую-жъ суму пенезей, для чого ажъ сама ездить до права мусила и очевисто перве у земства, а потомъ и у гроду фалшь задавала; потомъ онъ того листу отступилъ и то ажъ въ пришломъ року. Въ томъ року 1584 августа 28 уродилъ ми се сынъ мой Лаврынъ.

Року 1585 зима была барзо тепла; быдло на поли бывало и волы тучоно. Панъ Кгзовскій старый въ лютымъ паралижомъ рушоный, а 8 марца умеръ. Мая 26 перунъ замокъ на Мыши запалилъ, который барзо прудко згорелъ; тогожъ дня, а подобно въ одной године, ударилъ перунъ въ дворе моемъ у сырницу и голубинецъ, але не запалилъ и не забилъ ничого: дитя тужъ было и голубята въ голубницу.

Року тогожъ месеца новембра 3 жона моя сына Мартина уродила въ ночи на 8 годинe.

Року 1586, будучи мне у писара ляховецкого, Федора Зенкевича, на чти, у другихъ зваде, а за мои розважаня, ранено мне въ руку левую и не ведилемъ отъ кого, а то было стычня 19 дня; а кгосподарь былъ целый; предъ се потомъ врыхле 23 лютого умеръ зъ горючки: веку мелъ летъ 36, человекъ былъ и мой приятель добрый. Потомъ въ марцу былемъ въ Вилни для потребы Кгославского и ездилемъ до Ковна; тамъ же мя, марца 5 дня, ночуючи у Рынконтахъ, разбойницы мало были не забили, але, за ласкою Божою, виленцовъ обозъ немалый въ тужъ стодолу наехали, а разбойницы поутекали, а кгосподарь, якийсь тежъ пецпота, вымавлялъ се, же што мелъ чинити, кгдыжъ на ночь збере се не мало и, што хотять, то чинять. Самому Пану Богу хвала за его оборону! Таже, до Вилни звротивши се, далемъ былъ пенезей Кгославскому на имене его Скубятовское; первъ заставою, а потомъ и на вѣчность купилемъ.

Король, его милость, мешкалъ того лета въ Городне, отпочиваючи отъ першихъ працъ своихъ: южъ се тежъ часомъ капелюшемъ и рукавицами не мерзилъ, зъ чого Венкгрове сперва шидили; бавилъ се тежъ выездчанемъ на поле зъ мысливствомъ. Мне того лета пришло въ него и по два кротъ въ потребахъ пани виленское и детокъ пана моего быть, якожъ менoвите липца 24 меломъ предъ королемъ справу зъ Тарановскимъ безносымъ, который, по змове зъ иншими жолнерами, якото хорый, на то выставеный былъ, розумеючи, же у короля въ место ялмужной мелъ отрымати презыскъ на добрахъ панскихъ за заслуженное свое, за чимъ бы своихъ долговъ вси дойти могли; позвалъ былъ паню виленскую и детки о три тысечи золотыхъ и кгдымъ указалъ истоты королевские и его самого, яко веле у скарбе славное памети пану виленскому и жолнеромъ винно, а потомъ указалемъ протестацыю соймову, же се заплаты упомнено, и яко се змовили жолнери, и яку бы то шкоду детямъ пана моего принесло, тоды, по одступеню моимъ (якомъ потымъ отъ пановъ ведалъ) въ такъ ясней речи вагалъ се король долго, если (то) отложить, якомъ я просилъ, до заплаты тыхъ сумъ зъ скарбу королевского, чили заразъ присудить на добрахъ панскихъ; въ чомъ отъ пановъ радъ, а менoвите: пана Воловича, пана виленского, пана

Глебовича, воеводы троцкого, пана Льва Сапеги, канцлера, пана Войны, подканцлерого, спартый будучи, такъ позволилъ, мовечи: же конечне бымъ я те заслужоне тому жолнерови на добрахъ пана виленского присудилъ, бо не указано зъ тыхъ протестацый сеймовыхъ, же се упоминано заплаты именемъ своимъ и всихъ жолнеровъ. И такъ намъ отложоно до заплаты зъ скарбу, ведля истотъ королевскихъ. Ведае то Богъ, когды то будетъ. Тамъ же въ Городне на тотъ часъ, июля 12, умеръ панъ Михалъ Гарабурда, впадши въ горючку пятидневную; не могли докторове Буцеля и Сымони уратовати и трема днями предъ его смертю ознамили королеви, и уряды его были назначоны и упрошоны иншимъ.

Въ томъ же року, окрутного кгрудня месеца 12 дня, тотъ славный и велце зацный панъ и монарха великий, король, его милость, Стефанъ Баторый умеръ на замку городенскомъ въ милыхъ палацахъ своихъ, отъ него збудованыхъ. Шкода, королю, жось по великихъ працахъ, до которыхесь се былъ зъ молодости приучилъ, и те летъ килка въ Городномъ се у отпочиваню твоимъ забавилъ! А моимъ зданемъ, гдыбысь звыклой працы уживалъ, еще бысь былъ далей потрвалъ; але певней ведалъ то панъ Богъ, чому такъ, а не иначей мети хотелъ.

Року 1587 стычня 9 снило ми се, о чимъ я не мыслилъ, жемъ былъ въ месте влоскимъ Мантуи, виделъ княжей Мантуи положене замку, места, водъ, мостовъ мурованыхъ. А кгдымъ то оповедалъ пану Андреєви Скорулскому, который тамъ бывалъ, поведилъ, же есть положене власне тако, якъ ми снило. То снать презентовало ехане намъ сына моего милого Явхима, который въ року 1575 еще поехалъ, и по той часъ тамъ мешка. Марца 16 уродила жона моя першу цорку Раину.

Тогожъ року 1587, по смерти короля его милости Стефана, ходилъ тотъ рокъ елекцыями, бо порознивши се у обраню пана, едни чекали и привабили были Максымилияна, сына и брата цесарского, а инши, которые зезволили были на Жикгмонта, короля шведского, чекали его. тежъ, и затымъ была имъ битва въ Бычине, въ року 1588, стычня 19 дня; по перграню стороны Максымилияновои, и

самъ былъ взятый, и не мало пановъ полскихъ, которые зъ нимъ переставали.

А Жикгмонтъ, короля шведского сынъ, за приеханемъ своимъ былъ заразъ коронованый, еще первей въ року прошлымъ, 1587 декабря 26 дня.

Року 1588, стычня 28 дня. Жикгмонтъ третый, король полский, на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ. Въ томъ року 1588 былемъ зъ паномъ Одаховскимъ ве Шклове и въ Копыси недель зъ осмъ. А пани виленская для лекарствъ была у Люблине, а кгды се ей на здоровю не поправовало, ехала была до дому, и едучи на дорозе, въ месточку въ Козимъ Рынку умерла 3 дня кветня. А 21 червца погребъ ей отправено у Гнезне въ костеле евангелицкомъ мурованомъ.

Въ томъ же року липца 30 жона моя родила цорку другую; дано ей имя Галшка.

Року 1589 на нове лето у насъ ту, въ повете новокгродскомъ, мужъ былъ барзо добрый Альбрехтъ Кавечинский; отдалъ разомъ на. однымъ веселю три цорки све замужъ; который, сыновъ не маючи, одно цорекъ шесть, не фрасовалъ се намней о то, и еще зознавалъ, же такъ му лепей; а то снать чинилъ зъ побожности своеи, же волю свою подбиялъ подъ волю Божу. А гды му се такъ трафило отдати замужъ разомъ три цорки, люди посполитые практыковали не долго быть малженству такъ одного дня отданыхъ; якожъ потомъ врыхле умеръ му старший зять Москалницкий, а въ року 1603 померли два: Вировский и Высоцкий. Ово не логце потреба важити и голосу людского, ведля оней приповястки. „воксъ попули — воксъ Деи", бовемъ о вере оного человека жаденъ вонтпити не може. Былъ и въ томъ пробатусъ, и того се онъ противъ той людской практыце, ему певне ведомой, важилъ се зъ зупелности веры свей, же се ведля практыки той не могло стати ничого такого.

Року 1589 стычня 28 дня панъ Александеръ Ходкевичъ короля Жикгмонта третого у Гродне перший то кроть привиталъ, также королевую тетку его и сестру его королевну ихъ милость; мевалъ въ себе сенаторовъ изъ двору королевского завше на учтахъ.

Потомъ была его милости справа, 31 стычня, о аренде мытъ старыхъ литевскихъ, также о аренде зъ маетности Бирштанское и иншихъ; меновано того на 50 тысячей копъ литовскихъ и указовано на то истоты пана небожчика, а въ насъ намвейшей квитацыей не было. Ямъ въ той справе мовилъ яко налепей,—панъ Богъ здарить рачилъ,—болшей се спускаючи на ласку его королевское милости, а указуючи веле заслуги пана его милости и иншие правные причины. А были при его королевской милости сенаторове: князь Барановский, бискупъ, панъ Дорогостайский, воевода полоцкий, панъ подляшский, панъ Сапега, канцлеръ; были вшитцы ихъ милости намъ зычливи, такъ, же декретомъ король его милость, даруючи то, отпустить и зъ того квитовати казать рачилъ. Тогожъ дня кнеже Семенъ Слуцкий короля виталъ предъ покоемъ зъ орацыею наготованою, а, якомъ ведялъ, отъ его милости, пана Миколая Крыштофа Радивила, воеводы троцкого, написаною; мелъ при собе зе двадесять особъ ланцужно, але у пана Александра было тежъ насъ также веле, а вшитко старие слуги, сивцовъ болшей, въ жалобѣ по паней виленской, теды король и пани болшей очи до насъ обрацали и королеви указовано, же то вшитко слуги небожчика пана виленского, отца его; ажъ намъ мило было того щастя заживати, бо и панъ, и мы вшитцы зналисьмы велику милость отъ вшиткихъ людей.

Отъ своихъ приятелей горей-сми мели, бо, приехавши зъ того щастя, за якусь опеку поеднал панъ Александеръ пана Волского осмънастусотъ кенъ грошей, а при немъ и Кумолки (весь коштовна отъ Гнезна) за якимсь то змышленымъ правомъ зостали, а пановъ троцкихъ трима тысечами и шестю сотъ копъ грошей. Такъ-то дети пана моего въ долги заводити почато. Потомъ поедвалъ князя Семена Слуцкого за неякую весь Хоромцы, отъ небожчика проданую, а на то права не мелъ очищати; описалъ се былъ за то заплатити дви тысячи злотыхъ; отдано тежъ потомъ сестру ихъ милости, панну Зофею, за пана Дорогостайского, року 1590 септембра 23, у Вилни, и то быти мусело зъ великимъ коштомъ ихъ.

Въ той осени, року 1590 были поветра морове на розныхъ местцахъ и въ Новгородку срогое было. Октобря 31, року 1590

умеръ суседъ и приятель мой, человекъ барзо добрый (беатусъ виръ), панъ Валентый Чарковский.

Року 1591 панъ Александеръ Ходкевичъ посылалъ по всихъ маетностяхъ отчизныхъ, напоминаючи урядниковъ, абы границы упевняли и зъ суседы безъ укривдженя ихъ становили. Самъ въ Мышской маетности выездчалъ, где бояроде Мышцы Бутримкове зашли были кгрунтъ Верещачинъ и, напрацовавши се тамъ самъ немало, потомъ вземше мене и старшого Бутримка, на стороне отехавши, выпыталъ вшиткой правды, ижъ то они зашли и новы тесы на дереве простымъ трибомъ положили, а старую тамъ ближей до Мыши указовали. А такъ, зрозумевши, заразъ судямъ правду ознаймилъ, а старою границою отъ рогу граници Островское и Добромышльское вести тымже Бутримкамъ, а хлопомъ заразъ копцы за собою копать казалъ, кгдыжъ се на то границе обоя сторона зъгодили; обнесло то его въ похвалу веля людей.

Року 1592 яко зъ осени, такъ и отъ нового лета не докучали зимна и снеговъ не было, и была то зима праве безснежна; колами вси ездили. Панъ Александеръ былъ на сеймику трибуналскомъ и не хотелъ се подняти на трибуналъ, а мне Григорей Униховский зазрялъ, такъ, же Жабка зъ Бутушевичомъ обраны были. Марца 9 кнеже Янъ Симеонъ Слуцкий умеръ; чирвца 30 умеръ тежъ панъ Каспаръ Керсновский, подсудокъ новгородский у Городей, маетности своей, положивши се на приполудню спати.

16 серпня панъ Янъ Кароль Ходкевичъ ехалъ еще до чужихъ землей, а панъ Александеръ до Варшавы на сеймъ посломъ ехалъ.

Року 1592, вресня 1, во второкъ, на соймику въ Цырине обрано на елекцией подсудковской на тотъ урядъ чтырохъ, то есть: Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подоровского и мене, изъ ласки Пана Бога всемогучого, который, яко хощетъ, керуе серцами королевъ и вшихъ людей ведля воли своей становитъ, отдано то подсудковство мне и привилей мне на то принесено до дому безъ великого старания моего, 28 дня тогожъ месаца вресня.

И виконалемъ присягу на тотъ урядъ мой на рокахъ Трехкролевыхъ стычня 6 дня року 1593.

Панъ Миколай Тлуховский, слуга еще небожчика пана, завше мне велику призязнь обецовалъ и утвержалъ то рукоданемъ, а никгды ницъ у пановъ молодыхъ не допомогъ, же мое речи шли нещасливе; потомъ дошедлемъ, же Иванъ Кречетовский, неприятель мой, запомнялый доброхотствъ моихъ, которыемъ еще отцу его Хоме, казнодею Клецкому, и матери его, кеды ю жиды клецкие были въ долгахъ взяли, показовалъ, и его, отъ продаваня дровъ въ Ляховичахъ голца вземши, до пани виленское залетилъ и при собе до права способилъ и приучати се праву казалъ, змовивше се зъ тымъ Тлуховскимъ, не тылько мне, але и пановъ въ ихъ справахъ ошуковали, а собе наганяли. Тлуховский маетность коштовну на Руси, названую Селцо, забралъ, а Кречетовский Малковичи, Конюхи, Мазурковщизну; што все мне было отъ пана не толко обецано, але и листы подавано, которыхъ потомъ панъ Янъ Кароль Ходкевичъ зъ ихъ направы подписовать и скончить не хотелъ. А такъ, кгды се готовано на веселе пана Жалинского зъ панною виленскою Галшкою и Тлуховскому дойзрети поручоно, нападла го хороба дворска, указуючи се на голове и на чоле; чого онъ, хотечи безъ издебки збыть, казалъ жидови балверови мазати собе те кгузики шарою мастию, но замкнувши се, звлаще зиме; и такъ ездилъ былъ зъ Ляховичъ до Гнезней, а звротивши се до Ляховичъ дня 15 стычня, року 1593, казалъ еще лепей намазати; а въ тымъ, кгды та масть серца допадла, тогожъ дня вечоръ знагла умеръ. Сполнила се на нимъ та приповесть: „зрадливе серце само се поразитъ“; не ижъ бымъ се помъсты Божий, надъ неприятелями моими выконаной, радовати мелъ, але тымъ зтвержамъ се у вере моей, же маю Бога правдивого и всемогучого, боронячого мене отъ всихъ неприятелей моихъ.

Року 1593 король, его милость, выехалъ зъ Варшавы до Кгданска и Швеции 23 серпня.

Въ томъ же року паздерника дня 15 умерла зацна и богобойна пани конюшина, Зофея Александровна Ходкевичовна Корицка.

Року 1594 мая 8, въ пятокъ, припала хмара сродзе зимна, спустила снегъ великий и лежалъ три дни; померзло отъ той хмары и зимна и ветру гвалтовного сила людей, по трою индей вешолъ, а немогли собе помочи. Птатства по гнездахъ самемъ виделъ барзо веле поздыханыхъ; страхъ былъ и подъ дахомъ седячи.

Троха передъ тымъ, мая 1, отдалемъ Ярошa сына до пана Яна Кароля Ходкевича; жичу му зъ паномъ его вшелякого блогословенства Божого.

Року 1595 о трехъ короляхъ роки-смы судили земскии новгродскии.

Въ томъ року 1595 Налевайко козакъ, собравши войско козаковъ, первей се указовалъ на Подолю, у Волошехъ, куснлъ се былъ и о турецкие земли, потомъ, ворочаючи се до Полши, сплендровалъ маетности пана Калиновского, мстечи се за обешене некгдысь отца его Наливайкового, и еще спать отъ отца Калиновского. Тымъ южъ заюшоный, шелъ до Луцка, въ ямарокъ праве, где бискупъ зъ преднейшими шляхтою выехавши, упоминалъ и одналъ го за местомъ, и купцы зложили килка тысячи злотыхъ, а не могло быти безъ збытковъ и шкодъ; отътудъ, южъ лепей заюшоный, удалъ се на Полесе, ажъ до Петриковичъ, южъ такъ своволне все починаючи и въ коло обсылаючи, подарки собе давати заказуючи; якожъ и давано, одно зъ Слуцка помешкано было, и прудкожъ убегъ (въ) Слуцкъ новембра 6 дня и былъ тамъ немало; заварли се были на замку зъ двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича; а панъ виленский, воевода новгородский, панъ Скуминъ и инши паны и шляхта зъехали се до Клецка; не ведили, што почать, услышавши, же се у замокъ слуцкий добыли южъ. Въ тымъ послалъ былъ Наливайко полковника Мартинка (о которомъ веле трымалъ, якожъ и былъ человѣкъ серца великого) до Копыля зъ пятисотъ козаковъ, который, зъ пригоды тамъ потрафивши гайдуковъ пана воеводы виленского, которые, впадши до млына и испусту подъ местомъ, боронили пройстя до места и такъ справне козаковъ настреляли и Мартинка забили, же сила ихъ на пляцу, а инше, назадъ се цофнувши, по дорозе и хрустохъ зоставили, а инши, постреленными южъ будучи, въ огонь скакали

и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо ихъ мало до Слуцка воротило. Наливайко, стревоженый тымъ нещастемъ и розумеючи, же за тымъ зъ Клецка зобрани панове кусити се мели о него у Слуцку, заразъ, яко тыхъ въ Копылю бито новембра 25, а онъ третого дня, новембра 27, зъ вечора, выбравши се зъ Слуцка, до Омговичъ знову ку Полесю вытегнулъ и потомъ кгрудня 13 Могилева моцю добылъ, места и замку, сплендровалъ и попалилъ; панове за нимъ выправили Буйвида, человека памети годного, давши слугъ своихъ, а панъ виленский своего двору двесте коней, зъ которыми, яко розныхъ пановъ слугами, розумѣ самъ указуе яко было Буйвидови трудно, же, за непослушенствомъ ихъ, ничого годного почати не могъ, толко зазябывши се, здорове стратилъ и у небачныхъ людей на славе шванковати муселъ; тамже згинулъ Оникей Унихoвский, человекъ серца доброго и великого захованя. Наливайко ходилъ потомъ надъ рекою Днепромъ въ низъ, ажъ потомъ, порвавши се зъ Рогачова за якимись практыками, припадалъ знова до Петриковичъ; поветы збегали се до купы и спрудка потомъ зъехали се новокгродскии въ Копылю, где былъ его княжеска милость панъ Миколай Криштофъ Радивилъ, воевода троцкій, напродъ вшиткихъ приехавши въ килку сотъ человека, и тымъ вымогъ, же се иншн спешили до его милости; за тымъ приехалъ панъ воевода новокгродский и иншие панове и шиковали се въ полю року 1596 дня 15 лютого; было людей о три тысечи готовыхъ.

Ажъ мило было; давно южъ войска не видевши, панъ воевода се троцкий зе справованя людми вымовялъ и здавалъ то пану воеводе новгородскому; але, южъ никому не уймуючи, признавамъ, же досыть се деяло порядкови пристойному; панъ воевода виленский зъ поветомъ минскимъ приехалъ до Шацка; тамже и наши зъ Копыля ехали, а Наливайко зъ Петриковичъ, бывши въ Турове и въ Городку болшей, удалъ се до Высоцка и на Волынь. Лобода тежъ, отвративши се отъ Шацка, шолъ тамже Киевщиною ку Наливайкови.

Року 1602 южъ у насъ въ Новгородку роки звыклие земские поменяны были на сейме прошломъ презъ послы наше: пана Зенко-

вича и пана Подаровского, котории, по тымъ сойме зъехавши се на роки нове Громничние, зъ собою се не згодили; и вымовялъ се панъ Подаровский, же о той отмене и замешаню, радней нижъ поправе роковъ, не ведалъ, хоть то по нѣкоторыхъ сеймикахъ упоминано было, подалъ на сойме, абы въ насъ во всемъ панстве роки на розныи, а не одны часы, звычаемъ полскимъ, постановены были (въ нашомъ повете о томъ знать жадного чоловека не была воля, але и помышлене не было). Панъ Василий Зенковичъ зналъ се, же се о то старалъ и пана Подаровского втегалъ, жебы и онъ на то призволилъ, але се онъ никгды до того не зналъ. И такъ на тыхъ злыхъ, въ серцахъ людскихъ розерваныхъ рокахъ будучи я отъ пана судии, тогожъ то пана Зенкевича напомненый, а не зезволяючи зъ множествомъ людей на зламане тыхъ (то) роковъ, при немъ приставши, судилихъ мы е; не ушедлемъ помсты Божей, же ми на тыхъ рокохъ, въ лютымъ кисяцы, 16 дня, въ суботу, забилъ сына моего Яна, второго по Ярошу, першимъ сыне моемъ, незбожный Олбрыхтъ Бруханский, зъ помочю Корсака, швакгра своего, тамъ же на месте въ Новогродку, о чемъ кгды мне, на судехъ седячему, ведомость дошла, просилемъ вшиткихъ, абы тамъ въ рынокъ зо мною пошли, где панъ судя зъ ласки своей продковалъ, мне держати казалъ, а иншимъ тело, южъ забыте, сына мого, на сани взявши, на урядъ, а потомъ до господы моей отпровадить казалъ. А внотъ потымъ, кгды се доведилъ, же того забитя сына моего была найветша причина тотъ Корсакъ, сестренецъ его, рушила го кревнссть, а отрожоно зъ духа по новокрещенству або давно не было, або на тотъ часъ утекло отъ него прочь. Послалъ до мене, абыхъ слалъ за тыми, которы ехали въ погонку за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку не стало, а ямъ не толко не слалъ никого, але ани ведилъ о ничиемъ еханю и о свето: живлимъ былъ, або не? А на заютръ въ неделю, маючи въ собе Выровского, Лоховского, Богушевича и иншихъ, приводилъ ме, абы зъ нимъ на судехъ заседалъ; видяло ми се, жемъ тамъ былъ на онъ часъ не межи людми, але Каинами, и про то, чогомъ не радъ мовилъ, мусилемъ речи: если розумити не хотять моей пригоды, абы ихъ то

самыхъ поткало. Потомъ въ понеделокъ, гдымъ се южъ мелъ зъ места зъ теломъ провадити, подалъ ми панъ судя, жебы не вадило постати въ рынку зъ теломъ, а Лицыниушъ жебы тамъ премове учинилъ. Яжъ теды, яко дите отъ жыдовъ (яко поведаютъ) звабеный и сподеваючи се, же мы улгу жалю Лицыниушъ, яко человекъ учоный, справитъ якими утешпими мови, казалемъ се застановити въ месте. Але же той Лицыниушъ, ставше подле пана судии, взялъ аркгументъ зъ Соломона о своволнымъ млоденцу и также каралъ сына моего, въ гробе южъ будучого; я, видечи, же вшитко спросьно калемъ и похлебствомъ смердело, казалемъ далей ехать, бо другого сына моего мелъ южъ у себе отъ килку летъ въ науце и твиченю своимъ, а бодай негоршого выховалъ; нехъ имъ Панъ одда, справедливый судя, бовемъ зъ тымъ нещестемъ моимъ вшитки облудные приятеле мое, машкары свои ухиливши, незбожние твары свои указали и ядовите злости свои явней вылевати почали. Не заспалъ южъ ихъ великий Панъ Богъ мой, оборонца мой, не вонтплю о Его святой ласце и зъ иншими, же мне скутечну справедливость и екзекуцыю учинити рачитъ.

И такъ плачливе зъ тыхъ незбожне укнованыхъ роковъ звротивши се, поховалемъ тело того забитого милого Яна, сына моего, въ каплицы моей мурованой, дня 21 лютого. А въ тымъ тежъ часе вышолъ день урожения моего 21 лютого, который обсервовалемъ друкгды (sic) зъ радостию, а теразъ зъ плачемъ и зъ великою жалостию, зъ чого всего нехъ будетъ похвалено име Пана Бога всемогущаго.

Зъ той такъ великой жалости моей о смерти, а тымъ барзей же забитю сына моего, немней тежъ зъ оказаня облудниковъ, которы мне часъ немалый (за приятелей се и великихъ и верныхъ удаваючи) лудили, пофрасованый, впалемъ у велику, а до лечнованя не ведетъ яку хоробу: напродъ марца 6 дня обумарлемъ безъ вшелякой причины на полторы годины и, пришедши къ собе, былемъ мдлый, ажъ повторе марца 14, рано обумарши, о собе-мъ не веделъ, а тогожъ дня, у вечоръ обумарши, былемъ въ зафиценю шесть годинъ зегаровыхъ; потомъ ве дняхъ кветневыхъ, приходечи къ собе, ехалемъ былъ до Новгородка для роковъ марковскихъ кветня 23 дня, и на дорозе у Валсивце трохамъ былъ зомлелъ и затымъ, вже приехавши до Новгородка, не

заседалемъ на судахъ; обраный на место мое, панъ Григорей Немира, присегу на ти роки учинивше, отправовалъ ихъ. Въ маю зась на рочкахъ кгродскихъ была справа намъ о забите Яна, сына моего, зъ Бруханскимъ и зъ сынами его и пошла была на иншп речи, а у другихъ речахъ до трибуналу, а потомъ, на рочкахъ липцовыхъ, въ небытности моей, презъ Ярошa, сына моего, заварта была угода зъ Бруханскими, водля который потымъ предъ судомъ трибупалскимъ, 13 месеца вересня, Бруханский самъ и сынове его зъ цедулъ перепрашали мене и сыновъ моихъ и иншемъ имъ поотпущалъ, але ижъ не ставилъ отецъ Олбрыхта, самъ за него, ведле опису своего, на рокъ зуполный на везепе заселъ въ замку новгородскомъ и въ томъ похибивши листу своего, што мелъ засести въ дому замковымъ, по левой руце стоячимъ, то онъ по тойже левой руце, еще предъ домомъ тымъ давнымъ замковымъ, збудовалъ избе собе самъ и въ той заселъ былъ. А я се не користуючи въ томъ его седеню, а самъ тамъ за хоробою моею ехать не могучи, посылалемъ зъ листы моими: первей зашитый, абы ехалъ зъ того грунта. Онъ до мне отписалъ, абыхъ му послалъ на то листъ отвороный; ямъ и такий листъ ему посылалъ презъ зятя его Мокштыцкого и презъ Косаковского, до которыхъ, яко они справу давали, такъ отповеделъ: „не ведаю, чому ме подсудокъ зтуде выправуе, вшакъ торазъ зима; также и дома въ избе седю, также медъ пию, яко и дома, и тажъ жона зо мною спитъ, што и дома". И такъ погоржони приятеле вротили се изъ тое учинности моей, и я потомъ отъ него жадногомъ сказаня и словечка не мелъ, ажъ послышалемъ, же умеръ тамъ въ томъ мешканю своимъ, а праве знагла. Были дивние голосы и мнеманя людцкие о той смерти его; я замилчывамъ, яко неведомый въ тымъ ничого певнаго.

Року 1603 одъ стычня 21 сеймъ великий зачиналъ се у Кракове для заповетреня у Варшаве, а въ насъ ту у Новгородку, роки земские громничные сужоно. Але дня 20 лютого пригода стала се и бурда пану Зенковичу, судии нашому, зъ неякимъ Лякгеницкимъ, жолнеромъ зъ роты князя Порецкаго, зачимъ се и рота южъ отъ Здетеля у пять миляхъ до насъ была воротила и роковъ намъ досудити не дала, жесмы се безъ часу розехати мусели.

Креатия 9 дня панъ Самуилъ Воловичъ оженилъ се. Наша Ходкевичовна, Гальшка, по Каменскомъ вдовою зостала.

О Марку св. хворалемъ и не моглемъ быть на рокахъ обраный; на мое местце Марко Полонскій, присегу учинивши, на одны тии роки отправовалъ.

Мая 8, на день Вступеня Панского, сынова моя Ярошова уродила сына, которогомъ я былъ, ведля дня того, Станиславомъ мяновалъ, але прозвалъ го Яномъ. Было дите надъ подобенство детей вшиткихъ ростороппе, а зпало, яко въ килка летъ, вшитко чудно и росло прудко. Потомъ умерло 7 кгрудня зъ великою жалостю въ дому моемъ. Чирвца зась 29 мелюмъ ласки Божие веселе въ дому моимъ; за Яна Грушовского отдалемъ цорку мою Раину. Пане Боже и добродею мой, рачъ имъ благословити!

Въ томъ року 1603 меломъ трое писане отъ милого сына моего Иохима, яко того лета зъ паномъ своимъ, княжатемъ Мантуанскимъ, былъ въ Неаполи; моремъ тамъ ездилъ, яку тамъ велику учтивость неаполчицы указовали княжати, немней яко великому монарше. Былъ тамъ княже для лекарствъ. Мой зась сынъ, хоть тамъ иншихъ зъ моря мыто брало, здоровый былъ, а потымъ во вресню, впадши въ дивне фебры, 23 дня мало не умеръ. А ямъ ту дома, тогожъ 23 вресня зле сны о нимъ виделъ и написалемъ былъ въ минуцыяхъ тогорочныхъ, утешивши се, же было то въ першый кварталъ месеца; ажъ зъ писаня его тотъ же день 23 обачивши, дивовалемъ се чудомъ и справомъ Божимъ, хвалечи светое име Его.

Далей въ томъ року 1603 не было въ моей ведомости, штобы писаня годно было, одно то, же панъ Янъ Кароль Ходкевичъ вжо то другий рокъ въ Лифлянтехъ зъ войскомъ мешка, завезши тамъ паню малжонку и сына Яроша малого. Дерпту, ажъ го праве знуждивши, ркомо презъ трактатъ досталъ, замочки околичне побралъ и волости, подъ Ревель и Нарву уставичне узгоны чинилъ такъ безпечне, яко передъ тымъ зъ чворнасобъ болшимъ войскомъ такой безпечности не уживано. Пане Боже му благослови!

Не слышалемъ я болше речей щасливыхъ того року, але жалосныхъ, а наперве поветря морового у Вилне, и у насъ ту, въ Новго-

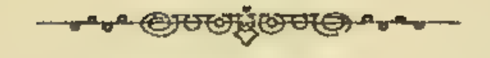
родку, въ месте и въ повете добремъ ведомъ; зештя тожъ зъ света людей зацныхъ гурмомъ праве въ однымъ томъ року которие порядкомъ тимъ личу:

Въ лютымъ 13 дня подъ Дерптомъ забито мужа годного памети, человека значне рыцерского, кнезя Дмитра, брата Полубенского.

13 марцу 12 дня умеръ панъ Михаилъ Фронцкевичъ, подкоморый полоцкий. Тогоже марца 20 дня умеръ панъ Янъ Одиховский, человекъ въ чужихъ краинахъ долго бывалый и велце человекъ добрый, а мой приятель правдивий. О, заправду не умелъ або не хтелъ тотъ заживати облуды. Въ тымъ померли по собе прудко швакгрове два: Павелъ Вировский и Янъ Высоцкий; умеръ тежъ Миколай Подаровский. За ними тежъ въ липцу дня 19 умеръ староста несвижский Войтехъ Першко, братъ мой милый и человекъ велце добрый, которого погребъ зложоный былъ зразу на 25 авкгуста, але ижъ, зъ перезреня Божого, приехавши до Несвежа панъ кграбя зъ Тенчына, тогожъ дня мелованого, ве чвартокъ вступилъ въ малженство зъ кнежною Галшкою, цоркою его милости, пана воеводы троцкого,—рачъ имъ пане Боже благословити,—часъ погребу доброго слуги обратилъ се въ веселе въ дому того велце зацного и побожного пана. А потомъ погребъ тела пана Першкова отправеный былъ 4 дня вересня, також ве чвартокъ, на которомъ были ихъ милости сами: кнеже, его милость, воевода троцкий и панъ кграбя. Въ тымъ же нещасливомъ року 1603, въ листопаде 20 дня умеръ, а можна речи упалъ стлупъ панства литовского, его милость панъ Криштофъ Радивилъ, воевода виленский, въ Лосовней, именю цорки своей, паней Сапежиной, канцлерыной, въ хоробе не долгой. По нимъ заразъ умеръ тежъ панъ Янъ Карушевичъ, каштелянъ жомойдзкий; овожъ того такъ веле въ томъ року было, ажъ было зъ пострахомъ великимъ успоминати. Въ томъ же року въ кгрудни умеръ тежъ кнеже Александеръ Острожскій, воевода волынский, въ Красномъ, маетности своей на Подолю.

Не видивши тежъ тамъ доброго товариства, суседъ и приятель мой, панъ Беняминъ Чарковский, умеръ року 1604 стычня 2 дня, не въ дому своимъ, але у Улулникохъ, у пана Григория Униховского, где се обадва лечили у неякого Шкота доктора. Мой то былъ великий

приятель, понекгды зась въ прешлыхъ нехутяхъ и задростяхъ, которыхъ емъ былъ по нимъ и по пане Униховскомъ дозналъ, а бодай и отъ иншихъ, за тоюжъ нецностивою задростцу нещаспою познавалемъ о непогамоване кглупство; розуметъ же Богъ, чинячи другому добро, мелъ бы е въ богатой руце своей такъ выдати, жобы тобе южъ не мелъ чого зъ ласки своей дати. Дякую я Тобе, Боже мой, Отче пана нашего Исуса Христа, же межъ иншими дары Твоими далесь ми то былъ, жемъ се задросты устеречи могъ, такъ, же нигды сердцемъ моимъ не пановала и непотребного (якомъ зналъ по иншихъ) жалю, хоробе якой подобного, не чинила.

II.

Исторія Хотинскаго похода Якова Собескаго.

1621.

Походъ султана Османа II съ цѣлію завоеванія Польши (1621 г.) и отраженіе поляками турецкаго нашествія представляли для современниковъ историческій фактъ первостепенной важности. Не только поляки, непосредственно заинтересованные въ исходѣ борьбы, но и всѣ христіанскіе народы Европы взирали съ напряженнымъ вниманіемъ на событія кампаніи, рѣшавшейся на поляхъ хотинскихъ. Въ началѣ XVII столѣтія Турція пользовалась еще престижемъ непобѣдимой державы, превосходившей всѣ извѣстныя государства Европы, Азіи и Африки численностью и организаціею своихъ боевыхъ средствъ. Военное могущество Турціи, окончательно организованное Магометомъ II въ XV столѣтіи, и достигшее высшей степени развитія при султанахъ: Селимѣ I грозномъ (1512—1520) и Солиманѣ II великолѣпномъ (1620—1566), не встрѣчало до того времени соперника, который былъ-бы въ состояніи помѣряться силами съ Оттоманскою имперіею. Послѣдняя, преслѣдуя завоевательную политику, лежавшую въ основѣ ученія корана, подчиняла власти своихъ султановъ въ теченіи двухъ столѣтій многочисленные народы и области въ трехъ частяхъ свѣта. Хотинскій походъ положилъ предѣлъ этому поступательному движенію турокъ и потому встрѣченъ былъ всѣмъ европейскимъ христіанскимъ міромъ, какъ рѣшительная побѣда, одержанная надъ грознымъ, до того времени непобѣдимымъ врагомъ;

хотя въ сущности побѣда эта и не была рѣшительною, но самъ фактъ удачной защиты представлялъ знаменательное событіе, указывавшее на ослабленіе военнаго могущества Турціи, которое медленно и постепенно должно было падать въ теченіи двухъ послѣдующихъ столѣтій, отодвигая эту грозную нѣкогда для сосѣдей державу на второй планъ въ политическомъ складѣ Европы.

Интензивная борьба съ турками, требовавшая крайняго напряженія всѣхъ государственныхъ силъ Польши и благопріятный исходъ этой борьбы произвели сильное впечатлѣніе на современниковъ и впечатлѣніе это отразилось въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ; многіе участники похода вели дневники о ходѣ военныхъ дѣйствій; дневники эти расходились въ многочисленныхъ копіяхъ рукописныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи напечатаны въ разныхъ сборникахъ матеріаловъ для польской исторіи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Третякомъ, тщательно изучившимъ библіографію даннаго вопроса [1]), можно указать 10 самостоятельныхъ дневниковъ Хотинскаго похода: четыре изъ нихъ анонимны, имена составителей шести остальныхъ извѣстны; это дневники: 1) Прокопа Збигневскаго, впослѣдствіи дополненный 2) Петромъ Напольскимъ и изданный въ переводѣ на испанскій языкъ; 3) Яна Остророга; 4) Матвѣя Титлевскаго, напечатанный въ переводѣ на итальянскій языкъ и вышедшій въ послѣдствіи въ южнорусскомъ переводѣ Самуила Величка съ интересными дополненіями, заимствованными изъ какого-то, недошедшаго до насъ дневника козацкаго [2]). 5) Дневникъ, приписываемый Любомирскому и 6) дневникъ Якова Собескаго; послѣдній, гораздо болѣе подробный и обстоятельный чѣмъ предъидущіе, сохранился въ большомъ количествѣ списковъ [3]).

Кромѣ дневниковъ, Хотинскій походъ послужилъ сюжетомъ и для другихъ литературныхъ произведеній; въ польской письменности уже въ XVII столѣтіи многіе авторы составляли богатырскія поэмы,

---

[1]) Tretiak. Historja Wojny Chocimskiej 1621. r. Львовъ 1889 стр. 2—4.
[2]) Лѣтопись Самуила Величка т. I—приложенія стр. 3—28.
[3]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ авторъ дневника, вслѣдствіе ошибки въ транскрипціи, названъ не Собескимъ, а Собекурскимъ.

воспѣвавшія этотъ походъ; таковы были поэмы: Яна Бояновскаго (1622), Варѳоломея Зиморовича (1623), Петра Напольскаго (Яна Жабчича) (1628), Яна Рудомины (1640), Самула Твардовскаго (въ поэмѣ „Владиславъ IV") и Потоцкаго [1]). Въ XVIII ст. извѣстный польскій поэтъ, Игнатій Красицкій, посвятилъ Хотинскому походу цѣлую поэму въ 12 пѣсней (Wojna Chocimska); самая талантливая поэма, написанная на этотъ сюжетъ, не принадлежитъ впрочемъ польской литературѣ — это богатырская поэма, написанная сербско-далматинскимъ поэтомъ XVII ст, Гондуличемъ („Османъ, спѣвано витезко").

Повѣствованіе о Хотинскомъ походѣ составляло также предметъ многихъ историческихъ сочиненій. Не только авторы общихъ сочиненій по исторіи Польши помѣстили болѣе или менѣе пространные отрывки о Хотинскомъ походѣ, но и составители отдѣльныхъ монографій посвятили ему цѣликомъ или въ значительной части свои труды. Къ числу такихъ монографій относятся: Петриція — Rerum in Polonia, ac proecipue belli cum Osmano gesti historia (Краковъ 1637); 2) Wessenberg — Gestorum Vladislai quarti, pars I (Данцигъ 1643); 3) Коберждцкаго — Historia Vladislai quarti; 4) Нарушевича — Historja J. K. Chodkiewicza; 5) Нѣмцевича — Panowanie Zygmunta III; 6) Маврикія Дзедушицкаго — Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków (Львовъ, 1844) [2]) и, наконецъ 7) прекрасная монографія г. Іосифа Третяка — Historja Wojny Chocimskiej 1621. г. (Львовъ 1889). Среди монографій, посвященныхъ Хотинскому походу, древнѣйшая по времени и особенно важная вслѣдствіе положенія, которое авторъ ея занималъ во время самаго описываемаго событія, есть монографія Якова Собескаго, переводъ которой мы здѣсь предлагаемъ; это сочиненіе представляетъ трудъ, написанный на основаніи дневника, веденнаго самимъ авторомъ во время кампаніи; впослѣдствіи Собескій расширялъ этотъ дневникъ, прибавилъ къ нему разныя историческія свѣдѣнія, обработалъ въ видѣ историческаго со-

---

1) Третякъ op. cit. стр. 2.
2) Ibidem стр. 5.

ченія, по пріемамъ, существовавшимъ въ то время въ наукѣ, и издалъ въ Данцигѣ въ 1646 году т. е. въ годъ своей смерти, подъ заглавіемъ: „Commentariorum Chotinensis belli libri tres“. Сочиненіе это было вновь издано въ польскомъ переводѣ Владиславомъ Сырокомлею въ 1854 году въ Петербургѣ, въ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе: „Dziejopisowie krajowi“.

Хотя Собескій обработалъ свои комментаріи въ видѣ историческаго сочиненія, но они могутъ быть отнесены къ числу мемуаровъ, такъ какъ авторъ былъ современникомъ и участникомъ описываемыхъ событій; притомъ важное историческое значеніе этихъ записокъ обусловливается какъ высокимъ уровнемъ образованія автора, такъ и тѣмъ общественнымъ положеніемъ, какое онъ занималъ въ польскомъ войскѣ во время самаго похода: онъ принадлежалъ къ числу коммиссаровъ, назначенныхъ сеймомъ для сопровожденія арміи; коммиссары эти завѣдывали финансами арміи, принимали участіе въ засѣданіяхъ военнаго совѣта, присутствовали при пріемѣ гетманомъ пословъ и сами отправлялись въ качествѣ посланниковъ въ турецкій лагерь, трактовали объ условіяхъ мира съ турецкими сановниками и составляли договорные пункты трактата.—Такимъ образомъ Собескій былъ въ состояніи не только отчетливо знать всѣ происходившія событія, но ему открыты были и секретные мотивы дѣйствій, а также взгляды и соображенія начальствующихъ лицъ. Критическое отношеніе Собескаго къ предмету его разсказа обусловливалось степенью его развитія; по мнѣнію современниковъ онъ принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ лицъ того времени. Яковъ Собескій былъ сыномъ люблинскаго воеводы Марка; родился онъ въ 1588 году, воспитывался въ краковской академіи и потомъ дополнилъ свое образованіе продолжительнымъ путешествіемъ за границею (1607—1613), въ продолженія котораго посѣтилъ всѣ страны западной Европы. Возвратившись на родину, онъ сразу пріобрѣлъ значительный авторитетъ въ дворянскомъ обществѣ своимъ образованіемъ, разсудительностью и тактомъ. На сеймахъ его четыре раза (1623, 1626, 1628, 1632) выбирали маршаломъ (предсѣдателемъ) и правительство назначало его постоянно коммиссаромъ для участія въ самыхъ важныхъ и трудныхъ

политическихъ дѣлахъ; функцію эту онъ исполнялъ при арміи королевича Владислава во время Московскаго похода (1618), въ Хотинскомъ походѣ (1621), въ походѣ гетмана Конецпольскаго противъ козаковъ (1624) и въ коммиссіи, снаряженной для заключенія договора со Швеціею (1635); затѣмъ въ 1636 году былъ отправленъ въ качествѣ посланника къ германскому императору. Оказанныя Собескимъ заслуги правительство вознаградило богатыми староствами: Красноставскимъ и Яворовскимъ, званіемъ крайчего короннаго и, наконецъ, саномъ Белзскаго воеводы. Послѣдніе 4 года жизни (1642—1646) Яковъ Собескій провелъ въ своемъ имѣніи—Жолкви; оставивъ общественныя дѣла, онъ занимался составленіемъ и редакціею своихъ историческихъ и литературныхъ сочиненій. У Якова Собескаго было 2 сына: старшій, Маркъ, погибъ въ битвѣ съ козаками подъ Батогомъ; младшій, Янъ, былъ впослѣдствіи гетманомъ великимъ короннымъ и въ 1672 году избранъ былъ польскимъ королемъ подъ именемъ Яна III.

Записки Якова Собескаго нѣсколько грѣшатъ слогомъ, слишкомъ высокопарнымъ и риторическимъ; очевидно, слѣдуя манерѣ своего времени, онъ старался подражать римскимъ историкамъ и, какъ кажется, по преимуществу образцомъ избралъ Саллюстія; нѣсколько обременительны также въ его разсказѣ слишкомъ мелочныя подробности о ходѣ военныхъ дѣйствій, неизбѣжныя впрочемъ въ каждомъ дневникѣ. Для исторіи южной Руси трудъ Собескаго представляетъ весьма цѣнный источникъ, благодаря помѣщенной имъ мастерской характеристикѣ Сагайдачнаго и довольно подробному очерку быта, учрежденій и происхожденія козачества.

Книга первая.

Задача моя состоитъ въ томъ, чтобы описать войну, которую велъ Сигизмундъ III, король польскій, съ турецкимъ султаномъ, Османомъ. Войны, подобной по размѣрамъ, не видѣли и не запомнятъ наши современники. Война эта отличалась какъ многочисленностью

собранныхъ войскъ, такъ и огромными къ ней приготовленіями, прославилась непоколебимымъ мужествомъ сражавшихся, быстротою военныхъ движеній и благопріятнымъ исходомъ. Она заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться извѣстною въ отдаленныхъ странахъ и чтобы память о ней сохранилась для отдаленнаго потомства. Происходила она въ сосѣдней съ нами области и продолжалась короткое время; армія наша не въ полномъ составѣ боролась съ силами, собранными въ трехъ частяхъ свѣта и отстояла интересы всего христіанскаго міра, а городъ Хотинъ, славный въ древности, вновь прославился пораженіемъ турокъ. Судьба рѣшила даровать побѣду престарѣлому и опытному въ военномъ дѣлѣ Карлу Ходкевичу, воеводѣ виленскому, гетману великому литовскому и дозволила ему укротить молодого дикаго тирана.

Я передамъ военныя событія, продолжавшіяся въ теченіи сорока дней, какъ ихъ свидѣтель, и выскажу при этомъ тѣ убѣжденія, которыя высказывалъ и тогда въ качествѣ военнаго коммиссара. Не стану увлекаться ни пристрастіемъ, ни ненавистью и не стану напрасно порицать турокъ, ибо доблесть слѣдуетъ уважать и въ противникахъ. Съ другой стороны любовь къ отечеству не побудитъ меня умалчивать вины поляковъ.

Давно уже полчища оттоманскихъ турокъ, поработивъ часть Африки и Азіи и ворвавшись въ Европу, основали свою столицу въ Константинополѣ; они поработили грековъ и фракійцевъ. Польскіе короли, видя горестную участь сосѣднихъ странъ, съ тревогою взирали на возраставшее съ каждымъ днемъ могущество турокъ. Король Казиміръ и его наслѣдники заключили союзъ съ султанами Баязетомъ и Селимомъ (сыномъ и внукомъ Магомета II); союзъ этотъ нѣсколько разъ возобновлялся посольствами и скрѣплялся присягою. Достойный вѣчной памяти король Сигизмундъ I получилъ вмѣстѣ съ короною этотъ союзъ, какъ бы въ наслѣдство и закрѣпилъ его со своимъ современникомъ, славнѣйшимъ изъ турецкихъ султановъ, Солиманомъ. Этотъ договоръ турки понынѣ вспоминаютъ съ почетомъ, называя его солимановыми статьями. Но государственныя отношенія, какъ всѣ человѣческія дѣла, непрочны; добрыя от-

ношенія къ Турціи вскорѣ были поколеблены. Въ царствованіе Іоанна Альбрехта турки доставили вспомогательное войско Стефану, господарю молдавскому и съ значительными силами вторглись вглубь Руси. При Сигизмундѣ I поляки врывались подъ Очаковъ, а турки въ Русь и Подоліе; обѣ стороны все болѣе и болѣе раздражались такъ, что можно было предвидѣть рѣшительное между ними столкновеніе. Впрочемъ благоразумныя мѣры королей Сигизмунда Августа и Стефана успѣли потушить пожаръ въ зародышѣ и сохранить союзъ, заключенный ихъ предками. Умный и предпріимчивый король Стефанъ предвидѣлъ опасность, угрожавшую всему христіанскому міру и, получивъ приглашеніе отъ папы Сикста V къ участію въ крестовомъ походѣ, обдумывалъ планъ, достойный своихъ способностей. Исполненію помѣшали трудныя обстоятельства и продолжительная война, которую онъ велъ съ Иваномъ Васильевичемъ, великимъ княземъ московскимъ. Судьба предоставила королю Сигизмунду III помѣряться съ турками и успѣшно отразить грознаго врага. Первый поводъ къ войнѣ подали запорожскіе козаки, предпринимавшіе цѣлый рядъ морскихъ походовъ; они доводили султановъ до бѣшенства нападеніями на ихъ приморскіе города, опустошеніемъ и грабежомъ самыхъ богатыхъ турецкихъ провинцій въ Европѣ и Азіи. Много разъ султаны, наслаждаясь прогулкою въ роскошныхъ садахъ, бывали поражены печальнымъ и унизительнымъ для нихъ зрѣлищемъ пожаровъ, истреблявшихъ сосѣднія села; ибо козаки, желая навести ужасъ на столицу, жгли ближайшія къ ней села. Въ отмщеніе ежегодно въ предѣлы Польши врывались толпы татаръ. Раздраженіе турокъ усилось, когда Стефанъ Потоцкій, родственникъ господаря Могилы, отправился съ частнымъ своимъ войскомъ и съ помощью многихъ пановъ польскихъ въ походъ на Молдавію, желая доставить господарство Константину, сыну Іереміи. Но надежда его обманула: онъ былъ разбитъ на голову на берегахъ рѣки Дежи, попалъ въ плѣнъ и сдѣлался жертвою турецкой ярости. Такая-же судьба постигла князя Самуила Корецкаго, родственника князя Михаила Вишневецкаго и Александра Могилы. Отправившись въ Молдавію онъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣшно сражался съ господаремъ

Томшею но, наконецъ, взятъ былъ въ плѣнъ Ибрагимъ-пашою вмѣстѣ съ женою, тещею, Александромъ и Богданомъ Могилами. Онъ былъ отосланъ въ Константинополь, гдѣ позорно окончилъ жизнь на крюкѣ, подобно Потоцкому. Эти пораженія внушили туркамъ самоувѣренность; они стали высокомѣрно относиться къ полякамъ, посланникамъ оказывали меньше почета, купцамъ затрудняли проѣздъ и не обезпечивали безопасности; старая дружба двухъ государствъ готова была превратиться въ открытую войну. Раздраженіемъ этимъ воспользовалось московское правительство; московскіе послы начали часто ѣздить въ Константинополь, поражали турокъ великолѣпіемъ своей обстановки, раздавали богатые подарки и предлагали султану союзъ для совмѣстной войны съ Польшею. На престолъ турецкій послѣ смерти султана Ахмета вступилъ сынъ его Османъ, едва достигшій юношескаго возраста. Для того, чтобы примириться съ нимъ, къ нему отправили изъ Польши посланника, Петра Ожгу, старосту теребовельскаго, съ порученіемъ возобновить договоръ, заключенный еще при жизни Ахмета у Буши Скиндеръ-пашою и Станиславомъ Жолковскимъ, польнымъ гетманомъ и воеводою кіевскимъ. Надѣялись, что это посольство отклонитъ войну, но Османъ оказался человѣкомъ гордымъ, жестокимъ и порывистымъ; воспитанный среди лести приниженныхъ рабовъ, онъ мечталъ о завоеваніи чуть-ли не цѣлаго міра. Гордость его не имѣла предѣловъ, онъ воображалъ себя властителемъ всей природы и полагалъ, что его могущество и счастье безпредѣльны. Члены дивана поддерживали это настроеніе рабскимъ смиреніемъ. Скиндеръ-паша, неумолимый врагъ поляковъ, человѣкъ опытный въ интригахъ и кичившійся побѣдою надъ Корецкимъ, утверждалъ, что султанъ успѣетъ не только побѣдить поляковъ, но и покорить все польское королевство. Томша, изгнанный поляками изъ Молдавіи, страстно желалъ мести; онъ обѣщалъ вѣрно служить султану, увѣрялъ его въ несомнѣнномъ успѣхѣ и побуждалъ къ войнѣ, какъ въ частныхъ бесѣдахъ, такъ и въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ; раздавалъ богатые подарки членамъ дивана и находилъ въ нихъ поддержку. Эти предательскіе наговоры непріятелей Польши легко могли повліять на Али-Пашу, великаго визиря,

человѣка не обладавшаго никакими способностями въ дѣлахъ политики, воспитанника Сераля, который еще недавно былъ слугою прихотей своего монарха, а теперь слѣпое выполненіе его злонамѣренной воли ставилъ главнымъ условіемъ своего благополучія. Османъ, вѣрившій всѣмъ этимъ наговорамъ, не только не принялъ на аудіенціи Отвиновского, присланнаго Сигизмундомъ для исправленія нѣкоторыхъ пунктовъ трактата,—какъ того требуетъ священный обычай уваженія къ посламъ,—но сверхъ того, послѣ разнаго рода оскорбленій, приказалъ сопровождать его при въѣздѣ въ городъ сульбашѣ, начальнику полиціи.

Гаспаръ Граціани, воевода молдавскій, побуждаемый христіанскою ревностью и расположеніемъ къ Польшѣ, увѣдомилъ Сигизмунда черезъ гонцовъ о такомъ оскорбленіи королевскаго величества и вѣроятно предстоящей войнѣ съ турками. Самъ онъ между тѣмъ, стремясь свергнуть турецкое иго, секретными письмами убѣждалъ Станислава Жолкевскаго (который въ то время, вслѣдствіи великихъ заслугъ, оказанныхъ речипосполитой, занималъ двѣ самыя высшія должности—канцлера и гетмана великаго короннаго) вступить съ войскомъ въ молдавію, послѣ чего онъ со всѣмъ молдавскимъ дворянствомъ охотно соглашался признать покровительство польскихъ королей. Послѣ долгаго раздумья и нерѣшительности Жолкевскій перешелъ черезъ Днѣстръ и расположился въ Молдавіи, удовлетворивши такимъ образомъ самыя горячія желанія Граціани. Этотъ послѣдній частью разбилъ, частью взялъ въ плѣнъ турокъ, приведенныхъ Скиндеръ-пашею для его поимки. Хотя онъ не успѣлъ снискать для своего дѣла такого количества молдавскихъ силъ, какое предполагалъ, тѣмъ не менѣе молдаване, угнѣтаемые турецкимъ игомъ, обѣщали подчиниться речипосполитой и готовились встрѣтить Жолкевскаго, разсчитывая, что онъ явится съ значительными силами. Войско его хотя было немногочисленно, но отличалось мужествомъ и выносливостью. Онъ разсѣялъ многочисленныя скопища татаръ подъ начальствомъ Девлетъ-Гирея калги и потомъ, съ небольшимъ своимъ отрядомъ, ослабленнымъ частыми побѣгами солдатъ, въ теченіи восьми дней и ночей отражалъ скопища турокъ и та-

таръ, которые уже готовились отступить; но, къ несчастью, побѣда поляковъ смѣнилась пораженіемъ подобно кораблю, подвергшемуся крушенію у самой пристани. Это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что произошло вслѣдствіе безпорядка и своеволія самихъ солдатъ. Жолкевскій, подобно Павлу Эмилію, не пожелалъ пережить своего пораженія; съ непоколебимымъ мужествомъ, отличавшимъ его въ теченіи всей жизни, онъ устремился на татаръ и, покрытый ранами, погибъ за отечество на берегу Днѣстра, близъ Могилева [1]). Польный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій, подобно Варону, не предался отчаянію; храбро сражаясь, онъ былъ окруженъ врагами, сброшенъ съ коня и, послѣ продолжительнаго сопротивленія, взятъ въ плѣнъ молдаванами и переданъ въ руки татаръ. Въ плѣнъ попали также Янъ и Лука Жолкевскіе (сынъ и племянникъ гетмана), староста галицкій Николай Струсь изъ Комарова, староста винницкій Александръ Балабанъ, Самуилъ Корецкій, уже вторично попавшій въ турецкую неволю, Мартынъ Потоцкій, Николай Казановскій сынъ Якова, воеводы брацлавскаго, Владиміръ Фаренсбахъ, Малинскій. Стрыжовскій и почти всѣ предводители хоругвей и полковъ вмѣстѣ съ многочисленнымъ рыцарствомъ разныхъ чиновъ. Не сомнѣваясь, что походъ этотъ будетъ разсказанъ потомству его участниками и имѣя въ виду описаніе слѣдующаго похода, я ограничусь этимъ краткимъ упоминаніемъ.

Подобное начало военныхъ дѣйствій довело Османа до высшей степени раздраженія. Разъяренный какъ звѣрь, онъ приказалъ объявить во всѣхъ областяхъ своего государства войну съ Польшею. Чиновники оглашали по очередно во всѣхъ провинціяхъ, городахъ и селахъ Азіи и Африки, что поляки злѣйшіе враги Оттоманской Порты. Всѣ мущины, безъ различія возраста и сословій, обязаны были принимать участіе въ походѣ. Войскамъ европейской Турціи и ближайшихъ къ Константинополю мѣстностей заранѣ назначенъ былъ

[1]) Пораженіе Жолкевскаго извѣстно у польскихъ историковъ подъ названіемъ Цецорскаго погрома, по имени урочища Цецора, на которомъ произошла битва. Оно лежало въ 20—30 верстахъ отъ Могилева въ нынѣшнемъ Сорокскомъ уѣздѣ; можетъ быть тамъ, гдѣ нынѣ находится село Цыпурдей.

день для сбора; призванъ былъ изъ Крыма ханъ Джанибекъ Гирей. Бунчукъ изъ конской гривы, поставленный передъ дворцомъ, означалъ, что Османъ лично приметъ участіе въ предстоящей войнѣ. Молдаване и болгары, которымъ было приказано строить мостъ черезъ Дунай, видѣли съ прискорбіемъ, что противъ воли принуждены будутъ помогать своимъ властителямъ въ борьбѣ съ христіанами. Чего не доставало для военныхъ приготовленій въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, то издалека доставлялось моремъ, не щадя расходовъ. Султанъ мысленно уже владѣлъ Польшею, уже распредѣлялъ между пашами ея замки, города и провинціи, какъ несомнѣнную добычу. Не смотря на то мужи его совѣта, умудренные опытомъ или болѣе даровитые, (между которыми особымъ почетомъ пользовались: Муфти, верховный жрецъ, и Галиль-паша, родомъ армянинъ), всѣми силами старались отсовѣтовать походъ противъ Польши—продолжительный, трудный и несправедливый. Визирь Мустафа, усиленно высказывавшій невозможность побѣды, получилъ рану ножемъ отъ руки самого Османа. Гадальщики предсказывали неблагопріятный исходъ войны.

Но ничто не могло поколебать Османа въ его намѣреніи и Польша, а вмѣстѣ съ нею и весь христіанскій міръ затрепетали при первомъ извѣстіи о губительной войнѣ. Король созвалъ чины на сеймъ въ Варшаву. Отправлены были посольства: къ папѣ, къ императору Фердинанду и ко всѣмъ почти христіанскимъ государямъ; все христіанство извѣщено было о предстоящей войнѣ за вѣру и предложенъ общій союзъ противъ общаго врага. Справедливость требовала, чтобы монархи, находившіеся во главѣ христіанскаго рыцарства, не одними пожеланіями, но дѣйствительными подкрѣпленіями помогли Польшѣ; чтобы всѣ тѣ, кто носитъ святое имя христіанина, соединенными усиліями оказали поддержку нашему государству, стоящему на стражѣ христіанскаго міра, какъ-бы щитъ отъ язычниковъ. Поэтому папа Григорій XV обѣщалъ черезъ Ахація Гроховскаго, настоятеля Ленчицкаго и королевскаго секретаря, (нынѣ нареченнаго перемышльскаго епископа), бывшаго въ то время посланникомъ при апостольской столицѣ,—во все продолженіе войны ежемѣсячно вносить извѣстную сумму, а впослѣдствіи уплатить значительное пособіе,

какъ только завершится побѣдою или почетнымъ миромъ дорого стоящее для папской казны столкновеніе императора Фердинанда съ возставшими еретиками. Архіепископъ адріанопольскій, нунцій Козьма де Торресъ, какъ только дошла до него вѣсть о Хотинскомъ походѣ, почти тотчасъ выѣхалъ изъ Кракова и увѣрилъ папу въ благопріятномъ его исходѣ. Англійскій король Іаковъ, щедро принимая королевскаго посла Юрія Оссолинскаго, сына сендомирскаго воеводы, увѣрялъ въ своемъ сочувствіи и расположеніи къ Польшѣ и обѣщалъ прислать подкрѣпленіе изъ Англіи, Ирландіи и Шотландіи, если только дозволятъ обстоятельства. Прочіе христіанскіе государи, частью находившіеся въ мирныхъ отношеніяхъ съ Турціею, частью занятые собственными внутренними неурядицами, ограничились выраженіемъ сочувствія благочестивому рвенію Сигизмунда въ дѣлѣ защиты христіанства.

На сеймѣ варшавскомъ обсуждали вопросы: о суммахъ, необходимыхъ для веденія войны, о количествѣ войска и выборѣ вождя [1]). Голоса всѣхъ сословій склонялись къ назначенію Карла Ходкевича, воеводы виленскаго и гетмана Великаго княжества Литовскаго, отличавшагося опытностью въ военномъ дѣлѣ, пользовавшагося огромнымъ значеніемъ въ обществѣ и извѣстнаго даже чужимъ и дикимъ народамъ множествомъ побѣдъ, трофеевъ и тріумфовъ. Ему-то единогласно ввѣрено было верховное начальство надъ войсками и попеченіе о судьбахъ Польши. Назначенъ затѣмъ исполняющимъ должность польнаго гетмана и помощникомъ трудовъ Ходкевича подчашій коронный Станиславъ Любомирскій; изъ назначенныхъ сеймомъ коммиссаровъ отъ рыцарскаго сословія одни должны были оставаться при королевскомъ дворѣ, другіе, снабженные полномочіями, послѣ принятія присяги должны

---

[1]) По установленному въ Польшѣ порядку, должность главнокомандующаго принадлежала великому коронному гетману, а въ его отсутствіи - гетману польному коронному; но въ Цецорской битвѣ великій к. г.—Жолкевскій погибъ, а польный к. г —Конецпольскій взятъ былъ въ плѣнъ турками. Король, не желая вручать начальства въ весьма серьезной войнѣ лицу не опытному и не пользовавшемуся извѣстностью, удержался отъ назначенія преемника Жолкевскому и вручилъ начальство литовскому гетману Ходкевичу.

были сопровождать Ходкевича, беречь военную казну, уплачивать жалованье солдатамъ, скрѣплять перемирія и, присутствуя въ военномъ совѣтѣ, высказывать въ немъ правдивое мнѣніе. Слѣдуетъ упомянуть имена лицъ, назначенныхъ коммиссарами въ походъ; это были: крайчій коронный Михаилъ Сенявскій, подкоморій белзскій Матвѣй Лѣсньовскій, графъ Михаилъ Тарновскій, Яковъ Собескій, сынъ люблинскаго воеводы Марка, Янъ и Павелъ Дзялынскіе; первый староста покрывницкій, второй брацянскій и староста выскій Николай Коссаковскій.

Сеймъ утвердилъ слѣдующіе налоги для усиленія военныхъ средствъ: кромѣ обычной подати, взымавшейся съ шляхты въ силу стараго обычая, постановлено еще вносить по восьми грошей лановаго, по два чопового и двѣ четверти (вмѣсто нормальной одной) изъ доходовъ королевскихъ имѣній. Литва, побуждаемая заботою объ отечествѣ и, скорѣе слѣдуя доброму примѣру, нежели подчиняясь закону, приняла причитающуюся ей долю податей. Сверхъ того была установлена извѣстная сумма подати изъ имѣній, пользовавшихся до того времени льготами [1]); а духовенство, на синодѣ въ Петроковѣ, обязалось доставить 150,000 золотыхъ польскихъ на священную войну.

Количество войска далеко не достигало установленной сеймомъ цыфры. На сколько мнѣ извѣстно изъ расходовъ военныхъ суммъ, въ войскѣ Ходкевича было пѣхоты нѣмецкой, венгерской и польской, вмѣстѣ съ легкою и тяжелою конницею всего 34,987 человѣкъ, не считая нѣсколькихъ нѣмецкихъ ротъ, которыя позорно оставили свои хоругви, еще до перехода границы. Такою-же измѣною и нѣкоторые изъ поляковъ опозорили свое имя. Запорожскихъ козаковъ насчитывалось до 30,000, но большая часть ихъ, выйдя изъ предѣловъ Польши, уклонилась отъ Хотинской войны.

Что касается посполитаго рушенія, то о немъ пусть потомство не ждетъ отъ меня достовѣрныхъ свѣдѣній; такъ какъ не всѣ во-

---

[1]) Volumina legum т. III, стр. 187—195 „Универсалъ поборовый", изданный сеймомъ, перечисляетъ весьма подробно размѣры и способы взиманія податей, установленныхъ сеймомъ въ 1620 г. въ виду войны съ Турціею.

еводства и повѣты прислали свои ополченія Сигизмунду во Львовъ къ назначенному дню, то поэтому трудно и судить объ ихъ количествѣ. Въ числѣ надворныхъ войскъ короля насчитывалось до тысячи наемной нѣмецкой пѣхоты и конницы. Изъ числа пановъ, (исключая тѣхъ, которые пристали къ Владиславу, о чемъ будетъ сказано ниже) слѣдуетъ вспомнить тѣхъ, которые на свои средства доставили часть войска, а именно: князь Доминикъ на Острогѣ Заславскій, наслѣдникъ краковскаго кастеляна Януша Острожскаго, доставилъ 600 солдатъ пѣшихъ и конныхъ; белзскій воевода Рафаилъ Лещинскій сотню конницы; люблинскій воеводичъ Яковъ Собескій—легко вооруженный отрядъ; брацлавскій подкоморій Шашкевичъ, а также паны Малинскій и Пясечинскій доставили большіе отряды войска. Спѣшилъ со своими и кн. Юрій Чарторыйскій, но на пути былъ задержанъ татарами и, потерявъ значительную часть людей и почти всѣхъ лошадей, одинъ прибылъ въ лагерь. Количество нашей артиллеріи почти равнялось козацкой, но достигло лагеря только двадцать восемь орудій.

Вотъ тѣ силы, которыя поляки могли противупоставить Осману для защиты своей независимости и славы. Солнечное затмѣніе, бывшее ровно въ полдень и землетрясеніе, замѣченное во многихъ пунктахъ Молдавіи, Подолія и Руси, предвѣщали наступленіе войны; въ воздухѣ видны были также сталкивавшіеся между собою огненные столбы.

Ходкевичъ, занятый послѣдними приготовленіями, поручилъ руководить началомъ дѣйствій Любомирскому, который въ послѣднихъ числахъ мая прибылъ въ Скалу [1]) на Подоліи и устроилъ здѣсь укрѣпленный лагерь, защищенный отъ природы неприступными скалами и рѣкою Збручемъ. Затѣмъ онъ посылалъ соглядатаевъ въ непріятельскую землю, укрѣплялъ и вооружалъ различные пункты на Днѣстрѣ и сдерживалъ вторженія татаръ; въ этомъ дѣлѣ особенно прославился своими заслугами Симеонъ Копычинскій, человѣкъ энер-

---

[1]) Скала нынѣ мѣстечко въ Борщевскомъ повѣтѣ въ Галиціи на берегу р. Збруча.

гичный и дѣятельный, пріобрѣтшій опытность въ предыдущихъ битвахъ. Мѣстные крестьяне, подданные подольской шляхты, также устраивали засады въ лѣсахъ и между скалъ и причиняли немалый уронъ татарамъ.

Въ лагерь Любомирскаго прибылъ Константинъ Вевели, родомъ критянинъ, извѣстный впослѣдствіи интригами во время посольства Крыштофа Збаражскаго къ султану Мустафѣ. Онъ привезъ секретныя письма отъ молдавскаго воеводы Александра и Гуссейна-паши, правителя пограничной Бессарабіи и блюстителя дворцовыхъ воротъ, (должность очень важная у турокъ). Въ этихъ письмахъ льстивыми словами старались склонить поляковъ къ миру, но событія обнаружили, съ какою цѣлью присланъ былъ въ лагерь съ дружелюбными предложеніями человѣкъ graecae fidei. Не давая ему никакого отвѣта за отсутствіемъ Ходкевича, Любомирскій принялъ его радушно, какъ посла отъ христіанскаго князя и, щедро угощая его на свой собственный счетъ, задержалъ въ сосѣднемъ селѣ подъ почетною стражею до прибытія великаго гетмана. Вскорѣ явился Ходкевичъ во главѣ литовскихъ войскъ, встрѣтился съ Любомирскимъ у села Рѣпницы и, раздѣливши свою армію на полки, двинулся за Днѣстръ черезъ Брагу [2]). Впереди шли хоругви: липницкаго старосты Боратынскаго, белзскаго подкоморія Лѣсньовскаго и самого Любомирскаго; затѣмъ шли со своими хорувями: полоцкій кастелянъ Зѣновичъ, коронный крайчій Сенявскій съ братомъ своимъ Прокопіемъ, самъ Ходкевичъ и оршанскій староста Сапѣга; за ними вели свои отряды: белзскій кастелянъ Жоравинскій, познанскій кастелянъ Опалинскій, висненскій староста Коссаковскій. Также назначены стражниками: Вѣрнекъ, Богдашовскій и Казиміръ, а литвину Долмату—ветерану, состарѣвшемуся подъ знаменами Ходкевича, поручено было устройство лагерей. Главнокомандующій долго колебался: переходить ли съ войсками за Днѣстръ, или-же на границѣ ожидать непріятеля, для котораго въ такомъ случаѣ была-бы затруднена переправа, между

---

[1]) Брага, село Каменецкаго уѣзда на берегу Днѣстра, расположенное противъ Хотинской крѣпости.

тѣмъ какъ въ нашихъ рукахъ оставлись пастбища, нивы и безопасный путь для подкрѣпленій изъ Польши.

Съ другой стороны королевскія письма побуждали къ дальнѣйшему походу, а подольская шляхта жаловалась гетманамъ на грабежи жолнеровъ; самая мѣстность за Днѣстромъ казалось обѣимъ гетманамъ болѣе удобною для хода военныхъ дѣйствій. Пребываніе въ Брагѣ было тѣмъ опаснѣе, что лишало сильныхъ подкрѣпленій со стороны запорожскихъ козаковъ, которые единогласно объявили Ходкевичу, что присоединятся къ польскому войску, лишь послѣ вступленія его въ Молдавію; они опасались, чтобы, въ случаѣ примиренія рѣчипосполитой съ Турціею, все могущество враговъ не обрушилось на нихъ самихъ. Рѣшено было двинуться впередъ и въ лагерѣ объявленъ гетманскій приказъ переправлятья черезъ рѣку. Всѣмъ казалось неопреодолимо труднымъ намѣреніе перекинуть мостъ черезъ бурный и скалистый Днѣстръ, такъ какъ всѣ сдѣланныя до того времени во многихъ мѣстахъ попытки всегда оканчивались неудачею. Пѣхота начала было строить подвижной мостъ, но онъ былъ сломанъ напоромъ воды. Это навело нѣкоего русина, (другіе говорятъ литовца) на мысль о сооруженіи болѣе прочной постройки и хотя она, вслѣдствіе медлительности и нерадѣнія рабочихъ и стражи, нѣсколько разъ размывалась волнами, дѣло все таки продолжалось. Между тѣмъ Константинъ Вевели, получилъ отъ Ходкевича отвѣтъ, что гетманъ равно расположенъ, какъ немедленно поднять оружіе за дѣло отчизны, такъ и принять условія почетнаго и выгоднаго мира. Дальнѣйшее пребываніе его въ Молдавіи было мотивировано необходимостью обезпечить пути отъ татарскихъ загоновъ. Поэтому посланъ былъ отвѣтъ на письма, присланныя Любомирскому, а Ходкевичъ особымъ письмомъ предлагалъ визирю Гуссейну здраво обсудить условій мира и съ этою цѣлью послалъ къ нему Шемберга, мужа мудраго, проницательнаго и знакомаго съ турецкими обычаями. Отъ этого посольства ожидалось въ результатѣ лишь то, чтобы Шембергъ подъ благовиднымъ предлогомъ обстоятельно успѣлъ развѣдать силы и настроеніе турокъ. Лицо Ходкевича сіяло такимъ величіемъ, что Константинъ, впервые увидѣвъ вождя, хотѣлъ преклонить передъ нимъ колѣна, какъ передъ

божествомъ, но гетманъ собственноручно поднялъ его и отпустилъ послѣ милостивой бесѣды. Я слыхалъ впослѣдствіи отъ самаго Вевели, что, при видѣ нашего героя, имъ овладѣлъ такой страхъ, что языкъ началъ путаться, ноги подкосились и онъ долго не могъ опомниться.

Волненія, возникшія среди войска, на нѣсколько дней отсрочили переправу черезъ Днѣстръ. Жолнеры толпами окружали палатки старшинъ и безпокоили гетмановъ настойчивыми требованіями. Тутъ слышался гнѣвъ, тамъ жалоба, здѣсь просьба, тамъ угроза. Началась полная распущенность и отсутствіе дисциплины; распоряженія гетмановъ оставались невыполненными; всѣ наравнѣ, и новобранцы, и ветераны, и туземцы, и иностранцы, обыкновенные наемники и шляхтичи, конные и пѣшіе—всѣ на перерывъ вопили, что не имѣютъ ни денегъ, ни пищи, что подвергаются большимъ опасностямъ безъ всякаго вознагражденія, что непріятель грозитъ, а подкрѣпленія запаздываютъ; нѣкоторыя-же хоругви скрывали день своего поступленія на службу. Ходкевичъ, желая подавить въ самомъ началѣ грозившую опасность, произнесъ рѣчь къ разъяренной толпѣ; но предварительно, посовѣтовавшись со всѣми коммиссарами, на обязанности которыхъ, въ силу сеймоваго постановленія, главнымъ образомъ лежало вѣдать финансовыя дѣла, назначилъ каждой хоругви срокомъ, съ котораго ей должно числиться жалованье, день ея прибытія въ лагерь. Съ этою цѣлью онъ поручилъ одному изъ коммиссаровъ, люблинскому воеводичу Якову Собескому, вмѣстѣ съ каменецкимъ старостою Стефаномъ Потоцкимъ и уполномоченному войсковому писарю, вѣрно и тщательно переписать: какъ время прибытія въ лагерь каждой хоругви, такъ и количество пройденнаго ею пути. Въ теченіи двухъ дней мы выполнили эту задачу, предоставивъ все дѣло на высочайшее усмотрѣніе короля, который одобрилъ наше рѣшеніе, какъ это можно было понять изъ краткихъ писемъ, полученныхъ нами изъ Варшавы. Къ числу успѣховъ этой войны нужно отнести и то, что при такомъ множествѣ умовъ и мнѣній, когда коммиссары секретными письмами увѣрили каждую хоругвь, что она первая получитъ жалованье, никто послѣ того не смѣлъ роптать на

предводителей. Должно-ли признать эту уловку, къ которой мы прибѣгли для блага речипосполитой, дѣломъ почтеннымъ, предоставляю судить объ этомъ позднѣйшему потомству. По усмиреніи перваго недовольства среди солдатъ, съ великимъ наслажденіемъ для глазъ и сердца смотрѣли мы на возрастающій военный пылъ. Цѣлое войско ринулось въ рѣку раньше, нежели успѣли исправить поврежденный мостъ и наши хоругви перешли Днѣстръ въ образцовомъ порядкѣ.

Во главѣ шло войско Любомирскаго, которое направилось въ глубь Молдавіи; за Любомирскимъ шли: Липницкій съ 150 людьми и Рихтеръ съ 50 ливонскими стрѣлками. Липницкій воротился съ огромною добычею; впрочемъ онъ бы лучше сдѣлалъ, если-бы осторожнѣе ударилъ на Серетъ, молдавскій замокъ за Прутомъ, куда собрались для празденства многочисленныя толпы армянъ и молдаванъ. Но эти послѣдніе, встревоженные неожиданнымъ шумнымъ появленіемъ войска, разбѣжались, спасая жизнь и имущество. Ходкевичъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на эти нападенія, желая скорѣе кротостью, нежели насиліемъ склонить на сторону речипосполитой эту христіанскую страну; лучшимъ-же доказательствомъ ея довѣрія и дружескаго расположенія къ Польшѣ могъ служить Петръ Могила [1]), сынъ Симеона, нѣкогда воеводичъ молдавскій, нынѣ изгнанникъ, осиротѣлый за смертью Жолкевскаго, который особенно покровительствовалъ ему. Теперь онъ всѣ свои надежды возлагалъ на помощь Ходкевича и между ними установились самыя близкія отношенія. Тѣмъ не менѣе предусмотрительный гетманъ опасался, какъ бы раздраженные молдаване не вздумали отомстить Шембергу на обратномъ пути его и въ виду этого велѣлъ при звукахъ трубъ, (какъ того требуетъ военный обычай) огласить строжайшій приказъ, чтобы никто не смѣлъ отнынѣ причинять обидъ молдаванамъ. Нѣкій румынъ Борнацкій, предводитель шайки разбойниковъ, скрываясь въ сосѣднихъ лѣсахъ, нападалъ изъ засады на тѣхъ, которые тамъ рубили дрова или пасли скотъ, при чемъ захватилъ много лошадей, возовъ и людей, изъ которыхъ 50 человѣкъ бѣжало.

---

[1]) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.

Противъ разбойниковъ предприняли походъ: Копачовскій, человѣкъ предпріимчивый, сотникъ, отличившійся подъ начальствомъ Лисовскаго въ московскихъ войнахъ и молдавскій дворянинъ, Бычекъ, еще раньше извѣстный какъ сторонникъ поляковъ. Въ это самое время возвратился къ Ходкевичу польскій отрядъ, посланный имъ къ Сочавѣ для развѣдокъ о турецкихъ и татарскихъ силахъ; но такъ какъ непріятельскія силы не показывались, то онъ привелъ съ собою одного только молдавскаго дворянина, проживавшаго при дворѣ господаря Александра. Такъ какъ починка моста не скоро была окончена, то войско польское только на двѣнадцатый день перешло за Днѣстръ. Ржаніе коней, громъ трубъ, трескъ бубновъ, блескъ оружія, радостные возгласы, наполняли сердца весельемъ. Грозными казались молдаванамъ наши веселыя хоругви, польскіе кресты и орлы; толпы людей разныхъ возрастовъ и сословій подымали къ небу руки, умоляя о помощи. Во всѣхъ умахъ была увѣренность въ побѣдѣ, на всѣхъ устахъ крикъ торжества; наконецъ удалось войти съ оружіемъ въ рукахъ въ ту страну, которая нѣкогда была могилою для поляковъ. Рыцарство готовилось отплатить за двѣ войны, за всю польскую кровь, пролитую въ теченіи столькихъ вѣковъ; тотъ за отца, тотъ за брата, тотъ за пріятеля, всѣ стремились отомстить за своихъ предковъ, погибшихъ отъ руки турокъ.

Ходкевичъ, слабый тѣломъ по причинѣ болѣзни, но бодрый духомъ и наружностью подобный Марсу, ѣхалъ на борзомъ конѣ, взглядомъ и движеніемъ головы ободряя войска. По одну сторону лагерь окружали наддпѣстровскія скалы, по другую сосѣдніе лѣса, по срединѣ тянулось поле,—поэтому непріятель не могъ ни сообразить нашихъ силъ, ни принудить Ходкевича вступить въ битву. До той поры не было еще никакихъ извѣстій о войскѣ запорожскихъ козаковъ, которыхъ вождя, Конашевича, съ нетерпѣніемъ поджидалъ гетманъ. Поэтому прибытіе Конашевича, получившаго отъ козаковъ прозвище *Сагайдачного*, вслѣдствіе носимаго имъ лука, немало прибавило отваги. Конашевичъ возвращался изъ Варшавы, куда ѣздилъ въ посольствѣ къ королю, и привезъ для своихъ желанный отвѣтъ и вѣрную надежду на прибытіе козаковъ въ станъ Ходкевича. Однако ничтож-

нѣйшіе изъ нихъ подъ предводительствомъ презрѣннаго Бородавки, или лучше сказать, свергнувши съ себя всякое начальство, разсѣявшись по Подолію и Молдавіи, занялись грабежами.

Этотъ Петръ Конашевичъ, мужъ рѣдкой мудрости и зрѣлаго сужденія въ дѣлахъ, находчивый въ словахъ и поступкахъ, хотя по происхожденію, образу жизни и привычкамъ былъ простой человѣкъ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ позднѣйшаго потомства онъ достоинъ стать на ряду съ самыми знаменитыми людьми своего времени въ Польшѣ. Много разъ предпринималъ онъ морскіе походы въ челнахъ во главѣ запорожскаго войска и всегда судьба особенно благопріятствовала ему: онъ всегда возвращался покрытый славою. Сражался онъ побѣдоносно съ татарами на поляхъ перекопскихъ и въ Крыму и теперь захватилъ стада на обширныхъ пастбищахъ и отнялъ у возвращавшихся татаръ награбленную на Руси добычу. Нѣкогда Конашевичъ поспѣшно и къ большой тревогѣ для непріятеля соединился съ Владиславомъ, пытавшимся силою оружія поддержать свои права на московскій престолъ; отдаленныя страны видѣли его побѣдоносное знамя, огнемъ и мечемъ опустошилъ онъ непріятельскія земли и, прославившись подъ Ельцемъ, Сокомъ, Ливнами и Калугою, крѣпкими замками, разнесъ страхъ своего имени по цѣлой Московіи. Стонавшій подъ его ударами непріятель видѣлъ, какъ переходили въ руки козаковъ золотые сосуды и драгоцѣнныя богатства, какъ плѣнники различныхъ возрастовъ, половъ и сословій шли за его колесницею. Точно также и морскіе походы прославили имя Конашевича; ему очень счастливо удавались пиратскіе набѣги; берега европейской и азіатской Турціи и сосѣдній Константинополь бывали свидѣтелями его побѣдъ. Во время описываемаго нами Хотинскаго похода слава его имени съ каждымъ днемъ возрастала среди турокъ. Однимъ словомъ это былъ человѣкъ смѣлый умомъ, искавшій опасностей, пренебрегавшій жизнью, первый въ нападеніи, а въ отступленіи послѣдній; рука его никогда не давала промаха; онъ былъ бдителенъ въ лагерѣ, не любилъ изнѣженности и не въ такой мѣрѣ былъ преданъ пьянству, какъ то было въ обычаѣ среди казаковъ. Впрочемъ и у него была слабая сторона, именно чрезмѣрная жажда любовныхъ похожденій, которыя ускорили его смерть. Былъ-ли онъ трезвъ или нѣтъ, въ разговорѣ онъ

всегда выражался съ осторожностью, умѣренно и обдуманно. Въ силу своего служебнаго положенія всегда вѣрный королю и речипосполитой, онъ бывалъ суровымъ въ дѣлѣ подавленія козацкихъ своеволій; нерѣдко даже, не задумываясь, казнилъ смертью за малѣйшія провинности; свои не долюбливали его за это и неоднократно уже волею большинства онъ едва не былъ лишенъ верховнаго предводительства запорожскимъ войскомъ. До суевѣрія ревностный послѣдователь православнаго обряда, онъ былъ заклятымъ врагомъ тѣхъ, которые переходили въ лоно римской церкви; все это давало поводъ его противникамъ до самой его смерти держать въ подозрѣніи его расположеніе къ речипосполитой. Ходкевичъ, радушно принявши и почтивши дарами Конашевича, тотчасъ же отправилъ его за Днѣстръ на встрѣчу козакамъ, съ двумя легкими хоругвями въ сопровожденіи Молодецкаго, родственника Любомирскихъ и человѣка, пользовавшагося хорошею репутаціею среди козаковъ.

Одинъ изъ придворныхъ Любомирскаго, Мощинскій, устроилъ вылазку изъ лагеря для поимки языка отъ непріятеля, но темная ночь испортила все его предпріятіе. Переправившись на противуположный берегъ Прута, онъ случайно попалъ на румынскихъ разбойниковъ и, не въ состояніи будучи сразу распознать въ темнотѣ, былъ-ли то непріятель, или-же люди изъ собственнаго войска и только позже, по говору узнавши молдаванъ, попалъ въ слѣпую безпорядочную свалку, въ которой рубили безъ разбора и своихъ, и чужихъ. Замѣтивъ ошибку, онъ далъ знакъ къ отступленію и перестала съ того времени слѣдить за турками. Венгерецъ Фекети имѣлъ больше успѣха; послѣ бушинскаго похода онъ бѣжалъ изъ лагеря Скиндеръ-паши въ польскій станъ и отличился рѣдкою дѣятельностью и вѣрностью въ войнѣ Владислава съ Москвою. Онъ былъ особенно рекомендованъ Ходкевичу и привелъ изъ ясской земли знатнаго молдавскаго плѣнника, знавшаго въ какой пунктъ направлены турецкія силы. Тѣмъ не менѣе вождямъ не удалось ничего вывѣдать отъ него, кромѣ подтвержденія полученнаго изъ иного источника извѣстія о томъ, что воевода молдавскій Александръ выступилъ съ своими войсками на встрѣчу Осману, оставивъ Яссы безъ защиты. Когда распростра-

пилась вѣсть о приближеніи турокъ, Русиновскій[1]) ободрилъ войско надеждою и усилилъ его численно, приведши съ собою легко вооруженную польскую конницу, которая значительно прославила среди чужеземцевъ имя сарматовъ въ войнѣ императора Фердинанда съ его возмутившимися подданными.

Многіе изъ простыхъ солдатъ разбрелись по окрестнымъ селамъ въ поискахъ за припасами; ихъ приняли за враговъ и паническій страхъ овладѣлъ войскомъ. Не смотря на точныя свѣдѣнія о движеніи непріятеля, Ходкевичъ уже вывелъ изъ лагеря нѣсколько хоругвей въ поле, а остальное войско готовилось къ битвѣ; тѣмъ временемъ белзскій кастелянъ Станиславъ Жоравинскій, отрядъ котораго составлялъ дневную стражу, самъ въ галопъ объѣхалъ и осмотрѣлъ окрестные лѣса и, узнавши своихъ по говору и одеждѣ, донесъ Ходкевичу, что непріятеля нѣтъ по близу. При этомъ извѣстіи страхъ среди войска смѣнился радостью, тѣмъ болѣе, что прибылъ Дорошенко, желанный посолъ отъ козаковъ запорожскихъ, которые, разоривши Оргѣевскую область и до основанія разрушивши Сороки, доносили о счастливомъ исходѣ экспедиціи, о своемъ скоромъ прибытіи и неизмѣнной готовности къ услугамъ речипосполитой. Вѣсть о желанномъ прибытіи королевича Владислава вмѣстѣ съ остальнымъ войскомъ и орудіями большаго калибра еще усилила благопріятныя предзнаменованія. Обозъ его былъ уже подъ Львовомъ, но, чтобы побудить его изо всѣхъ силъ спѣшить къ Хотину, къ нему посланы были: Станиславъ Жоравинскій и сынъ люблинскаго воеводы Яковъ Собескій, которые именемъ гетмановъ, матери королевича и славы королевскаго дома, именемъ цвѣтущаго царствованія его отца должны были заклинать его поспѣшить въ лагерь Ходкевича, чтобы соединенными усиліями отразить ударъ, грозившій польскому госу-

---

[1]) Отрядъ Русиновскаго состоялъ изъ такъ называемыхъ Лисовчиковъ, т. е. легкой нерегулярной конницы, славившейся отчаянною храбростью и наклонностью къ грабежу; конница эта была организована во время пребыванія поляковъ въ Московскомъ государствѣ въ смутное время и получила названіе отъ имени перваго своего вождя Лисовскаго.

дарству. Послы застали Владислава въ селѣ Пробожнѣ [1]); онъ сгоралъ жаждою славы и желаніемъ исполнить свой долгъ передъ отечествомъ. При королевичѣ находилось три отряда нѣмецкой пѣхоты подъ начальствомъ хелминскаго воеводы Яна Вейгера, Герарда и Эрнеста Денгофа, сверхъ того венгерская пѣхота, хоругви Николая Кохановскаго, Альмата и Бартошевскаго, а также 16 пушекъ большого калибра. Гусарскія хоругви Немиры, кастеляна подляшскаго и Константина Плихты, кастеляна Сохачевскаго, вмѣстѣ съ хоругвью тѣлохранителей королевича Владислава, подъ предводительствомъ Мартына Казановскаго, дополняли составъ войска. Здѣсь былъ цвѣтъ лучшей и благороднѣйшей молодежи въ сопровожденіи многочисленной свиты, содержавшейся на ихъ собственныя средства: князь Янушъ Вишневецкій, Адамъ Пржіемскій, Андрей Фирлей изъ Дубровицы староста казимирскій и Павелъ Дзялынскій староста брацянскій. Стефанъ Конецпольскій, Сигизмундъ Тарло, Ѳома Собескій и многіе другіе представители лучшей дворянской молодежи собрались вокругъ королевича. Были здѣсь также легко вооруженные отряды: Гнѣвоша, Зборовскаго и Яна Дзѣржка и тяжело вооруженные: хелминскаго воеводы и Денгофа, старосты гиперпольскаго; влацславскій епископъ Павелъ Велуцкій подалъ достойный памяти примѣръ любви къ отечеству, вооруживши сто человѣкъ гусарской конницы и сотню пѣхоты, которыми предводительствовалъ Филиппъ Велуцкій, братъ епископа. Александръ Радзивиллъ, подобно своимъ предкамъ ревностный защитникъ речипосполитой, доставилъ хоругвь легкой конницы и хоругви пѣхоты. Королевичъ милостиво принялъ пословъ и, принимая къ сердцу просьбы рыцарства, оправдывалъ свое позднее прибытіе тѣмъ, что артиллерія прибыла изъ Львова поздно и въ большой неисправности и что нѣмецкая пѣхота хвораетъ, измученная продолжительнымъ маршемъ и лѣтнимъ зноемъ, а видомъ своимъ напоминаетъ скорѣе человѣческія тѣни, нежели боевое рыцарство. Все слышанное нами изъ устъ королевича и все, что мы видѣли сами, по возвращеніи мы въ точности передали Ходкевичу, огор-

[1]) Пробужна мѣстечко въ Гусятинскомъ повѣтѣ въ Галиціи.

ченному и встревоженному такими печальными вѣстями. Пронесся слухъ, будто запорожцы совсѣмъ не придутъ; отчаяніе выражалось на лицахъ солдатъ и старшинъ; головы опустились; слышенъ былъ тихій ропотъ, когда печальная новость передавалась по палаткамъ. Встревоженный Ходкевичъ обдумывалъ средства помочь бѣдѣ. Предводители легкихъ хоругвей, Лишка и Куличевскій, направились къ Степановцамъ и воротились съ извѣстіемъ, что татары уже отрѣзали путь приближавшимся козакамъ. На самомъ-же дѣлѣ запорожцы, избѣгнувъ опасности, въ то время уже счастливо и со славою боролись съ турками. Въ теченіи почти осьми дней и ночей огромныя турецкія войска слѣдовали за ними по пятамъ, не допуская отрядовъ разъѣзжать для фуражировки.

Османъ въ истребленіи козаковъ полагалъ предзнаменованіе благопріятнаго исхода военнаго похода. Сорокъ запорожцевъ, отбившихся отъ своего войска и укрывавшихся въ пещерахъ между скалъ, обратили на себя все вниманіе и усилія непріятеля. Привезены были пушки, чтобы разгромить этихъ воиновъ, лишенныхъ всякой помощи; но видя всѣ свои усилія напрасными, такъ какъ природа мѣстности защищала осажденныхъ, Османъ, по прошествіи двухъ дней, рѣшился уморить ихъ голодомъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ, козаки тѣмъ не менѣе отважились сразиться съ непріятелемъ, (ибо отчаяніе нерѣдко бываетъ побужденіемъ къ благородной смерти) и успѣли пробиться сквозь изумленныя и дрожащія турецкія войска; но изнуренные голодомъ и трудами, покрытые пороховою пылью, они сложили жизнь вмѣстѣ съ оружіемъ. Османъ позорно предалъ ихъ мученіямъ и, забывши султанское достоинство, пускалъ въ нихъ стрѣлы собственноручно, приказавъ, привязать козаковъ къ деревьямъ. Несчастные оставили память своей безсмертной славы на томъ мѣстѣ, гдѣ окончили жизнь. Темные и неизвѣстные люди облагородили себя такою смертью, между тѣмъ какъ Османъ сдѣлался предметомъ презрѣнія для благородныхъ людей всѣхъ временъ.

Между тѣмъ румынскіе разбойники, соединившись со скопищемъ татаръ, не переставали нападать на лагерь Ходкевича и захваты-

вать людей и лошадей, которые неосторожно отдалялись на пастбища. Петра Конашевича также постигла несчастная случайность, отъ которой онъ спасся единственно благодаря своей удивительной энергіи и благопріятной судьбѣ: направившись къ Степановцамъ [1]), гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить запорожское войско, онъ замѣтилъ на землѣ многочисленные слѣды конскихъ копытъ, и, полагая, что попалъ на слѣдъ своихъ, наткнулся на непріятеля; турецкіе огни въ ночной темнотѣ окончательно ввели его въ заблужденіе и онъ былъ увѣренъ, что находится вблизи козацкаго лагеря. Когда разсвѣло, Конашевичъ съ пригорка разсмотрѣлъ палатки, замѣтилъ свою ошибку и бросился бѣжать, но турецкая стража погналась за нимъ. Почти настигнутый турками, онъ бросилъ коня и съ простреленною рукою, обезсиленный, скрылся въ ближайшемъ лѣсу; тамъ онъ скрывался цѣлый день и ночь, не зная дороги, неувѣренный въ томъ, что предпринять, ослабѣвшій отъ раны; такъ онъ достигъ Днѣстра, переправился черезъ него вблизи Могилева и пробрался наконецъ въ свой лагерь. Запорожцы, уже ввѣрившіе предводительство надъ собою Бородавкѣ, торжественно и единогласно привѣтствовали его снова какъ своего вождя; по его приказу Бородавка, обвиненный во многихъ преступленіяхъ, былъ закованъ въ кандалы и вскорѣ послѣ того казненъ подъ Хотиномъ. Между тѣмъ въ различныхъ направленіяхъ вокругъ лагеря постоянно бродили молдаванскіе разбойники. Уже послано было нѣсколько отрядовъ, которые скрывались въ лѣсахъ, отвѣчая засадами на засады и подстерегая ихъ буйныя скопища; но никто не показывался, такъ какъ знаніе мѣстности давало имъ возможность избѣгать засадъ. Въ окрестности Хотина показалась горсть запорожцевъ, сопровождавшая добычу, захваченную въ Оргіевской области. Густая пыль взбитая ими, мѣшала различить, кто были эти пришельцы и поселила опасеніе, что приближается непріятель. Трубачъ подалъ сигналъ и предводители

---

[1]) Упоминаемые нѣсколько разъ Степановцы—вѣроятно нынѣшнее село Стефанешты, лежащее на берегу р. Реута въ южной части нынѣшняго Сорокскаго уѣзда.

начали уже строить войска въ боевой порядокъ, когда гонецъ известилъ о приближенiи козаковъ.

Мирза Кантемиръ, ободренный постоянными удачами во многихъ предыдущихъ войнахъ съ поляками, пожелалъ дать починъ въ наступательной войнѣ. Онъ укрылся въ лѣсу съ пятитысячнымъ отрядомъ старыхъ и опытныхъ татаръ и послалъ своего брата во главѣ двухъ тысячъ, поручивъ ему напасть врасплохъ на польскую стражу, а тѣ дикимъ крикомъ привели въ смятенiе нашъ лагерь. Одинъ татаринъ, одаренный мощнымъ тѣлосложенiемъ и большимъ мужествомъ, храбро пробился къ воротамъ стана Любомирскаго и палъ здѣсь, пораженный камнемъ; за то съ другой стороны, съ приднѣстрянскихъ горъ татары спускались подобно тучѣ. Первымъ постомъ въ той сторонѣ завѣдывалъ Пiотровскiй, предводитель легкой конницы; здѣсь счастье благопрiятствовало полякамъ: лукавый врагъ, наступавшiй на лагерь, былъ отбитъ съ позоромъ, хотя и направлялъ свой натискъ именно въ то мѣсто, гдѣ солдаты крѣпко спали, изнуренные ночною экспедицiею. Предусмотрительный, не смотря на болѣзнь, Ходкевичъ послалъ войско въ аттаку; правымъ крыломъ начальствовалъ Любомирскiй, при которомъ находилась также хоругвь белзскаго подкоморiя Матвѣя Лѣсвiовскаго; лѣвымъ крыломъ предводительствовалъ самъ Ходкевичъ, обративши центръ войска къ горамъ, откуда опасался татарской засады; при немъ находились отряды: его собственный и Сенявскаго, а въ помощь имъ въ первомъ ряду расположены были хоругви двухъ кастеляновъ—познанского, Петра Опалинскаго и полоцкаго, Богуслава Зеновича; во второмъ ряду помѣщены отряды оршанскаго старосты Александра Сапѣги и вызненскаго старосты Николая Коссаковскаго. Центръ войска составляли отряды: белзского кастеляна Станислава Журавинскаго и липницкаго старосты Боратынскаго; къ нимъ были присоединены Свѣжинскiй и Средзинскiй, съ гусарскою хоругвью кiевскаго воеводы, Ѳомы Замойскаго. Большое количество новобранцевъ, не привыкшихъ къ соблюденiю порядка, раздражало Ходкевича; но онъ помнилъ численность каждой хоругви и съ поразительною быстротою соображенiя каждой изъ нихъ назначалъ позицiю. Малочисленными каза-

лись польскія силы, далеко не достигавшія установленной сеймомъ цыфры; сверхъ того еще отсутствовали войска королевича Владислава и запорожцы; все это видѣлъ Ходкевичъ, но не падалъ духомъ, ибо онъ уподоблялся лучшимъ полководцамъ не только своего времени, но и древности. Онъ размѣстилъ въ лѣсу нѣсколько отрядовъ легкой и тяжело-вооруженной конницы вмѣстѣ съ нѣмецкою и венгерскою пѣхотою, поручивъ имъ ударить изъ засады на татаръ. Планъ этотъ вполнѣ удался; когда поляки стремительно ударили па непріятеля, тотъ принужденъ былъ отступить, не смотря на превосходство своихъ силъ. Кантемиръ, смущенный бѣгствомъ своихъ, самъ бросился бѣжать и, встрѣтившись случайно съ запорожцами, потерялъ не мало татаръ. Разсказы плѣнныхъ о приближеніи Османа и Джанибекъ-Гирея, татарскаго хапа были подтверждены Шембергомъ и Константиномъ Вевели, которые видѣли турокъ въ четырехъ миляхъ отъ Хотина. Визирь Гуссейнъ, достойно принявши Шемберга, скрылъ его прибытіе отъ Османа, а тѣ, которые раньше хлопотали о возобновленіи мира при посредствѣ Вевели и обоихъ гетмановъ, теперь высокомѣрно отвѣчали, что хотя они жаждутъ мира не менѣе самихъ поляковъ, но предпочитаютъ оставаться вооруженными. При звукахъ трубъ въ лагерѣ было объявлено, что цѣлой речипосполитой грозитъ неслыханная дотолѣ опасность. Въ частныхъ бесѣдахъ предводители старались ободрить солдатъ, утверждая, что въ божьемъ милосердіи вся надежда на спасеніе и что мужество поляковъ отразитъ силу силою. Въ этомъ смыслѣ не столько могло подѣйствовать краснорѣчіе, сколько одно напоминаніе о томъ, что поколеблена старая слава отцовъ, которые предпочитали покупать миръ желѣзомъ нежели золотомъ. Тѣмъ не менѣе для большей безопасности поспѣшили окопать станъ рвомъ и валомъ. Вечеромъ Конашевичъ со своими запорожцами расположился лагеремъ въ разстояніи одной мили отъ Хотина, но такъ какъ позиція эта не была безопасною, то козаки въ ту же ночь приблизились къ Днѣстру и заняли другую рядомъ съ лагеремъ Ходкевича.

Книга вторая.

Наступилъ день, памятный полякамъ на вѣчныя времена, когда появились несмѣтныя полчища султана Османа и хана Джанибекъ-Гирея, собранныя изъ многочисленныхъ областей и народовъ; день, въ который появились на нашей землѣ побѣдоносныя знамена оттоманской имперіи, владѣющей тремя частями свѣта. По мановенію могучаго властелина явились на Днѣстрѣ нежданные гости отъ береговъ Евфрата, Нила и сосѣдняго Дуная; Азія и Африка, словно поколебленныя въ своихъ основахъ, готовились ринуться на Подоліе. Безчисленныя и разноплеменныя войска шли къ сарматскимъ границамъ, гдѣ иное небо, иной климатъ, иной характеръ природы, гдѣ все, однимъ словомъ, поражало взоры пришельцевъ. Дикія полчища раньше почувствовали руку поляковъ, нежели услышали ихъ имя, ибо стремительность ихъ похода, равная быстротою полету пушечнаго ядра, была быстрѣе самой вѣсти. Различныя животныя: верблюды, буйволы и мулы шли, подымая густыя облака пыли; сверхъ того кровожадный молодой тиранъ привелъ четырехъ слоновъ, чтобы показать свое могущество и устрашить польское войско африканскими чудовищами. Достойны вѣчнаго удивленія быстрота и внезапность, съ которыми непріятель расположилъ свой лагерь; съ невѣроятною поспѣшностью были раскинуты палатки, блиставшія чудною красотою и богатствомъ; три наиболѣе выдающіяся возвышенности побѣлѣли какъ-бы отъ внезапно выпавшаго снѣга. Между лѣсами и болотами Джанибекъ-Гирей и его татары заняли пространство на цѣлую милю вмѣстѣ съ волохами, молдаванами и частью турецкихъ силъ. Размѣры занятой мѣстности и расположеніе войскъ облегчали счисленіе военныхъ силъ, Какъ наши, такъ и турки не согласны между собою относительно численности своихъ армій, но достаточно будетъ сказать, что оба мусульманскіе владѣтеля, удовлетворяя требованіямъ необходимости и величію своего титула, выступили со всѣми своими силами, при чемъ вызвали цѣлый сонмъ своихъ вассаловъ. Янычары (составлявшіе главную военную силу Турціи), прибыли, какъ носились слухи, въ маломъ числѣ; причиною тому было корыстолюбіе ихъ

начальниковъ, принимавшихъ деньги вмѣсто солдатъ. Конница, сіявшая роскошными уборами и красотою коней, знамена съ блестящими позолоченными шарами вверху—все это представляло прекрасное зрѣлище. Но кони эти, приведенные изъ болѣе теплаго климата, измученные продолжительностью пути, были менѣе крѣпки и выносливы, нежели можно было ожидить; нестройныя толпы азіатовъ составляли только помѣху; они обращали на себя вниманіе лишь длинными бородами да крикомъ, а не военными подвигами и храбростью; непривычные къ лишеніямъ и битвамъ, избалованные роскошью, они мало предвѣщали военныхъ успѣховъ. Многіе изъ нихъ, изможденные старостью, слабые тѣломъ, не умѣли ни владѣть оружіемъ, ни строиться въ боевой порядокъ. За то войска изъ европейской Турціи по справедливости могли назваться оплотомъ и украшеніемъ цѣлой арміи. Старые солдаты, закаленные въ венгерскихъ походахъ, тѣломъ, духомъ и даже одеждою нисколько не похожіе на прочихъ турокъ, во всемъ носили слѣды характера старыхъ туземцевъ христіанъ; впереди ихъ шли копьеносцы. Мы видѣли оружіе, обыкновенно употребляемое турками: лукъ, кривую саблю, желѣзный крюкъ, рогатину и всего чаще короткіе желѣзные дротики, которыми бросали въ непріятеля; за исключеніемъ янычаръ всѣ остальные турки рѣдко употребляютъ ружья и въ рѣдкихъ только случаяхъ надѣваютъ панцыри; вотъ почему поляки, по большей части тяжело вооруженные, наносятъ имъ немалый уронъ.

За войскомъ Османа слѣдовали толпы гадальщиковъ, которыхъ суетныя предсказанія предвѣщали побѣду суевѣрному народу. Дорогія пушки, способныя разгромить самыя прочныя стѣны, кольцемъ окружали ихъ войско и метали ядра, между которыми я собственными глазами видѣлъ вѣсившія до 55 фунтовъ. Трубы и рожки издавали рѣзкій, непріятный для уха звукъ; но Ходкевичъ заранѣе былъ приготовленъ ко всему и ничего не страшился. Онъ вывелъ войско изъ лагеря, присоединивши къ нему запорожцевъ и занялъ лѣвое крыло, расположившись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за два дня передъ тѣмъ сразился съ Кантемиромъ, а чело усилилъ отрядами: Опалинскаго, Зеновича и Сапѣги. Правымъ флагомъ, примыкавшимъ къ лѣсу, въ которомъ засѣли татары, предводительствовалъ

Любомирскій; первый рядъ составляло его собственное войско вмѣстѣ съ отрядами: Яна Розражевскаго, Злотницкаго, Яновскаго и Ратовскаго. Въ первомъ ряду его крыла стояла конница Станислава Жоравинскаго; во второмъ Матвѣя Лѣсьовскаго и Стефана Потоцкаго, каменецкого старосты; въ третьемъ отрядъ Яна Фаренсбаха; въ четвертомъ хоругви скальского старосты Гербурта, Станислава и Александра Прусиновскихъ, сыновей белзскаго воеводы; промежутокъ между двумя флангами занимала нѣмецкая пѣхота вмѣстѣ съ орудіями большого калибра. Остальныя силы, предназначавшіяся для того, чтобы сдерживать послѣднія аттаки непріятеля, состояли изъ самой легкой конницы Николая и Прокопія Сенявскихъ, затѣмъ изъ войска кіевскаго воеводы Ѳомы Замойскаго, изъ отрядовъ Свѣжинскаго и Срѣдзинскаго, за которыми стоялъ для подкрѣпленія вызненскій староста Николай Коссаковскій. Между флангами Ходкевича и Любомирскаго было значительное разстояніе вслѣдствіи причинъ, указанныхъ выше; сверхъ того обращены были къ лѣсу нѣсколько легкихъ хоругвей для того, чтобы татары, выскочивъ оттуда по своему обыкновенію, не ударили на таборъ или въ тылъ войску. Расположивши свою армію въ боевомъ порядкѣ, Ходкевичъ, по обычаю великихъ полководцевъ, произнесъ краткую, приличную случаю рѣчь.

„Храброе рыцарство! это поле, на которомъ вы видите два войска, требуетъ подвиговъ, а не словъ. Природа не создала меня ораторомъ; жизнь, проведенная въ походной пыли, не научила пышнымъ цвѣтамъ краснорѣчія, наконецъ и эта минута передъ боемъ, который вскорѣ наступитъ, неудобна для выслушиванія рѣчей вамъ, гражданамъ дорогого отечества и общей республики, за славу и цѣлость которой вы приносите въ жертву свои головы. Я много обязанъ судьбѣ за то, что среди непрерывныхъ битвъ и лишеній она сохранила меня невредимымъ до сего дня, когда я честно послужу королю и речипосполитой, если останусь въ живыхъ; если-же паду на непріятельской землѣ и буду погребенъ руками христіанъ, моихъ согражданъ, я желаю, чтобы вы знали, что въ справедливости нашего предпріятія и въ вашей стойкости лежитъ надежда цѣлой

страны. Пусть васъ не тревожатъ эти шатры, которые вы видите, разбитыми для удовлетворенія тщеславія тирана и для возбужденія въ васъ страха; большинство изъ нихъ пусты и поставлены только на показъ. Не думайте, чтобы слоны и верблюды составляли боевую силу; они слишкомъ обременены вьюками и гнутся подъ ихъ тяжестью. Считайте безсильными, ничтожными тѣнями эти толпы азіатовъ, слабыя духомъ и силами, изнѣженныя роскошью, подобныя толпамъ женщинъ. Не устоять имъ при первомъ звукѣ польской трубы, при первомъ залпѣ вашего оружія, ибо вы природные сарматы, воспитанники могучаго Марса, а предки ваши нѣкогда на западѣ въ Ельбѣ, а на востокѣ въ Днѣпрѣ забили желѣзныя сваи, какъ памятники вѣчной славы. По данному сигналу, поляки и литовцы, ударьте на врага, помня прадѣдовскую славу; къ тому-же, самому трусливому солдату не за чѣмъ и нѣкуда бѣжать, находясь между быстрою рѣкою и разсѣянными повсюду татарами и турками. Для храбраго рыцарства здѣсь открыто поле къ безсмертной славѣ. Не думаю и не ожидаю, чтобы среди васъ могли быть трусы; пусть безвыходность положенія замѣнитъ мужество слабымъ, а храбрыхъ пусть укрѣпитъ любовь къ Богу и родинѣ. Ты-же, святая справедливость, дающая власть королямъ и побѣду воителямъ цѣлаго свѣта, возстань противъ непріятеля, который страшится твоего имени, укрѣпи насъ твоею десницею, отпусти намъ наши грѣхи и покарай по заслугамъ жестокихъ людей".

Многіе въ войскѣ плакали, когда онъ окончилъ рѣчь и во всѣхъ сердцахъ возгорѣлось неслыханное мужество. Каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ битвы, многіе пѣли священный гимнъ въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи, многіе тутъ же передъ сраженіемъ составляли краткія завѣщанія и исповѣдывались передъ священниками различныхъ вѣроисповѣданій, которые въ самую минуту опасности обходили ряды войскъ и, соотвѣтственными времени и мѣсту поученіями, ободряли духъ христіанскаго рыцарства, охраняя его отъ сѣтей ада. Слабоумный Османъ съ первой минуты прибытія предсказывалъ туркамъ вѣрную побѣду и полное истребленіе всѣхъ враговъ оттоманской Порты. Исполненный неосновательныхъ надеждъ, онъ поклялся

ничего не ѣсть, пока не отправитъ въ адъ къ ужину всѣхъ поляковъ до послѣдняго и явилъ примѣръ, невиданный и неслыханный дотолѣ въ исторіи военныхъ дѣйствій, а именно: едва завидѣвъ наши силы и не давши отдыха своимъ войскамъ, усталымъ отъ похода, онъ отдалъ приказъ аттаковать поляковъ и въ тоже самое время устраивать лагерь. Дѣло началось мелкими стычками запорожской стражи съ передовою турецкою стражею. Пѣхота и кавалерія храбро ударили на варваровъ, а для того, чтобы они не были отрѣзаны отъ своихъ и подавлены всею массою непріятеля, отряды нѣмецкой и венгерской пѣхоты, скрытые въ лѣсахъ и среди холмовъ, неожиданнымъ ударомъ успѣли поддержать уже ослабѣвавшихъ запорожцевъ. Подоспѣлъ и Ходкевичъ съ Русиновчиками, (которыхъ обыкновенно называютъ Лисовчиками), и горстью конницы—какъ легкой, такъ и тяжеловооруженной. Вскорѣ битва приняла столь оживленный характеръ, что наступавшая ночь едва могла прекратить ее. Скрываясь въ лѣсной чащѣ, пѣхота могла направлять свои выстрѣлы и цѣлить изъ ружій въ янычаръ, стоявшихъ безъ всякаго прикрытія. Съ обѣихъ сторонъ замѣтно было сильное ожесточеніе, а Ходковичъ собственнымъ примѣромъ ободрялъ своихъ. Турецкія пушки больше устрашали своимъ рохотомъ, нежели причиняли дѣйствительнаго урона полякамъ: въ отрядѣ Ходкевича насчитывали убитыми семь лошадей; погибъ одинъ изъ простыхъ солдатъ, да Завиша, юноша знатнаго рода изъ хоругви Кишки, раненный пушечнымъ ядромъ въ правую ногу, умеръ позже въ лагерѣ среди тяжкихъ страданій. Потомки тѣхъ татаръ, которыхъ Витовдъ поселилъ на нашей землѣ, Богданъ и Чаровичъ, люди, доказавшіе свою вѣрность речипосполитой во времена шведскихъ и московскихъ войнъ, не смотря на то, что исповѣдываютъ одну общую съ турками мусульманскую ересь, сражались противъ нихъ, какъ противъ враговъ отечества. Въ отрядѣ Русиновского ранены ружейными выстрѣлами: Ендржейовскій, который и умеръ отъ раны, Клущъ предводитель легкой хоругви, лифляндецъ Клебекъ и Рушковскій, оба начальники тяжелой кавалеріи и Раковскій, сотникъ пѣхоты, которую содержалъ на свои средства Янъ Станиславъ Сапѣга, великій маршалъ литовскій. Много было раненыхъ и въ дру-

тихъ хоругвяхъ, убито нѣсколько лошадей, но каковы бы ни были наши потери, онѣ съ избыткомъ вознаграждались урономъ въ турецкомъ войскѣ. Много осталось турецкихъ труповъ, а польская пѣхота привела съ собою большое количество породистыхъ лошадей. Въ лагерѣ можно было видѣть блестящую конскую сбрую и добычу, состоявшую изъ богатыхъ одеждъ, множества копій и различнаго оружія. Даже лагерная прислуга возвращалась въ станъ, обогащенная деньгами, золотомъ и драгоцѣнными сосудами. Тогда погибъ, раненный пулею, одноглазый Гуссейнъ-паша, бывшій послѣ Скиндеръ-паши правителемъ Силистріи, человѣкъ извѣстный своимъ значеніемъ и военными подвигами. Одинъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ Османа, родственникъ правителя Малой Азіи, попалъ живымъ въ руки поляковъ, но уже не могъ говорить, вслѣдствіе тяжелой раны и вскорѣ скончался. Татары, командированные противъ лѣваго крыла Любомирскаго, устремились въ лѣсъ и оттуда больше дикими криками, нежели серьозными военными дѣйствіями пугали поляковъ.

Всѣ событія этого дня приняты были войскомъ какъ самое благопріятное предзнаменованіе дальнѣйшаго хода войны.

Съ наступленіемъ ночи Ходкевичъ созвалъ совѣтъ для совѣщанія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Непреклонный гетманъ, сгоравшій жаждою битвъ и славы совѣтовалъ попытать счастья въ рѣшительномъ сраженіи прежде, нежели центральныя непріятельскія силы успѣютъ окопаться и укрѣпить свою позицію. Но коммиссары совѣтовали промедлить, чтобы не ставить на карту судьбы всей республики, прося повременить, пока не придутъ подкрѣпленія изъ цѣлаго королевства и пока не будетъ въ безопасности Владиславъ, отдѣленный рѣкою отъ своей арміи и пребывавшій въ неопредѣленномъ положеніи на противуположномъ берегу. Ходкевичъ охотно согласился на это предложеніе, зная хорошо, что всегда будетъ имѣть возможность выполнять свой планъ. Наконецъ и Владиславъ, окруженный рыцарствомъ и цвѣтомъ шляхетской молодежи, оставивъ большую часть своего войска подъ Брагою, прибылъ въ лагерь подъ Хотиномъ; но здѣсь, вслѣдствіе ли стычки, выдержанной въ знойный день надъ Днѣстромъ подъ Каменцемъ, или вслѣдствіе постоянныхъ

перемѣнъ молдавскаго климата, (подобно жестокому врагу отнявшаго у насъ много храбрыхъ людей), онъ впалъ въ тяжкую и опасную болѣзнь и пролежалъ въ лагерѣ въ теченіи цѣлой кампаніи.

Между тѣмъ Джанибекъ-Гирей соединился съ войскомъ Османа, но между вождями начались большія пререканія. Татарскій ханъ въ своемъ дикомъ тщеславіи съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Кантемира, низшаго по происхожденію и общественному положенію, его собственнаго подданнаго, который однако пользовался большимъ почетомъ у всѣхъ турокъ и у самаго Османа и сдѣланъ былъ правителемъ Силистріи и Бессарабіи, не смотря на то, что были люди старше его. Занятые взаимными пререканіями, они безъ надлежащаго усердія выполняли повелѣнія султана. татарскій ханъ расположился отдѣльно и, въ угоду своимъ татарамъ, не посовѣтовавшись съ турками, послалъ своего младшаго брата Нуреддина вмѣстѣ съ другими вѣрными и опытными въ военномъ дѣлѣ вождями, опустошать подольскія и русскія поселенія.

Турки также не прекращали враждебныхъ дѣйствій. Въ то время дневную стражу отправляла хоругвь Петра Опалинскаго, (который по окончаніи похода наслѣдовалъ познанское воеводство послѣ Яна Остророга). Турецкій отрядъ въ виду этой стражи направился къ воротамъ, охраняемымъ Любомирскимъ и караулы Опалинскаго уже вступали съ нимъ въ стычку, когда въ силу гетманскаго приказа одинъ товарищъ изъ хоругви Гржимултовскаго обратился притворно въ бѣгство и далъ знать въ лагерь. Рыцарство всѣхъ чиновъ быстро и усердно принялось укрѣплять лагерь; у воротъ Ходкевича и Любомирскаго пѣхота высыпала земляныя укрѣпленія на подобіе плотины и со всѣхъ сторонъ окопала ихъ рвомъ. Турки прямо устремились къ воротамъ Любомирскаго и съ крикомъ ударили на выбѣгающихъ изъ лагеря поляковъ, но пушечные выстрѣлы изъ шанцевъ прорвали ихъ строй и сбросили съ коня многихъ всадниковъ; остальныя войска Османа, защищенныя отъ выстрѣловъ частью лѣсомъ, частью холмами, быстрымъ маршемъ направились къ каменной греческой церкви, которая оставалась еще невредимою среди хотинскихъ развалинъ. Въ свою очередь поляки, оберегавшіе

валы, видя, что врагъ мѣтитъ къ пунктъ, мало или совсѣмъ не защищенный, толпою бросились туда, гдѣ опасность казалась грознѣе. Янычары стрѣляли изъ своихъ самопаловъ, но не попадали въ нашихъ рыцарей; послѣдніе, не ожидая непріятеля у слабо укрѣпленнаго рва, быстро и стремительно ударили въ середину янычарскаго отряда, значки котораго виднѣлись въ сосѣднемъ лѣсу. Ходкевичъ послалъ къ нимъ подкрѣпленія, состоявшія частью изъ хоругви Михаила Кохановскаго, частью изъ нѣмецкой пѣхоты, сражавшейся подъ знаменемъ холминскаго воеводы, Яна Вейгера, между тѣмъ какъ венгерская пѣхота охраняла особу Владислава. Закипѣла грозная битва; наконецъ, послѣ продолжительнаго сраженія, непріятель обратился въ бѣгство, но Ходкевичъ, предусмотрительный во всемъ, запретилъ преслѣдовать его дальше, опасаясь засады. Также безъуспѣшно турки обстрѣливали запорожскій лагерь пушечными и ружейными выстрѣлами: козаки далеко раздвинулись по сторонамъ, очистивъ поле, что дало имъ возможность густыми отрядами вступать въ схватку съ турками и свободно цѣлить въ нихъ изъ ружей. Видя свое пораженіе, турки поспѣшно бѣжали, оставивъ второпяхъ три полевыя орудія, которыя были найдены вечеромъ. Обозная прислуга, привычная больше къ играмъ и шуткамъ, нежели къ битвамъ, на этотъ разъ рѣшила судьбу сраженія и довершила нашу побѣду; ибо когда рыцарство, по данному сигналу, начало отступать въ лагерь, эта толпа черни своимъ натискомъ и крикомъ навела такой страхъ на турецкое войско, состоявшее болѣе чѣмъ изъ ста хоругвей, что оно смѣшало строй и въ безпорядкѣ искало спасенія въ ближайшемъ лѣсу. Такимъ образомъ простая случайность, а не оружіе могущественнаго рыцарства поколебало грозную турецкую силу.

Хотя самъ Ходкевичъ и склонялся раньше къ мнѣнію тѣхъ, которые желали стремительно и безотлагательно ударить на Османа, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ во что бы то ни стало держаться въ оборонительномъ положеніи и осторожно выжидать военнаго счастья. Вся его боевая сила заключалась въ шанцахъ, изъ за которыхъ онъ разсчитывалъ безопасно обстрѣливать непріятеля, равно какъ съ не-

равными силами выдерживать ихъ приступы. Онъ приказалъ разрушить до основанія православную деревянную часовню, представлявшую удобное убѣжище для непріятеля, въ другой вышеупомянутой каменной церкви помѣстилъ гарнизонъ изъ пѣхоты Яна Кохановскаго; угрожавшій его воротамъ холмъ, въ одну ночь окопалъ рвомъ и валомъ и немедленно расположилъ на немъ крупныя орудія и пѣхоту Денгофа. Между тѣмъ турки, оставивъ безъ вниманія польскій лагерь, всѣми силами устремились на запорожцевъ; въ теченіи почти двухъ часовъ гремѣли ихъ пушки, а янычары безпрерывно палили изъ ружей. Въ свою очередь козаки, тѣснимые свѣжими непріятельскими силами, опасаясь пораженія, часто посылали къ Ходкевичу просить подкрѣпленій. Нѣмецкіе отряды Вейгера и Лермунта вмѣстѣ съ венгерскою пѣхотою князя Юрія Заславскаго, успѣли сдержать почти весь натискъ турокъ. Каждый разъ, когда непріятельская конница показывалась передъ позиціею Любомирскаго, наше рыцарство, оставляя окопы, настигало и разсѣевало ихъ такъ, что они обильно оросили это поле своею кровью.

Между тѣмъ татары на противоположномъ берегу Днѣстра заняли пути, ведущіе изъ Каменца въ Брагу и расхитили множество возовъ, доставлявшихъ припасы для войска Владислава. Потерпѣвъ пораженіе отъ козаковъ, турки не пали духомъ, напротивъ, тѣмъ сильнѣе возгорѣлись жаждою мести. Выдвинувъ пушки большого калибра, они въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ безостановочно штурмовали запорожскіе шанцы. Воздухъ былъ переполненъ дымомъ, темно было въ глазахъ, а Ходкевичъ, съ дѣтства привычный къ битвамъ, откровенно признавался, что въ теченіи цѣлой жизни не слышалъ подобнаго грома орудій. Потеряно было много лошадей, сами же запорожцы съ полною безопасностью скрывались въ вырытыхъ ими пещерахъ, такъ что, не смотря на цѣлыя тучи ядеръ, летавшихъ въ воздухѣ, погибъ только одинъ изъ нихъ, куренный атаманъ, по имени Васюкъ (Василій) Зоря.

Чтобы отвлечь отъ козаковъ сосредоточенныя усилія турокъ, отрядъ Русиновскаго, состоявшій изъ нѣсколькихъ хоругвей и тяжелой кавалеріи, бросился на непріятеля, который обратился въ по-

стыдное бѣгство, оставивъ въ почетную добычу полякамъ главныя свои орудія. Но поляки, замѣтивъ, что они прикованы желѣзными цѣпями къ дубовымъ деревьямъ, сами подрубили колеса и сбросили пушки въ близь лежащую пропасть, чтобы не отдавать ихъ туркамъ. Это не была еще окончательная побѣда, но если бы поляки съумѣли тогда воспользоваться ею, то одинъ часъ принесъ бы имъ больше добычи нежели всѣ эти сорокъ дней, исполненные трудовъ и опасностей: ибо въ погонѣ за турками, бѣжавшими къ расположенной надъ Днѣстромъ части ихъ лагеря, они захватили шатры, полные утвари, множество лошадей, муловъ и разного скота. Уже турецкій станъ, устрашенный звукомъ христіанскаго оружія и военной музыки, огласился именемъ Христа, уже началъ орошаться турецкою кровью, когда козаки вмѣстѣ съ обозною прислугою увлеклись постыдною жаждою грабежа и тѣмъ дали возможность непріятелю собраться съ силами. При видѣ толпы, устремившейся въ ихъ лагерь, турки въ большомъ количествѣ сдѣлали вылазку, убивая и захватывая въ плѣнъ козаковъ, для которыхъ впослѣдствіи придумывали жестокія муки. Однако большинство козаковъ и прислуги избѣжали опасности и возвратились къ своимъ, обремененные добычею. Ходкевичъ, верхомъ на конѣ, стоялъ у воротъ своего окопа, когда примчался гонецъ съ извѣстіемъ, что козаки съ нѣсколькими польскими отрядами заняли уже лагерь Османа и что для полной побѣды не достаетъ только подкрѣпленій, о присылкѣ которыхъ Конашевичъ проситъ обоихъ гетмановъ. Но солнце уже близилось къ западу и Ходкевичъ не позволилъ къ ночи завязывать битву, чтобы изъ за отвратительной жажды грабежа не подвергать опасности цѣлаго войска. Нужно допустить, что въ умахъ великихъ полководцевъ живетъ какой то особый геній, который подаетъ имъ спасительные совѣты. Гетманъ, окруженный цвѣтомъ рыцарства, глубоко вздохнувши прослезился и, поднявши взоры къ небу, произнесъ слѣдующія слова: „О всевышній Судья дѣлъ людскихъ! Твоя есть сила, Твое царство и твоя брань. По волѣ Твоей совершается все, что есть великаго на землѣ: войны, пораженія, побѣды — все отъ Тебя зависитъ. Ты по своей волѣ укрѣпляешь оружіе, слабыхъ дѣлаешь

богатырями, унижаешь гордыхъ, возвышаешь смиренныхъ, немощнымъ даешь отвагу; тамъ, гдѣ всего меньше есть повода къ боязни, разсѣеваешь тревогу и (если я, ничтожный прахъ передъ Твоимъ престоломъ, осмѣлюсь такъ выразиться) играешь судьбами людей. И теперь я смиренно приписываю Твоему божескому величію тѣ добрыя вѣсти, какія ко мнѣ доходятъ, какъ новое доказательство дивной заботы Провидѣнія о моемъ отечествѣ. Соблаговоли и впредь творить такія же благодѣянія, сломить дикость язычниковъ и возвысить славу христіанства".

Послѣ неожиданнаго вторженія запорожцевъ въ лагерь Османа, турками овладѣла паника: люди всѣхъ званій и сословій были въ неописанной тревогѣ; самъ Османъ, еще такъ недавно думавшій, что нѣтъ никого въ мірѣ могущественнѣе его, теперь собственными глазами увидѣлъ всю шаткость своего положенія и прежняя надменность смѣнилась женскими жалобами, когда онъ убѣдился въ неосновательности своихъ надеждъ. Разсѣялось его рыцарство, съ помощью котораго онъ разсчитывалъ не только побѣдить польское войско, но завоевать весь земной шаръ; теперь оставалась только надежда безславнаго мира.

Иные совѣтовали въ ту же ночь ударить на непріятельскій лагерь, чтобы окончательно завершить побѣду, но Ходкевичъ отклонилъ это мнѣніе своими доводами: онъ хотѣлъ, чтобы какъ можно скорѣе пришли изъ Браги и переправились черезъ Днѣстръ остальныя войска Владислава, чтобы поскорѣе доставленъ былъ порохъ, хлѣбъ и припасы, какъ для солдатъ, такъ и для лошадей и послѣ того уже намѣревался въ открытомъ бою помѣряться съ Османомъ. Коммиссары и прочіе начальники полковъ и хоругвей, опытные въ военномъ дѣлѣ, утверждали, что при такомъ количествѣ войскъ легко удастся сломить турецкія силы и совѣтовали обратить вниманіе на увеличеніе, усиленіе и вообще приведеніе въ порядокъ окоповъ.

Теперь мнѣ приходится писать, на память грядущимъ временамъ, объ отвратительномъ своеволіи солдатской черни, которая распространила ложный слухъ о мнимомъ распоряженіи Ходкевича:

истреблять безъ пощады всѣхъ молдаванъ, дотолѣ вѣрныхъ королю, за доказанную будто ихъ измѣну. Иные изъ нихъ съ семействами искали убѣжища въ убогихъ лачугахъ у подножія скалъ хотинскихъ, другіе въ крайней нищетѣ едва могли существовать, собирая подаяніе въ окрестности, нѣкоторые содержали себя и дѣтей на собственныя ничтожныя средства. Этихъ-то людей, положившихся на обѣщаніе, данное властями и увѣренныхъ въ своей безопасности отъ насилій, буйная чернь солдатская избивала, не щадя ни пола, ни возраста, словно враговъ и язычниковъ, а не подданныхъ речипосполитой и христіанъ. Престарѣлые мущины и женщины гибли въ рѣчной пучинѣ, сбрасываемые съ хотинскаго моста; бросали въ воду и младенцевъ, оторванныхъ отъ груди матерей, и дѣтей, исторгнутыхъ изъ отцовскихъ объятій, а дѣвицъ на глазахъ родителей отдавали на поруганіе. Стоны этой беззащитной толпы, достигавшіе самаго неба, не смягчали жестокихъ душъ палачей, а всѣ эти истязанія, сведенныя въ одну картину, представляли отвратительное и ужасающее зрѣлище. Преступленія эти скрывали передъ Ходкевичемъ изъ опасенія ухудшить его болѣзненное состояніе; однако Любомирскій, озабоченный предотвращеніемъ всякихъ волненій, отрядилъ извѣстное количество стражи съ приказаніемъ повѣсить тамъ-же всѣхъ пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. Такъ были казнены нѣкоторые изъ буйной толпы; хотя наказаніе не соотвѣтствовало преступленію, но Всевышній мститель за невинную кровь, Судья живыхъ и умершихъ отомститъ самъ, покаравши наше войско какимъ нибудь тяжкимъ бѣдствіемъ.

Между тѣмъ турки передвинули свой лагерь изъ первоначальной его позиціи ближе къ польскимъ шанцамъ, такъ что передовая ихъ стража, расположенная въ приднѣстровской долинѣ, почти соприкасалась съ запорожскими окопами. Османъ не пренебрегалъ никакими средствами, лишь-бы перетянуть чашу побѣды на свою сторону и, по пословицѣ, гдѣ недоставало львиной шкуры, притачалъ лисью. Мы были опутаны сѣтью измѣны. Нѣкоторые изъ крестьянъ, подданныхъ подольской шляхты, которые вмѣстѣ съ молдавскими разбойниками грабили окрестности, подкупленные деньгами и щедрыми

обѣщаніями, готовы были содѣйствовать туркамъ въ сожженіи польскаго лагеря. Одинъ изъ этихъ крестьянъ, родомъ изъ села Рѣпинецъ [1]), въ двухъ миляхъ отъ Каменца, посланный съ измѣнническимъ замысломъ, по счастливой для поляковъ случайности попалъ въ руки запорожцевъ. Приведенный въ лагерь, онъ показалъ подъ пыткою всѣ намѣренія турокъ, назвалъ многихъ подданныхъ подольской шляхты, какъ соучастниковъ измѣны, затѣмъ самъ онъ былъ преданъ заслуженнымъ мученіямъ, своимъ видомъ напоминая войску о необходимой предусмотрительности.

Константинъ Вевелій, присланный отъ визиря Гуссейна къ Ходковичу наканунѣ прибытія Османа, утверждалъ, что надежда на заключеніе мира могла еще осуществиться и убѣждалъ гетмана поспѣшить съ отвѣтомъ визирю, но тотъ, занятый военными приготовленіями, объявилъ, что не имѣетъ времени отвѣчать на письма. Впрочемъ, не желая подавать повода къ ложнымъ толкамъ о томъ, будто онъ, вопреки международному праву, слишкомъ долго задерживаетъ посла, онъ отпустилъ наконецъ Константина, который провелъ больше недѣли въ хотинскомъ замкѣ и написалъ визирю, что равно готовъ какъ къ бою, такъ и къ принятію условій почетнаго мира. Между тѣмъ военныя дѣйствія не прекращались съ обѣихъ сторонъ. Лермунтъ занялъ позицію между шанцами Денгофа и запорожцевъ и поспѣшно окопался рвомъ; при немъ находилась венгерская пѣхота Сапѣги, литовскаго надворнаго маршала и князя Юрія Заславскаго. Турки начали было приближаться къ шанцамъ Денгофа, обстрѣливая въ тоже время изъ пушекъ козацкій станъ не достигавшими его впрочемъ выстрѣлами, но Лермунтъ вмѣстѣ съ пѣхотой вышеупомянутыхъ пановъ, опередивши турокъ, принудилъ многочисленные ихъ отряды обратиться въ постыдное бѣгство. Не желая показаться совершенно побѣжденными, турки навели свои орудія на ворота стана Любомирскаго. Повсюду виднѣлись огненныя ядра, летавшія надъ лагеремъ, даже надъ палатками королевича и больше всего поражали хоругвь короннаго подчашія Николая Сеняв-

[1]) Село Каменецкаго уѣзда на р. Жванчикѣ.

скаго. Предводитель этой хоругви Глинецкій, состоявшій въ дневной стражѣ внѣ окопа вмѣстѣ съ Ярчевскимъ, желая избѣгнуть опасности, осторожно двинулся сквозь заросли къ шанцамъ Любомирскаго. Ходкевичъ указалъ было одному отряду пѣхоты позицію между стоянками своею и Любомирскаго, но неправильность и плохое состояніе окоповъ ободрило турокъ, которые ударили на мѣсто, неограждённое валомъ, наполнивъ лагерь криками, и сломили тѣсный строй пѣхоты и конницы. Сотники: Жычовскій и Слядковскій, извѣстные своею небрежностью, не разставили въ этомъ мѣстѣ ни стражи, ни часовыхъ и спокойно пребывали въ бездѣйствіи, какъ бы въ мирное время. Солдаты ихъ безоружные, даже не одѣтые, предавались послѣобѣденному отдыху и понесли заслуженное наказаніе за свою небрежность: турки ворвались въ ихъ станъ, обезглавили обоихъ сотниковъ, овладѣли двумя знаменами и продолжали разить пѣхоту, встревоженную неожиданнымъ нападеніемъ. Всюду виднѣлись разбросанные и обезглавленные польскіе трупы, ибо турки уносили отрѣзанныя головы въ свой лагерь, выдавая ихъ за головы первыхъ рыцарей и знатнѣйшихъ пановъ и повергали къ стопамъ Османа въ надеждѣ заслужить награды и отличія. Устрашенное наступившею опасностью рыцарство начало даже оставлять ближайшіе къ обозу Ходкевича окопы и вѣроятно многіе обратились бы въ бѣгство, еслибы Николай Сенявскій, исполнявшій со своими людьми дневную стражу, не водворилъ порядка угрозами и побоями.

Однако пораженіе пѣшихъ хоругвей Слядковскаго и Жычовскаго вмѣсто унынія возбудило среди остальнаго польскаго войска бодрость, возраставшую по мѣрѣ усиленія опасности. Цвѣтъ нашего рыцарства съ невѣроятнымъ одушевленіемъ устремился на встрѣчу непріятелю, прорвалъ первые его ряды, послѣ чего турки въ тревогѣ бросились бѣжать по грудамъ своихъ труповъ, которые, судя по тѣлосложенію и одеждѣ, принадлежали повидимому къ отборному рыцарству въ войскѣ Османа.

Прежде чѣмъ направить свои усилія на окопъ Жычовскаго, турки, желая раздѣлить польскія силы, выслали нѣсколько отрядовъ въ направленіи греческой церкви, расположенной вблизи лагеря и не вполнѣ еще укрѣпленной. Непріятель мчался съ крикомъ и шумомъ,

разрывая и разгоняя въ разныя стороны польскія войска. Эта вылазка прекрасно удалась туркамъ. Между тѣмъ Любомирскій, сообразивъ, въ какомъ мѣстѣ угрожала опасность, сосредоточилъ тамъ всѣ силы своего войска. Не вдалекѣ оттуда хелминскій воевода, Янъ Вейгеръ, поручилъ опытному въ дѣлѣ фортификацій бельгійцу Апельманну возводить укрѣпленія: турки усиливались овладѣть ими, но были отбиты съ большимъ урономъ и не рѣшались больше приближаться къ этому мѣсту. Вейгеръ укротилъ ихъ пылъ: онъ скрылъ во рву свою пѣхоту, чтобы турки смѣлѣе могли ударить на окопъ, видя его лишеннымъ всякой защиты, а когда это было исполнено, нѣмецкая пѣхота могла съ удобствомъ цѣлить изъ ружей въ непріятеля. Много осталось убитыхъ, прочіе разбѣжались, а воевода хелминскій далъ блестящее доказательство своей находчивости и мужества. Тѣмъ не менѣе турки, ободренные нѣкоторою удачею въ окопахъ Жычовскаго и Слядковскаго, намѣревались еще попытать счастья. Николай Сенявскій стоялъ на дневной стражѣ во главѣ двухъ сотъ гусаръ; хоругви Ходкевича, познанскаго кастеляна Петра Опалинскаго, Николая Зеновича, Потоцкаго и Александра Сапѣги, оршанскаго старосты, ожидали въ полной готовности. Въ то время какъ турки въ значительномъ количествѣ съ такою стремительностью ударили на остатки шанца Жычовскаго, Сенявскій, посланный противъ нихъ Ходкевичемъ, вѣрный славѣ и традиціи своихъ предковъ и поддерживаемый гетманомъ, геройски сразился съ непріятелемъ. Въ тоже время гетманъ, хотя изнуренный продолжительною болѣзнью, но мощный духомъ, подоспѣлъ съ тремя хоругвями и соединился съ Сенявскимъ, помѣстивши свой отрядъ на челѣ, между тѣмъ какъ Сенявскій занялъ правое крыло, Зеновичъ лѣвое, а Рудомина стоялъ въ тылу съ резервными силами.

Счастье въ дѣлахъ человѣческихъ обыкновенно бываетъ измѣнчиво, особенно въ военномъ дѣлѣ; поэтому исходъ битвы склонялся то въ ту, то другую сторону. Турки, увѣренные въ своей сильной и численной конницѣ, съ веселымъ видомъ и радостными возгласами предсказывали ей несомнѣнную побѣду; между тѣмъ поляки могли противопоставить этому многочисленному войску только четыре хоругви; поэтому они колебались между надеждою и опасеніемъ и возносили къ небу горячія мольбы

о рыцаряхъ, сражавшихся подъ знаменами Ходкевича. Бряцаніе оружія, громкіе оклики свидѣтельствовали объ упорной и смертельной битвѣ. Но вскорѣ судьба ея рѣшена: побѣда склонилась на сторону поляковъ, а побѣжденные турки оставляли свои знамена и позиціи и со стыдомъ бѣжали въ свой лагерь словно вѣстники окончательнаго пораженія не одного только войска, но и цѣлой оттоманской имперіи. Самъ Османъ, пораженный неожиданною паникою своихъ войскъ, понялъ наконецъ, что онъ лишь простой смертный. Одинъ ударъ измѣнчиваго счастья превратилъ его изъ дикаго тирана въ жалкаго невольника; онъ, подобно женщинѣ, пытался слезами воскресить потерянное войско и возстановить свое величіе и честь. Рыдая какъ дитя, онъ упрекалъ бѣжавшихъ съ поля битвы въ недостаткѣ мужества и въ томъ, что люди, которыхъ онъ считалъ мужами съ львинымъ сердцемъ, бѣжали подобно зайцамъ, опозоривъ самое имя турокъ. Дѣйствительно, потери ихъ были весьма значительны: цѣлое поле до самого польскаго лагеря было усѣяно турецкими трупами. Когда я, вмѣстѣ съ белзскимъ кастеляномъ, Станиславомъ Журавинскимъ, исполнялъ посольство къ Осману отъ имени речипосполитой, мнѣ разсказывали въ турецкомъ лагерѣ, что этотъ день былъ для нихъ фатальнымъ, такъ какъ лишилъ ихъ многихъ ветерановъ, многихъ мужей, прославленныхъ рыцарскими подвигами и лучшаго, отборнѣйшаго цвѣта ихъ рыцарства. Достовѣрно также, что въ ночь, послѣдовавшую за прерванною битвою, турки разъѣзжали по полю на возахъ съ факелами и собирали тѣла своихъ лучшихъ бойцовъ. Полоцкій кастелянъ, Николай Зеновичъ, предводитель одной ихъ хоругвей, мужъ знатный родомъ и заслугами речипосполитой, былъ занесенъ быстрымъ конемъ въ ряды непріятеля; съ головы его свалился шлемъ, плохо прикрѣпленный; окруженный отовсюду турками, пробѣгая ихъ ряды, онъ получилъ больше двадцати ранъ, наконецъ на простомъ возу былъ доставленъ въ польскій станъ, гдѣ на третій день отдалъ Богу душу. Изъ отряда Ходкевича погибло въ первыхъ рядахъ шесть человѣкъ отборнѣйшей шляхты вмѣстѣ съ хорунжимъ, а самое знамя, принесенное еще изъ московскаго похода, досталось въ руки непріятеля къ великому негодованію Ходкевича. Сверхъ того пало три солдата въ отрядѣ

Зеновича, два у Сенявскаго, девять у Родомины, а также его братъ; ранены: начальникъ рудоминовой хоругви, восемьнадцать человѣкъ у Ходкевича, въ прочихъ отрядахъ погибло также нѣсколько простыхъ солдатъ и много лошадей. Войско Любомирскаго занимало свою позицію въ полной готовности немедленно дать подкрѣпленіе своимъ, но такъ какъ непріятель вскорѣ былъ обращенъ въ бѣгство, то ни Любомирскій, ни Опалинскій, ни Сапѣга, ни Зеновичъ, хотя стоявшіе не вдалекѣ, не принимали участія въ битвѣ. Среди упорной рѣзни турки зашли съ другой стороны и ударили на козацкій лагерь, на окопы Лермунта и венгерскую пѣхоту; но едва козаки съ пѣхотою вышли и вступили въ бой, какъ турецкіе ряды безъ труда были смяты и отражены съ урономъ. Убѣдившись въ этой битвѣ въ настроеніи и силахъ непріятеля, Ходкевичъ гораздо раньше подалъ бы сигналъ къ продолженію военныхъ дѣйствій, если бы не удерживали его, какъ ожиданіе новыхъ подкрѣпленій изъ Польши, такъ и болѣзнь королевича Владислава.

Весь слѣдующій день былъ употребленъ на исправленіе окоповъ Жычовскаго; турки мало препятствовали работамъ и скрывались въ своемъ лагерѣ, ослабленные вчерашнимъ пораженіемъ. Но на третій день они, вопреки своему обыкновенію, съ разсвѣтомъ устремились къ воротамъ Любомирскаго, который поспѣшно устанавливалъ войска, опасаясь, чтобы жажда побѣды не побудила солдатъ смѣшать ряды; затѣмъ укрылъ въ ближайшемъ лѣсу около двухъ тысячъ пѣхоты козацкой для противодѣйствія стремительному натиску татаръ. Съ обѣихъ сторонъ закипѣла ожесточенная битва. Поляки старались заманить непріятеля въ западню, но турки въ свою очередь сознавали, что было не безопасно тронуться съ занимаемой ими позиціи и вызывали воиновъ Любомирскаго, желая выманить ихъ изъ лагеря. Такимъ образомъ оба враждебныя войска стояли другъ противъ друга, совсѣмъ готовыя къ битвѣ, но колебались и медлили приступить къ дѣлу. Между тѣмъ начался герцъ [1]), загремѣли турецкія орудія, не причи-

---

[1]) Родъ турнира или поединковъ между отдѣльными воинами обѣихъ сторонъ, предшествующій настоящему сраженію.

нявшія впрочемъ большаго вреда. Солнце уже клонилось къ западу, когда Ходкевичъ на своемъ крылѣ отражалъ рыцарство для герца; вслѣдъ за герцовниками вышли три отряда Русиновскаго, смѣло ударили на непріятеля и принудили его къ отступленію. Съ своей стороны и турки, въ надеждѣ возвратить потерянное, направили съ горы свои отряды на окопъ Любомирскаго. Свѣжинскій и Средзинскій, посланные, чтобы удержать нападеніе, уже готовились ударить на непріятеля, но турки, все еще уклонявшіеся отъ битвы, отступили къ лѣсу. Янычары уже не пушечными, но ружейными выстрѣлами безпокоили запорожцевъ, но эти послѣдніе вмѣстѣ съ пѣхотою Лермунта и нѣмцами Денгофа оградили себя валомъ отъ выстрѣловъ. Окопы Бартошовскаго, расположенные на противуположномъ берегу Днѣстра подъ Брагою, также не были свободны отъ приступовъ непріятеля. Между тѣмъ двѣ схватки съ венгерскою пѣхотою ослабили татаръ, но они захватили пасшихся на лугу лошадей и скотъ и добыча эта вполнѣ замѣнила побѣду хищнымъ дикарямъ.

Благопріятный до того времени ходъ военныхъ дѣйствій началъ измѣняться (какъ это часто бываетъ въ человѣческихъ дѣлахъ): подкрѣпленія, ожидаемыя изъ Польши, запаздывали, что ставило насъ въ очень трудное положеніе. Съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ, уменшалось число нашихъ солдатъ; все больше и больше рѣдѣли польскіе ряды вслѣдствіе заразныхъ болѣзней, развивавшихся вѣроятно отъ нездоровой воды. Множество людей, отъ знатнѣйшихъ шляхтичей и до простыхъ солдатъ, гибли почти внезапною смертью; иные, пораженные дизентеріею, умирали въ страшнѣйшихъ мукахъ, другіе, обезсиленные, истощенные болѣзнью, неспособные уже носить оружіе, медленно угасали въ лагерѣ. Если трусость немногихъ можетъ опозорить цѣлый народъ, то тѣни нашихъ предковъ по справедливости должны стыдиться своихъ потомковъ, ибо во время этого похода не мало было такихъ, которые покидали свои хоругви, бѣжали какъ днемъ, такъ и ночью, предпочитая скорѣе погибнуть въ быстрыхъ волнахъ рѣки, нежели со славою отражать грозящую отечеству опасность. Многіе изъ бѣглецовъ, не желавшіе въ открытомъ

бою помѣряться зъ непріятелемъ, попали безоружными въ руки татаръ.

Вожди, конечно, взирали съ прискорбіемъ на ухудшавшееся настроеніе войска и употребляли всѣ усилія для того, чтобы воспрепятствовать дезертирству. Нарочно медлили съ починкою моста, желая, даже такою невыгодною для войска мѣрою, положить предѣлъ позорному бѣгству. Многіе шляхтичи, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, скрывались на возахъ между провіантомъ; ихъ вытаскивали изъ этихъ убѣжищъ и проводили черезъ лагерь, какъ позорящихъ свое войско. Имена лицъ, осрамившихъ себя трусостью, были занесены въ публичные акты, для большаго назиданія потомкамъ, имущества ихъ конфискованы, а имена преданы на вѣчное безславіе сеймовымъ приговоромъ. Но оставшееся въ строю рыцарство выдающимися добродѣтелями загладило вины своихъ товарищей и обезсмертило свою славу въ цѣломъ свѣтѣ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ, болѣзнямъ, смертности и побѣгамъ изъ войска прибавился еще падежъ на лошадей по причинѣ недостатка не только овса и сѣна, но даже подножнаго корма, такъ какъ оба днѣстровскіе берега заняты были непріятелемъ. Вслѣдствіе непрерывной пушечной стрѣльбы ощущался уже недостатокъ пороха, лишавшій надежды на побѣду.

Побуждаемый столь неблагопріятными условіями, Ходкевичъ рѣшился ночью ударить на турецкій станъ, который по общему мнѣнію легко могъ быть взятъ, не будучи укрѣпленъ ни валомъ, ни рвомъ. Ночь, благопріятная для такого рода предпріятій, покрыла мракомъ окрестности, а турки, по словамъ бѣглецовъ и плѣнниковъ, предавались сладкому покою вдали отъ своихъ коней, сбросивъ съ себя не только оружіе, но даже и одежду. Недавній примѣръ запорожцевъ, которые внезапнымъ нападеніемъ навели панику на все варварское войско, придавалъ намъ бодрость и надежду, если не на полную побѣду, то по крайней мѣрѣ на значительное пораженіе и устрашеніе непріятеля. Это мнѣніе поддерживалъ Янъ Вейгеръ, научившійся въ Венгріи воевать съ турками; королевичъ Владиславъ, хотя и больной, также соглашался съ нимъ, а Петръ Конашевичъ умолялъ какъ отъ своего имени, такъ и отъ

имени цѣлаго войска запорожскаго, чтобы означенный замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе. Но Ходкевичъ опасался страсти козаковъ къ грабежамъ и его великое сердце пренебрегало побѣдою въ расплохъ, тѣмъ болѣе, что всѣ славные полководцы считали дѣломъ болѣе благороднымъ въ открытомъ бою помѣряться съ непріятелемъ, а самъ онъ, посѣдѣвшій въ сраженіяхъ, обязанъ былъ своими успѣхами не тайнымъ вылазкамъ, но открытому мужеству. Однако, чтобы никто не подумалъ, будто вождь преграждаетъ войску путь къ побѣдѣ, онъ согласился на всѣ требованія и со свойственною ему поспѣшностью занялся необходимыми распоряженіями и приготовленіями.

Между тѣмъ непріятель переправилъ черезъ Днѣстръ четыре орудія, но тщетно пытался произвести безпорядокъ въ запорожскомъ станѣ: уронъ былъ самый незначительный,—захвачено нѣсколько лошадей, да погибъ одинъ куренный атаманъ Якимъ вмѣстѣ съ десятью простыми козаками. Приведенные въ смятеніе выстрѣлами, которые поляки направляли въ нихъ съ высотъ, турки устремились со своими орудіями на свѣже-отстроенный мостъ. Рѣшено было съ двухъ сторонъ ударить на лагерь Османа: со стороны, расположенной надъ нижнимъ Днѣстромъ не вдалекѣ отъ козацкаго лагеря, должны были ударить съ пригорка двадцать тысячъ запорожцевъ и нѣсколько легкихъ хоругвей, а также князь Юрій Заславскій, венгерская пѣхота подъ начальствомъ Альмада и нѣмецкая подъ начальствомъ Герарда Денгофа; вслѣдъ за ними должны были идти всѣ хоругви, принадлежавшія къ отряду Ходкевича. По другую сторону лагеря, со стороны лѣса, должна была ударить остальная венгерская пѣхота и нѣмцы Ернеста Денгофа. Любомирскій со своимъ крыломъ и пѣшимъ отрядомъ Хелминскаго воеводы долженъ былъ стоять въ резервѣ близъ лѣса, откуда могла угрожать татарская засада. Ходкевичъ приказалъ легкимъ хоругвямъ съ крикомъ броситься на турецкіе сторожевые пикеты, если таковые покажутся, и, преслѣдуя ихъ ворваться въ самый лагерь, который тотчасъ долженъ быть занятъ запорожцами вмѣстѣ съ нѣмецкою и венгерскою пѣхотою. Затѣмъ будетъ поданъ сигналъ и цѣлое войско съ криками, при звукахъ трубъ и бубновъ ударитъ на турецкій лагерь. Оба

гетмана и хелминскій воевода вмѣстѣ съ копьеносцами и тяжелою конницею должны держаться издали въ открытомъ полѣ, чтобы тѣмъ легче оказывать поддержку пѣхотѣ и сломить напоръ татаръ и турокъ. Задуманное предпріятіе могло начаться не раньше, какъ передъ разсвѣтомъ. Для охраны лагеря оставлена челядь, частью дополнявшая собою различныя хоругви, частью содержавшаяся на средства отдѣльныхъ рыцарей въ качествѣ ихъ прислуги. Число ихъ было весьма значительно, они составляли какъ-бы особое войско; всѣ были вооружены и каждый имѣлъ ружье, поэтому турки, судя по количеству огней въ польскомъ лагерѣ, заключали о многочисленности нашего войска.

Владиславъ, первородный сынъ короля, вся надежда государства, князь отъ самой ранней юности усердный въ служеніи речипосполитой, какъ второй своей матери и кормилицы, принужденный оставаться въ лагерѣ вслѣдствіе усиленія болѣзни, былъ предметомъ искренней и полной сочувствія заботливости. Каждый разъ при взглядѣ на небольшую избушку, гдѣ лежалъ больной королевичъ, въ душу проникалъ словно болѣзненный упрекъ въ томъ, что здѣсь остается, подверженный всѣмъ случайностямъ непріятельской засады, единственный залогъ славы цѣлаго войска. При особѣ королевича оставались его тѣлохранители и пѣхота Кохановскаго.

Въ образцовомъ порядкѣ и одновременно выступали хоругви изъ воротъ Ходкевича и Любомирскаго; всѣмъ предписано было молчаніе и розданъ военный пароль. Ночной мракъ и довѣрчивая безпечность непріятеля сообщали каждому увѣренность въ успѣхѣ. Едва начало свѣтать, ясное небо покрылось тучами, скорѣе по волѣ судебъ нежели случайно и хлынулъ дождь съ такою силою, что козаки заявили Ходкевичу о невозможности стрѣлять изъ ружей по причинѣ сырости, и, не трогаясь съ своей позиціи, просили отложить военныя дѣйствія до разсвѣта, который неминуемо открылъ-бы насъ непріятелю, Такъ какъ тоже самое нужно было имѣть въ виду и относительно прочихъ хоругвей, то вышедшее войско получило приказъ возвратиться въ лагерь, сохраняя полную тишину. Этотъ дождь доказываетъ особую заботливость Провидѣнія, которое

во всѣ времена охраняло Польшу; ибо эта ночная экспедиція, сопряженная со многими неудобствами, не могла имѣть счастливаго исхода. Побывавши впослѣдствіи въ турецкомъ лагерѣ, я могъ наглядно убѣдиться въ томъ что наши свѣдѣнія о положеніи турокъ были совершенно ложны. Въ той сторонѣ, куда мы предполагали сдѣлать нападеніе, на валахъ густымъ рядомъ стояли пушки, а лошади, выпускаемыя на пастбище, каждый вечеръ пригонялись обратно и находились подъ рукою у всадниковъ; передъ палатками болѣе значительныхъ лицъ горѣли фонари, а между палатками были протянуты веревки, такъ что не только конница, но и пѣхота не могла имѣть свободнаго прохода, поминутно запутываясь и падая и не столько наводила бы страхъ на турокъ, сколько сама подвергалась бы ихъ ударамъ. Мы замѣтили, что турки далеко не такъ преданы сну, какъ это намъ говорили; напротивъ, у нихъ въ обычаѣ въ ночное время собирать военные совѣты, посѣщать пріятелей, устраивать пиршества и сборища, дозволенныя закономъ Магомета, а во время сна дикіе возгласы пробуждаютъ ихъ для молитвы и суевѣрныхъ обрядовъ. Наконецъ, если сказать правду (какъ того требуетъ историческая истина) то и теперь, вспоминая богатство и роскошь турецкаго стана, не могу допустить, чтобы войско польское, а въ особенности простые солдаты въ состояніи были воздержаться отъ грабежа, чѣмъ навлекли бы на всѣхъ насъ вѣчный позоръ и постыдное пораженіе.

Въ это время прибылъ Константинъ Вевели въ качествѣ коммиссара для переговоровъ о мирѣ, съ письмами отъ волошскаго воеводы Радула, который горячо настаивалъ на томъ, чтобы Ходкевичъ отправилъ свѣдущаго посла къ визирю Гуссейну, ручаясь при томъ, что въ силу общаго международнаго права посолъ не только будетъ пользоваться полною безопасностью, но и всѣмъ почетомъ, соотвѣтственнымъ достоинству речипосполитой. Однако гетманъ, уступая всеобщему требованію, готовился снова къ такому же ночному нападенію на турецкій лагерь, какъ и за три дня передъ тѣмъ. Онъ уже размѣщалъ войско для аттаки, когда нѣсколько перебѣжчиковъ, венгровъ изъ хоругви Мощинскаго и нѣмцевъ изъ хоругви

Денгофа, въ тотъ-же вечеръ открыли непріятелю наши планы. Такимъ образомъ таинственною волею судебъ предпріятіе наше дважды было отмѣнено. Впрочемъ, горсть запорожцевъ въ ту же ночь переправилась за Днѣстръ и захватила нѣсколькихъ спящихъ турокъ, которые стерегли свои стада на пастбищѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію переговоровъ коммиссаровъ съ запорожцами, считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ происхожденіи, обычаяхъ и законахъ такъ, какъ я слышалъ о томъ отъ людей компетентныхъ и въ чемъ самъ имѣлъ случай наглядно убѣдиться; тѣмъ болѣе, что слава ихъ распространилась далеко среди различныхъ народовъ. Почти всѣ они выводятъ свое начало изъ Руси, хотя не мало находится въ числѣ ихъ шляхтичей изъ великой и малой Польши, приговоренныхъ къ потерѣ чести, а также нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и другихъ, принужденныхъ оставить свою родину, вслѣдствіе совершенныхъ тамъ безчинствъ и преступленій. Всѣ они исповѣдуютъ православную вѣру, употребляютъ одинъ русскій языкъ; они отреклись отъ прежнихъ фамилій, и приняли простонародныя прозвища, хотя нѣкоторые и принадлежали раньше къ знатнымъ родамъ. Забывши всякую цивилизацію, они ведутъ жизнь дикую и суровую. Ихъ старшина основала поселеніе въ мѣстности, защищенной отъ природы, надъ днѣпровскими порогами, которую древніе географы называютъ *Catadupas*, а современные намъ русины на своемъ языкѣ называютъ *Порогами*. Не заботясь вовсе о военной дисциплинѣ, они проводятъ жизнь въ постоянныхъ битвахъ и сѣчахъ: они раздѣлены на хоругви и отряды (курени) и на столько привязаны къ своему логовищу, что сочли-бы тяжкимъ грѣхомъ оставить козачество для иного рода занятій. Мало привязанные къ семейной жизни, или даже совсѣмъ лишенные ея, живя вдали отъ городской торговли и непривычные къ роскоши, они не знаютъ ничего кромѣ оружія, а незатѣйливое ихъ содержаніе доставляютъ охота и рыбная ловля. Часто и счастливо сражались они съ татарами въ очаковскихъ степяхъ и, готовые жертвовать даже славою для наживы, предпринимали морскіе походы и опустошали турецкія владѣнія. Войско

ихъ состояло едва изъ нѣсколькихъ тысячъ, но въ немъ существовали всѣ военныя степени и старые заслуженные воины пользовались большимъ почетомъ. Блаженной памяти короли польскіе, благорасположенные къ своимъ рыцарскимъ подданнымъ привыкли охранять козаковъ милостивыми попеченіями и надѣляли ихъ извѣстными правами и привилегіями. Впослѣдствіи, когда обильныя грѣхами времена испортили старые обычаи запорожья, скопище козаковъ стало быстро возрастать въ числѣ; не потому, чтобы особенно цѣнились заслуги и мужество этого рыцарства, а потому что бѣглецы изъ русскихъ провинцій, бросая плугъ и ремесла, увеличивали собою ихъ ряды. Толпы невоенныхъ крестьянъ присваивали себѣ права старыхъ заслуженныхъ солдатъ, споры и драки портили старые воинскіе обычаи, умѣренность смѣнилась грабежами, правосудіе дикимъ произволомъ, повиновеніе вождямъ своеволіемъ и злоупотребленіями.

Самозванныя ихъ шайки занимались грабежами на Руси, на Литвѣ и въ воеводствахъ кіевскомъ и брацлавскомъ; повсюду жертвою ихъ безчинствъ бывали костелы, казенныя и дворянскія имѣнія. Войска речипосполитой, подъ предводительствомъ Станислава Жолкевскаго, вели ожесточенную борьбу съ отрядомъ Наливайка, который наконецъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и, вмѣстѣ съ соучастниками своихъ преступныхъ дѣяній, на сеймѣ варшавскомъ достойною карою искупилъ свои тяжкія вины. Речипосполитая не только силою, но и путемъ различныхъ постановленій старалась оттѣснить козачество въ его прежнія кадры.

Каждый разъ, отправляясь на войну, многочисленное ихъ войско живетъ грабежомъ казенныхъ имѣній, а по возвращеніи изъ похода они основываютъ какъ бы собственныя поселенія въ королевскихъ и шляхетскихъ городахъ и селахъ, уклоняясь отъ всякаго подчиненія своимъ панамъ или начальникамъ. Мало кто изъ старыхъ козаковъ возвращается въ свои приднѣпровскіе поселки; большинство, обогатившись грабежами, обыкновенно возвращаются къ своимъ семьямъ и занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Наскучивъ бездѣйствіемъ, они охотно вмѣшиваются во всякія уличныя драки, отправляютъ свои посольства на сеймы и поддерживаютъ интересы по-

слѣдователей православія, не признающихъ правъ западнаго латинскаго костела. Еще недавно государство держало козаковъ на жалованьи, ежегодно посылая имъ въ Кіевъ извѣстную денежную сумму. Верховная власть надъ войскомъ принадлежитъ гетману, который носитъ трость какъ символъ своего достоинства; выбирается онъ не голосованіемъ, а всеобщими окликами и подбрасываніемъ шапокъ; ему принадлежитъ право жизни и смерти каждаго козака, пока онъ сохраняетъ власть. Слѣдующую ступень въ военной іерархіи занимаютъ четыре асаула и намѣстникъ гетмана, наказной гетманъ. Затѣмъ идутъ обозные, завѣдывающіе артиллеріею и предводители отрядовъ, сотники и генеральный писарь, который ведетъ счетъ приходамъ и расходамъ и составляетъ письма къ королю и знатнѣйшимъ панамъ, для чего совѣщается съ монахами греческой вѣры. Въ Трехтемировѣ, городѣ кіевскаго воеводства, полученномъ ими отъ правительства въ награду за вѣрныя заслуги, сохраняются въ вѣдѣніи гетмана и ассауловъ козацкія привилегіи, пушки, различные трофеи, добытые отъ турокъ, военные снаряды и знамена, которыя милостиво присылаютъ имъ польскіе короли въ знакъ верховной власти надъ козаками въ тѣхъ случаяхъ, когда они принимаютъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ речипосполитой. Во всѣхъ важныхъ военныхъ дѣлахъ гетманъ созываетъ всю общину и говоритъ къ ней сообразно обстоятельствамъ. Тогда гетманъ скромно и почтительно кланяется громадѣ, занимаетъ свое мѣсто подъ распущеннымъ королевскимъ знаменемъ и остается съ непокрытою головою: всѣ садятся, а гетманъ со своими четырьмя ассаулами, стоя, излагаетъ сущность дѣла передъ собраніемъ. Здѣсь онъ произноситъ обвиненія въ проступкахъ, если таковые случаются, или проситъ войско о чемъ нибудь въ свою пользу. Когда говоритъ гетманъ, козаки въ молчаніи выслушиваютъ его рѣчь, затѣмъ поочередно выражаютъ восклицаніями свое мнѣніе. Отъ частаго упражненія они пріобрѣли навыкъ въ морскихъ сраженіяхъ. Флотъ ихъ состоитъ изъ лодокъ, окруженныхъ по сторонамъ связками тростника на подобіе досокъ, которыя предохраняютъ отъ волнъ во время бури; въ такихъ лодкахъ они быстро несутся къ турецкимъ берегамъ. Не

всѣ козаки носятъ луки, но каждый имѣетъ ружье; если-бы и польское войско было также хорошо вооружено, то могло бы помѣряться съ сильнѣйшею въ свѣтѣ пѣхотою. Подвижной лагерь ихъ, называемый таборомъ, состоитъ изъ возовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ и служитъ имъ послѣднимъ могучимъ оплотомъ при внезапныхъ нападеніяхъ непріятеля.

Итакъ эти запорожцы прибыли для участія въ турецкой кампаніи, но по винѣ Бородавки, человѣка недѣятельнаго, какъ мы видѣли, поздно соединились съ польскимъ войскомъ и не успѣли до прибытія непріятеля заготовить припасовъ ни себѣ, ни лошадямъ; поэтому нашему войску было приказано дѣлиться съ ними сѣномъ и сухарями. Но такъ какъ число ихъ было не малое, то припасовъ не доставало ни для тѣхъ, ни для другихъ. Ропотъ и недовольство съ каждымъ днемъ возрастали среди козаковъ; ежедневно являлись они съ жалобами къ Петру Конашевичу, который изъ вѣрности къ речипосполитой увѣдомилъ Ходкевича и коммиссаровъ о подготовлявшемся въ его войскѣ возмущеніи, прося заблаговременно пресѣчь зло. Нѣкоторые запорожцы приходили къ намъ съ представленіями, другіе (по обычаю черни) начинали постыдный торгъ со своимъ отечествомъ.

Владиславъ, имя котораго пользовалось у нихъ большимъ уваженіемъ, посовѣтовавшись съ гетманами и коммиссарами, послалъ къ запорожцамъ Петра Опалинскаго и Якова Собѣскаго, чтобы они во имя общаго блага попытались утишить волненіе; допущенные на большую козацкую раду и встрѣченные Конашевичемъ съ подобающимъ почетомъ, коммиссары изложили все дѣло. Въ интересахъ посольства казалось умѣстнымъ, чтобы первымъ говорилъ Яковъ Собѣскій, хорошо извѣстный запорожской старшинѣ еще со времени московскаго похода. Итакъ Собѣскій въ краткихъ, учтивыхъ словахъ отъ имени Владислава, Ходкевича и коммиссаровъ перечислилъ всѣ заслуги козаковъ передъ государствомъ, похвалилъ настоящее ихъ рвеніе и заклиналъ особою и жизнью того-же Владислава въ столь трудномъ для речипосполитой положеніи, не давать на поруганіе вѣры Христовой, отечества и своей славы, добытой въ теченіи мно-

тихъ вѣковъ. По причинѣ затруднительнаго состоянія общественной казны, онъ обѣщалъ въ вознагражденіе убытковъ 15,000 злотыхъ, съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы козаки, по окончаніи похода, спокойно ожидали обѣщанной суммы въ указанномъ мѣстѣ, не наѣзжая на русскія земли. Безстрашная, но голодная толпа съ неудовольствіемъ приняла эти рѣчи, ропща на ничтожность вознагражденія и неопредѣленность времени уплаты. Впрочемъ, при посредствѣ Петра Конашевича и прочихъ старшинъ, намъ удалось успокоить умы, такъ что насъ попросили только скрѣпить на бумагѣ всѣ наши обѣщанія. На это мы охотно согласились, ибо грамоты за подписью и печатями Ходкевича, участвовавшихъ въ походѣ сенаторовъ и всѣхъ коммиссаровъ, скорѣе и вѣрнѣе могли дойти до свѣдѣнія короля.

Тѣмъ временемъ Ходкевичъ, желая показать Константину Вевели, который уже въ теченіи нѣсколькихъ дней проживалъ въ лагерѣ, свою готовность принять приличныя условія мира, послалъ визирю умѣренныя и справедливыя предложенія.

Надворный маршалокъ Любомирскаго Яковъ Зелинскій казался человѣкомъ наиболѣе пригоднымъ для подобнаго порученія; онъ и сопровождалъ Вевели, снабженный нѣкоторыми предложеніями къ Гуссейну отъ Ходкевича и коммиссаровъ. Прежде всего онъ долженъ былъ просить, чтобы ему, въ силу международнаго права и согласно достоинству речипосполитой, былъ обезпеченъ свободный пропускъ. Затѣмъ ему поручено было припомнить старую дружбу, существовавшую нѣкогда между обоими государствами и польскую кровь, пролитую въ Молдавіи и Валахіи, и указать, что въ то время, какъ едва ли не весь христіанскій міръ пылаетъ враждою къ оттоманскому дому, Польша, при первомъ извѣстіи о вступленіи Османа на престолъ, отправила въ Порту посломъ теребовельскаго старосту, Петра Ожгу, который долженъ былъ принести поздравленія новому императору и тѣмъ самымъ укрѣпить давнія пріязненныя отношенія между обѣими странами. Потомство ни въ чемъ не можетъ упрекнуть Сигзмунда, если будетъ извѣстно, что секретарю и послу королевскому при дворѣ Османа, Отвиновскому, было нанесено тяжкое оскор-

бленіе. Если турецкое правительство разгнѣвано безчинствами козаковъ, то монархи обѣихъ странъ, въ силу старой пріязни, могли бы уладить это дѣло посредствомъ грамотъ или посольствъ прежде, нежели подавать сигналъ къ войнѣ. Желая поддержать добрыя отношенія къ Портѣ, речьпосполитая готова усмирить своеволіе запорожцевъ; но пока польское оружіе будетъ обращено противъ нихъ, татары могутъ воспользоваться этимъ и вторгнуться въ польскіе предѣлы; поэтому Османъ, отъ воли котораго зависятъ эти набѣги, можетъ самъ достигнуть того, чтобы козаки перестали вредить туркамъ. Таковы были мирныя условія, предложенныя визирю Зелинскимъ, но непріятель хотѣлъ войны.

Поутру турецкія войска показались подъ лѣсомъ, противъ польскаго лагеря; пушечные залпы были направлены на флангъ Любомирскаго, а въ отрядѣ Станислава Стадницкаго убиты нѣсколько лошадей, а ткже Бронецкій и еще одинъ солдатъ. Около полудня многочисленныя толпы непріятеля, замѣченныя подъ лѣсомъ, быстрымъ движеніемъ устремились къ окопу Мощинскаго, минуя отрядъ Яна Вейгера, ибо одинъ венгерецъ, бѣжавшій отъ своей хоругви къ туркамъ и знавшій, что этотъ пунктъ былъ слабо защищенъ, извѣстилъ о томъ непріятеля; турецкая кавалерія, привязавши лошадей къ деревьямъ, быстро двинулась вмѣстѣ съ янычарами къ означенному пункту. Дрогнулъ польскій лагерь отъ неожиданнаго грома и треска; всѣ кричали въ отчаяніи, что врагъ перешелъ уже за окопы, но гетманы ободряли солдатъ, а рыцарство впопыхахъ спѣшило на зовъ. Ходкевичъ, утративъ надежду на заключеніе мира и сомнѣваясь даже въ жизни Зелинскаго, заклиналъ своихъ святыми тайнами вѣры, неприкосновенностью отечества, общественною безопасностью и всѣмъ, что дорого и свято для каждого, съ мужествомъ ударить на врага. Самъ онъ также сѣлъ на коня у воротъ Любомирскаго и во главѣ тѣлохранителей королевича подвергался крайней опасности. Любомирскій послалъ подкрѣпленіе въ окопъ Мощинскаго. Въ рѣшительный моментъ поляки съ удвоеннымъ мужествомъ собственною грудью преграждали путь непріятелю и, забывая всякую осторожность, пренебрегая направленными въ нихъ

ружейными выстрѣлами, показывали изъ за валовъ посвященныя отечеству головы, но съ Божьею помощью славное ихъ мужество увѣнчалось торжествомъ. Множество турокъ легло на мѣстѣ, много самыхъ знатныхъ, смертельно раненныхъ взято было въ плѣнъ, гдѣ они вскорѣ окончили жизнь. Видно было, какъ валялись въ прахѣ турецкія головы, отдѣленныя отъ туловища, какъ перстни, отрубленные вмѣстѣ съ пальцами, шелковыя одежды, чалмы изъ тонкихъ азіатскихъ тканей и языческія монеты продавались въ лагерѣ.

Венгерецъ Текели бросился на оставленныхъ въ лѣсу лошадей, перебилъ нѣсколькихъ бывшихъ тамъ турокъ и совершилъ-бы еще больше, если бы во время получилъ подкрѣпленіе. Здѣсь погибъ Каракашъ-паша Буды (Пешта) (высокое достоинство, даваемое лицамъ самымъ заслуженнымъ и опытнымъ въ воинскихъ дѣлахъ); человѣкъ, пользовавшійся у своихъ громкою славою, принятый съ честью цѣлымъ войскомъ Османа, онъ своимъ присутствіемъ казалось придавалъ новый блескъ Хотинскому походу, а его обширный умъ съ трудомъ переносилъ соперничество Гуссейна въ почотѣ и милостяхъ султана. То пирами, то рѣзкими насмѣшками онъ заохочивалъ къ бою свое вялое войско и, пообѣщавъ Осману несомнѣнную побѣду, въ тотъ день одинъ вынесъ на себѣ всю тяжесть сраженія, между тѣмъ какъ Гуссейнъ, человѣкъ хитрый, боязливый и не опытный въ битвахъ съ поляками, воспользовался всею его славою. Каракашъ-паша находился въ первой линіи огня и палъ жертвою хитрости Гуссейна, стоявшаго въ резервѣ и болѣе опаснаго врага для него, нежели сами поляки: визирь не далъ ему подкрѣпленія съ тою цѣлью, чтобы Османъ послѣ его пораженія убѣдился, что онъ не заслуживалъ довѣрія. Тѣло Каракаша, привезенное въ лагерь въ открытой повозкѣ, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми, представляло зловѣщее зрѣлище для турокъ, которые отдавали ему погребальныя почести, оглашая воздухъ плачемъ и воплями. Имя его и понынѣ воспѣвается среди турокъ, ибо у нихъ въ обычаѣ особыми обрядами чтить память павшихъ въ бою героевъ.

Измѣнникъ венгерецъ изъ окоповъ Мощинскаго получилъ достойную кару за свое вѣроломство, ибо непріятель, потерпѣвши не-

удачу въ аттакѣ, въ свою очередь заподозрилъ его въ предательствѣ и изрубилъ въ мелкіе куски. Пылая жаждою мести, турки на утро вышли изъ лагеря, еще издали распустивши знамена всѣхъ полковъ и растянувши огромную линію своей артиллеріи, показались вдали, затѣмъ скрылись за гору, гдѣ и оставались до вечера. Не вдалекѣ отъ Браги татары, по своему обыкновенію грабившіе окрестности, напали на поляковъ, которые шли подъ Каменецъ для добыванія припасовъ, отняли у нихъ возы и лошадей, большинство увели въ плѣнъ а остальныхъ перебили. Войско также хотѣло отступить къ Каменцу, но такъ какъ многіе подъ этимъ предлогомъ скрывали только намѣреніе постыднаго бѣгства, то послѣдовалъ суровый приказъ, чтобы никто не смѣлъ ногою переступить за Днѣстръ. Тогда Ходкевичъ созвалъ все свое войско и обратился къ нему съ рѣчью; исхудалый, изможденный болѣзнью лежалъ онъ въ палаткѣ на походномъ ложѣ и слабымъ голосомъ произнесъ „Всѣ вы видите, какъ упорствуетъ Османъ въ намѣреніи продолжать войну; видите изъ ежедневнаго опыта, какъ страдаютъ наши кони отъ недостатка корма, какой уронъ терпимъ мы отъ болѣзней. Уплаты жалованья нельзя ожидать въ скоромъ времени, на подкрѣпленія также напрасно разсчитывать, такъ какъ о прибытіи короля и посполитаго рушенія нѣтъ и понынѣ никакого извѣстія. По моему мнѣнію не безопасно ударить на непріятеля съ малыми и слабыми силами, если онъ можетъ подкрѣпить всѣ свои дѣйствія такою сильною конницею; выдерживать же въ лагерѣ аттаки непріятеля кажется мнѣ дѣломъ еще менѣе возможнымъ, вслѣдствіе недостатка пороху. Теперь пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе о томъ, какъ выйти изъ такого положенія; ибо тамъ, гдѣ идетъ дѣло о достоинствѣ и безопасности королевича Владислава, лучше отступить въ полномъ составѣ, нежели впослѣдствіи бѣжать въ одиночку“. Ходкевичъ умолкъ и окинулъ взглядомъ собраніе, наблюдая лица, выраженіе глазъ и движенія вождей; онъ понялъ, что эта рѣчь, столь несогласная съ его геніемъ и славою, скорѣе удивила нежели убѣдила рыцарство. Ни одинъ голосъ не подтвердилъ словъ гетмана, всѣ ожидали въ молчаніи, что скажетъ онъ дальше, затѣмъ всѣ зароптали, говоря, что

лучше лечь со славою за отечество, чѣмъ обращаться въ постыдное бѣгство, пытаясь уйти отъ судьбы. Въ несчастіи испытываются добродѣтели, въ опасностяхъ великіе люди. Такимъ образомъ уловка гетмана имѣла полный успѣхъ и онъ направилъ всѣ умы въ желанную сторону. Рыцарство поклялось идти на непріятеля и Петръ Конашевичъ, присутствовавшій тамъ съ главнѣйшею запорожскою старшиною, ни мало не нарушилъ общаго согласія; напротивъ того онъ, хотя и не дворянскаго происхожденія, доказалъ, что можетъ поспорить въ храбрости съ знатнѣйшими рыцарями.

Послѣ краткаго секретнаго совѣщанія съ коммиссарами, Ходкевичъ снова обратился къ войску съ такими словами:

„На сколько ваши искреннія усилія, мужество непобѣдимаго рыцарства и всеобщая рѣшимость до конца отстаивать интересы отечества подкрѣпляютъ мой духъ въ больномъ тѣлѣ, видитъ Тотъ, кто проникаетъ сокровенныя мысли человѣка. Я чувствую, какъ оживаетъ моя грудь и возвращаются силы, когда вижу, что цвѣтъ речипосполитой покрываетъ ее новою славою. Смѣло впередъ съ врожденнымъ вашимъ мужествомъ, польское и литовское рыцарство! скорѣе умру, нежели обману ваши стремленія. Подъ охраною Бога, при имени котораго падаетъ въ прахъ всякое могущество, пусть счастье будетъ вашимъ вождемъ и доблесть спутникомъ; я же до послѣдняго издыханія пойду впереди васъ, куда бы не привела насъ судьба отечества.

Не думайте, чтобы я и коммиссары оказались неблагодарными по отношенію къ вамъ; не говоря уже о томъ, что потомство назоветъ васъ своимъ украшеніемъ, а Богъ наградитъ на небесахъ, если я возвращусь живымъ съ этой войны, речипосполитая узнаетъ отъ меня о вашихъ заслугахъ, а королевская милость достойно наградитъ васъ за труды. Теперь же, когда цѣлость войска составляетъ главнѣйшую нашу задачу, пользуясь данною мнѣ властью, обѣщаю трехмѣсячное жалованье въ награду каждому, кто отличится подъ хоругвью, а вѣра наша пусть будетъ въ томъ порукою".

Когда распустили собраніе, вмѣсто недавняго унынія радость наполняла наши сердца; сіяющіе радостью выходили рыцари изъ

палатки Ходкевича; одни обмѣнивались рукопожатіями, какъ бы обѣщая другъ другу взаимную помощь; другіе, уже обратившіеся въ бѣгство, теперь возвращались, поноси тѣхъ, кто соблазнилъ ихъ. Въ цѣломъ лагерѣ не слышно было иныхъ словъ, кромѣ возгласовъ: „Умремъ на мѣстѣ! лучше здѣсь ожидать послѣдняго пораженія, нежели оставить хоругвь".

Восемь тысячъ запорожцевъ напали ночью на турецкій станъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была позиція погибшаго Каракашъ-паши: пользуясь темнотою, они внезапно ворвались въ лагерь и бросились въ палатки, въ которыхъ мусульмане покоились сномъ, а пробудившись не въ состояніи были дать отпора.

Козаки захватили лошадей, верблюдовъ, знамя, знакъ военнаго достоинства Каракашъ-паши и другую роскошную красную хоругвь, затѣмъ благополучно возвратились въ свой таборъ, обремененные добычею.

Между тѣмъ отсутствіе Зелинскаго безпокоило вождей; чтобы возвратить его, Ходкевичъ приказалъ одному изъ турецкихъ маркитантовъ вручить ему письмо на имя валашскаго воеводы Радула, которое вскорѣ дошло до Зелинскаго.

Зная отъ врачей, что болѣзнь Ходкевича съ каждымъ днемъ принимаетъ болѣе опасный оборотъ, Владиславъ созвалъ сенаторовъ и коммиссаровъ для совѣщанія и обсужденія дальнѣйшаго плана военныхъ дѣйствій. Послѣдовало единогласное рѣшеніе тѣснѣе оградить лагерь, а тѣмъ временемъ извѣстить короля о безнадежномъ состояніи Ходкевича. Обо всѣхъ постановленіяхъ военнаго совѣта должны были доносить гетману Яковъ Собѣскій и Константинъ Плихта, кастелянъ сохачевскій.

За предѣлами лагеря не прекращались стычки. Во главѣ поляковъ сталъ доблестный рыцарь Станиславъ Жоравинскій, кастелянъ белзскій; хотя и ослабленный продолжительною болѣзнью, онъ выказывалъ непреклонный умъ; собиралъ молодыхъ пановъ, какъ-то: Николая Сенявскаго, Яна Розражевскаго и другихъ и вмѣстѣ съ ними предпринималъ удачныя военныя дѣйствія. Начатыя битвы поддерживали и продолжали: Симонъ Копычинскій, Крыштофъ Васи-

чинскій, Янъ Радешинскій и Янъ Свячинскій. Фекети, привычный разить непріятеля, отнималъ у него множество лошадей, муловъ и буйволовъ.

Возвратился наконецъ и Зелинскій вмѣстѣ въ Вевели, задержанный по причинѣ смѣны турецкихъ чиновниковъ Должность великаго визиря получилъ Дилаверъ-паша на мѣсто Гуссейна, подвергшагося опалѣ. Этотъ Дилаверъ-паша, правитель Месопотаміи, былъ родомъ черкесъ или, какъ говорятъ иные, русинъ. Разсказываютъ, что, когда послѣ убіенія Османа янычары напали на домъ Дилавера, а русскіе плѣнники стали защищать его, онъ по русски обращался къ нимъ, побуждая къ стойкому отпору. Преклонныя лѣта, опытность, пріобрѣтенная при исполненіи различныхъ должностей и наконецъ сношенія съ персидскимъ шахомъ—все это доставило ему большое значеніе среди турокъ. Огромныя богатства, собранныя въ Азіи, помогли ему стяжать милость Османа, который, не смотря на молодость и обширный умъ, отличался скупостью и постыдною жадностью къ поборамъ. Подкупивши лицъ, имѣвшихъ вліяніе при дворѣ, Дилаверъ поднесъ султану крупную сумму золота и такимъ путемъ, не смотря на позднее свое прибытіе въ лагерь, получилъ должность визиря по смѣнѣ Гуссейна, котораго возненавидѣли и султанъ, и народъ за понесенное подъ Хотиномъ пораженіе; онъ могъ бы даже лишиться жизни, если бы не старанія пріятелей, которые помогли ему остаться вторымъ визиремъ.

Дилаверъ занялъ первую должность въ государствѣ, но вслѣдствіи преклонныхъ лѣтъ онъ мало обнаруживалъ склонности къ битвамъ, да сверхъ того разсчитывалъ на подарки, какіе могъ бы получить отъ польскаго посла; послѣ тайнаго соглашенія съ великимъ муфтіемъ Хаджи и негромъ Кизляръ-агою (начальникомъ гарема), онъ любезно принялъ Зелинского, снабдилъ его грамотами для свободнаго возврата и отпустилъ съ надеждою на заключеніе мира.

Запорожцы по прежнему продолжали тревожить непріятеля ночными набѣгами, нападая на разбитыя за Днѣстромъ палатки, гдѣ турки гибли во снѣ, или спасались бѣгствомъ черезъ мостъ. Козаки не умѣли пользоваться удачею, считая грабежъ главною цѣлью войны

и побѣды, они искали только наживы и возвращались обремененные добычею. Самъ Гуссейнъ, застигнутый врасплохъ среди ночи, едва успѣлъ вырваться изъ рукъ козака; съ него сорвали дорогую одежду, чалму и поясъ, въ которомъ было оружіе и деньги, а самъ онъ цѣлую ночь блуждалъ по лѣсу, нашелъ наконецъ узкую пещеру, закрытую вѣтвями, гдѣ и скрывался до утра.

Замѣтивъ приближеніе смерти, Ходкевичъ сдѣлалъ распоряженіе относительно земнаго имущества, а принятіемъ св. Тайнъ приготовилъ душу свою предстать передъ страшнымъ судилищемъ Божіимъ. Его перенесли въ Хотинскій замокъ, чтобы скрыть отъ непріятеля его кончину. Кто-то изъ проходящихъ узналъ гетмана, когда его переносили больного и распустилъ преждевременный слухъ о его погребеніи, ибо слезы на всѣхъ глазахъ и стоны, вырывавшіеся изъ каждой груди, придавали этому шествію видъ погребальной процессіи. Чтобы разсѣять печаль, овладѣвшую войскомъ, его заняли походомъ. Вызиепскій староста Николай Коссаковскій во главѣ легкой конницы Воронича и Яна Даниловича, воеводы русскаго, съ отборнымъ рыцарствомъ волынскаго воеводства и сотнею пѣхоты королевича Владислава двинулся къ Каменцу, оградивши себя возами отъ внезапнаго нападенія. Сильное и разнородное войско окружало лагерь; Любомирскій приказалъ укрѣпить шанцы Вейгера, а запорожскій таборъ передвинуть ближе къ занятой Денгофомъ позиціи. Привлекаемые добычею запорожцы въ числѣ 2,000 отправились ночью въ походъ вмѣстѣ съ венгерскою пѣхотою Бобовскаго, а также съ лагерною прислугою. Переправившись черезъ Днѣстръ, они привычнымъ маневромъ ударили на непріятельскія палатки, многихъ захватили въ плѣнъ, многіе изъ бѣжавшихъ потонули въ рѣкѣ. Козаки успѣли уже занять турецкій мостъ, тщательно построенный молдаванами и валахами по распоряженію Османа и могли бы разрушить его, если бы также умѣли пользоваться побѣдою, какъ умѣли побѣждать. Но потерявши время на захватъ добычи, они шумомъ разбудили турокъ и дали тѣмъ возможность отразить нападеніе.

Между тѣмъ Ходкевичъ, пожившій уже достаточно для самаго себя и для славы, но слишкомъ мало для родины и семейства, по-

слѣ продолжительныхъ страданій скончался отъ эпилепсіи въ Хотинѣ, 8 октября, между двумя и тремя часами по полудни. Лишь фортуна и доблесть могли совмѣстно создать такого богатыря. Фортуна осыпала его множествомъ благодѣяній; родъ его, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны отличался знатностью. Отецъ его, виленскій кастелянъ и великій маршалъ Великаго Княжества Литовскаго, происходилъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, прославленныхъ заслугами на полѣ битвъ и въ сенатѣ. Мать его, Христина Зборовская, дочь краковскаго воеводы, имѣла братьевъ, пользовавшихся почестями и занимавшихъ высокія должности. Богатырская фигура самого гетмана была вполнѣ достойна такого рода: лице, на первый взглядъ суровое, но исполненное величія, носило отпечатокъ высокаго ума и военной отваги; открытый лобъ, орлиный носъ, все обличало героя. Сверхъ того фортуна надѣлила его богатствами, которыя онъ еще увеличилъ блестящими браками: первымъ съ Софіею Мелецкою, дочерью подольскаго воеводы и короннаго гетмана, вдовою князя Симеона Слуцкаго и вторымъ съ Анною Острожскою, дочерью волынскаго воеводы, князя Александра Острожскаго. Обѣ жены Ходкевича славились знатностью рода, образованіемъ, святостью жизни, скромностью нравовъ и обширнѣйшими въ наше время помѣстьями въ Польшѣ. Самъ онъ занималъ послѣдовательно должности: подчашія литовскаго, коммиссара ливонскаго, старосты жмудскаго и, наконецъ, виленскаго воеводы. Постоянныя побѣды и тріумфы не только свидѣтельствовали о томъ, что судьба ему благопріятствовала, но также доказывали энергію и доблесть, не покидавшія его въ теченіи цѣлой жизни. Прежде всего онъ отличался глубокою набожностью: онъ смиренно молился передъ сраженіями и возсылалъ благодарственныя мольбы послѣ побѣды; еще за много лѣтъ до смерти онъ установилъ обычай каждую субботу, очистивъ душу отъ грѣховъ, приступать къ принятію св. Таинъ. Въ м. Кретынгѣ [1]) онъ на свой счетъ выстроилъ богатое зданіе для

[1]) Кретынга—мѣстечко Тельшевскаго уѣзда Ковенской губ. Принадлежало Карлу Ходкевичу, который въ 1610 г. построилъ костелъ во имя Благовѣщенія, существующій понынѣ, а при немъ основалъ монастырь бернардиновъ.

костела и монастыря; въ Быховѣ[1]) соорудилъ монастырь канониковъ Регулярныхъ св. Августина, а на Жмуди надѣлилъ фундушемъ отцовъ іезуитовъ. О преданности его интересамъ отечества могутъ свидѣтельствовать прекрасныя укрѣпленія мѣстечка Быхова и замокъ въ Ляховичахъ, замѣчательный роскошными зданіями и величественными укрѣпленіями[2]). О милосердіи его разсказываютъ убогіе, раненные или потерпѣвшіе какое либо несчастье солдаты, которымъ онъ помогалъ то деньгами, то одеждою, то оружіемъ или лошадьми и вообще поддерживалъ, чѣмъ могъ. Его благотворительность создала ему громкое имя даже среди чуждыхъ и отдаленныхъ народовъ; отъ природы склонный къ гнѣву, отъ тѣмъ не менѣе никогда не относился сурово къ плѣнникамъ, напротивъ, отпускалъ ихъ съ честью и дарами, а трупы непріятельскіе, по примѣру римскихъ героевъ, предавалъ приличному погребенію. Послѣ Кирхгольмской побѣды онъ лично присутствовалъ при погребеніи убитыхъ нѣмецкихъ князей, причемъ церемонія была устроена имъ съ великолѣпіемъ и роскошью, которымъ дивились иностранные народы и сами непріятели. Ливонская война выказала передъ потомствомъ его огромные военные таланты; со своими побѣдными знаменами онъ съ неслыханною быстротою пробѣгалъ мѣстности, непроходимыя по причинѣ болотъ, озеръ и лѣсовъ, а многія крѣпости сдавались ему не медленно при его появленіи; Вольмаръ взятъ былъ имъ почти безъ боя, Парнава при содѣйствіи одной только пушки. Съ малыми силами, благодаря только большой энергіи и военному опыту, ему удалось отстоять Ригу, Динамюндъ, Дерптъ и Вейленштейнъ. Своимъ богатырскимъ духомъ онъ привелъ въ ужасъ не только непріятеля, но и самое море, на которомъ сжегъ шведскіе корабли.

Кирхгольмскую побѣду, одержанную надъ Карломъ IX, можно считать скорѣе исключеніемъ, достойнымъ удивленія народовъ, не-

---

[1]) Старый Быховъ, уѣздный городъ Могилевской губ. принадлежалъ Карлу Ходкевичу. Онъ построилъ въ 1619 г. деревянный костелъ, на мѣсто котораго позднѣйшіе владѣльцы—Сапѣги выстроили въ 1765 году новый, каменный, существующій понынѣ.

[2]) Ляховичи, мѣстечко Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, принадлежало Карлу Ходкевичу.

жели нормальнымъ историческимъ фактомъ. Не даромъ всѣ очевидцы изумлялись, какъ можно было съ такими ничтожными силами одержать побѣду надъ столь многочисленнымъ непріятелемъ, войска котораго состояли изъ шведовъ, французовъ и нѣмцевъ; битва была безпримѣрная въ нашъ вѣкъ—въ ней девять тысячъ воиновъ легло на мѣстѣ. Въ интересахъ истины прибавлю, что Ходкевичъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ ни разу не былъ побѣжденъ шведами и постоянно оставался побѣдителемъ во все время Ливонской войны. Что касается внутреннихъ неурядицъ въ краѣ, то въ нихъ онъ всегда поддерживалъ королевскую партію и собственными матерьяльными средствами, и вѣрнымъ совѣтомъ, непреклоннымъ умомъ и быстрою распорядительностью. Счастье также благопріятствовало ему въ Московской кампаніи: находясь во главѣ войска въ самомъ опасномъ положеніи, когда приходилось бороться и съ собственнымъ нестройнымъ рыцарствомъ, и съ московскими войсками, въ нѣсколько разъ превосходившими численно его силы, Ходкевичъ съумѣлъ поддержать честь речипосполитой и сохранить безопасность для своего войска. Зависть пыталась увѣрить соотечественниковъ, будто впослѣдствіи онъ съ меньшею славою правилъ завоеваннымъ краемъ; но онъ считалъ болѣе почтеннымъ дѣломъ помочь одному гражданину, чѣмъ истребить тысячу непріятелей. Со славою возвратился онъ и изъ другаго похода Владислава, окончившагося завоеваніемъ большей части Сѣверскаго княжества. Послѣ столькихъ успѣшныхъ подвиговъ, благосклонная судьба удостоила его такой кончины, что вмѣстѣ съ окончаніемъ грозной войны, покрывшей безсмертною славою его имя, завершился и его жизненный путь.

Это былъ воинъ закаленный, легко переносившій труды, зной, холодъ и безсонницу; онъ былъ щедрымъ и опытнымъ въ выборѣ лазутчиковъ, а умѣніемъ размѣщать войска передъ сраженіемъ и выбрать позицію не уступалъ знаменитѣйшимъ полководцамъ древняго и новаго времени. Будучи опытнымъ въ военной архитектурѣ, онъ обладалъ и необходимыми математическими свѣдѣніями. Любилъ онъ хорошихъ лошадей и оружіе, а его наружность, движенія, походка и костюмъ, все въ немъ обличало рыцарское происхожденіе.

Въ семейномъ кругу онъ былъ исполненъ кротости, хотя слишкомъ серьезенъ, вслѣдствіе слабаго здоровья и тяжелыхъ военныхъ заботъ, особенно со времени московскихъ походовъ. Болѣзненною раздражительностью онъ страдалъ и подъ Хотиномъ; поэтому, если случалось, что распоряженія его не были въ точности исполнены, или запаздывали подкрѣпленія, тогда онъ былъ неудержимъ въ гнѣвѣ; вотъ почему, именно во время Хотинскаго похода, многіе изъ рыцарей враждебно относились къ гетману. Тѣмъ не менѣе мы должны признать, что если бы онъ страхомъ наказаній не сдерживалъ непокорныхъ солдатъ, речьпосполитая давно бы уже пала подъ ударами непріятеля.

Тѣло Ходкевича, перевезенное изъ Хотина въ Каменецъ, а оттуда въ Острогъ, въ силу различныхъ домашнихъ и семейныхъ несогласій, едва могло быть погребено съ подобающею пышностью заботами опечаленной супруги, спустя четырнадцать мѣсяцевъ послѣ его смерти. Гробница его есть памятникомъ торжества надъ самою завистью, превышающимъ греческіе и римскіе мавзолеи.

Книга третья.

Подобно всѣмъ важнымъ событіямъ, смерть Ходкевича, хотя и тщательно скрываемая, вскорѣ сдѣлалась извѣстною какъ въ польскомъ, такъ и въ турецкомъ лагерѣ. Каждый сокрушался о судьбахъ речипосполитой, въ столь рѣшительный моментъ лишенной такой опоры. Самая зависть умолкла въ то время, какъ добродѣтель оплакивала его; при жизни нѣкоторые обвиняли Ходкевича въ излишней строгости дисциплины, но послѣ смерти всѣ плакали по немъ. Литовскія войска, состоявшія подъ командою королевича, отказывали въ повиновеніи Любомирскому, пока самъ королевичъ не подалъ добраго примѣра подчиненія властямъ со скромностью, особенно замѣчательною въ такой высокопоставленной особѣ. Королевичъ призналъ надъ собою верховное начальство Любомирскаго, а также призналъ справедливымъ, чтобы литовцы, бывшіе теперь въ

меньшинствѣ, подчинились Любомирскому, хотя и поляку, если раньше польское войско, болѣе численное, признавало верховную власть Ходкевича, гетмана литовскаго, тѣмъ болѣе, что на предыдущихъ сеймахъ государство уравняло въ значеніи обоихъ гетмановъ. Итакъ предложеніе Владислава было принято литовскимъ рыцарствомъ и смерть Ходкевича не дала повода къ дальнѣйшимъ безпорядкамъ; напротивъ по мѣрѣ того, какъ приближался грозный рѣшающій моментъ, сильнѣе и энергичнѣе дѣйствовали умы. Любомирскій созвалъ большую раду, на которой принялъ власть и подтвердилъ трехмѣсячное жалованье, обѣщанное солдатамъ его предшественникомъ.

Около этого времени Фекети, возвращаясь изъ секретной, весьма удачной экспедиціи, встрѣтилъ татаръ, уводившихъ плѣнниковъ и добычу, отбилъ то и другое и покрылъ имя свое новою славою.

Между тѣмъ турки, которые не могли тѣхъ поръ сломить польскихъ силъ, не смотря на многократные приступы, пытались по крайней мѣрѣ устрашить насъ то дикими криками, то пушечными и ружейными выстрѣлами; наконецъ заняли брошенный Вейгеромъ шанецъ и изъ остатковъ его усиленно тѣснили насъ. Если-бы не подоспѣла на помощь гетманская пѣхота, хоругвь Русиновскаго нашлась-бы въ ужасающемъ положеніи; польскіе воины быстро устремились на встрѣчу непріятелю, удачнымъ маневромъ отняли у турокъ два большихъ знамени и отразили ихъ войска. Предводитель легкой кавалеріи Копачевскій и Лермунтъ, начальникъ нѣмецкой пѣхоты, оба раненные, доказали непреклонное мужество,

На слѣдующій день турки обстрѣливали противуположный берегъ, сдѣлали пятьдесятъ пушечныхъ выстрѣловъ, но безъуспѣшно пытались тревожить козаковъ и хоругвь Русиновскаго. Между тѣмъ Константинъ Вевели ѣздилъ къ туркамъ, чтобы исходатайствовать охранныя грамоты для нашего посла (на основаніи международнаго права) или предложить, не пожелаютъ-ли они дать заложниковъ, но возвратился съ отвѣтомъ отъ визиря Дилавера, что обмѣнъ заложниковъ, противорѣчащій понятію о взаимной честности обоихъ народовъ, былъ-бы унизительнымъ для достоинства Османа; что касается

обычныхъ охранныхъ грамотъ, турецкое правительство не откажетъ въ нихъ—и дѣйствительно Вевели привезъ ихъ съ собою.

Разъяренный постоянными неудачами и желая побѣдить, или наконецъ самому быть побѣжденнымъ, Османъ далъ волю разнузданному произволу, напрягъ всѣ усилія и ударилъ на поляковъ въ день св. Вячеслава, чешскаго короля, стариннаго нашего патрона, оказавшаго покровительство и въ данномъ случаѣ. Съ восьми часовъ утра до самыхъ сумерекъ длилась упорная битва; болѣе 60 пушекъ гремѣло безпрерывно, небо пылало, а воздухъ омрачился отъ дыма, земля дрожала, стонали лѣса, скалы распадались въ куски. Что видѣлъ глазъ въ теченіи цѣлаго дня, того не описать на одной или двухъ страницахъ; нельзя выразить въ точности, съ какимъ пыломъ и мужествомъ или скорѣе отчаяніемъ сражались обѣ стороны. Ядра крупнаго калибра, пущенныя черезъ рѣку, попадали въ лагерь въ запорожскіе окопы, или разрывались около маленькой хатки, въ которой жилъ королевичъ Владиславъ. Одинъ шотландецъ изъ его тѣлохранителей, больной лихорадкою и лежавшій на землѣ въ своей палаткѣ, былъ убитъ летящимъ ядромъ въ ту минуту, когда поднялъ голову для принятія пищи; своею смертью онъ доказалъ военнымъ людямъ, что тотъ, кто встрѣчаетъ смерть лицемъ къ лицу, скорѣе можетъ избѣгнуть ее, между тѣмъ какъ тотъ, кто старается уклониться отъ опасности, скорѣе всего падаетъ ея жертвою. Непріятель направилъ главныя свои силы на отрядъ Русиновскаго, который для удобства конныхъ герцовъ былъ вооруженъ исключительно малыми ружьями и, понадѣявшись на себя укрѣпилъ свою позицію лишь низкимъ валомъ. Турецкая кавалерія спѣшившись соединилась съ янычарами, вооруженными щитами, которыхъ раньше у нихъ не замѣчали; турки проникли между лѣсомъ и слабыми запорожскими окопами, отовсюду угрожая Русиновскому. На другомъ берегу татары, съ бѣшенными криками устремившись галопомъ, словно намѣревались переплыть рѣку, но успѣли также устрашить поляковъ. При видѣ опасности, угрожавшей Русиновскому, королевичъ Владиславъ отрядилъ въ подкрѣпленіе ему пѣхоту Альмада, Бобовскаго и Кохановскаго. составлявшую часть его собствен-

ной стражи, оставивъ при себѣ только вѣрныхъ его особѣ шотландцевъ и ирландцевъ.

Между тѣмъ непріятельскіе приступы все усиливались, такъ что самый цвѣтъ рыцарства оказался въ опасности; тогда Любомирскій послалъ лучшимъ отрядамъ приказъ, отдѣлить отъ каждой хоругви извѣстное число отборнаго рыцарства и составить изъ него послѣднюю резервную силу, чѣмъ доказалъ похвальную предусмотрительность и всѣ дружно и охотно отправились на указанные имъ посты.

Свѣже навербованные солдаты, отдѣлившись отъ ветerановъ, полетѣли на помощь Русиновскому, между тѣмъ какъ ветераны остались на мѣстѣ, поклявшись побѣдить или умереть. Помчалось къ Русиновскому быстрое рыцарство, неся головы въ жертву отечеству, а минуя шатры, гдѣ лежали больные въ ожиданіи печальной кончины, слышало ихъ стоны и воззванія о спасеніи общей отчизны. Хоругви Русиновскаго, подкрѣпленныя цвѣтомъ польскаго рыцарства, возстановили наконецъ свои истощенныя силы; новоприбывшіе встрѣтили непріятеля передъ окопами и завязался ожесточенный бой: поляки стремительно наступали, турки въ ужасѣ обращались въ бѣгство, а клонившаяся на ихъ сторону побѣда смѣнилась теперь постыднымъ пораженіемъ. На развалинахъ Альмадова окопа на пригоркѣ Шембергъ насыпалъ новый шанецъ, который укрѣпилъ двумя орудіями и гарнизономъ изъ 50-ти человѣкъ венгерской пѣхоты и отряда кіевскаго воеводы, Ѳомы Замойскаго. Сюда поспѣшили братья Рѣчицкіе: Юрій, староста ужендовскій, Андрей, Янъ, Николай и Станиславъ, извѣстные своимъ рвеніемъ на защиту отечества. Шембергъ на этотъ разъ выполнилъ остроумный маневръ замѣтивъ стремившагося къ нему непріятеля, онъ укрылся за своими валами; между тѣмъ турки, ни чего не замѣчая и считая укрѣпленіе оставленнымъ, мчатся къ нему безъ всякихъ предосторожностей и попадаютъ подъ градъ выстрѣловъ; только немногимъ удалось избѣгнуть опасности, большинство было разбито на голову. По другую сторону Хотина турки столкнулись съ другими нашими отрядами, но также потерпѣли неудачу и разсѣялись въ близь ле-

жащемъ лѣсу. Наступленіе ночи прекратило довольно счастливыя для поляковъ стычки, а успѣхи цѣлаго дня придали намъ столько-же надеждъ, сколько отняли ихъ у Османа. Вскорѣ послѣ того, во время нашего посольства, турки въ откровенной бесѣдѣ съ нами называли поименно многихъ изъ своихъ, погибшихъ въ этотъ день, когда Османъ лишился лучшихъ силъ своего войска.

Извѣстно, что судьба любитъ играть людьми; поэтому, не смотря на всѣ удачи, слѣдовало опасаться перемѣны счастья тѣмъ болѣе, что недостатокъ пороха могъ погубить всѣ плоды побѣды. Начали поговаривать объ условіяхъ почетнаго мира. Въ присутствіи королевича происходило совѣщаніе коммиссаровъ съ гетманомъ и сенаторами, на которомъ рѣшено, что можно безъ нарушенія достоинства и выгодъ речипосполитой отправить пословъ къ Осману. Сенаторы, отстаивая честь своего званія, утверждали, что на нихъ должно быть возложено посольство; съ своей стороны коммиссары, избранные волею сейма изъ среды рыцарскаго сословія, доказывали, что это посольство по закону лежитъ на ихъ обязаности. Такъ какъ обстоятельства не допускали ни проволочекъ, ни споровъ, то дѣло улажено такою комбинаціею, чтобы посольство къ Осману состояло изъ двухъ лицъ: одного сенатора и одного изъ сеймовыхъ коммиссаровъ. Изъ числа сенаторовъ избранъ былъ Станиславъ Жоравинскій, белзскій кастелянъ, человѣкъ разумный и справедливый, (который въ то время, какъ пишутся эти записки, послѣ продолжительной болѣзни окончилъ жизнь къ прискорбію государства и друзей), изъ среды коммиссаровъ—Яковъ Собескій. Ради общаго дѣла оба они приняли возложенную на нихъ обязанность, хотя опасную и непріятную.

Чтобы предупредить возможность неправильнаго толкованія условій мира, коммиссары вручили текстъ ихъ, скрѣпленный подписями всѣхъ сенаторовъ и коммиссаровъ, для храненія королевскому секретарю Андрею Шолдрскому, исполнявшему при особѣ Владислава должность канцлера; сами-же, снабженные грамотами отъ Любомирскаго къ султану и великому визирю, отправились въ путь. Сверхъ того взяли для раздачи туркамъ подарки отъ гетмана и его совѣт-

никовъ, къ которымъ Владиславъ прибавилъ отъ себя оружіе. Пословъ напутствовали добрыя пожеланія цѣлаго войска; иные сожалѣли объ ихъ участи, опасаясь дурнаго исхода посольства, другіе, напротивъ, выражали найлучшія предсказанія; сопровождалъ ихъ цвѣтъ польскаго рыцарства, блистая подборомъ коней и пышностью нарядовъ. Между польскими всадниками и турками, смотрѣвшими на нихъ издали, произошелъ нѣмой обмѣнъ привѣтствій; обѣ стороны знаками приглашали другъ друга на собесѣдованіе, которое впрочемъ Любомирскій строго воспретилъ своимъ. По приказанію визиря, на встрѣчу полякамъ вышли нѣсколько пожилыхъ заслуженныхъ чаушей и вступили съ ними въ разговоръ при посредствѣ одного изъ нихъ, почтеннаго старца, украшеннаго длинною сѣдою бородою; белзскій кастелянъ отвѣчалъ ему плавно и сообразно съ достоинствомъ рѣчипосполитой. Съ такою-же учтивостью принималъ пословъ валашскій воевода Радулъ при посредствѣ избранныхъ своихъ дворянъ.

Не лишнимъ, мнѣ кажется, будетъ вкратцѣ описать внѣшній видъ Османова лагеря, который я осмотрѣлъ со вниманіемъ. Пусть никто не думаетъ, что въ обычаѣ турокъ устраивать лагерь въ порядкѣ, соотвѣтственно военнымъ правиламъ. Какъ при минутной остановкѣ во время пути, такъ и на продолжительныхъ стоянкахъ, кто раньше приходитъ, занимаетъ то мѣсто, какое ему понравится; поэтому и подъ Хотиномъ, вслѣдствіе разнообразія мѣстности, различно было расположеніе лагеря, то на холмахъ, то въ долинѣ и т. д. Въ толпѣ людей, лошадей и различнаго скота тѣсно размѣщены разукрашенные шатры и многочисленныя орудія, придающія картинѣ характеръ грознаго величія. Прекраснѣе всего были жилища начальниковъ войскъ и провинцій, шатры, искусно устроенные на шестахъ на подобіе замковъ, украшенные на верхушкахъ то позолоченными шарами, то флагами разныхъ цвѣтовъ, то орлиными крыльями, что у нихъ служитъ признакомъ знатности; на длинныхъ шестахъ, водруженныхъ въ землю, развѣвались конскія гривы, также разукрашенныя позолоченными шарами. Не было нигдѣ мѣста свободнаго отъ людей и скота, напротивъ днемъ и ночью всѣ про-

ходы въ лагерѣ были наполнены снующими стадами, которыя то гнали на пастбища, то обратно въ лагерь. При восходѣ и заходѣ солнца люди и животныя въ безчисленномъ количествѣ шли къ Днѣстру одни за водою, другія на водопой и подымали такую пыль, что вся окрестность покрывалась густою мглою. Впрочемъ, если обратить вниманіе на господствующую тамъ военную дисциплину, то христіанамъ, у которыхъ ее нѣтъ, придется краснѣть передъ турками. У нихъ видно повиновеніе, видно какъ строго наказываются грабежи и пьянство; здѣсь не увидишь ни ссоръ, ни пререканій, ни дракъ. Вопли, издаваемые турецкимъ войскомъ во время битвы, умолкаютъ въ лагерѣ и можно подумать, что находишься въ городѣ среди мирныхъ гражданъ, а не въ военномъ станѣ. У этихъ язычниковъ такъ много суевѣрной набожности, что большую часть ночи они проводятъ въ молитвахъ, сопровождаемыхъ дикими криками. Стража устроена въ наилучшемъ порядкѣ, а во избѣжаніе различныхъ случайностей передъ каждымъ большимъ шатромъ цѣлую ночь горитъ фонарь. Христіане, по преимуществу валахи, несутъ различную службу; на нихъ лежитъ обязанность строить и охранять мосты, если-же они не исполняютъ ее, или изнемогаютъ подъ бременемъ труда, ихъ побуждаютъ къ тому строгими карами. Туркамъ позволительно убивать христіанъ не только на войнѣ, но даже и тѣхъ, которые мирно живутъ на ихъ землѣ.

Послы, проходя серединою лагеря, куда ихъ для почета сопровождали турки, прибыли къ стоянкѣ Радула, гдѣ встрѣтила ихъ валашская старшина и, пока они вставали съ коней, учтиво привѣтствовала отъ имени своего владыки, обѣщая достаточныя удобства какъ для всадниковъ, такъ и для лошадей. Мы отвѣтили на это, что послы короля и речипосполитой ни въ чемъ не могутъ нуждаться и не приходятъ просить ни крова, ни пищи, однако не пренебрегаютъ гостепріимствомъ христіанъ и друзей. Для того чтобы равный съ равнымъ могли обсуждать условія, о которыхъ предстояло трактовать съ валашскимъ воеводою, секретаремъ посольства назначенъ былъ Петръ Трплятковскій, маршалокъ двора Прокопія Сенявскаго, избранный за его чрезвычайную расторопность, скром-

ность и прекрасныя манеры. Онъ и отправился къ Радулу объявить отъ имени пословъ, что уполномоченъ для переговоровъ и условиться съ нимъ, какъ сосѣдомъ Польши и посредникомъ мира, о времени, мѣстѣ и способахъ заключенія условій перемирія.

Мы обсуждали, что пристойнѣе: ожидать-ли Радула въ палаткѣ, или идти къ нему; но въ виду того, что приличія ни въ чемъ не были нарушены, Трилятковскій, окруженный валашскимъ дворянствомъ, отправился въ воеводѣ, который со всѣмъ своимъ сенатомъ ожидалъ прибытія желанныхъ гостей. Такъ какъ не годилось при самомъ началѣ переговоровъ начинать раздоры или высказывать подозрѣнія, то послы предупредили воеводу, который въ свою очередь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу имъ, въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ и пригласилъ для интимной бесѣды, при которой присутствовалъ одинъ только Катерждей, банъ краевскій, первый сановникъ Валахіи. Вручивши грамоту Любомирскаго, послы на первый разъ пожелали только, чтобы имъ какъ можно скорѣе испрошена была аудіенція у визиря. Радулъ оказался достойнымъ довѣрія и въ дѣлѣ мира сторонникомъ польскаго королевства во первыхъ потому, что былъ христіаниномъ, а во вторыхъ и потому, что польско-турецкія войны не дозволяли ему ни укрѣпить своей власти, ни пользоваться богатыми доходами.

Съ своей стороны визирь Дилаверъ выказалъ особую учтивость, ибо тотчасъ отрядилъ на встрѣчу намъ для большаго почета пятьдесятъ отборныхъ янычаръ, выдѣлявшихся красотою наряда и тѣлосложенія. Впрочемъ военныя дѣйствія не прекращались и во время этихъ обоюдныхъ заботъ о мирѣ. Турки стрѣляли черезъ Днѣстръ и безпокоили прибрежную часть лагеря; у воротъ Любомирскаго польское рыцарство завязало стычку и нѣсколько хоругвей успѣшно помѣрялись съ непріятелемъ. Симонъ Копычинскій, храбро добиваясь побѣды, едва избѣжалъ гибели: его понесъ конь, раненный копьемъ противника. Столь-же превратную судьбу испыталъ Криницкій, намѣстникъ гусарской хоругви Александра Прусиновскаго, сына белзскаго воеводы. Однако турецкій строй вѣроятно былъ смѣшанъ, если Прокопъ Сенявскій, шедшій со своею хоругвью отъ шанца

Ходкевича въ подкрѣпленіе Любомирскому, могъ безпрепятственно пройти мимо самыхъ турецкихъ войскъ; удивительно также, почему турки, такъ часто угрожавшіе намъ своими войсками и пушками, ни разу не попытались овладѣть Жванецкою крѣпостью, которую построилъ каменецкій староста Валентій Калиновскій, богатырь высокаго духа. На сколько ея позиція была выгодна для поляковъ вслѣдствіе близости рѣки и самаго Хотина, на столько она могла быть грозною въ рукахъ непріятеля. Между тѣмъ турки усиленно стремились добыть замокъ въ Паневцахъ, въ разстояніи мили отъ Каменца, (построенный скорѣе для красоты и удовольствія, нежели для военныхъ цѣлей брацлавскимъ воеводою Яномъ Потоцкимъ, мужемъ, прославленнымъ рыцарскими подвигами), но послѣ тщетныхъ усилій принуждены были отступить, вслѣдствіе измѣны татаръ. Осмотрѣвши внимательно положеніе Каменца съ прилегающихъ къ нему возвышенностей и не рѣшаясь ударить на самый городъ, турки сожгли однако армянскую часовню св. Креста, выстроенную на скалѣ.

Во время пребыванія пословъ въ лагерѣ Османа, турки, возвращаясь съ битвы и проходя мимо ихъ шатровъ измученные и обезсиленные, скрывали отъ стыда полученныя раны, а трупы своихъ солдатъ поспѣшно увозили въ закрытыхъ телѣгахъ.

Великій визирь, стремясь возстановить старую пріязнь между Польшею и оттоманскимъ дворомъ, пригласилъ къ себѣ пословъ въ присутствіи второго визиря Гуссейна и Бачи-паши великаго казначея. Белзскій кастелянъ, зная, что уши этихъ дикарей непріучены къ изящной рѣчи, въ короткихъ словахъ изложилъ, что рѣчьпосполитая готова сохранить условія прежняго мира, и просилъ Дилавера, какъ человѣка, занимавшаго мѣсто въ совѣтѣ Османа и стоявшаго у кормила правленія, употребить свое вліяніе въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для обѣихъ сторонъ. Трудно повѣрить, насколько послы нашли его доступнымъ, гуманнымъ, миролюбивымъ, полнымъ правоты и законности въ словахъ и поступкахъ; его радушное привѣтствіе, любезный голосъ и жесты, все выражало полное сочувствіе дѣлу обоюднаго примиренія. Впрочемъ онъ просилъ пословъ перемѣнить помѣщеніе и занять шатры въ сосѣдствѣ съ

нимъ и казначеемъ, чтобы тѣмъ удобнѣе вести переговоры. Королевская роскошь и изысканность выражались какъ въ его обхожденіи, такъ и въ убранствѣ шатра и, судя по обстановкѣ, можно было думать, что видишь передъ собою какого нибудь неприступнаго монарха, а не визиря. Прямо отъ Дилавера послы направились къ духовному главѣ мусульманъ, который нѣкогда былъ воспитателемъ Османа въ его дѣтскомъ возрастѣ и теперь пользовался высокимъ почетомъ и милостью султана. Согбенный отъ старости, съ слабымъ голосомъ, онъ казался совершенно безсознательнымъ и, когда послы привѣтствовали его, сидѣлъ подобно статуѣ съ неподвижною головою, устремленнымъ въ землю взглядомъ, со сложенными руками, въ которыхъ держалъ четки изъ камешковъ, бормоча молитвы. Болтливый старецъ отвѣчалъ пространно на лаконическую рѣчь белзскаго кастеляна, перемѣшивая свои слова многими шутками и мусульманскими суевѣріями. Онъ также какъ и визирь обѣщалъ употребить всѣ усилія для возстановленія старинной священной дружбы между поляками и турками.

Когда дѣло такимъ образомъ дошло уже до обсужденія условій мира, визирь поручилъ Радулу выпытать намѣренія поляковъ. Прежде всего обѣ стороны согласились въ томъ, чтобы пограничные споры были сообща разсмотрѣны уполномоченными коммиссарами, далѣе Радулъ требовалъ рѣзкаго подавленія козацкихъ своеволій. Въ своемъ отвѣтѣ послы выяснили все положеніе дѣла: источникъ козацкихъ безчинствъ лежитъ въ постоянныхъ набѣгахъ татаръ, которые такъ часто опустошаютъ наиболѣе плодородныя провинціи государства, доводя до нищеты множество поселянъ, а эти послѣдніе въ свою очередь готовы всѣми мѣрами избавиться отъ враговъ и во всевозможныхъ безчинствахъ ищутъ выхода изъ своего отчаяннаго положенія. Бросая собственныя жилища, они скитаются, ища лучшихъ поселеній и частью изъ мести, частью съ цѣлью грабежа поступаютъ подъ козацкія знамена. Чтобы не нарушать мира съ турками, речьпосполитая старается сдерживать ихъ произволъ, то частыми грамотами, то посылкою коммиссаровъ; бывали случаи,

когда правительство готово было покарать ихъ вооруженною силою, но внезапные набѣги татаръ отвлекали его вниманіе.

Въ дѣйствительности гораздо виновнѣе козаки, живущіе надъ Дономъ, которые, хотя принадлежатъ великому князю московскому, совершаютъ всѣ свои безчинства подъ видомъ запорожцевъ и ничто въ мірѣ не заставитъ ихъ воздержаться отъ морскихъ набѣговъ. Когда же валашскій воевода припомнилъ недавнее нападеніе козаковъ на земли Оргіевскую и Сорокскую и настаивалъ на выдачѣ всей ихъ старшины въ руки Османа, послы отвѣтили только, что послѣ объявленія турками войны всѣ враждебныя мѣры были позволительны. Сверхъ того недостойно издревле извѣстной добродѣтели и правдивости поляковъ выдавать на потѣху непріятелю тѣхъ, которые были нашими товарищами въ битвахъ. Наконецъ, если уже необходимо наказать запорожцевъ, какъ нарушителей мира, то слѣдуетъ точно также поступить съ Бернаскомъ, Кантемиромъ и всею татарскою старшиною. Радулъ безъ всякаго повода придумывалъ различныя придирки и затрудненія, жаловался на Цецорскій походъ Жолкевскаго, какъ на главную причину турецкой войны, но получивъ въ отвѣтъ, что гетманъ былъ вызванъ Скиндеръ-пашою и предпочелъ перенести военныя дѣйствія изъ отечественной земли въ непріятельскую, умолкъ передъ справедливостью доводовъ. Наконецъ предложилъ тотчасъ по возвращеніи Османа въ Константинополь послать ему, какъ властелину почти всей земли, вмѣсто гарача какіе нибудь необыкновенной цѣны подарки.

Наскучивъ его тяжкими условіями послы отвѣчали, что речьпосполитая никому не платитъ дани, а народъ польскій, славный своими вольностями, такъ любитъ свободу, что при малѣйшемъ ея нарушеніи считалъ бы ее окончательно погибшею; для сохраненія же своихъ вольностей каждый готовъ пожертвовать своимъ имуществомъ, здоровьемъ, даже жизнью. Если Османъ пожелаетъ возобновить старую дружбу съ Сигизмундомъ, король польскій готовъ послать ему подарки въ залогъ доброй сосѣдской пріязни, но отнюдь не въ знакъ турецкаго господства, ибо поляки, по обычаю своихъ предковъ и нынѣ того только признаютъ своимъ господиномъ, кого сами

вольными голосами избрали на тронъ. Радулъ удовольствовался этими отвѣтами и, не раздражая пословъ дальнѣйшими возраженіями, отправился къ великому визирю, соблюдая только ту предосторожность, чтобы въ числѣ условій мира былъ опущенъ пунктъ относительно освобожденія польнаго гетмана Станислава Конецпольскаго, Самуила Корецкаго, Луки Жолкевскаго и Владиміра Фаренсбаха, который содержался въ цѣпяхъ подъ строгимъ карауломъ въ милѣ отъ Константинополя. Умолчалъ онъ объ этомъ для того, чтобы Дилаверъ не потребовалъ большого денежнаго выкупа отъ плѣнниковъ, между тѣмъ какъ самъ онъ (т. е. Радулъ) располагаетъ тайными средствами, при помощи которыхъ эти плѣнники вскорѣ возвратятся на родину.

Константинъ Вевели, старавшійся посредствомъ различныхъ изворотовъ снискать милость турокъ, совѣтовалъ посламъ, чтобы подъ видомъ запорожцевъ были выданы туркамъ преступники, осужденные на заключеніе въ Каменцѣ и другихъ замкахъ. Эти измѣнническіе наговоры имѣли цѣлью возстановить козаковъ противъ Польши, очернить Владислава въ ихъ глазахъ и тѣмъ самымъ лишить польскій лагерь добрыхъ воиновъ. Но умыселъ этотъ былъ разгаданъ и потому не удался; тѣмъ не менѣе Радулъ частью лично, частью при посредствѣ иныхъ особъ убѣждалъ пословъ къ принятію предлагаемыхъ условій.

Кромѣ различныхъ предложеній пущены были въ ходъ тщетныя угрозы: такъ напримѣръ въ лагерѣ объявляли, что Османъ намѣренъ простоять здѣсь еще шесть недѣль; турецкіе полки часто выходили на показъ, дѣлая видъ, будто идутъ къ польскимъ укрѣпленіямъ или возвращаются съ поля. Съ своей стороны визирь, когда не удались его старанія при посредствѣ валашского воеводы выговорить у пословъ какія нибудь уступки, рѣшился наконецъ самъ попытать счастья, употребивши для этого все свое вліяніе. Поэтому, призвавши насъ на тайную аудіенцію, убѣждалъ согласиться на посылку гарача въ Константинополь и наказаніе запорожцевъ; затѣмъ грозилъ, что Османъ пробудетъ подъ Хотиномъ до дня св. Димитрія, т. е. до половины ноября, а по пути черезъ Молдавію

пришлетъ татаръ ногайскихъ, крымскихъ, бѣлгородскихъ и добруджскихъ вмѣстѣ съ отрядами валаховъ, молдаванъ и европейскихъ турокъ, которые въ теченіи цѣлой зимы будутъ опустошать польскія владѣнія; самъ же султанъ съ наступленіемъ весны, собравши многочисленныя войска въ Азіи и Африкѣ, явится въ Польшу по пути, подготовленному татарами. Все это визирь говорилъ, не сводя съ пословъ пристальнаго взгляда, стараясь смутить ихъ и наблюдая выраженіе ихъ лицъ, затѣмъ объявилъ, что съ этимъ отвѣтомъ они могутъ безпрепятственно возвратиться въ свой лагерь. Кастелянъ белзскій возразилъ скромно и съ достоинствомъ, что исходъ войны всегда сомнителенъ, а побѣда и пораженіе кроются въ тайныхъ приговорахъ судьбы; въ данное же время турки не имѣютъ повода гордиться, а поляки страшиться; народъ нашъ созданъ для свободы и такъ привыкъ къ ней, что скорѣе готовъ перенести всевозможныя бѣдствія, нежели согласится идти подъ иго гарача. Затѣмъ послы встали и, прощаясь, благодарили визиря за соблюденіе священнаго международнаго права и даннаго слова, выраженное какъ въ пріемѣ, такъ и въ свободномъ пропускѣ пословъ. Визирь умолкъ въ изумленіи, но, видя непреклонность пословъ, любезно подалъ руку обоимъ, попросилъ насъ остаться и затѣмъ оказался вполнѣ сговорчивымъ относительно мирныхъ условій.

Въ дѣлѣ ускоренія переговоровъ не мало помогло обѣщаніе подарковъ, сдѣланное отъ имени речипосполитой какъ самому Делаверу, такъ и другимъ болѣе вліятельнымъ совѣтникамъ Османа, ибо турки, алчные по природѣ, но обираемые своимъ тираномъ, всѣ проникнуты постыдною жаждою золота. Долго шли переговоры о дарахъ, которые должно было предложить Осману, и о томъ, чтобы эти послѣдніе не были включены въ пункты трактата, такъ какъ это было-бы униженіемъ чести польскаго народа. Посолъ, который отправится въ Константинополь для скрѣпленія мира отъ имени речипосполитой, долженъ будетъ представить эти дары отъ Сигизмунда Осману, какъ дружественному монарху. Не смотря на молодость и большія дарованія, Османъ отличался необыкновенною алчностью и при малѣйшей надеждѣ на дорогіе подарки готовъ былъ забыть

все достоинство монарха. Тогда Собескій съ согласія визиря отправился въ свой лагерь, чтобы окончательно условиться съ Владиславомъ и комиссарами по этому предмету. Раньше впрочемъ нежели оставить шатеръ визиря, онъ настойчиво требовалъ усмиренія татаръ, грабившихъ Польшу, заботясь болѣе всего о возможности, не нарушая мира, отражать набѣги татаръ и преслѣдовать ихъ на ихъ же территоріи. Визирь съ неудовольствіемъ выслушалъ эту рѣчь Собескаго, доказывая, что татары подданные султана и земли ихъ принадлежатъ государству. Въ случаѣ если-бы поляки понесли обиду отъ татаръ, Порта сама отомститъ за нее и въ этомъ смыслѣ будетъ послано хану строгое внушеніе, между тѣмъ какъ война съ татарами повлечетъ за собою войну съ оттоманскою имперіею.

Во время пребыванія пословъ въ лагерѣ Османа, въ польскій лагерь прибылъ вызненскій староста Николай Коссаковскій; онъ привезъ провіантъ изъ Каменца и нѣсколькихъ плѣнниковъ изъ волынской шляхты, отбитыхъ у татаръ, которые отрѣзали путь отъ Каменца къ Брагѣ и полагая, что Коссаковскій идетъ безъ надлежащихъ предосторожностей, ударили на него изъ засады, но встрѣтивъ сильный отпоръ, они по своему обыкновенію тотчасъ разсѣялись, предоставивъ Коссаковскому свободный пропускъ.

Турки съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Собескаго, который прибылъ на слѣдующій день къ белзскому кастеляну и объявилъ, что для скрѣпленія старой дружбы король польскій готовъ прислать дары достойные Османа, если этотъ послѣдній отвѣтитъ своему сосѣду такою-же любезностью. Прельщенные этимъ обѣщаніемъ умы дикарей усердно трудились надъ завершеніемъ мира; вскорѣ все было исполнено, оставалось только посламъ, въ силу стараго обычая, явиться къ султану съ привѣтствіемъ и просьбою о скрѣпленіи мирныхъ условій. Дилаворъ созвалъ прочихъ визирей, великаго казначея, верховнаго судью и всѣхъ членовъ дивана; члены совѣта засѣдали торжественно въ тюрбанахъ, соотвѣтственныхъ званію каждаго. Послы прибыли въ его шатеръ вмѣстѣ съ Станиславомъ Сулишовскимъ, который долженъ былъ сопровождать Османа въ Константинополь въ качествѣ постояннаго посланника, на основаніи

условій новозаключеннаго трактата; присутствовалъ и канцлеръ татарскаго хана Джанибекъ-Гирея. Лица старшинъ выражали удовольствіе, вызванное заключеніемъ мира; многіе изъ нихъ, изможденные старостью, измученные походомъ, непривычные къ нашему климату, страшились божьей кары и вздыхали о скоромъ окончаніи войны. Всѣ сидѣли въ молчаніи, а великій визирь обратился къ полякамъ съ такою рѣчью. „Мужи польскіе! Въ настоящее время мы видимъ, что прерванная было дружба между польскимъ королемъ и оттоманскою Портою вновь укрѣплена ко благу и счастью обоихъ могущественныхъ государствъ. Надѣемся, что съ нашей стороны не будутъ нарушены мирныя условія; вы же съ своей стороны постарайтесь не запятнать своей чести вѣроломствомъ. Теперь вы предстанете передъ непобѣдимымъ императоромъ, который удостоитъ васъ своего лицезрѣнія, какъ братнихъ пословъ“.

Затѣмъ, обращаясь къ канцлеру Джанибекъ-Гирея, произнесъ: „Я желалъ, чтобы ты присутствовалъ при этомъ и зналъ объ условіяхъ заключеннаго мира. Именемъ Османа, предъ лицемъ котораго татарскій ханъ есть прахъ и подножіе ногъ его, объявишь ему строжайшій запретъ вторгаться отнынѣ съ вооруженною силою въ польское королевство; если-же онъ нарушитъ волю султана, то не только будетъ лишенъ ханства, но заплатитъ за это жизнью“.

Татаринъ колѣнопреклоненный выслушалъ слова Дилавера и въ отвѣтъ, склонивши голову до земли, простоналъ, что границу татарской земли отъ Польши составляетъ рѣчка въ пустынѣ, издавна называемая Синею водою.

„Не тебѣ говорить о границахъ, замѣтилъ ему визирь. Татарамъ подобаетъ выполнять приказанія моего господина, а не примѣшивать къ настоящему дѣлу обстоятельствъ, къ нему не относящихся“.

Дилаверъ любезно закончилъ бесѣду съ послами; затѣмъ по восточному обычаю всѣмъ присутствующимъ визирямъ и пашамъ поданы глиняные сосуды съ душистымъ и сладкимъ шербетомъ, который мы пили за благополучно завершенное примиреніе двухъ государствъ.

Послы отправились верхомъ къ султанской ставкѣ, гдѣ принуждены были немного обождать, пока Дилаверъ ввелъ ихъ. Всюду видна была величайшая роскошь и рѣдкое великолѣпіе. Ставка Османа красовалась на высокомъ холмѣ на подобіе замка, приспособленнаго не столько для военныхъ цѣлей, сколько для удовольствій и наслажденій; были тамъ прихожія и лѣстницы, таинственные альковы и великолѣпныя палаты; все это напоминало скорѣе рядъ дворцовъ, построенныхъ нѣсколькими монархами въ мирное и цвѣтущее время, нежели военное жилище одного султана. Всюду блистали золотые или позолоченные шары, шелковые шнурки, а стѣны были обтянуты золотомъ на подобіе парчевой ризы.

Все пространство между шатрами Дилавера и султана было запружено толпами турокъ, такъ что едва можно было пройти; ни возрастъ, ни состояніе здоровья, никакія занятія, ничто не могло принудить ихъ отказаться отъ неожиданнаго зрѣлища. Янычары по приказанію визиря разгоняли толпу, между тѣмъ какъ привратники въ шелковыхъ одеждахъ, съ серебряными посохами въ рукахъ, подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ устраивали шествіе пословъ къ Осману. Ряды жрецовъ, солдатъ, придворныхъ, постельничихъ и писарей въ красивыхъ и богатыхъ одеждахъ дополняли торжественность обстановки. Султанъ сидѣлъ на ложѣ, окруженный дорогими подушками; позади его висѣло копье и два лука съ колчанами. Самъ онъ, совершенно неподвижный, напоминающій скорѣе идола нежели человѣка, не выразилъ почти ни признака привѣтливости; впрочемъ орлиный носъ, смуглый цвѣтъ лица, открытое чело и гордый взглядъ, все обличало въ немъ благородство. Визирь и прочіе старшины, словно послѣдніе невольники, стояли потупя взоръ, склоня голову и опустивши руки, представляя видъ крайняго униженія. Приглашенные въ силу оттоманскаго обычая поцѣловать одежду султана, послы привѣтствовали его вмѣстѣ съ Сулишовскимъ, валашскимъ воеводой Радуломъ, Константиномъ Вевели и нѣкоторыми лицами изъ своей свиты. Затѣмъ паша, стоявшій первымъ съ краю, принялъ письмо Любомирскаго, поданное Собескимъ и вручилъ ближайшему пашѣ, тотъ передалъ дальше и такъ поочередно изъ рукъ

въ руки письмо дошло наконецъ до рукъ великаго визиря, который палъ ницъ передъ Османомъ и положилъ грамоту за изголовье.

По окончаніи этого обряда белзскій кастелянъ, на приглашеніе визиря обратиться съ краткою рѣчью къ султану, произнесъ.

„Свѣтлѣйшій и непобѣдимый императоръ! Возобновленіе вѣковой пріязни съ высокою Портою составляло на столько прочное намѣреніе всемилостивѣйшаго нашего короля и цѣлой речипосполитой, что даже теперь, среди военнаго пыла обдумывался спасительный для обоихъ народовъ миръ и присланы спеціальные коммиссары, уполномоченные для возстановленія стараго мира. Теперь, когда съ Божьею помощью и благодаря особой разсудительности твоего визиря Дилавера все это исполнено, мы обѣщаемъ, что речьпосполитая будетъ соблюдать этотъ миръ во всей силѣ и ни мало не сомнѣваемся, что и самъ ты, какъ слѣдовалъ донынѣ путемъ славныхъ подвиговъ твоихъ предковъ, такъ и теперь, по ихъ примѣру, не откажешь поддерживать полный миръ съ польскимъ королевствомъ".

Такъ какъ Османъ, соблюдая важность и величіе своего достоинства, ни слова не отвѣтилъ белзскому кастеляну, то послы передъ выходомъ изъ шатра поднесли ему отъ своего имени дары, между которыми заслуживали вниманія: копье и нѣсколько ружей рѣдкой работы; при этомъ кастелянъ обратился къ султану съ такими словами: „Намъ хорошо извѣстно, что ты императоръ, обладающій всевозможными богатствами, что у тебя нѣтъ недостатка ни въ золотѣ, ни въ жемчугѣ, ни въ драгоцѣнностяхъ; здѣсь на войнѣ, гдѣ прилично заниматься только желѣзомъ, въ рукахъ нашихъ нѣтъ никакихъ драгоцѣнностей, но то оружіе, которымъ мы боролись за отчизну, приносимъ тебѣ какъ другу и союзнику нашего короля съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы, по заключеніи тѣсными узами настоящаго примиренія между оттоманскою и польскою державами, оружіе это доставило тебѣ побѣду въ борьбѣ противъ общихъ враговъ".

Всеобщая радость по поводу заключенія мира выражалась въ продолженіи всей слѣдующей ночи: верхи всѣхъ шатровъ въ об-

ширномъ турецкомъ лагерѣ были украшены зажженными свѣчами, разливавшими по горамъ и долинамъ пріятный для глазъ блескъ, подобно сіянію звѣздъ на ясномъ небѣ. Видя ликованіе невѣрныхъ, запорожцы въ одиночку стрѣляли изъ ружей, тоже происходило и въ польскомъ лагерѣ и долго раздавался грохотъ, достигавшій турецкаго стана.

Визирь неоднократно выражалъ сожалѣніе о томъ, что христіане, рожденные и воспитанные въ Турціи, часто уходятъ къ полякамъ, розыскъ же ихъ и выдача сопряжены со многими затрудненіями; особенно же настаивалъ онъ на требованіи, чтобы поляки первые перенесли свой лагерь за Днѣстръ и такимъ образомъ очистили турецкую территорію, которую заняли какъ непріятели. Требованіе это давало поводъ опасаться, чтобы турки, при видѣ измученнаго и обезсиленнаго войска Владислава, не измѣнили намѣренія, (какъ это случается на войнѣ) и не ударили на насъ со всѣми своими силами. Поэтому приводилось много вѣскихъ возраженій: то ссылались на дурное время года, то на ожиданіе лошадей и повозокъ, то, наконецъ, на честь польскаго народа, такъ какъ въ силу военнаго обычая тотъ, кто первымъ занимаетъ поле битвы, послѣднимъ оставляетъ его. Указывалось на то, что переправа черезъ Днѣстръ столь численнаго войска потребуетъ много времени; наконецъ приведено не безосновательное предположеніе о томъ, что если бы поляки воспользовались турецкимъ мостомъ для своей переправы, близкое сосѣдство такого множества турокъ на военномъ положеніи могло бы вызвать между чернью и обозною прислугою обоюдныя стычки; такимъ образомъ изъ малой искры можетъ вспыхнуть большой пожаръ и возобновится только что законченная война. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе визирь обѣщалъ отрядить янычаръ для охраны моста отъ разрушенія, что и исполнилъ съ рѣдкою для этихъ дикарей добросовѣстностью, ибо турки, истратившіе на постройку этого моста на Дунаѣ много труда и средствъ съ цѣлью изгладить самое имя поляковъ, благодаря измѣнчивости человѣческихъ дѣлъ уступили его непріятелю, чтобы облегчить послѣднему возвратъ на родину. Поэтому, не теряя времени въ напрасныхъ спорахъ, послы

объявили, что польскій лагерь будетъ перенесенъ на противуположный берегъ Днѣстра, равно какъ и многочисленные пустые шатры безъ людей и лошадей, разставленные по приказу Любомирскаго до самой Браги, съ цѣлью ввести турокъ въ заблужденіе относительно нашихъ силъ. Теперь посламъ оставалось только получить подписанный уже трактатъ, который съ подобающею учтивостью и почетомъ болзскій кастелянъ принялъ изъ рукъ самого визиря.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь вкратцѣ содержаніе этого договора.

Станиславъ Сулишовскій будетъ сопровождать Османа въ Константинополь, какъ заступающій мѣсто будущаго посланника. Постельничій оттоманской Порты отправится къ польскому королю Сигизмунду, чтобы встрѣтить и съ честью принять польскаго посланника, который въ возможно скоромъ времени будетъ назначенъ изъ мужей, славныхъ родомъ, саномъ и мудростью; вмѣстѣ съ нимъ отправится королевскій секретарь, который будетъ проживать при дворѣ Османа согласно обычаю, принятому всѣми христіанскими монархами. Поляки запретятъ запорожскимъ козакамъ судоходство по Днѣпру, за всякую же обиду, причиненную турецкимъ подданнымъ, козаки будутъ строго наказаны. Татары бѣлгородскіе, тягинскіе, килійскіе, добруджскіе и крымскіе должны совершенно воздержаться отъ набѣговъ на Польшу, а чтобы поставить для нихъ преграду, Османъ вооружитъ Очаковскую крѣпость; въ случаѣ обиды, причиненной жителямъ польскаго государства татарами, послѣдніе обязаны вознаградить за нее, ханъ же татарскій понесетъ строгое наказаніе отъ султана, какъ своего господина. Этотъ запретъ, обязательный для обѣихъ сторонъ, не распространяется на тѣхъ, которые удаляются въ пустыню съ цѣлью охоты или рыбной ловли. Если татарамъ случится проходить подъ турецкими знаменами вблизи польскихъ провинцій, они не должны пускать туда своихъ загоновъ.

Для устраненія споровъ о границахъ съ обѣихъ сторонъ будутъ назначены коммиссары изъ сановниковъ, умудренныхъ опытомъ. Польскій король будетъ уплачивать татарскому хану обычное жалованье, которое будетъ отсылать въ Яссы, гдѣ и должны его по-

лучать ханскіе послы; за это, по обычаю предковъ, ханъ обязанъ участвовать въ войнахъ речипосполитой по призыву короля. Валашскими господарями будутъ утверждаемы люди христіанской вѣры, не заподозрѣнные въ корыстолюбіи, которые дорожили-бы миромъ и стремились ко благу обѣихъ державъ. Замокъ Хотинскій будетъ переданъ молдавскому воеводѣ; торговля между подданными Османа и Сигизмунда объявляется свободною, а торговые пути должны быть приведены въ безопасность. Отнынѣ оба государства будутъ имѣть общихъ друзей и враговъ; старымъ трактатамъ возвращается ихъ прежняя сила, новые же должны оставаться неприкосновенными и тотъ, кто отважился бы нарушить ихъ, да назовется клятвопреступникомъ.

Получивъ эти пункты, послы распростились съ Дилаверомъ, прося его покровительства на время пути съ Османомъ для Станислава Сулишовскаго, какъ королевскаго посланника и человѣка достойнаго.

Поутру безчисленная армія, совмѣщавшая представителей стольких народовъ, безъ шума и криковъ занялась перенесеніемъ своего лагеря обратно на разстояніе мили отъ Прута. Во главѣ многочисленныхъ отрядовъ шла передовая стража; арьергардъ расположился на возвышенности, наблюдая оттуда за движеніемъ войска, которое нестройною толпою безъ всякаго почти порядка стремилось впередъ среди возовъ, муловъ и вьючныхъ верблюдовъ. Въ крытыхъ телѣгахъ везли престарѣлыхъ и раненныхъ солдатъ, обильный и разнообразный провіантъ, пушечный порохъ и ядра, значительная часть которыхъ оставлена въ Хотинѣ по распоряженію Дилавера. Османъ медленно прохаживался въ сопровожденіи своего сената, магнатовъ и придворныхъ въ центрѣ своего войска. Турки тронулись съ мѣста въ то время, когда польскіе послы возвращались въ свой лагерь. На встрѣчу послѣднимъ толпами устремлялось разнаго вида рыцарство; иные радостно восклицали, что насталъ конецъ столькимъ бѣдствіямъ и невзгодамъ, претерпѣваемымъ вслѣдствіе климата, голода, жажды и болѣзней; другіе привѣтствовали миръ для отчизны, для себя-же славное возвращеніе въ кругъ родителей,

братьевъ, женъ и дѣтей. Владиславъ чувствовалъ себя немного крѣпче и въ воскресный день показался, чтобы публично выслушать обѣдню; но едва онъ вышелъ изъ палатки, къ нему приблизился гонецъ съ извѣстіемъ о возвращеніи пословъ, несущихъ миръ. Набожный королевичъ остановился, созвалъ все бывшее въ лагерѣ духовенство и не тронулся съ мѣста, пока не было совершено благодарственное богослуженіе. Немедленно отправленъ къ королю гнѣзненскій пробощъ Андрей Шолдрскій съ донесеніемъ о благопріятномъ оборотѣ дѣла. Для выполненія принятаго обязательства отъ имени Владислава и коммиссаровъ посланы были Собескій и Матвѣй Лѣсіовскій объявить запорожцамъ, что, хотя турки настаивали на строгомъ наказаніи ихъ старшины, однако послы, озабоченные ея неприкосновенностью, сопряженною съ достоинствомъ речипосполитой, не дозволили внести въ пункты договора ничего такого, что моглобы вредить интересамъ или чести запорожскаго войска. Затѣмъ Собескій именемъ цѣлой речипосполитой убѣждалъ Конашевича, старшину и всѣхъ козаковъ оставаться вѣрными условіямъ мира и воздержаться отъ разбоевъ на Чорномъ морѣ. Конашевичъ отвѣчалъ въ краткихъ и почтительныхъ словахъ, что запорожцы, какъ вѣрные слуги его королевской милости и речипосполитой, не желаютъ и не могутъ нарушать общественнаго мира; если-же Конашевичъ получитъ отъ Владислава приказъ относительно дальнѣйшаго движенія своихъ войскъ, то на слѣдующій день онъ намѣренъ собрать у себя военный совѣтъ. Однако, не смотря на эти обѣщанія, онъ безъ вѣдома королевича и Любомирскаго первый перешелъ за Днѣстръ къ сильному неудовольствію поляковъ.

Въ польскій лагерь прибылъ отъ Радула Краевскій банъ Катерджей съ просьбою о томъ, чтобы экземпляръ трактата, который послы вручили Дилаверу, былъ снабженъ ихъ печатями и собственноручными подписями; когда это было исполнено, онъ получилъ Хотинскій замокъ, находившійся до того времени въ вѣдѣніи Збигнѣва Сильницкаго, сдалъ его одному изъ молдавскихъ дворянъ, Константину и возвратился къ султану.

Печаленъ и жалокъ былъ видъ польскаго войска, возвращавшагося на родину: цвѣтущій румянецъ смѣнился истощеніемъ и блѣдностью, могучіе кони болѣли и гибли отъ зноя, кавалерія превратилась въ пѣхоту, а довольно численное войско въ горсть солдатъ. Зрѣлище достойное слезъ! Повозки наши шли не съ провіантомъ, не съ военнымъ багажемъ или домашнею утварью, но везли больныхъ, раненыхъ и трупы умершихъ. Много было орловъ и знаменъ, но мало подъ ними воиновъ, а еще меньше дисциплины; не наблюдая ни порядка, ни строя, всѣ на перерывъ другъ передъ другомъ устремлялись къ переправѣ черезъ Днѣстръ, такъ что враги, смотрѣвшіе издали, могли принять это зрѣлище скорѣе за постыдное бѣгство какой нибудь своевольной шайки, нежели за отступленіе польской арміи. Многіе изъ нашихъ понесли наказаніе за эту опрометчивость, а именно были ограблены или перебиты татарами и даже козаками, которые скрывались въ заросляхъ и оврагахъ.

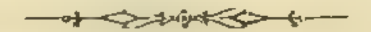
Не малое удобство для перехода поляковъ представлялъ турецкій мостъ на Днѣстрѣ, искусно выстроенный изъ густо вколоченныхъ деревянныхъ свай съ низкимъ деревяннымъ помостомъ, покрытымъ землею и дерномъ и обнесенный перилами по сторонамъ; мостъ этотъ, вполнѣ безопасный и красивый на видъ, способенъ былъ противустоять самому сильному напору воды; двое воротъ на концахъ открывали и закрывали къ нему доступъ.

Литовцы ожидали Владислава уже на той сторонѣ Днѣстра, а въ это время татары, скрываясь въ засадахъ по дорогѣ къ Каменецу, пытались вредить намъ и даже угрожали нападеніемъ на нѣкоторыя хоругви. Нѣсколько рыцарей изъ отряда Собескаго ударили на нихъ съ Яномъ Гдешинскимъ во главѣ и татары тотчасъ разбѣжались, полагая, что вблизи находятся еще болѣе численныя польскія силы. Когда въ нашемъ войскѣ пронесся слухъ, что непріятель не прекращаетъ военныхъ дѣйствій, вся пѣхота и нѣкоторые гусары окружили карету Владислава и подъ ихъ охраною, въ бурную ночь послѣ многихъ затрудненій и не вполнѣ еще оправившись отъ болѣзни, королевичъ прибылъ въ Жванецъ. Здѣсь даже не разбивали лагеря: одни ночевали по ту сторону рѣки за турецкимъ

мостомъ, другіе слонялись словно полуумные. Слѣдующій день провели тамъ же, чтобы дать королевичу возможность отдохнуть, а отставшимъ отрядамъ достигнуть сборнаго мѣста; на третій день мы были въ Каменцѣ.

Гнѣзненскій пробощъ Щолдрскій нашелъ короля во Львовѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ ополченіями великопольскихъ воеводствъ ожидалъ извѣстій изъ арміи. Нападенія татаръ нѣсколько замедлили прибытіе ополченій изъ русскихъ земель, а зажженныя ими села освѣщали путь Сигизмунду. Нуреддинъ, братъ хана, распустивши свои загоны на равнинахъ: Злочовскихъ, Зборовскихъ и Ярчовскихъ, жестоко опустошалъ земли: Русскую, Волынскую и Белзскую, зажигалъ города и села, угонялъ лошадей и скотъ, уводилъ въ ясиръ крестьянъ всѣхъ возрастовъ и половъ, равно какъ и шляхту, такъ что стоны плѣнниковъ оглашали турецкій лагерь.

Король съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ Османомъ, полагая, что его личное присутствіе на войнѣ и слава его имени могли-бы способствовать увеличенію побѣды и чести націи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что турки усерднѣе начали хлопотать о заключеніи мира послѣ того, какъ плѣнники принесли въ лагерь извѣстіе о приближеніи короля съ безчисленными силами. Прочіе поляки, какъ паны такъ и посполитство, радостно встрѣтили желанный миръ, а папа Григорій XI разрѣшилъ торжественно праздновать въ цѣлой Польшѣ день 6 октября, въ который было посрамлено могущество Османа.

III.

Дневникъ похода противъ козаковъ запорожскихъ.

(1625 г.).

Дневникъ этотъ, составленный однимъ изъ участниковъ похода, имя котораго не сохранилось въ текстѣ рукописи, внесенъ былъ въ записную книгу, составленную неизвѣстнымъ лицемъ въ концѣ XVII или началѣ XVIII ст. (судя по почерку), хранящуюся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 204). Означенная записная книга, подобно другимъ многочисленнымъ такого же рода памятникамъ, представляетъ такъ называемую въ польской библіографіи „silwam rerum". Владѣлецъ подобной книги вписывалъ въ нее обыкновенно безъ всякаго порядка и разбора все то, что представляло для него серьезный или временный интересъ. Здѣсь на ряду съ грамотами, документами, отрывками изъ лѣтописей, выписками изъ историческихъ сочиненій, копіями писемъ высокопоставленныхъ лицъ, дневниками посольствъ и военныхъ походовъ встрѣчаются: публицистическіе памфлеты, сатиры, пасквили, анекдоты, разгульныя или элегическія стихотворенія, замѣтки частнаго семейнаго или экономическаго характера, копіи панегириковъ, проповѣдей, сеймовыхъ и надгробныхъ рѣчей и т. п. Среди столь разнообразнаго содержанія, во всякомъ случаѣ характеризующаго уровень развитія и нравственный обликъ среды, къ которой принадлежалъ составитель записной книги, нерѣдко встрѣчаются статьи, представляющія серьезный историческій интересъ. Одною изъ такихъ статей, по на-

шему мнѣнію, есть предлагаемый дневникъ „Djarjusz kommissji albo expedycji przeciwko wojsku Zaporoskiemu", копія котораго была занесена въ упомянутую записную книгу и занимаетъ въ ней листы: 21—27.

Фактъ, разсказанный въ предлагаемомъ дневникѣ, возстаніе козацкаго гетмана Жмайла и усмиреніе его польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ, не упоминается ни въ козацкихъ лѣтописяхъ, ни въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ, хотя очень часто встрѣчаются ссылки на Куруковскій договоръ, бывшій результатомъ похода и долго послѣ того служившій для польскаго правительства какъ-бы нормою для регулировки козацкихъ отношеній. Самое возстаніе, подавшее поводъ къ заключенію этого договора, долго оставалось совершенно неизвѣстнымъ и даже имя его предводителя не упоминалось историками, описывавшими козацкія возстанія. Дневникъ похода былъ извѣстенъ только двумъ авторамъ историческихъ монографій, въ сочиненіяхъ которыхъ мы встрѣчаемъ заимствованныя изъ него свѣдѣнія: одно изъ нихъ - это жизнеописаніе Ѳомы Замойскаго, изданное Батовскимъ и составленное въ 1643 году Станиславомъ Журковскимъ [1]) Затѣмъ подробности возстанія Жмайла разсказаны въ предисловіи къ „Богдану Хмельницкому" Костомарова, въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ этого сочиненія; мы не знаемъ, заимствовалъ ли почтенный историкъ приводимыя имъ свѣдѣнія изъ указаннаго сочиненія Журковскаго или изъ подлиннаго дневника, встрѣтившагося ему въ рукописи.

Польскій текстъ дневника, заимствованный изъ указанной рукописи Института Оссолинскихъ, былъ изданъ Кіевскою Археографическою Коммисіею въ 1888 году, въ томѣ, озаглавленномъ: „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси". Затѣмъ русскій переводъ, составленный Ф. Д. Николайчикомъ, помѣщенъ въ „Кіевской Старинѣ" за 1889 г. (Октябрь стр. 53—62). Къ переводу своему г. Николайчикъ присоединилъ весьма

---

[1]) Żywot Tomasza Zamojskiego, napisał Stanisław Żurkowski, wydał Alexander Batowski z rękopismu w zbiórze Wiktora Baworowskiego. Lwów 1860.

обстоятельные комментаріи относительно историко-топографическихъ данныхъ, заключающихся въ дневникѣ, при чемъ авторъ весьма удачно сличаетъ подробности дневника съ современною намъ топографіею и опредѣляетъ мѣстоположеніе „Курукова озера" а также маршрутъ похода 1825 года.

Пятаго іюля сего 1625 года ясневельможный панъ гетманъ [1]) съ кварцянымъ войскомъ Его Королевской Милости расположился за Мурахвою [2]) надъ рѣчкою между Чорнымъ и Кучманскимъ шляхами [3]), съ цѣлью дать отпоръ набѣгамъ поганыхъ и непріятельскимъ замысламъ. Тамъ войско стояло лагеремъ, съ соблюденіемъ полной военной дисциплины, вплоть до 15 сентября, затѣмъ двинулось отдѣльными полками, которые въ разныхъ мѣстахъ перешли рѣку Богъ. Самъ гетманъ выступилъ оттуда со своимъ полкомъ дня 25 того-же мѣсяца, отпустивши въ Барѣ пословъ отъ Мехметъ-Джакъ-паши, отъ Шагинъ-Гирея, отъ молдавскаго господаря, а также посла семиградскаго и остановился въ разстояніи мили, не доходя Паволочи [4]). Тамъ Е. М. постигъ первый приступъ квартаны [5]), которая и понынѣ жестоко мучитъ его.

26. Поутру кіевскіе послы привѣтствовали Е. М. и получили отвѣтъ на принесенныя письма. Е. М. со своимъ полкомъ прошелъ черезъ Паволочь, посѣтилъ Е. М. кастеляншу виленскую [6]), затѣмъ расположился станомъ въ разстояніи доброй мили отъ города.

---

[1]) Станиславъ Конецпольскій.

[2]) Мѣстечко Подольской губ., Ямпольскаго у. на рѣчкѣ того-же имени.

[3]) Шляхи: Чорный и Кучманскій составляли пути, по которымъ крымскіе татары вторгались въ южную Русь; первый проходилъ вдоль водораздѣльной линіи между бассейнами Днѣпра и Буга; второй по такой-же линіи между бассейнами Буга и Днѣстра.

[4]) Мѣстечко Кіевской губ., Сквирскаго у., на р. Раставицѣ.

[5]) Квартана (febris quartana) перемежающаяся лихорадка, припадки которой повторяются черезъ четыре дня.

[6]) Софія урожденная Карабчевская, вдова кн. Романа Ружинскаго, а по второму браку Іеронима Ходкевича, виленскаго кастеляна.

27. Остановились лагеремъ въ полумилѣ за мѣстечкомъ Таборовкою [1]) гдѣ п. Рогозъ, подстароста бѣлоцерковскій, привѣтствовалъ съ мѣщанами его милость.

28. Простояли тамъ же этотъ день, поджидая другіе полки и пановъ коммиссаровъ.

29. Лагерь передвинулся на милю и остановился надъ р. Раставицею; въ тотъ же день прибыли сюда полки Станислава Потоцкаго, подкоморія каменецкаго.

30. Туда же прибыли полки п. старосты винницкаго [2]) и п. Тржцинскаго.

Октября 1. Стояли на томъ же мѣстѣ.

2. Туда же пришелъ полкъ п. кастеляна галицкаго [3]).

3. Прибылъ сюда же въ лагерь п. воевода русскій, коммиссаръ Е. К. М. [4]).

4. По утру войска сняли лагерь, двинулись съ береговъ Раставицы, переправились черезъ рѣчку Каменицу [5]) и, миновавши Бѣлую Церковь, остановились въ четверти мили отъ города.

5. Стояли тамъ же, ожидая пановъ коммиссаровъ.

6. Снявши лагерь, двинулись дальше и остановились въ двухъ миляхъ (отъ предыдущаго) надъ р. Узенемъ [6]).

7. Въ этотъ день прошли около мили и остановились за мѣстечкомъ Рокитною [7]).

8. Простояли тамъ же, поджидая коммиссаровъ.

---

[1]) Нѣкогда мѣстечко, теперь село Сквирскаго у. Кіевской губ. на р. Раставицѣ.

[2]) Адама Калиновскаго.

[3]) Мартина Казановскаго.

[4]) Янъ Даниловичъ.

[5]) Раставица и Каменка—лѣвые притоки р. Роси.

[6]) Лѣвый притокъ Роси.

[7]) Мѣстечко Васильковскаго у. на р. Рокитнѣ; принадлежало кн. Доминику Заславскому, получившему его въ наслѣдство послѣ безпотомной смерти кн. Януша Острожскаго (1620 г.).

9. Поутру сняли лагерь, прошли три съ половиною мили и остановились надъ р. Кагарлыкомъ [1]).

10. Войска сдѣлали около трехъ миль и остановились надъ урочищемъ Піевымъ [2]). Подстароста каневскій съ мѣщанами встрѣтили его милость.

11. Снялись съ лагеря и остановились въ милѣ отъ Канева. Къ гетману пріѣхали три посла отъ каневскихъ козаковъ; они сообщили, что гетманъ ихъ Жмайло еще находится на Запорожьи и просили не дѣлать наступленія на городъ, но дозволить всѣмъ имъ собраться здѣсь на раду.

12. Стояли на томъ же мѣстѣ. 3,000 козаковъ, не придя къ соглашенію на радѣ о томъ, должны ли они подчиниться гетману или нѣтъ, удалились изъ города; п. гетманъ отрядилъ въ погоню за ними Одржывольскаго съ десятью хоругвями.

13. П. Одржывольскій настигъ этихъ козаковъ надъ рѣчкою Мошною [3]) и разгромилъ ихъ. Во время схватки ретивый конь понесъ въ козацкій таборъ сына князя Четвертинскаго, котораго они и продержали въ плѣну до конца экспедиціи. Гетманское войско прошло три мили и, переправившись черезъ Рось подъ Рожнятцами [4]), расположилось на другомъ ея берегу. П. гетманъ послалъ кавалера Юдыцкаго съ нѣмецкою пѣхотою и хоругвями Коссаковскаго и Бѣлецкаго въ помощь Одржывольскому, котораго они едва догнали ночью надъ р. Мошною; между тѣмъ козаки, укрѣпившись въ своемъ таборѣ, направились къ Черкасамъ.

14. П. Одржывольскій со своимъ полкомъ и полученнымъ подкрѣпленіемъ поспѣшно шелъ къ Черкасамъ, откуда 20,000 козаковъ за часъ передъ разсвѣтомъ вышли таборомъ для соединенія съ козацкимъ войскомъ, которое отъ Маслова Става [5]) собиралось

---

[1]) Лѣвый притокъ р. Расавы, впадающей въ Рось.

[2]) Нынѣ село Піи Каневскаго у. Кіевской губ.

[3]) Правый притокъ Днѣпра, р. Ольшанка, въ XVII столѣтіи назывался Мошною.

[4]) Населенной мѣстности этого имени нѣтъ теперь на берегахъ Роси.

[5]) Нынѣ с. Масловка Каневскаго у., на р. Россавѣ. У Маслова Става нѣсколько разъ собирались козацкіе рады: 1625, 1638, 1651, и 1673 гг.

уже у Цаловъ (sic). Извѣщая о томъ гетмана самъ Одржывольскій остался у города. Въ этотъ день корпусъ прошелъ три мили до р. Мошны и, переправившись черезъ нее, остановился лагеромъ. П. воевода кіевскій кн. Панницкій [1]), кн. Константинъ Вишневецкій и паны коммиссары прибыли въ лагерь.

14. П. гетманъ съ войскомъ и коммиссарами подошелъ къ Черкасамъ и расположился лагеромъ близь города.

16. Простояли тамъ же цѣлый день по причинѣ совѣщанія между коммиссарами, которые всѣ были уже въ соборѣ.

17. Поутру лагерь снялся изъ Черкасъ и войско, пройдя двѣ мили, остановилось надъ Днѣпромъ; здѣсь гетмана встрѣтилъ посолъ козацкій и объявилъ, что козаки получили извѣстіе о томъ, что ихъ гетманъ выступилъ уже съ артиллеріею изъ Запорожья.

18. Сняли лагерь; пройдя двѣ мили, миновали мѣстечко Боровицу [2]) и остановились въ разстояніи мили отъ него.

19. Утромъ прибыли послы отъ козаковъ къ п. гетману, прося не наступать на нихъ съ войсками, но дождаться, пока подойдетъ изъ Запорожья ихъ гетманъ, п. Жмайло. Тѣмъ не менѣе Его Милость двинулъ войско впередъ и, пройдя три мили, остановился у днѣпровскаго залива.

20. Стояли тамъ же въ теченіи цѣлаго дня. Продолжалось совѣщаніе между коммиссарами; прибылъ гонецъ отъ христіанскихъ пословъ, находившихся въ Цареградѣ; онъ проѣхалъ въ лагерь черезъ молдавскія владѣнія и имѣлъ аудіенцію у гетмана.

21. Сняли лагерь и, пройдя двѣ мили, остановились въ милѣ отъ Крылова.

22. Оставались тамъ же въ теченіи этого дня по причинѣ совѣщанія между коммиссарами. Гетманъ отпустилъ иностраннаго гонца.

23. Еще одинъ день провели на томъ же мѣстѣ; были послы отъ козаковъ, толкуя все то же, т. е. что ихъ гетманъ еще не прибылъ изъ Запорожья.

---

[1]) Очевидная описка въ подлинникѣ: въ числѣ коммиссаровъ былъ кн. Юрій Заславскій, который и передѣланъ здѣсь въ „Панницкій“.

[2]) Нынѣ село Чигиринскаго уѣзда.

24. Лагерь снялся и войско направилось къ Крылову, миновало его и расположилось надъ рѣчкою Цыбульникомъ[1]) въ разстояніи одной мили отъ города и въ такомъ же разстояніи отъ непріятельскаго табора; съ этой позиціи хорошо видно было козацкій лагерь и ихъ стражу.

25. Прислали къ п. гетману пословъ своихъ съ извѣстіемъ, что гетманъ запорожскій явился съ артиллеріею въ козацкій таборъ и увѣдомляетъ ясневельможного п. гетмана о своемъ прибытіи.

26. Простояли тамъ же. П. гетманъ посылалъ къ козакамъ нѣкоторыхъ коммиссаровъ съ предложеніемъ условій, которыя они должны принять, если желаютъ оставаться вѣрными подданными Е. К. М.; козаки взяли эти пункты для обсужденія на радѣ.

27. Оставались на томъ-же мѣстѣ. Козаки объявили, что находятъ эти условія тяжелыми для себя и начали раду.

28. Стояли тамъ-же. Совѣщаніе между козаками длилось до полудня; къ вечеру тринадцать человѣкъ изъ числа козацкой старшины пріѣхали объявить гетману, что молодцы рѣшительно не обѣщаютъ выполнить ни одного пункта изъ предложенныхъ условій. Пословъ задержали на ночь, а цѣлому войску приказано быть въ готовности на завтра.

29. Поутру п. гетманъ отпустилъ тринадцать пословъ козацкихъ, при чемъ нѣсколькими словами довелъ ихъ до слезъ. „Такъ какъ вы не хотите покорностью, какъ подобаетъ вѣрнымъ подданнымъ, заслужить милосердіе Е. К. М., то мы надѣемся, что, съ Божіею помощью, вы вскорѣ испытаете силу нашихъ сабель на своихъ головахъ за вашу непокорность и своеволіе, отвѣтственность же за имѣющее произойти кровопролитіе пусть падетъ на ваши души“. Послѣ того гетманъ немедленно приказалъ выступать вслѣдъ за ними всѣмъ войскамъ, которыя были распредѣлены въ такомъ по-

---

[1]) Правый притокъ Днѣпра въ Александрійскомъ у. Херсонской губ. На мѣстѣ, гдѣ былъ расположенъ козацкій таборъ, находится нынѣ с. Таборище, въ которомъ сохранилось старинное земляное укрѣпленіе.

рядкѣ: впереди шли три полка: воевода кіевскій [1]) со своимъ полкомъ велъ правое крыло, кастелянъ галицкій со своимъ—лѣвое, а полкъ князей Збаражскихъ занималъ середину. За ними шли 800 человѣкъ иностранной пѣхоты капитановъ: Бутлера и Винкрота, затѣмъ войсковая артиллерія и вслѣдъ за нею артиллерія воеводы кіевскаго (вмѣстѣ съ его же нѣмецкою пѣхотою, которою предводительствовалъ п. Фитынгсъ); за ними капитанъ Надольскій велъ всѣ хоругви венгерской пѣхоты и выбранцевъ [2]); далѣе шелъ п. Николай Потоцкій. воеводичъ брацлавскій, съ полкомъ п. гетмана; за ними п. подкоморій, наконецъ староста винницкій и п. Склинскій. Въ ясный день обширная степь вся покрылась войсками.

Когда полки въ указанномъ порядкѣ прошли одну болотную переправу, п. гетманъ также вооружился и съ вершины большихъ кургановъ внимательно осмотрѣлъ козацкій таборъ и положеніе мѣстности. Затѣмъ онъ приказалъ своей стражѣ выбить изъ позиціи козацкую стражу, кастеляну галицкому съ одною ротою Бутлера и пятью хоругвями гайдуковъ занять ея мѣсто, спустившись вдоль оврага подъ лѣсомъ и озеромъ отъ лѣваго угла непріятельскаго табора, а кавалеру Юдыцкому съ одною ротою Винкрота и пятью хоругвями гайдуковъ зайти также по оврагу отъ праваго фланга.

Во время этого движенія произошла стычка съ козаками, сопровождавшаяся продолжительною и довольно упорною перестрѣлкою; но когда, съ большою стремительностью, бросились на нихъ изъ обоихъ овраговъ и наша конница вогнала козацкую съ поля обратно въ таборъ, то и пѣшіе молодцы едва остановились у самаго окопа. Юдыцкій, Винкротъ и Фитынгсъ въ пылу преслѣдованія ихъ устремились прямо къ табору, но были удержаны самимъ гетманомъ, предвидѣвшимъ возможность нападенія изъ козацкаго табора. Воевода кіевскій поддержалъ ихъ своею хоругвью и пушками, которыя причиняли вредъ не только табору, но отражали также вылазки не-

---

[1]) Ѳома Замойскій.

[2]) Пѣхота, набираемая изъ королевскихъ имѣній, которыя пользовались льготою вмѣсто всѣхъ другихъ повинностей поставлять милицію въ случаѣ нужды.

пріятельской конницы изъ праваго оврага. Гетманъ занялъ чело или середину поля отъ одного оврага до другого со своимъ полкомъ и пушками, которыя также сильно разили и безпокоили непріятеля. Кастелянъ галицкій, замѣтивъ изъ своего оврага, что уголъ табора укрѣпленъ всего слабѣе, хотѣлъ ворваться сюда вмѣстѣ съ капитаномъ Бутлеромъ; замѣтивъ это, козаки сосредоточили большую часть своихъ силъ на этомъ пунктѣ и все время охраняли его учащенными залпами. Насталъ вечеръ и пѣхота, истомленная, частью израненная, нуждалась въ отдыхѣ; поэтому гетманъ, хорошо осмотрѣвши таборъ, приказалъ отозвать пѣхоту и артиллерію какъ свою, такъ и воеводы кіевскаго, бывшую подъ таборомъ, затѣмъ помѣстилъ все войско въ лагерѣ, расположенномъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находилась передовая козацкая стража.

30. Оставались на томъ же мѣстѣ и въ теченіи цѣлаго дня занимались изготовленіемъ кошей [1]) для приступа; сверхъ того каждый отдѣльно готовилъ для себя запасъ пуль и прочаго. Гайдукъ п. гетмана перешелъ къ козакамъ, которыхъ и предостерегъ относительно кошей и предстоящаго приступа. Поэтому козаки, желая уйти изъ табора, пустились было переправляться черезъ Днѣпръ въ нѣсколькихъ десяткахъ лодокъ, но такъ какъ всѣ они погибли въ волнахъ по причинѣ бывшей въ тотъ день сильной бури, то оставшіеся на сушѣ рѣшили отступать таборомъ, подъ предводительствомъ своего гетмана Жмайла, къ старому городищу надъ Куруковымъ озеромъ, лежащему ниже по Днѣпру; при этомъ нѣсколько отрядовъ конницы отдѣлились отъ нихъ и скрылись въ разныхъ глухихъ мѣстахъ.

Съ наступленіемъ темной ночи гетманъ отрядилъ 40 человѣкъ нѣмцевъ черезъ лѣсъ къ табору, чтобы достать языка; подойдя къ самому окопу и не видя ни стражи, ни огней, они замѣтили, что укрѣпленіе оставлено козаками, о чемъ немедленно дали знать гетману.

---

[1]) Сплетенныя изъ лозы мѣшки, которые наполнялись землею и служили для заполненія рвовъ, охранявшихъ укрѣпленія.

31. Въ пятницу, въ канунъ всѣхъ святыхъ, за долго передъ разсвѣтомъ п. гетманъ послалъ п. подкоморія съ его полкомъ въ погоню за козаками, которыхъ тотъ настигъ поутру, часъ спустя послѣ разсвѣта, въ разстояніи мили по другую сторону болота или озера, черезъ которое они уже успѣли переправиться. Между тѣмъ козаки, помѣстивши въ чащѣ 1,500 человѣкъ для прикрытія переправы, сами прошли таборомъ еще полмили до другой воды [1]), перейдя которую и отдѣливши съ тою-же цѣлью 2,000 конницы, продолжали идти таборомъ другія полмили вплоть до озера, называемаго Куруковымъ [2]), надъ которымъ оставили свои возы и расположили полумѣсяцемъ для охраны ихъ 2,000 человѣкъ; затѣмъ переправили остальное войско и въ разстояніи 1/8 мили оттуда, около окопа или стараго городища построили таборъ, укрѣпивъ его нѣсколькими рядами возовъ.

Едва насталъ день, гетманъ приказалъ полкамъ выходить въ порядкѣ изъ лагеря, а кавалеру и капитанамъ съ ихъ иностранною пѣхотою поручилъ со всею поспѣшностью преслѣдовать козаковъ по пятамъ, что они исполнили съ большимъ усердіемъ и раньше конницы прибыли къ первой переправѣ. Найдя п. подкоморія и п. Тышкевича съ ихъ полками, довольно безпечно расположившихся на пути, по которому прошли козаки, они передали полученный отъ гетмана приказъ, а сами принялись со всею поспѣшностью и рвеніемъ обстрѣливать и вытѣснять скрытую въ чащѣ засаду; наконецъ спѣшились, съ цѣлью еще больше заохотить солдатъ, бросились съ мушкетами въ воду и оттѣснили козаковъ отъ берега. Между тѣмъ легкая конница названныхъ полковниковъ, вслѣдъ за ними прибывшая къ переправѣ, смѣло ударила на непріятеля, обратила его въ бѣгство, преслѣдовала и истребляла всѣхъ, какъ скрывавшихся

---

[1]) По предположенію г. Николайчика, весьма правдоподобному, обѣ пройденныя козаками переправы были двѣ оконечности (восточная и западная) очень длиннаго, извилистаго озера, называющагося „Россоховате“.

[2]) Куруково озеро и близь него урочище „Медвѣжьи лозы“ находились близь нынѣшняго посада Крюкова (Полтавской губ., Кременчугскаго у.), имя котораго представляетъ нѣсколько сокращенную форму болѣе древняго названія „Куруково“.

въ травахъ и озерахъ, такъ и тѣхъ, которые уходили прямымъ путемъ къ слѣдующей засадѣ. Послѣ того, какъ та-же иноземная пѣхота частыми и правильными залпами вытѣснила козаковъ изъ засады и своимъ натискомъ принудила ихъ искать спасенія въ водѣ, конница, придя въ остервененіе, не щадя ни лошадей, ни усилій, поразила всѣхъ на голову, такъ что ни одинъ не достигъ той Куруковой переправы, чтобы подать своимъ вѣсть о случившемся. У самой переправы, по ту и по другую сторону, была расположена для ея охраны двойная линія козацкихъ стрѣлковъ; поэтому наша кавалерія принуждена была остановиться и дождаться подкрѣпленія отъ иностранной пѣхоты, которая быстрымъ наступательнымъ движеніемъ оттѣснила козацкій фронтъ изъ табора на противуположный берегъ, захватила ихъ хоругви и брошенные ими возы и отсюда, равно какъ изъ зарослей, съ наступленіемъ ночи обстрѣливала противуположный берегъ. Когда-же конница и пѣхота одновременно перешли въ бродъ глубокое озеро, молодцы послѣ продолжительной схватки, отбросивъ стыдъ, начали спасаться бѣгствомъ въ свой таборъ, а наши, продолжая наступать, безъ всякаго милосердія на перерывъ другъ передъ другомъ спѣшили избивать непріятеля, пока не ворвались по слѣдамъ его въ таборъ, который не былъ еще хорошо устроенъ и укрѣпленъ послѣ переправы; кастелянъ галицкій, прибывшій къ этому времени, воодушевлялъ утомленную пѣхоту, чтобы она не допускала козаковъ составить таборъ до прихода остальныхъ войскъ. Тогда кавалеръ Юдыцкій съ поручикомъ п. Винкрота и нѣсколькими десятками стрѣлковъ бросился, чтобы не дать окончить табора, но былъ раненъ выстрѣломъ въ грудь въ томъ мѣстѣ, гдѣ носилъ крестъ [1]) и унесенъ съ поля вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми товарищами. Тѣмъ временемъ прибылъ гетманъ со своимъ полкомъ, указалъ всей пѣхотѣ удобный пунктъ, откуда успѣшнѣе можно было разить непріятеля, а конницѣ, которая страдала

---

[1]) Титулъ „кавалера" которымъ обозначенъ Юдыцкій, указываетъ на то, что онъ принадлежалъ къ Мальтійскому ордену; орденскій крестъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, ясно это подтверждаетъ.

отъ ружейныхъ залповъ, назначилъ болѣе защищенную позицію; легкую артиллерію онъ расположилъ въ трехъ мѣстахъ, затѣмъ приказалъ ей обстрѣливать таборъ и одновременно съ тѣмъ всей пѣхотѣ идти въ аттаку. Послѣ того, самъ гетманъ повелъ войска на штурмъ подъ частымъ огнемъ, но не раньше могъ замѣтить ужасную трясину, находившуюся въ густой травѣ у самаго табора, какъ самъ наткнулся на нее со всею пѣхотою и конницею, приблизившись къ табору. Замѣченный и узнанный козаками, подвергаясь большой опасности отъ пуль, онъ испыталъ надъ собой чудесный промыселъ Божій. Въ этомъ штурмѣ нашихъ было ранено нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ разныхъ хоругвей: ротмистръ Рогавскій, п. Моджынскій, товарищъ его хоругви, п. Уейскій изъ хоругви п. гетмана; въ полку п. подчашія короннаго убитъ п. Молодецкій, подъ кастеляномъ галицкимъ и многими знатными лицами убиты лошади, раненныхъ-же было втрое больше. Вслѣдствіе непрерывной стрѣльбы и смѣлаго наступленія съ нашей стороны, козаки также понесли большой уронъ и, достаточно наказанные за свою вину, громко просили о милосердіи. Услышавъ это, гетманъ запретилъ своимъ продолжать стрѣльбу, тотчасъ-же распорядился свозить пушки съ баттарей, пѣхотѣ далъ приказъ отступать и съ наступленіемъ вечера увелъ войска съ поля, оставивъ на мѣстѣ только необходимую стражу, а самъ усталый, но еще больше измученный своею лихорадкою, возвратился въ лагерь, расположенный у Медвѣжьихъ лозъ или Курукова озера, гдѣ происходило это третье сраженіе съ козаками.

Ноября 1. Войско отдыхало въ день всѣхъ святыхъ; раненные сильно страдали отъ холода по причинѣ мороза и выпавшаго снѣга. Хотя козаки еще наканунѣ, потерпѣвъ пораженіе, просили милосердія, однако опасались (какъ они говорили) прислать своихъ пословъ къ разгнѣванному гетману; поэтому гетманъ рѣшительно уже приказалъ всей пѣхотѣ готовить коши для штурма, не желая далѣе давать имъ поблажки, но рѣшившись поступить, какъ съ непокорными. Уступая убѣжденіямъ и. м. коммиссаровъ, онъ послалъ къ нимъ п. Бѣлецкаго, старосту, ротмистра и п. Хмѣлецкаго, которыхъ козаки

привѣтствовали именемъ Божіимъ, просили милости и обѣщали на другой день отправить своихъ пословъ къ пану гетману.

2. Поутру козаки прислали къ Его Милости трехъ пословъ съ грамотою, прося снисхожденія и условій мира; было совѣщаніе между коммиссарами, послѣ котораго гетманъ далъ такую резолюцію, чтобы козаки на слѣдующій день прислали нѣсколькихъ уполномоченныхъ для принятія условій.

3. Пріѣхали послы, снабженные достаточными полномочіями для заключенія трактата, присутствовали на совѣщаніи п. п. коммиссаровъ, записали условія и приняли ихъ; пробыли цѣлый день въ лагерѣ, а къ вечеру уѣхали въ свой таборъ.

4. Пріѣзжали послы козацкіе, но тщетно протестовали противъ слѣдующихъ двухъ пунктовъ: выдачи преступниковъ и ограниченія числа козаковъ до 6,000 человѣкъ.

Ноября 5 числа, которое да будетъ признано счастливымъ, козаки принуждены были согласиться на всѣ условія кромѣ одного: коммиссары дали согласіе на то, чтобы причастныхъ къ бунту не выдавать полякамъ, но отдать ихъ на судъ собственной старшины, согласно законамъ и обычаямъ ихъ войска.

6. Посланъ былъ коммиссарами ихъ товарищъ п. староста красноставскій[1]) въ сопровожденіи многихъ почетныхъ лицъ для выслушанія присяги козацкаго войска, которое съ плачемъ и сильнымъ сокрушеніемъ присягало исполнять предложенныя ему условія, послѣ чего п. Михаилъ Дорошенко, наканунѣ избранный въ гетманы войску Запорожскому, пріѣхалъ со своею старшиною въ лагерь и привѣтствовалъ всѣхъ коммиссаровъ; въ заключеніе п. гетманъ угощалъ ихъ и простился, когда они возвращались въ таборъ. Они признали, что число козаковъ, которыхъ наши разгромили въ канунъ всѣхъ святыхъ, достигало 8,000, но возвратившись послѣ того по домамъ замѣтили, что число погибшихъ значительно больше (считая и тѣхъ, которые утонули въ Днѣпрѣ надъ Цыбульникомъ и погибли въ

---

[1]) Яковъ Собескій.

другихъ мѣстахъ). Теперь они сожалѣли о своемъ неразуміи и упрямствѣ, которые довели ихъ до такого кровопролитія, признали также и то, чему раньше противорѣчили, а именно, что нѣтъ войска лучше польскаго.

7. Рано поданъ сигналъ къ пробужденію и къ выступленію возовъ; обозъ двинулся и шелъ до самого Крылова, а въ милѣ оттуда остановился надъ Днѣпромъ. Въ тотъ-же день нѣкоторые изъ комисаровъ простились и уѣхали во свояси.

8. Лагерь снялся съ утра и остановился въ милѣ передъ Боровицею.

9. Утромъ войска прошли мимо Боровицы и остановились, не доходя двухъ миль до Черкасъ.

10. Шли черезъ Черкасы и ночевали въ двухъ миляхъ отъ города подъ Ставками.

11. Поутру сняли лагерь и, переправившись черезъ рѣчку Мошну, расположились на берегу ея.

12. Переправились черезъ р. Рось, на которой всѣ понесли много убытковъ, а ночевали у с. Конончи [1]).

13. Тамъ же въ теченіи цѣлаго дня было генеральное коло, на которомъ судили два преступленія и п. гетманъ указалъ квартиры для каждаго полка.

14. Гетманъ со своимъ полкомъ уѣхалъ на ночь подъ Масловъ Ставъ, а прочіе полки оставилъ подъ Конончею, приказавши имъ на утро идти каждому въ назначенное ему мѣсто.

15. Утромъ Е. М. выступилъ со своимъ полкомъ и, оставивъ его подъ Ольшанкою [2]), поѣхалъ въ Рокитну на обѣдъ къ князю Заславскому.

16. Послѣ обѣдни и ранняго обѣда гетманъ выѣхалъ изъ Рокитной и ночевалъ въ Бѣлой Церкви.

17. Выѣхавши рано утромъ, гетманъ остановился на покормъ въ Таборовкѣ, на ночлегъ въ Паволочи.

---

[1]) Коновча, село Черкасскаго уѣзда на берегу р. Роси.

[2]) Ольшаница, село Васильковскаго уѣзда на р. Гороховаткѣ.

18. Ночевалъ въ Билиловкѣ.

19. П. гетманъ на ночь пріѣхалъ Прилуку.[1]).

20. На покормъ останавливались въ Вишнѣ, а на ночь въ Баликовцахъ,[2]) имѣніи Е. М. гетмана.

21. Къ полудню гетманъ прибылъ въ Баръ, больной квартанною.

22. Не выходилъ изъ замка.

23. П. гетманъ принималъ посла отъ Мехметъ-Джакъ-паши а поутру благодарилъ Бога за счастливый исходъ козацкой экспедиціи.

Въ дополненіе къ дневнику похода, прилагаемъ текстъ договора, заключеннаго между польскими коммиссарами и козаками въ лагерѣ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы у озера Курукова[3]).

„Мы: Станиславъ на Конецполѣ Конецпольскій, воевода Сендомирскій, гетманъ польный коронный, виленскій, барскій, ковельскій староста; Ѳома на Замостѣ Замойскій, воевода кіевскій, староста кнышинскій; Янъ изъ Турова Даниловичъ, воевода земель русскихъ, бусскій, корсунскій, чигринскій староста; Гаврило Госскій, кастелянъ кіевскій; Матвѣй Лесьневскій, кастелянъ белзскій, каневскій, рациборскій староста; Мартинъ Казановскій, кастелянъ галицкій, богуславскій староста; Станиславъ изъ Потока Потоцкій, подкоморій подольскій; Стефанъ Немиричъ, подкоморій кіевскій, Яковъ Собескій, староста красноставскій; Александръ Балабанъ, теребовельскій, рогатинскій староста; Адамъ Калиновскій, брацлавскій, виницкій староста, князь Константинъ Корибутъ Вишневецкій; князь Юрій изъ Острога Заславскій; Янушъ Тышкевичъ; Николай изъ Потока Потоцкій, воеводичъ

---

[1]) Прилука на Деснѣ и Бѣлиловка на Раставицѣ—мѣстечки Бердичевскаго уѣзда. Бѣлиловка въ древности носила названіе „Раставецъ“ и подъ этимъ именемъ упоминается уже въ 1071 г.

[2]) Вишня село Винницкаго уѣзда; Баликовцы - Литинскаго.

[3]) Переводъ составленъ по тексту, изданному Кіевскою Археографическою Коммиссіею въ „Архивѣ Югозападной Россіи“ часть III, томъ I, стр. 284—292.

брацлавскій; Θома Склинскій, староста жыгвольскій; Θедоръ Елецъ, хорунжій кіевскій, Филонъ Стрыбель, чашникъ кіевскій и Янъ Бѣлецкій— коммисары, назначенные королемъ Его Милостью и речью посполитою для приведенія въ надлежащій порядокъ войска Запорожскаго и объявленія ему королевской воли объявляемъ: что исполняя порученіе речипосполитой и обязательство, которое мы приняли, мы употребили всѣ усилія, соотвѣтственныя времени и обстоятельствамъ, чтобы удовлетворить намѣренію и нуждамъ речипосполитой съ возможно меньшимъ для нея ущербомъ и кровопролитіемъ. Для этой цѣли, руководимые любовью и должною вѣрностью государству, мы не жалѣли ни труда, ни здоровья и при Божьей помощи, съ общаго нашего согласія, привели войско Запорожское въ порядокъ и повиновеніе на слѣдующихъ условіяхъ:

Болѣе всего и весьма основательно безпокоили речьпосполитую морскіе походы козаковъ, предпринимаемые ими вопреки ясному запрету правительства, а также своеволія, совершаемыя ими въ городахъ; проступки эти понесли должную кару отъ оружія короннаго войска; тѣмъ, которые по счастью и волѣ Божьей избѣгли казни и сохранили жизнь, обѣщая впредь посвятить ее на службу речипосполитой, мы именемъ Его Королевской Милости и речипосполитой объявляемъ прощеніе; всѣ они: какъ тѣ, которые останутся на службѣ Е. К. М., такъ и тѣ, которые по волѣ Е. К. М. возвратятся спокойно въ свои дома, не должны подвергаться никакой отвѣтственности подъ условіемъ, что они будутъ оказывать начальникамъ должное почтеніе и повиновеніе, не будутъ вмѣшиваться въ распоряженія судебной и административной властей и захватывать доходовъ.

Мы считаемъ справедливымъ, чтобы войско Запорожское, состоящее изъ подданныхъ Е. К. М. имѣло главу или старшаго, по примѣру давнихъ лѣтъ назначеннаго королемъ или гетманами коронными съ вѣдома его королевской милости; потому на основаніи полномочія, даннаго отъ Е. К. М. и речипосполитой, Е. М. панъ воевода сендомирскій, гетманъ польный коронный, съ вѣдома всѣхъ насъ утвердилъ старшимъ избраннаго козаками пана Михайла До-

рошенка. И впредь козаки должны будутъ повиноваться исключительно тому старшему, котораго сами они изберутъ, но который будетъ утвержденъ королемъ Его Милостью или его наслѣдниками, польскими королями, по представленію коронныхъ гетмановъ. Если бы онъ не исполнялъ надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей, то козаки должны будутъ предъявить на него жалобу къ Его К. М. и короннымъ гетманамъ и покорно просить о разрѣшеніи и утвержденіи новаго выбора; также должны они поступать и въ случаѣ кончины старшаго; однако въ случаѣ, еслибы войско Запорожское находилось на значительномъ разстояніи отъ Е. К. М. и коронныхъ гетмановъ, то ему разрѣшается въ случаѣ смерти старшаго избрать новаго временно для сохраненія военнаго порядка, пока король по представленію короннаго гетмана не утвердитъ новаго выбора. Старшіе впредь обязаны будутъ приносить присягу въ присутствіи лицъ, уполномоченныхъ для этого коронными гетманами въ той формѣ, по какой произнесъ ее нынѣшній старшій передъ лицемъ Е. М. п. гетмана и п. п. коммиссаровъ; она состоитъ въ слѣдующемъ:

„Я, Михаилъ Дорошенко, присягаю Господу Богу Тріединому, что буду соблюдать вѣрность и послушаніе во всемъ свѣтлѣйшему королю польскому Жигмонту третьему, его наслѣдникамъ, речипосполитой и коронѣ польской, оставаясь въ моей должности по волѣ и милости Е. К. М.; что буду во всемъ исполнять предписанія Е. К. М. и речипосполитой, укрощая всякое своеволіе и неповиновеніе, а именно: ни самъ я лично, ни при посредствѣ другихъ лицъ не буду предпринимать походовъ ни по морю, ни по сушѣ на владѣнія турецкаго султана (развѣ по приказанію Е. К. М.); напротивъ того, если узнаю, что кто либо задумываетъ такой походъ, будь то изъ ввѣреннаго мнѣ войска или посторонній, я долженъ буду увѣдомить о томъ короля и гетмановъ коронныхъ и самъ долженъ буду противудѣйствовать походу. Я обязанъ не допускать сборищъ и не созывать людей, выписаныхъ изъ реестра, безъ приказа Е. К. М. и речипосполитой; напротивъ того, участниковъ сборищъ обязанъ наказывать. Вообще я долженъ буду вмѣстѣ со всѣмъ товариствомъ соблю-

дать до мелочей всѣ условія, установленныя п.п. коммиссарами въ договорѣ, заключенномъ на Медвѣжьихъ Лозахъ.

Такъ какъ король Его Милость желаетъ для соблюденія лучшаго порядка знать количество козаковъ, чтобы имѣть возможность поощрить болѣе заслуженныхъ къ успѣшной службѣ речипосполитой, то онъ поручилъ составить правильный списокъ войска Запорожскаго съ обозначеніемъ числа козаковъ, проживающихъ въ каждомъ городѣ Е. К. М. Такъ какъ перепись эту удобнѣе совершить на мѣстѣ, нежели здѣсь, то мы назначаемъ срокъ съ 6 ноября по 18 декабря новаго стиля текущаго года; въ теченіе этихъ 6 недѣль козаки должны будутъ составить правильные реестры, не превышающіе количества 6,000 съ обозначеніемъ, сколько ихъ проживаетъ въ каждомъ старостве. Реестры эти должны быть представлены или Е. М. гетману коронному, или п.п. коммиссарамъ, для этой цѣли назначеннымъ; затѣмъ списки будутъ переданы въ коронный скарбъ, а оттуда копіи ихъ будутъ сообщены всѣмъ старостамъ. Лицамъ, которыя не будутъ включены въ реестры, исключеніе ихъ не должно причинять ущерба и подстаросты не должны ихъ наказывать за то, что они служили въ войскѣ Запорожскомъ. Именемъ Е. К. М. и речипосполитой мы утверждаемъ въ 6,000 количество козаковъ на службѣ речипосполитой и эти 6,000, вписанные въ реестръ, всѣ вообще и каждый въ отдѣльности будутъ пользоваться правами и вольностями, которыя были имъ предоставлены какъ прежними польскими королями, такъ и нынѣ благополучно царствующимъ королемъ Е. М. такъ же, какъ и прежде ими пользовались. Они могутъ свободно заниматься промыслами для улучшенія своего содержанія, какъ то: торговлею, рыбною и звѣриною ловлею подъ условіемъ однако, чтобы они не причиняли урона доходамъ старостъ и не захватывали езовъ и уходовъ, которые издавна принадлежатъ старостамъ.

Для войска Запорожскаго мы назначаемъ жалованья въ годъ 60,000 злотыхъ польскихъ, которое они будутъ получать въ городѣ Е. К. М. Кіевѣ, въ день св. Иліи по русскому календарю. Сверхъ того, желая, чтобы должностныя лица усерднѣе исполняли свои

обязанности на службѣ Е. К. М. и речипосполитой, мы назначаемъ слѣдующіе оклады для старшины: старшему надъ всѣмъ войскомъ 500 злотыхъ въ годъ, обозному 100 злотыхъ, двумъ ассауламъ по 150 злотыхъ, шести полковымъ ассауламъ по 50 злотыхъ, шести полковникамъ по 100 злотыхъ, шестидесяти сотникамъ по 50 злотыхъ, судьѣ войсковому 100 злотыхъ.

Изъ числа 6,000 козаковъ 1,000 или болѣе, по усмотрѣнію коронного гетмана и съ вѣдома ихъ старшаго, смотря по обстоятельствамъ времени, должны находиться на Низу за порогами и тамъ исполнять свою службу: сообщать свѣдѣнія о дѣйствіяхъ враговъ, не допускать ихъ къ переправамъ и вообще защищать тѣ мѣста. Остальные, живя по волостямъ, должны будутъ идти въ походъ по приказанію коронныхъ гетмановъ въ помощь регулярному войску или туда, куда нужно будетъ, воздерживаясь по пути отъ притѣсненія жителей.

Если старшему понадобится уйти за пороги, онъ долженъ оставить на свое мѣсто лице благонадежное и благоразумное, которое должно наблюдать за порядкомъ и особенно за удовлетвореніемъ жалобъ, что бы козаки никому не причиняли обиды и не подвергались судамъ замковымъ, духовнымъ и мѣщанскимъ. Справедливость должна быть оказана каждому, потерпѣвшему обиду отъ козаковъ, атаманами и старшинами въ присутствіи подстаростъ по существующимъ законамъ; споры же между козаками они должны рѣшать сами.

Козаки не должны предпринимать морскихъ походовъ ни по Днѣпру, ни по другимъ рѣкамъ, сопредѣльнымъ съ территоріею речипосполитой и не должны нарушать трактатовъ, заключенныхъ съ турецкимъ султаномъ; они не должны, безъ приказа короля и речипосполитой вчинать войны съ сосѣдними державами ни на сушѣ, ни на морѣ. Морскія суда они должны сжечь немедленно въ присутствіи ревизоровъ и, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, не должны спускать въ море по Днѣпру и по другимъ рѣкамъ ни судовъ, ни липовыхъ колодъ, а старшій долженъ будетъ наблюдать за исполненіемъ этого предписанія, подъ опасеніемъ немилости Е. К. М. и

строгой отвѣтственности. Старосты должны также слѣдить за этимъ и возбранять подобные поступки.

Въ имѣніяхъ земскихъ, шляхетскихъ и духовныхъ козаки могутъ проживать лишь подъ условіемъ повиновенія владѣльцамъ и съ согласія послѣднихъ. Мы предписываемъ, чтобы тѣ козаки, которые не захотятъ повиноваться власти помѣщиковъ, выселились изъ имѣній шляхетскихъ и духовныхъ въ двѣнадцати недѣльный срокъ со дня составленія этого предписанія. Козаки должны возвратить немедленно старостамъ, державцамъ и помѣщикамъ всѣ села, уходы, езы, мельницы и другія угодія, которыя они присвоили себѣ до настоящаго времени, если не смогутъ предъявить правъ на владѣніе ими п. п. коммиссарамъ, назначеннымъ для производства переписи войска. Каждый, кто не пожелаетъ повиноваться владѣльцу и вслѣдствіи этого долженъ будетъ выселиться изъ имѣній шляхетскихъ и духовныхъ, имѣетъ право въ теченіи 12 недѣль до своего выселенія продать свой домъ и имущество лицу, которое находится подъ властью помѣщика; однако посѣвы озимые и яровые старосты и помѣщики обязаны дозволить безпрепятственно собрать выселяющимся.

Войско Запорожское не должно затѣвать дѣлъ для него неумѣстныхъ, поэтому король и речьпосполитая предписываютъ козакамъ, чтобы они не заключали договоровъ съ посторонними государствами, не принимали ихъ пословъ, не отправляли къ нимъ посольствъ и не дерзали поступать на службу къ иноземнымъ государямъ. Если-бы они дерзнули совершать перечисленные поступки, речьпосполитая сочтетъ ихъ не вѣрными подданными, а врагами и подвергнетъ жестокой и суровой карѣ, не сносясь болѣе съ ними черезъ коммиссаровъ, ибо они оказались бы недостойными ни королевской милости, ни труда почтенныхъ и высокопоставленныхъ особъ.

Такъ какъ, вслѣдствіе покорности и смиренія козаковъ, мы прощаемъ имъ совершенныя противъ речипосполитой преступленія и сверхъ того отъ имени короля и речипосполитой даруемъ имъ милость во многихъ отношеніяхъ, то предостерегаемъ ихъ, что въ случаѣ, если-бы они оказались неблагодарными за милости Е. К. М., не устояли въ своемъ словѣ и нарушили данную присягу либо во всѣхъ

пунктахъ этого постановленія, либо въ одномъ изъ нихъ, то права и вольности, данныя имъ, будутъ отняты какъ у ослушниковъ речипосполитой; всѣ милости, прощеніе преступленій и все то, что въ ихъ пользу нынѣ предоставляется, будетъ уничтожено и речьпосполитая будетъ ихъ преслѣдовать какъ ослушниковъ королевской воли.

Такъ какъ войско Запорожское, сознавъ долгъ повиновенія вѣрныхъ подданныхъ по отношенію къ королю и речипосполитой, приняло всѣ вышеписанныя условія и обязалось присягою соблюдать ихъ на будущее время, то въ удостовѣреніе сего они къ настоящему договору приложили войсковую печать и нѣсколько старшинъ скрѣпили оный своими подписями. Происходило на Медвѣжьихъ Лозахъ ноября 6 дня 1625 года.

Сверхъ того у Курукова не только старшина, но и вся чернь громко принесла слѣдующую присягу: „Мы, атаманы и вся чернь войска Е. К. М. Запорожскаго, всѣ сообща и каждый въ отдѣльности, присягаемъ Всемогущему Тріединому Господу Богу, въ томъ, что, повинуясь волѣ и приказу Е. К. М., отнынѣ будемъ пребывать въвѣрномъ подданствѣ Е. К. М., будемъ повиноваться нашимъ старшимъ, прекратимъ походы по Днѣпру въ Чорное море и нападенія на области турецкаго султана, всѣ наши морскія судна предадимъ пламени, договоровъ съ посторонними монархами безъ вѣдома Е. К. М. заключать не станемъ и не совершимъ никакого дѣянія, которое могло-бы оскорбить величіе короля и речипосполитой, но будемъ точно исполнять всѣ условія, постановленныя нынѣ панами коммиссарами.„

Для составленія переписи козацкаго войска и для повѣрки ихъ правъ избраны изъ среды коммиссаровъ: кастелянъ галицкій Мартынъ Казановскій, подкоморій кіевскій Стефанъ Немиричъ, хорунжій Филонъ Стрыбель и староста жигвольскій Ѳома Склинскій.

IV.

Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка.

(1628).

Куруковскій договоръ (1625), явившійся какъ результатъ одного изъ многочисленныхъ козацкихъ возстаній первой половины XVII вѣка, возстанія, извѣстнаго по имени его предводителя Жмайла, установилъ ту норму отношеній къ козакамъ со стороны польскаго правительства, которую послѣднее признавало единственною возможною. Козачество, не признаваемое какъ сословіе, должно было составлять не болѣе какъ отрядъ постояннаго наемнаго войска, подчиненный польскимъ гетманамъ; отрядъ этотъ не долженъ былъ превышать незначительнаго, точно опредѣленнаго количества (6,000).

Козакамъ вмѣнялось въ обязанность не вмѣшиваться ни во внутреннія сословныя и религіозныя столкновенія на Украинѣ, ни во внѣшнія политическія отношенія речипосполитой къ ея сосѣдямъ. Въ текстѣ договора съ особенною настойчивостью формулированы были статьи, воспрещавшія козакамъ предпринимать морскіе походы на турецкія владѣнія, сноситься безъ вѣдома правительства съ иностранными государями, наниматься къ нимъ въ военную службу, главнымъ же образомъ нарушать въ чемъ бы то ни было мирныя отношенія речипосполитой къ турецкой имперіи. Гарантіею въ исполненіи этихъ предписаній польское правительство признавало установленный имъ контроль по отношенію къ выбору козацкихъ начальниковъ,

который по силѣ Куруковскаго договора предоставленъ былъ польскимъ гетманамъ.

На первый же разъ коммиссары, составлявшіе статьи договора, собственною властью безъ выбора со стороны козаковъ назначили „старшаго войска Запорожскаго". Должность эта предоставлена была Михаилу Дорошенку, хорошо извѣстному полякамъ, какъ старый товарищъ Сагайдачного, которому тотъ поручалъ вести переговоры съ польскими начальниками еще во время Хотинскаго похода.

Въ дѣлѣ внутренней политики, т. е. польско-русскихъ отношеній, Дорошенко былъ представителемъ того направленія въ козачествѣ, которое стремилось идти по слѣдамъ Сагайдачного въ указанномъ имъ направленіи; оно имѣло въ виду, не разрывая установленныхъ отношеній къ польскому правительству, напротивъ того, оказывая ему услуги въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ вознагражденіе за эти услуги требовать уступокъ, необходимыхъ для всего населенія южно-русскаго края. Благодаря такому образу дѣйствій Сагайдачный въ награду за два похода, Московскій (1618) и Хотинскій (1621), достигъ признанія правительствомъ легальнаго существованія „войска Запорожскаго" въ кіевскомъ воеводствѣ, безъ ограниченія количества его реестромъ и возстановленія православной церковной іерархіи, упраздненной уніатами.

Разумѣется, подобная политика требовала извѣстной доли терпѣнія, умѣнья выжидать и пользоваться обстоятельствами, значительной выдержки и сознанія; къ несчастью народъ южно-русскій не былъ въ данное время политически развитъ на столько, чтобы соразмѣрить свои силы и средства съ возможностью постепеннаго и послѣдовательнаго достиженія своихъ политическихъ и общественныхъ дезидератовъ. За исключеніемъ немногочисленной группы людей болѣе развитыхъ и сознательныхъ, вся остальная масса козаковъ и крестьянъ, стремившихся въ козачество, находила частичныя уступки не удовлетворительными, требовала безотлагательнаго переворота и, предъявляя безусловный протестъ существующимъ отношеніямъ, готова была вступить въ рѣшительную борьбу, не соразмѣряя своихъ силъ и шансовъ успѣха. Правда Сагайдачный, воспользовавшись присут-

ствіемъ польской арміи во время Хотинскаго похода, успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, подавить это направленіе безусловнаго протеста въ лицѣ его представителя Бородавки; но уже вскорѣ послѣ смерти самого Сагайдачнаго направленіе это, не сдерживаемое его авторитетомъ, проявилось въ рѣзкой формѣ въ возстаніи Жмайла, которое повлекло за собою потерю значительной доли того, что было пріобрѣтено Сагайдачнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ возстанія является ограниченіе числа козаковъ реестромъ, контроль надъ выборами ихъ начальниковъ и запретъ оказывать вліяніе на ходъ общественной жизни въ краѣ; все это представляло огромный шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ, какое заняло козачество при Сагайдачномъ.

Положеніе новаго гетмана Дорошенка было весьма трудное: съ одной стороны, слѣдуя программѣ Сагайдачного, онъ старался, не смотря на стѣснительныя для козаковъ постановленія Куруковскаго договора, сохранить добрыя отношенія къ польскому правительству, въ то же время выжидая лишь удобнаго случая, чтобы потребовать отъ него возможныхъ уступокъ; съ другой стороны онъ принужденъ былъ считаться съ порывами козачества къ протесту, къ несчастью не предвѣщавшими успѣха. Среди такого колебанія прошли первые три года гетманства Дорошенка, о которыхъ встрѣчается весьма мало данныхъ въ источникахъ; за все это время мы находимъ только два указанія на его дѣятельность. Въ 1626 году онъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ участвовалъ въ походѣ региментаря Стефана Хмелецкаго противъ татаръ; во время этого похода Буджацкіе татары, ворвавшіеся въ Кіевщину въ количествѣ сорока тысячъ, понесли рѣшительное пораженіе въ окрестности Бѣлой Церкви. Объ участіи козаковъ въ этомъ походѣ Хмелецкій доносилъ королю слѣдующими словами: „въ этой битвѣ запорожскіе козаки выказали большое мужество и преданность В. К. М-ти и речипосполитой“ [1]). Преданность эта не мѣшала, однако, Дорошенку домогаться отъ польскаго правительства уступокъ въ пользу южно-русскаго народа и

---

[1]) Сборникъ Лѣтописей, относящ. къ Южной и Западной Руси, стр. 256

протестовать противъ испытываемыхъ имъ отъ поляковъ притѣсненій. Такъ въ 1627 году, когда королевичъ Владиславъ потребовалъ Дорошенка со всѣмъ его войскомъ для участія въ шведскомъ походѣ, гетманъ не подчинился этому требованію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что козакамъ не уплачено жалованье, что ихъ обременяютъ поборами и притѣсняютъ православную вѣру, вслѣдствіе чего они, вѣроятно, вынуждены будутъ поступить на службу къ московскому царю [1]).

Въ 1628 году на южной границѣ Запорожья возникла коллизія, дозволившая Дорошенку выступить въ активной роли и удовлетворить народнымъ порывамъ, оставаясь въ тоже время, хотя отчасти, на легальной почвѣ. Мотивы этого дѣла истекали изъ внутреннихъ отношеній крымскаго ханства.

Вассальная зависимость Крыма отъ Турціи была крайне неопредѣленно обусловлена во время подчиненія Крыма при Менгли-Гиреѣ; несомнѣнно султану принадлежало право по желанію смѣщать и назначать хановъ, но въ выборѣ ихъ онъ долженъ былъ ограничиваться членами рода Гиреевъ; сверхъ того онъ связанъ былъ обѣщаніемъ не подвергать смертной казни членовъ этого рода; наконецъ султанъ пользовался правомъ требовать военной помощи отъ хана по своему усмотрѣнію и занимать своими гарнизонами нѣкоторыя крѣпости въ предѣлахъ ханства. Впрочемъ, эти условія зависимости никогда не были точно установлены, держались они исключительно на обычаѣ, а не на письменномъ трактатѣ [2]) и, благодаря такой неопредѣленности, болѣе энергичные изъ хановъ старались по возможности ослабить долю своей зависимости отъ султана, не подчиняясь его распоряженіямъ относительно военныхъ походовъ и т. д. Султаны съ своей стороны нашли вѣрный способъ для постоянной угрозы ханамъ: пользуясь многочисленностью рода Гиреевъ, они постоянно удерживали въ Стамбулѣ нѣсколько десятковъ представителей этой фамиліи и, при малѣйшемъ ослушаніи со стороны хана, грозили ему смѣщеніемъ и замѣною его однимъ изъ родственниковъ.

---

[1]) Акты Московскаго Государства I, 215—216.

[2]) Смирновъ. Крымское ханство, стр. 294—32.

Сверхъ того автономныя стремленія хановъ значительно ослаблялись вслѣдствіе причинъ, скрывавшихся въ внутреннихъ отношеніяхъ самого ханства. Въ вассальной зависимости отъ крымскаго хана находились ногайскія орды, которыя въ свою очередь тяготились этою зависимостью. Болѣе сильные и болѣе энергичные изъ ногайскихъ начальниковъ съ своей стороны мечтали освободиться отъ подчиненія хану и готовы были стать въ непосредственныя вассальныя отношенія къ Портѣ, т. е. сдѣлаться самимъ самостоятельными ханами; такимъ образомъ они представляли внутри самаго ханства выгодное для султановъ орудіе въ борьбѣ ихъ съ автономическими стремленіями Гиреевъ.

Всѣ указанные мотивы особенно рѣзко проявились въ третьемъ десятилѣтіи XVII вѣка: ханъ Джанибекъ-Гирей, заподозрѣнный въ стремленіи къ излишней самостоятельности, былъ смѣщенъ въ 1623 году подъ предлогомъ небрежнаго поведенія въ персидскомъ походѣ и преемникомъ ему, по протекціи визиря Гуссейна-паши, назначенъ Мухамедъ-Гирей III, находившійся въ то время въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ. Новый ханъ оказался человѣкомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и самостоятельнымъ; опираясь на содѣйствіе своего брата Шагинъ-Гирея, которому онъ предоставилъ званіе калги [1]), онъ не пожелалъ выполнять предписаній Порты, не доставлялъ требуемыхъ военныхъ контингентовъ и не строилъ указанныхъ султаномъ крѣпостей. Послѣ многократныхъ напоминаній султанъ рѣшился смѣнить непокорнаго хана; на мѣсто его вновь назначенъ былъ Джанибекъ-Гирей, котораго послали въ Кафу въ сопровожденіи турецкаго флота съ сильнымъ отрядомъ войска. На этотъ разъ однако смѣна не состоялась: Мухамедъ-Гирей нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе и принудилъ ихъ удалиться изъ Крыма. Съ своей стороны Порта, занятая въ то время другими политическими отношеніями, на время покрыла молчаніемъ это сопротивленіе своего

---

[1]) Должность калги была установлена еще Менгли-Гиреемъ; калга былъ намѣстникомъ хана и пользовался въ его отсутствіи всѣми аттрибутами его власти; на эту должность ханы обыкновенно назначали самыхъ любимыхъ родственниковъ, которымъ желали передать престолъ послѣ своей смерти. (Смирновъ, стр. 350—355)

вассала, даже возобновила съ нимъ сношенія, какъ-бы ничего не произошло, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріискивала средства къ его удаленію и съ этою цѣлью обратила вниманіе на положеніе ногайскихъ ордъ.

Въ то время самымъ сильнымъ изъ мурзъ ногайскихъ былъ начальникъ Буджацкой орды Канъ-Темиръ мурза, владѣвшій южною частью нынѣшней Бессарабіи отъ Аккермана до Киліи, т. е. такъ называемымъ Буджакомъ. Онъ давно уже тяготился зависимостью отъ Крыма, уклонялся отъ выполненія ханскихъ приказовъ, предпринималъ набѣги на Русь безъ вѣдома хана и стремился къ учрежденію самостоятельнаго ханства подъ турецкимъ протекторатомъ. Его-то и избрало турецкое правительство для противовѣса Мухамедъ-Гирею послѣ столкновенія съ послѣднимъ; теперь власти особенно милостиво отнеслись къ Канъ-Темиру: ему обѣщано было покровительство султана, затѣмъ предоставлено званіе силистрійскаго паши, благодаря чему онъ, какъ высокій турецкій сановникъ, становился въ непосредственную зависимость отъ султана и освобождался отъ подчиненія крымскому хану. Замѣтивъ опасность, грозившую ему со стороны Буджака, Мухамедъ-Гирей рѣшился предупредить ее и послалъ Канъ-Темиру грозный приказъ—переселить Буджацкую орду въ Крымъ для прекращенія ея самовольныхъ набѣговъ на польскія владѣнія. Приказъ этотъ, разумѣется, не былъ исполненъ и въ Буджакъ посланъ съ войскомъ калга Шагинъ-Гирей, чтобы принудить Канъ-Темира къ повиновенію; но тотъ заблаговременно перевелъ свою орду на правый берегъ Дуная, въ Добруджу, входившую въ составъ Силистрійскаго пашалыка и слѣдовательно числившуюся во владѣніяхъ оттоманской имперіи внѣ территоріи, подвластной хану. Шагинъ-Гирей въ свою очередь переправился въ Добруджу, сразился съ Канъ-Темиромъ, но былъ разбитъ на голову и съ трудомъ спасся обратно въ Крымъ; туда же, преслѣдуя его по пятамъ, явился Канъ-Темиръ и осадилъ въ Бахчисараѣ обоихъ Гиреевъ, которые заперлись тамъ съ небольшою горстью приверженцевъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ сдѣланы уже были всѣ приготовленія на случай побѣды Канъ-Темира и Ди-

ванъ, узнавъ о желанномъ исходѣ столкновенія, объявилъ и хана, и его калгу измѣнниками, дерзнувшими вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ одну изъ турецкихъ областей. Оба они были отрѣшены, на мѣсто хана назначенъ вновь Джанибекъ-Гирей, а на должность калги его братъ Девлетъ-Гирей и сильный турецкій флотъ съ численнымъ дессантомъ отправленъ въ Кафу для возведенія на престолъ новаго хана при помощи Канъ-Темира. Осажденные Гиреи, очутившись въ столь критическомъ положеніи, попытались спастись путемъ привлеченія новаго неожиданнаго союзника и Шагинъ-Гирей послалъ на Запорожье Болгаръ-мурзу просить помощи у козаковъ.

Въ то время находился на Запорожьи и самъ гетманъ Михаилъ Дорошенко, который, согласно требованію статей Куруковскаго договора, обязанъ былъ постоянно пребывать на Низу съ 1,000 реестровыхъ козаковъ для предотвращенія козацкихъ морскихъ походовъ. Переговоры мурзы съ гетманомъ привели къ заключенію слѣдующихъ условій, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ: Шагинъ-Гирей обязался уплатить козакамъ 100,000 червонцевъ и сдать имъ недавно отстроенную у границъ Запорожья крѣпость Исламъ-Керменъ, если они своевременно придутъ на выручку хану. Дорошенко принялъ эти условія и немедленно двинулся въ Крымъ съ 4,000 козаковъ (очевидно къ реестровымъ присоединилась и проживавшая на Запорожьи вольница). Непосредственно за Перекопомъ козаки были окружены ногайскими сонмищами, тотчасъ построили таборъ и храбро двигались къ Бахчисараю, въ теченіи шести сутокъ непрерывно отбиваясь отъ татаръ. Въ этомъ переходѣ палъ гетманъ Дорошенко съ четвертою частью всего товариства, но оставшіеся въ живыхъ козаки все-же пробились къ Бахчисараю, подъ стѣнами котораго разгромили Канъ-Темира, принудили его бѣжать въ Кафу подъ прикрытіе турецкаго гарнизона и освободили союзниковъ изъ осады; въ это самое время прибылъ въ Кафу и турецкій флотъ, сопровождавшій Джанибекъ-Гирея.

Между тѣмъ пораженіе Шагинъ-Гирея въ Добруджѣ, вторженіе Канъ-Темира въ Крымъ и появленіе турецкаго флота у Кафы — всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя совершенно уничтожили автори-

тетъ Мухамедъ-Гирея среди подданныхъ; не смотря на побѣду, одержанную козаками у Бахчисарая, предводители крымскихъ татаръ отказали ему въ поддержкѣ, приняли сторону новаго хана и отправились къ нему въ Кафу. Оставленные татарами Мухамедъ и Шагинъ вынуждены были бѣжать изъ Крыма, а козаки возвратились на Запорожье, куда вскорѣ явился и Шагинъ-Гирей.

Согласно условію онъ сдалъ Исламъ Керменъ [1]) козакамъ, которые снесли укрѣпленія этого города и перевезли на Запорожье бывшую въ крѣпости артиллерію, послѣ чего временно дозволили Шагинъ-Гирею кочевать на земляхъ запорожскихъ впредь до полученія по этому дѣлу королевскаго рѣшенія. Затѣмъ оба союзника снарядили совмѣстно посольство къ королю. Шагинъ-Гирей просилъ для себя покровительства и помощи королевской, обѣщая въ случаѣ успѣха подчинить Крымское ханство протекторату Польши [2]). Съ своей

---

[1]) Ниже пороговъ, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, находилась самая удобная переправа на Днѣпрѣ, который въ этомъ мѣстѣ не раздѣленъ на рукава и представляетъ одно русло. Здѣсь обыкновенно переходили Днѣпръ татары, когда устремлялись въ набѣгъ на Украину; мимо этого пункта спускались также изъ Запорожья козацкія флотиліи, отправлявшіяся въ Чорное море; поэтому обладаніе Таванскою переправою представлялось вопросомъ чрезвычайной важности какъ для козаковъ, такъ и для турокъ и мы видимъ, что съ этою цѣлью еще Витовтъ, послѣ битвы надъ Ворслою, спѣшитъ построить крѣпость у Тавани (M. Bielski. Kronika, стр. 283 Михаилъ Литвинъ, стр. 9). Съ своей стороны Менгли-Гирей выстроилъ въ 1492 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра новую крѣпость, извѣстную подъ именемъ Тавани (Сборн. Русск. истор. Общ. т. XLI стр. 149). На противуположномъ берегу Днѣпра существовала въ XVI стол. татарская крѣпость Исламъ-Керменъ, которую разрушилъ въ 1576 году кн. Дмитрій Вишневецкій; султанъ приказалъ крымскому хану возстановить ее и ослушаніе этому приказу было главнымъ поводомъ гнѣва падишаха противъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1627 г. послѣдній занялся наконецъ постройкою крѣпости, но уже въ 1628 г. Шагинъ-Гирей сдалъ ее козакамъ, которые разметали укрѣпленія.

[2]) Впрочемъ попытки Мухамеда и Шагина-Гиреевъ возвратить свою утраченную власть были безуспѣшны, не смотря не многократныя ихъ вторженія въ Крымъ при помощи козаковъ, черкесовъ, кумыковъ и своихъ татарскихъ приверженцевъ. Въ одной изъ такихъ попытокъ (1629 г.) Мухамедъ-Гирей палъ въ битвѣ у Кара-су; Шагинъ еще въ теченіи четырехъ лѣтъ безпокоилъ хана смѣлыми набѣгами, но наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, онъ добровольно принесъ повинную султану (1633) и былъ удаленъ въ ссылку на островъ Родосъ. (Смирновъ, стр. 497. и 506).

стороны козаки извинялись въ томъ, что предприняли этотъ походъ въ Крымъ, не испросивши предварительно королевскаго разрѣшенія и утверждали, что вмѣшались они въ татарскія междоусобія исключительно въ виду политическихъ выгодъ речипосполитой, имѣя цѣлью способствовать ослабленію ханства; они указывали на предложеніе Шагинъ-Гирея и на разрушеніе Исламъ-Кермена, какъ на положительные результаты ихъ экспедиціи. Польское правительство воздержалось отъ наказанія козаковъ за самовольный походъ и утвердило избраннаго ими новаго „старшаго войска Запорожскаго". Послѣ гибели Дорошенка въ Крыму, выбранъ былъ начальникомъ въ козацкомъ таборѣ нѣкто Мойженица, но онъ вскорѣ былъ уличенъ въ утайкѣ части войсковыхъ суммъ и по приговору рады казненъ смертью; на мѣсто его избранъ Григорій Савичъ, извѣстный у козаковъ подъ именемъ Грыцька Чорного, который и былъ утвержденъ правительствомъ.

На этотъ разъ умиротворенію польско-козацкихъ отношеній способствовали двѣ причины: направленіе, котораго держался вновь избранный гетманъ и взглядъ на отношеніе правительства къ козакамъ бывшаго въ то время представителемъ польской власти на Украинѣ региментаря, Стефана Хмелецкаго.

Григорій Савичъ является послѣднимъ представителемъ въ козачествѣ той партіи мирныхъ политиковъ, которая образовалась подъ вліяніемъ Сагайдачнаго и подобно ему стремилась, сохраняя дружественныя отношенія къ польскому правительству и оказывая ему существенныя услуги, въ свою очередь постепенно склонять его къ легальнымъ уступкамъ. Въ слѣдующемъ году послѣ его избранія козаки со своимъ старшимъ принимаютъ дѣятельное участіе въ походѣ противъ татаръ, вторгшихся въ Червоную Русь подъ начальствомъ калги Девлетъ-Гирея (сентябрь 1629). Походъ этотъ завершился блестящею побѣдою, которую козацко-польскія войска, подъ предводительствомъ Хмелецкаго, одержали надъ татарами у города Бурштына. Все татарское скопище было разсѣяно и почти поголовно истреблено, при чемъ отняты захваченные ими плѣнники и награбленная добыча; въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ татаръ оказался одинъ

изъ выдающихся членовъ рода Гиреевъ, Исламъ-Гирей, который впослѣдствіи достигъ ханскаго престола и во время возстанія Хмельницкаго оказывалъ значительное вліяніе на козацко-польскую борьбу въ качествѣ союзника этого гетмана [1]). Въ означенномъ походѣ главную военную силу, какою могъ располагать Хмелецкій, составляло „все войско Запорожское со своимъ старшимъ, паномъ Григоромъ Савичемъ“ [2]). Разумѣется, въ виду такой услуги центральному правительству не подобало уже вчинать взысканія за самовольный походъ въ Крымъ.

Съ другой стороны представителемъ польскаго правительства на Украинѣ въ данный моментъ и непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками былъ Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ высоко цѣнившій ихъ боевыя качества, относившійся къ нимъ весьма дружелюбно и старавшійся всѣми силами поддержать доброе отношеніе къ нимъ со стороны центральной власти. Послѣ крымскаго похода козаки обращаются къ нему съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ правительствомъ, а также указать имъ дальнѣйшій образъ дѣйствій по отношенію къ Шагинъ-Гирею. „Мы обращаемся къ Вашей Милости за совѣтомъ, пишутъ они, и покорно просимъ Васъ не отказать намъ въ указаніяхъ, какъ намъ поступить. Мы увѣрены, что Ваша Милость благоволитъ не отказать намъ въ совѣтѣ подобно тому, какъ всегда Вы давали намъ существенныя указанія, направленныя ко благу речипосполитой и къ нашей пользѣ.“ [3]) Дѣйствительно, въ въ донесеніи правительству о крымскомъ походѣ Хмелецкій не только воздержался отъ порицанія этого предпріятія, но постарался указать всѣ выгоды, вытекавшія изъ него для речипосполитой и тѣмъ самымъ склонилъ короля на негласное разрѣшеніе козакамъ оказывать дальнѣйшую поддержку Шагинъ-Гирею. [4])

---

[1]) Przyłęcki. Ukrainne Sprawy, стр. 87—89.

[2]) Рукописная книга дворянина Собекурскаго, хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ № 401, стр. 163—168.

[3]) Przyłęcki. Ukr. Spr. стр. 26.

[4]) Также, стр. 50.

Въ ряду польскихъ военныхъ начальниковъ, которымъ подчинены были козаки въ первой половинѣ XVII столѣтія, Хмелецкій представляетъ единственное отрадное исключеніе, какъ вслѣдствіи болѣе широкаго пониманія имъ козацкихъ отношеній и стремленій, такъ и потому, что въ личныхъ его отношеніяхъ къ народу не было сословной гордости и эксклюзивности, которая составляла отличительную черту характера шляхтичей того времени. Современный ему мемуаристъ слѣдующими словами изображаетъ его личность и образъ дѣйствій: „Хмелецкаго не любили въ войскѣ за излишнюю скромность... онъ сурово запрещалъ солдатамъ грабить и притѣснять бѣдныхъ, утверждая, что подобные поступки навлекаютъ Божью кару и на самихъ солдатъ, и на ихъ начальниковъ; онъ былъ одаренъ такимъ человѣколюбіемъ, что не могъ переносить вида обиженнаго, плачущаго крестьянина и спѣшилъ удовлетворить его, чѣмъ могъ, нерѣдко самъ проливая слезы“ [1]).

Гуманное отношеніе Хмелецкаго къ народу въ значительной мѣрѣ обусловливалось его происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ въ группѣ шляхотства: отецъ его принадлежалъ къ числу бездомныхъ служилыхъ шляхтичей Перемышльской земли и еще въ концѣ XVII столѣтія поступилъ на службу въ надворную милицію кн. Василія-Константина Острожскаго [2]) который впослѣдствіи наградилъ его должностью войта въ Острогѣ и небольшимъ хуторомъ надъ Горынью. Стефанъ Хмелецкій началъ военную службу также въ милиціи Острожскихъ; въ 1620 году онъ въ чинѣ ротмистра принималъ участіе въ походѣ въ Молдавію Жолкевскаго и во время разгрома на Цецорѣ успѣлъ пробиться со своимъ отрядомъ сквозь турецкую армію и возвратился на Подоліе. Въ 1621 году онъ перешелъ на службу къ кіевскому воеводѣ Ѳомѣ Замойскому, который

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza 1, стр. 156.

[2]) Хмелецкіе правдоподобно были православными, на что указываетъ какъ служба ихъ у кн. Василія Острожскаго, такъ и родство ихъ съ православнымъ родомъ Ерличей; сынъ Стефана, Лука, вѣнчался въ православной церкви въ м. Таборовѣ. (Jerlicz. Latopisiec I, стр. 46. Dr. Antoni J.-Niewiasty Kresowe стр. 96).

предоставилъ ему начальство надъ всею своею надворною милиціею, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ охранять отъ татарскихъ набѣговъ обширныя имѣнія Замойскихъ въ южной Брацлавщинѣ; съ этого времени начинается извѣстная его дѣятельность, направленная къ отраженію хищниковъ. Въ теченіи десяти лѣтъ крайне энергичныхъ и неутомимыхъ усилій Хмелецкій успѣлъ снискать для края относительное спокойствіе, какого не могли ему доставить другіе польскіе военачальники, располагавшіе значительно большими силами. Въ современныхъ ему запискахъ упоминается около двадцати болѣе или менѣе крупныхъ стычекъ, въ которыхъ Хмелецкій постоянно наносилъ татарамъ рѣшительныя пораженія; были въ томъ числѣ и двѣ большія битвы, у Бѣлой Церкви (1624) и у Бурштына (1629), доставившія ему громкую извѣстность.

Въ 1625 году гетманъ Конецпольскій, выступая съ арміею въ прусскій походъ, передалъ Хмелецкому, носившему въ то время скромный титулъ брацлавскаго хорунжія, должность региментаря на Украинѣ, т. е. главнаго начальника польскихъ военныхъ силъ въ этой области; региментарю украинному, какъ замѣстителю гетмана, принадлежала также верховная власть надъ Запорожскимъ войскомъ, которою Хмелецкій и воспользовался для того, чтобы смягчать по возможности отношенія правительства къ козакамъ и ходатайствовать передъ королемъ о нуждахъ послѣднихъ. Въ походѣ 1629 года Стефанъ Хмелецкій въ награду за Бурштынскую побѣду былъ, по представленію Ѳомы Замойскаго, возведенъ въ санъ кіевскаго воеводы, мѣсто котораго оставалось вакантнымъ по смерти князя Александра Заславскаго. Не смотря на выдающіяся его заслуги, назначеніе худороднаго шляхтича на высокій сенаторскій постъ возбудило сильнѣйшее негодованіе въ средѣ польской аристократіи и сенаторы готовили уже весьма не дружелюбную встрѣчу новому коллегѣ, но Хмелецкому не суждено было дождаться этой встрѣчи: спустя шесть недѣль послѣ своего назначенія, въ февралѣ 1630 г., Хмелецкій скончался на Украинѣ, не успѣвши побывать въ столицѣ.

Со смертью Хмелецкаго тотчасъ измѣнился установившійся при немъ характеръ отношеній польскаго правительства къ козачеству, которое

поставлено теперь въ зависимость отъ лицъ, совершенно иначе къ нему расположенныхъ. Новые начальники козаковъ относились къ нему или строго и высокомѣрно подобно гетману Конецпольскому, или презрительно и жестоко какъ гетманъ Николай Потоцкій, или же, какъ напримѣръ коронный стражникъ Самуилъ Лащъ, они представляли собою полный образецъ шляхетскаго своеволія и разнузданности, который не допускалъ даже мысли о признаніи какихъ-бы то ни было человѣческихъ правъ за лицами, не принадлежавшими къ дворянскому сословію. Подобная перемѣна въ направленіе польскаго военнаго начальника быстро отразилась и въ настроеніи козачества: партія мирныхъ политиковъ утратила почву подъ ногами и всѣ ея надежды на возможность послѣдовательныхъ уступокъ со стороны центральнаго правительства отнынѣ казались несбыточными; въ массѣ козачества напротивъ усилилась реакція въ пользу немедленнаго вооруженнаго протеста. Уже къ концу 1630 года реакція эта вспыхнула въ видѣ рѣшительнаго возстанія подъ начальствомъ новоизбраннаго гетмана Тараса; первою жертвою ея палъ Григорій Савичъ, казненный по приговору козацкой рады за неудачный исходъ политики, которой онъ былъ представителемъ.

Возстаніе Тараса было первымъ крупнымъ проявленіемъ той козацкой реакціи, которой суждено было послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ закончиться побѣдою Богдана Хмельницкаго.

За отсутствіемъ мемуаровъ для исторіи козачества за 1625—1630 годы мы помѣщаемъ здѣсь переводъ трехъ документовъ, относящихся къ данному періоду и извлеченныхъ изъ весьма цѣннаго сборника, который изданъ Станиславомъ Пржылецкимъ въ 1842 году во Львовѣ подъ заглавіемъ: „Ukrainne Sprawy“.

1) Посланіе козаковъ запорожскихъ къ Стефану Хмелецкому 14 Іюля 1628 г. [1]). Причина похода всего нашего войска изъ Украины въ запорожье извѣстна Вашей Милости: передъ выступленіемъ нашимъ мы увѣдомили В. М., что отправляемся исклю-

---

[1]) Przyłęcki—Ukrainne. Sprawy, стр. 24—26.

чительно для того, чтобы предупредить самовольные морскіе походы, особенно-же съ цѣлью разрушенія крѣпости Исламъ-Кермена, построенной у переправы черезъ Днѣпръ во вредъ речипосполитой; мы имѣли также въ виду недопустить постройки другихъ крѣпостей, сооруженіе которыхъ было предположено въ нынѣшнемъ году, для чего султанъ турецкій отправилъ уже къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря пашу въ сопровожденіи флота, состоявшаго изъ 20 галеръ и нѣсколькихъ сотъ мелкихъ судовъ. Сверхъ нашего ожиданія, Господу Богу благоугодно было указать намъ путь къ разрушенію упомянутой крѣпости, почти неприступной, безъ пролитія христіанской крови. Случилось это такимъ образомъ: Кантемиръ съ турками разгромилъ Шагинъ-Гирея за Дунаемъ и, не давъ ему опомниться, двинулся по его слѣдамъ съ войскомъ своимъ въ Крымъ, гдѣ осадилъ въ Бахчисараѣ и Шагинъ Гирея, и самого хана; друзья послѣдняго извѣстили насъ объ этомъ, прося помощи противъ столь стремительнаго врага. Такъ какъ дѣло требовало быстроты дѣйствія, то мы рѣшились отправиться въ Крымъ, не испросивъ позволенія ни у короля Е. М., ни у Вашей Милости, ибо не сомнѣвались, что представляется удобный случай оказать важную услугу речипосполитой, воспользовавшись взаимною ненавистью и междоусобіемъ враговъ; мы надѣемся, что король Е. М. и речьпосполитая не поставятъ намъ во зло нашего поступка и окажутъ необходимое для насъ въ настоящее время вспомоществованіе. Наше предпріятіе увѣнчалось-бы полнымъ успѣхомъ, если-бы не погибъ нашъ гетманъ, славной памяти покойный Дорошенко; но трудно было ему избѣгнуть печальной участи, ибо намъ пришлось въ теченіи шести дней вести непрерывный бой съ войскомъ Кантемира на протяженіи почти цѣлаго Крыма. Тамъ не менѣе враги понесли чувствительныя потери, поражены на голову и постыдно бѣжали въ Кафу, куда укрылся и самъ Кантемиръ, раненный въ битвѣ. Какъ извѣстно Вашей Милости, въ то время явился туда султанъ Девлетъ-Гирей съ упомянутыми галерами и судами для того, чтобы вступить во владѣніе Крымомъ; поэтому мы не сочли возможнымъ долѣе оставаться въ Крыму, опасаясь сдѣлаться ослушниками воли Его Королевской Милости и речипоспо-

литой, но, освободивъ отъ осады Шагинъ-Гирея и хана, а также овладѣвъ Исламъ-Керменскою крѣпостью и разрушивъ ее до основанія, мы возвратились въ свои жилища. Здѣсь застали мы пана Лущинскаго, посла Вашей Милости, привезшаго намъ посланіе Его Королевской Милости. Мы уразумѣли волю Е. К. М. и речипосполитой и потому принуждены остаться нѣкоторое время здѣсь, на Запорожьи, чтобы окончательно усмирить всякое своеволіе, согласно приказу Е. К. М. Такъ какъ въ день св. Иліи назначенъ срокъ уплаты намъ годичнаго жалованія отъ Е. К. М. и всѣ мы не можемъ явиться для его полученія въ Кіевъ, то посылаемъ туда уполномоченныхъ товарищей нашихъ и усиленно просимъ Вашу Милость ходатайствовать о томъ, чтобы жалованіе было намъ сполна уплачено. При семъ мы считаемъ умѣстнымъ извѣстить Вашу Милость, какъ нашего постояннаго покровителя и искренняго совѣтника нашего войска, что намъ предстоитъ новое дѣло, которое съ Божьею помощью можетъ имѣть благопріятный исходъ. Шагинъ-Гирей султанъ, не столько устрашенный могуществомъ своихъ враговъ, сколько смущенный измѣною своихъ подчиненныхъ, бѣжалъ изъ Крыма на Днѣпръ съ намѣреніемъ подчиниться речипосполитой и прибѣгнуть подъ защиту польской короны; мы обезпечили ему спокойное пребываніе впредь до полученія распоряженія Его Королевской Милости. По этому поводу мы желали-бы отправить пословъ къ Е. К. М-ти, но такъ какъ это намъ запрещено постановленіемъ коммиссіи (1625), то мы не осмѣливаемся дать ему рѣшительнаго отвѣта; между тѣмъ многіе крымскіе мурзы согласны съ планами Шагинъ-Гирея, бѣгутъ къ нему и готовы принять вѣрность и послушаніе Е. К. М-ти и речипосполитой, ожидая лишь согласія Е. К. М-ти. Причина тому ожесточеніе ногайскихъ татаръ, которые рѣшились отомстить крымскимъ за обиды и оскорбленія, причиненныя имъ Шагинъ-Гиреемъ; вообще въ ордѣ произошло страшное замѣшательство и междоусобное кровопролитіе. Такъ какъ значительное разстояніе не дозволяетъ намъ немедленно испросить согласія короля Е. М, то мы обращаемся къ В. М-ти за совѣтомъ и покорно просимъ Васъ не отказать намъ въ указаніяхъ, какъ намъ поступить.

Мы полагаемъ, что неудобно отклонять предложеніе Шагинъ-Гирея, вступить же съ нимъ въ союзъ безъ разрѣшенія не можемъ. Поэтому усиленно просимъ В. М дать намъ поскорѣе отвѣтъ, который весьма важенъ и для него, и для насъ. Мы увѣрены, что В. М. благоволите не отказать намъ въ свѣтѣ въ данномъ случаѣ, подобно тому какъ всегда Вы давали намъ существенныя указанія, клонившіяся ко благу речипосполитой и къ нашей пользѣ.

2) Посланіе козаковъ запорожскихъ къ королю, 29 Іюля 1628 г. [1]) Желая исполнить волю и приказъ Вашей Королевской Милости, мы отправились было за пороги подъ начальствомъ покойнаго, славной памяти достойнаго, Михаила Дорошенка, назначеннаго В. К. М-ію старшимъ нашего войска, для того, чтобы смирить своеволіе, проявлявшееся на Низу и воспрепятствовать морскимъ походамъ, а также чтобы уничтожить укрѣпленія, построенныя у переправы ко вреду речипосполитой и не допустить постройки новыхъ крѣпостей. Мы успѣли, благодаря счастью В. К. М-ти и нашему мужеству, овладѣть крѣпостью Исламъ-Керменомъ, построенною противъ Тавани, снабженною артиллеріею и сильнымъ гарнизономъ, которая могла-бы сопротивляться даже могущественной арміи; мы разрушили эту крѣпость и взяли въ ней около двадцати пушекъ, которыя и теперь сохраняемъ у себя. Для того, чтобы нѣсколько восполнить наше убожество, мы вступили въ Крымъ во время междоусобія, вспыхнувшаго между калгою Шагинъ-Гиреемъ и мурзою Кантемиромъ. Услышавъ о нашемъ походѣ, Шагинъ-Гирей и ханъ, осажденные въ то время Кантемиромъ въ Бахчисараѣ, обратились къ намъ, прося помощи. Хотя мы и не имѣли на то разрѣшенія В. К. М-ти и Вашихъ регименатарей, но видя междоусобіе враговъ и взаимную ихъ вражду и полагая, что время это удобно для ихъ ослабленія, мы рѣшились напасть на нихъ, хотя силы наши и не были достаточны, ибо не превышали 4,000 человѣкъ. По милости Божей и благодаря счастью В. К. М-ти мы выдержали бой съ врагами въ теченіи шести

[1]) Przyłęcki. Ukr. Spr., стр. 26—28.

дней и, хотя понесли значительныя потери и къ крайнему нашему огорченію лишились нашего старшаго, но своею храбростью мы сломили враговъ и принудили ихъ къ позорному бѣгству. Шагинъ-Гирей, освобожденный изъ осады, видя что мы, получивъ извѣстіе о прибытіи въ кошъ на Запорожье гонца В. К. М-ти, рѣшились возвратиться домой, узнавъ притомъ о прибытіи въ Кафу Девлетъ-Гирея съ двадцатью галерами, усомнился въ вѣрности своихъ подчиненныхъ и, поразивъ еще разъ Кантемира, который въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ слугъ бѣжалъ въ Кафу, съ грустью оставилъ свое отчество и въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ удалился къ намъ на Днѣпръ съ намѣреніемъ подчиниться власти В. К. М-ти и пребывать подъ Вашимъ покровительствомъ. Мы воздержались отъ принятія его, пока онъ не получитъ согласія В. К. М-ти черезъ пословъ, которыхъ уже отправилъ къ В. К. М-ти, но позволили ему безопасно проживать и кочевать на нашей землѣ. Мы отправляемъ при его послѣ къ В. К. М-ти товарищей нашихъ: п.п. Каленика Прокоповича, Яцка Савича и Стефана Микитича, покорне прося В. К. М-ть оповѣстить насъ, какъ мы должны поступать по отношенію къ этому человѣку, который, кромѣ Бога, можетъ разсчитывать лишь на покровительство В. К. М-ти. Доводимъ до свѣдѣнія В. К. М-ти также и то обстоятельство, что Шагинъ-Гирей прибылъ на берега Днѣпра съ небольшимъ отрядомъ лишь въ нѣсколько десятковъ всадниковъ, но теперь къ нему ежедневно перебѣгаютъ изъ Крыма многочисленные сторонники; сообщаютъ, что въ Ордѣ продолжаются раздоры между ногайцами и крымцами и что вспыхнуло разногласіе между Кантемиромъ и Девлетъ-Гиреемъ. Теперь время самое удобное для совершеннаго разрушенія Крымскаго ханства; еслибы къ тому склонилась воля В. К. М-ти, речьпосполитая могла бы навсегда обезпечить себѣ въ этомъ отношеніи спокойствіе безъ особыхъ усилій. Въ теченіи одной осени В. К. М-ти могла бы овладѣть всѣмъ Крымомъ, отправивши туда лишь войска, состоящія подъ начальствомъ пана хорунжія брацлавскаго, (Стефана Хмелецкаго) совмѣстно съ войскомъ Запорожскимъ. Такъ какъ намъ необходимо долѣе остаться на Запорожьи какъ для усмиренія своеволія, такъ

и для наблюденія за дѣлами татарскими и за отношеніями къ Шагинъ-Гирею, то мы покорно просимъ В. К. М. сдѣлать распоряженіе о выдачѣ намъ годичнаго жалованья съ нѣкоторою прибавкою и о снабженіи насъ необходими припасами и лошадьми.

3) Докладъ Стефана Хмелецкаго правительству о походѣ козаковъ въ Крымъ [1]). Козаки были завербованы Шагинъ-Гиреемъ при посредствѣ Болгаръ-мурзы на основаніи лишь словеснаго договора; такъ какъ этотъ мурза обѣщалъ имъ значительную плату отъ имени Шагинъ-Гирея, то они отправились въ Крымъ. Кантемиръ, предполагая, что это лишь какой-то слабый отрядъ изъ Запорожья и не подозрѣвая присутствія гетмана, пропустилъ ихъ въ Крымъ; между тѣмъ прибыло четырехтысячное войско съ артиллеріею. Когда козаки миновали Перекопъ, ихъ окружили войска Кантемира и они принуждены были пробиваться таборомъ къ Бахчисараю, гдѣ затворился Шагинъ-Гирей. Этотъ послѣдній имѣлъ при себѣ всего нѣсколько сотъ человѣкъ и только послѣ того, какъ вышелъ къ козакамъ изъ Бахчисарая, къ нему начали съѣзжаться мурзы; между тѣмъ Дорошенко и Олифиръ [2]) уже погибли въ битвѣ съ Кантемиромъ; тогда гетманомъ избранъ Мойженица и войску уплочено по пяти злотыхъ московскими деньгами на каждаго всадника, такъ какъ въ это самое время прибылъ московскій посолъ съ казною. Затѣмъ они двинулись къ Кафѣ вслѣдъ за Кантемиромъ, при чемъ ханъ шелъ въ сторонѣ отъ козаковъ, которые храбро сражались съ Кантемиромъ и разгромили его войско; козаковъ погибло до 1,000 человѣкъ. Шагинъ-Гирей обѣщалъ войску 100,000 червоныхъ злотыхъ и нѣсколько сотъ лошадей. Затѣмъ получено было извѣстіе о

---

[1]) Przyłęcki, стр. 50—52.

[2]) Олиферъ Остаповичъ Голубъ, по мѣсту рожденія называемый Стеблевцемъ, принадлежалъ къ числу заслуженныхъ сподвижниковъ Сагайдачнаго; послѣ смерти послѣдняго онъ нѣкоторое время занималъ должность козацкаго гетмана и, совмѣстно съ митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ былъ назначенъ душеприкащикомъ въ завѣщаніи Сагайдачнаго. (Арх. Юго-зап. Рос. ч. III, т. I, стр. 269. Максимовичъ. Собраніе сочиненій т. I, стр. 320).

прибытіи турецкихъ галеръ съ новымъ ханомъ [1]), присланнымъ отъ султана; татары стали колебаться и бѣжали въ разсыпную; самъ ханъ ушелъ ночью въ Бахчисарай, бросивъ шатры; поутру козаки замѣтили измѣну и также удалились изъ Крыма; вмѣстѣ съ ними прибылъ на Запорожье въ курени и Шагинъ-Гирей съ нѣсколькими сотнями татаръ. Мойженицу, бывшаго гетманомъ, козаки утопили за то, что онъ утаилъ для себя часть войсковыхъ суммъ. Грицько Чорный изъ Черкасъ обязался быть гетманомъ подъ условіемъ, чтобы козаки не отправлялись въ морскую экспедицію, ибо таковъ былъ ихъ замыселъ; если въ Ильинъ день не будетъ выдано жалованье отъ Е. К. М., то они рѣшили непремѣнно идти на море, а нѣкто Моисей взялся предводительствовать въ этомъ походѣ. У Кантемира отняты въ сраженіи тѣ пушки, которыя покойный Жолкевскій утерялъ въ Молдавіи; девять изъ нихъ козаки препроводили въ курени, остальныхъ трехъ не могли доставить и затопили на дорогѣ; сверхъ того разметали Осламъ-городокъ. Шагинъ-Гирей просилъ у войска позволенія кочевать тамъ подъ предлогомъ, будто къ нему должны сойтись 40 мурзъ; видно онъ надѣется удержаться на царствѣ. Козаки до сихъ поръ не знаютъ навѣрно, назначенъ ли турками новый ханъ, или удержится старый. Шагинъ-Гирей присягнулъ, что если онъ сохранитъ власть, то татарской ноги не будетъ въ Польшѣ, если-же водворится новый ханъ, то намъ ежечасно слѣдуетъ ожидать къ себѣ татаръ. Ногайцы всѣ находятся при Кантемирѣ.

Другое извѣстіе: нѣкто Малай изъ Черкасъ бродилъ надъ рѣкою съ полутора тысячами человѣкъ; онъ вышелъ на Муравскій Шляхъ, встрѣтилъ татаръ, черезъ которыхъ Шагинъ-Гирей посылалъ деньги женѣ своей въ Кесуль-басъ и перебилъ этихъ татаръ; каждому изъ нихъ досталось при раздѣлѣ по 17 червоныхъ злотыхъ и по 5 лошадей на человѣка.

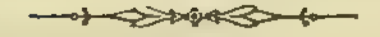
Третье извѣстіе: Филоненко [2]) изъ Корсуня, собравшій ватагу въ 18 сотень изъ разныхъ городовъ, вмѣстѣ съ уманскимъ подста-

---

[1]) Джанибекъ-Гирей.

[2]) Корсунскій полковникъ Филоненко сохранилъ эту должность до 1638 года; въ 1634 онъ упоминается въ этомъ званіи во время похода польско-козацкихъ войскъ

ростою, паномъ Свирскимъ, ворвались въ Молдавію, попали во время ярмарки въ Тегинь [1]) и едва не овладѣли замкомъ, но потеряли время, увлекшись грабежомъ; городъ сожгли до тла и множество турокъ изрубили или предали огню. На этотъ разъ возвратились домой съ значительнымъ количествомъ воловъ, денегъ и иной добычи. Если они задумаютъ морской походъ, то множество народа изъ Украины самовольно послѣдуетъ за ними.

подъ Сѣвскъ. (Акты Московскаго государства т. I, стр. 586—587). Изъ дневника Окольскаго мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ козацкихъ предводителей во время возстанія Острянина.

[1]) Тягинь—нынѣшній городъ Бендеры.

V.

Дневникъ Симеона Окольскаго.

(1637—1638 г.).

Монахъ доминиканскаго ордена, Симеонъ Окольскій († 1654) сопровождалъ въ качествѣ войскового капеллана польскую армію во время ея походовъ противъ козаковъ въ 1637 и 1638 годахъ и составилъ дневники этихъ походовъ, которые издалъ въ Замостьи въ двухъ отдѣльныхъ выпускахъ: первый носитъ заглавіе: „Diaryusz transakcyi wojennej między wojskiem koronnem a zaporoskiem, w roku 1637 miesiąca Grudnia, przez I. W. Mikołaja z Potoka Potockiego, wojewcdę bracławskiego, hetmana polnego koronnego szczęśliwie zaczętej i dokończonej; przez X. Szymona Okolskiego, zakonu Dominika sw., kaznodzieję wojskowego“; брошюрѣ предпослано исполненное напыщенной риторики и латинскихъ цитатъ посвященіе тому же гетману Николаю Потоцкому. Второй выпускъ, посвященный сендомирскому кастелляну, Адаму Казановскому,носитъ слѣдующее заглавіе: "Kontynuacja dyaryusza wojennego, czułością I. W. hetmanów koronnych, ochotą cnego rycerstwa Polskiego nad zawziętymi, w uporze krzywoprzysięgłymi i swowolnymi, kozakami w roku 1638 odprawiona.“

Кромѣ названныхъ дневниковъ Симеонъ Окольскій издалъ нѣсколько сборниковъ проповѣдей и слѣдующія историческія сочиненія на латинскомъ и польскомъ языкахъ:

1) Orbis Polonus. (Описаніе гербовъ и генеалогій родовъ польскихъ дворянъ). Краковъ 1641.

2) Niebo ziemskie aniołów (житія монахинь Доминиканскаго ордена). Львовъ 1644.

3) Kioviensium et Czernihoviensium episcoporum ordo et numerus. Львовъ 1646. Второе изданіе въ польскомъ переводѣ. Краковъ 1853.

4) Russia florida (исторія доминиканскихъ монастырей, основанныхъ на Руси). Львовъ 1646.

5) Góra święta nad miasteczkiem Podkamieniem. Краковъ 1646.

Дневники походовъ противъ козаковъ мы предлагаемъ въ русскомъ переводѣ, составленномъ по новому ихъ изданію (Іосифа Туровскаго. Краковъ 1858). Одинъ изъ нихъ (дневникъ 1638 г.) былъ переведенъ козацкимъ лѣтописцемъ Самуиломъ Величкомъ и включенъ въ составъ его лѣтописи; онъ изданъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею вмѣстѣ съ интересными дополненіями, составленными какъ самимъ Величкомъ, такъ и позднѣйшимъ козацкимъ историкомъ (XVIII ст.) Стефаномъ Лукомскимъ[1]); впрочемъ въ виду важности дневника Окольскаго, который составляетъ самый обстоятельный и подробный источникъ для исторіи козацкихъ возстаній 1637 и 1638 года, а также въ виду того, что переводъ Величка составленъ весьма „не искусно" по выраженію самого автора, мы предлагаемъ переводъ обоихъ дневниковъ.

При составленіи перевода были устранены многія тирады, не относящіяся къ дѣлу, помѣщенныя Окольскимъ лишь для украшенія разсказа сообразно съ литературными вкусами его современниковъ, какъ-то: длинныя размышленія и моральныя сентенціи, цитаты изъ классическихъ писателей, сравненія описываемыхъ событій съ эпизодами исторіи греческой, римской и библейской, стихотворныя эпитафіи польскимъ воинамъ, павшимъ въ сраженіяхъ и т. п. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы сохранили эти излишнія прикрасы именно тамъ,

---

[1]) Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII ст. Симеона Величка томъ IV стр. 183—313.

гдѣ намъ казалось, что размышленія и сентенціи характеризуютъ личность и кругозоръ самого составителя дневниковъ. Въ переводѣ сокращены также перечни состава польской арміи, слишкомъ подробные, представляющіе иногда каталоги личныхъ именъ, не представляющихъ интереса при изученіи разсказанныхъ историческихъ событій; перечни эти сокращены нами по возможности съ сохраненіемъ только цыфръ, опредѣляющихъ численность отдѣльныхъ отрядовъ польской арміи.

Дневникъ 1637 года.

1) Какова была причина столкновенія коронныхъ войскъ съ козацкимъ гетманомъ Павлюкомъ.

Истинный сынъ короны, преданный отчизнѣ, который понимаетъ, сколь грозенъ бываетъ домашній врагъ особенно во время крестьянскихъ войнъ, видя причину этого смятенія, безъ сомнѣнія долженъ будетъ въ сокрушеніи оросить глаза свои слезами. По милости Божьей, благодаря счастью короля и бдительному начальству ясневельможнаго пана Николая Потоцкаго, брацлавскаго воеводы, гетмана польнаго короннаго, удалось минувшею осенью благополучно и въ большомъ военномъ порядкѣ удержать коронный лагерь подъ Лучинцемъ[1]) и наблюдать за войсками турецкими, молдавскими и волошскими, которыя цѣлое лѣто простояли на силистрійской границѣ со своими пашами и региментарями, однимъ глазомъ взирая на раздоры Гиреевъ и мурзъ, другимъ ядовито слѣдя за событіями въ Польшѣ. Потоцкому пришлось проявить много бдительности и осторожности въ то время, какъ татарскія войска, послѣ убіенія своихъ начальниковъ и султановъ, скитались въ количествѣ 15,000 человѣкъ въ коронныхъ степяхъ близъ Чечельника[2]) съ цѣлью отыскать для себя новыя безопасныя поселенія, чтобы не оставаться дольше въ зависимости и подъ началь-

---

[1]) Лучинецъ, мѣстечко на р. Неміи Подольской губ. Могилевскаго у.

[2]) Мѣстечко Ольгопольскаго у. Подольской губ.

ствомъ крымскихъ хановъ [1]). Значительное количество ихъ п. п. гетманы коронные препроводили въ Крымъ и отдали подъ власть ихъ собственныхъ государей. Зимнія квартиры для войска гетманъ коронный по волѣ короля назначилъ въ Польшѣ; но когда коронное войско, терпѣвшее въ лагерѣ обычный голодъ и дороговизну, уже обрадовано было этимъ распоряженіемъ, неожиданно за три дня до выступленія изъ лагеря получено было извѣстіе о новой войнѣ, угрожавшей со стороны Запорожья и заднѣпровскаго края. Непріятель, ни мало не страшась королевскаго могущества, не только лишилъ коронныя войска желаннаго покоя, но вновь поднялъ мятежную козацкую саблю, усмиренную было въ Куруковскомъ походѣ, угрожая всѣмъ польскимъ гетманамъ, сенаторамъ и самому королевскому величеству. Жестокій Марсъ избралъ своимъ орудіемъ козака Павла Михновича; самоувѣренность послѣдняго зависѣла отчасти отъ службы при татарскомъ ханѣ, котораго онъ вмѣстѣ съ козаками защищалъ противъ Кантемира, частью же отъ слѣпой фортуны, ибо ему, обвиненному вмѣстѣ съ Сулимою какъ бунтовщику, соначальнику и виновнику въ убіеніи нѣмецкихъ солдатъ съ ихъ капитаномъ Марьяномъ, а такъ же и во взятіи вновь укрѣпленнаго замка на Кодакѣ, удалось избѣгнуть казни въ Варшавѣ.

Павлюкъ съ толпою мятежнаго войска напалъ въ Корсунѣ на собственнаго начальника, старшаго войскъ Е. К. М. Запорожскихъ Василія Томиленка, котораго принудилъ уступить въ его пользу и гетманское достоинство, и войсковую артиллерію, и всѣ войсковыя регаліи. Но такъ все это онъ совершилъ безъ большого насилія, не желая заранѣе извѣщать атамановъ и всего войска, то нельзя вполнѣ оправдать и Василія, котораго можно было подозрѣвать въ соучастіи съ Павлюкомъ тѣмъ болѣе, что онъ отправилъ слѣдующее письмо изъ Канева къ полковнику переяславскому Саввѣ, отъ 25 іюня 1636 года:

---

[1]) Въ это именно время возгорѣлась вновь борьба между Кантемиромъ и крымскимъ ханомъ Инаетъ-Гиреемъ; послѣдній требовалъ переселенія Буджацкой орды въ Крымъ и разорилъ ея жилища между Аккерманомъ и Киліею; часть ногайскихъ татаръ искала убѣжища въ предѣлахъ Польши. (Смирновъ стр. 511—517).

Василій Томиловичъ, гетманъ войска Е. К. М. Запорожскаго. П. Савва Кононовичъ полковникъ! моею гетманскою властью и именемъ всего войска Запорожскаго строго предписываемъ вамъ поступить согласно постановленію первой рады нашей въ Черкасахъ, т. е. запасаться провіантомъ и прочими вещами и во всемъ быть готовыми къ войнѣ; а лишь только вамъ будетъ объявлено письменнымъ указомъ нашимъ, всѣ безъ исключенія обязаны явиться подъ угрозою нашей немилости и строгой кары войсковой. Федоръ Онушкевичъ, писарь войсковый.

Такимъ образомъ онъ приготовлялся къ войнѣ, между тѣмъ, какъ войны никакой не было. Очевидно, готовился онъ не противъ Павлюка, а въ его пользу противъ польскихъ пановъ; поэтому то онъ такъ легко уступилъ старшинство и заодно съ Павлюкомъ поднялся противъ коронныхъ пановъ. На томъ они и условились, а реестровые козаки, не желая терпѣть бунтовщика, поступили съ врожденною крестьянамъ хитростью; они избрали гетманомъ изъ среды реестровыхъ переяславскаго полковника, Савву Кононовича, котораго и представили черезъ своихъ пословъ краковскому кастеляну, какъ коронному гетману, подъ его покровительство и къ услугамъ Е. К. Милости. Павлюкъ вскорѣ узналъ о томъ и, считая себя опозореннымъ, рѣшился отомстить, а именно отрядилъ нѣсколько тысячъ войска, чтобы схватить и привести къ нему новоизбраннаго гетмана реестровыхъ козаковъ съ его приверженцами, чѣмъ поселилъ тревогу, замѣшательство и раздоры среди тѣхъ, которые оставались покорными речипосполитой. Поручивъ выполненіе этого замысла наиболѣе способнымъ ко злу полковникамъ, Карпу Скидану и Семену Быховцу, онъ далъ имъ на бумагѣ такое воззваніе.

Павелъ Михновичъ Бутъ, гетманъ съ войскомъ Е. К. М. Запорожскимъ. Пану атаману переяславскому и всему товариству, черни, т. е. поспольству и всей братіи нашей навсегда желаемъ отъ Бога добраго здоровья. Милостиво объявляю своимъ вѣрнымъ и благорасположеннымъ товарищамъ, что я съ разрѣшенія и по приказу войска, не смотря на большія затрудненія войсковыя, посылаю

къ вамъ въ Переяславъ двухъ полковниковъ: пана Карпа Павловича Скидана и пана Семена Быховца, а съ ними войска Е. К. М. Запорожскаго нѣсколько тысячъ. О чемъ Ваши Милости, какъ вѣрные товарищи наши, не тревожьтесь, но пожалѣйте себя и приставайте къ этимъ полковникамъ; что же касается тѣхъ измѣнниковъ войску, сколько бы ихъ ни оказалось у васъ, которымъ давались обѣды, ужины и бенкеты у п. Жолкевскаго и которые за то выдали ему нашихъ товарищей, такъ что многимъ изъ нихъ отрѣзали уши, а самихъ отправили въ Гадячъ строить валы,—этихъ измѣнниковъ не возбраняйте ловить и препровождать къ войсковой гарматѣ, гдѣ они должны будутъ представить необходимыя объясненія. Вы же, паны атаманы, не тревожьтесь о томъ, а также не велите тревожиться своимъ товарищамъ и панамъ мѣщанамъ, но окажите помощь противъ этихъ измѣнниковъ, причинившихъ такъ много зла. Будьте единодушны и, сплотившись всѣ вмѣстѣ, приходите съ п.п. полковниками къ войску, а тамъ уже обдумаемъ для себя все наилучшее. Если королю Е. М. понадобится войско для какой нибудь услуги, будемъ всѣ въ готовности и согласіи. Но если бы, сохрани Богъ, Ваши Милости пожелали защищать тѣхъ предателей и не захотѣли сами присоединиться къ войску, то мы со всѣми своими силами, со всѣмъ войскомъ и артиллеріею двинемся къ Переяславу и тогда увидимъ, будетъ ли кто защищать нашихъ измѣнниковъ. Итакъ вторично просимъ васъ и строго на строго приказываемъ именемъ войска, не осмѣливайтесь защищать тѣхъ измѣнниковъ, но какъ можно скорѣе выступайте съ нашими полковниками къ войску и артиллеріи. Затѣмъ поручаемъ васъ милости Божьей.— Данъ въ Крыловѣ августа 12 дня 1637 года.

Мятежники противъ короля и речипосполитой совершили преступленіе съ такою же быстротою, съ какою оно было задумано: схватили гетмана или старшаго войска Запорожскаго, его писаря и много другой лучшей старшины въ Переяславѣ и выдали Павлюку, ожидавшему ихъ въ Боровицѣ, мѣстечкѣ князя Вишневецкаго. Получивъ арестованныхъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ, онъ безъ всякаго милосердія и почета свирѣпо казнилъ ихъ на равнинѣ передъ

городомъ; гетмана съ войсковымъ писаремъ разстрѣлялъ, прочихъ предалъ инымъ казнямъ, а имущество ихъ отдалъ на разграбленіе. Хотя они въ сознаніи своей невинности взывали къ Богу объ отмщеніи, но Павлюкъ, не обращая вниманія на то и не удовлетворяясь столь тяжкимъ преступленіемъ и жестокостью, но опасаясь, чтобы не поднялись противъ него новыя толпы, составилъ три замысла одинъ другого хуже. 1) Задумалъ самъ изъ Украины выѣхать на Запорожье; 2) оставить вмѣсто себя полковниковъ, расположенныхъ къ нему и сочувствующихъ его жестокимъ намѣреніямъ; 3) казнить всѣхъ лицъ къ нему не расположенныхъ.

Но Богъ въ своей справедливости обыкновенно разрушаетъ богопротивные и вредные для общества замыслы; поэтому переяславскій реестровый товарищъ, Ильяшъ Караимовичъ, донесъ о злодѣйскихъ успѣхахъ бунтовщика и подстрекателя краковскому кастеляну, великому коронному гетману и тутъ же выдалъ Его Милости двухъ мятежныхъ козаковъ, Смоляху и Ганжу, которыхъ Павлюкъ отрядилъ было для его поимки. Эти послѣдніе сообщили обширныя свѣдѣнія о ходѣ преступленія, о скопищахъ бунтовщиковъ, нападеніяхъ на жилища какъ шляхтичей, такъ и козаковъ, о великомъ смятеніи на Украинѣ и по ту сторону Днѣпра, объ опасности, грозящей шляхетскимъ дворамъ и даже городамъ; о томъ, что многіе бѣжали изъ своихъ имѣній, многіе подверглись нападенію и ограбленію въ своихъ замкахъ и что впредь можно было опасаться еще худшаго: огонь угрожаетъ костеламъ, сабля ксендзамъ и монахамъ; возставшіе намѣреваются соединиться съ донскими козаками и татарами, признать власть московскаго царя, сдѣлать набѣгъ на турецкое государство, для чего уже приготовлено 50 лодокъ. Они перечислили и много другихъ преступныхъ замысловъ, но все предотвратилъ заботливый гетманъ и прежде всего разослалъ слѣдующій универсалъ къ реестровымъ козакамъ:

Станиславъ на Конецполѣ Конецпольскій, кастелянъ краковскій, гетманъ великій коронный, староста русскій, барскій, ковельскій, переяславскій и пр.

Всѣмъ Ихъ Милостямъ п.п: старостамъ, державцамъ, подстаростамъ, намѣстникамъ и урядникамъ украиннымъ объявляемъ. Получивъ извѣстіе, что не смотря на присягу, вѣрность и повинность свою по отношенію къ маестату Е. К. М., нѣкоторые мятежники затѣяли бунтъ въ войскѣ Е. К. М. Запорожскомъ и, позорно казнивъ свою старшину, собираютъ къ себѣ множество своевольнаго народа, чтобы помѣшать ихъ успѣху, взываю къ вамъ именемъ Е. К. М., чтобы вы тѣхъ, которые присоединились уже къ скопищамъ бунтовщиковъ, если бы они въ теченіи двухъ недѣль не покаялись и не возвратились къ повиновенію, не считали козаками, но лишивъ ихъ всѣхъ вольностей, предоставленныхъ козакамъ реестровымъ, исполняющимъ свои обязанности, старались арестовать и отсылать ко мнѣ. Если бы Ваши Милости не могли задержать ихъ, то вы должны распространить кары на ихъ женъ и дѣтей и разрушить ихъ домы, ибо лучше, чтобы на тѣхъ мѣстахъ росла крапива, нежели размножались измѣнники Е. К. М. и речипосполитой. Данъ въ Барѣ 3 Сентября 1637 года.

Затѣмъ Е. М. кастелянъ краковскій употребилъ другую мѣру милосердія: онъ послалъ отъ себя пословъ къ самому мятежнику Павлюку на Украину, п. Петра Коморовскаго, ротмистра козаковъ Е. К. М., хорошо знакомаго съ украинскими селами и козацкимъ образомъ дѣйствій и п. Сокола, исправлявшаго должность ротмистра великопольской пѣхоты. Они нашли Павлюка въ Чигринѣ, долго и старательно уговаривали и убѣждали его именемъ великаго коронпаго гетмана и речипосполитой оставить свои замыслы, ясно указывая на послѣдствія, такъ какъ дѣло могло привести къ лишенію ихъ всѣхъ вольностей, чести, имущества и къ уничтоженію на вѣчныя времена самаго имени запорожскихъ козаковъ за ихъ вѣроломство и оскорбленіе Е. К. М. и речипосполитой. Но властолюбіе совершенно ослѣпило хлопа; онъ возражалъ, что войско справедливо покарало Савву, избраннаго въ гетманы, что самъ онъ принялъ старшинство, уступая лишь принужденію, однако не хотѣлъ сложить власти; выражалъ желаніе, чтобы представился случай послужить королю и речипосполитой, но прибавилъ, что для этого необходимо

будетъ получить отъ правительства знамена и бубны; наконецъ онъ съ своей стороны высокомѣрно отрядилъ пословъ къ великому коронному гетману, но не согласился ни отступить, ни отказаться отъ своихъ злыхъ замысловъ. Отпустивъ пословъ краковскаго кастеляна, Павлюкъ назначилъ отъ себя полковниковъ, которымъ приказалъ набирать какъ можно больше войска изъ среды крестьянъ, нерасположенныхъ же къ нему реестровыхъ истреблять. Чернь, бездѣльные крестьяне, не внесенные въ списки и непокорные изъ реестровцевъ, весьма довольные случаемъ, быстро образовали отряды, которые нападали на шляхетскіе дома, города и замки въ украинныхъ помѣстьяхъ князя Іереміи Вишневецкаго, возмущали крестьянъ противъ ихъ собственныхъ пановъ, оскорбляли уряды, запрещая повиноваться послѣднимъ, а тѣмъ крестьянамъ, которые когда-либо состояли въ козакахъ, приказывали снова вступать въ ихъ ряды, требуя подъ угрозою, чтобы ихъ паны не препятствовали имъ въ томъ. Привожу какъ памятный документъ письмо, писанное ими къ пану подкоморію черниговскому, старостѣ носовскому.

Ясневельможный М. П., панъ подкоморій черниговскій. Свидѣтельствуя вамъ благорасположеніе нашего войска и готовность къ услугамъ, пишу относительно товарищей войска Запорожскаго, проживающихъ въ Дѣвицѣ, имѣніи В. М., чтобы они, продавши свое имущество, какъ можно скорѣе прибыли къ войску, чего имъ не возбраняйте, ибо они отбывали службу королю Е. М., а между тѣмъ не вольны распорядиться своимъ имуществомъ. Полагаю, что В. М. ни въ чемъ не будете чинить имъ препятствій и не станете удерживать ихъ, а я и войско готовы будемъ вознаградить за это.— Данъ въ Чигринѣ 6 Ноября 1637 г. Карпъ Павловичъ Скидапъ, полковникъ войска Е. К. М. Запорожскаго въ цѣлой Украинѣ.

Много такихъ писемъ послано было и къ другимъ державцамъ. Иныхъ брали силою, наѣзжая съ хоругвями на города, другимъ оставляли въ домахъ палки и костыли вмѣсто ружей, инымъ приказывали готовить для себя постой, доставлять одежду, сабли, порохъ, свинецъ и лошадей. Но такъ какъ вольной шляхтѣ невыносимо было терпѣть это отъ своихъ подданныхъ, то ихъ сбывали

обычною политикою—проволочками и обѣщаніями; впрочемъ съ грубыми хлопами, неспособными къ политикѣ, никакое ораторство не поможетъ. Вслѣдствіе возмущенія своихъ подданныхъ, Мурка и Носка п. подкоморій черниговскій, а п. староста остерскій изъ-за Коростеля и Пирога, (хотя богатые и предусмотрительные паны) принуждены были для спасенія жизни оставить свои имѣнія и уходить проселочными дорогами. Также поступили и прочіе паны особенно въ Вишневеччинѣ, ибо лучше лыковая жизнь, нежели шелковая смерть; но отъ такого хлопства не дождешься и смерти шелковой, а напротивъ лишь исполненой всяческаго позора и тиранства.

Возстаніе это продолжалось отъ іюня до самаго декабря, постоянно усиливаясь. Шляхта и помѣщики, находясь въ столь затруднительномъ положеніи, неоднократно обращались съ просьбами о помощи къ п. краковскому кастеляну и при его посредствѣ къ самому королю, пока наконецъ 2 ноября не былъ полученъ королевскій отвѣтъ, повелѣвавшій всѣмъ коронным войскамъ вступить въ Украину для погашенія пожара, т. е. для усмиренія возстанія и бѣшенства крестьянъ; тамъ же назначены были и зимнія квартиры для войска. П. кастелянъ краковскій сообщилъ войску королевскую волю черезъ посредство польнаго гетмана, но жолнерамъ весьма непріятно было идти зимою такъ далеко и поспѣшно, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ лагерной жизни, да къ тому же не получивъ жалованья. Однако же они принуждены были, хотя и противъ воли, раздѣлиться на полки, которые начали выступать изъ лагеря 7 ноября и двинулись отъ Днѣстра къ Днѣпру, ибо на войнѣ власть и руководство принадлежатъ начальникамъ, а не солдатамъ и послѣдніе по долгу службы принуждены повиноваться.

Не смотря на знаніе долга, мужество и преданность отечеству, солдаты взирали на новый походъ не вполнѣ благосклоннымъ окомъ. Иные, наученные опытомъ въ походахъ подъ Куруковъ и Медвѣжьи Лозы и неоднократными сраженіями подъ Переяславомъ, припоминали, что война съ этими мятежниками не такъ-то легка, кратковременна и безопасна. Другіе вспоминали недавнюю сеймовую конституцію, въ силу которой ихъ должны были распустить изъ лагеря. Иные раньше

еще заявили п. гетману польному въ генеральномъ колѣ черезъ посредство п. Гнѣвоша, выходя изъ лагеря, что не намѣрены служить дальше истекшей четверти и теперь повторяли это рѣшеніе. Итакъ вообще ожидалось, что 2 декабря случится нѣчто важное, непріятное для п.п. гетмановъ, вредное и опасное для отечества. Упоенное мечтами выступало войско изъ своего лагеря къ Бѣлой Церкви

2) Перечень полковъ, выступившихъ изъ лагеря къ Днѣпру.

1) Полкъ кастеляна краковскаго подъ начальствомъ п. старосты хмѣльницкаго, Николая Стогнѣва; маршрутъ на Винницу, Погребище, Бѣлополье: гусаръ четыре хоругви, козаковъ четыре хоругви, драгунъ три эскадрона.

2) Полкъ п. гетмана польнаго, предводитель п. Мочарскій, за отсутствіемъ же его п. Лувчицкій, стражникъ войсковый; маршрутъ на Литинъ, Острожекъ, мимо Махновки: гусаръ 6 хоругвей, козаковъ пять хоругвей, драгунъ два эскадрона.

3) Полкъ п. Казановскаго, старосты богуславскаго и писаря польнаго короннаго, подъ его личнымъ предводительствомъ двигался влѣво отъ Бѣлой Церкви на Тывровъ и Липовецъ: гусаръ четыре хоругви, козаковъ четыре хоругви, драгунъ два эскадрона.

4) Полкъ п. Станислава Потоцкаго, воеводича брацлавскаго, который также лично велъ его на Звенигородку, Бушу, Буки, мимо Брацлава: гусаръ три хоругви, козаковъ три, драгунъ одинъ эскадронъ.

Таковъ былъ распорядокъ войскъ, пока всѣ они не сошлись вблизи Бѣлой Церкви. Тамъ п. польный гетманъ обѣщалъ короннымъ войскамъ посовѣтоваться и условиться съ великимъ короннымъ гетманомъ относительно дальнѣйшихъ движеній; съ этою цѣлью онъ трижды ѣздилъ въ Баръ и, уразумѣвъ предположенія великаго короннаго гетмана и речипосполитой, постановилъ просить короля о присылкѣ жалованья для успокоенія короннаго войска. Назначивъ время сбора, польный гетманъ 23 ноября выѣхалъ къ войску изъ Летичева, имѣя при себѣ переяславскаго козака, Ильяша Караимо-

вича, съ нѣсколькими товарищами, людей хорошо ознакомленныхъ съ запорожскимъ войскомъ и помнящихъ свою присягу на вѣрность королю и речипосполитой; они-то и сообщали гетману, гдѣ именно проживали зачинщики бунтовъ, какъ было-бы удобнѣе овладѣть ими, какъ скоро могли-бы они соединиться между собою, гдѣ находится ихъ артиллерія, каковы были урожаи въ Приднѣпровьи и т. д. Своимъ искреннимъ поведеніемъ Караимовичъ снискалъ большое расположеніе польнаго гетмана. Прибывши 26 ноября въ Билиловку, гетманъ обратился къ реестровымъ козакамъ съ слѣдующимъ универсаломъ.

Николай изъ Потока Потоцкій, воевода брацлавскій, гетманъ польный коронный, генералъ подольскій, староста каменецкій, летичевскій, пѣжинскій и пр.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности н.н. полковникамъ, ассауламъ, сотникамъ, атаманамъ и всѣмъ войска Е. К. М. Запорожскаго козакамъ, въ реестрѣ Е. К. М. состоящимъ и соблюдающимъ вѣрность и должное повиновеніе маестату Е. К. М., вѣдомо вамъ чиню, что я съ войскомъ Е. К. М. выступаю съ цѣлью усмирить ваше своеволіе и принудить васъ повиноваться маестату Е. К. М., а также покарать тѣхъ, кто будетъ упорствовать. Вѣдайте объ этомъ вы, реестровые и розыщите среди себя тѣхъ, которые нарушили присягу и безвинно пролили кровь старшихъ своихъ, для того чтобы они получили достойное возмездіе. Знайте, что въ противномъ случаѣ острая сабля королевскихъ войскъ уничтожитъ ваши мастности, вашихъ женъ, дѣтей, имущество и самую жизнь. Соберитесь при войскѣ Е. К. М. и тамъ будетъ для васъ назначенъ старшій, который сохранитъ вѣрность Е. К. М. Вторично напоминаю, чтобы не реестровые не имѣли съ вами ничего общаго; если же они находятся среди васъ, то симъ приказываю, чтобы старосты и ихъ намѣстники таковыхъ арестовали, въ чемъ вы должны оказывать имъ содѣйствіе. Я полагалъ, что вы уже образумились, получивъ универсалы Е. М. п. кастеляна краковскаго, но вѣроятно кто либо изъ мятежниковъ скрылъ ихъ отъ васъ; потому, приблизившись къ вамъ, посылаю этотъ новый универсалъ.—Данъ въ Билиловкѣ 26 ноября 1637 г.

На слѣдующій день гетманъ отбылъ въ Паволочь, давая знать по всѣмъ полкамъ о своемъ приближеніи къ Бѣлой Церкви, гдѣ разсчитывалъ издать приказъ о наступленіи на непріятеля. Но вдругъ неожиданно прибылъ туда п. Голецкій, товарищъ изъ хоругви п. старосты ланцкоронскаго, съ отказомъ дальнѣйшей службы отъ имени всей хоругви, объявляя, что они по окончаніи текущей четверти не намѣрены служить дальше. П. гетманъ польный убѣждалъ ихъ вѣскими доводами; распрашивалъ, не имѣютъ-ли они какой либо особой претензіи къ нему лично, не отвлекаетъ-ли ихъ какое нибудь несвоевременное намѣреніе или какія либо частныя соображенія; но все это не должно бы имѣть мѣста въ такое время для сыновъ короны, ибо общественное благо и польза отечества должны имѣть перевѣсъ надъ всѣми частными интересами. Но товарищъ твердилъ лишь одно, что солдаты, дослуживши свою четверть, не хотятъ служить далѣе. П. гетманъ надѣялся впрочемъ отъ столь порядочной компаніи, что если другія хоругви окажутъ готовность къ службѣ, то и она, помня свою честь и заслуги, не допуститъ опередить себя, не станетъ мешкать или уклоняться. И точно она вскорѣ участвовала въ дѣлѣ, при чемъ раненъ выстрѣломъ п. Голецкій; самъ п. гетманъ спасалъ его на полѣ битвы, но рана его была весьма тяжкая и онъ вскорѣ умеръ, покрывши себя и свой родъ безсмертною славою. Гетманъ переждалъ одинъ день въ Паволочи, чтобы дать возможность подойти болѣе отдаленнымъ хоругвямъ и двинулся на слѣдующій день къ Бѣлой Церкви, но посольство Голецкого день и ночь звучало въ его памяти; не трудно было сообразить, что должно было произойти перваго декабря съ восходомъ солнца къ огорченію гетмановъ, а за ними и всей речипосполитой. Но вотъ гетманъ уже вступаетъ въ Бѣлую Церковь; посмотримъ, какъ примутъ его козаки.

3) Какъ запорожскіе козаки встрѣтили польнаго гетмана въ Бѣлой Церкви.

Подступая къ Бѣлой Церкви, главному центру окрестныхъ козаковъ и ихъ полковниковъ, гетманъ польный послалъ

впередъ хоругвь п. краковскаго кастеляна вмѣстѣ съ отрядомъ коронной артиллеріи; они овладѣли городомъ безъ сопротивленія, (хотя въ немъ находилось много шпіоновъ козацкихъ) и на слѣдующій день выѣхали въ поле на встрѣчу п. гетману. Въ виду приближенія польнаго гетмана съ войскомъ, часть козаковъ и обывателей бѣлоцерковскихъ присоединились къ возстанію и ушли въ Черкасы къ бунтовщикамъ, не желая ожидать на мѣстѣ прихода гетмана. Тѣже, которые оставались покорными, числомъ болѣе двухсотъ всадниковъ, выѣхали на встрѣчу гетману за милю отъ города и, спѣшившись, стали „лавою" въ разстояніи полета стрѣлы отъ гетманской кареты; полковники прежній и новый, Ячипенко и Клиша, съ прочею старшиною, всего около восьми человѣкъ, приблизившись къ каретѣ отдали гетману земной поклонъ и поздравили съ благополучнымъ пріѣздомъ, отдавая себя при этомъ на его милость и въ его распоряженіе. Гетманъ благодарилъ за такую вѣрность королю и речипосполитой, а за соблюденіе разъ принесенной присяги принялъ ихъ милостиво, обѣщая дать охранные универсалы на имущество и освободить ихъ отъ солдатскихъ постоевъ и поборовъ. Такимъ образомъ покорность бѣлоцерковскихъ козаковъ въ значительной мѣрѣ разсѣяла печальное настроеніе, овладѣвшее гетманомъ въ Паволочи, вслѣдствіе отказа солдатъ отъ службы.

Еще больше придалъ ему бодрости п. стражникъ коронный [1]), староста каневскій и овруцкій, который, прибывши для собесѣдованія съ п. гетманомъ, не пожелалъ уже возвращаться домой, но остался при Е. М. и поспѣшилъ послать за своею надворною гвардіею, состоявшею изъ 500 всадниковъ молдаванъ, татаръ и вѣрныхъ козаковъ подъ начальствомъ п. Турейского.

Сверхъ того усилило бодрость и надежду доброе извѣстіе, полученное отъ корсунскихъ козаковъ, которые, узнавши о приближеніи коронныхъ войскъ, выслали къ гетману подстаросту п. Пржеджымирскаго съ заявленіемъ о томъ, что они не намѣрены приставать

---

[1]) Самуилъ Лацъ.

къ мятежникамъ: „Только бездѣльники, говорили они, стремятся къ своеволію, мы же, реестровые, помнимъ свою присягу; пусть только Е. М. ускоритъ наступленіе для того, чтобы наши намѣренія не были разрушены какимъ либо постороннимъ бунтомъ или массовымъ движеніемъ“. Мнѣніе это вполнѣ справедливо и основательно; слѣдовало быстро наступать, чтобы не допустить ихъ сплотиться и не оставлять за собою непріятеля. Это правило особенно важно въ борьбѣ съ козацкими возстаніями, которыя быстро разливаются и охватываютъ всю Украину и Заднѣпрянщину. Тамъ Скиданъ, бывшій какъ бы польнымъ гетманомъ козацкимъ, разсылалъ безстыдные универсалы, изъ которыхъ два привожу для примѣра:

Карпъ Павловичъ Скиданъ, полковникъ войска Е. К. М. Запорожскаго, поставленный надъ цѣлою Украиною. Товарищамъ нашимъ, п.п. атаманамъ городовымъ, козакамъ войска Е. К М. Запорожскаго, проживающимъ въ Заднѣпровьи, всѣмъ вообще и всему посполиству и братіи нашей, проживающимъ тамъ же, душевно желаемъ отъ Бога добраго здоровья. Объявляемъ вамъ, товарищамъ нашимъ, что получено извѣстіе о рѣшительныхъ замыслахъ жолнеровъ, которые навѣрно уже собираются къ намъ на Украину, въ чемъ Господь да не поможетъ имъ. Поэтому я, силою своей власти и именемъ войска, приказываю и подтверждаю, чтобы В. М. не оставались въ безпечности, но, запасшись лошадьми, хлѣбомъ и оружіемъ, были въ готовности противустать какъ подобаетъ рыцарямъ на этихъ притѣснителей вѣры нашей греческой, когда укажетъ необходимость. А В. М. п.п. атаманы, взявши съ собою по нѣсколько человѣкъ товарищей, чтобы непремѣнно и неуклонно прибыли на раду въ назначенное для того мѣсто въ Мошны, на будущей недѣлѣ, т. е. на 29 октября, подъ угрозою войсковой кары. Собравшись тамъ на раду, будемъ совѣщаться, какъ бы все обратить къ доброй славѣ и пользѣ нашей. Затѣмъ поручаемъ васъ Господу Богу.—Данъ въ Чигринѣ 24 октября 1637 г.—Романъ Поповичъ, писарь войсковый, рукою власною.

Другой универсалъ, посланный въ Корсунь и Стебловъ 29-го ноября:

Товарищамъ нашимъ И. М. п.п. атаманамъ реестроваго войска Е К. М. Запорожскаго, посполыству и братьямъ нашимъ любезнымъ, проживающимъ въ Корсунѣ и Стеблевѣ, желаемъ отъ Господа Бога добраго здоровья. Мы неоднократно писали Вашимъ Милостямъ, товарищамъ нашимъ о томъ, чтобы В. М. собрались ко мнѣ во время бытности моей въ Корсунѣ и теперь просимъ и подтверждаемъ именемъ всего войска, чтобы тѣ, кто называетъ себя товарищами нашими, снаряжались конно или пѣшкомъ и памятуя славу нашу рыцарскую, права и вольности наши, явились добровольно и въ согласіи, какъ дѣлали наши предки по приказу старшаго. И васъ, товарищей нашихъ, просимъ и убѣждаемъ собраться здѣсь въ Мошнахъ, конно или пѣшими по желанію каждаго, для того чтобы храбро дать отпоръ непріятелямъ нашимъ, какъ того требуетъ необходимость и чтобы мы всѣми силами возстали противъ этихъ душмановъ нашихъ и враговъ вѣры нашей. Если же вы охотно исполните это, то навѣрно будете содѣйствовать чести, славѣ и пользѣ нашей, о чемъ и вторично просимъ и приказываемъ подъ опасеніемъ смертной казни. Затѣмъ поручаемъ васъ Господу Богу. — Данъ въ Мошнахъ 29 ноября, 1637 года.

Этотъ Скиданъ поступалъ такъ хитро, что разсылая такіе мятежные и отвратительные универсалы, одновременно съ тѣмъ отправилъ къ гетману посольство съ письмомъ отъ 30 ноября, объясняя, что Е. К. М. и речипосполитой ложно донесено, будто козаки подымаютъ бунты, составляютъ шайки, нападаютъ на замки и шляхетскіе дома, что самъ онъ всего съ нѣсколькими товарищами съѣхались въ Корсунь для совѣщанія. Не зналъ того бездѣльникъ, что п. подкоморій черниговскій послалъ уже докладъ о его преступныхъ дѣяніяхъ, что п.п. Коленда и Нараевскій, у которыхъ все было разграблено, плакали передъ п. гетманомъ польнымъ, а многіе другіе жаловались письменно. Не напрасно просили корсунскіе козаки п. гетмана о быстромъ наступленіи, ибо на войнѣ вообще, а въ особенности въ войнѣ съ козаками, необходимы искусство и быстрота; но самъ Ахилесъ съ Одиссеемъ едва ли могли-бы помочь

въ такомъ дѣлѣ, когда солдатъ, защитникъ отечества, подымаетъ оружіе не противъ врага, но противъ самой отчизны. Наступало 1 декабря, начиналась конфедерація, любовь къ отечеству ослабѣвала, а вмѣсто нея начиналъ господствовать духъ возмущенія.

4) *Начало войсковой конфедераціи.*

Хотя срокъ службы еще не истекъ и почти всѣ должны еще были дослуживать нѣсколько дополнительныхъ недѣль, но уже съ перваго декабря на глазахъ гетмана разсылаютъ по полкамъ и хоругвямъ листки, созывающіе всѣхъ поручиковъ и товарищей въ Хвастовъ на 4 декабря; товарищи не обращаютъ вниманія на своихъ поручиковъ и ротмистровъ; послѣдніе не оказываютъ никакого почтенія гетману, объ отечествѣ и достоинствѣ Е. К. М. даже и не думаютъ. У всѣхъ одна мысль и одно желаніе: „мы не невольники, не хотимъ служить дальше и сами потребуемъ заслуженной платы“. Однако п. гетманъ польный, какъ-бы не зная о томъ, разрушаетъ это намѣреніе новымъ приказомъ о дальнѣйшемъ наступленіи на непріятеля, который въ большомъ числѣ началъ собираться около Чигрина, Корсуня и на Заднѣпровьи. Но жолнеры въ свою очередь нарушаютъ это распоряженіе новымъ предписаніемъ, которое можетъ быть изображено не перомъ и чернилом, а кровью, оружіемъ и мятежомъ; подъ предлогомъ новаго приказа они какъ можно скорѣе созываютъ всѣхъ въ Хвастовъ на 4 декабря. П. стражникъ войсковый, развозившій этотъ приказъ по полкамъ, замѣтивъ, что жолнеры спѣшатъ въ Хвастовъ для бунта и конфедераціи, а не для исполненія приказа относительно похода, въ полночь выѣхалъ изъ Хвастова, не ожидая дальнѣйшаго ихъ совѣщанія и не желая присутствовать на совѣтѣ нечестивыхъ, враждебномъ отчизнѣ и гетманамъ, но весьма выгодномъ для внутренняго непріятеля. Но такъ какъ обыкновенно скорѣе одинъ можетъ склонить ко злу, нежели десять къ добру, то они составили совѣтъ въ Хвастовѣ въ квартирѣ поручика хоругви покойнаго короннаго канцлера, куда проникли толпою. Тамъ единогласно рѣшено поднять конфедерацію, уклониться отъ дальнѣйшаго похода и настаивать на объявленномъ подъ Лу-

чинцемъ отказѣ отъ службы, а по возвращеніи въ Польшу, на глазахъ короля овладѣвши его экономіями и имѣніями, всѣмъ сообща и заодно домогаться заслуженной платы. Встревоженные полковники тотчасъ донесли п. гетману о такомъ разладѣ и сами поспѣшили для совѣщанія о томъ, что предпринять. Видя, какъ велика грозящая отечеству опасность какъ вслѣдствіе приближенія непріятеля, такъ и вслѣдствіе намѣренія жолнеровъ идти вглубь Польши, п. гетманъ польный постарался немедленно пресѣчь бѣдствіе въ корнѣ: 5 декабря онъ послалъ въ Хвастовъ п.п. Мочарскаго, ротмистра рейтарской хоругви Е. К. М. и ротмистра Коморовскаго, которые поспѣшно прибыли, но были допущены въ коло [1]) лишь послѣ продолжительныхъ преній. Солдаты съ упорствомъ отстаивали разъ принятыя намѣренія, признавая ихъ справедливыми. Одни заявляли, что, не имѣя договора относительно дальнѣйшей службы, они не обязаны продолжать ее и гетманъ не въ правѣ принудить ихъ къ тому своею властью, ибо въ силу сеймовой конституціи они завербованы только до 1 декабря; другіе утверждали, что если они будутъ продолжать службу безплатно, то очутятся въ положеніи нищихъ и бродягъ, которымъ нѣгдѣ разсѣдлать коня. Иные признавали не нужнымъ выступленіе за Днѣпръ, утверждая, что никакого непріятеля тамъ нѣтъ; иные, наконецъ, видя по выступленіи изъ лагеря, что край пострадалъ отъ неурожая, послѣ котораго люди ѣдятъ хлѣбъ съ дубовыми листьями и отрубями, опасались впереди еще большаго голода. Велики были ихъ стремленія и требованія. Посланные къ нимъ польнымъ гетманомъ офицеры стали обсуждать ихъ положенія; они доказывали, что никогда коронное рыцарство не бывало такъ безчувственно, чтобы оставлять службу въ самый моментъ наступленія непріятеля и думать больше о полученіи жалованья, нежели о безсмертной славѣ. Въ наступленіи непріятеля удостовѣ-

---

[1]) Коломъ называлось общее собраніе войсковыхъ товарищей, собиравшееся при началѣ войсковой конфедераціи, которое предъявляло правительству свои требованія и въ случаѣ неисполненія ихъ отрѣшало прежнихъ начальниковъ и выбирало другихъ.

ряютъ многочисленныя письма, полученныя какъ изъ Украины, такъ и изъ Заднѣпровья; что-же касается постановленія сейма относительно роспуска войскъ, то п.п. гетманы готовы были-бы согласиться съ этимъ, если бы не случилась столь крайняя нужда для государства. Если же дѣло идетъ о жалованіи, то оно никогда еще не пропадало для солдатъ и каждый получитъ слѣдуемое; поэтому п. гетманъ польный проситъ, чтобы всѣ обратили больше вниманія на ту честь, которую уже заслужили для себя и своихъ фамилій, нежели на незначительную отсрочку въ уплатѣ жалованья; притомъ же, оставить гетмана въ такой моментъ, значило-бы выказать крайнее нерасположеніе къ тому, кто для блага рыцарства на всякомъ мѣстѣ рисковалъ собственною жизнью.

Тогда, желая избѣгнуть обвиненія въ безчувственности, они дали посламъ приватный отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что если они уже такъ далеко зашли съ п. гетманомъ, то готовы служить еще три недѣли, но только подъ начальствомъ тѣхъ лицъ, которыхъ сами выберутъ. Такъ какъ многіе поручики и товарищи не присутствовали въ колѣ, другіе-же хотя и были, но не знали зачѣмъ созваны и не столковались съ братіею, то поговаривали о томъ, чтобы составить новое коло. Всѣ согласились въ томъ, чтобы не обижать прочихъ хоругвей и назначили другое коло въ Рокитной на 9 декабря. Послы принесли п. гетману рѣшенія Хвастовской рады, весьма встревожившія Е. М., но тотчасъ прибыла почта отъ п. кастеляна краковскаго съ извѣстіями, въ значительной мѣрѣ успокоившими эту тревогу: 1) Король предлагалъ дальнѣйшую службу съ 1 декабря и приказывалъ составить списки хоругвей. 2) Жалованье всѣмъ войскамъ за одну четверть уже прислано въ Баръ, остальное также вскорѣ будетъ получено. 3) Великій коронный гетманъ получилъ отъ нѣкоторыхъ хоругвей удостовѣреніе въ томъ, что онѣ никогда не будутъ участвовать въ конфедераціи и просилъ польнаго гетмана поддержать это настроеніе, пользуясь своимъ вліяніемъ и любовью войскъ. 4) Великій коронный гетманъ отослалъ обратно къ Павлюку его пословъ съ предложеніемъ хорошо уразумѣть статьи Куруковскаго договора, для чего послалъ имъ копію, а тѣхъ бунтовщиковъ, за

которыхъ они ходатайствовали и которые предводительствовали въ морскихъ походахъ: Смоляху и Ганжу, онъ приказалъ обезглавить.

Подобныя извѣстія были весьма утѣшительны какъ въ мирное, такъ и въ военное время для добраго воина, любящаго свое отечество; поэтому ротмистры радовались безопасности короля и речипосполитой и надѣялись, что такими мѣрами удастся можетъ быть успокоить начинающееся волненіе среди рыцарства. Получивъ извѣстіе о томъ, п. писарь войсковый, п. староста богуславскій и п. Адамъ Казановскій, ротмистръ и секретарь Е. К. М. поспѣшили къ гетману въ Бѣлую Церковь, куда съѣхались и другіе поручики, какъ-то: воеводы русскаго, воеводы подольскаго, гетмана польнаго и другихъ; всѣ они увѣряли, что не думаютъ о конфедераціи, но готовы подчиниться всѣмъ распоряженіямъ гетмана. Тогда Е. М. порѣшилъ лично присутствовать на вновь организованной радѣ въ Рокитной. Между тѣмъ козаки, пользуясь происшедшими неурядицами, схватили нѣсколько человѣкъ товарищей, отъ которыхъ узнали объ этихъ несогласіяхъ и о конфедераціи, послѣ чего ободрились, сдѣлались смѣлѣе, а народъ скорѣе и охотнѣе присоединялся къ нимъ.

Итакъ п. гетманъ ожидалъ 8 декабря, чтобы двинуться изъ Бѣлой Церкви въ Рокитну, но въ ту же ночь его постигъ припадокъ подагры, который все болѣе и болѣе усиливался, не позволяя встать на ноги и сильно мучилъ его. Не смотря на то, онъ разослалъ новые универсалы въ козацкіе города: Каневъ, Корсунь и Черкасы, затѣмъ выслалъ подъѣздъ къ непріятельскимъ отрядамъ, находившимся подъ командою Коростоля и Мурка, поручивъ межирицкому подстаростѣ Солоницкому, слугѣ п. стражника коронного, развѣдать о состояніи козацкой артиллеріи, о ихъ гетманѣ и движеніяхъ. Такъ какъ болѣзнь его не унималась, то онъ приказалъ внести себя въ карету и все-таки отправился въ Рокитну, куда прибылъ 8 декабря

5) Разсужденія и результаты совѣщаній второго кола зарождавшейся войсковой конфедераціи.

П. гетманъ польный склонилъ рыцарство составить совѣтъ гдѣ-нибудь поблизу, для большаго удобства больного; всѣ изъявили

согласіе и сошлись возлѣ дома Его Милости, однако никто не посѣтилъ, даже не привѣтствовалъ его; какъ догадываюсь, каждый остерегался и таился передъ прочими. Панъ гетманъ явился на коло въ сопровожденіи пановъ: стражника короннаго, писаря польнаго короннаго, полковника Станислава Потоцкаго, воеводича брацлавскаго, Адама Кисоля, подкоморія черниговскаго, который прибылъ сюда къ п. воеводѣ и не собирался уѣзжать, не дождавшись конца совѣщанія, въ особенности же благопріятнаго исхода всей кампаніи, п.п. Мочарскаго, Згоровскаго, Казановскаго, Желтовскаго, войсковаго стражника и обознаго и произнесъ краткую высокопарную рѣчь такого содержанія: „Я не допускаю и мысли, милостивые государи, чтобы это численное собраніе Вашихъ Милостей могло быть проникнуто какими либо недобрыми намѣреніями, ибо вы люди благородно рожденные и всегда отдавали добровольно свою жизнь для защиты отечества. Случилось такъ, что вы не получили изъ казны речипосполитой слѣдуемаго вамъ жалованья въ назначенное время; однако-же, находясь въ виду непріятеля, который, глядя на наше несогласіе, питаетъ враждебныя чувства къ отчизнѣ и все болѣе ожесточается противъ насъ, слѣдовало-бы намъ, господа, склонять свои помыслы скорѣе къ миру и согласію, нежели къ возмущеніямъ.

Я могу посвидѣтельствовать, что служба ваша продлена, о чемъ скоро послѣдуетъ и оповѣщеніе Е. К. Милости; не сомнѣваюсь также, что вскорѣ вы получите сполна все заслуженное жалованье, теперь же каждый можетъ получить плату за одну четверть. Послуживши речипосполитой, а именно успокоивши крестьянскіе бунты въ краѣ, можно уже съ честью и полнымъ достоинствомъ требовать уплаты; поэтому убѣдительно прошу Ваши Милости не оставлять меня, но вмѣстѣ со мною подавить и усмирить это возмущеніе, чѣмъ заслужите большую благодарность короля и речипосполитой".

На рѣчь пана воеводы и гетмана, по просьбѣ товарищей отвѣчалъ п. Чернецкій, бывшій въ то время поручикомъ воеводы русскаго, въ такомъ смыслѣ: „В. М. п. воевода видите сами нашу полную готовность всегда служить речипосполитой и королю, не щадя ни здоровья, ни своего имущества и, хотя столь продолжи-

тельное время не приходило жалованье, мы при всей лагерной дороговизнѣ мало обращали на это вниманія, какъ добрые сыны отечества. Но когда служба наша уже прекращена вслѣдствіе постановленія сейма, а уплаты за нее никоимъ образомъ не предвидится, то мы воздерживаемся отъ дальнѣйшаго ея продолженія, чтобы вмѣсто награды не получить упрековъ отъ короля и стражей отчизны. Итакъ В. М. должны простить, если мы составили общій совѣтъ, на которомъ обсуждали какъ вопросъ о нашемъ жалованьи, такъ и о войсковыхъ невзгодахъ. Поэтому просимъ покорно В. М., какъ прежде, такъ и въ этой крайности оказать намъ особое покровительство какъ своимъ слугамъ и товарищамъ; дастъ Богъ, что мы, заботясь о своихъ нуждахъ, не утратимъ расположенія Вашей милости".

Тогда Е. М. вторично обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ, чтобы это собраніе происходило безъ нарушенія достоинства короля и речипосполитой, но направлено было къ сохраненію цѣлости и чести этой послѣдней. Затѣмъ Его Милость вышелъ вмѣстѣ со всѣми, сопровождавшими его, для того чтобы собравшіеся могли свободно совѣщаться.

Приступая къ совѣщанію, поручики потребовали немедленнаго удаленія всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ товарищамъ. Одинъ изъ нихъ закричалъ, чтобы вышли и ксендзы; видно стыдился говорить при нихъ, а не обратилъ вниманія на то, что присутствовалъ при томъ самъ Богъ, который выше всего духовенства; впрочемъ эти послѣдніе удалились. Совѣщаніе длилось уже около часу; одинъ говорилъ длинную рѣчь, другой еще болѣе пространную, иные, кромѣ уплаты жалованья, требовали уничтоженія конституціи, установленной для ограниченія солдатъ, другіе уничтоженія баниціи, или своего личнаго удовлетворенія. Поэтому ротмистры приказали всѣмъ замолчать, что возбудило сильный ропотъ. Дано знать п. гетману польному, что рада распадается на полки, которые ведутъ тайныя совѣщанія и неизвѣстно еще, каковъ будетъ результатъ этого хаоса. Вскорѣ послѣ того даютъ знать, что многіе поручики, въ томъ числѣ всѣ передовые съ ихъ компаніями, не желая никакой конфедераціи, выражаютъ готовность сложить головы въ борьбѣ съ не-

пріятелемъ подъ начальствомъ своего гетмана и вождя. Первый заявилъ о томъ п. староста хмѣльницкій и поручикъ королевской хоругви Огогнѣвъ; затѣмъ поручики—короннаго гетмана и кастеляна краковскаго, Пржыжембскій, гусарской хоругви гетмана польнаго, Сковескій, его-же козацкой хоругви, Коморовскій и Чернецкій, поручикъ хоругви воеводы русскаго. П. стражникъ коронный, войсковый писарь и ротмистры, Моцарскій, Загоровскій и Павловскій заявили, что каждый изъ нихъ готовъ всѣмъ пожертвовать и самъ заплатить своей компаніи, но не допуститъ войсковой конфедераціи. Такое заявленіе ротмистровъ и поручиковъ опрокинуло главную опору сего вавилонскаго столпотворенія.

Послѣ того гетманъ польный снова отправился на раду, словно въ огонь; съ его появленіемъ все сразу успокоилось. Трудно выразить перомъ съ какимъ жаромъ, съ какою любовью къ отечеству и почтеніемъ къ королю говорилъ онъ къ рыцарству, смиряясь передъ нимъ, обѣщалъ огромныя награды, высоко восхвалялъ ихъ мужество, наконецъ припоминая какое-то странное нерасположеніе ихъ къ себѣ, не смотря на давнее стараніе услужить имъ, плачемъ и слезами закончилъ свою рѣчь. Такая чувствительность сильно подѣйствовала на добрыхъ солдатъ, растеве лились сердца конфедераторовъ и поэтому, оставляя собраніе, они обѣщали еще поговорить и условиться между собою. Но такъ какъ въ подобномъ дѣлѣ нельзя медлить, а послѣднія слова въ особенности были мало утѣшительны, (ибо являлось сомнѣніе, не будутъ-ли они совѣщаться о выборѣ маршала и депутатовъ), то гетманъ польный послалъ немедленно къ нимъ поручиковъ и болѣе уважаемыхъ изъ товарищей, пановъ: писаря польнаго короннаго, старосту богуславскаго Доминика Казановскаго и своего сына Петра, полковника въ отрядѣ Станислава Потоцкаго, брацлавскаго воеводича, п. обознаго Бѣгановскаго и п. Жолкевскаго, поручивъ имъ просить приватно каждаго не упускать случая, но сослуживши службу и одержавши побѣду надъ непріятелемъ, послѣ того только требовать уплаты жалованья; если же не получатъ его, то гетманъ обязывается обезпечить уплату своимъ личнымъ имуществомъ; вопросъ же о банниціяхъ легче будетъ разрѣшенъ

черезъ пословъ по оказаніи требуемой услуги речипосполитой и королю. Жолнеры обѣщали предложить этотъ вопросъ въ частныхъ совѣщаніяхъ и во всемъ удовлетворить желаніе гетмана. Наскоро собрали раду возлѣ церкви и дали знать, что готовы въ теченіи трехъ недѣль служить Его Милости, но съ своими собственными начальниками. Гетманъ отвѣчалъ на это, что никогда не лукавилъ и не предводительствовалъ своевольными отрядами даже въ молодости, тѣмъ болѣе не намѣренъ онъ такъ поступать теперь, сдѣлавшись гетманомъ и скорѣе выступитъ на непріятеля съ малою горстью вѣрнаго войска, чѣмъ станетъ ронять свое достоинство связью съ своевольнымъ сборищемъ. Пусть вспомнятъ, что и между святыхъ существуютъ различныя степени: одинъ остается епископомъ, другой простымъ священникомъ. Жолнеры нашли, что этотъ отвѣтъ требуетъ новаго совѣщанія, собрали раду передъ разсвѣтомъ и постановили, въ теченіи трехъ недѣль оставаясь подъ начальствомъ польнаго гетмана, спѣшить на непріятеля, о которомъ знали достаточно не только по слухамъ, но и потому, что ихъ хоругви уже на него натыкались; по истеченіи же трехнедѣльнаго срока они обязываются единодушно довершить начатую конфедерацію, вручить саблю и принести присягу на повиновеніе тому начальнику, какого сами изберутъ. 10 декабря поутру рѣшеніе это было объявлено п. гетману черезъ пословъ: Длотовскаго, поручика князя Іереміи, Тащицкаго, поручика маркграфа старосты гродецкаго, Врублевскаго, поручика теребовельскаго старосты, а затѣмъ все войско вручило гетману свою декларацію съ большими поздравленіями и ликованіемъ. Нельзя выразить радость польнаго гетмана; онъ благодарилъ какъ-бы за оказанную ему лично милость въ пространныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, оставаясь все время на морозѣ съ непокрытою головою.

Объявивши затѣмъ Ихъ Милостямъ, что шляхта и помѣщики уходятъ изъ своихъ имѣній по причинѣ появленія значительныхъ козацкихъ партій за Днѣпромъ, что полковникъ Павлюка Скиданъ собиралъ раду въ Корсунѣ, но, опасаясь чего-то, ночью отступилъ къ Мошнамъ, а также что большая часть козаковъ каневскихъ и стеблевскихъ присоединяются къ возставшимъ, о чемъ извѣщали

п. Пшеджымирскій и подстаросты корсунскій и межирицкій, гетманъ предписалъ войску со всею поспѣшностью и осторожностью направиться къ Сахнову мосту[1]), намѣревались самъ въ тотъ же день еще раньше ихъ выступить къ Богуславу. Пославши въ Бѣлую Церковь за артиллеріею, п. воевода выступилъ самъ на ночь въ Богуславъ, часто повторяя, что всю надежду возлагаетъ на Бога, который вскорѣ утѣшитъ его послѣ испытаннаго безпокойства. Предчувствіе это, благодаря Бога, сбылось.

б) Походъ на козацкіе мятежные города послѣ усмиренія начинавшейся войсковой конфедераціи.

Имѣя въ распоряженіи мало времени, нужно было дѣйствовать съ возможною быстротою, но такъ какъ секретный планъ гетмановъ, состоявшій въ томъ, чтобы захватить въ степяхъ артиллерію и уничтожить запорожцевъ раньше, нежели они соединятся съ городами, сдѣлался уже неисполнимымъ по причинѣ промедленія, то принято было двоякое рѣшеніе. Первое, чтобы подкоморій черниговскій, знакомый съ обычаями козаковъ, послалъ съ грамотою къ нимъ своего довѣреннаго слугу, убѣждая ихъ покориться и обѣщая милость гетмана; п. подкоморій дѣйствительно послалъ своего слугу Люлю съ нѣсколькими молдаванами. Затѣмъ 11 декабря п. гетманъ польный послалъ на развѣдки къ Корсуню и Богуславу подъ командою короннаго стражника хоругви п.п: Коморовскаго, Хржонстовскаго, Вихровскаго и Загоровскаго: придя къ Корсуню они не застали уже тамъ возставшихъ, а только реестровыхъ и вѣрныхъ козаковъ и п. подстароста Пшеджымирскій открылъ передъ ними ворота. Въ тотъ день гетманъ ожидалъ въ Богуславѣ приближенія прочихъ хоругвей и прибытія коронной артиллеріи, пришедшей вечеромъ того же дня; когда устанавливали на рынкѣ пушки и возы и отодвигали мажи съ солью, то нашли между солью одинъ возъ съ овсомъ, которому пушкари обрадовались больше нежели соли. Въ тотъ же день прибыло много козацкихъ

[1]) Нынѣ село Сахновка на берегу р. Роси въ Каневскомъ уѣздѣ.

хоругвей и полкъ п. Жолкевскаго, а на утро слѣдующаго дня пришли хоругви, принадлежавшія королю, великому коронному гетману и многимъ другимъ. Гетманъ немедленно выступилъ съ ними и артиллеріею въ Корсунь, а когда передовыя хоругви Его Милости подступали къ городу, п. стражникъ по приказу гетмана двинулся впередъ къ Сахнову мосту и остановился на ночлегъ въ селѣ Нетеребахъ [1]) надъ Росью; тамъ настигъ онъ возставшихъ козаковъ и захвативши нѣсколько десятковъ изъ нихъ, всѣмъ отрубилъ головы. Когда гетманъ приближался къ Корсуню, то послушные реестровые козаки встрѣтили его на пути, били челомъ въ доказательство своей покорности и объяснили свою малочисленность тѣмъ, что не могли удержать возставшихъ. Гетманъ въѣхалъ на ночлегъ въ Корсунь въ сопровожденіи тысячи человѣкъ, а стражникъ коронный отправилъ нѣсколько человѣкъ за Сахновъ мостъ добывать языка и двухъ пойманныхъ отослалъ къ гетману въ Корсунь съ утреннимъ привѣтствіемъ. Отъ нихъ узнали, что Коростель стоитъ въ Драбовкѣ за Росью съ полкомъ въ полторы тысячи человѣкъ, что ни о Павлюкѣ, ни объ артиллеріи еще не слышно, но что ожидаютъ ихъ вскорѣ; что Скиданъ находится въ Черкасахъ, но они не знаютъ сколько при немъ народа. Вмѣстѣ съ присылкою языка стражникъ обѣщалъ явиться къ гетману, вслѣдствіи чего Его Милость провелъ этотъ день въ Корсунѣ, ожидая стражника и прочихъ хоругвей; но въ это время прибѣжалъ къ гетману п. Драбовскій, на котораго минувшою ночью напали козаки въ мѣстечкѣ, все его имущество забрали и самаго избили, такъ что онъ спасся отъ нихъ еле живой. Пріѣхалъ и п. стражникъ коронный и, поговоривши на единѣ съ гетманомъ нѣсколько минутъ, тотчасъ уѣхалъ. Трудно знать, о чемъ они говорили, но можно догадываться, что о приближеніи непріятеля, ибо нѣсколько хоругвей козацкихъ посланы немедленно на Рось. Въ тотъ же день подступили къ Драбовкѣ, гдѣ заперлись 2,000 козаковъ, но такъ какъ имъ удобнѣе было стрѣлять изъ самопаловъ нежели на-

[1]) Нетеребки, село на берегу Роси въ Каневскомъ уѣздѣ.

шимъ изъ пистолетовъ и луковъ, стоя въ болотѣ передъ рвами, то необходимо было придумать иной способъ дѣйствія и прекративши аттаку, употребить хитрость: хоругви наши, притворно обойдя городъ нѣсколько разъ, черезъ лѣсъ возвратились въ свой лагерь, какъ-бы убѣдившись въ невозможности ни ворваться въ городъ, ни истребить его огнемъ. Подозрѣвая, что наши устроили въ лѣсу засаду, значительная часть козаковъ, выйдя съ противуположной стороны изъ города, пустились уходить черезъ лѣсъ, но видя, что всѣ пути и проходы свободны, возвратились къ товарищамъ. Зная, что счастье военное на сторонѣ того, кто бодрствуетъ и аттакуетъ не колеблясь, стражникъ бдительно отбывалъ стражу, зорко слѣдилъ за козаками и доставалъ языка. Гетманъ польный, получивши въ тотъ день извѣстіе отъ корсунскихъ козаковъ, что Скиданъ собираетъ значительныя силы и разсылаетъ универсалы, въ которыхъ утверждаетъ, будто король бѣжалъ въ Литву изъ Польши, гдѣ терпѣлъ притѣсненія отъ коронныхъ пановъ и проситъ помощи у козаковъ, спѣшилъ покончить съ непріятелемъ; онъ приказалъ п. стражнику перейти за Сахновъ мостъ, а самъ направился 14 декабря изъ Корсуня въ село Нетеребы надъ Росью. Когда приблизились къ ночлегу, за рѣкою показалось нѣсколько хоругвей легкой конницы. Гетманъ послалъ на рекогносцировку п.п: Гижицкаго, Жолтовскаго и Коридона, которые, приблизившись, узнали, что это были надворныя хоругви п. стражника, шедшія къ Билозору [1]) за Его Милостью. Гетманъ расположился съ войскомъ на ночлегъ надъ Росью у Нетеребъ. Въ эту ночь получены были три донесенія: первое, отъ п. стражника присланы два языка, которые сообщили, что прибыли изъ Срибного, имѣнія кн. Іереміи Вишневецкаго, съ молдаваниномъ Асламомъ, что были въ Драбовкѣ во время приступа польскихъ войскъ и причинили убытки п. Драбовскому; что Скиданъ имѣетъ значительное войско и сообщили также свѣдѣнія о наружности Скидана. Артиллерія еще не прибыла, о Павлюкѣ нѣтъ извѣстій; какъ слышно онъ остался на Запорожьи,

---

[1]) Нынѣ с. Пожежа или Воронцовское Бѣлозерье Черкасскаго уѣзда.

а вмѣсто него идетъ Грицько Лихій. Одинъ изъ пойманыхъ винилъ самъ себя въ томъ, что позволилъ другимъ склонить себя къ бунту, и говорилъ: „Лише-бъ мени було на свого князя робыты". Непріятелю хорошо было извѣстно все, что дѣлалось въ нашемъ войскѣ: что войска всего 6,000 человѣкъ и шесть орудій и что обязательная служба сводится къ трехнедѣльному сроку по причинѣ конфедераціи. Другое извѣстіе получено было отъ стражи, что непріятели, желая достать въ нашемъ арьергардѣ языка, пытались перейти вбродъ рѣку со стороны мѣстечка на закраинахъ войска, но когда они приблизились, ледъ проломился, поднялась тревога, залаяли собаки, сбѣжалась иностранная стража и стрѣляла по нимъ черезъ рѣку изъ мушкетовъ. Третье предостереженіе получено отъ пани Драбовской, которая прислала къ гетману изъ мѣстечка своего пастуха въ сопровожденіи слуги; тотъ разсказалъ, что когда онъ лежалъ на гумнѣ, явились нѣсколько козаковъ, схватили его и расспрашивали о польскомъ войскѣ; получивъ отвѣтъ, что оно заняло всю равнину, козаки приказали проводить ихъ въ такое мѣсто, откуда можно было-бы осмотрѣть позицію. Пастухъ проводилъ ихъ лѣсомъ къ кургану на опушкѣ лѣса, откуда видны были огни, занимавшіе обширное пространство въ длину и ширину. Долго смотрѣли они сѣтуя и вздыхая, затѣмъ оставили нѣсколько человѣкъ для добыванія языка, пастуха же провели съ собою полмили по пути къ Билозору, гдѣ было много конныхъ козаковъ, вчетверо больше чѣмъ въ отрядѣ захватившомъ пастуха, а тѣхъ было до полутораста если не больше. Когда они разсказали все видѣнное, козаки встревожились и начали роптать, что ни Павлюка, ни артиллеріи не видно. Съ наступленіемъ дня много хоругвей гусарскихъ проходило отъ Корсуня прямо къ Сахнову мосту. Минула значительная часть дня и гетманъ, видя, что большинство арміи еще не прибыло, самъ перейдя мостъ черезъ Рось и не оставивъ никого для охраны движенія на столь длинныхъ мостахъ и въ лѣсахъ полныхъ непріятеля, не зная, какая судьба постигнетъ далеко отставшія хоругви, если-бы ему самому пришлось отступить отъ моста, назначилъ имъ ночлегъ за мостомъ въ Кумейкахъ, приказавъ выдти оттуда стражѣ, оставленной п. Лащемъ;

бдительному гетману гораздо удобнѣе было стягивать хоругви, стоя за рѣкою, нежели ожидать ихъ по сю сторону моста. Зная позицію польнаго гетмана, многія хоругви прибыли къ нему въ теченіи ночи, другія поутру передъ сраженіемъ. По прибытіи п. гетмана польнаго въ лагерь подъ Кумейками, стражникъ тотчасъ поспѣшилъ сообщить извѣстіе, что войско уже подошло къ Мошнамъ и наши уже столкнулись съ непріятелемъ. Гетманъ послалъ въ подкрѣпленіе имъ королевскаго секретаря Казановскаго, князя Четвертинскаго младшаго, п. п. Гижицкаго и Загоровскаго, послалъ также своего сына, воеводича Петра со своею козацкою хоругвью; нашлось притомъ немало охотниковъ какъ своихъ, такъ и иностранцевъ. Произошла стычка, непріятель ушелъ въ городъ и ночь принудила всѣхъ разойтись; однако языкъ принесъ извѣстіе, что Кизимъ прибылъ съ полкомъ изъ-за Днѣпра, а Павлюкъ въ тотъ же день долженъ былъ придти съ артиллеріею въ Мошны; извѣстіе вполнѣ оправдалось, ибо онъ въ этотъ день послалъ слѣдующій универсалъ въ Домонтовъ:

Павелъ Михновичъ, гетманъ, съ войскомъ Его Королевской Милости Запорожскимъ.

Панамъ атаманамъ, товарищамъ нашимъ и всей братіи посполъству желаетъ отъ Господа Бога добраго здоровья, долгихъ лѣтъ и успѣха во всемъ. В. М. пишете къ намъ, давая знать, что находитесь въ Домонтовѣ. Покорно просимъ васъ, милые братья, денно и нощно спѣшить съ пушками въ Мошны, ибо и мы сегодня направились туда же съ артиллеріею, но раньше чѣмъ мы подоспѣли, жолнеры пытались было прогнать нашихъ товарищей изъ Мошенъ; однако имъ не посчастливилось, такъ какъ нѣсколько десятковъ ихъ легло на мѣстѣ, прочіе же, прослышавъ о пушкахъ, отступили отъ Мошенъ. Настала ночь, поэтому намъ трудно было гнаться за ними, но съ разсвѣтомъ будемъ преслѣдовать непріятеля; васъ же просимъ и приказываемъ именемъ всего войска подъ опасеніемъ строгой кары, пусть каждый, кто называетъ себя товарищемъ нашимъ, тотчасъ подымается за вѣру христіанскую и золотыя вольности наши, которыя мы кровью заслужили. А сколько въ тѣхъ городахъ, т. е. Корсунѣ и другихъ, опустошено церквей, а въ селахъ вырѣзано дѣтей

и женщинъ! поэтому вторично просимъ васъ и приказываемъ, чтобы застали насъ въ Мошнахъ; затѣмъ поручаемъ васъ милости Божьей.— Данъ въ Мошнахъ во вторникъ 15 декабря 1637 года. Стефанъ Догоринскій, писарь войсковый.

Откуда эти люди, не читавшіе книгъ о военномъ искусствѣ, узнали способъ такъ быстро собирать многочисленные отряды? Не мало нужно искусства, чтобы разсказывать другимъ о своихъ побѣдахъ, насчитывать такъ много убитыхъ и возбуждать недовѣріе къ королевскому величеству; но лживость составляетъ исконное свойство хлоповъ, потому-то они съ подобнымъ безстыдствомъ писали столько неправды объ избіеніи жолнеровъ, о своей силѣ, невѣдѣніи короля о походѣ противъ нихъ, о сожженіи церкви въ Корсунѣ, избіеніи дѣтей и многихъ другихъ преступленіяхъ. Въ дѣйствительности, этого не было, ибо не пришло еще объявленіе войны въ то время, какъ гетманы находились въ Корсунѣ. Наши оставались невредимыми, между тѣмъ какъ непріятель не безъ урона уходилъ съ поля битвы, а когда проникъ въ городъ, наши отступили частью къ Кумейкамъ, гдѣ находился п. гетманъ, частью къ Билозору, гдѣ стоялъ полкъ коронпаго стражника п. Лаща. Такъ какъ полкъ козацкій и артиллерія въ тотъ же вечеръ заняли Мошны, то гетманъ въ ту же ночь послалъ къ коронному стражнику, прося его зорко слѣдить за непріятелемъ, до разсвѣта обогнуть Мошны со своимъ полкомъ и по утру соединить свой обозъ съ обозомъ Его Милости. Поэтому п. стражникъ не призывалъ слуги для раздѣванья, но заснулъ въ панцырѣ и карасѣ на кафтанахъ, словно на самыхъ мягкихъ матрацахъ, приглашая всѣхъ товарищей послѣдовать его примѣру, а поднявшись задолго до разсвѣта, направился къ Мошнамъ, заступилъ путь и захватилъ шедшихъ туда козаковъ; онъ узналъ, что этотъ козацкій полкъ высланъ впередъ Кизимомъ, разгромилъ его и послалъ языка къ гетману. Его Милость только что выслушалъ обѣдню въ честь Богородицы, при чемъ, прося Ея покровительства и отдаваясь подъ Ея защиту, онъ тайно далъ обѣтъ въ честь Ея соорудить алтарь въ Летичевѣ. Послѣ богослуженія привели козака, который сообщилъ, что видѣлъ Павлюка съ артиллеріею въ Черкасахъ,

откуда онъ долженъ былъ поспѣшно двинуться къ Мошнамъ. Желая получить болѣе подробныя свѣдѣнія, гетманъ подарилъ этого козака п. Киселю, который даровалъ ему жизнь и тотчасъ причислилъ къ своимъ драгунамъ, но тотъ ничего больше не сказалъ. Вслѣдъ за тѣмъ привели стараго священника; гетманъ даровалъ ему жизнь и сверхъ того далъ талеръ, чтобы ободрить его; этотъ показалъ, что наканунѣ видѣлъ пушки въ Мошнахъ на рынкѣ; есть-ли тамъ Павлюкъ, онъ не знаетъ, ибо козаки остерегаются священниковъ; гетманъ подарилъ этого священника также п. подкоморію. Тотчасъ послѣ того привели козака, бывшаго драгуна въ пѣхотѣ кп. Іеремія Вишневецкаго; и этому Его Милость даровалъ жизнь, лишь-бы только онъ говорилъ правду. Поклонившись низко и поблагодаривши, онъ разсказалъ, что Павлюкъ уже прибылъ, артиллерія также и войска болѣе 20,000; не всѣ имѣютъ ружья, иные вооружены рогатинами, косами, сѣкирами; Павлюкъ двинулся уже таборомъ къ Кумейкамъ и вѣроятно прибудетъ черезъ часъ; при немъ восемь орудій и множество пороху, идутъ козаки довольно смѣло и „сердыто“. Тоже самое повторилъ онъ и подъ присягою. Тогда гетманъ, окинувъ взглядомъ присутствующихъ офицеровъ, произнесъ: „Для всѣхъ будетъ открыто поле чести и славы„. Затѣмъ потребовалъ коня, чтобы лично осмотрѣть позицію, приказалъ п. обозному и п. Петру Коморовскому охранять возы и направить ихъ къ нему по первому требованію, а самъ выѣхалъ въ поле въ сопровожденіи черниговскаго подкоморія и многихъ офицеровъ; онъ усмотрѣлъ мѣстность, удобную для битвы и табора, ибо чело было закрыто непроходимымъ болотомъ. Тогда двинулись изъ Кумеекъ возы, построенные въ десять рядовъ, къ нимъ примкнули возы изъ полка п. стражника, затѣмъ слѣдовали, какъ обыкновенно, хоругви въ боевомъ порядкѣ. Многіе изъ товарищей и самъ гетманъ, смирившись передъ Богомъ, приступили къ исповѣди и причастію и Богъ продлилъ время такъ, что возы и войска успѣли занять позицію. Многое предвѣщало счастливый исходъ битвы: во первыхъ вѣтеръ дулъ намъ въ спину и въ глаза непріятелю; во вторыхъ сраженіе происходило въ день русскаго праздника св. Николая, патрона польнаго гетмана;

3) густой дымъ отъ горящей соломы, которой множество было въ тѣсно застроенныхъ Кумейкахъ, весь несся въ глаза непріятелю; 4) прибывшіе жолнеры весьма охотно выражали полную готовность идти съ гетманомъ противъ непріятеля, ибо не много можетъ сдѣлать военачальникъ, который ведетъ въ бой солдатъ противъ ихъ воли. Но всего болѣе можно было ожидать побѣды потому, что хлопы беззаконно выходили въ битву противъ собственныхъ господъ.

7) Сраженіе при Кумейкахъ.

Наступленіе крестьянъ представляло весьма внушительное зрѣлище: они шли таборомъ, построеннымъ въ шесть рядовъ, съ четырьмя орудіями на челѣ, двумя по бокамъ и двумя при концѣ, а въ серединѣ между возами шло войско въ количествѣ 23,000, правильно раздѣленное на полки и сотни; ихъ нельзя было упрекнуть въ отсутствіи сообразительности и искусства, но все таки они уподоблялись безсмысленнымъ животнымъ потому, что смѣло, охотно и умѣло возстали противъ короля, речипосполитой, противъ гетмана и коронпаго войска. Оплакивалъ это ревностный къ православной вѣрѣ п. подкоморій говоря: „Прекрасный это народъ и большое въ немъ одушевленіе, достойное похвалы, если-бы оно было направлено противъ враговъ христіанства, а не противъ своего короля, отечества и речипосполитой; теперь же оно достойно порицанія, а не похвалы“. Эту гидру привелъ за собою по пятамъ п. стражникъ къ гетману польному почти отъ Мошенъ до Кумеекъ на самое мѣсто битвы, гдѣ было выстроено коронное войско. Не обошлось безъ потери съ обѣихъ сторонъ, въ особенности во время герцовъ, при чемъ стрѣлою изъ лука тяжело раненъ въ голову одинъ изъ товарищей козацкой хоругви брацлавскаго воеводы. Но хуже всего было то, что во все время шествія непріятель сильнымъ крикомъ, богохульствомъ, бранью, непристойными и скверными словами поносилъ и оскорблялъ шляхту, жолнеровъ, гетмановъ и самого короля. Коронное войско на протяженіи полумили было закрыто съ одной стороны возами, расположенными въ десять рядовъ, на челѣ которыхъ стоялъ иностранный полкъ съ венгерскою пѣхотою польнаго гетмана подъ начальствомъ п. обозного и п. Коморовского. По другую сторону, справа

откуда шелъ Павлюкъ съ таборомъ, вдоль размѣстились полки въ боевомъ порядкѣ съ артиллеріею по серединѣ. Поднявшись на пригорокъ и увидѣвъ войско, козаки остановились въ нерѣшимости, но Павлюкъ ободрялъ ихъ, говоря: „Або-жъ не знаете, що ляхи у два ряды військо становлять? Идимо!“ и начали наступать на чело, но не могли перейти болота и повели свой таборъ вдоль берега, какъ-бы къ концу польскаго строя. Гетманъ однако воспользовался этимъ болотомъ и сильно укрѣпилъ конецъ боевой линіи иностранною пѣхотою, устроивъ тамъ какъ-бы другое чело, затѣмъ приказалъ коронному стражнику отступать къ этой пѣхотѣ и прикрыть ее остаткомъ своихъ хоругвей. Козаки шли съ развѣвающимися знаменами, съ пушечными выстрѣлами и громкими возгласами: „А далеко гетьманъ буде ночуваты? Лящыку, побижыть до хатцыку!“ Но коронное войско не трогалось съ мѣста, не отвѣчало на возгласы и то было добрымъ знакомъ, предвѣщавшимъ побѣду. Когда непріятель дошелъ до середины боевой линіи, а войско продолжало стоять спокойно, нѣкоторые изъ нашихъ, не знавшіе о существованіи болота, предполагали, что непріятелю дозволятъ или окопаться у воды, или стать подъ вѣтромъ. Прекрасная то была догадка, необходимая для счастливаго исхода, но исполненіе такого дѣла лучше всего предоставить Богу и гетману. Когда полкъ короннаго стражника построился „лавою,“ занявши большую часть непріятельскаго чела и фланга со стороны поля, козаки поняли, что двигаться дальше трудно и начали битву частою стрѣльбою изъ пушекъ и самопаловъ. Поднявшійся дымъ закрылъ козаковъ, чѣмъ по приказу гетмана воспользовались драгунскія хоругви, отвѣтившія гораздо болѣе продолжительною и грозною пальбою; козаки, не видѣвшіе ихъ раньше и завидѣвъ теперь передъ собою, изумились и испугались.

Тогда наступили другіе, болѣе храбрые козацкіе полковники со своими отрядами и энергичнѣе принялись стрѣлять въ драгунъ; но оберъ лейтенантъ Морель съ п. Жолкевскимъ съ своей стороны усерднѣе наступали на непріятеля. Польный гетманъ прислалъ отъ чела на правое крыло въ подкрѣпленіе имъ пѣхоту п. Бѣгановскаго, который въ то время по приказу гетмана сопровождалъ возы

затѣмъ Е. М. обратилъ взоры на коронную артиллерію, навелъ ее на середину табора и приказалъ капитану артиллеріи начать забаву.

Правда, палила и непріятельская артиллерія, но мало причиняла вреда; наши пушки играли лучше, ибо враги прыгали рѣзвѣе. Офицеры скучали столь продолжительнымъ ожиданіемъ подъ знаменами и, замѣтивъ, что гетманъ сильно склоняется на приступъ, исполненные пыла, просили у него приказа начать дѣло. Гетманъ взглянулъ на козацкій таборъ, а тамъ множество возовъ, остановившись на полѣ битвы, начали строиться вновь, удваивая прежніе ряды, чтобы укрѣпить таборъ въ двѣнадцать рядовъ. Поэтому, желая предотвратить излишнюю трудность при разрываніи болѣе укрѣпленнаго табора, гетманъ приказалъ прорвать его тамъ, гдѣ возы стояли еще только въ шесть рядовъ и послалъ впереди всѣхъ своего сына Петра, предводительствовавшаго на его мѣстѣ козацкою хоругвью. Въ этой хоругви отличались храбростью и поручикъ, и хорунжій, и товарищи, но въ тысячу разъ храбрѣе оказался молодой воинъ, бывшій на то время ротмистромъ, воеводичъ сынъ гетмана, который сражался безъ панцыря и кольчуги, получивъ приказъ идти прямо въ огонь и нести жизнь, молодость и богатство подъ мечь разъяреннаго Марса; онъ не только устоялъ противъ крѣпости табора, но почти вскочилъ въ самый огонь и, обративъ на себя всю ярость хлоповъ, потерявъ двухъ стоявшихъ рядомъ съ нимъ товарищей, Каменскаго и Матвѣя Цѣпелевскаго, нѣсколько разъ отважно наступалъ и отступалъ со своею хоругвью, пока не прорвалъ окруженнаго табора съ помощью другихъ гетманскихъ хоругвей. Можно признать гетману польному, что онъ, имѣя въ преклонныхъ лѣтахъ одного только сына, упражнялъ, испытывалъ и совершенствовалъ его какъ орелъ для того, чтобы впослѣдствіи каждый могъ узнать гетманскую кровь, сына великаго полководца, рожденнаго для отважныхъ подвиговъ и приличныхъ своему почтенному роду отличій. Далѣе слѣдовала другая хоругвь польнаго гетмана подъ начальствомъ п. Сковецкаго; смѣло ударивъ въ возы конскою грудью, она заплатила за эту смѣлость потерею двухъ почтенныхъ товарищей, Конаржевскаго и Бенецкаго; послѣдній раненъ пушечнымъ выстрѣ-

ломъ подъ колѣно; кромѣ нихъ убито нѣсколько человѣкъ прислуги. За нею наступала хоругвь п. краковскаго, великаго коронаго гетмана. Тогда козаки раздѣлили всѣ свои силы на двѣ части; одна обратилась на чело и артиллерію, другая защищала таборъ отъ разрыва. Отъ ихъ стремительности погибло три храбрыхъ товарища: Гноинскій, Подкоцкій и Магнускій; раненъ былъ и поручикъ, сверхъ того убито двое слугъ и болѣе десяти человѣкъ ранено. Наступала хоругвь воеводы русскаго, которая также лишилась любимаго товарища, Улескаго; восемь человѣкъ раненыхъ унесено съ поля и семеро слугъ осталось убитыми. Затѣмъ королевская хоругвь, не ожидая приказа, сама устремилась къ табору, но также получила уронъ: убитъ п. Прусимскій, трое товарищей ранено, убито также пять человѣкъ прислуги и ранено девять. Три раза отступали всѣ хоругви и снова возвращались, пока съ Божьею помощью не прорвали табора. При этомъ раненъ былъ богуславскій староста (Казановскій) предводительствовавшій хоругвью; конь его палъ, а самъ староста, соскочивъ съ него, едва не былъ растоптанъ лошадьми, но успѣлъ спастись, упавши за пень. Секретарь, Адамъ Казановскій, видѣлъ его лежащимъ, но не могъ подать помощи, такъ какъ велъ въ аттаку собственную хоругвь. Тогда убиты: п.п. Поцѣй, Черемовскій, Бодаровскій и четверо слугъ. Ни одна изъ хоругвей, проникшихъ въ таборъ, не вышла оттуда совершенно безъ потери, какъ можно видѣть изъ приложеннаго перечня. Досталось при томъ и самому гетману польному, подъ которымъ были прострѣлены двѣ лошади, а также ножны отъ его сабли, самъ-же онъ остался невредимъ, ибо предводителей особливо хранитъ Богъ. Если таковы были наши потери, то конечно не меньше были онѣ и среди козаковъ послѣ того, какъ разорванъ былъ таборъ; ибо, когда притупились наши сабли и палаши, жолнеры у нихъ же хватали рогатины и многихъ избивали ихъ собственнымъ оружіемъ. Солдаты погнались за козаками, вытѣсненными изъ табора и тѣмъ дали возможность оставшимся уменьшить и сомкнуть таборъ; въ это время ушелъ изъ табора п. Люля, слуга п. Киселя, захваченный козаками. Видя, какъ много нашихъ убито при разграбленіи возовъ и желая предупредить опас-

ность отъ козаковъ или отъ взрыва пороха, гетманъ приказалъ своему сыну сжечь порохъ, найденный въ козацкихъ возахъ; тотъ бросился къ обозу, зажегъ возы съ сѣномъ и соломою, огонь дошелъ до пороха и взорвалъ его. Затѣмъ гетманъ приказалъ своей венгерской пѣхотѣ зайти съ другой стороны козацкаго табора, а съ этой стороны усилить стрѣльбу изъ пушекъ въ центръ; это произвело замѣшательство, козаки начали разрывать таборъ, при чемъ бѣжала ихъ старшина вмѣстѣ съ Павлюкомъ. Другіе, видя неминуемую гибель, устремились съ отчаяніемъ на нѣмецкую пѣхоту; тамъ убиты п.п. Морель и Жолкевскій, ранены: поручикъ п. обознаго и п. Мочарскій. Однако нѣмецкая пѣхота наступала съ такимъ усердіемъ, что оттѣснила козаковъ отъ части ихъ орудій, а отрядъ пѣхоты п. Бѣгановскаго доставилъ въ лагерь козацкую пушку и знамя съ орломъ на древкѣ и яблокомъ въ видѣ золотаго сердца. Послѣ того поляки вновь и съ большею уже охотою обратились къ табору и подступали къ нему со свѣжими полками до самаго вечера. Козаки, видя, какъ трудно имъ сопротивляться, начали отступать таборомъ съ нѣсколькими пушками, возлагая всѣ надежды на приближающуюся ночь, ибо и пороху оставалось у нихъ уже немного. Между тѣмъ гетманъ послалъ къ себѣ въ обозъ за лошадьми, чтобы взять пушки, которыхъ было привезено четыре, а пятая отдана п. Лащу. Въ часъ по полуночи козаки остановились въ долинѣ противъ чела короннаго обоза и тотчасъ принялись окапываться; затѣмъ прекратили работу, такъ какъ, не смотря на темноту, по нимъ стрѣляли съ горы, а сами съ нѣсколькими десятками возовъ и парою орудій въ три часа ночи оставили свой таборъ и въ разсыпную пустились къ Мошнамъ. Вызывались правда охотники изъ солдатъ, желавшіе съ опасностью жизни взять приступомъ этотъ таборъ, но гетманъ не дозволилъ, сообразивъ, что и такъ уже слишкомъ много пролито шляхетской крови и что эта потеря не вознаградилась бы даже окончательнымъ истребленіемъ хлоповъ. Поэтому онъ приказалъ всѣмъ очистить поле, оставивъ только обычную стражу, а такъ какъ иноземнымъ отрядамъ не достало мушкетныхъ пуль, которыхъ израсходовано было до 50,000 въ этой битвѣ, то цѣлую ночь заняты были отливкою

ихъ, а возы, запряженные съ утра, такъ и ночевали запряженными На утро 17 декабря непріятель не появлялся, данъ былъ сигналъ поить лошадей, а тѣмъ временемъ многіе паны отправились съ гетманомъ на поле битвы; тогда старые воины сознались, что никогда не бывали въ столь продолжительномъ и сильномъ огнѣ и не видали такого множества труповъ въ одномъ мѣстѣ. За свою дерзость и низость непріятель волею Божьею, подавленъ малочисленнымъ войскомъ, а всѣ его надежды рухнули вмѣстѣ съ потерею артиллеріи, знаменъ, бунчука и печати.

8) Перечень убитыхъ и раненныхъ въ битвѣ при Кумейкахъ.

Нѣтъ смерти прекраснѣе какъ смерть на полѣ битвы, поэтому прилагаю здѣсь списокъ доблестныхъ богатырей, сыновъ короны, покрывшихъ себя безсмертною славою на вѣчныя времена, хотя они и погибли отъ руки людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ. Да останутся ихъ имена въ памяти многихъ вѣковъ и поколѣній.

— Далѣе слѣдуетъ подробный перечень убитыхъ и раненныхъ по хоругвамъ. Въ общемъ выбыло изъ строя убитыхъ: товарищей 20, въ томъ числѣ капитанъ Янъ Жолкевскій, слугъ 68 и лошадей 136; раненныхъ: товарищей 83, въ числѣ ихъ пять офицеровъ, слугъ 94, лошадей 175.

Впрочемъ сумма потерь была гораздо значительнѣе, такъ какъ многія хоругви не представили своихъ списковъ и потери ихъ не внесены въ общій реестръ. Можно замѣтить, что иностранныя хоругви венгерская и волошская понесли наиболѣе чувствительныя потери.

Затѣмъ слѣдуетъ хвалебная эпитафія польскимъ воинамъ, погибшимъ подъ Кумейками, а въ заключеніе бранное надгробіе павшимъ козакамъ.—

9) Походъ противъ Павлюка къ Боровицѣ, его сдача, условія, заключенныя съ козаками, ихъ присяга, замиреніе войска.

17 декабря, въ слѣдующій день послѣ пораженія своевольныхъ козаковъ, войско въ боевомъ порядкѣ двинулось къ Мошнамъ; страж-

никъ коронный по обыкновенію поспѣшилъ впередъ со своимъ полкомъ, но не засталъ уже тамъ ни Павлюка, ни его войска. Въ замкѣ оставалось немного людей, невиновныхъ въ возстаніи и нѣкоторое количество больныхъ козаковъ, сверхъ того нѣсколько здоровыхъ скрывалось въ погребахъ, но никто изъ нихъ не оставленъ въ живыхъ. Войско расположилось на ночлегъ въ Мошнахъ; ночью показался огонь и часть города сгорѣла. Въ теченіи слѣдующаго дня войско предавалось отдыху; получено извѣстіе, что Павлюкъ ушелъ изъ Черкасъ. Въ тотъ же день пришла почта съ письмами отъ короля и отъ п. краковскаго, который извѣщалъ, что король продлилъ службу солдатамъ въ полномъ составѣ хоругвей, обѣщая при томъ уплатить имъ жалованье изъ своей собственной казны, если-бы то оказалось необходимымъ. Король разослалъ универсалы къ городамъ и властямъ съ приказомъ—возставшихъ козаковъ казнить смертью и конфискаціею имущества. О томъ-же были универсалы и къ козакамъ. изъ которыхъ привожу одинъ:

Владиславъ IV, Божьею милостью король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій и шведскій, готскій, вандальскій наслѣдственный король.

Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно старостамъ и урядамъ гродскимъ, подстаростамъ и державцамъ всѣхъ нашихъ имѣній на Украинѣ, любезнымъ намъ, объявляемъ нашу королевскую милость. Любезные намъ вѣрноподданные! По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ вельможныхъ гетмановъ нашихъ, своевольные козаки уклонились вопреки присягѣ отъ должнаго намъ повиновенія и, забывая нашу королевскую милость, съ какою мы прощали ихъ преступленія, все больше крѣпнутъ и усиливаются, проливая кровь лицъ какъ шляхетскаго, такъ и иныхъ сословій, грабятъ и опустошаютъ украинскія села и мѣстечки. Поэтому мы послали противъ нихъ гетмановъ съ войскомъ нашимъ и требуемъ также отъ вашихъ вѣрностей, чтобы вы какъ самолично, такъ и при посредствѣ своихъ урядовъ и намѣстниковъ повсюду карали смертью этихъ бунтовщиковъ, конфисковали ихъ имущества

и съ возможною быстротою и суровостью подавляли этотъ мятежъ, который, не цѣня нашей милости и благодѣяній, заслуживаетъ искорененія мечомъ и самыми суровыми мѣрами вездѣ, гдѣ появится. Для того чтобы настоящій универсалъ какъ можно скорѣе дошелъ до всеобщаго свѣдѣнія, мы желаемъ, чтобы гродскіе уряды, вписавши его въ свои актовыя книги, приказали публиковать его въ городахъ обычнымъ порядкомъ и чтобы никто не смѣлъ ослушаться, какъ изъ сознанія своего долга, такъ и изъ боязни нашей немилости.—Данъ въ Варшавѣ 1 декабря, 1637 года, царствованія нашего въ Польшѣ въ пятый, въ Швеціи въ шестой годъ.

Почту тотчасъ отправили обратно съ извѣстіемъ о счастливомъ исходѣ битвы. Въ тотъ-же день пріѣхали къ гетману поручики, не бывшіе въ дѣлѣ, и выражали сожалѣніе по этому поводу. Прибыли и реестровые козаки корсунскіе и бѣлоцерковскіе, которымъ гетманъ приказалъ явиться на среду; эти были въ дѣйствіи въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ и потеряли до двухсотъ. Привели туда-же козака Млѣевскаго, который пріѣзжалъ въ качествѣ посла къ гетману изъ Корсуня; онъ разсказывалъ, что бунтовщики взяли его силою и принудили къ участію въ битвѣ; впрочемъ они не тронули его одежды и литой сабли, изъ чего можно заключить, что онъ участвовалъ въ измѣнѣ, какъ это подозрѣвали о немъ еще въ Рокитной. Гетманъ помиловалъ его, но самъ Богъ покаралъ его инымъ способомъ. Располагая на слѣдующій день выступить изъ Мошенъ, гетманъ послалъ къ Черкасамъ хоругви, не бывшія въ сраженіи, поручивъ начальство надъ ними своему брату Станиславу Потоцкому, воеводичу брацлавскому съ приказомъ, если не застанутъ непріятеля въ Черкасахъ, поспѣшить за нимъ къ Боровицѣ и тамъ удержать его до прибытія самого гетмана съ войскомъ. Солдаты шли съ одушевленіемъ въ надеждѣ сослужить свою службу и вознаградить утерянный случай. 19 декабря гетманъ выступилъ изъ Мошенъ къ Черкасамъ, пославши впередъ п. стражника, за которымъ послѣдовало много охотниковъ; но когда войско пришло къ Черкасамъ, городъ пылалъ огнемъ такъ, что опасно было останавливаться въ немъ. Мѣщанъ тамъ немного, а козацкихъ домовъ двѣ тысячи. Хотя

гетманъ приказалъ тушить огонь, но поднялся столь сильный вѣтеръ, что уцѣлѣли лишь немногіе дома близъ замка, словно Божья кара постигла городъ. Поутру войско вмѣстѣ съ коронною артиллеріею двинулось къ Боровицѣ, откуда сообщили, что Павлюкъ осажденъ съ двумя тысячами козаковъ. Обрадованное войско устремилось со всею поспѣшностью и расположилось на ночлегъ въ милѣ отъ Боровицы, а гетманъ ночью послалъ туда 500 драгунъ и пару пушекъ, ибо и непріятель взялъ изъ Черкасъ въ Боровицу три пушки и шесть гаковницъ. Передъ разсвѣтомъ въ лагерѣ открыли пушечную пальбу и п. Жолтовскій началъ готовить укрѣпленія, придвинувъ окопы ближе къ городу; видя это, непріятель началъ просить пощады. 20 декабря подошелъ къ Боровицѣ польный гетманъ съ войскомъ въ боевомъ порядкѣ, осмотрѣлъ городъ и замѣтилъ, что осажденными приняты всѣ предосторожности, много хоругвей развѣвалось въ городѣ, тѣмъ не менѣе непріятель, окруженный со всѣхъ сторонъ началъ тревожиться: грознымъ былъ для нихъ п. воеводичъ, истребившій всѣхъ тѣхъ, которые шли къ Павлюку, но еще грознѣе самъ гетманъ, ибо совершенно окружилъ ихъ окопами, даже отрѣзалъ воду. Правда, они оказывали рѣшительное сопротивленіе, отстрѣливались и возводили сильныя укрѣпленія, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ люди доведены до крайняго отчаянія, не дѣйствительны человѣческія усилія; поэтому они просили пощады ради ранъ Христовыхъ и крови, пролитой на крестѣ. Имъ посланы въ отвѣтъ королевскіе универсалы и чернь оцѣпенѣла отъ ужаса убѣдившись, что Павлюкъ говорилъ неправду и что король не зналъ объ этой войнѣ; поэтому чернь составила раду, на которой избранъ новый старшій, по фамиліи Каирскій, а Павлюка рѣшено арестовать. Кто-то извѣстилъ его объ этомъ и онъ бѣжалъ ночью со своею дружиною, но встрѣтилъ бдительную стражу Жолтовскаго, который не выпустилъ его изъ палисадовъ и далъ знать гетману; тотъ прибылъ на мѣсто и послѣ двѣнадцати пушечныхъ залповъ, направленныхъ въ городъ, зажегъ его ракетами. Тогда осажденные снова прислали просить пощады, выражая готовность исполнить всѣ требованія гетмана, лишь-бы менѣе виновные оставлены были въ жи-

выхъ. Гетманъ поставилъ условіемъ—выдать Павлюка, Томиленка, Скидана и прочую старшину, остальнымъ-же даровалъ жизнь. Послы обѣщали на другой же день выдать всѣхъ поименованныхъ за исключеніемъ Скидана, находившагося въ Чигиринѣ; тогда ихъ взяли подъ стражу, а охотники изъ солдатъ въ теченіи ночи держали пѣшіе караулы вокругъ города. Во вторникъ 21 декабря въ три часа утра выданы были плѣнники почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Павлюкъ нѣкогда разстрѣлялъ гетмана Савву и другихъ и тотчасъ отданы подъ стражу п. Жолтовскому. Затѣмъ оповѣщенъ приказъ, чтобы никто изъ нашихъ не входилъ въ городъ, пока не покончатъ съ козаками; но такъ какъ было много больныхъ, то для нихъ росписали одну улицу, чтобы не оставлять ихъ на холодѣ и въ среду доставили въ городъ. Въ пятницу ударили сигналъ для созванія козацкой рады. Козаки вышли въ поле и тамъ ожидали гетмана, который послалъ вмѣсто себя п. Киселя, подкоморія черниговскаго и старосту носовскаго съ п. обознымъ. Открывши раду, Кисель отобралъ у нихъ знаки козацкаго гетмана, булаву, знамя, бунчуки и печати, затѣмъ отъ имени польнаго гетмана назначилъ имъ полковниковъ, ассауловъ, судей и войскового писаря, назначеніе же генеральнаго старшаго, по волѣ гетмана, было отложено до сейма, при чемъ временно, впредь до королевскаго назначенія поставленъ былъ старшимъ Ильяшъ, старѣйшій изъ полковниковъ. Послѣ того подкоморій написалъ имъ присягу и договоръ такого содержанія:

„Мы, нижайшіе подножки Е. К. Величества, пана нашего милостиваго, свѣтлѣйшаго сената и всей речипосполитой, пановъ нашихъ милостивыхъ, вѣрные подданные: Левко Будновскій и Лютай войсковые ассаулы, полковники: черкасскій, Яковъ Гугливый, каневскій Андрей, Лагода, чигиринскій, Григорій Хомовичъ, корсунскій, Максимъ Нестеренко, переяславскій, Ильяшъ Караимовичъ, бѣлоцерковскій, Яцина, яблоневскій, Терешко, судьи: Богданъ и Куша, Богданъ Хмѣльницкій писарь, всѣ сотники, атаманы и чернь, братья поспольство, молодцы войска Е. К. М. Запорожскаго. Для того, чтобы на дальнѣйшія времена не только среди насъ, но и среди потомковъ нашихъ оставалась вѣчная память какъ наказанія за наши преступленія

противъ непобѣдимаго величества Е. К. М. и всей речипосполитой, такъ и ихъ милосердія, сознаемся, что мы, по винѣ старшихъ забывъ куруковскія статьи, писанныя нашею кровью, порядки, установленные для Запорожскаго войска ясневельможнымъ Станиславомъ Конецпольскимъ, краковскимъ кастеляномъ и великимъ коронымъ гетманомъ и принесенную нами присягу, сперва недостойно избили старшину, поставленную намъ отъ королевскаго правительства на радѣ при Русавѣ вельможными королевскими коммиссарами, панами: Адамомъ изъ Брусилова Киселемъ, подкоморіемъ черниговскимъ, старостою носовскимъ и Станиславомъ изъ Потока Потоцкимъ, воеводичемъ брацлавскимъ и полковникомъ; затѣмъ, придя тайкомъ въ Черкасы, мы захватили запорожскую артиллерію, послѣ чего, приявши къ себѣ посполитыхъ свыше установленнаго реестра въ 7,000, дозволеннаго королемъ и речьюпосполитою, осмѣлились съ нашимъ старшимъ Павлюкомъ выступить противъ коронняго войска, подъ начальствомъ ясневельможнаго Николая Потоцкаго, воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго короннаго, посланнаго для усмиренія несчастныхъ нашихъ бунтовъ и вступили съ нимъ битву. Тамъ же на мѣстѣ этой битвы, между Мошнами и Кумейками, исполнился надъ нами святой и справедливый судъ Божій, ибо коронное рыцарство таборъ нашъ разорвало, отобрало артиллерію, знамена, бунчуки и всѣ клейноты, съ давнихъ временъ заслуженные отъ свѣтлѣйшихъ королей и речипосполитой, а большая часть войска полегла трупами; насъ же, оставшихся въ живыхъ, ясневельможный гетманъ польный съ войскомъ короннымъ въ Боровицѣ праведнымъ судомъ Божьимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше избита была нами наша собственная старшина, окружилъ отовсюду, обнесъ шанцами и намѣревался доконать штурмомъ.

Тогда всѣ мы, отступавшіе вмѣстѣ со своимъ старшимъ и бывшіе въ этой осадѣ у Боровицы, не желая проливать до конца христіанской крови, но желая сохранить свои головы для службы речипосполитой, просили милосердія у ясневельможнаго гетмана польнаго короннаго при посредствѣ тѣхъ самыхъ коммиссаровъ, которые раньше устроили войско и дали намъ старшину; мы выдали старшинъ нашихъ,

которые привели насъ къ такому упадку и были причиною всего зла, т. е. Павлюка, Томиленка и нѣкоторыхъ другихъ, а Скидана, зачинщика тѣхъ же бунтовъ, который успѣлъ бѣжать, обязываемся всѣ сообща разыскать и доставить въ руки ясновельможнаго гетмана польнаго. Такъ какъ старшаго надъ войскомъ, котораго мы понынѣ привыкли имѣть среди себя, ясновельможный гетманъ за наше преступленіе не пожелалъ назначить впредь до дальнѣйшаго распоряженія короля и речипосполитой, назначивши только полковниковъ, то верховное начальство на время поручено п. Ильяшу, переяславскому полковнику, который, не участвуя въ бунтахъ, вѣрно оставался при коронномъ войскѣ. Теперь всѣ мы, прося дальнѣйшей милости короля и всей речипосполитой, присягаемъ оставаться въ спокойствіи и порядкѣ и назначаемъ изъ среды себя посольство къ Е. К. Величеству, свѣтлѣйшему сенату и всей речипосполитой, а также къ ясновельможному Станиславу Конецпольскому, кастеляну краковскому, великому коронному гетману. Что же касается Запорожья, морскихъ челновъ и обычной стражи, то мы обязываемся быть въ готовности выступать по первому приказу ясновельможныхъ гетмановъ коронныхъ и назначенныхъ комиссаровъ, челны сжечь, если будетъ такое распоряженіе и выслать изъ Запорожья всю чернь, которая превышаетъ число установленной тамъ стражи. Что касается самыхъ реестровъ, приведенныхъ въ настоящее время въ безпорядокъ вслѣдствіе нашего пораженія, то въ этомъ отношеніи, отдаваясь на волю и милосердіе Е. К. Милости и всей речипосполитой, также ясновельможныхъ гетмановъ коронныхъ, мы обязываемся согласно компуту, составленному для насъ коммиссарами и въ томъ порядкѣ, въ какомъ желаетъ имѣть насъ милосердіе Е. К. М., пана нашего милостиваго, пребывать на будущее время въ полной вѣрности и подданствѣ речипосполитой. Все это подтверждаемъ присягою, поднявъ руки къ небу, а для вѣчной и безсмертной памяти, какъ о наказаніи за наши преступленія, чтобы и въ будущія времена не повторялись подобные бунты, такъ и объ оказанномъ намъ милосердіи, даемъ эту грамоту за войсковою печатью и подписью войсковаго писаря. Каковая грамота должна всегда находиться при войсковыхъ реестрахъ для того, чтобы мы

помнили какъ понесенную кару, такъ и милосердіе Е. К. М. и всей речипосполитой.

Писано въ полной радѣ подъ Боровицею, въ канунъ Рождества Христова р. Б. 1637. Богданъ Хмельницкій, именемъ всего войска Е. К. М. Запорожскаго, какъ войсковый писарь при печати рукою власною.

По принесеніи присяги старшина пришла благодарить польнаго гетмана, который внушалъ имъ помнить присягу, впредь не нарушать вѣрности королю и речипосполитой, а нынѣшнихъ бунтовщиковъ разыскать и покарать. Получивъ извѣстіе, что въ четырехъ миляхъ отсюда, въ Ирклѣевѣ, находится Кизимъ съ четырьмя тысячами войска, гетманъ послалъ къ нему Станислава Потоцкаго, а реестровымъ приказалъ на слѣдующій день съ другой стороны заходить къ Ирклѣову. Прибыли также и старшіе козаки съ Дорошемъ и Цехрынею, прося милосердія, которое и было имъ обѣщано подъ условіемъ выдачи Скидана и прочихъ бунтовщиковъ; они утверждали, что Скиданъ ушелъ на Запорожье, другихъ же выдали, Куша и Сачка, Павлюкова полковника, а Скидана обѣщали разыскать, въ чемъ и присягнули.

Въ день Рождества Христова, отдавши честь Богу пушечными выстрѣлами во время утрени и прослушавъ литургію, коронное войско созвано на раду, гдѣ гетманъ усиленно и милостиво благодарилъ всѣхъ за согласіе служить въ теченіи трехъ недѣль, за столь успѣшную службу и покорность ему и речипосполитой; сообщилъ, что новыя толпы собраны Скиданомъ за Днѣпромъ, за которыми показываются еще другія, а въ виду того, что обѣщанныя три недѣли близятся къ исходу, просилъ каждого изъ поручиковъ съ тѣмъ же усердіемъ до конца громить непріятеля. Иные были согласны и не противорѣчили, другіе предпочитали разойтись; наконецъ обѣщали служить до 1 марта, т. е. до конца сейма и выбрали послами на сеймъ для доклада объ ихъ нуждахъ старосту хмѣльницкаго, старосту богуславскаго и п.п. Корыцинскаго, Длотовского, Стана, Убыша и др. Въ то время какъ рыцарство отбывало раду, козаки въ количествѣ трехъ тысячъ шли противъ Кизима къ Ирклѣеву

при звукахъ бубновъ и шаламайки sic; старшій полковникъ ѣхалъ, окруженный знаменами, подъ бунчукомъ, т. е. бѣлымъ значкомъ съ двумя конскими хвостами, висящими пониже яблока и покрытыми чернымъ чехломъ. Многіе, глядя на нихъ, думали: „Если измѣните речипосполитой, то никто уже не сжалится надъ вами“; но, благодаря Бога, они доказали свою вѣрность. Когда же доставлены были вѣрные языки отъ п. воеводича и п. Гижицкаго, дававшіе знать о новыхъ скопищахъ и о томъ, что Кизимъ послалъ своего сына вмѣстѣ съ Кропцемъ въ Лубны за пушками, гаковницами и людьми, гетманъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ Днѣпру, чтобы узнать, можно ли переправиться съ артиллеріею. Ночь была благопріятная, ледъ на Днѣпрѣ остановился; на утро 25 декабря войско тронулось и перешло съ пушками на другой берегъ, но едва отошло полмили отъ Днѣпра, какъ реестровые козаки привели Кизима къ гетману, а его крестьянское ополченіе разогнали. Видно самъ Богъ благопріятствовалъ гетману, ниспосылая по его желанію и дождь, и морозъ, и побѣду. Поэтому, успокоивши съ Божьею помощью Украину въ столь непродолжительное время, Е. М., прибывъ со всею арміею къ Іереміевкѣ, часть войска отослалъ обратно за Днѣпръ на квартиры, другую часть съ пушками и плѣнными послалъ въ Кіевъ, третью направилъ дальше за Кіевъ къ Муравскимъ Шляхамъ на зимнія квартиры, съ приказомъ всюду подавлять возстаніе. Но когда гетманъ, распустивъ такимъ образомъ войска, самъ приблизился къ Ирклѣеву, произошло новое замѣшательство: получено письменное извѣстіе изъ Лубенъ, что тамъ въ третій разъ уже собирается непріятель и разоряетъ городъ; сперва Скиданъ, послѣ Кукла и Скребець, теперь Кизименко и Дукренко, которые сожгли костелъ и монастырь, бернардиновъ перебили и запрещаютъ ихъ погребать, убили также п.п: Клобучинскаго съ братомъ и слугами, Бедлинскаго, Выснерскаго съ женою и матерью, Красносельскаго, Каленскаго, Пудловскаго, Главацкаго и многихъ другихъ шляхтичей и евреевъ. Е. М. снова послалъ своего брата Станислава Потоцкаго, п.п: Казановскаго, Гижицкаго, Коморовскаго, Вихровскаго, кн. Четвертинскаго и другихъ съ хоругвями и вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ полковнику миргородскому вни-

кнуть въ дѣло, задерживать и карать виновныхъ. Самъ гетманъ направился къ Переяславу, покаралъ тамъ бунтовщиковъ, троихъ казнивши смертью и такъ почти въ каждомъ мѣстечкѣ, а по его примѣру и сами паны наказывали своихъ непокорныхъ подданныхъ то смертью, то лишеніемъ имущества. Въ день Новаго года направился къ Нѣжину, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ и всевозможныя усилія со стороны черниговскаго подкоморія, чтобы удержать дорогаго гостя, хотя и самъ онъ, по причинѣ козацкой войны, былъ только временнымъ гостемъ въ своемъ домѣ. По прибытіи въ Нѣжинъ гетманъ приказалъ казнить бунтовщиковъ: Пирога и пятерыхъ старшинъ; сюда же козаки Миргородскаго полка привели Кизименка. Въ тоже время получено письмо отъ великаго короннаго гетмана, который въ лестныхъ выраженіяхъ поздравлялъ польнаго гетмана съ столь громкою побѣдою и быстрымъ успокоеніемъ края.

(Далѣе слѣдуетъ самый текстъ письма, исполненный краснорѣчія, но не представляющій фактическаго интереса).

Пробывъ недолгое время въ Нѣжинѣ, гетманъ направился къ Кіеву, чтобы водворить законный порядокъ въ этомъ центрѣ возмущенія, между тѣмъ какъ въ назначенныхъ пунктахъ стояли наготовѣ хоругви. Городъ принялъ гетмана съ подобающими почестями, его посѣтилъ митрополитъ, а вновь учрежденныя школы привѣтствовали пышною рѣчью. На другой день гетманъ приказалъ посадить на колъ начальниковъ бунта и святотатцевъ, Кизима съ сыномъ, а третьяго, Куша обезглавить. Въ тотъ же день онъ распорядился, чтобы полковникъ Ильяшъ въ присутствіи назначенныхъ коммиссаровъ составилъ списокъ реестровыхъ козаковъ, чтобы видѣть число недостающихъ и принять отъ всѣхъ присягу.

Позже отправились въ первый день поста на ту же перепись въ Трехтемировъ п. подкоморій черниговскій и Станиславъ Потоцкій, полковникъ королевскихъ войскъ. Тамъ происходило большое смятеніе, ибо Скиданъ, собравши пять тысячъ бунтовщиковъ, подымалъ уже возстаніе на Запорожьи; но стараніями коммиссаровъ удалось успокоить крестьянъ, а козаки по одиночкѣ присягнули на распятіи въ соблюденіи Куруковскихъ статей. Затѣмъ гетманъ польный послалъ на

Запорожье ротмистра Мелецкаго и старшаго полковника Ильяша съ предписаніемъ отобрать и тамъ присягу, сжечь лодки и отобрать кіевскія пушки, которыя были взяты п. краковскимъ у города подъ росписку и посланы въ Кодакъ, захватить Скидана и вывести излишекъ стражи изъ Запорожья. Далѣе гетманъ двинулся къ Летичеву въ сопровожденіи плѣнниковъ и козацкой артиллеріи, взятой какъ военный трофей. Четыре пушки носили надписи: „Ferdinandus me fecit“, „Rudolphus secundus Jmper.“, „Rudolphus secundus Jmperator, Bohemiæ Rex, etc.“, четвертая съ арабскою надписью, пятая гладкая безъ помѣтокъ, шестая кіевская витая, седьмая отдана п. стражнику, осьмая пожалована реестровымъ козакамъ; прочія пушки, взятыя козаками въ городахъ, возвращены этимъ городомъ. Отсюда гетманъ двинулся къ Тисменицѣ, гдѣ ему вручено благодарственное посланіе отъ короля.

Дневникъ 1638 года.

---

1) О распредѣленіи зимнихъ квартиръ для короннаго войска послѣ прошлогодней побѣды надъ Павлюкомъ.

Всѣ совѣты Плутарха исполнены глубокаго смысла, но болѣе всего заслуживаетъ онъ благодарности, напоминая предусмотрительнымъ полководцамъ, съ какою обдуманностью должно заботиться о расквартированіи войскъ. Ясневельможный п. краковскій, великій гетманъ коронный и теперь съ обычною своею предусмотрительностью, для полнѣйшей безопасности речипосполитой и усмиренія начавшегося пожара, поручилъ гетману польному коронному предварительно осмотрѣть позицію за Днѣпромъ, отчасти потому, что ничто не можетъ быть вреднѣе, какъ пренебрегать непріятелемъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, а тѣмъ болѣе такимъ, который гнѣздится въ самыхъ нѣдрахъ государства, всегда можетъ по желанію собраться въ большомъ количествѣ, владѣетъ достаточною артиллеріею и держится неустрашимо при малѣйшей естественной защитѣ—болотѣ, кустахъ и пр.; отчасти же и потому, что всегда слѣдуетъ остерегаться усмиреннаго непріятеля, особенно того, который выдерживалъ и отражалъ татарскія силы, умѣетъ претерпѣвать голодъ, жажду и всѣ невзгоды, даже по временамъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ воздвигаетъ могучія голландскія батареи, парапеты, валы и шапцы, а на своихъ плоскихъ челнахъ подражаетъ на водахъ иностраннымъ морскимъ пріемамъ и обычаямъ; частью также потому, что ничѣмъ

нельзя такъ обезсилить врага и быстрѣе разсѣять мятежныя скопища, какъ занятіемъ выгодныхъ позицій въ странѣ противника, особенно въ этомъ краѣ, ибо какъ варвары природные враги народовъ цивилизованныхъ, точно также русины враги поляковъ. Поэтому если солдатамъ назначить квартиры за Днѣпромъ въ козацкомъ логовищѣ, гдѣ находятся ихъ жены, дѣти, засѣки, скотъ, хутора и прочее имущество, то этимъ лучше всего можно укротить мятежниковъ.

Въ виду этого ясневельможный п. краковскій не только слѣдилъ зоркимъ взглядомъ за распредѣленіемъ квартиръ, но почти уподобился Аргусу, съ такою предусмотрительностью назначалъ ихъ, имѣя въ виду при этомъ и цѣлость государства, и достоинство Е. К. М., и миръ въ речипосполитой, и славу польскаго оружія, и силы язычниковъ, кочующихъ близъ Украины. А такъ какъ распространилась молва о новомъ бунтѣ въ Пруссіи, гдѣ Данцигъ претендовалъ на морское владычество, ссылаясь на какія-то привилегіи и какую-то грамоту, якобы выданную ему кѣмъ-то отъ имени всѣхъ штатовъ королевства и обращался къ покровительству иностранныхъ державъ, то п. краковскій раздѣлилъ коронныя войска: частью ихъ занялъ Приднѣпровье и Заднѣпровье, обезпечивши всѣ пути при Днѣпрѣ; другой части назначилъ стоянки въ Польшѣ, поближе къ прусской границѣ, чтобы удобнѣе слѣдить за безопасностью государства; затѣмъ поручилъ польному гетману, товарищу по мечу и мудрости, дальнѣйшее усмиреніе крестьянскаго возстанія на Украинѣ. Польный гетманъ вывелъ польское войско изъ подъ Іереміевки и Ирклѣева, размѣстилъ жолнеровъ по квартирамъ, оставивъ реестровыхъ козаковъ въ подчиненіи, послѣ чего передалъ начальство своему брату Станиславу Потоцкому, воеводичу брацлавскому, ротмистру королевскихъ войскъ, котораго назначилъ полковникомъ, ибо не могъ оставить на свое мѣсто никого болѣе вѣрнаго.

2) Польза, вытекавшая для речипосполитой отъ распредѣленія квартиръ для войска.

Указанное расквартированіе войскъ должно было принести и дѣйствительно принесло не мало выгодъ для речипосполитой, ибо

водворено было утраченное на Украинѣ спокойствіе для помѣщиковъ, относительно котораго многимъ приходилось сомнѣваться, такъ какъ они знали убѣжденія непокорныхъ козаковъ, которые разсчитывали отпустить войску квартиры только по сю сторону Днѣпра и то лишь до береговъ р. Роси. Такимъ расквартированіемъ не только усмирена тиранія надъ домами, личностями и имуществомъ шляхты, не только разысканы и возвращены костеламъ похищенныя изъ нихъ утварь и св. чаши, не только выслѣжены бунтовщики и мятежники и выданы для казни, возвращено право суда гетманамъ и собственнымъ ихъ панамъ, но, благодаря такому порядку расквартированія, солдаты не допускали ни сборищъ, ни распространенія, злостныхъ замысловъ. Поэтому каждый мятежный козакъ сидѣлъ тише и покорнѣе смотрѣлъ на жолнера, чѣмъ попавшій въ западню волкъ; и прислуживалъ, и стѣснялся, и проклиналъ дружину. Наконецъ послѣ занятія зимнихъ квартиръ не малую выгоду, заслужившую гетманамъ великую признательность, представляетъ то, что всѣ принадлежавшіе дотолѣ козакамъ города, уходы, укрѣпленія отъ Днѣпра до Муравскаго Шляха и оттуда въ дикія поля до самаго Запорожья, все осмотрѣли и измѣрили солдаты и то, что въ старину извѣстно было только свободнымъ козакамъ, за что они получали въ награду должности полковниковъ и старшинъ, то узналъ теперь каждый простой солдатъ въ глухихъ козацкихъ селеніяхъ на Украинѣ и все это онъ можетъ разсказать и показать. Наконецъ речьпосполитая извлекла еще ту выгоду изъ такого расположенія зимнихъ квартиръ, что при началѣ новаго возмущенія удалось сразу встрѣтить его грудью и дать отпоръ на первыхъ порахъ, что было-бы не только затруднительно при отдаленныхъ стоянкахъ, но и сопряжено съ опасностью; между тѣмъ какъ теперь короннымъ войскамъ легко было отразить самый сильный натискъ, словно какую домашнюю ссору.

3) Весною козаки возлагаютъ надежды на Днѣпръ Славуту.

Различные способы избираются военачальниками для одолѣванія непріятельскихъ силъ. Такъ напримѣръ древніе литовскіе князья,

не будучи въ состояніи побѣдить нѣмецкихъ рыцарей, переселяли въ укрѣпленные замки на шестьдесятъ и болѣе миль вглубь края своихъ подданныхъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, а когда ожидалось наступленіе непріятеля, тогда и зеленыя поля, и города, и села, все приносилось въ жертву огню. Когда-же непріятель, вторгнувшись далеко внутрь страны, успѣвалъ миновать пожары и пустыни, онъ до того страдалъ отъ голода и утомленія что долженъ былъ уходить побѣжденый безъ боя, не находя ни пастбищъ, ни пропитанія.

Иные мѣтятъ въ одинъ пунктъ, а бьютъ въ другой и быстро поражаютъ противника; иные побѣждаютъ непріятеля, возглая надежду на городскія укрѣпленія, на запасы оружія и провіанта и много иныхъ способовъ можно встрѣтить какъ у политиковъ, такъ и у стрегиковъ. Но для козаковъ, живущихъ надъ Днѣпромъ и Дономъ, наиболѣе надежды и безопасности представляетъ вода, т. е. рѣка или болото; поэтому они и назвали Днѣпръ Славутою, т. е. гутою или кузницею славы, а Донъ господиномъ „Don“. Тамъ, гдѣ козакъ лишенъ воды, болота или оврага, онъ погибъ; надъ водою онъ весьма силенъ, находчивъ и способенъ на великіе подвиги, безъ нея же глухъ, нѣмъ, ничего не знаетъ и гибнетъ какъ муха; потому то зима, когда нельзя окапываться и прикрываться водою, жестокій врагъ для козака и самое плохое время для войны: за то весна, лѣто и часть осени это для него хлѣбъ, богатство и всякое благополучіе. Поэтому начало половодья въ Днѣпрѣ и прочихъ рѣкахъ придало козакамъ столько отваги, что они задумали воскресить погибшую и погребенную подъ Кумейками славу. Съ этою цѣлью, избравши себѣ Острянина [1]) старшимъ на Запорожьи, а при немъ Скидана, послали просить въ помощь донскихъ козаковъ. Затѣмъ разослали письма и грамоты въ болѣе извѣстные монастыри и города, отправили священниковъ и монаховъ на Подоліе, Покутье и Волынь, чтобы

---

[1]) Яцко Острянинъ, ошибочно называемый позднѣйшими козацкими лѣтописцами Остряницею, былъ полковникомъ реестровыхъ козаковъ; въ этомъ званіи онъ упоминается уже въ 1634 году, во время похода козаковъ вмѣстѣ съ польскими войсками въ Сѣверщину и подъ Сѣвскъ. (Акты Московскаго государства I, 585—587).

возбуждать къ войнѣ народъ и шляхту греческаго вѣроисповѣданія, употребляя даже монахинь для этой пропаганды. Наконецъ снарядили посольство въ Римъ съ предложеніемъ подчинить папѣ цѣлую Украину и всѣ города и замки, какіе удастся завоевать, подъ условіемъ разрѣшить имъ вести войну, прикрываясь папскимъ именемъ. Такимъ образомъ козаки не только прибѣгали ко всѣмъ земнымъ силамъ, но готовы были бы, если бы то было возможно, обратиться къ самому Плутону за совѣтомъ и помощью противъ своего короля и речипосполитой, лишь бы какимъ нибудь способомъ воскресить козацкую силу, погребенную годъ назадъ Николаемъ Потоцкимъ, гетманомъ польнымъ коронпымъ; такую отвагу сообщило бунтовщикамъ вскрытіе Днѣпра и другихъ рѣкъ съ наступленіемъ весны. Но Станиславъ Потоцкій, полковникъ, заступавшій мѣсто гетмана, зорко слѣдилъ за ними, получая много вѣстей, грозившихъ серьезными опасеніями и все время о томъ только думалъ, какимъ бы образомъ закрѣпить раньше одержанную побѣду, что и доказалъ на своемъ посту всему рыцарству и цѣлому міру, какъ это наглядно можно видѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи.

4) Выступленіе изъ Запорожья своевольныхъ козаковъ.

Бѣдствовавшіе на Запорожьи козаки полагали, что легко будетъ нанести пораженіе солдатамъ, разгостившимся въ украинскихъ селахъ, которыхъ постигнетъ бѣдствіе подобно тому, какъ нѣкогда ослабѣла доблесть Аннибала отъ роскоши въ Кампаніи; но вы, любезные козаки, не сообразили, что Кампанія производитъ не такія лакомства и фрукты, какъ села украинскія: брага, горилка, медъ и пиво съ дрожжами—вотъ украинское блаженство и солдатамъ не надъ чѣмъ было изнѣжиться, но скорѣе можно было закалить себя для военныхъ трудовъ. Въ то время Острянинъ вышелъ уже изъ Запорожья, какъ носились слухи, съ войскомъ огромнымъ, страшнымъ, непобѣдимымъ, съ хорошею артиллеріею, съ разсчетомъ на обѣщанную помощь и на благорасположеніе населенія, готоваго измѣнить речипосполитой; одни приготовляютъ порохъ, другіе поставляютъ людей, деньги и провіантъ; уже устроили свою больницу въ Трехтемировѣ

Межигорскій монастырь шлетъ имъ благословеніе и Печерскій воздастъ честь; на водахъ уже готовы переправы; самыя рѣки Пселъ, Сула, Старица и Днѣпръ несутъ Остряниву эхо: veni, vide, vince! Ободренный всѣмъ этимъ Острянинъ сухимъ путомъ и лодками подвигался къ населенной Украинѣ, но вспомнивъ участь своихъ предшественниковъ, онъ содрогнулся и подумалъ, что всѣ эти обѣщанія хороши, но жизнь цѣннѣе всего. „Были гетманами Наливайко, Подкова, Косинскій, Павлюкъ и пользовались тою вольностью, какою я теперь пользуюсь; неужели и мнѣ суждено окончить жизнь на колу“? Вслѣдствіе такихъ размышленій его тайныя намѣренія направлены были къ тому, чтобы привлечь всѣхъ къ возстанію, но самому уцѣлѣть. Онъ выходилъ уже изъ степей и вступалъ въ заселенную область, но тайкомъ и украдкою, чтобы о немъ не знали, ибо силы его были еще малы; однако за нимъ зорко слѣдилъ бдительный полковникъ, получившій предварительно здравый совѣтъ отъ товарищей. Онъ извѣстилъ объ этой опасности гетмана польнаго короннаго, который со всею поспѣшностью устремился къ Срибному, желая встрѣтить Острянина еще въ степи, но тотъ, будучи предостереженъ, направился къ Кременчугу, вступилъ въ заселенную мѣстность, раздобылъ лошадей и, ограбивши Кременчугъ, Хоролъ и Омельникъ, а жителей ихъ захвативъ съ собою, повернулъ къ Голтвѣ, городу князя Іереміи, заперся тамъ и укрѣпился.

5) *Походъ короннаго войска подъ Голтву.*

Непріятель, затворившійся въ городѣ, былъ почти также безопасенъ, какъ рыба въ неводѣ, поэтому и, полковникъ не хотѣлъ упускать такого случая, но убѣждалъ и воодушевлялъ рыцарство къ быстрому наступленію, такъ какъ непріятель вошелъ уже въ городъ; съ приближеніемъ нашего войска онъ не могъ получить никакого подкрѣпленія, ни сохранить надолго смѣлости и дерзости духа, которую должна была уничтожить наша поспѣшность. Рыцарство выказало полковнику полную готовность, безъ возраженій и и промедленій, забывая совершенно, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они не только не получаютъ платы за свои кровавые труды,

но даже послѣднія ихъ заслуги и потери подъ Кумейками и Боровицею не принесли имъ никакого вознагражденія; теперь они готовы были идти на послѣднія свои средства, чтобы тѣмъ сильнѣе доказать готовность служить отечеству, королю и речипосполитой. Столь изумительна была готовность рыцарства, что каждый наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшилъ на мѣсто битвы, прося для себя и выбирая самые опасные посты. Однихъ побуждало сожалѣніе о томъ, что они не участвовали въ сраженіи подъ Кумейками и они жаждали вознаградить свое отсутствіе; другихъ воодушевляла раньше добытая слава и желаніе увеличить ее новыми подвигами.

Довольный и обнадеженный такою готовностью рыцарства, Станиславъ Потоцкій изъ числа его избралъ себѣ совѣтъ и назначилъ временно полковниковъ и прочихъ офицеровъ, за отсутствіемъ въ войскѣ настоящихъ. На мѣста полковниковъ были назначены: поручикъ подольскаго воеводы п. Блажейовскій, поручикъ князя Іереміи Длотовскій, поручикъ маркграфа и старосты гродецкого Владиславъ Ташицкій; должность стражника поручена бдительному ротмистру, обознымъ назначенъ п. Коханъ; затѣмъ поспѣшно направились къ Голтвѣ съ коронною артиллеріею и нѣмецкими солдатами

б) Объ укрѣпленіи Голтвы Остряниномъ.

Кому памятно пораженіе козаковъ подъ Кумейками, тотъ долженъ догадываться о значительности сооруженныхъ ими у Голтвы укрѣпленій, не смотря на то, что городъ отъ природы хорошо защищенъ; дѣйствительно, Голтву съ двухъ сторонъ омываютъ рѣки, Пселъ и Хоролъ и этотъ Пселъ, окруженный огромными болотами, подобно Днѣпру въ Молдавіи, окаймляетъ городъ полукругомъ; по ту сторону рѣки лѣса, а въ этомъ полукругѣ городъ, обнесенный крѣпкимъ частоколомъ и замокъ, точно также укрѣпленный. Всего одинъ мостъ ведетъ отъ замка черезъ воду, а вдоль этихъ рѣкъ у города глубокіе овраги и заросли. Кромѣ такой защиты козаки насыпали валъ внѣ палисада, ворота загородили накрѣпко и засыпали землею, то же самое сдѣлали и въ замкѣ; передъ городомъ отъ одной

рѣки до другой возвели крѣпкій валъ, а находившійся передъ валомъ курганъ обратили въ сильный редутъ для того, чтобы польское войско, которое не могло подойти иначе, какъ съ этой стороны, при наступленіи обратило туда свои силы и не приближалось къ городу. На валахъ разставили тысячи людей, нѣсколько сотень размѣстили для охраны воротъ и башень, передовой окопъ снабдили артиллеріей; сверхъ того размѣстили на высокихъ крышахъ колдуновъ и чаровницъ, чтобы они могли производить заклинанія надъ порохомъ, пушками, воздухомъ и огнемъ.

7) Устройство польскаго лагеря у Голтвы.

Различные народы во время войны различнымъ образомъ укрѣпляютъ свои лагери, польскія-же коронныя войска, состоящія почти исключительно изъ лицъ шляхетскаго происхожденія, вмѣсто искусственныхъ сооруженій укрѣпляютъ свой лагерь живымъ оплотомъ, устанавливая шлемъ къ шлему, мечь къ мечу и ногу къ ногѣ. Пѣхота же, состоящая изъ черни, обыкновенно строитъ для себя при польской артиллеріи какой нибудь небольшой окопъ, приспособленный въ видѣ бруствера для стрѣльбы изъ ружей; поэтому и здѣсь она перекинула небольшой валъ отъ рѣки до рѣки и устроила впереди его три хорошо укрѣпленныхъ шанца. Вслѣдъ за тѣмъ п. полковникъ, видя, что лагерь уже устроенъ и хоругви установлены въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, приказалъ готовить мостъ на Пслѣ и приступилъ къ его постройкѣ, выслалъ развѣдчиковъ, размѣстилъ передовую стражу, послалъ для поимки свѣжаго языка, осмотрѣлъ мѣстность и выслѣдилъ положеніе непріятеля, желая на слѣдующій день, 6 мая, начать наступленіе. Но такъ какъ въ этотъ день оставалось еще много свободнаго времени, то п. полковникъ сдѣлалъ опытъ: перевелъ на другой берегъ Псла два полка нѣмецкой пѣхоты —одинъ п. обознаго Бѣгановскаго и другой нѣмецкаго капитана, которому вручено командованіе этимъ полкомъ по смерти великаго богатыря Жолкевскаго[1]), сверхъ того нѣсколько тысячъ реестровыхъ

---

[1]) Въ переводѣ *Величка* въ этомъ мѣстѣ прибавлено слѣдующее примѣчаніе: „Въ двохъ рейментахъ онихъ, за Псełъ выправленыхъ, любо не вспоминаетъ ска-

козаковъ подъ начальствомъ старшаго полковника п. Ильяша и хоругвь п. Мелецкаго и приказалъ всѣмъ имъ обратиться къ замку и мосту. Полки тотчасъ-же насыпали шанцы, въ которыхъ и затворились, а Ильяшъ, какъ добрый воинъ, вскочилъ на мостъ со своею компаніею, пытаясь захватить ворота, но, подавленный стремительностью ружейныхъ залповъ, былъ раненъ самъ, а непріятель тотчасъ подложилъ огонь и сжегъ мостъ. Однако и въ средѣ самого непріятеля произошло немалое смятеніе и онъ, уразумѣвши обманчивость своихъ надеждъ, при видѣ такой энергіи солдатъ и своихъ потерь, началъ замышлять нѣчто иное; но все это было прервано наступленіемъ ночи.

8) Сраженіе коронныхъ войскъ съ Острянином у Голтвы.

П. Полковникъ приготовился къ битвѣ сообразно всѣмъ требованіямъ военнаго искусства, ибо тотъ имѣетъ большое преимущество передъ противниковъ, кто самъ избираетъ поле для сраженія и на немъ поджидаетъ врага. Между тѣмъ п. полковникъ короннаго войска, зная, что умъ ихъ замышляетъ грабежъ, а уста произносятъ ложь, приказалъ соблюдать осторожность полкамъ, помѣщеннымъ въ окопахъ, а также реестровымъ козакамъ и рекомендовалъ бдительность начальникамъ лагеря; въ тоже время онъ распорядился какъ можно скорѣе оканчивать мостъ. Съ своей стороны Острянинъ въ ту же ночь выслалъ нѣсколько тысячъ козаковъ черезъ Псёлъ и лѣса; однимъ приказано незамѣтно приблизиться къ польскимъ полкамъ, преграждая дороги древесными стволами и вѣтвями для того, чтобы конница не могла ихъ аттаковать, другимъ—по оврагамъ и трущобамъ съ двухъ сторонъ пробраться къ коронному лагерю и до разсвѣта аттаковать нѣмцевъ.

Таковъ характеръ хлопской войны; они не признаютъ правила, что лучше быть побѣжденнымъ въ честномъ бою, нежели побѣждать

сатель сего діяріуша, велебный Симонъ Окольскій, лячбы товариства, знать встидаючися написати правды, для побѣды отъ войска Острянинового надъ ними ставулой, однакъ я въ рукописномъ козацкомъ лѣтописцу вычиталемъ тое, ижъ было товариства въ двохъ помененныхъ рейментахъ полскихъ 9800". (Величко т. IV, стр. 200).

безчестнымъ образомъ; предательская побѣда постыдное дѣло, но въ крестьянской войнѣ это слава. П. полковникъ коронный приказалъ вслѣдъ за тѣмъ стрѣлять изъ ружей и пушекъ въ козацкіе шанцы; оттуда отвѣтили тѣмъ же и завязалась перестрѣлка. Съ своей стороны и козаки, высланные ночью, начали откликаться къ полкамъ, которые отвѣчали изъ пушекъ и мушкетовъ, поражая козаковъ и причиняя имъ большой уронъ. Разъяренные козаки все сильнѣе, чаще и упорнѣе наступали на нѣмцевъ изъ-за дубовъ и бровенъ, словно медвѣдь на пчелъ; но тѣ съ несокрушимымъ сердцемъ до самаго вечера выдерживали натискъ, пока наконецъ имъ недостало пуль, но и тогда они предпочли умереть другъ возлѣ друга, чѣмъ достаться въ руки непріятелю [1]). Дѣйствительно, не малый отрядъ людей остался тамъ на мѣстѣ, ибо поляки не успѣли такъ быстро построить моста и не могли подать имъ помощи въ лѣсу, столь густомъ, болотистомъ и заваленномъ колодами; поэтому умирали тамъ какъ богатыри, какъ доблестные рыцари, какъ высокіе бароны. Былъ моментъ, когда коронное войско подступало къ валамъ и наносило значительный имъ уронъ; но козаки, выйдя изъ лѣсныхъ долинъ и овраговъ, зашли въ тылъ войску, когда-же нѣкоторыя хоругви обратились на нихъ, они бѣжали въ эти овраги, словно въ какія берлоги. Козаковъ пало около 2,000, но и нашихъ достаточно; всего-же больше жаль гибели конницы, которая оттиснута была вслѣдствіи неудобства мѣстности для конной битвы и на третій день принуждена отступить. Желалъ бы я знать, почему въ войнѣ, столь справедливой и начатой по волѣ короля и речипосполитой, Богъ послалъ такая суровое начало? Думаю, что на то были двѣ причины: первая та, что многіе изъ отдаленныхъ пановъ пренебрежительно относились къ этой крестьянской войнѣ, глядя на

---

[1]) Примѣчаніе Величка: „Свидѣтельствуетъ лѣтописецъ козацкій, же при нестаню олова нестало и обоихъ тыхъ региментовъ нѣмецкихъ, чого отецъ Окольскій, складачъ сего діаріуша, не выразилъ для жалю, чили для встыду зъ такъ значнаго людей своихъ упадку, бо зъ 9800 товариства, въ помененныхъ двохъ рейментахъ бывшого, заледво зъ полтораста человѣкъ живыхъ до свого обозу, ни въ чимъ, въ едныхъ толко кошулахъ, приволоклося“. (Величко IV, стр. 202).

козацкую чернь какъ на своихъ пастуховъ и поденщиковъ и тѣмъ самымъ уменьшали славу добрыхъ воиновъ и гетмана. Поэтому Богъ показалъ въ первой же стычкѣ, что, хотя въ средѣ козацкой нѣтъ ни князей, ни сенаторовъ, ни воеводъ, съ которыми солдатъ могъ-бы помѣряться въ битвѣ, за то есть такіе люди, что если бы не препятствовали тому составленные противъ плебеевъ законы, то среди нихъ нашлись бы достойные назваться равными по храбрости Цинцинату, который отъ плуга былъ призванъ въ диктаторы, или Ѳемистоклу. Во вторыхъ угодно было Богу показать, что крестьянскія войны бываютъ столь жестоки, что могутъ быть подавлены только самимъ Богомъ [1].

9) Отступленіе отъ Голтвы.

П. полковникъ благоразумно отвелъ войско отъ Голтвы и направился къ Лубнамъ, куда разсчитывалъ выступить и Острянинъ. Это было въ день 11 мая; выйдя въ поле, полковникъ ожидалъ почти цѣлыхъ два дня, не удастся-ли выманить Острянина изъ города, но тотъ прочно засѣлъ. Когда же п. воеводичъ отправился дальше, Острянинъ ложно втолковалъ своимъ, будто онъ постыдно бѣжалъ и убѣдилъ ихъ, что лучше имъ двинуться къ Лубнамъ, гдѣ сходятся всѣ пути, гдѣ находится центръ военныхъ силъ, гдѣ сосредоточены и люди, и припасы, и защита, нежели оставаться на

---

[1]) Въ концѣ главы въ переводѣ Величка помѣщена слѣдующая приписка заимствованная по его словамъ изъ „Козацкого лѣтописца“: Хоча при концу роздѣла композиторъ сего діаріуша, отецъ Окольскій, положилъ такое слово, что изъ иныхъ короговей много товариства таковую войну и потребу кровю печатовали, однакъ не выразилъ того именно, колко власне тамъ подъ Голтвою полского пропало жолнѣра, чи то не мѣлъ о томъ певной реляціи, чили околѣла была ему на тотъ часъ рука его, же не написалъ правды тоеи, ижъ подъ Голтвою отъ войска Острянинового козацкого (которого всего на тотъ часъ вщислялося на 12,000) забито поляковъ розного gатунку, то есть товариства значного, пахолковъ и лiозныхъ полчварти тисячи злишкомъ, кромѣ козаковъ реестровыхъ; бо по отходѣ войскъ полскихъ отъ Голтви, знайшлося въ шанцахъ полскихъ, около Голтви починенныхъ, и по инныхъ розниxъ мѣсткахъ, ярахъ и долинахъ, не погребенниxъ труповъ полскихъ на 3000, а погребенниxъ, исчисляючи могилки, явилось на 500 злишкомъ, по единому тилко человѣку рахуючи въ могѝлцѣ. (Величко, т. IV, стр. 205).

мѣстѣ. Возлагая большую надежду на обманчивую фортуну, улыбнувшуюся ему у Голтвы, онъ ожидалъ полнаго успѣха; козаки уже распредѣляли Украину между предводителей: одному отдавали Переяславъ, другому Кіевъ, третьему Волынь. Остановившись въ 14 миляхъ отъ Голтвы, п. воеводичъ расположился лагеремъ подъ Лубнами надъ р. Сулою, откуда поскорѣе послалъ вѣсть гетманамъ въ Баръ и на Покутье. Немедленно послѣ отправки этой почты онъ получилъ извѣстіе, что Острянинъ выступилъ изъ Голтвы и направляется къ Лубнамъ; солдаты рады были гостямъ и готовились къ пиру, чтобы достойно принять мятежниковъ и клятвопреступниковъ.

10) Наступленіе Острянина подъ Лубны.

Острянинъ имѣлъ уже немалое основаніе для наступленія, ибо не только послалъ Скидана въ Чигринъ, гдѣ находится средоточіе отборнаго козачества, но и получилъ вѣрное извѣстіе, что на помощь ему тотчасъ прибудутъ нѣсколько полковъ. Однимъ изъ нихъ предводительствовалъ Путивлецъ; полкъ этотъ своеволіемъ и мятежнымъ духомъ превосходилъ почти всѣ остальные и въ составъ его, между прочимъ, входили опытные въ военномъ дѣлѣ донскіе козаки; другимъ предводительствовалъ Сокирявый, а съ той стороны, отъ Кіева, Солома и другіе составляли новые полки; вообще немалое число козаковъ приходило къ нему стороною. Одно только у нихъ всегда было неосновательно и небезопасно, а именно то, что они не допускаютъ къ войску своихъ священниковъ и потому не достаточно думаютъ о Богѣ, но какъ безумные довѣряютъ только своей силѣ и численности. Очутившись уже въ милѣ или полуторѣ мили отъ короннаго лагеря, Острянинъ замѣтилъ, что перестали прибывать значительныя подкрѣпленія и не видно тѣхъ полковъ, которые по разсказамъ должны были находиться близь Лубенъ. Предстоитъ наступать дальше, но ему какъ-то непріятно; тогда онъ приказалъ подать горилки и выпилъ съ прочею старшиною для храбрости по квартѣ или ковшу, говоря: „Милостивый п. воеводо, старосто и судья, тепера-жъ такъ будемо витатыся; поспишаймо до нихъ“. И такъ Острянинъ, который обманомъ сманилъ многихъ реестровыхъ,

притѣснялъ бѣднѣйшихъ, насильно сгоняя неповинныхъ людей изъ городовъ и селъ, наобѣщалъ имъ послѣ побѣды много шубъ, серебра, лошадей и всякой добычи, потомъ, когда вывелъ ихъ на войну и увидѣлъ, что они тысячами лежатъ послѣ битвы, насытившись этимъ мясомъ и падалью, самъ задумалъ бѣжать отъ нихъ. Приведя въ порядокъ и надлежащимъ образомъ осмотрѣвъ таборъ, онъ подступилъ къ Лубнамъ, гдѣ уже поджидалъ его п. воеводичъ, генеральный полковникъ короннаго войска со всею компаніею. Когда таборъ былъ остановленъ на избранномъ мѣстѣ, выпрягли лошадей и сцѣпили возы съ возами, послѣ чего п. полковникъ коронный приказалъ ударить въ бубны и затрубить въ трубы, подавая сигналъ къ началу битвы.

11) Битва войскъ коронныхъ и запорожскихъ.

Занявши поле для битвы, войска были обнадежены во первыхъ болѣе выгодною позиціею, во вторыхъ надеждою на будущую удачу и обѣ стороны начали обмѣниваться пушечными и ружейными выстрѣлами. Въ дѣйствительности шансы были не равные, такъ какъ одна изъ сторонъ могла доказывать свое мужество подъ прикрытіемъ возовъ и бруствера, другая въ открытомъ полѣ пѣшимъ или коннымъ строемъ; но это послужило лишь къ большей славѣ послѣднихъ, какъ доказательство непреклонности шляхетскаго сердца. Сильно наступалъ п. полковникъ, руководимый отчасти примѣромъ недавней побѣды подъ Кумейками, одержанной его братомъ, гетманомъ польнымъ короннымъ, частью совѣтами своихъ полковниковъ и условіями мѣстности, частью врожденною сообразительностью, унаслѣдованною вмѣстѣ съ кровью храбраго своего родителя и доблестнаго рода графовъ Тарновскихъ изъ Тарнова. Онъ наступалъ на таборъ, на артиллерію, окружилъ непріятеля своимъ войскомъ, реестровымъ козакамъ приказалъ укрыться въ приготовленные ими гуляй-городы, чтобы защитить ихъ отъ выстрѣловъ и такъ, напирая съ нѣсколькихъ сторонъ, истощалъ силы непріятеля, разстраивалъ его замыслы, ворочалъ имъ будто въ котлѣ и съ каждымъ ружейнымъ залпомъ повергалъ въ прахъ его гордыя мысли. Козаки

едва успѣвали возстанавливать таборъ, разорванный нѣсколько разъ; все это происходило однако не безъ урона для нашего войска, потерявшаго при этомъ много людей и лошадей. Обѣ стороны держатся крѣпко, напрягая всѣ силы въ ожиданіи, надъ кѣмъ Богъ произнесетъ свой приговоръ и кому присудитъ побѣду. Поле уже обильно оросилось кровью, время перешло далеко за полдень, уже миновала вечерня, а битва все еще продолжается, оставаясь не рѣшенною. Полковникъ снова отвелъ войска на болѣе удобное мѣсто для того, чтобы лавою аттаковать всю продольную линію табора и приказалъ хоругвямъ двинуться на него со всею стремительностью. Съ наступленіемъ ночи непріятеля окружили кольцомъ, но такъ какъ ночь была темная, а люди сильно измучены, то коронные полагали, что проведутъ ее спокойно при извѣстныхъ предосторожностяхъ, а на слѣдующій день, 17 мая, можно будетъ просить гостей на завтракъ. Но Острянинъ, вышедшій изъ Голтвы съ тою увѣренностью, что ему стоитъ только показаться въ полѣ, взглянуть на войско и одолѣть его однимъ страхомъ безъ боя, въ ту же ночь ушелъ непредвидѣнною стороною черезъ болота и топи. Такъ послѣ этого сраженія смирился Острянинъ, возгордившійся послѣ Голтвянской побѣды; онъ страшился, что вскорѣ надъ нимъ и его сообщниками насыпана будетъ могила, а можетъ быть его ждетъ еще болѣе грозная участь: острый колъ, какъ остраго, или высокая висѣлица, какъ величайшаго изъ бездѣльниковъ. Теперь, подорвавши свои силы, Острянинъ во время бѣгства спрашивалъ въ городахъ знахарокъ и гадальщицъ, останется ли онъ въ живыхъ; объ этомъ распрашивалъ онъ въ Лохвицѣ послѣ битвы и затѣмъ въ Миргородѣ во время дальнѣйшаго бѣгства.

12) Что происходило 17 мая по уходѣ Острянина.

Три условія необходимо исполнить въ христіанскомъ войскѣ послѣ каждой побѣды. Прежде всего всѣ сообща должны за побѣду возблагодарить Бога, который укрѣпляетъ силы въ войнѣ; такъ и поступило христіанское рыцарство и каждый во время литургіи выполнялъ или подтверждалъ данные Богу обѣты. Во вторыхъ слѣ-

дуетъ отдать послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ; потому иные провожали ихъ до могилы, другіе складывали жертвы на ихъ поминовеніе. Въ третьихъ составленъ совѣтъ о томъ, что дѣлать дальше? оставить-ли убѣгающаго непріятеля безъ преслѣдованія, или же покончить съ нимъ, не давая ему собраться съ силами. Рѣшено было послать за нимъ въ погоню и п. полковникъ выслалъ ротмистра Гижицкаго, хоругви п п. Павловскаго и Казановскаго и нѣсколько сотъ реестровыхъ, которые, выйдя изъ лагеря, шли за ними по возможности то дорогою, то стороною, зорко слѣдя по сторонамъ.

13) О приходѣ Путивльца.

Когда п. Гижицкій съ ввѣренными ему компаніями вышелъ въ погоню за Остряниномъ, п. полковникъ коронный двинулъ лагерь и войско и послалъ вслѣдъ за п. Гижицкимъ двухъ коморниковъ съ предостереженіемъ, чтобы онъ овладѣлъ мостомъ подъ Миргородомъ. На пути они замѣтили войско, которое показалось имъ болѣе похожимъ на непріятельское, нежели на свое, послѣ чего они повернули обратно къ п. полковнику, котораго застали въ то время, какъ онъ посылалъ съ порученіемъ къ Слѣпороду нѣсколько хоругвей гетмана польнаго короннаго и хоругви козацкую и свою. Посланныя хоругви, подойдя къ этому невѣдому войску, наглядно убѣдились, что это непріятель. Высланные для поимки языка добыли таковаго и привели къ п. полковнику; онъ сообщилъ, что въ войскѣ этомъ предводителями Путивлецъ, Мурко и Рѣпка, народъ у нихъ отборный, все добрые стрѣлки; среди нихъ находится также 500 донцовъ, а остальные пришли отъ границъ запорожскихъ на помощь Острянину. Полковникъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе вывести все войско, приказавъ этимъ хоругвямъ задерживать тѣмъ временемъ непріятеля; напоръ козаковъ сдерживали п. Коморовскій, поручикъ гетмана польнаго короннаго, съ п. Творжанскимъ, поручикомъ п. полковника, до тѣхъ поръ, пока не подошло все коронное войско.

14) Наступленіе коронныхъ войскъ на Путивльца.

Оставивъ лагерь подъ охраною и хорошимъ надзоромъ, п. воеводичъ вышелъ боевымъ строемъ въ поле на встрѣчу непріятелю;

сердца трепетали у воиновъ; они еще не натѣшились недавнею забавою и жаждали новой утѣхи; охотно и весело, даже не отдохнувши, выходило рыцарство противъ Путивльца. Тотъ при видѣ войска смутился, ибо онъ полагалъ, что не было иного войска кромѣ отряда, который его задерживалъ и потому смѣло шелъ впередъ; впрочемъ и теперь, наскоро окопавшись валомъ, онъ вновь ободрился. Козаковъ стѣсняло то обстоятельство, что они принуждены были остановиться въ безводномъ мѣстѣ, но они надѣялись, что во время битвы имъ легко удастся придвинуться къ водѣ.

15) Второе сраженіе подъ Лубнами съ Путивльцемъ.

При видѣ коронныхъ хоругвей Путивлецъ не только не повинился въ мятежѣ, но рѣшился дать битву коронному войску. Таборъ, на который онъ особенно полагался, былъ устроенъ такимъ образомъ: возы тѣсно сцѣплены и оглобли обращены къ фронту на подобіе рогатинъ для того, чтобы не допустить доступа къ самымъ повозкамъ; самый окопъ былъ имъ оставленъ, а таборъ расположенъ въ видѣ овала и въ немъ засѣли многочисленные добрые стрѣлки съ янчарками. П. воеводичъ окружилъ его почти отовсюду для того, чтобы въ случаѣ, если бы не удалось прорвать табора, по крайней мѣрѣ утомить непріятеля постоянными приступами и принудить его, по немногу отступая, наконецъ очистить поле. Не безопасно было доводить непріятеля до такой крайности, такъ какъ отчаяніе могло только усилить его энергію, но вмѣстѣ съ тѣмъ на сильнаго, свѣжаго и пылкаго врага необходимо было наступать съ равнымъ пыломъ, а не отступать. Почти со всѣхъ сторонъ цѣлили и стрѣляли въ таборъ, аттаковали его, такъ какъ на равнинѣ въ открытомъ полѣ не было никакихъ преградъ. Съ своей стороны не дремалъ и непріятель, безпрерывно и жестоко поражая богатырей, которые устремлялись на таборъ, своею и конскою грудью пробивая его лучше нежели какими либо стѣнобитными машинами. Долго исходъ сраженія оставался нерѣшеннымъ, благодаря устройству козацкаго табора и ихъ отборнымъ стрѣлкамъ, а равно и храбрости нашего рыцарства, которое повторяло аттаки съ возрастающимъ мужествомъ, особенно

въ мѣстахъ, представлявшихъ наибольшую опасность. Пыль ѣстъ глаза и разжигаетъ жажду, солнечный зной истощаетъ силы, часы бѣгутъ въ трудахъ безъ отдыха, а оба войска все еще стоятъ чело къ челу, не отступая ни на шагъ. Но когда солнце стало склоняться на небѣ, началъ склоняться и жребій войны; мятежники поняли, что съ наступленіемъ ночи ихъ ожидаетъ смерть, ибо они останутся безъ пищи; тѣмъ не менѣе они все еще не подаютъ вида смущенія. Не мало ихъ пало въ таборѣ, много было раненныхъ, раздавались тамъ стоны и людей, и коней, то же было и у насъ въ значительной мѣрѣ, но битва все еще продолжалась. Наконецъ п. полковникъ наступилъ еще разъ и сломилъ силы и строй мятежниковъ; они просятъ милосердія, изъявляютъ покорность, нарекаютъ на свою несчастную судьбу и обѣщаютъ принести присягу. Послѣ того войско удержало свои сабли, но, наученное побѣгомъ Острянина, окружило осажденныхъ тѣсною стражею и зорко слѣдило за ними до самаго утра.

16) Прошеніе войска Путивльца и полученный отвѣтъ.

Ясневельможный м. п. полковникъ войска Е. К. М. коронного, панъ нашъ милостивый.

Припадаемъ къ ногамъ В. М., пана нашего милостиваго, мы несчастные нижайшіе слуги и подножки В. М. Среди этихъ злополучныхъ бунтовъ и мятежей мы не могли угадать, въ какую сторону обратиться; много насъ было такихъ несчастныхъ слугъ и нижайшихъ подножковъ короля Е. М., п. нашего милостиваго, которые, услышавъ грамоту В. М., вашего вельможнаго пана, отправились было къ старшему своему, полковнику войска Е. К. М. Запорожскаго, Ильяшу Караимовичу, но у перевозовъ встрѣтили неутѣшительную и грозную вѣсть о томъ, что Острянинъ разослалъ свои письма, въ которыхъ грозилъ казнить насъ огнемъ и мечемъ, если мы не пристанемъ къ нему. Вѣроятно за наши смертные грѣхи случилось такъ, что мы, безвинные люди, пошли къ нему, но величайшее несчастье, постигшее насъ, состояло именно въ томъ, что мы повѣрили письму Острянина, который писалъ, будто уже заключены условія съ вельможнымъ В. М. п. нашимъ милостивымъ и В. М.

приказалъ ѣхать къ нему, чтобы все войско было вмѣстѣ для составленія реестровъ. Мы, неповинные люди, сидѣли по домамъ, а когда случился этотъ грѣхъ, словно на крыльяхъ налетѣли на кровь, которой множество должны были пролить люди безвинные; присягаемъ именемъ Бога живаго, что мы шли не на войну и не думали подымать руки на короля Е. М. п. нашего милостиваго, ни на речьпосполитую, ни противъ Вашей Милости. Сжалься, ясневельможный м. пане и добродію, надъ нами, людьми неповинными, не допусти всѣмъ намъ погибнуть и дальше проливаться невинной крови, которая взываетъ къ Богу, ибо не наша воля была, но тѣхъ, которые вышли недавно изъ Запорожья, такъ какъ мы живемъ на самой границѣ его и запорожцы постоянно переходятъ сюда и туда по нашей сторонѣ. Окажи милосердіе, ясневельможный пане, дозволь намъ возвратиться по домамъ и молить Бога за благополучное господство Вашей Вельможности; къ Острянину же мы не думаемъ идти. Смилуйся, милостивый пане, соблаговоли отпустить насъ домой, а оттуда мы готовы являться на службу В. М. нашего милостиваго пана подъ начальствомъ старшаго нашего полковника, назначеннаго намъ приказомъ Е. К. М., пп. гетмановъ коронныхъ и В. М. Объявляемъ также В. М, что сегоднешняго дня мы выбрали старшимъ себѣ Ивана Василевича, который убѣждаетъ насъ пасть къ ногамъ В. М. и хочетъ приложить старанія, чтобы склонить къ покорности и Острянина съ его компаніею. Итакъ вторично и въ десятый разъ припадаемъ къ ногамъ В. М. и просимъ милостиваго спасенія. — Данъ въ окопѣ въ среду. Ясневельможному, а намъ милостивому пану, нижайшіе подножки. Иванъ Василевичъ.

На это прошеніе послѣдовалъ такой отвѣтъ отъ п. полковника.

„Не только этотъ дерзкій поступокъ вашъ и поднятіе руки на Е. К. М. и его войска доказываютъ, съ какимъ намѣреніемъ, куда и зачѣмъ вы шли, но изъ самого вашего писанія видно, что вы предпочли повиноваться скорѣе бездѣльнику Острянину, нежели своему королю и его полковнику. За это вы недостойны милосердія, но въ виду того, что вы просите о немъ такъ убѣдительно и

многократно и повидимому просите искрено, а также въ виду того, что вы отступили отъ старшинъ, которые привели васъ сюда и выбрали другихъ, я готовъ оказать вамъ милость на такихъ условіяхъ. Во первыхъ вы должны выдать прежнюю старшину, т. е. Путивльца и Рѣпку, во вторыхъ тотчасъ же должны остаться на службѣ подъ начальствомъ полковника Ильяша, скрѣпивъ вѣрность присягою".

Отвѣтъ козаковъ: „Призываемъ Бога въ свидѣтели, что бывшіе старшины люди невинные, а такъ какъ они состоятъ на службѣ Е. К. М., то ихъ легко будетъ взять и послѣ во всякое время; Рѣпка теперь тяжело раненъ, но будучи подданнымъ В. М. изъ Кременчуга, всегда останется въ вашихъ рукахъ. Сейчасъ остаться на службѣ не можемъ, такъ какъ имѣемъ среди себя много больныхъ и убитыхъ, но отвезши ихъ домой, черезъ 3—4 дня явимся, куда прикажетъ В. М."

Однако п. полковникъ иначе не соглашался на милость и стоялъ на своемъ; поэтому козаки на слѣдующій день 19 мая, оплакавши Путивльца и Рѣпку, отослали ихъ къ п. полковнику и тѣмъ снискали себѣ помилованіе. За свой мятежъ и вѣроломство они заслуживали смерти, но такъ какъ ихъ научили для собственнаго спасенія закрыться Путивльцемъ, то они выдали бездѣльника. „Нехай твоя голова за вси наши головы; прощай насъ господару!"

17) Истребленіе табора козацкаго.

Въ то время, когда послы козацкіе, выдавши старшину, трактовали съ п. воеводичемъ, прося дальнѣйшаго милосердія, рыцарство осматривало таборъ, окруженный войскомъ и, не досчитываясь подъ хоругвями многихъ товарищей раненныхъ или убитыхъ, а также видя множество своихъ лошадей убитыхъ подъ таборомъ, прониклось великою скорбью; затѣмъ, разъярившись, ворвалось въ таборъ и вырѣзало всѣхъ, отомстивъ такимъ образомъ за оскорбленіе Е. К. М. и свою обиду не только Путивльцу, но и всѣмъ бунтовщикамъ. Конечно, слѣдуетъ сдерживать слово, данное даже врагамъ, тѣмъ болѣе, что намѣреніе речипосполитой состояло только въ усмиреніи козаковъ, а не въ ихъ истребленіи; возможно также, что въ этомъ увидятъ и нѣкоторое неуваженіе къ п. полковнику коронному, но слѣдуетъ

сдѣлать уступку и неутѣшной скорби солдатъ, испытавшихъ столько горя и утратъ; иначе придется приписать этотъ фактъ волѣ самого Бога, проявившаго строгій гнѣвъ противъ клятвопреступниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія. Впрочемъ и въ томъ случаѣ, если бы козаки разошлись по домамъ, на чемъ сами настаивали, все же послѣдовали бы значительныя затрудненія, такъ какъ Острянинъ съ войскомъ готовъ былъ двинуться къ запорожской границѣ, но послѣ ихъ уничтоженія на непріятеля наведенъ былъ ужасъ. Поэтому, если бы поставить Острянину на видъ Путивльца и столько иныхъ головъ, погибшихъ впослѣдствіи изъ за него, Сокирявого, Скидана и прочихъ бунтовщиковъ, онъ затрепеталъ бы и принужденъ былъ бѣжать. Между тѣмъ хоругви возвратились безпрепятственно въ лагерь, чтобы начать преслѣдованіе Острянина.

48) Осторожность п. полковника послѣ одержанной побѣды.

Тотъ, кто замѣняетъ главнаго военачальника, долженъ быть столь же бдительнымъ какъ отецъ, охраняющій своихъ дѣтей отъ всякаго рода случайностей, для того, чтобы ввѣренное ему войско было въ безопасности, какъ бы въ отцовскомъ домѣ. Въ предупрежденіе возможныхъ неблагопріятныхъ случайностей п. полковникъ, воздавши хвалу Богу, послалъ внизъ по Днѣпру въ одну сторону п. Хршонстовскаго, въ другую п. Длотовскаго, поручивъ имъ не допускать народъ собираться въ отряды и уничтожить уже сложившіяся шайки. Выйдя на рекогносцировку съ нѣсколькими сотнями конницы, п. Хршонстовскій засталъ подъ Іереміевкою, пониже Сѣкирной, сто тридцать человѣкъ мятежниковъ, которые, замѣтивъ войско, заперлись въ двухъ хатахъ и начали защищаться; ротмистръ открылъ ихъ и уничтожилъ огнемъ 22 мая. Выйдя оттуда и найдя пути свободными, онъ послалъ къ Кіеву двухъ реестровыхъ, Захарію и Залѣскаго съ половиною своего отряда 25 мая, а самъ направился къ Трехтемирову. Обслѣдовавши берега Днѣпра, онъ убѣдился, что на этой сторонѣ совсѣмъ нѣтъ бунтовщиковъ, на Заднѣпровьи есть немного и они намѣрены перепра-

виться у Трехтемирова. Узналъ онъ также, что кн. Іеремія Вишневецкій съ значительными силами переправился уже черезъ Днѣпръ. Ротмистръ отослалъ эти извѣстія къ п. полковнику коронному, а самъ поспѣшилъ къ Трехтемирову; 6 іюня онъ напалъ пониже этого города на козаковъ, которые плыли вверхъ по Днѣпру и цѣлый день продолжалъ съ ними перестрѣлку съ цѣлью не дать имъ прохода. Козаки гибли какъ животныя, однако же трудно было удержать ихъ, разъѣзжая верхомъ по берегу; при этомъ едва не попали изъ самопала въ самого п. Длотовскаго. Возвратившись изъ объѣзда, онъ засталъ 7 іюня кн. Іеремію съ его отрядомъ и съ отрядами кн. Доминика, п. канцлерши и п. конюшины; онъ прибылъ къ коронному лагерю, въ который вступилъ 8 іюня, обрадовавши своимъ приходомъ усталое рыцарство словно ангелъ, ниспосланный съ неба. Не было нужды спрашивать князя, кто пріѣхалъ, но дивиться должно было, глядя на шляхту родовитую и богатую, на опытныхъ воиновъ; была здѣсь несокрушимая гусарская кавалерія, артиллерія козацкая, сагайдачные, отборная пѣхота, а велъ ихъ тотъ, кто давно привыкъ управлять ими и въ маломъ тѣлѣ носилъ великую доблесть и неустрашимое сердце, для кого были забавою величайшія опасности.

19) Списокъ войска, прибывшаго подъ Лубны съ кн. Іереміею Вишневецкимъ.

Гусары п. воеводы краковскаго, п. Бжозовскій полковникъ, п.п. Гжызовскій и Чорный, подстароста бѣлоцерковскій. Козаки, п. Островскій и двѣ другія хоругви. Пѣхоты 400, Жарновецкій, драгунъ 100.

Отрядъ п. канцлерши коронной, которымъ предводительствовалъ хорунжій брацлавскій Дзикъ, 400.

Отрядъ кн. Владислава Доминика Острожскаго, конюшего короннаго, полковникъ п. Андрей Хоенскій.

Отрядъ кн. Вишневецкаго: драгунъ 100, козаковъ 200, венгровъ 100, украинныхъ людей 1,000, орудій 6.

Отрядъ п. конюшины коронной Вишневецкой съ п. стражникомъ: гусаръ 100, ротмистръ п. Дембинскій Эразмъ и козацкій п. Барановскій, пѣхоты 200 и драгуны.

Гусарскія хоругви: п. Адама Калушовскаго 100, п. Андрея Чермепскаго 100, п. Станислава Гурскаго 200.

Петигорцы: п. Семена Чечеля 100, п. Яна Вроновскаго 100, п. Андрея Русиновскаго 100, п. Андрея Олдаковскаго 200, п. Яна Прилуцкаго 200, п. Стефана Липскаго 200 и татаръ 200, драгунъ съ капитаномъ Петерсономъ 200.

Пѣхота: п. Дыбовскаго 100, п. Андрея Севрюка 100, п. Лагневицкаго 100, п. Луки Венгерца 100.

Артиллерія: 6 орудій со всѣми боевыми принадлежностями.

20) Извѣстія, посланныя изъ лагеря и въ лагерь отъ гетмановъ.

Дня 24 мая п. полковникъ коронный, исполняя ввѣренную ему должность въ этомъ военномъ пунктѣ, послалъ И. М. п.п. гетманамъ извѣстіе о Путивльцѣ и о значительныхъ потеряхъ короннаго войска. Но такъ какъ подобныя несчастья никогда не бываютъ иначе какъ обоюдныя, то оба гетмана коронные обнадеживали войско во первыхъ тѣмъ, что кастелянъ краковскій изъ Польши возвращается уже на Подоліе; во вторыхъ тѣмъ, что король приказалъ польному гетману какъ можно скорѣе спѣшить къ войску на Украину, чтобы предупредить скопище бунтовщиковъ; въ третьихъ тѣмъ, что на сеймѣ речьпосполитая много сдѣлала для рыцарства: подарена солдатамъ одна четверть жалованья, уничтожены всѣ баниціи, а единовременную награду раненнымъ и жалованье всѣмъ опредѣлено уплатить въ послѣдній день августа. Обо всемъ этомъ Е. К. М. изволилъ выдать рыцарству слѣдующій универсалъ:

Владиславъ IV, Божіею милостью король польскій, великій князь литовскій, жмудскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій и шведскій, готскій, вандальскій наслѣдственный король...

Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: полковникамъ, ротмистрамъ, капитанамъ, поручи-

камъ и всѣмъ лицамъ военнаго сословія, состоящимъ на службѣ нашей и речипосполитой, любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ объявляемъ нашу королевскую милость.

Любезные наши вѣрноподданые! По прибытіи пословъ отъ Вашихъ Вѣрностей на недавно минувшій сеймъ, выслушавъ и милостиво принявъ представленныя намъ нужды цѣлаго войска, на все, относящееся къ удовлетворенію Вашихъ Вѣрностей въ законномъ порядкѣ, охотно даемъ согласіе, даруя и впредь нашу милость всему рыцарству; оставляемъ Вашихъ Вѣрностей на службѣ, которая началась 1 марта и оканчивается 1 сентября, при чемъ напоминаемъ и требуемъ, чтобы В. Вѣрн. вели себя со всею скромностью, не угнѣтая бѣдныхъ людей, но соблюдая военныя правила и не подавали никакихъ поводовъ къ жалобамъ. Что мы, принявши милостиво отъ Вашихъ Вѣрностей наравнѣ съ прочими услугами, даруемъ вамъ нашу королевскую милость и на предбудущее время.

Данъ въ Варшавѣ, мая 5 дня, года по Р. X. 1638, царствованія нашего въ Польшѣ и Швеціи въ шестой годъ.

Vladislaus rex.—Іоаннъ Гембицкій, секретарь королевскій.

Удовлетворенные такою грамотою отъ п.п. гетмановъ коронныхъ и Е. К. М., доблестные воины и сыны короны почти забыли всѣ труды и опасности войны и, словно оживленные какимъ нибудь драгоцѣннѣйшимъ алхимическимъ эликсиромъ, съ новыми силами и рвеніемъ объявили о полной готовности служить своею кровью королю и речипосполитой противъ непріятеля.

21) Наступленіе вслѣдъ за Острянинымъ къ Слѣпороду и плѣненіе Сокирявого.

Послѣ того какъ Путивлецъ съ его отрядомъ былъ уничтоженъ такъ неожиданно, очевидно по волѣ Божьей, въ наказаніе бунтовщикамъ и ко славѣ коронныхъ войскъ, п. полковникъ, спеша немедленно съ кн. Вишневецкимъ и прочими начальниками панскихъ отрядовъ, 10 іюня повернулъ на Слѣпородъ къ Лубнамъ, зная, что Острянинъ намѣревался всѣ свои силы обратить на лагерь. Перейдя отъ Лукомля на эту сторону къ Слѣпороду, послѣдній

отправилъ къ нашему лагерю своего полковника Гирявого, разослалъ и въ другія стороны сильные сторожевые отряды, самъ же остался съ малою частью своего войска на Слѣпородѣ. То была крупная ошибка съ его стороны, такъ ослабить себя; видно самъ Богъ уже готовилъ для него кару.

Коронный полкъ и съ нимъ хоругви н.н. Четвертинскаго, Мелецкаго и Казановскаго, подоспѣвши къ Слѣпороду раньше остальнаго войска, удерживали непріятеля до его прибытія; въ полдень сдѣлали приступъ, но Острянинъ, ослабленный разсылкою отрядовъ, защищался до ночи, а ночью ушелъ въ Лукомль. Вслѣдъ за отступленіемъ его въ ту же ночь прибылъ къ лагерю немалый полкъ мятежниковъ съ Сокирявымъ во главѣ; послѣдній, желая въ темнотѣ лучше разсмотрѣть, какое войско находится въ лагерѣ, отойдя отъ своихъ, взлѣзъ на дубъ и началъ оттуда присматриваться; его замѣтили реестровые козаки, окружили и, схвативши, выдали кн. Вишневецкому. То былъ старый козакъ, знакомый съ моремъ и извѣстный предводитель бунтовъ, зналъ онъ многія хитрости и чары, заклинанія на ружья и на моръ; но если кому пойдетъ на погибель, то не поможетъ и гадальщица. Поимка его весьма обрадовала реестровыхъ, которые были такъ довольны, какъ будто держали уже самого Острянина. Люди, бывшіе съ Сокирявымъ, до 1,500 человѣкъ, видя, что лишились старшаго, сами начали о себѣ заботиться: удалившись въ болота и заросли, они подѣлали засѣки и кое какія загороди; ночью реестровые козаки пытались добывать ихъ, но, ни въ чемъ не успѣвши, отступили. На слѣдующій день 11 іюня дѣлали приступъ драгуны кн. Владислава Доминика Острожскаго и произвели сильное смятеніе среди осажденныхъ; приходила въ помощь имъ и пѣхота изъ другихъ отрядовъ и до того удручила козаковъ ружейнымъ огнемъ, что тѣ отступили изъ занятой позиціи и углубились дальше въ болото, а такъ какъ наступленіе на нихъ шло непрерывно, то много было павшихъ съ обѣихъ сторонъ. Погибъ тамъ старшій инженеръ и капитанъ кн. Доминика, погибло не мало офицеровъ и пѣхоты. Тѣмъ не менѣе, по приказу полковника, необходимо было продолжать наступленіе на непріятеля, который былъ

уже разсѣянъ; по неволѣ разрѣшены были войску передышки, причемъ непріятель выигрывалъ время для бѣгства, а солдаты для его преслѣдованія. Разными дорогами наступали они за непріятелемъ и нападали на отряды, пробиравшіеся къ Острянину, а именно у Александровки, гдѣ погибъ и добрый товарищъ п. Гижицкаго п. Микуленскій, и иные вкусили того же угощенія, но все же бунтовщиковъ больше отправилось къ чорту. Тогда п. полковникъ выслалъ впереди войска нѣсколько хоругвей съ ротмистромъ, п. Гдешинскимъ, вслѣдъ за Острянипомъ къ Лукомлю, чтобы захватить переправу и мостъ на р. Сулѣ, Эта передовая стража догнала бунтовщиковъ и овладѣла мостомъ, но такъ какъ это была ничтожная горсть противъ тысячнаго козацкаго отряда, то она принуждена были отступить отъ моста и едва ушла къ Лубнамъ; вслѣдъ за нею тою же дорогою наступало коронное войско и впереди его одинъ полкъ; эти также силились овладѣть мостомъ, но козаки, не въ силахъ будучи удержать послѣдній, подложили огонь и зажгли его; однако люди п.п. Казановскаго, Гижицкаго и Коморовскаго дѣйствовали съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью, что успѣли отнять мостъ и потушить огонь. Тогда войско прошло свободно, между тѣмъ какъ Острянинъ со всею поспѣшностью уходилъ къ Жолнину. Бѣгство это значительно ободрило солдатъ, которые охотнѣе преслѣдовали непріятеля, догнали его пониже жолнинскихъ мельницъ, гдѣ и задержали до слѣдующаго дня.

22) Битва съ Острянипомъ и Гунею подъ Жолниномъ.

Уже при Слѣпородѣ рыцарство убѣдилось, что Острянинъ никогда не ожидаетъ зари, имѣя въ виду безпрерывными переходами доконать измученное наше войско и лошадей, чтобы выждать удобнаго для себя времени; поэтому войско, предупредивъ его, весьма рано выстроилось въ боевой порядокъ, воззвало къ небу о помощи и ударило на козацкій таборъ. При этомъ хоругви, какъ кварцяныя такъ и панскія, наступали съ такою горячностью, что нельзя было различить, чья очередь идти на приступъ; съ совершенно равною отвагою, мужествомъ и охотою, не взирая на потери, раны

и смерть, пытались они прорвать таборъ, прочно скрѣпленный, хорошо защищенный огнестрѣльнымъ оружіемъ и рогатинами, пока не разорвали большей его половины; отняли 8 пушекъ и порохъ и самый таборъ пробѣгали во всѣхъ направленіяхъ словно опустѣлый. Видя свое пораженіе, Острянинъ ушелъ вплавь черезъ Сулу, оставшись съ однимъ только бунчукомъ [1]). Правда, счастливое было начало этого тринадцатаго дня, но Богъ еще задержалъ побѣду, потому ли, что не свершилось еще Его правосудіе, или потому, что Онъ желалъ дать имъ время покаяться, или быть можетъ случилось при этомъ разгромѣ табора что либо, оскорбившее Божіе величіе. Не берусь рѣшать этого вопроса, знаю только, что необычное увлеченіе въ погонѣ за бѣглецами не только ослабило коронное войско, но и дало время оставшимся козакамъ укрѣпиться въ таборѣ, бѣглецовъ же, доведенныхъ до крайности преслѣдованіемъ, побудило образовать новый таборъ и вновь принять участіе въ сраженіи. Послѣ этого битва приняла съ обѣихъ сторонъ такой кровавый характеръ, что хуже и быть не могло. Не мало погибло тамъ людей высокаго сердца, между прочими старый и заслуженный поручикъ каменецкаго кастеляна и старосты скальскаго, п. Николая Гербурта, п. Былина; палъ и панъ Владиславъ Ташицкій, поручикъ маркграфа и старосты гродецкаго, человѣкъ безстрашнаго сердца и большихъ дарованій; палъ и поручикъ п. Балабана, теребовельскаго

---

[1]) Съ этого времени Острянинъ уже не упоминается въ дрѣвникѣ Окольскаго и козаки продолжаютъ борьбу подъ начальствомъ Дмитрія Гуни. Дальнѣйшая судьба Острянина извѣстна изъ другихъ источниковъ. Потерявъ надежду на успѣхъ, онъ съ бывшею при немъ частью войска удалился за Московскій рубежъ. Съ нимъ былъ его сынъ, генеральный ассаулъ, 10 сотниковъ и 1019 козаковъ; правительство указало имъ мѣстомъ для поселенія *Чугуево городище* (нынѣ городъ Чугуевъ, змiевскаго уѣзда Харьковской губ.), надѣлило землею и оказало пособіе для первоначальнаго обзаведенія. Уже 21 февраля 1639 г. бѣлгородскій воевода Пожарскій рапортовалъ о постройкѣ Чугуевскихъ укрѣпленій. Въ это же время Острянинъ ходилъ въ „поискъ надъ татарами", но между нимъ и козаками произошла неурядица, они его бросили и сами возвратились въ городъ; нѣкоторое время спустя распря эта усилилась и кончилась убіеніемъ Острянина. Большая часть козаковъ возвратилась за Литовскій рубежъ (Багалѣй. Матеріалы для исторіи колонизаціи степной окраины, т. I, стр. 13—17).

старосты, п. Врублевскій, хорошо извѣстный всему коронному войску. Погибло такъ много товарищей, рыцарства кварцянаго и панскаго, что, взявшись за перо, нельзя вспомнить о нихъ безъ горькаго сожалѣнія.

Рыцарство прилагало всѣ усилія, чтобы овладѣть таборомъ, но козаки избрали себѣ новаго старшаго, Дмитра Гуню, при которомъ Марсъ такъ сильно помогъ имъ, что они продержались до вечера, а въ теченіи ночи окружили таборъ окопомъ. Ночь прошла спокойно, а на утро четырнадцатаго дня возобновилась битва; кн. Іеремія Вишневецкій, не жалѣя себя, собственнымъ примѣромъ воодушевляетъ войско, пальба не прекращается и рыцарство коронное, возбуждаемое пролитою кровью братьевъ шляхты, продолжаетъ наступать. При видѣ столь великой отваги и силы шляхетской, померкла смѣлость хлопская; они просятъ милости и хлопочутъ о присылкѣ къ нимъ кого нибудь для переговоровъ. П. полковникъ пріостановилъ военныя дѣйствія, князь также склоняется на миръ; посланъ брацлавскій хорунжій п. Дзикъ съ обозныимъ кн. Іереміи, а когда они прибыли въ непріятельскій лагерь, козаки предложили имъ слѣдующія условія мира: 1) требованіе выдать самъ шесть Ильяша Караимовича, вѣрнаго полковника и перваго среди реестровыхъ козаковъ; 2) дать имъ новыя знамена; 3) возвратить пушки, отнятыя у нихъ подъ Кумейками; 4) утвердить старшимъ того, кого сами они изберутъ, послѣ чего они готовы продолжать переговоры.

На это п. хорунжій замѣтилъ имъ: „Вѣдь это вы просите о милости, а не коронное войско; зачѣмъ же вы такъ гордо поступаете?“ Ему не дали окончить и приказали уѣзжать поскорѣе; затѣмъ спросили его имя; онъ отвѣтилъ, что называется Дзикъ. Козаки изумились и сказали: „Дзику, иды-жъ, щобъ дзиковиння зъ тебе не було“! Едва онъ отъѣхалъ отъ окопа на разстояніе полета стрѣлы, какъ вслѣдъ за нимъ выпустили до 2,000 выстрѣловъ, при чемъ убита лошадь подъ конюшимъ. Вотъ каковы хлопская правда и гордость.

Причиною такого усиленія ихъ дерзости было извѣстіе о томъ, что Скидапъ, посланный Остряниномъ въ Черкасы за подкрѣпле-

ніемъ и военными запасами, уже переправляется черезъ Днѣпръ и долженъ прибыть къ нимъ въ ту же ночь, что и случилось дѣйствительно. П. полковникъ, зная также объ этомъ, выслалъ четыре кварцяныя козацкія хоругви и Ильяша съ реестровыми, которые сильно его обезпокоили, а когда онъ двинулся отъ Днѣпра, они изрубили оставленные тамъ челны и стражу при нихъ. Вскорѣ въ лагерѣ получено извѣстіе, что п. гетманъ польный прибылъ уже въ Кіевъ, очистилъ занятыя непріятелемъ дороги, привелъ съ собою значительное количество войска, пановъ и ротмистровъ, а вскорѣ послѣ него явится и краковскій кастелянъ, который уже приблизился къ границамъ Подолія. Видно узнали о томъ и мятежники, поэтому одни совѣтовали не дожидаться прибытія гетмановъ, другіе хотѣли еще разъ попытать счастья при участіи Скидана.

Итакъ 16 іюня п. полковникъ, снесясь вновь съ княземъ, съ княжескими и панскими отрядами, ударилъ на таборъ какъ со свѣжими, такъ и съ потерпѣвшими уже въ дѣлѣ силами; обиліе пороха и солдатъ еще больше придало ему отваги, а рыцарство наступало со свойственною ему неустрашимостью. При этомъ раненъ выстрѣломъ Скиданъ, пало и много другихъ; тогда козаки начали думать о себѣ и пріискивать болѣе удобное для защиты мѣсто, а Скидана, который найденъ былъ живымъ среди убитыхъ, отослали для безопасности въ Чигринъ. Но реестровые тотчасъ пронюхали объ этомъ, ибо и змѣй не будетъ змѣемъ, если не станетъ грызть себѣ подобныхъ; послано за козаками нѣсколько хоругвей на развѣдки, чтобы выслѣдить Скидана, при чемъ они, открывши козацкіе челны, изрубили ихъ и сожгли. 17 числа п. воеводичъ продолжалъ разить непріятеля и выслалъ сверхъ того на стражу къ Трехтемирову и Монастырю ротмистра Хршонстовскаго, который въ слѣдующій день перестрѣливался съ козацкою передовою стражею, напалъ на челны, изрубилъ и затопилъ ихъ, не переставая топить и истреблять побѣжденныхъ. Хотя они и взывали о милосердіи, но уже не были достойны его послѣ перваго своего поступка, напротивъ заслуживали истребленія мечемъ. Между тѣмъ, какъ съ приходомъ бунтовщиковъ ежедневныя схватки все усиливались, 20 іюня получено было извѣ-

стіе, что п. гетманъ примчался съ конницею къ Переяславу, оставивъ подъ Кіевомъ пушки, ядра и прочія тяжести. Коронное войско было весьма обрадовано пріятною новостью, равно какъ люди кн. Іереміи вмѣстѣ съ самимъ княземъ; но непріятель, прибывшій въ тотъ день къ Монастырю въ 250 челнахъ съ тысячею конницы, разсыпался въ разныя стороны, а Гуня, услышавъ о томъ въ своемъ лагерѣ, ночью построилъ себѣ мостъ и ушелъ съ войскомъ на устье р. Старца въ Днѣпръ. Мѣсто это, хорошо защищенное отъ природы, имѣло издавна готовый окопъ, ибо тамъ, какъ сказалъ намъ козакъ Себастьяновичъ, былъ нѣкогда лагерь, въ которомъ осаждалъ козаковъ черкасскій староста кн. Вишневецкій, отчего и теперь находятъ тамъ въ землѣ старинныя шпоры. Мѣстность эта обильна водою, лѣсомъ и пастбищами для лошадей, днѣпровскій берегъ неприступенъ, теперь же она такъ хорошо была укрѣплена и извнутри, и со стороны поля, что ворота всегда оставались открытыми. Не одинъ инженеръ дивился изобрѣтательности грубаго хлопа и его искусству въ такого рода сооруженіяхъ, глядя на прочные валы, шанцы, батареи и брустверы; и точно, если-бы коронному войску, благодаря храбрости сердца и быстротѣ коней, удалось проникнуть въ ихъ рвы, перекопы и норы, собственною грудью проломить дубовые палисады и частоколы и мужественно пройти валы и привалки, необходимо было бы, овладѣвъ непріятельскимъ окопомъ, употребить еще больше силъ и новой отваги на то, чтобы его самого добыть внутри этихъ укрѣпленій. Козаки, не зная, что дѣлать дальше, построили эти фортификаціи потому, что отказавшись отъ наступленія, думали лишь о средствахъ защиты, какъ доказываютъ частыя ихъ мольбы и просьбы о мирѣ.

23) Кто былъ этотъ Гуня, региментарь мятежныхъ козаковъ послѣ Острянина.

Ко[illegible]и имѣютъ обыкновеніе превозносить свое войско и единогласно у[illegible]гъ свою старшину, утверждая, что каждый изъ старшинъ ихъ че[illegible]вѣкъ неспособный и ничтожный и никогда не даютъ о нихъ похвальнаго отзыва. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы посторонніе,

замѣтивъ въ нихъ какія либо достоинства, относили ихъ къ цѣлому войску, въ случаѣ же неудачи, чтобы легче было защитить и старшину, и самихъ себя. Однако, присмотрѣвшись къ этой старшинѣ, должно признать, что избираются въ нее далеко не дюжинные люди и не первые встрѣчные, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они подымаютъ руку на своего короля, его гетмановъ и солдатъ. Когда крестьянинъ и подданный возстаетъ на своего господина и короля, тогда уже старшій надъ бунтовщиками не только долженъ быть безъ совѣсти и чести, но всегда и во всемъ необходимо долженъ проявлять большую отвагу и осторожность, чтобы не попасть на колъ. Этотъ Гуня и раньше пользовался у нихъ не малою извѣстностью, такъ какъ за годъ передъ тѣмъ, подъ Кумейками, онъ съ остатками войска и нѣсколькими пушками ночью ушелъ къ Боровицѣ и тамъ соединился съ Павлюкомъ; оттуда отправился вмѣстѣ со Скиданомъ на Запорожье, гдѣ козаки избрали его кошевымъ атаманомъ. Онъ-то оскорбилъ посланнаго къ запорожцамъ п. Мелецкаго, выказалъ презрѣніе къ реестровымъ и обѣщалъ разогнать ихъ по селамъ тотчасъ по вскрытіи Днѣпра. Наконецъ пошолъ дальше, осмѣлился писать и высылать посольство къ татарскому военачальнику, султану калгѣ, выражая готовность подчиниться ему, о чемъ свидѣтельствуетъ копія этого письма, присланная королю изъ Крыма.

Вельможный, милостивый султанъ Калга, панъ нашъ милостивый!

Усердно поручаемъ нашу рыцарскую службу Вашей Царской Милости, желая добраго здоровья и во всемъ счастливаго успѣха отъ Господа Бога Всемогущаго Вашей Царской Милости на многія лѣта.

На славное и дружелюбное обѣщаніе какъ Его Царской Милости, такъ и Вашей, нашего милостиваго пана, сохранить къ намъ пріязнь, мы также, сохраняя вѣрную дружбу съ Вашею Царскою Милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, посылаемъ нарочно къ В. Ц. М. товарищей нашихъ, Грицька Горилого и Андрія Ожеженка, прося убѣдительно В. Ц. М., чтобы В. М. благоволилъ прислать намъ въ подкрѣпленіе свои войска, ибо непріятели наши навѣрно

идутъ, чтобы уничтожить насъ; за что мы обязываемся отслуживать В. Ц. М. въ каждой нуждѣ по первому требованію вездѣ, гдѣ прикажетъ В. Ц. М. и войску В. Ц. М. доставлять всюду безопасный проходъ и проводниковъ; о чемъ вторично и убѣдительно просимъ В. Ц. М. Если будетъ на то милостивое согласіе В. Ц. М., благоволите, не задерживая, отпустить къ намъ нашихъ товарищей. При этомъ поручаемъ нашу рыцарскую службу милости В. Ц. М. Данъ на Запорожьи 26 февраля 1638 г. Вашей Царской Милости во всемъ покорные слуги. Дмитро Тымошевичъ Гуня, гетманъ войска Е. К. М. Запорожскаго.

Этотъ-то Гуня, хорошо извѣдавшій подъ Жолниномъ мужество какъ своихъ, такъ и доблестныхъ жолнеровъ, остановившись съ войскомъ на устьи Старца, окопался и сильно угрожалъ изъ этой позиціи, но въ то же время съ своей стороны достаточно испытывалъ рвеніе короннаго рыцарства.

24) Прибытіе гетмана польнаго короннаго подъ окопъ на Старцѣ.

Удалившись отъ Жолнина, Гуня поспѣшно направился со своею артиллеріею, состоявшею изъ восьми орудій, къ валамъ и окопу надъ Старцемъ; 22 іюня онъ входилъ уже въ окопы, надѣясь, что коронное войско не поспѣетъ за нимъ такъ быстро и козакамъ останется достаточно времени, чтобы укрѣпиться. Но сверхъ всякаго ихъ ожиданья, п. гетманъ польный коронный изъ Кіева прибылъ съ конницею къ валамъ и далъ битву отсталымъ козакамъ, не успѣвшимъ еще проникнуть въ укрѣпленіе. Въ самое короткое время усердные товарищи много козаковъ положили на мѣстѣ саблею, прочимъ смѣшали всѣ ихъ соображенія и поколебали ихъ надежду. Когда старшина удивлялась, что войска такъ быстро подоспѣли вслѣдъ за ними, раненные козаки объяснили, что это самъ польный гетманъ; вскорѣ они замѣтили это и по знаменамъ и мужество ихъ стало охладѣвать. Когда ночь прекратила битву, подошли коронныя войска и стали лагеромъ. Панскіе и княжескіе люди, а также отрядъ кн. Іеремiи, заняли чело и крыло подъ самымъ окопомъ; оттуда въ одну линію

протянулся нѣмецкій шанецъ, а позже была устроена батарея; коронный лагерь окружилъ ихъ почти отъ воды до воды. На слѣдующій день 24 іюня п. гетману выдали Скидана, котораго, раненнаго въ жолнинской битвѣ, отправили было въ Чигиринъ; передавалъ его п. Доброшевскій, товарищъ обознаго стражника п. Ловчицкаго и событіе это составляло важное и счастливое предзнаменованіе.

П. гетманъ приказалъ нѣсколькимъ хоругвямъ кавалеріи отразить козацкую вылазку; стычка эта длилась отъ полудня до вечера и затѣмъ почти ежедневно происходили подобныя же стычки. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы мятежники безпрерывно тратили порохъ, а тѣмъ временемъ гетманъ поджидалъ оставленную подъ Кіевомъ коронную артиллерію. Но Богъ помогъ намъ сверхъ ожиданія, ибо и ротмистры поспѣшили къ войску, и панскіе отряды также прибывали въ лагерь, а дерзкій козакъ сбрасывалъ рога и начиналъ просить мира у гетмана; но такъ какъ на послѣдокъ козаки не заявляли ничего рѣшительнаго для снисканія милости, то гетманъ снова принужденъ былъ перейти къ оружію.

25) О свѣжихъ панскихъ войскахъ и коронной артиллеріи.

Въ самомъ началѣ іюля прибыла изъ подъ Кіева коронная артиллерія, которую провелъ съ большимъ трудомъ и осторожностью среди всѣхъ опасностей п. Петръ Коморовскій, ротмистръ Е. К. М.; при ней много товарищей и поручиковъ и 150 человѣкъ венгерской пѣхоты гетмана польнаго.

Прибылъ п. Петръ Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, ротмистръ королевской гусарской хоругви, съ нимъ собственныхъ людей 100 человѣкъ козацкой конницы, 80 пѣхоты и множество дворовыхъ слугъ. Затѣмъ съ коронным стражникомъ, п. Лащемъ, 400 человѣкъ.

Затѣмъ пришелъ отрядъ краковскаго воеводы, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ пѣхоты и нѣсколькихъ сотъ гусаръ и козаковъ; имъ назначена позиція отдѣльно отъ короннаго лагеря, на другой сторонѣ Днѣпра для того, чтобы не пропускать подкрѣпленій въ козацкіе окопы и лучше охранять Заднѣпрянщину отъ козаковъ.

Прибылъ п. староста хмѣльницкій, Николай Стогнѣвъ, полковникъ и вмѣстѣ поручикъ королевской хоругви, привелъ на собственный счетъ 100 козаковъ и 100 драгунъ. Пришла съ нимъ и хоругвь ланцкоронскаго старосты, п. Зебжыдовскаго и, занявши позицію на краю лагеря, храбро выдерживала безпрестанныя нападенія козаковъ и служила несокрушимымъ оплотомъ для лагеря.

Прибылъ отрядъ кіевскаго судьи, остерскаго старосты, п. Стефана (Аксака), состоявшій изъ 150 всадниковъ подъ начальствомъ п. Высоцкаго; этотъ послѣдній на пути къ лагерю соединился съ людьми кіевскаго бискупа и съ кварцяными хоругвями, которыя п. гетманъ польный послалъ было подъ начальствомъ ротмистра Е. К. М. Побятынского къ Дымеру, гдѣ, какъ было слышно, находился Пожарскій съ отрядомъ бунтовщиковъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ; тамъ онъ разгромилъ ихъ, многихъ взялъ въ плѣнъ и, поймавши самого Пожарскаго, представилъ гетману, отъ котораго тотъ получилъ суровое возмездіе за свои преступленія. П. Олизаръ, какъ и всегда отзывчивый на каждую нужду речипосполитой, привелъ 150 человѣкъ своихъ родственниковъ, людей отборныхъ, подвергаясь при томъ всѣмъ опасностямъ отъ непріятеля съ честью для добраго рыцарства. Ксендзъ Елецъ, іезуитъ, привелъ 70 всадниковъ; видя какъ размножаются шайки бунтовщиковъ, онъ выбралъ въ имѣніи, которое посвятилъ Богу и своему ордену, такихъ людей, которые могли бы дать имъ отпоръ.

П. Немиричъ по пути въ лагерь озаботился тѣмъ, чтобы не допустить бунтовщиковъ усиливаться и спѣшить къ лагерю съ той стороны Днѣпра, откуда самъ онъ прибылъ; это требовало не мало силы и дѣятельности, для лагеря-же было весьма выгодно.

Итакъ мятежные крестьяне ежедневно наблюдали изъ окопа прибытіе новыхъ полковъ, между тѣмъ какъ сами они не получали никакого подкрѣпленія; одни совѣтовали просить мира, другіе, а именно наиболѣе виновные, предпочитали погибать всѣ вмѣстѣ. Однако же и самый тотъ Гуня, который свою гуню (сермягу) покрылъ было гетманскимъ атласомъ, самъ сбросилъ ее, пересталъ

называться гетманомъ и обратился къ п. гетману польному съ такимъ прошеніемъ:

Копія письма этого сброда къ Е. М.

Поручая со всѣмъ усердіемъ милости Вашей Вельможности нашу нижайшую и покорную рыцарскую службу, и т. д.

Съ великою радостью ожидали мы дальнѣйшей милости В. М., нашего м. п., утѣшенные намедни универсаломъ В. М. и полагая, что В. М., какъ панъ христіанскій, сжалившись надъ пролитіемъ христіанской крови, изволитъ положить какъ нибудь милостивый конецъ этимъ смутамъ. Поэтому мы и не распускали войска Запорожскаго, не желая дольше смотрѣть на столь несносное пролитіе невинной крови. Теперь же повидимому должны допустить, что В. М. не для примиренія или какого нибудь договора спустился въ плавни со всѣмъ своимъ войскомъ и приблизился къ войску Запорожскому, но вѣроятно для того, чтобы въ конецъ истребить насъ и съ этою цѣлью распустилъ своихъ развѣдчиковъ, которые издѣваются надъ безвинною христіанскою кровью хуже всякаго непріятеля св. креста, словно слуги жестокихъ тирановъ. Видно нѣтъ здѣсь ни правды, ни страха Божьяго. Ужь пусть-бы вели войну съ нами, съ войскомъ Запорожскимъ, которое рѣшилось пожертвовать жизнью и отдаться на судъ и волю всевышняго Бога за наши кровавыя заслуги и безвинно пролитую кровь нашу, лишь бы оставили въ покоѣ бѣдныхъ невинныхъ и угнѣтенныхъ людей, которыхъ голоса и безвинно пролитая кровь взываютъ къ Богу о мщеніи, къ какому побуждаютъ и насъ. Теперь, по винѣ нашихъ предателей, мы лишаемся всѣхъ правъ и вольностей, издавна дарованныхъ за наши кровавыя заслуги блаженной памяти польскими королями, теряемъ все, что съ давнихъ поръ было добыто исключительно нашею саблею; поэтому мы готовы умереть и всѣ до послѣдняго сложить свои головы скорѣе, нежели принять такой миръ, какъ подъ Кумейками, который дай Богъ, чтобы никогда не возобновлялся. Однако же, какъ прежде объявляли мы письменно В. М-ти, такъ и теперь, сдаваясь на вашу мудрость и разсудительность, просимъ В. М. изволить прекратить это безвинное пролитіе христіанской крови и къ намъ, войску Запорожскому,

сохранить свою высокую милость для того, чтобы мы не терпѣли больше такихъ бѣдъ и притѣсненій и вновь могли оставаться при первыхъ, издавна добытыхъ нашими кровавыми заслугами правахъ и вольностяхъ нашихъ. Разумѣется, мы не хотѣли-бы видѣть долѣе такого пролитія безвинной крови, насъ смущаетъ только то, что В. М., приблизившись сюда, не изволитъ надлежащимъ образомъ заключать перемирія, ни вести настоящей войны, а между тѣмъ просто взять насъ будетъ не легко. Для того же, чтобы на насъ не пало обвиненіе, ибо мы, какъ слуги и подножки В. М., не желаемъ сражаться противъ В. М., но если бы кто нападалъ на насъ, принуждены будемъ защищаться, то просимъ В. М. поступить съ нами такъ, чтобы это было со славою для В. М. и безъ угнѣтенія какъ для насъ самихъ, такъ и для убогихъ неповинныхъ людей и безъ пролитія крови. Прибѣгаемъ къ В. М. какъ къ отцу съ увѣренностью, что В. М. своею мудрою осмотрительностью загладитъ нашъ поступокъ и, принявши насъ по прежнему въ свою панскую милость, благоволитъ быть милостивымъ нашимъ защитникомъ и заступникомъ передъ Е. К. М. и речьюпосполитою; мы же до конца жизни будемъ молиться, чтобы Богъ наградилъ В. М., милостиваго пана и благодѣтеля нашего, всякимъ счастьемъ и благополучіемъ.

Поручая себя милости вельможнаго пана вмѣстѣ съ нижайшими услугами нашими, покорно просимъ скораго отвѣта, благопріятнаго или такого, какой укажетъ воля и милостивое соображеніе В. М., такъ какъ мы во всемъ полагаемся на мудрость и разсудительность В. М. и просимъ сегодня же увѣдомить насъ о своемъ рѣшеніи. В. М., нашего милостиваго пана, совершенно покорные и нижайшіе слуги. Дмитро Тымошевичъ Гуня, старшій войска Е. К. М. Запорожскаго.

Въ отвѣтъ на это Е. М. написалъ, что прежнія вольности они утратили, благодаря своимъ бунтамъ и возмущенію противъ королевскаго величества, теперь-же будутъ пользоваться тѣми вольностями, какія даютъ имъ Е. К. М. и речьпосполитая. Козаки, не внимая этому, пишутъ вновь то же самое, т. е. что желаютъ тѣхъ правъ, какія имѣли отъ прежнихъ польскихъ королей. Убѣдившись, что

дѣло сводится къ безполезному промедленію, п. гетманъ 10 іюля возобновилъ приступъ и въ то время, какъ вызвавшіеся охотники приближались къ непріятельскимъ валамъ, артиллерія цѣлила внутрь окопа изъ позиціи гетмана съ одной стороны и изъ нѣмецкихъ шанцевъ съ другой. П. гетманъ польный коронный самъ велъ аттаку, желая своимъ личнымъ примѣромъ еще больше воодушевить охочее войско, при чемъ подъ нимъ убита лошадь. Стычка продолжалась до ночи.

На слѣдующій день осажденные прислали письмо съ мирными предложеніями; желая мира, они просили гетмана не обременять ихъ необычными требованіями и оставить при прежнихъ вольностяхъ, предостерегая при этомъ, чтобы онъ не довѣрялъ находившимся при немъ реестровымъ, ибо они измѣняютъ ему такъ-же, какъ измѣнили козакамъ, съ которыми ѣли хлѣбъ соль. Въ отвѣтъ отправлено посольство для прочтенія козакамъ конституцій сейма текущаго года, для того чтобы они не подозрѣвали гетмана въ суровыхъ намѣреніяхъ и убѣдились, что не самъ онъ сокращаетъ ихъ вольности, но выполняетъ только волю короля и речипосполитой. Послами были п.п: Петръ Коморовскій, Ролинскій, Жолдовскій, писарь летичевскій, Яковъ Келчовскій изъ хоругви п. гетмана польного и др. Когда ихъ ввели въ окопъ, Гуня объявилъ, чтобы козаки собирались на раду, затѣмъ привелъ ихъ въ середину кола, гдѣ находились бунчукъ и бубенъ, приказалъ принести и разостлать на землѣ вязанку сѣна, усадилъ пословъ рядомъ съ собою, велѣлъ подать хлѣба и вареной рыбы и просилъ ихъ кушать. Послы приняли это гостепріимство и тѣмъ доказали свою вѣрность воинскимъ обычаямъ и своему государю. Подали воду, Гуня выпилъ ихъ здоровье, послѣ чего велѣлъ подать водки, выпилъ самъ немалый кубокъ за здоровье гетмана и рыцарства и угощалъ пословъ. Гуня объявилъ козакамъ цѣль посольства и предложилъ прочесть волю короля. По прочтеніи конституціи поднялся сильный ропотъ и волненіе среди мятежниковъ и черни, отвѣтъ отложили на завтра и Гуня сказалъ посламъ: „Когда переговоримъ между собою, дадимъ вамъ знать", послѣ чего послы спокойно удалились.

26). Разсылка разъездовъ на козацкія поселенія и приступъ къ окопу.

Осажденные козаки долго медлили въ окопѣ, предпочитая путемъ лишеній изнурять панское войско, солдатъ и лошадей, нежели правдиво и усердно вести переговоры. Поэтому п. гетманъ разослалъ разъѣзды въ ближайшія села, чтобы предать ихъ огню. При видѣ сильныхъ пожаровъ искреннія просьбы, мольбы и вопли изъ окопа направлены въ лагерь: однако это бѣдствіе хотя и расположило ихъ къ состраданію, но мало побуждало къ дѣйствительному раскаянію въ своихъ преступленіяхъ и къ покорности. Поэтому артиллеріи снова приказано изъ всѣхъ шанцевъ стрѣлять въ окопъ, пѣхотѣ же, региментамъ и кавалеріи быть въ готовности и выжидать удобнаго момента для битвы; подступали къ валамъ и воротамъ, каждый старался сдѣлать все возможное, до самой ночи длилась перестрѣлка, ночь также не была спокойна, напротивъ тревога сдѣлала воиновъ столь бдительными, что пріучила ихъ въ продолженіи цѣлыхъ пяти недѣль не сбрасывать панцырей.

5 іюля, желая попытать счастья, Гуня вышелъ изъ окопа, но не отважился далеко отходить отъ него; часть козаковъ окружила валы, другіе намѣревались что то предпринять противъ валовъ, но хитрость ихъ предупредили, ибо гетманъ приказалъ выстрѣлить въ знамя Гуни изъ трехъ пушекъ; при этомъ убитъ былъ козакъ, носившій надъ нимъ бунчукъ и самъ онъ былъ въ страхѣ, однако тотчасъ же схватилъ бунчукъ и сперва собственноручно носилъ его, потомъ передалъ другому козаку. Натѣшились тамъ и реестровые козаки и пѣхота. Тоже продолжалось и на слѣдующій день, но борьба происходила въ двухъ направленіяхъ, такъ какъ съ одной стороны войска п. воеводы краковскаго и п. стражника короннаго, приближавшіяся отъ Домонтова, очищали дороги отъ мятежныхъ скопищъ, водворяя въ поляхъ порядокъ какъ-бы благоустроенномъ городѣ, между тѣмъ какъ съ другой дѣло подъ окопами и въ этотъ день продолжалось съ неменьшею настойчивостью. При концѣ битвы, когда обѣ стороны уходили съ поля, Гуня повторилъ вчерашнюю шутку, выпустилъ нѣсколько ядеръ въ гетманское знамя; при этомъ ядро ударило въ

голову коня п. Жолтовскаго, ѣхавшаго рядомъ съ гетманомъ а гетманскій конь спасся прыжкомъ.

Привожу здѣсь шутку неустрашимаго сердца: когда конь вдругъ упалъ подъ п. Жолтовскимъ, стражникъ войсковый, п. Ловчицкій замѣтилъ: „Моя будетъ Черешенка", намекая на королевщизну которою тотъ владѣлъ. Когда же вслѣдъ за тѣмъ его самого пугнули ядромъ, онъ воскликнулъ. „Не хочу уже и Черешенки". Много развлекались паны подобными шутками между собою, ибо смерть забава для добраго воина. Въ той же стычкѣ раненъ выстрѣломъ въ плечо п. Яковъ Келчовскій, товарищъ гусарской хоругви п. гетмана польнаго, состоящій теперь писаремъ гродскимъ летичевскимъ, а въ то время оберегавшій особу гетмана. Можно сказать, что онъ словно щитомъ заслонилъ собою гетмана, давая послѣднему возможность избѣгнуть опасности, такъ какъ раненъ былъ заслоняя его спереди. Эту заслугу призналъ за нимъ и самъ гетманъ польный, какъ панъ любящій правду, но оба они прежде всего приписывали это Божьей милости. Такъ шло время съ урономъ для обѣихъ сторонъ и козаки надѣялись постоянными вылазками, какъ ночными такъ и дневными утомить коронное войско и тѣмъ самымъ ослабить путы, связывавшія ихъ своеволіе. П. гетманъ польный милостиво поступилъ съ козаками, оттягивалъ войну, не желая пролитія крови, убѣждалъ ихъ искренно покориться Е. К. М., объяснялъ вольности, права и милости дарованныя имъ королями, они же всѣмъ этимъ пренебрегали, считая притворствомъ и выше всего ставили крестьянскія претензіи. Поэтому рѣшено было, не обращая вниманія на ихъ просьбы, въ теченіи десяти дней непрерывно днемъ и ночью вести приступъ, учредивши между хоругвями очередь для отдыха, а также построить близь нѣмецкаго шанца, бывшаго подъ начальствомъ п. Жолтовскаго, батарею изъ дубовыхъ бревенъ съ земляннымъ блокгаузомъ на вершинѣ, откуда было-бы удобнѣе и вѣрнѣе цѣлить изъ пушекъ въ ихъ лагерь,

27) Отчаяніе козаковъ.

Ничто не можетъ такъ быстро привести человѣка къ крайнему и непоправимому паденію, какъ отчаяніе; но если крестьянинъ до-

веденъ до отчаянія, то ему угрожаетъ полная погибель, такъ какъ съ одной стороны онъ видитъ приготовленную за его преступленія суровую и неизбѣжную кару, съ другой столь же неизбѣжную и жалкую смерть; поэтому онъ въ отчаяніи или прибѣгаетъ къ самоубійству, или ищетъ смерти, бросаясь туда, гдѣ видитъ неизбѣжную опасность. При видѣ новаго, столь прочно устроеннаго сооруженія, съ высоты котораго видѣнъ былъ каждый уголъ, закоулокъ и каждый отдѣльный человѣкъ въ окопѣ, одни совѣтовали бѣжать, другіе пробиваться сквозь польское войско. Чернь прислала съ заявленіемъ, что всѣ готовы сдаться, но старшина, видя это, прибѣгла къ иной уловкѣ: въ ночь на 22 іюля осажденные выслали къ шанцу, стоявшему передъ батарею, нѣсколько козаковъ, будто-бы для поимки языка, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы развѣдать пароль. Тѣ смѣло, подъ видомъ реестровыхъ, подошли къ выбранцамъ, разговорились съ ними, узнали пароль и тотчасъ передали своимъ, а полчаса спустя, устроивши засаду, подошли къ шанцамъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ. У нихъ спросили пароль, они отвѣтили; тогда козакъ, остававшійся съ выбранцами, спросилъ имѣютъ ли они языка? отвѣчаютъ, что есть и не одинъ. Пока они переговаривались, другіе напали сбоку на бѣдныхъ выбранцевъ и вырѣзали у п. Соколовскаго нѣсколько десятковъ неосторожной и слишкомъ довѣрчивой пѣхоты, которая не обратила вниманія на то, что на войнѣ, въ особенности такой какъ эта, необходимо умѣть отличить своихъ; при помощи этой хитрости они разсчитывали разрушить батарею и блокгаузъ и сбросить пушки, для чего и проникли на верхъ, но шумъ вскорѣ привлекъ на мѣсто чуткое войско, такъ что козаки принуждены были прыгать съ батареи и спасаться бѣгствомъ раньше, чѣмъ ихъ окружатъ. Все это произвело въ лагерѣ сильное волненіе и въ эту ночь все войско оставалось подъ ружьемъ. Много козаковъ легло на томъ мѣстѣ, такъ какъ они въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ выбѣжали изъ окопа, полагая, что посланнымъ удалось ворваться въ лагерь и не ожидая встрѣтить войска готовымъ тотчасъ къ отпору. Тревога эта продолжалась до самаго утра, ибо трудно было такъ скоро водворить спокойствіе.

Но вотъ настал для козаковъ новый поводъ къ отчаянію: слышно было, что народъ съ разныхъ сторонъ идетъ къ нимъ на помощь и это не мало придавало имъ бодрости, какъ вдругъ вмѣсто подкрѣпленій они получили извѣстіе, что Савва Кіевлянинъ съ нѣсколькими стами человѣкъ разбитъ и самъ взятъ въ плѣнъ, о прочихъ же не было и слуха. Какъ не придти въ отчаяніе при такомъ положеніи дѣлъ: изволь сидѣть въ окопѣ словно въ клѣткѣ; тутъ ужъ не пѣть, а придется волкомъ выть, но хуже всего то, что у нихъ не стало хлѣба и вообще запасъ провіанта приходилъ къ концу; не утѣшительно было трудиться день и ночь, а вмѣсто пищи имѣть лишь воду да немного конины. Видя это и сознавая, что всѣмъ придется погибнуть позорно, они начали болѣе искрено просить помилованья; приходили къ п. гетману послы отъ черни и другіе отъ старшины, просили для себя старыхъ, написанныхъ у Курукова статей, прибавляя хотя не охотно: „А впрочемъ, какъ ваша воля". П. гетманъ видя, что козаки доведены до крайности принятыми имъ мѣрами, дозволилъ вести переговоры, допускалъ къ себѣ съ просьбами, убѣждалъ ихъ довѣриться волѣ Е. К. М. и речипосполитой, доказывалъ, что это отвѣчаетъ ихъ собственнымъ интересамъ, чтобы король назначалъ изъ шляхты коммиссара и полковниковъ для войска Запорожскаго. Дѣлается же это исключительно съ цѣлью непрерывно поддерживать спокойствіе среди войска, такъ какъ эти начальники будутъ охранять и защищать суды и вольности козацкіе, а также удерживать ихъ самихъ отъ бунтовъ. Но козаки продолжали тянуть все ту же пѣсню и писали одно и тоже къ п. гетману; привожу здѣсь копію такого письма:

Ясневельможный милостивый п. гетманъ польный коронный, панъ нашъ милостивый!

Какъ вначалѣ В. М. изволилъ оказывать намъ свою панскую милость, такъ и о продленіи оной до конца униженно и покорно просимъ, т. е., чтобы намъ остаться при давнихъ правахъ, дарованныхъ прежними блаженной памяти польскими королями. Возмутительно становится смотрѣть на такое пролитіе христіанской, а тѣмъ болѣе неповинной крови, которую мы предпочли бы сохранить для

борьбы съ врагами короны польской, чтобы по крайней мѣрѣ со славою сложить другъ подлѣ друга свои головы. Видно несчастной своей судьбѣ должны мы приписать то, что постигъ насъ столь тяжкій гнѣвъ Божій, а затѣмъ и В. М., пана н. м.; однако же мы хорошо знаемъ, что сколько бы ни вести войну, а придется мириться. Поэтому, какъ прежде мы ни мало не отказывались отъ великаго милосердія В. М., такъ тѣмъ менѣе откажемся отъ него теперь; напротивъ и вторично, и въ десятый разъ просимъ: смилуйся надъ нами, изволь сохранить насъ какъ войско Запорожское для дальнѣйшей службы Е. К. М. и речипосполитой а также и В. М., не вымогая отъ насъ того, чего нѣтъ въ обычаѣ. Не изволь, вельможный нашъ м.п.,довѣрять тѣмъ отступникамъ, которые отдѣльно отъ насъ называютъ себя войскомъ Запорожскимъ, ибо если они измѣнили Богу и намъ, своимъ товарищамъ, съ которыми дѣлили хлѣбъ соль, то почему же не могли бы они измѣнить В. М. Пусть бы мы не несли дольше искупленія за вышеупомянутый нашъ грѣхъ, и никакіе враги не радовались бы этому; просимъ не столько за себя, сколько за неповинныхъ людей: смилуйся м. п., изволилъ ты прежде оказывать свое панское милосердіе, благоволи оказать его и до конца войску Запорожскому, какъ нижайшимъ и вѣрнымъ слугамъ Е. К. М. и В. М., нашего милостиваго пана. Тогда мы, извѣдавши милость В. М., которой усердно поручаемъ себя, до конца жизни обязываемся молить Бога о благополучіи В. М. и благодарить за нее покорнѣйшею и вѣрнѣйшею военною службою, которой отдаемся со всѣмъ усердіемъ.—Данъ въ таборѣ въ субботу, іюля (?) 1638 г. В. М., нашему милостивому пану, во всемъ нижайшіе слуги и подножки: Дмитро Тимошевичъ Гуня, старшій съ войскомъ Е. К. М. Запорожскимъ.

Въ отвѣтъ на такое посланіе слѣдовало снова взяться за саблю, но двѣ причины удерживали руку какъ п. гетмана, такъ и бунтовщиковъ: во первыхъ панскіе отряды, видя продолженіе переговоровъ, начали уже расходиться изъ лагеря, между тѣмъ какъ мятежные козаки въ исходѣ іюля получили извѣстіе, что къ нимъ идутъ свѣжія силы и провіантъ; во вторыхъ, главную причину войны составлялъ вопросъ о томъ, будетъ ль примѣнена къ козакамъ вновь постанов-

ленная о нихъ конституція, или же оставлены имъ будутъ старыя права. Поэтому гетманъ рѣшилъ снарядить посольство въ окопъ для переговоровъ съ ними и потребовалъ, чтобы въ то же время извѣстная часть старшины явилась въ лагерь для бесѣды съ нимъ самимъ. Послами къ козакамъ назначены: ротмистръ Коморовскій, нѣмецкій полковникъ Жолтовскій и стражникъ Ловчицкій, которые довольно пространно толковали съ ними, объясняя, что указанное постановленіе речипосполитой направлено къ подтвержденію ихъ вольностей, къ охраненію ихъ покоя какъ со стороны бунтовщиковъ, такъ и солдатъ и наконецъ открываетъ имъ путь ко всяческимъ милостямъ короля и речипосполитой. Но глухому не стоитъ разсказывать сказки. Ихъ радовало, что войска уходятъ отъ п. гетмана, радовало, что вскорѣ долженъ прибыть Филоненко съ подкрѣпленіемъ и припасами, радовали и благопріятныя предсказанія гадальщицъ, но всѣ эти надежды оказались обманчивы. Какъ увидимъ, Филоненко не много помогъ имъ; если же и уходила часть солдатъ, за то оставались такіе, которые привычны были наступать, а не отступать; неправду также предсказали гадальщицы, ибо, когда нѣсколькихъ изъ нихъ поймалъ на другой сторонѣ Днѣпра разъѣздъ п. стражника короннаго, то онѣ сказали, что козакамъ грозитъ погибель; обыкновенно дьявольскія наущенія бываютъ лживы, а грѣхъ неминуемо вызываетъ кару.

28) Причина, побуждавшая козаковъ медлить.

Шила никогда не утаишь въ мѣшкѣ и всякая измѣна, будь она хоть позолочена снаружи, въ особенности такая, которая направлена противъ Бога и короля, всегда откроется. Мятежные козаки успѣли различными проволочками на долго отсрочить заключеніе мира, прикрывая неискренность притворною простотою до тѣхъ поръ, пока не получили свѣдѣній о Филоненкѣ, котораго ожидали въ непродолжительномъ времени, а потому на всѣ убѣжденія, какими Его Милость склонялъ ихъ къ миру, такъ отвѣчали 2 августа черезъ своихъ пословъ:

Ясновельможный и намъ милостивый п. гетманъ, панъ нашъ милостивый!

Къ великому прискорбію и обремененію нашему направлено то, чего В. М., нашъ м. п. и благодѣтель, изволишь вымогать отъ насъ, укоряя насъ въ вѣроломствѣ. Видитъ Богъ, что мы съ искреннею радостью и охотою готовы были бы принять и исполнить все то, что намъ изволятъ предлагать послы В. М., если не ради себя, то ради всего того, что мы не только слышали, но видѣли и испытали сами на себѣ, надъ своимъ кровнымъ имуществомъ, женами и дѣтьми, что терпимъ и до настоящаго времени. Полагаясь на милостивое обѣщаніе В. М., день ото дня ожидаемъ его выполненія; поэтому всѣ мы, отъ самыхъ старшихъ до наименьшихъ, пришли къ соглашенію, не требовать ничего сверхъ Куруковскихъ статей, но и не отступать отъ нихъ. Итакъ смилуйся, вельможный нашъ м. п., сохрани ихъ въ цѣлости до будущаго сейма, пока не возвратятся къ намъ наши послы отъ Е. К. М. Тогда мы готовы принять не только коммиссара, но хотя бы его слугу и будемъ ему повиноваться, убѣдившись сами въ волѣ Е. К. М., сопротивляться которой мы недостойны и нисколько не желаемъ, напротивъ стараемся и впредь будемъ стараться очистить себя отъ всякихъ подозрѣній. Теперь же въ другой и въ десятый разъ униженно и покорно просимъ: не угнѣтай насъ В. М., нашъ м. п. и благодѣтель, тѣмъ, чего быть не можетъ. Просимъ скораго отвѣта сегодня же; при этомъ со всѣмъ усердіемъ поручаемъ себя милостивому усмотрѣнію В. М. вмѣстѣ съ нашею покорною рыцарскою службою.—Данъ въ таборѣ на устьи Старца, 2 августа 1638. В. М., нашего милостиваго пана и благодѣтеля, во всемъ покорные и нижайшіе слуги и подножки: Дмитро Тымошевичъ Гуня, старшій съ войскомъ Е. К. М. Запорожскимъ.

Положеніе становилось серьезнымъ, такъ какъ они задумывали или съ оружіемъ въ рукахъ, соединившись съ свѣжими силами, пробиться изъ окопа, или какъ нибудь успѣшнѣе расправиться съ короннымъ войскомъ, или же по полученіи припасовъ соперничать съ голоднымъ войскомъ, кто дольше продержится. Но если Богъ караетъ людей, то самое разумное ихъ рѣшеніе будетъ для нихъ гибельно; поэтому все, задуманное бунтовщиками, оказалось слабѣе паутины. При столь рачительномъ войскѣ и предусмотрительномъ гетманѣ развѣ птица

пронесла бы въ окопъ запасы. Несчастный въ своихъ замыслахъ козакъ, ты еще болѣе несчастливъ тѣмъ, что отклоняешь предложенную п. гетманомъ милость и пріязнь.

29) Наступленіе на козацкій окопъ.

Такъ какъ гетману не удалось кротостью преодолѣть хлопскаго упорства, а между тѣмъ нѣкоторыя войска собирались уже уходить домой, то 4 августа п. гетманъ сдѣлалъ генеральный приступъ къ окопу. Всю пѣхоту, какъ княжескую, такъ и войсковую, направили къ валамъ, палили изъ пушекъ, кавалерія бросилась на валы. Реестровые козаки не лѣнились и вызванныхъ на герцъ бунтовщиковъ отрѣзывали отъ окопа; другимъ, мѣтко стрѣлявшимъ изъ окопа, избивали полки, ибо едва показывалась за привалкомъ чуприна, быстрѣе остригали ее мушкетною пулею нежели цирюльникъ ножницами. Мятежники прибѣгали къ своимъ измѣнническимъ хитростямъ; такъ напр., выйдя изъ валовъ, они при наступленіи хоругвей обращали къ окопу свои ружья и стрѣляли въ него, для того чтобы подступавшіе солдаты принимали ихъ за реестровыхъ; но едва проходила хоругвь, какъ они снова охраняли свою позицію. Одни, стоя въ окопѣ, другіе, лежа подъ валами за брустверомъ, подстерегали тѣхъ, кто подойдетъ поближе, чтобы подстрѣлить или же стащить съ коня и взять въ плѣнъ; послѣднее было не трудно, такъ какъ они вырыли вокругъ окопа множество круглыхъ ямъ, о которыя лошади часто спотыкались. По временамъ одолѣвали коронныя хоругви, иногда козаки, какъ обыкновенно бываетъ въ битвѣ, при чемъ обѣ стороны не остались безъ урона, такъ какъ битва продолжалась почти цѣлыя сутки. Впрочемъ, она принесла нѣкоторую выгоду короннымъ войскамъ частью потому, что уже приближался Филоненко, главнымъ же образомъ потому, что запасъ пороха истощался у козаковъ и сами они, усталые и измученные, были менѣе способны къ вылазкѣ для встрѣчи и защиты Филоненка. Важную пользу принесла эта атака и тѣмъ, что реестровые козаки добыли прекрасныхъ языковъ, проникли въ окопъ, разсмотрѣли шанцы и убѣдились, что не стоило и покушаться овладѣть валами, ибо внутри построены блокгаузы и вода находится въ изо-

били; поэтому дѣло не окончится взятіемъ валовъ, но придется голодомъ вымаривать непріятеля. Эти валы и окопы обыкновенно наводятъ страхъ на осаждающихъ.

30) Прибытіе Филоненка подъ окопъ.

Всѣ надежды справедливой войны возлагаются не на человѣческія силы, а на Бога, но мятежная чернь, вѣроломно поднявшая преступную руку на своего короля и речьпосполитую, возлагала надежды не на Бога, а на силы, какія ожидались съ Филоненкомъ, котораго Острянинъ уже давно послалъ по селамъ; поэтому козакамъ вскорѣ пришлось гибнуть какъ животнымъ. Получивъ точное извѣстіе, что Филоненко 6 августа долженъ подойти къ окопу, они на радости встащили на верхніе валы пушки, ядра и порохъ, крѣпко оберегая валы для того, чтобы войска могли безопасно двигаться у ихъ подножья, осмотрѣли оружіе, конные выкормили лошадей; всѣ уже наготовѣ и въ ожиданіи, какъ вдругъ слышатъ, что съ противуположной стороны Днѣпра желанныхъ гостей, числомъ до двухъ тысячъ, шедшихъ по тому берегу и по водѣ, встрѣчаетъ п. стражникъ съ войскомъ п. краковскаго воеводы, подъ начальствомъ п. Бжозовскаго, пушечными и ружейными залпами. Солдаты отъ радости пляшутъ вокругъ нихъ, вмѣсто руки подаютъ имъ саблю, вмѣсто пота льется кровь. Но такъ какъ человѣкъ не терпитъ отъ того, чего не видитъ, то заключенные въ окопѣ, слыша этотъ шумъ, тѣшатся самыми пріятными предположеніями: они надѣятся, что идутъ большія силы и много провіанта, что послѣ ихъ прихода удастся возвратить себѣ прежнія вольности и козаки снова получать свободу и право выбора гетмана. Бѣдняга Филоненко живо оборачивался среди коронного войска, но дѣло его не ладилось, онъ терялъ много людей, разбрасывалъ провіантъ, потерялъ немало пороха, а лагерь козацкій все еще далеко. Поэтому, прекративъ забаву, козаки поскорѣе взялись за весла, отчалили быстро и ловко и подъ прикрытіемъ болотъ и островов, пользуясь извилинами днѣпровскими, ускользнули изъ рукъ отрядовъ п. воеводы краковскаго и п. Лаща и къ полуночи прибыли подъ окопъ. Теперь козаки собираются съ силами и стараются ввести вновь прибывшихъ;

одни выходятъ изъ окопа, другіе помогаютъ, стоя на валахъ, третьи стараются провести прибывшихъ подъ прикрытіемъ окоповъ, иные отвлекаютъ войско п. гетмана. Но гетманъ, не взирая на это, среди темной ночи размѣстилъ и конницу, и пѣхоту и встрѣтилъ выходившихъ на берегъ: свою легкую надворную милицію онъ пустилъ къ Днѣпру и велѣлъ рубить саблями; послѣ перваго выстрѣла жолнеровъ, непріятель пришелъ въ смущеніе; съ нимъ смѣшались волохи и татары, подоспѣлъ сынъ п. гетмана, за нимъ хоругви п.п. Казановскаго, Гижицкаго и Бориславскаго и такъ провожали его отъ Днѣпра. Самъ гетманъ съ кн. Вишневецкимъ и прочими хоругвями такъ преградилъ имъ путь, что ни безпрерывная стрѣльба, ни храбрость входившихъ, ни хитрости защищавшихся не могли имъ помочь. Одни умирали, преграждая входъ, другіе, стремясь войти. Ночью козаки прибѣгали къ военнымъ хитростямъ: они никого не оставили въ воротахъ окопа для того, чтобы хоругви попадали тамъ на готовыя засады; затѣмъ часть козаковъ отодвинулась отъ окопа и, когда хоругви подступали къ Гунѣ, они обращали свои самопалы въ туже сторону, прикидываясь реестровыми, стрѣляющими въ окопъ, когда-же хоругви миновали ихъ, они направляли выстрѣлы въ тылъ послѣднимъ и отступали къ окопу. Наконецъ они стрѣляли улегшись, плашмя на землѣ вблизи валовъ со стороны поля, такъ, что приходилось развѣ рубить ихъ саблями или-же топтать лошадьми, въ чемъ и не отказывали себѣ храбрые солдаты. Тамъ доказывалъ свое мужество кн. Іеремія Вишневецкій, доказывали также люди изъ хоругвей кн. Владислава Доминика Острожскаго и канцлера. Не уступали имъ въ храбрости и п. староста хмѣльницкій съ хоругвью Е. К. М., хоругви обоихъ гетмановъ, кн. Александра Вишневецкаго, подольскаго воеводы Станислава Потоцкаго, брацлавскаго воеводича, потомка славнаго патріота Стефана Потоцкаго; хоругвь п. Станислава Потоцкаго, который передъ тѣмъ замѣщалъ гетмана, п. Павловскаго, п. Загоровскаго и другія, достойныя вѣчной памяти вмѣстѣ съ храбрыми своими ротмистрами, такъ какъ не было ни одной хоругви, которая бы не отличилась мужественными подвигами при этомъ случаѣ. Достойны вѣчной памяти: п. Мѣлецкій, который, видя опасность,

угрожавшую гетману изъ засады, придержалъ его подводья, отпущенные для большей стремительности въ приступѣ, хотя это сопряжено было съ опасностью для него самого; п. Ловчицкій, стражникъ войсковый, который ни на шагъ не отступилъ передъ надвигавшимся на него непріятелемъ; п. Жолтовскій, который среди огня сохранилъ жизнь и славу; п. Николай Загорскій, ротмистръ королевской венгерской пѣхоты, состоящей при особѣ п. гетмана польнаго, которому поручено было стеречь въ лагерѣ 70 человѣкъ важнѣйшихъ козацкихъ плѣнниковъ. Опасаясь, чтобы среди такой сѣчи лагерь не подвергся какой либо опасности отъ плѣнныхъ и желая облегчить пѣхотѣ возможность успѣшнѣе оберегать его, онъ отдѣлилъ на сторону нѣсколькихъ плѣнныхъ—Путивльца, Скидана и Савву, затѣмъ далъ знакъ венграмъ вырѣзать всѣхъ остальныхъ, послѣ чего соединилъ свою пѣхоту съ пѣхотою п. Петра Потоцкаго и храбро ударилъ на непріятеля. Достойны особаго воспоминанья и многіе другіе, такъ какъ здѣсь Богъ исключительнымъ образомъ указывалъ коронному рыцарству способы подавить противный ему бунтъ и водворить мятежниковъ въ предѣлы, указанные конституціями речипосполитой. До двухъ часовъ по полуночи не прекращался огонь и не угасало богатырское одушевленіе храбрыхъ коронныхъ рыцарей; они подали стальное перо и свою кровь вмѣсто чернилъ позднѣйшимъ писателямъ и историкамъ для того, чтобы эти послѣдніе не только на вѣчныя времена сохранили для всеобщаго свѣдѣнія храбрые ихъ подвиги, но и посвидѣтельствовали также, что они столь высокою отвагою еще болѣе украсили сами свое высокое рожденіе.

Вошелъ въ окопъ этотъ Филоненко, но съ большимъ стыдомъ для себя, во первыхъ потому, что потерялъ большую часть войска, такъ какъ пробился лишь съ нѣсколькими стами человѣкъ; во вторыхъ и провіанта, котораго ожидали отъ него, едва достало на два дня; въ третьихъ потому, что его услугу козаки окрестили предательствомъ и его самого сперва публично наказали кіями, а затѣмъ приковали цѣпью за шею.

Къ этой главѣ въ лѣтописи Величка помѣщено слѣдующее приложеніе, озаглавленное имъ: „Зъ лѣтописца козацкого [1])“:

Вышеписанные роздѣлы складаючи въ семъ діаріушѣ, велебный отецъ Околскій велми розминулся зъ правдою, чи то нарочне, чили таковую, неправды полную, имѣлъ у себе реляцію, бо що писалъ о Хвилоненку, же тилько зъ двомя тисячами прибранного войска козацкого плинулъ човнами по Днѣпру на помочь до гетмана Гунѣ ку окопу, на Старцу бывшомъ, то есть неправда, понеже Хвилоненко полковникъ не въ двохъ, но въ пятохъ тисячахъ злишкомъ знайдовался войска своего и провіянту мѣлъ приспособленного на два и на три мѣсяцѣ кромѣ достаточного запасу военного. Що тежъ написалъ Околскій панегеричне о томъ, ижъ Хвилоненка войска коронніи, на томъ боку рѣки Днѣпра зостававшіи, пудили, то написалъ ложъ явную, бо хто видалъ тое, абы конно жолнѣръ моглъ на водѣ лодками плывучого жолнѣра гонити и пудити; да и Хвилоненко былъ бы не смисленный вождь, еслибы, чуючи о войскахъ коронних конних, невѣдомо для чого мѣлъ подъ нихъ човнами подплывати; и овшемъ, Хвилоненко по за островами и затоками Днѣпровими такъ облиснулъ и ку окопу до войска главнѣшого прійшолъ, же войско коронное, по берегу на томъ боку Днѣпра розположенное, залодво и слышати о немъ могло. Немало теды Хвилоненко отъ войскъ тогобочнихъ коронних имѣючи ущербку, въ цѣлости зо всѣмъ войскомъ и провіянтами до гетмана Гунѣ приплынулъ до окопу добы нощной; лечъ потуга войскъ полскихъ, около окопу на Старцу бывшихъ, по ордынансу началнѣйшого вождя своего всѣми силами на тое была усадилася, аби не впустити Хвилоненка зъ войскомъ и провіянтомъ до окопу; но гетманъ Гуня зъ войскомъ зъ окопу, а Хвилоненко зъ човновъ выйшовши скупилися и всѣ провіянты зобравши, зъ великимъ препятіемъ отъ поляковъ войшли до окопу. Препятіе засъ такъ тяжкое, прикрое, почавши отъ полночи, было отъ поляковъ козакамъ, же мусѣло тамже на пляцу трупомъ пасти козаковъ 875 человѣка, а поляковъ 5,068 человѣка кромѣ раннихъ

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 262—264.

и тихъ, которіи, смертно постреляни будучи, на сторону конми отбѣгали и отпадали; бо латвѣйше было подъ зору на конниxъ поляковъ пѣшимъ козакамъ зъ шанцовъ и труповъ полскихъ конскихъ и человѣческихъ стрѣляти и потрафляти, нежели полякомъ на козаковъ пѣшихъ стрѣляти и улучати; а хоча тамъ были и пѣхоты полскіи, еднакъ и имъ тожъ отъ козаковъ досталося, що и конници ихъ, поневажъ войско Запорожское такъ было въ стреляню справное, що на еденъ голосъ стреляло и многихъ поляковъ во тмѣ нощной разоряло и забіяло; а дождавшися свѣта и военній задоръ зъ обохъ сторонъ скончивши, ꙃды козаки выбѣрали свои трупы, тогди и лядскихъ труповъ обрѣли и изчислили квоту вышписанную, которіе, за вистребленіемъ зъ лядзкой стороны покоя, невозбранно отъ козаковъ уступлени, до лядзкого обозу забраніи и похоронени.— Таковимъ моцнимъ и горячимъ козацкимъ трактаментомъ панове поляки велми опаривишися, болше уже впередъ таковой упорчиво и десперацкой отвазѣ своей дали покой и не смѣли на козаковъ близко натирати, лечъ и гетману своему и гетману козацкому, въ окопѣ бившему, прилѣжне радили и совѣтовали, аби обополній учиненъ былъ покой и загамовано нещадное крвѣ христіанской пролитіе, що и собылося вскорѣ таковимъ порядкомъ и дѣйствіемъ, яко предлежащіе сего діаріуша (полніе неправды и похлѣбства Околского) являютъ роздѣлы.

31) Подчиненіе гордыхъ козацкихъ головъ волѣ п. гетмана.

Когда обманчивая надежда наканунѣ жестоко погнала бунтовщиковъ на острія копій, только тогда увидѣли они шаткость своего положенія; поэтому, не ожидая больше новыхъ подкрѣпленій, они рѣшились искренно покориться п. гетману и просить помилованья. Сперва они просили прислать кого нибудь, съ кѣмъ можно было бы обстоятельно потолковать въ ихъ колѣ. На это Е. М. отвѣтилъ, что предписываетъ законы побѣдитель и, если они желаютъ милосердія, пусть лучшіе изъ нихъ сами придутъ къ нему. Тяжело было слышать мятежнымъ козакамъ, что придется имъ предстать предъ

гетманомъ и тамъ заключать договоръ; однако, поневолѣ склонившись на убѣжденія п.п., Петра Коморовскаго, Жолтовского, Ловчицкаго и войсковаго судьи п. Стефана Хоментовскаго, послали Романа Пешту, но тотъ, приблизившись къ гетманскимъ палаткамъ, проникся такимъ страхомъ, что съ нимъ случился припадокъ эпилепсіи. Придя въ себя и ободренный кроткою рѣчью п. гетмана, Пешта сказалъ: „Видимъ, что самъ Богъ караетъ насъ, прибѣгаемъ къ твоему милосердію и просимъ, чтобы составлена была болѣе мягкая конституція относительно козаковъ, или чтобы предложенная намъ теперь не имѣла примѣненія до тѣхъ поръ, пока не возвратятся наши послы отъ Е. К. М.“ Первое было невозможно, но на второе п. гетманъ изъявилъ согласіе; не желая, однако, просто выпустить ихъ изъ окопа въ виду этого промедленія, онъ потребовалъ, чтобы козаки выдали артиллерію, подтвердили присягою свое слово и чтобы старшимъ и гетманомъ у нихъ на это время былъ никто иной, какъ самъ п. гетманъ, а полковниками тѣ, кого онъ назначитъ. Затѣмъ указалъ Корсунь какъ мѣсто, гдѣ они должны, примирившись съ реестровыми, составить общую раду 9 сентября, выбрать пословъ и написать прошеніе къ Е. К. М. До возвращенія пословъ долженъ быть составленъ козацкій реестръ, по возвращеніи же ихъ козаки должны возвратить на Масловомъ Ставѣ пушки, булаву, бунчукъ, знамена и бубны, а принимать ихъ будутъ коммисары и полковники по указанію Е. М. Услышавъ это, козаки въ большой радости упали къ ногамъ гетмана, благодаря за благодѣянія и прося быть ихъ заступникомъ и покровителемъ.

Такимъ образомъ усмирены мятежные козаки; когда п. гетманъ убѣждалъ ихъ принять конституцію, они сопротивлялись, но когда принудилъ силою, сказали: „Пусть будетъ по твоему приказу“. Такъ хлопъ, знай пана! Въ тотъ же день передана имъ форма присяги; сперва присягали реестровые, за ними осажденные, послѣ всѣхъ чернь.

32) *Присяга козаковъ и черни.*

Присяга реестровыхъ козаковъ:

Мы: Савва Ивановичъ, Калепикъ Прокоповичъ, Михайло Максимовичъ, полковники войска Е. К. М. Запорожскаго, состоящаго

при войскѣ Е. К. М. коронномъ, сами отъ имени всего этого войска присягаемъ Господу Богу въ Троицѣ единому и всѣмъ святымъ нашимъ, что мы волѣ и приказу Е. К. М., тотчасъ по возвращеніи пословъ нашихъ отъ Е. К. М. во всемъ повиноваться и ни въ чемъ противиться не будемъ. Также и распоряженія ясневольможнаго Е. М. п. гетмана короннаго, какъ старшаго и благодѣтеля нашего, во всемъ будемъ обязаны исполнять; товарищамъ нашимъ реестровымъ, бывшимъ осажденными на Старцѣ, ни въ чемъ обиды и поношенія не чинить, въ случаѣ надобности самимъ между собою оказывать другъ другу правосудія, во всемъ въ любви и согласіи товарищескомъ жить. На все это правдиво присягаемъ, если-же не правдиво, Боже насъ покарай на душахъ и тѣлахъ нашихъ въ этой жизни и будущей

Присяга козаковъ, осажденныхъ на Старцѣ.

Мы: Романъ Пешта, Иванъ Бояринъ, Василь Сакунъ, полковники войска, осажденнаго на Старцѣ, именемъ цѣлаго войска присягаемъ Господу Богу въ Троицѣ единому и всѣмъ святымъ въ томъ, что такъ какъ за проступокъ, учиненный противъ воли Е. К. М. и речипосполитой, ясневельможный Е. М. п. воевода брацлавскій, гетманъ польный коронный, показавши милосердіе, изволилъ милостиво простить и водворить миръ на основѣ извѣстныхъ оговоренныхъ условій, означенныхъ и списанныхъ въ особой грамотѣ, то всѣ эти пункты мы обязываемся выполнять добровольно; приказы Е. К. М., какъ скоро получимъ ихъ, равно какъ приказы ясневельможнаго Е. М. п. гетмана польнаго короннаго, старшаго и благодѣтеля нашего, во всемъ исполнять будемъ и обязываемся. Тѣхъ, которые не были наравнѣ съ нами въ реестрѣ, но пришли къ намъ изъ помѣщичьихъ имѣній, удаляемъ отъ себя и впредь обѣщаемъ не принимать. Товарищамъ нашимъ, бывшимъ при войскѣ Е. К. М. коронномъ, какъ старшимъ, такъ и младшимъ, никакой обиды или поношенія ни словомъ, ни дѣломъ не должны причинять. На всемъ этомъ правдиво присягаемъ, если же не правдиво, пусть насъ Богъ покараетъ на душахъ и тѣлахъ, и въ сей жизни, и въ будущей.

Присяга мятежной черни.

Помня преступленіе разнузданнаго нашего мятежа, для того чтобы знало о немъ и потомство и въ предупрежденіе того, чтобы впредь не только мы, но и потомки наши не смѣли и думать о бунтахъ или возстаніяхъ, исповѣдываемъ милосердіе найяснѣйшаго величества короля нашего, объявленное намъ ясневельможнымъ Е. М. п. воеводою брацлавскимъ, гетманомъ польнымъ короннымъ. Такъ какъ послѣ первыхъ коммиссій, подписанныхъ нашею кровью и скрѣпленныхъ многократною присягою, мы отважились произвести возстаніе и подняли руку на короля и его войско, разсылали письма и силы наши въ этихъ бунтахъ обращали противъ собственныхъ пановъ, забывая благодѣяніе, вновь оказанное намъ подъ Боровицею послѣ недавняго пораженія подъ Кумейками (гдѣ, благодаря отвагѣ рыцарства, отобраны у насъ клейноты, артиллерія и знамена и сложены къ ногамъ Е. К. М.), благодѣянія, которое не отвратило нашего упорства отъ нынѣшняго возмущенія,—то теперь, послѣ новаго преступленія нашего, усиленною покорностью испросивши помилованіе, мы готовы исполнять во всемъ волю речипосполитой, ясно выраженную въ конституціяхъ, равно какъ и особо объявленную намъ волю ясневельможнаго Е. М. п. воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго короннаго; коммиссара, назначеннаго отъ Е. К. М. и речипосполитой, готовы принять по выѣздѣ коммиссіи и по возвращеніи пословъ нашихъ отъ Е. К. М., въ чемъ всѣ сполна присягаемъ. Принимая власть шести назначенныхъ полковниковъ, обѣщаемъ оказывать имъ все должное повиновеніе, надъ ними же признаемъ исключительно верховную власть ясневельможнаго п. гетмана, подъ охрану котораго отдаемся всѣ, какъ вѣрные и покорные подданные. Также съ товарищами нашими реестровыми козаками, бывшими въ то время въ войскѣ Е. К. М., обязываемся жить по братски, прекративши всякую вражду и ни въ чемъ не укорять другъ друга. Артиллерія и всѣ знаки войсковые должны оставаться на мѣстѣ, обусловленномъ полковниками съ согласія ясневельможнаго п. гетмана; при ней должны пребывать полковники безотлучно, во всемъ отдаваясь на

волю ясневельможнаго п. гетмана польнаго. Орудія, взятыя у шляхты и у кіевлянъ, будутъ нами немедленно возвращены; по возвращеніи же нашихъ пословъ отъ Е. К. М. обѣщаемъ выдать назначенному для того коммиссару нашу собственную артиллерію и всѣ войсковые знаки. съ выраженіемъ покорности, какъ нижайшіе подножки Е. К. М., въ чемъ и присягаемъ. Убѣжденные въ милосердіи Е. К. М., надѣемся, что онъ оставитъ насъ при давнихъ вольностяхъ войска Запорожскаго и что жены и вдовы старинныхъ козаковъ не потерпятъ никакого притѣсненія. Просимъ при томъ вельможнаго Е. М. п. воеводу брацлавскаго, гетмана польнаго коронпаго, поддержать своимъ заступничествомъ передъ Е. К. М. ходатайство трехтемировскихъ монаховъ въ томъ смыслѣ, чтобы назначенная коммиссія оставила имъ ихъ владѣнія, а также чтобы п. гетманъ приказалъ возвратить монастырскую казну, предназначенную для хвалы Божьей и находящуюся нынѣ у полковника Ильяша. Просимъ покорно не запрещать намъ, съ дозволенія старшихъ, выходить въ степи для звѣриной охоты и въ рѣки для ловли рыбы, но никакъ не для бунтовъ или выхода въ море. Итакъ, принимая оказанныя намъ милости, благодѣянія и милосердіе, обѣщаемъ полное подчиненіе, вѣрность и преданность и въ третій разъ присягаемъ въ томъ и на будущія времена для того, чтобы это обязательство наше ни для кого не было тайнымъ.— Дано въ лагерѣ на устьи Старца 7 августа 1638. Съ согласія войска Запорожскаго, съ разрѣшенія п.п. полковниковъ, избранныхъ на это время и по приказанію какъ старшихъ, такъ и младшихъ, подписываюсь Мартынъ Незнанскій, на то время войсковый писарь рукою власною.

33) *Окончаніе военнаго похода.*

Въ слѣдующій день 8 августа рыцарство отслушало въ гетманской палаткѣ обѣдню и благодарственное богослуженіе, ксендзы пропѣли „Te Deum“, послѣ чего пушкари и пѣхота дали нѣсколько залповъ холостыми зарядами изъ пушекъ и мушкетовъ; тоже сдѣлали и козаки, осажденные на устьи Старца и такъ прошелъ день въ большомъ весельи. Теперь козаки свободно расхаживали въ лагерѣ,

а рыцарство въ ихъ окопѣ, гдѣ хорошо разсмотрѣло и сообразило всѣ ихъ военныя хитрости, засады, тайники и ловушки. Одни находили, что невозможно было взять ихъ въ этомъ укрѣпленіи иначе, какъ только продолжительною осадою; это мнѣніе раздѣлялъ и п. гетманъ. Другіе говорили: „Обратите вниманіе на то, какъ велико различіе между солдатомъ, который отъ плуга и сохи берется за мечь и тѣмъ, который никогда не занимался ручнымъ трудомъ; первые не только неутомимы въ работахъ, но отъ тяжелаго труда становятся способнѣе къ еще болѣе тяжкому, между тѣмъ какъ послѣдніе тотчасъ изнемогаютъ“.

9 августа мятежные козаки, возблагодаривши Бога, получили позволеніе разъѣзжаться по домамъ; двинулось и коронное войско въ назначенныя ему стоянки, а Е. М. п. гетманъ отбылъ въ Нѣжинъ, затѣмъ въ Кіевъ. Это заняло время до 24 августа, какъ вдругъ дано знать, будто бы козаки начинаютъ вновь собираться толпою для возстанія, что они не отдали въ Каневѣ артиллеріи, какъ было приказано и собирали новую раду. Въ виду этого п. гетманъ послалъ къ нимъ Трояна Голомбковскаго съ такою инструкціею.

Инструкція благородному п. Трояну Голомбковскому отъ ясневельможнаго Е. М. п. гетмана польного короннаго, генерала подольскаго, нѣжинскаго и пр. старосты, посылаемому въ Чигринъ на раду изъ новоизбранныхъ полковниковъ и запорожскаго братства, допущеннаго въ милость Е. К. М.

1. Прежде всего привѣтствовать всѣхъ отъ моего имени, пожелать имъ добраго здоровья и милости короля, речипосполитой и насъ вождей, о снисканіи которой они начали уже стараться.

2. Спросить, почему козаки, нарушая свое обязательство, скрѣпленное присягою, до сихъ поръ не доставили въ Каневъ, какъ было условлено, артиллеріи, составляющей собственность войска Запорожскаго, а чужой не возвратили по принадлежности; ибо дѣло величайшей справедливости отдать то, что не свое, а тѣмъ самымъ снять съ себя всякое подозрѣніе.

3. Если единственная тому причина, какъ это правдоподобно, только та, что вслѣдствіе истощенія и слабости своихъ лошадей

они не въ состояніи были препроводить этой артиллеріи, то я, будучи главою ихъ, самъ прилагаю стараніе и даю свой универсалъ въ Черкасы и Медведовку на взятіе подводъ, которыя какъ можно скорѣе доставили бы артиллеріею въ условное мѣсто для того, чтобы не расходились между людьми праздные слухи, подающіе сомнѣніе относительно ихъ вѣрности, правдивости и добросовѣстности, въ чемъ такъ недавно присягали Е. К. М. и чтобы такимъ поведеніемъ и проволочками они снова не возбудили противъ себя какого либо подозрѣнія.

4. Полагаю, что рада эта собрана не для иныхъ причинъ, какъ только для того, чтобы изъ своей среды избрать достойныхъ пословъ, чего и самъ я желаю, равно какъ и того, чтобы козаки какъ можно покорнѣе выполнили обязательства недавно принесенной присяги, по смыслу которой они обѣщали подчиниться волѣ Е. К. М. и речипосполитой и принять такое устройство, какое предпишетъ речьпосполитая. Желаю также, чтобы они величайшею покорностью снискали себѣ новыя милости короля и речипосполитой и не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, для облегченія котораго я дамъ грамоту ихъ посламъ, ибо по свидѣтельству св. писанія, всякъ унижающійся возвысится, а возносящійся низко падаетъ.

5. Объявить имъ также, что ко мнѣ доходятъ слухи о томъ что многіе изъ подданныхъ владѣльческихъ имѣній желаютъ присвоить себѣ званіе и вольности козацкія, что противно и прежнимъ, и нынѣшнимъ коммиссіямъ, а тѣмъ болѣе нынѣшней ихъ присягѣ, по которой именно количество реестровыхъ не можетъ быть увеличено свыше того числа, какое будетъ установлено коммиссарами речипосполитой, присланными отъ Е. К. М. Поэтому объявить имъ, чтобы они не вмѣшивались въ то, что противорѣчитъ давнимъ уставамъ, ибо козаки не должны пребывать во владѣльческихъ имѣніяхъ, а только въ королевскихъ.

6. Объявивши все это на радѣ и выслушавши ихъ объясненія, возвращайся ко мнѣ.—Данъ въ Кіевѣ 26 августа 1638 г.

Козаки дали отвѣтъ, что артиллерія послана и находится на пути къ Каневу и только два самыя большія орудія оставлены на

мѣстѣ въ Чигринѣ по недостатку лошадей. Раду собирали для того, чтобы условиться о времени, когда всѣ могли бы съѣхаться для выслушанія пословъ и защиты Запорожья и назначили срокомъ для нея 9 сентября въ Кіевѣ. При этомъ послали Е. М. п. гетману свою петицію, на которую такъ отвѣчалъ имъ Е. М.

Отвѣтъ на пункты прошенія, присланнаго мнѣ черезъ пословъ отъ п.п. полковниковъ.

1. Я имѣю изъ Звенигородки донесеніе тамошняго п. подстаросты о томъ, что люди, которые въ реестрахъ провентовыхъ издавна числятся отбывающими замковыя и городскія повинности, причисляютъ себя къ реестровымъ, хотя никогда не были козаками. Настоящимъ же реестровымъ, товарищамъ вашимъ, не должно быть причиняемо ни малѣйшей обиды, ни малѣйшаго нарушенія правъ; п. подстароста не долженъ и думать объ этомъ. Впрочемъ, я пошлю туда корсунскаго полковника для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и за малѣйшую обиду, причиненную вашему товарищу, п. подстароста подвергнется отвѣтственности.

2. Что касается роменской волости, я получилъ донесеніе отъ п. подкоморія и п. подстаросты роменскаго о томъ, что въ то время какъ мы еще находились въ лагерѣ другъ противъ друга, въ этихъ имѣніяхъ собралась было кучка бездѣльниковъ, которыхъ разгромили слуги п. подкоморія короннаго и, кажется, нѣсколькихъ казнили. Но и другіе, уже послѣ дарованнаго имъ помилованія, удалившись отъ васъ, снова взбунтовали нѣкоторыхъ крестьянъ, напали на фольварокъ п. подкоморія и совершенно разграбили его, забрали всѣ товары, убили слугу намѣстника и совершили много другихъ насилій, вѣроятно въ надеждѣ на вашу помощь. Когда же пришли туда нѣмцы по моему приказу для собиранія назначеннаго имъ провіанта, они окопались надъ Сулою, гдѣ легко были бы взяты нѣмцами, если бы эти послѣдніе получили отъ меня приказъ уничтожить ихъ. Разслѣдуйте же теперь, гдѣ скрываются эти бездѣльники и кто среди нихъ достоинъ наказанія. Припомните, что во время предыдущихъ переписей вы сами настаивали, чтобы никто изъ роменцевъ не былъ внесенъ въ реестръ на томъ основаніи, что только ближайшіе къ

Днѣпру должны быть козаками для того, чтобы скорѣе можно было удовлетворять потребностямъ службы королю и речипосполитой; ибо въ случаѣ нападенія татаръ мѣстные люди пострадали бы раньше, чѣмъ явилась бы помощь изъ Ромна. Слѣдовательно они несправедливо домогаются этого, а вы также неосновательно берете ихъ подъ свое покровительство: ибо какъ въ нашемъ шляхетскомъ сословіи пользуется вольностями и прерогативами шляхетскими только тотъ, кто и кровь за нихъ проливалъ и долго служилъ на свой собственный счетъ Е. К. М. и отчизнѣ, такъ и вы разсудите сами, справедливо ли и прилично ли будетъ пріобщать къ вашему сословію и рыцарскимъ вольностямъ, за которыя и вы, и предки ваши несли свои головы, какихъ то пастуховъ, которые и васъ самихъ многократно приводили въ немилость короля и речипосполитой. Если соберутся нѣсколько десятковъ или нѣсколько сотъ бродягъ, гдѣ нибудь разорятъ и пограбятъ, никто не скажетъ, что это сдѣлали крестьяне, напротивъ, укажутъ на козаковъ, такъ какъ и вы по временамъ, пристаете къ нимъ и тѣмъ самымъ раздражаете противъ себя сердце Е. К. М. и речипосполитой. Къ тому же вы по силѣ вашей присяги обязаны не ходатайствовать за тѣхъ, которыхъ выдѣлили изъ своей среды, такъ какъ всѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ остаться козаками. Но если бы даже это было возможно, то не такими мѣрами должно стремиться къ снисканію отъ Е. К. М. такой милости, чтобы пользоваться равными съ вами вольностями, нужно идти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ваши предки и своею кровью и имуществомъ заслужить ихъ отъ короля и речипосполитой. Въ приднѣпровскихъ городахъ потому и учреждены болѣе численные полки что роменцы не зачислены въ козацкій реестръ.

3. Замѣчая, что между вами существуетъ нѣкоторое обоюдное недовѣріе, что при самомъ началѣ примиренія вы уже подозрѣваете и остерегаетесь другъ друга, я желаю и прошу васъ пріѣхать ко мнѣ въ Кіевъ, взявши съ собой по нѣсколько десятковъ человѣкъ отъ каждаго полка для того, чтобы я могъ обо всемъ переговорить съ вами и лично привести васъ къ единенію. Поэтому я желаю также, чтобы

и та рада, которую вы назначили для выбора пословъ, происходила въ моемъ присутствіи, какъ вашего старшаго; это послужитъ къ поднятію вашего значенія и почета и опровергнетъ всякое неблагопріятное мнѣніе о васъ.

4. Такъ какъ я состою попечителемъ надъ вами и вашими имѣніями, то желаю для васъ отъ Е. К, М. отмѣны всего того, къ чему привели васъ неблаговидные поступки первыхъ измѣнниковъ и расширенія вашихъ вольностей, между прочимъ и возврата селъ, принадлежавшихъ трехтемировскому монастырю, которыя королевскимъ привилеемъ отданы п. стражнику коронному. Но въ виду того, что еще раньше п. стражникъ, основываясь на королевской деклараціи, расходовалъ свои деньги на посѣвъ, прошу и предупреждаю васъ, чтобы вы въ этомъ случаѣ выказали покорность Е. К. М. и не препятствовали сбору этого посѣва, пока не получите черезъ своихъ пословъ обстоятельной резолюціи обо всемъ отъ Е. К, М.; для того же, чтобы она состоялась въ желательномъ и благопріятномъ для васъ смыслѣ, я съ своей стороны буду усердно ходатайствовать передъ Е. К. М.

5. Что касается письма и жалобы вашей на слугъ п. стражника короннаго, я тотчасъ посылаю ему письмо съ горячею просьбою о запрещеніи своимъ слугамъ причинять вамъ малѣйшія обиды; когда вы явитесь ко мнѣ, я получу уже отвѣтъ отъ стражника, который и сообщу вамъ. Однакоже, почти одновремено съ вашимъ письмомъ былъ у меня слуга п. стражника, который утверждалъ, что тамъ нѣтъ ни одного изъ слугъ стражниковыхъ и дѣйствительно лучше будетъ указать поименно тѣхъ, кто тамъ буянитъ; тогда панъ стражникъ окажетъ вамъ должную справедливость.

34) Рада козацкая въ Кіевѣ, избраніе пословъ къ Е. К. М.

Пункты, обусловленные на нашей общей радѣ въ Кіевѣ 9 сентября 1638 г.

1. Послами къ Е. К. М. избраны: Романъ Половецъ, Богданъ Хмельницкій, Иванъ Бояринъ и Янъ Волченко; инструкціи

же для нихъ и наши просьбы, обращенныя черезъ нихъ къ Е. К. М., предварительно должны быть представлены на разсмотрѣніе и милостивое утвержденіе Е. М. гетмана.

2) Для того, чтобы гарнизоны не выходили на Запорожье впредь до дальнѣйшаго распоряженія Е. К. М., мы назначили изъ своей среды товарища, по имени Андрея Муху, придавши ему отъ каждаго полка по десятку лучшихъ людей, съ которыми онъ долженъ стоять въ избранномъ имъ мѣстѣ и никого не пропускать. Нуженъ только приказъ отъ п. гетмана, нашего милостиваго пана, чтобы кременчугскіе жители оказывали имъ помощь и повиновеніе.

3. Что касается артиллеріи, то она должна оставаться въ Каневѣ, при ней не должно быть лишнихъ людей, кромѣ необходимаго количества пушкарей, да гармашей около двадцати человѣкъ, а всѣмъ прочимъ прикажемъ тотчасъ же разойтись по домамъ. Для оставленныхъ покорно просимъ назначить содержаніе, такъ какъ имъ нечѣмъ жить въ Кіевѣ.

4. Относительно тѣхъ, которые помимо нашего вѣдома собрались около Гадяча, мы рѣшили послать каневскаго полковника, Ивана Бояринa и съ нимъ по 10 человѣкъ отъ каждаго полка; уполномочиваемъ его, отыскавши зачинщика бунта и измѣны, казнить его смертью, остальныхъ привести къ должному повиновенію и приказать имъ разойтись. Просимъ, чтобы Е. М. п. гетманъ, нашъ милостивый панъ и благодѣтель, изволилъ послать съ этимъ полковникомъ и своего слугу и подтвердить все это своимъ панскимъ универсаломъ.

5. Мы постановили, чтобы какъ мы, старшины, такъ и войско, состоящее подъ нашимъ начальствомъ, всѣ и повсюду жили въ братской любви и чтобы подъ страхомъ смерти никто не смѣлъ ни въ чемъ укорять другъ друга. Мы должны оберегать священное правосудіе, ни въ чемъ не уклоняясь отъ принесенной нами присяги—во всемъ обращаться къ ясневельможному п. гетману и благодѣтелю нашему и всѣ дѣла представлять на его разсмотреніи какъ нашего старшаго.

6. Люди, бывшіе раньше въ какомъ либо полку и теперь не должны переходить къ другому полковнику, но отдавать своему обычныя повинности и должное послушаніе и подлежать его суду.

Никто изъ полковниковъ не долженъ, ни распоряжаться козаками, ему не подвѣдомственными, ни судить ихъ.

Левко Ивановичъ Бубновскій, Романъ Пешта, Каленикъ Прокоповичъ, Михайло Максимовичъ, Василь Сакунъ, Иванъ Бояринъ, полковники со всѣмъ войскомъ Е. К. М. Запорожскимъ.

Копія письма отъ козаковъ къ Е. К. М.

Мы, нижайшіе подножки величества В. К. М., пана нашего милостиваго.

Какъ тѣ изъ насъ, которые, сохраняя вѣрность подданства нашего, пребывали добропорядочно на службѣ Вашей Королевской Милости, пана нашего милостиваго, вмѣстѣ съ войскомъ В. К. М. короннымъ, съ ясневельможнымъ Е. М. п. воеводою брацлавскимъ, гетманомъ польнымъ короннымъ и такъ будемъ поступать и впредь, не допуская воспламенить себя никакою дурною искрою; такъ и мы, которые, слѣдуя примѣру и подущаніямъ нѣкоторыхъ подстрекателей, совершили было грѣхъ отступничества отъ найяснѣйшаго величества В. К. М., пана нашего милостиваго и цѣлой речипосполитой,—теперь, когда уже Господь Богъ написалъ кровью свой приговоръ на тѣлахъ тѣхъ, кто побуждалъ насъ ко злу, другихъ загналъ въ чужіе края, не желая терпѣть неблагодарныхъ въ отечествѣ, или путемъ плѣненія предалъ въ милосердыя руки В. К. М. и когда мы кровавыми слезами вымолили у ясневельможнаго п. гетмана ту милость, что оставлены въ живыхъ, припадаемъ къ ногамъ В. К. М. съ покорнымъ и слезнымъ прошеніемъ, при посредствѣ пословъ нашихъ, избранныхъ въ полной радѣ, въ согласіи и единеніи товарищескомъ въ Кіевѣ, при особѣ ясневельможнаго Е. М. п. гетмана польнаго короннаго, котораго признаемъ своимъ старшимъ, благодѣтелемъ и заступникомъ передъ В. К. М. Мы, пребывавшіе въ вѣрности, просимъ особой милости В. К. М., а мы, сознающіе свою вину, совершенную вслѣдствіи обмана нашихъ старшинъ, просимъ объ отпущеніи грѣховъ нашихъ и о подтвержденіи дарованнаго намъ п. гетманомъ милосердія, за что готовы исполнять немедленно всѣ повелѣнія В. К. М., и речипосполитой, лишь-бы

ясновельможный п. гетманъ передалъ намъ соотвѣтственный приказъ. Обязавши себя присягою вѣрности сперва Богу, затѣмъ В. К. М., останемся вѣрными ей до смерти, чтобы не быть клятвопреступниками, но такими подданными найяснѣйшаго величества, какъ изволитъ приказать В. К. М. и постановить, или уже постановила речьпосполитая. Нижайшимъ нашимъ письмомъ повторяемъ присягу нашу подчиниться ея распоряженію и налагаемъ на себя заклятіе: пусть та самая сабля войскъ В. К. М., которая обильно оросила кровью наши поля, снесетъ головы наши, если мы когда либо воспротивимся волѣ В. К. М. Теперь-же съ покорнымъ и искреннимъ сердцемъ взываемъ къ милосердію В. К. М., чтобы В. К. М., какъ государь сострадательный, изволилъ взглянуть на насъ милостивымъ окомъ и милостиво принять нижайшія просьбы, которыя мы представляемъ черезъ своихъ пословъ. Мы же обязываемся до смерти сохранять вѣрность, подтвержденную настоящею присягою, будемъ молить Бога о счастливомъ царствованіи В. К. М. и охотно проливать нашу кровь въ борьбѣ съ непріятелемъ коронымъ на славу В. К. М. и цѣлой речипосполитой.

Копія инструкціи, данной посламъ козацкимъ къ Е. К. М.

Прежде всего съ сердечнымъ сокрушеніемъ униженно и покорно просимъ Е. К. М., пана нашего милостиваго, простить и предать забвенію по своей королевской милости совершенный нами грѣхъ возстанія противъ королевскаго величества и вновь принять насъ по прежнему въ свою высокую милость, какъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ и нижайшихъ подножковъ.

Но такъ какъ мы за этотъ проступокъ лишены нѣкоторыхъ правъ и вольностей нашихъ, дарованныхъ блаженной памяти польскими королями, то желаемъ вновь заслужить ихъ своею кровью и готовы жертвовать жизнью и до послѣдняго издыханія стоять за славу Е. К. М. и цѣлой речипосполитой. Поэтому послы наши припадутъ къ ногамъ Е. К. М. съ покорною просьбою оставить намъ эти вольности, т. е. наши земли и имущества, не включая сюда прежнихъ вольностей, т. е. права имѣть собственную выборную

старшину, какъ было понынѣ, такъ какъ теперь, по волѣ Е. К. М. и речипосполитой, учреждены иные порядки, а именно: коммиссаръ и прочіе начальники, которымъ мы обязываемся оказывать повиновеніе, будутъ назначаемы прямо отъ Е. К. М.

Униженно и покорно просимъ и умоляемъ Е. К. М. оказать свою высокую милость вдовамъ, мужья которыхъ погибли на службѣ Е. К. М. и речипосполитой подъ начальствомъ коронныхъ вождей для того, чтобы оберегать ихъ жизнь и спокойствіе; пусть онѣ, на основаніи этихъ услугъ и теперь, и до конца жизни остаются подъ милостивымъ покровительствомъ Е. К. М.

Трехтемировъ былъ дарованъ намъ для содержанія инвалидовъ блаженной памяти польскими королями и при немъ нѣсколько селъ для прокормленія раненныхъ и увѣчныхъ товарищей нашихъ. Теперь эти села, пожалованныя п. Лащу вслѣдствіе ошибочныхъ о нихъ справокъ, покорно просимъ по прежнему милостиво утвердить за нами, такъ какъ это убѣжище для нашихъ калѣкъ и изувѣченныхъ на службѣ Е. К. М.

Покорно и униженно просимъ и умоляемъ Е. К. М. и речьпосполитую оказать намъ величайшую милость, вновь надѣлить жалованьемъ, какое мы раньше получали по милости Е. К. М. и утратили за свой проступокъ. Мы же съ своей стороны, желая загладить свою вину, обязываемся при всѣхъ, могущихъ представиться случаяхъ, до послѣдняго издыханія стоять грудью противъ каждаго непріятеля за честь Е. К. М. и речипосполитой.

Наши послы будутъ просить Е. К. М., чтобы уничтожены были „кадуки“ [1]) на козачьихъ имуществахъ, выпрошенные разными лицами.

---

[1]) Если оставалось недвижимое имущество послѣ смерти владѣльца, не оставившаго наслѣдниковъ, или если это имущество было конфисковано за преступленіе владѣльца, то оно поступало въ казну; правительство раздавало такія имущества лицамъ, которыя по заслугамъ или протекціи могли воспользоваться отъ него наградою о новомъ владѣльцѣ говорилось, что онъ получилъ имѣніе „jure caduco“ а самъ способъ перехода имѣнія обыкновенно назывался „кадукомъ“.

Заключительная коммиссія съ козаками, состоявшаяся дня 4 декабря на Масловомъ Ставѣ.

Николай изъ Потока Потоцкій, воевода брацлавскій, гетманъ польный коронный, генералъ подольскій, каменецкій, летичевскій, нѣжинскій и пр. староста, Николай изъ Фульштына Горбуртъ, кастелянъ каменецкій, скальскій, Самуилъ Лащъ Тучапскій, стражникъ коронный, каневскій и овруцкій старосты, Станиславъ изъ Потока Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, Петръ изъ Потока Потоцкій, воеводичъ брацлавскій, Максимиліанъ Бжозовскій, подстолій кіевскій, Людвигъ Олизаръ, Илія Четвертинскій, Янъ Жолтовскій, Юрій Ловчицкій, Романъ Загоровскій, Викентій Шторембскій, Стефанъ на Чарнѣ Чарнецкій, Янъ Сковецкій, Яковъ Шембергъ—коммиссары, посланные отъ руки Е. К. М., чтобы исполнить постановленіе речипосполитой надъ войскомъ Запорожскимъ, утвержденное недавно минувшимъ сеймомъ, передаемъ будущимъ временамъ отчетъ о нашей дѣятельности.

Дѣло завершилось въ благополучное правленіе найяснѣйшаго Владислава IV, царствующаго надъ нами, при которомъ отчизна наша не только одерживала побѣды надъ внѣшними врагами, но счастливо и успѣшно устранила внутреннія неурядицы среди собственныхъ подданныхъ, благодаря распорядительности ясневельможнаго п. Станислава на Конецполѣ Конецпольскаго, великаго короннаго гетмана и доблести п. гетмана польнаго короннаго. Мятежные козаки, нынѣ вѣрные и покорные воины Е. К. М., были подстрекаемы измѣнниками отчизнѣ, (изъ которыхъ одни погибли уже въ войнѣ, другіе подъ мечемъ правосудія, иные на кольяхъ поплатились за свою измѣну и вопреки присягѣ, уклоняясь отъ обязанностей своего подданства, неоднократно изливали ядъ на свое отечество; въ особенности послѣ недавняго пораженія подъ Кумейками и послѣдней присяги, послѣ помилованья, полученнаго отъ п. гетмана польнаго подъ Боровицею, послѣ того какъ речьпосполитая установила для нихъ на сеймѣ тотъ порядокъ, какой теперь уничтоженъ, они вновь возстали противъ этого постановленія и противъ войска

коронпаго. Вскорѣ однако, благодаря храбрости и мужеству п. гетмана польнаго, они были осаждены на устьи Старца и тамъ, измученные голодомъ, истощенные огромною потерею въ людяхъ, принуждены были отречься отъ своихъ подстрекателей, обязались присягою во всемъ признать надъ собою волю Е. К. М. и сеймовыхъ постановленій и выполнять ихъ какъ въ главнѣйшихъ, такъ и въ самыхъ мелкихъ пунктахъ. Теперь они покорно принимаютъ заслуженное ярмо на свои шеи отъ насъ, усердныхъ Е. К. М. и вѣрныхъ слугъ отечеству, жертвовавшихъ ему жизнью и имуществомъ, ни въ чемъ не противясь волѣ Е. К. М. и постановленію речипосполитой, согласно принятой на устьи Старца присягѣ. Прежде всего на мѣсто старшаго они охотно приняли коммиссара Е. К. М. п. Петра Коморовскаго, вѣрнаго слугу короля Е. М. и человѣка для нихъ пріятнаго; такъ какъ онъ еще раньше назначенъ былъ старшимъ, то козаки, при составленіи реестра, въ его особѣ принесли присягу на вѣрность и покорность Е. К. М. и речипосполитой, которую единогласно подтвердили и теперь. Пушки и все прочее военное оружіе они сложили къ ногамъ нашимъ. Затѣмъ, удовлетворяя пунктамъ ординаціи речипосполитой, п. коммиссаръ произнесъ присягу, какая требовалась по смыслу конституціи, послѣ чего тотчасъ принялъ изъ рукъ нашихъ въ свое распоряженіе артиллерію и инсигніи, сложенныя у нашихъ ногъ. Для того, чтобы все привести въ надлежащій порядокъ, назначены были полковники: черкасскій п. Янъ Гижицкій, переяславскій п. Станиславъ Олдаковскій, каневскій п. Амвросій Сѣкержинскій, корсунскій п. Кирикъ Чижъ, бѣлоцерковскій п. Станиславъ Калевскій, чигринскій п. Янъ Закжевскій. Согласно требованію конституціи избраны были эти лица изъ родовитой шляхты, опытные въ военномъ дѣлѣ, вполнѣ пригодные къ этой службѣ въ интересахъ речипосполитой; для того-же, чтобы каждый изъ нихъ съ большимъ усердіемъ выполнялъ принятыя обязанности, каждымъ отдѣльно произносена присяга, составленная для этого случая: „Присягою Господу Богу тріединому въ томъ, что въ этой должности буду вѣрнымъ и усерднымъ слугою Е. К. М. и речипосполитой, покорнымъ И. М.М. п.п. гетманамъ и п. коммиссару, отдаваясь въ

распоряженіе речипосполитой во всемъ, что можетъ относиться къ славѣ Е. К. М. и ко благу речипосполитой. Въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ и его святая мука". Затѣмъ, согласно предписанію, было провозглашено избраніе п. комиссара и полковниковъ. Послѣ того назначено жалованье по 600 злотыхъ ежегодно двумъ ассауламъ войсковымъ: Левку Бубновскому и Ильяшу Караимовичу, которые во все время возстанія не только не присоединились къ нему, но напротивъ и другимъ подавали добрый примѣръ полнымъ сохраненіемъ вѣрности и подданства Е. К. М. Затѣмъ избраны шесть ассауловъ по полкамъ: въ Черкасскомъ Каленикъ Прокоповичъ, въ Переяславскомъ Лесько Мокіевскій, въ Каневскомъ Яковъ Андріяновичъ, въ Корсунскомъ Иванъ Нестеренко Бутъ, въ Бѣлоцерковскомъ Матвій Коробченко, въ Чигринскомъ Романъ Пешта, всѣ съ годичнымъ жалованьемъ въ 250 злотыхъ. Затѣмъ избраны сотники въ полкахъ: въ Черкасскомъ: Григорій Себастьяновичъ, Ючукъ Савичъ, Мартынъ Грыцьковичъ, Онысько Заяцъ, Богушъ Барабашъ, Прокопъ Лазенко, Данило Городченя, Мойсей Опара, Богданъ Топичка, Себастьянъ Богуславскій; въ Переяславскомъ: Михайло Ворона, Федько Лютай, Грыцько Ворона, Михайло Залѣскій, Захарій Юхотынскій Перехристъ, Михайло Куша, Северинъ Мокіевскій, Мисько Паскевичъ, Остапъ Лисовичъ; въ Каневскомъ: Иванъ Ивановичъ Бояринъ, Андрей Лагода, Лукашъ Крыштофовичъ, Петро Марковичъ, Матвѣй Кожушенко, Данило Дробыстенко, Андрей Гунько, Илько Бутъ, Яцко Костенко, Федоръ Дукаренко; въ Корсунскомъ: Михайло Маниловичъ, Максимъ Мастеренко, Павелъ Гайдученко, Иванъ Ющенко, Андрушко Балаксіенко, Николай Вояновскій, Яцко Якубенко, Сашко Дымидовичъ, Богданъ Щысковскій, Миско Иванишенко; въ Бѣлоцерковскомъ: Яцко Клиша, Яцына Лютренко, Яцко Свѣрченко, Сахно Керычникъ, Гыма Данило, Стефанъ Семченко, Савка Москаленко, Матвѣй Половскій, Гаврило Гроленко, Тышко Клиша. Въ Чигринскомъ: Богданъ Хмельницкій, Өедоръ Якубовичъ, Дорошъ Кучковичъ, Павелъ Смитка, Стефанъ Якимовичъ, Василь Мацкевичъ, Грыцько Нужный, Андрей Муха, Өедоръ Якубовичъ Весьня, Семенъ Василенко; каждому изъ нихъ положено годичнаго

жалованья по 200 злотыхъ. Затѣмъ избраны ихъ помошники, называемые ватаманами, которые должны были находиться при каждомъ сотникѣ во всѣхъ полкахъ. Въ Черкасскомъ: Гаврило Ганусъ, Андрей Ласота, Дмитро Трохимовичъ, Ярмось Золотоновскій, Мисько Петровичъ, Грынечъ Сухадъ, Семенъ Пулвика, Олихвиръ Дзіоболда, Иванъ Лобаченко; въ Переяславскомъ: Иванъ Гладкій, Михайло Болдко, Иванъ Зборовскій, Яцко Руманица, Лопецкій, Миско Батоячій, Михайло Янойко, Гаврило Калущенко, Негойдъ зъ Берчанъ; въ Каневскомъ: Щербиненко, Тарасъ Онофріевичъ, Гаврило Грудына, Яцко Борисенко, Олекса Грышыковичъ, Андрей Станкевичъ, Игнатъ Тычина, Матвѣй Глудъ, Борисъ Онопенко; въ Корсунскомъ: Лесько Гайдзевичъ, Семенъ Москаль, Прочыкъ Упиченко, Яцко Голубицкій, Несторъ Костенко, Яхно старый Лавинскій, Михайло Скиба, Федько Брасуленко, Федоръ Шолуда, Кузьма Черваненко; въ Бѣлоцерковскомъ: Миско Оледоха, Грицько Куриненко, Данило Писаренко, Иванъ Селиванъ, Стецько Гурченко, Иванъ Голенникъ, Харько Народенко, Васько Путивлецъ, Иванъ Кривда, Васько Блябла; въ Читринскомъ: Онысько Бутъ, Костыкъ Занкевичъ, Васько Гайдукъ, Конрадъ Бартулъ, Николай Потерацкій, Трохимъ Боровицкій, Бузанъ Кизарченко, Яцко Тараненко, Стасько Медведовскій, старый Иванищовскій. Каждому изъ нихъ назначено годичнаго жалованья по 60 злотыхъ, во уваженіе другихъ расходовъ на артиллерію и содержаніе п. коммиссара. Послѣдній, вопреки распоряженію речипосполитой, никоимъ образомъ не можетъ помѣститься въ Трехтемировѣ съ артиллеріею и нѣсколькими десятками человѣкъ, такъ какъ мѣсто это было опустошено и совершенно истреблено пожаромъ, ибо тамъ былъ главный пріютъ мятежниковъ и тамъ они упорнѣе всего защищались во время послѣдняго возстанія. Принимая во вниманіе, что п. коммиссару съ его людьми трудно зимовать, сидя на пустынномъ пожарищѣ, назначена для нихъ временная квартира въ Корсунѣ впредь до указанія отъ Е. К. М. и речипосполитой, или еще скорѣе отъ п. кастеляна краковскаго. Слѣдующій пунктъ ординаціи, гласящій, чтобы осѣдлости козацкія, наслѣдственно имъ принадлежащія, отмежевать на вѣчныя времена, на этотъ разъ ни въ какомъ

случаѣ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, не въ силу какой либо посторонней причины, но единственно потому, что зимою вслѣдствіе выпавшихъ снѣговъ трудно распознать граничные знаки, какъ-то, концы, рѣчки, дороги, болота, а потому трудно производить раздѣлъ имѣній. Что-же касается даннаго намъ предписанія разслѣдовать въ трехтемировскихъ грунтахъ, что и у кого отнято и возвратить потерпѣвшимъ, то п. стражникъ коронный предъявилъ намъ привилей Е. К. М., данный ему на это имѣніе, какъ на конфискованное у измѣнниковъ, въ силу котораго онъ состоитъ уже владѣльцемъ этого имѣнія; намъ пришлось прекратить розыскъ, отложивъ дѣло впредь до дальнѣйшаго распоряженія Е. К. М. При исполненіи этого порученія мы не щадили ни труда, ни здоровья, ни средствъ для услуги Е. К. М. и речипосполитой; также точно и на будущее время охотно посвятимъ имущество и кровь нашу на служеніе Е. К. М. и речипосполитой.—Данъ на Масловомъ Ставѣ, 4 декабря 1638 г.

Послѣдняя глава въ дневникѣ Окольскаго озаглавлена: „Списокъ вельможныхъ пановъ убитыхъ и раненныхъ въ войнѣ съ козаками, также ихъ челяди и лошадей, съ 8 мая по 7 августа 1638 года“.—Списокъ этотъ содержитъ имена офицеровъ и товарищей, убитыхъ и раненныхъ въ каждой хоругви коннаго кварцянаго (т. е. служившаго на государственномъ жалованьи) войска и общія цыфры убитыхъ и раненныхъ челядинцевъ и лошадей. Впрочемъ списокъ Окольскаго далеко не полный; онъ собралъ свѣдѣнія только о 22 конныхъ кварцяныхъ хоругвяхъ; о 5 хоругвяхъ кварцяныхъ, также о драгунахъ, пѣхотѣ и всѣхъ войскахъ, служившихъ на частномъ жалованіи пановъ, онъ не могъ собрать свѣдѣній и ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что потери ихъ были очень чувствительны. Полагая, что каталогъ, записанный Окольскимъ представляетъ мало историческаго интереса, мы ограничиваемся лишь приведеніемъ общей цыфры потерь, понесенныхъ 22 хоругвями; въ нихъ было убито:

офицеровъ 6, товарищей 77, челяди 146. лошадей 254; ранено более или менее опасно: офицеровъ 14, товарищей 149, челяди 150, лошадей 273.

Въ лѣтописи Самуила Величка къ переводу дневника Окольскаго составителемъ лѣтописи прибавлено приложеніе, заключающее оцѣнку самого дневника и нѣсколько новыхъ данныхъ о біографіи упомянутыхъ въ немъ лицъ; мы считаемъ не безъинтереснымъ привести текстъ этого дополненія, составленнаго Величкомъ [1]):

„Увидѣвши и вычитавши, чительнику ласкавый! тотъ Окольского діаріушъ, зъ печатного польского на словянскій языкъ переведеный, увидѣлемъ въ немъ много непотребныхъ панегеричныхъ речей и неисправный переводъ неискусного переводчика; для чого намѣрилемъ былъ и переводъ тотъ лучше исправити и панегеричные выкинути речи. Лечь, розсмотрѣвшися, абымъ тымъ не укривдилъ чительника, ничого не дерзнулемъ въ ономъ перемѣнити, развѣ мало що на мѣсцахъ приличныхъ приложилемъ зъ лѣтописца козацкого".

Дочитавши тежъ конца того „Діаріуша", позналемъ зъ него и неблагополучный конецъ войны зъ поляки Остряниновой: понеже войско Запорозкое, въ своихъ желаніяхъ милости Божои не удостоившася, волностей стародавнихъ черезъ оружіе свое у поляковъ не возмогши одойскати, мусѣло престати на трактатѣ, на усти рѣчки Старца у окоповъ козацкихъ черезъ гетмана полного зъ козаками учиненомъ, а остатною комисіею Декабря 4-го на Масловомъ Ставу потверженомъ подлугъ волѣ и указу короля Владислава четвертого и всей речипосполитой. Отъ того теды часу черезъ десять лѣтъ, аже до щасливой войны зъ поляки Богдана Хмельницкого, вмѣсто гетмановъ козацкихъ начальствовали въ Украинѣ малоросійской надъ козаками реестровыми комисарѣ лядскіе и поковники, яко при концу сегожъ Діаріуша показуется; а былъ первый комисаръ Петръ Коморовскій и шесть полковниковъ учинено, именно: черкаского, переяславского, каневского, корсунского, бѣлоцерковского и чигринского.

[1]) Лѣтопись Величка т. IV, стр. 290—294.

Жалоснимъ сердцемъ и тое тутъ докладаю, же поляки всему злу и кровопролитію людзкому будучи початкомъ и виною (яко прежнихъ лѣтъ, такъ и сего года 1638 онижъ черезъ вирутного и шаленого товарища своего Городовского подвигнули на гнѣвъ противъ себе и войну войско Запорозкое) на козаковъ бѣдныхъ и простосердечнихъ вины складають и нестатечными ихъ и ребеллизантами называютъ. Не хотятъ въ себѣ досмотрѣти того, что заздростію сатанинскою сами обузданіе суще, многимъ градамъ и провинціямъ, около себе будучимъ, цесарскимъ, поморскимъ и инымъ, нанесли войною своею многіе бѣдства и разоренія. Но и тимъ завистныхъ своихъ сердецъ не уконтентовавши, наложилися были вольный зъ древнихъ вѣковъ народъ православный и шляхетный козакоросійскій, по обоихъ сторонахъ рѣки Днѣпра жительствующій, въ подданское себѣ ярмо вложити и вѣчного подданства правомъ обложити, православіе святое на унѣю обернути, а ко римскому привести заблужденію; для чего сами на себе киталтъ ребелѣзантскій вземши и жадныхъ прежнихъ королевскихъ, войску Запорозкому на всякіе волности и свободы за многіе рыцарскіе прислуги наданыхъ и привилеями утвержденыхъ, мандатовъ и приказовъ не слухаючи и легце ихъ важачи, чрезъ многіе лѣта самоволне, безправне и усиловне войско Запорозкое и ввесь народъ малоросійскій нехристіанскимъ и безчеловѣчнымъ способомъ ажъ до войны кумейской и острянинової обтяжали, разоряли, обиждали и збытковалися. А по скonченю войны, несчасливомъ войску Запорозкому, и по завартыхъ зъ козаками у Маслового Ставу помысльныхъ имъ, полякамъ, пактахъ, цѣлкомъ уже славу, честь и заслуги войска запорозкого изпразнили были и уничтожили, а народъ малоросійскій, посполитый и шляхетный, себѣ поработили и незносными бѣдствіи обложили. Що зоставало черезъ десять лѣтъ, ажъ до благополучной зъ ними жъ, поляками, войны отъ Бога посланного гетмана Богдана Хмельницкого, черезъ которую тое невольницкое ярмо лядзкое зъ шыи козацкой и малоросійской звержено и уставы ихъ лядскіе на утеможене малоросіяновъ составленіе, тогди жъ шаблею козацкою и крымскою зосталы оттяты и уничтожени.

Полезнѣйше было бы имъ, полякомъ, гды бы гордость и заздрость душей древнюю отринувши, мандатомъ королевскимъ чинили досыть и, не нарушаючи древнихъ войска Запорозкого и народу малоросійского правъ и волностей, привилеями королевскими утвержденихъ, заховали народъ въ своей доброй протекціей и ласце, сами не утѣсняли и инимъ утѣсняти и обиждати не допускали, а обидимыхъ гдыбы праведнымъ судомъ и сатисфакціею укоптентовали, войско зась Запорозкое любовью и приязнію улагодили, обидчиковъ тежъ и ругателей людзкихъ, яко то предписаного шаленого Геродовского и иныхъ, ему въ шаленствѣ подобныхъ, гдыбы належито скарали, то и всего войска Запорозкого и народу малоросійского взаемной ку собе по прежнему дознавали- бы приязни и повольности. Уважъ-же чительнику! яко тое ихъ, поляковъ, злобство и неразсмотрѣніе, желая безчесной хлюбы своей, черезъ скончаніе войны остряниновой, не долго время (бо только до войны Хмельницкого) мало що вскуравши и утѣшившися, па килко десять тысячъ зъ обохъ сторонъ, войска своего лядзкого и нашего козацкого, натуральнымъ правомъ власной братѣ своей, черезъ военное отстрадали оружіе.

Показуется тое зъ записокъ краткихъ лѣтописныхъ козацкихъ и изъ діаріуша Околского, же Остранинъ, подъ Жолниномъ отъ ляховъ напуженый будучи, покинулъ войско козацкое, а вхопивши оденъ бунчукъ, зъ малою дружиною переплылъ тамъ подъ Жолниномъ Сулу и удался въ державу Московскую, но болше разумѣти на Донъ, поневже Донци были ему знаеми и дружни, для прежде бывшихъ ихъ зъ имъ, Остраниномъ, на полѣ и на морѣ военныхъ промысловъ.

Гуня зъ Хвилоненкомъ, почавши на Старцу у окопѣ козацкомъ чинити трактатъ зъ гетманомъ полнымъ, чинилъ и о собѣ (абы не былъ отъ козаковъ гетману выданъ головою якъ подъ Лубнями Путивлецъ) тайный промыслъ, черезъ которій бы свое въ цѣлости моглъ заховати здоровье; и для того еще передъ трактатомъ, добрыхъ молодцовъ козаковъ и другивъ своихъ килконадцать зъ Хвилоненкомъ на свою мысль подмовивши, велѣлъ имъ тежъ скрыто и невѣдомо наготовити еденъ дубасъ, зо всемъ, яко належить до походу и изъ харчевымъ припасомъ. Сему убо бывшу и козакамъ подмовленымъ у дубаса уже готовымъ сущимъ, а переночевавши, трактату зъ гет-

маномъ полнымъ и козаками заключится мѣющу, онъ, Гуня, той нощи изъ Хвилоненкомъ, отодравши отъ древца корогвъ королевскую и взявши булаву (бо оружо па передъ уже было до дубаса повыношено) вышолъ зъ окопу, будто досмотруючися розставленныхъ отъ себе козацкихъ карауловъ, а приспѣвши до чолна наготованого и въ оной зо всею дружиною своею всѣвши, отплынулъ на низъ, куды ему было надобно и унеслъ свою молодецкую голову отъ караня лядзкого, прийти на него мѣвшаго̀.

Богданъ Хмельницкій во время войны Остраниновой былъ козакомъ значнымъ реестровымъ, а по окончепю оной на Старцу, выбранъ отъ войска Запорозкого на комисіи албо радѣ кіевской въ поселство зъ другимъ товариствомъ значнымъ до короля Владислава четвертого и речипосполитой зъ инструкціею, ему данною, благаючи милость королевскую и речипосполитой за выступокъ войска Запорожского и просячи прежней милости и призрѣнія на войско и па весь народъ малоросійскій. А повернувши онъ, Хмельницкій зъ того посельства, не иншу отправу и милость отъ короля и речипосполитой привезлъ войску Запорожскому, тилько такую, якои ляхомъ хотелося и якая остатною комисіею на Масловомъ Ставу декабря 4 черезъ Потоцкого, гетмана полного, и иныхъ товарищей (яко при концу діаріуша Окольского ясно показуется) зъ крайнею войску Запорозкому и всему народу малоросійскому нуждою и бѣдствіемъ, зостала потвержена и закреплена; где при постановленю вмѣсто гетмана козацкого комиссари полского, полковниковъ, сотниковъ, асауловъ, поручиковъ, еже есть атамановъ, (яко тоже опѣваетъ діаріушъ) учиненъ и Хмельницкій сотникомъ чигринскимъ.

Послѣ пораженія Павлюка подъ Кумейками сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ въ началѣ 1638 года, постановилъ переформировать козачество и лишить его всѣхъ льготъ и вольностей, вытекавшихъ изъ статей Куруковскаго договора; на сеймѣ была постановлена новая „ординація войска Запорожскаго" вызвавшая вооруженный протестъ подъ начальствомъ Остряница; изъ многочисленныхъ,

приведенныхъ Окольскимъ документовъ, относящихся къ переговорамъ козаковъ съ польнымъ гетманомъ, Николаемъ Потоцкимъ, ясно, что весь политическій интересъ этого столкновенія заключался въ томъ, чтобы заставить козаковъ подчиниться сеймовой „ординаціи". Вслѣдствіе побѣды, которую одержали поляки надъ козаками, осажденными на Старцѣ, послѣдніе принуждены были подчиниться сеймовому постановленію. Мы приводимъ переводъ этого постановленія, обусловливавшаго новую фазу отношеній польскаго правительства къ козакамъ [1]).

Ординація войска Запорожскаго реестроваго, состоящаго на службѣ речипосполитой.

Хотя единственное Наше желаніе въ дѣлѣ управленія государствомъ состоитъ въ томъ, чтобы оказывать постоянно Наше королевское благоволеніе вѣрнымъ Нашимъ поддапнымъ, но своеволіе козацкое оказалось столь разнузданнымъ, что для его усмиренія пришлось двинуть войска речипосполитой и вести съ ними войну; такъ какъ по волѣ Господа, распорядителя всѣхъ военныхъ дѣйствій, они были поражены и разгромлены и речьпосполитая спасена отъ опасности, то Мы уничтожаемъ на вѣчныя времена всѣ льготы, доходы, право на самосудъ и на выборъ старшинъ, которыми они пользовались въ награду за услуги, оказанныя Нашимъ предкамъ, и которыхъ нынѣ лишаются вслѣдствіе своего бунта; Мы постановляемъ, чтобы всѣ тѣ, которымъ судьба сохранила жизнь, были обращены въ хлоповъ. Но такъ какъ многіе реестровые, которыхъ речьпосполитая признаетъ на своей службѣ только въ количествѣ 6,000, оказались покорными Намъ и речипосполитой, то Мы, по приговору нынѣшняго сейма, постановляемъ слѣдующее устройство этого войска. Должности „старшаго" впредь никогда не будетъ занимать лицо изъ ихъ среды, но старшаго коммиссара Мы будемъ назначать на каждомъ сеймѣ по рекомендаціи гетмановъ, избирая

[1]) Переводъ составленъ по тексту, помѣщенному въ Volumina legum, т. III, стр. 440.

для того лице изъ шляхетскаго сословія, опытное въ военномъ дѣлѣ. Коммиссаръ обязанъ будетъ управлять всѣмъ козацкимъ войскомъ, предупреждать его бунты, оказывать правосудіе обиженнымъ и, по приказу короннаго гетмана, являться съ войскомъ въ означенные срокъ и мѣсто, смотря по нуждамъ речипосполитой. Онъ долженъ принести присягу по слѣдующей формѣ: „Я (имя рекъ) присягаю Господу Богу тріединому, что, принявъ должность, буду служить вѣрно и преданно моему королю, его величеству Владиславу IV, его наслѣдникамъ, королямъ польскимъ, и речипосполитой, своеволіе козацкое буду по мѣрѣ возможности укрощать, бунты ихъ заблаговременно предупреждать и своевременно извѣщать объ нихъ короннаго гетмана, оказывать правосудіе лицамъ, обиженнымъ козаками, ихъ же самихъ ни въ чемъ обижать не стану; во всемъ буду соблюдать нынѣшнее постановленіе и подчиняться гетманскимъ приказамъ. Клянусь въ этомъ именемъ Господа Бога“.—Коммиссару должны подчиняться ассаулы, полковники, сотники и все войско и всѣ они вмѣстѣ съ коммиссаромъ должны повиноваться коронному гетману. Ассаулы и полковники должны также назначаться изъ шляхтичей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и извѣстныхъ непоколебимою вѣрностью. Сотники и атаманы будутъ избираться изъ козаковъ, заслуженныхъ Намъ и речипосполитой и извѣданныхъ въ военномъ дѣлѣ. Резиденція коммиссара будетъ въ Трехтемировѣ, какъ въ центральномъ пунктѣ; полковники должны жить въ своихъ полкахъ и не выѣзжать изъ нихъ безъ разрѣшенія короннаго гетмана. Полки съ ихъ полковниками должны по очереди выступать въ Запорожье для защиты той области и для затрудненія татарамъ переправы черезъ Днѣпръ. Они должны препятствовать собранію своевольныхъ скопищъ на островахъ и рѣчкахъ и не дозволять имъ отправляться въ морскіе походы. Кромѣ очереднаго отряда ни одинъ козакъ не долженъ безъ паспорта, выданнаго отъ коммиссара, ходить въ Запорожье; если ослушникъ будетъ арестованъ губернаторомъ, пребывающимъ въ Кодакѣ, то долженъ быть казненъ смертью. Когда польское войско, находящееся на Украинѣ, выступитъ въ походъ, коммиссаръ долженъ тотчасъ выступать съ двумя полками и, расположившись у

Чорнаго Шляха, перехватывать татарскіе разъѣзды; въ болѣе опасныхъ случаяхъ онъ долженъ собрать все войско и отправиться туда, куда прикажетъ гетманъ. Мы обезпечиваемъ, что козаки, находящіеся въ службѣ речипосполитой, не будутъ терпѣть никакихъ притѣсненій отъ украинскихъ старостъ и подстаростъ; козаки съ своей стороны не должны вмѣшиваться въ дѣла, къ нимъ не относящіяся, особенно же не должны причинять ущерба Нашимъ доходамъ; коммиссары и полковники должны строго наблюдать за этимъ и, еслибы они небрежно исполняли эту обязанность, то коронный гетманъ долженъ подвергнуть ихъ отвѣтственности. Тяжбы, возникшія между мѣщанами нашихъ городовъ и реестровыми козаками, будутъ судиться смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ изъ подстаросты и полковника. Мы назначаемъ коммиссію отъ имени Нашего и речипосполитой, которая опредѣлитъ на вѣчныя времена мѣста козацкой осѣдлости для того, чтобы ежегодно не происходило перемѣщеній, приносящихъ вредъ речипосполитой и ущербъ Нашимъ доходамъ. Реестровые козаки не должны испытывать никакихъ притѣсненій ни личныхъ, ни имущественныхъ. Мѣщане городовъ Нашихъ въ силу существующихъ законовъ не должны записываться въ козаки ни сами, ни ихъ сыновья и не должны выдавать дочерей замужъ за козаковъ подъ опасеніемъ конфискаціи имущества. Постановляемъ также, чтобы козаки не селились въ болѣе отдаленныхъ украинныхъ городахъ и не пріобрѣтали въ нихъ собственности, ограничиваясь Черкасами, Чигириномъ, Корсунемъ и другими пограничными городами, гдѣ присутствіе ихъ необходимо для защиты края отъ татаръ, чтобы такимъ образомъ устранились поводы для скопищъ и бунтовъ. Мы назначаемъ также сеймовую коммиссію для разсмотрѣнія дѣла о земляхъ Трехтемировскихъ и если окажется, что козаки отняли насильно у кого-либо эти земли, то коммиссія должна будетъ возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ; по этому дѣлу составлена, впрочемъ, болѣе подробная инструкція и передана въ королевскій архивъ.

VI.

Описаніе Украины Боплана.

1630—1648.

Среди мемуаристовъ первой половины XVII ст., которые оставили записки, относящіяся къ исторіи южной Руси, несомнѣнно наиболѣе выдающійся интересъ представляетъ сочиненіе Гильома Боплана, озаглавленное имъ: „Описаніе Украины". Важность этого сочиненія зависитъ какъ отъ личныхъ качествъ автора, такъ и отъ того положенія, какое онъ занималъ въ продолженіи довольно долгаго времени въ описываемомъ имъ краѣ. Благодаря обстановкѣ, въ которой Боплану довелось жить въ Украинѣ въ теченіи 17-ти лѣтъ, онъ изъѣздилъ страну во всѣхъ направленіяхъ и хорошо ознакомился съ ея топографіею и этнографіею; обладая большою наблюдательностью и умѣніемъ рельефно передавать видѣнныя имъ черты, онъ въ запискахъ своихъ прекрасно отмѣтилъ и освѣтилъ бытъ народа, среди котораго прожилъ довольно долго. Главнѣйшее достоинство записокъ Боплана заключается въ томъ, что онъ, какъ иностранецъ, не былъ лично заинтересованъ въ козацко-шляхетской распрѣ, разыгравшейся на его глазахъ и потому передаетъ ея мотивы совершенно объективно безъ предвзятой мысли возвеличить или унизить ту или другую сторону; сверхъ того онъ обладалъ значительнымъ уровнемъ цивилизаціи, заставлявшей его смотрѣть на описываемые факты съ точки

зрѣнія гуманитарной общечеловѣческой справедливости, которой не могли достичь его современники польскіе мемуаристы.

Гильомъ Левассеръ де Бопланъ (Guillaume Levasseur de Beauplan) былъ французъ, родомъ изъ Нормандіи. Дворянская фамилія Левассеръ была очень многочисленна и дѣлилась на многія вѣтви, носившія отдѣльныя названія по именамъ своихъ помѣстій. По всему вѣроятію, отецъ нашего мемуариста пріобрѣлъ въ Нормандіи помѣстье отъ дворянъ Винефэй (Vinefay), называемое Бопланъ (Beauplan) и положилъ основаніе новой линіи „Levasseurs de Beauplan".— Гильомъ родился въ исходѣ XVI столѣтія и въ молодости поступилъ въ военную службу во французскомъ войскѣ. Въ 1618 году онъ уже упоминается какъ „escuyer et lieutenant dans la place du Pont de l'Arche" въ службѣ всесильнаго тогда временщика, маршала д'Анкръ. Около 1630 года онъ былъ вызванъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III въ качествѣ опытнаго инжинера въ Польшу, гдѣ правительство поручило ему дѣло укрѣпленія южныхъ предѣловъ Украины какъ отъ татарскихъ набѣговъ, такъ и отъ козацкихъ возстаній. Въ теченіи 17 лѣтъ Бопланъ пребывалъ на Украинѣ, занимаясь постройкою крѣпостей и ихъ вооруженіемъ, а также основаніемъ слободъ, селившихся подъ прикрытіемъ укрѣпленій.

Въ годъ смерти Владислава IV Бопланъ оставилъ польскую службу и возвратился на родину; вѣроятно, зная хорошо край и его отношенія, онъ предвидѣлъ наступавшій конфликтъ съ его послѣдствіями и счелъ болѣе благоразумнымъ устраниться отъ участія въ немъ.

Возвратившись на родину, Бопланъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣтокъ и воспоминаній и составилъ описаніе края, въ которомъ прожилъ столь долгое время. „Описаніе Украины" было уже готово и напечатано въ Руанѣ въ 1650 году; съ того времени изданія этого сочиненія повторялись нѣсколько разъ какъ на французскомъ, такъ и въ переводѣ на другіе языки. Намъ извѣстны слѣдующія изданія этого интереснаго памятника:

1) Первое изданіе напечатано въ Руанѣ въ типографіи Якова Калью; оно вышло всего въ количествѣ 100 экземпляровъ, предна-

значенныхъ авторомъ для раздачи своимъ знакомымъ. Экземпляры этого изданія сразу представляли библіографическую рѣдкость и мы не знаемъ, сохранился-ли до нашего времени хотя одинъ изъ нихъ; о существованіи этого 1-го изданія мы знаемъ лишь изъ замѣтки издателя, Калью, помѣщенной при 2-мъ изданіи.

2) Первое изданіе труда Боплана возбудило въ обществѣ значительный интересъ и издатель, въ виду многочисленныхъ запросовъ публики, испросилъ у автора право на второе изданіе, которое вышло также въ Руанѣ въ 1660 году. Мы приводимъ полное его заглавіе: „Déscription d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusqu'aux limites de la Transilvanie, ensemble leurs moeurs, façons de vivre et de faire la guerre. Par le sieur de Beauplan. A Rouen chez Jacques Cailloue, dans la cour du palais. 1660". Часть экземпляровъ 2-го руанскаго изданія была пріобрѣтена парижскимъ типографомъ Лесуръ, который выпустилъ ихъ въ продажу, перемѣнивъ лишь заглавный листъ, подъ видомъ третьяго изданія съ помѣткою типографіи: „chez Simond Le Sourd. Paris 1661". Предлагаемый нами переводъ составленъ по второму руанскому изданію.

3) Англійскій переводъ сочиненія Боплана былъ помѣщенъ въ сборникѣ путешествій: „Collection of voyages and travels", изданномъ въ Лондонѣ въ 1704 году. Въ собраніи этомъ сочиненіе Боплана издано въ 1 томѣ, со стр. 573.

4) Латинскій переводъ „Описанія Украины" издалъ Mitzler de Kolof во второмъ томѣ сборника „Historiarum Poloniae ac Lituaniae scriptorum collectio magna", вышедшаго въ Варшавѣ въ 1769 году.

5) Въ сборникѣ Dubois, озаглавленномъ: „Essai sur l'histoire litteraire de la Pologne. Berlin 1778" помѣщены объемистые отрывки изъ сочиненія Боплана на французскомъ языкѣ съ сохраненіемъ правописанія XVII ст.

6) Нѣмецкій переводъ изданъ былъ Меллеромъ подъ заглавіемъ: „Beschreibung der Ukraine und deren Einwohner, aus dem Französischen des Wilhelm le Vasseur sieur de Beauplan übersetzt. Herausgegeben von Johann Wilhelm Moeller. Breslau bei W. G. Korn

1780". Меллеръ, лично бывавшій въ Украинѣ, приложилъ къ переводу собственную статью, дополняющую свѣдѣнія Боплана объ Украинѣ и о буджацкихъ татарахъ.

7) Польскій переводъ сочиненія Боплана помѣщенъ въ сборникѣ, изданномъ Юліяномъ Нѣмцевичемъ подъ заглавіемъ: „Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polszcze".—Томъ III, стр. 336—406. Варшава 1822. Переводъ сдѣланъ довольно небрежно и извращенія собственныхъ именъ, понятныя у французскаго писателя, оставлены безъ исправленія польскимъ переводчикомъ.

8) Русскій переводъ „Описанія Украины" изданъ былъ въ Петербургѣ въ 1832 году Устряловымъ; переводъ этотъ, составленный весьма тщательно и снабженный весьма обстоятельными комментаріями, давно вышелъ изъ продажи и составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость, почему мы и считаемъ не безполезнымъ предложить новый переводъ.

9) Князь Августинъ Голицынъ напечаталъ въ Парижѣ въ 1861 году новое изданіе французскаго текста Боплана; изданіе это въ серіи матерьяловъ для исторіи Россіи, опубликованныхъ подъ заглавіемъ: „Bibliothèque russienne", составляетъ номеръ девятый; къ тексту приложено предисловіе, заключающее по преимуществу данныя о генеалогіи рода Левассёровъ.

Кромѣ „Описанія Украины" Бопланъ, пребывая въ этой странѣ, собралъ весьма цѣнный матерьялъ для составленія карты южно-русскихъ областей: „Мои карты составлены, говоритъ онъ, не по наслышкѣ и не по чужимъ замѣткамъ, а по точнымъ измѣреніямъ, которыя я самъ произвелъ во всѣхъ направленіяхъ изображенной области". Карты свои Бопланъ поручилъ гравировать голландскому художнику Вильгельму Гондіусу, поселившемуся въ Данцигѣ около 1633 года. Гондіусъ исполнилъ три работы, порученныя ему Бопланомъ:

1) Карту Украины на восьми листахъ меньшаго размѣра, озаглавленную слѣдующимъ образомъ: „Delineatio generalis camporum desertorum, vulgo Ukraina, cum adjacentibus provinciis bono publico erecta per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan, architectum mili-

tarem et capitaneum. Cum privilegio S. R. M-tis Pol. Guilhelmus Hondius fecit Gedani 1648". Карта эта посвящена была королю Яну Казиміру и къ ней прибавлено объясненіе на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Le graveur au lecteur". Карта, изданная въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, составляла приложеніе къ первому руанскому изданію „Описанія Украины" 1650 года. Другое изданіе этой карты въ уменьшенномъ масштабѣ было изготовлено въ Руанѣ и приложено ко второму изданію сочиненія 1660 года. Второе изданіе карты носитъ слѣдующее заглавіе: „Carte d'Ukranie, contenant plusieurs provinces, comprises entre les confins de la Moscovie et les limites de la Transylvanie, dressée par G. L. V. de Beauplan, ingénieur et capitain d'artillerie du Serenissime Roi de Pologne, à Rouen, cher Jaques Cailloue dans la cour du palais". Судя по словамъ издателя и для второго изданія карта была заказана у Гондіуса, но послѣдній умеръ въ началѣ 1660 года, раньше выхода изданія, а заготовленныя имъ, награвированныя уже доски, были пріобрѣтены у его вдовы королемъ Яномъ Казиміромъ и такимъ образомъ изданіе ихъ не состоялось.

2) Въ 1650 году Гондіусъ по заказу Боплана издалъ большой атласъ Украины, который состоялъ изъ восьми картъ, былъ украшенъ гербами и раскрашенными фигурами, представлявшими поляковъ, козаковъ и татаръ, а также изображеніями главнѣйшихъ произведеній края. Отдѣльные листы представляли подробныя карты воеводствъ: Кіевскаго, Черниговскаго, Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго и Покутья. Одинъ листъ представлялъ общую карту всѣхъ этихъ земель въ уменьшенномъ масштабѣ. Атласъ носилъ слѣдующее заглавіе: „Delineatio specialis et accurata Ukrainae cum suis palatinatibus et districtibus provinciisque adjacentibus bono publico erecta per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan, architectum militarem et capitaneum, aeri vero incisa opere et studio Wilhelmi Hondii, S. R. M-tis Poloniae et Sueciae Calcographi privilegiati. Gedani. Anno Domini M. D. CL.

3) Гондіусу была заказана Бопланомъ общая карта Польскаго королевства, носившая заглавіе: „Nova totius Poloniae Magnique

Ducatus Prussiae et Lithuaniae cum suis palatinatibus et confiniis exacta delineatio per G. Le Vasseur de Beauplan, S. R. M-tis architectum militarem et capitaneum".—Смерть не дозволила Гондіусу окончить гравировку этой карты; впослѣдствіи, какъ кажется, не оконченную имъ доску пріобрѣлъ амстердамскій граверъ Данкеръ Данкертсъ и, дополнивъ ее, издалъ подъ своимъ именемъ [1]).

Посвященіе.

Свѣтлѣйшему и могущественнѣйшему монарху Яну Казимиру, Божьею милостью королю польскому, великому князю литовскому, русскому, прусскому, мазовецкому, жмудскому, ливонскому и пр., наслѣдственному королю шведскому, готскому и вандальскому.

Государь!

Какъ бы ни было значительно то огромное пространство земель, которое отдѣляетъ меня теперь отъ Вашихъ владѣній, оно не можетъ воспрепятствовать мнѣ сложить къ стопамъ Вашего Величества произведенія моего ума, равно какъ и годы, удалившіе меня отъ Васъ, ни мало не могли уменьшить того усердія, съ какимъ я всегда служилъ Вамъ и не препятствуютъ мнѣ время отъ времени издавать сочиненія, могущія доставлять удовлетвореніе для Вашего ума и полезное развлеченіе для глазъ. Чтобы подтвердить это прочнымъ дѣломъ, а не слабыми словами, я осмѣливаюсь, съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною покорностью, предложить Вашему королевскому Величеству описаніе обширной пограничной Украины, пролегающей между Московіею и Трансильваніею, пріобрѣтенной Вашими предками пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, пространныя степи которой сдѣлались теперь столь же плодоносными, на сколько прежде были пустынными.

Это новое владѣніе еще въ недавнее время значительно было расширено, благодаря мужеству и благоразумію великаго и несрав-

---

[1]) Свѣдѣнія о картографическихъ работахъ Боплана заимствованы изъ сочиненія: J. C. Block. Das Kupferstich—Werk des Wilhelm Hondius. Danzig 1891. стр. 15—18.

неннаго Конецпольскаго, краковскаго кастелина и великаго гетмана Вашихъ войскъ, храбрость котораго сопровождалась постоянно такою предусмотрительностью, что онъ всегда выходилъ побѣдителемъ изъ самыхъ опасныхъ сраженій.

Я могу объ этомъ говорить съ увѣренностью, какъ очевидецъ, такъ какъ въ теченіи семьнадцати лѣтъ имѣлъ честь состоять на дѣйствительной службѣ двухъ послѣднихъ королей, покойныхъ отца и брата Вашего Величества. За это время мною было основано болѣе пятидесяти значительныхъ слободъ или колоній, которыя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ разрослись на столько, что въ свою очередь образовали болѣе тысячи деревень. Мѣстное народонаселеніе, посвятившее всѣ свои заботы на благо Вашего королевства, такъ далеко отодвинуло его границы и приложило столько усилій къ обработкѣ пустынныхъ земель, встрѣченныхъ имъ, что въ настоящее время ихъ необыкновенное плодородіе составляетъ главный источникъ дохода для Вашего государства.

Эта вновь завоеванная страна представляетъ непреодолимую защиту противъ могущества турокъ и свирѣпости татаръ, крѣпкую преграду, способную остановить ихъ частые, пагубные набѣги и враги эти не мало бываютъ изумлены, встрѣчая существенную причину своего позора и пораженія въ той провинціи, которая всегда открывала имъ путь къ побѣдамъ.

Въ прилагаемой топографической картѣ Вы можете за разъ окинуть взглядомъ всѣ пункты обширной территоріи той Украины, обладаніе которою приноситъ Вамъ столько же славы, сколько и выгоды. Самое положеніе страны указываетъ на ее важное значеніе, а соображенія политическія и государственныя болѣе чѣмъ когда-либо могутъ побудить Васъ продолжать важное дѣло расширенія Вашихъ владѣній на Украинѣ, дѣло, которое должно прибавить еще безчисленное количество богатыхъ лепестковъ къ Вашей королевской коронѣ.

Я могъ бы еще многое сказать по этому поводу, если бы не находилъ, что лучше умолчать изъ опасенія, какъ бы вмѣсто полезнаго совѣта для Васъ откровенность моя не послужила указаніемъ, полезнымъ для враговъ въ ущербъ Вамъ. Итакъ, я остав-

ляю этотъ предметъ, чтобы сообщить Вашему Величеству, что великій государственный человѣкъ и воинъ, непобѣдимый Конецпольскій, принявъ во вниманіе труды, заботы и долгое время, посвященное мною на составленіе этой карты, соблаговолилъ въ такомъ благопріятномъ смыслѣ доложить о томъ покойному королю, что Его Величество имѣлъ намѣреніе почтить меня значительною наградою; но смерть ихъ обоихъ вмѣстѣ съ ними унесла въ могилу и мои надежды.

Наконецъ Ваша слава какъ бы воскресила ихъ; она гласитъ, что Вы не менѣе этихъ знаменитыхъ покойниковъ цѣните людей достойныхъ и что Вашими щедротами всегда вознаграждаются всѣ полезныя услуги, оказанныя Вамъ. Это подало мнѣ смѣлость думать, что Ваше Величество, обладая не только польскимъ королевствомъ въ прежнихъ предѣлахъ, но вмѣстѣ съ нимъ и тою обширною провинціею Украиною, къ пріобрѣтенію которой въ значительной степени способствовали мои усилія, осуществите на дѣлѣ, по справедливости заслуженныя мною, добрыя намѣренія покойнаго короля, Вашего брата. Надѣюсь, что Вы благосклонно примете это приношеніе отъ того, кто стремится только къ чести служить Вашимъ приказаніямъ и къ счастью оставаться на всегда, Государь, нижайшимъ, покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою Вашего Величества. Гильомъ Левассеръ де Бопланъ.

Къ читателямъ.

Господа! Предлагаемая вамъ карта составлена мною не по чуждымъ свѣдѣніямъ и не по наслышкѣ; я составилъ ее самъ на основаніи точныхъ измѣреній, произведенныхъ мною во всѣхъ мѣстностяхъ того края, который она изображаетъ. Это должно служить гарантіею какъ ея правильности, такъ и правдивости моего изложенія. Важныя порученія, которыя я исполнялъ во время войны въ этихъ странахъ, оставляли мнѣ мало досуга; поэтому я принужденъ былъ употребить не менѣе восьми лѣтъ, чтобы довести этотъ трудъ до возможнаго совершенства, имѣя возможность работать только случайно.

Пользуйтесь же среди вашихъ досуговъ плодами моихъ трудовъ, созерцая въ своихъ кабинетахъ это прекрасную, рѣдкую страну, большая часть которой была заселена при мнѣ, а ея города и крѣпости построены по моимъ планамъ; полагаю, что вы будете мнѣ благодарны за то удовольствіе, которое я доставлю вашей похвальной любознательности.

Издатель къ читателю.

Любезный читатель! Десять лѣтъ назадъ авторъ этой книги поручилъ мнѣ отпечатать ее въ сотнѣ экземпляровъ, исключительно для раздачи своимъ друзьямъ. Но такъ какъ многія, видѣвшія ее, лица нашли ее не только не дурною, но напротивъ отзывались о ней весьма одобрительно какъ о книгѣ, заслуживающей втораго, болѣе полнаго изданія, то я подумалъ, что удовлетворяя ихъ любознательности, я не причиню непріятности публикѣ, повторивъ изданіе въ болѣе полномъ и исправленномъ видѣ. Поэтому я тотчасъ обратился къ автору съ просьбою сообщить мнѣ всѣ подробности, которыя онъ могъ-бы припомнить, что онъ исполнилъ весьма охотно; онъ выразилъ большое сожалѣніе о томъ, что не могъ сдержать обѣщанія, даннаго въ предыдущемъ изданіи, приложить къ нему генеральную карту Польши, а также изображенія людей, дикихъ животныхъ, растеній и другихъ произведеній и достопримѣчательностей этой страны. Смерть его гравера, Вильгельма Гондіуса, изготовлявшаго доски къ этой картѣ, лишила его возможности продолжать изданіе, ибо доски были пріобрѣтены у вдовы гравера польскимъ королемъ, послѣ чего авторъ потерялъ ихъ слѣдъ. Такимъ образомъ всѣ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія погибли, къ большому ущербу для публики, которой они могли-бы принести много пользы.

Описаніе Украины и рѣки Борисеена, въ просторѣчіи называемой Днѣпромъ, отъ Кіева до впаденія ея въ море.

Кіевъ, называемый нѣкогда „Кизовія“, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы, на что указываютъ многочисленные

остатки древности, а именно: высота и ширина укрѣпленій, глубина рвовъ, развалины храмовъ и сохранившіяся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ старинныя гробницы князей. Изъ храмовъ сохранились въ цѣлости только два: св. Софіи и св. Михаила, отъ всѣхъ прочихъ остались однѣ развалины, какъ напримѣръ, отъ церкви св. Василія [1]), отъ которой уцѣлѣли еще стѣны отъ пяти до шести футовъ въ высоту, съ греческими надписями на штукатуркѣ, сдѣланными за 1400 лѣтъ назадъ и почти изглаженными отъ времени. Среди развалинъ храмовъ находятъ гробницы нѣкоторыхъ русскихъ князей.

Храмы св. Софіи и св. Михаила были возстановлены въ первоначальномъ древнемъ ихъ видѣ. Софійскій имѣетъ прекрасный фасадъ и вообще очень красивъ со всѣхъ сторонъ; стѣны его украшены изображеніями фигуръ и событій, сдѣланными мозаикою, т. е. изъ очень мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ, блестящихъ какъ стекло и подобранныхъ такъ тщательно, что нельзя отличить, живопись ли это или шитье; куполъ сдѣланъ изъ глиняныхъ кувшиновъ, наполненныхъ цементомъ, который покрываетъ ихъ и снаружи со всѣхъ сторонъ. Этотъ храмъ содержитъ гробницы нѣсколькихъ князей, при немъ же находится резиденція архимандрита. Храмъ св. Михаила называется златоверхимъ, такъ какъ купола его покрыты вызолоченными пластинками. Въ немъ находятся мощи св. Варвары, перенесенныя, по преданію, во время какой-то войны изъ Никомидіи.

Этотъ древній городъ расположенъ на плоской возвышенности, которая господствуетъ съ одной стороны надъ всею окрестною рав-

---

[1]) Церковь св. Василія (нынѣ Трехсвятительская) была построена Владиміромъ св. немедленно послѣ принятія имъ христіанства. Первоначально она была деревянная, „Володимиръ повелѣ рубити церковь", говоритъ лѣтопись. На ея мѣстѣ въ 1183 г. построена была новая каменная кіевскимъ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ: „свящеиа бысть церкви св. Василія, иже стоитъ въ Кіевѣ на Велицѣмъ Дворѣ". (Ипат. л. 428). Эта каменная церковь была разрушена впослѣдствіи. 1640 развалины церкви и принадлежавшія ей земли были подарены грамотою Владислава IV Братскому монастырю по просьбѣ Петра Могилы, который и озаботился о возстановленіи церкви. (Памят. Кіевск. Ком. т. II, ч. I, стр. 145—146 и Акты Южн. и Зап. Рос. т. III, стр. 44—48). Послѣ обновленія она называлась Трехсвятительскою. Подъ конецъ XVII вѣка она обветшала, но была обновлена при содѣйствіи патріарха Адріана, приславшаго съ этою цѣлью 100 рублей (Арх. юго-зап. Рос. часть I, т. V, стр. 304, 427).

ниною, съ другой надъ Днѣпромъ, протекающимъ у подножія этой возвышенности. Въ долинѣ между рѣкою и основаніемъ горы расположенъ новый Кіевъ [1]), въ настоящее время довольно слабо заселенный, заключающій не болѣе пяти или шести тысячъ жителей; онъ занимаетъ пространство около четырехъ тысячъ шаговъ въ длину по берегу Днѣпра и около трехъ тысячъ шаговъ въ ширину отъ Днѣпра до подножія горъ. Новый городъ занимаетъ трехугольную площадь, обнесенную плохимъ рвомъ, шириною въ 25 футовъ [2]) и деревяннымъ палисадомъ съ такими-же башенками; замокъ [3]) расположенъ на вершинѣ одной изъ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ, но надъ нею въ свою очередь господствуетъ возвышенность стараго Кіева.

Въ городѣ находятся четыре католическія церкви: кафедральный соборъ, доминиканскій монастырь на рынкѣ, бернардинскій подъ горою и существующій съ недавняго времени іезуитскій, который находится между бернардинами и рѣкою [4]). Православное населеніе

---

[1]) Очевидно авторъ подъ этимъ именемъ разумѣетъ Подолъ.

[2]) Ровъ, окаймлявшій укрѣпленія Нижняго Города, служилъ русломъ для нижняго теченія Глубочицкаго ручья; это нынѣшняя такъ называемая „Канава“.

[3]) Это „Литовскій замокъ“, находившійся на горѣ „Киселевкѣ“, большая часть которой съ остатками валовъ находится нынѣ въ оградѣ Флоровскаго монастыря.

[4]) Изъ числа четырехъ католическихъ церквей, видѣнныхъ Бопланомъ, можетъ быть указано достовѣрно мѣстоположеніе только одной доминиканской церкви св. Николая. Доминикане были первые католическіе монахи, поселившіеся въ Кіевѣ. Первое достовѣрное о нихъ свѣдѣніе даетъ грамота князя Александра Владиміровича (1411) г., подтверждающая имъ права на земли и доходы, пожалованные этому монастырю его отцемъ, Владиміромъ Ольгердовичемъ. (Описаніе Кіево-Соф. Собора митр. Евгенія—приложенія). Въ началѣ XVII ст. они имѣли каменную церковь и при ней монастырь. Въ церкви этой былъ погребенъ въ 1610 г. кн. Іоаннъ-Романъ Ружинскій, первый изъ своего рода принявшій католицизмъ (Петрушевичъ, Сводн. лѣтоп. I, 415). Во время возстанія 1648 года церковь и монастырь доминиканскій были разорены. Въ 1651 Богданъ Хмельницкій подарилъ доминиканскій костелъ и его имѣнія, земли по р. Котурѣ и село Мостыще, Братскому монастырю. (Акты зап. Рос. т. V, стр. 86—87; Акты южн. и зап. Рос. т. III, стр. 445); но обновленіе бывшаго доминиканскаго костела затянулось на довольно продолжительное время. Только въ 1691 году, когда грамотою царей Іоанна и Петра бывшій доминиканскій костелъ былъ отданъ въ вѣдѣніе митрополита Варлаама Ясинскаго, послѣдній озаботился

имѣетъ около десяти храмовъ, которые они называютъ церквями; изъ нихъ одна, при которой находится университетъ или академія, близь ратуши, называется Братскою церковью; другая, у подножія замковой горы, носитъ имя св. Николая [1]), если память мнѣ не измѣняетъ; прочія расположены въ разныхъ частяхъ города, но я плохо помню ихъ.

Въ городѣ существуютъ только три красивыя улицы, всѣ остальныя кривыя и извилистыя на подобіе лабиринта. Городъ считается какъ-бы раздѣленнымъ на двѣ части; одна называется епископскимъ городомъ и въ ней находится каѳедральный соборъ, другая называется магистратскимъ, въ ней находятся остальныя католическія церкви и всѣ православныя. Кіевъ довольно значительный торговый центръ въ краѣ; предметами торговли служатъ: зерновой хлѣбъ, мѣха, воскъ, медъ, сало, соленая рыба и т. п. Городъ имѣетъ епископа, воеводу, кастеляна, старосту и гродъ; онъ подчиненъ четыремъ юрисдикціямъ: суду епископа, воеводы или старосты, что впрочемъ одно и тоже, суду войта и суду лавниковъ и райцевъ.

Дома здѣсь построены на подобіе московскихъ, низкіе и одноэтажные; освѣщаются они лучиною, которая такъ дешева, что за два денара [2]) можно ея имѣть больше, нежели нужно для освѣщенія въ самую долгую зимнюю ночь; печныя трубы продаются на рынкахъ, что намъ можетъ казаться смѣшнымъ, также точно, какъ и мѣстные способы приготовленія мясныхъ блюдъ, свадебные обряды и прочіе обычаи, о которыхъ скажемъ дальше. Тѣмъ не менѣе здѣсь

его обновленіемъ и въ 1694 г. освятилъ его въ качествѣ православной церкви во имя св. Петра и Павла; (Закревскій. Описаніе Кіева I. 454. Лѣтопись Лизогуба, стр. 38). Подъ этимъ наименованіемъ церковь существуетъ понынѣ.

[1]) Это нынѣшняя церковь Притиско-Николаевская. Первое извѣстное намъ упоминаніе объ этой церкви относится къ 1613 году (Сборникъ лѣтоп. относящ. къ Южн. и Зап. Рос., стр. 83). Каменная церковь была выстроена въ 1631 г. Крыша ея сгорѣла во время пожара 1811 года и церковь обновлена въ 1828 г. (Закревскій. Описаніе Кіева, II, 579—580.

[2]) Два денара самая мелкая польская монета въ началѣ XVII ст.; 6 двойныхъ денаровъ составляло 1 шелягъ, а 18 равнялось одному грошу. (Zagórski. Monety dawnej Polski стр. 26 и 29).

получили начало тѣ благородные воины, которые носятъ теперь имя запорожскихъ козаковъ; они разсѣяны съ давняго времени въ различныхъ мѣстностяхъ по берегамъ Днѣпра и въ смежныхъ областяхъ. Число ихъ простирается въ настоящее время до 120,000 человѣкъ, привычныхъ къ войнѣ и готовыхъ по первому распоряженію, въ теченіи восьми дней собраться въ походъ на королевскую службу. Почти ежегодно они предпринимаютъ опустошительные набѣги по Чорному морю на турецкія владѣнія. Много разъ грабили они Крымъ, населенный татарами, опустошали Анатолію, брали приступомъ Трапезундъ, достигали даже устья Чорнаго моря въ трехъ миляхъ отъ Константинополя, гдѣ все предавши огню и мечу, возвращались затѣмъ съ богатою добычею и нѣкоторымъ количествомъ невольниковъ. Обыкновенно они берутъ въ плѣнъ дѣтей и подростковъ, которыхъ оставляютъ у себя въ услуженіи, или дарятъ вельможамъ своей страны, но взрослыхъ рѣдко берутъ въ плѣнъ, за исключеніемъ людей богатыхъ, отъ которыхъ надѣются получить большой выкупъ. Свои набѣги они всегда предпринимаютъ отрядами отъ шести до десяти тысячъ человѣкъ не болѣе, чудеснымъ образомъ переправляются черезъ море въ плохихъ судахъ собственнаго издѣлія, которыхъ форму и сооруженіе я опишу дальше.

Говоря объ отвагѣ козаковъ, не лишнимъ будетъ сказать также объ ихъ нравахъ и занятіяхъ. Извѣстно, что между ними встрѣчаются вообще люди опытные во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ въ человѣческой жизни, какъ-то: плотники, умѣющіе строить какъ дома, такъ и судна, экипажные мастера, кузнецы, оружейники, кожевники, шорники, сапожники, бочары, портные и т. п. Они очень искусны въ изготовленіи селитры, которая въ изобиліи добывается въ томъ краѣ и изъ нея сами дѣлаютъ превосходный порохъ. Женщины у нихъ занимаются пряжею льна и шерсти, изъ которыхъ выдѣлываютъ полотна и ткани для своего употребленія; всѣ онѣ хорошо умѣютъ воздѣлывать землю, сѣять, жать, печь хлѣбъ, приготовлять различные сорты мяса, варить пиво, медъ и брагу, курить водку и т. д. Мѣстные жители всѣ безъ исключенія, безъ различія пола, возраста и состоянія, стараются превзойти другъ друга въ пьянствѣ

и бражничествѣ и нѣтъ другаго христіанскаго народа, который-бы такъ мало заботился о завтрошнемъ днѣ.

Впрочемъ справедливо, что всѣ они способны ко всякаго рода занятіямъ, хотя иные бываютъ болѣе искусны то въ томъ, то въ другомъ ремеслѣ. Встрѣчаются также люди съ высшимъ уровнемъ умственнаго развитія, чѣмъ вся масса, но и въ общемъ всѣ они довольно развиты, хотя вся ихъ дѣятельность направлена исключительно къ тому, что полезно и необходимо, преимущественно въ деревенской жизни.

Плодородіе почвы доставляетъ жителямъ хлѣбъ въ такомъ изобиліи, что нерѣдко они не знаютъ, куда его дѣвать, тѣмъ болѣе, что въ этой странѣ нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, впадающихъ въ море, кромѣ Днѣпра, который въ пятидесяти миляхъ ниже Кіева преграждается тринадцатью порогами, занимающими пространство въ восемь добрыхъ миль отъ перваго до послѣдняго, что составляетъ цѣлый день пути, какъ это видно на картѣ. Эта преграда препятствуетъ имъ сплавлять хлѣбъ въ Константинополь; отсюда происходитъ ихъ лѣность, вслѣдствіе которой они принимаются за работу только въ силу крайней необходимости, когда не имѣютъ средствъ для покупки того, въ чемъ нуждаются; они предпочитаютъ заимствовать, что нужно для ихъ удобства, отъ турокъ, ихъ добрыхъ сосѣдей, лишьбы не зарабатывать самимъ. Они довольствуются немногимъ, было бы только что ѣсть да пить.

Козаки исповѣдуютъ греческую вѣру, которую называютъ русскою, они почитаютъ всѣ праздники и соблюдаютъ посты, которые у нихъ продолжаются въ теченіи осьми или девяти мѣсяцевъ въ году; во время поста они совершенно воздерживаются отъ мяса и съ чрезвычайнымъ упорствомъ соблюдаютъ эту формальность, будучи увѣрены, что спасеніе души зависитъ отъ различія пищи. За то, мнѣ кажется, нѣтъ въ мірѣ народа, который равнялся бы имъ способностью пить, ибо не успѣютъ они отрезвиться, какъ тотчасъ принимаются пить снова. Впрочемъ, такъ бываетъ только въ свободное и мирное время, но во время войны, или когда они подготовляютъ какой нибудь походъ, тогда трезвость между ними полнѣйшая и грубость можно замѣтить лишь въ одеждѣ. Козаки смышлены и проницательны,

находчивы и щедры, не стремятся къ большимъ богатствамъ, но больше всего дорожатъ своею свободою, безъ которой жизнь для нихъ не мыслима; это главная причина, побуждающая ихъ къ бунтамъ и возстаніямъ противъ мѣстныхъ вельможъ, лишь только тѣ начнутъ ихъ притѣснять, такъ что рѣдко проходитъ болѣе семи или восьми лѣтъ отъ одного возстанія до другаго. Впрочемъ это люди вѣроломные и коварные, которымъ ни въ чемъ нельзя довѣрять. Они чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, легко переносятъ холодъ и зной, голодъ и жажду, на войнѣ отличаются неутомимостью, мужествомъ и дерзновенностью и вообще не дорожатъ жизнью. Больше всего обнаруживаютъ они ловкости и стойкости, сражаясь въ таборѣ, т. е. подъ прикрытіемъ возовъ (ибо они очень мѣтко стрѣляютъ изъ ружей, составляющихъ обычное ихъ оружіе), а также при оборонѣ укрѣпленій и на морѣ, но верхомъ на лошадяхъ они менѣе искусны. Мнѣ случалось видѣть, какъ 200 польскихъ всадниковъ обращали въ бѣгство 2,000 лучшихъ изъ ихъ воиновъ; правда и то, что подъ прикрытіемъ табора сотня козаковъ можетъ отбиваться отъ тысячи поляковъ и еще большаго количества татаръ и, если бы они были также искусны въ кавалеріи какъ въ пѣхотѣ, я думаю, они были бы непобѣдимы. Козаки всѣ высокаго роста, отличаются силою и здоровьемъ, они любятъ хорошую одежду, что легко замѣтить, когда имъ удается пограбить сосѣдей; въ другое время они одѣваются довольно скромно. Они пользуются отъ природы хорошимъ здоровьемъ и даже почти совсѣмъ не подвержены той эндемической болѣзни, распространенной въ цѣлой Польшѣ, которую медики называютъ колтуномъ (plica) и которая состоитъ въ томъ, что волосы больного страшно спутываются и сбиваются; туземцы называютъ ее „гостець“. Козаки очень рѣдко умираютъ отъ болѣзни, развѣ только въ глубокой старости; большинство оканчиваютъ жизнь на полѣ битвы.

Дворяне въ краѣ, очень не многочисленные, во всемъ подражаютъ польскому дворянству и повидимому стыдятся исповѣдывать иную вѣру кромѣ латинской, которая все болѣе и болѣе распространяется между ними, не смотря на то, что всѣ князья и болѣе знатные люди происходятъ отъ православныхъ предковъ.

Крестьяне тамъ чрезвычайно бѣдны, такъ какъ они принуждены работать въ пользу владѣльца три дня въ недѣлю со своими лошадьми и давать ему, сообразно количеству получаемой отъ него земли, много мѣръ хлѣба, множество каплуновъ, куръ, гусей и цыплятъ къ Пасхѣ, Тройцѣ и Рождеству; сверхъ того они должны возить дрова для владѣльца и отбывать множество другихъ видовъ панщины, которыхъ по настоящему не обязаны были бы выполнять; помимо того помѣщики требуютъ отъ нихъ денежной повинности, а также десятины отъ барановъ, поросятъ, меда, всѣхъ плодовъ и третьяго быка черезъ каждые три года. Однимъ словомъ они принуждены отдавать своему господину все, что тому вздумается потребовать; неудивительно поэтому, что эти несчастные, закрѣпощенные въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, никогда не могутъ ничего скопить. Но это еще менѣе важно чѣмъ то, что ихъ владѣльцы пользуются безграничною властью не только надъ имуществомъ, но и надъ жизнью своихъ подданныхъ; вотъ какъ велики привилегіи польскаго дворянства, которое живетъ словно въ раю, между тѣмъ какъ крестьяне пребываютъ какъ бы въ чистилищѣ. Поэтому, если случится этимъ несчастнымъ попасть въ крѣпостную зависимость къ злому господину, положеніе ихъ бываетъ хуже каторжниковъ на галерахъ. Такое рабство является главною причиною многочисленныхъ побѣговъ; болѣе отважные изъ крестьянъ спасаются на Запорожье, составляющее убѣжище для козаковъ на Днѣпрѣ; проведя тамъ нѣкоторое время и принявъ участіе въ одномъ морскомъ походѣ, они признаются членами запорожской общины. Подобные побѣги постоянно увеличиваютъ составъ Запорожскаго войска, что весьма наглядно доказывается и настоящимъ возстаніемъ, ибо послѣ пораженія поляковъ козаки поднялись въ количествѣ 200,000 слишкомъ, выдержали цѣлую кампанію и овладѣли краемъ на протяженіи болѣе 120 миль въ длину и 60 въ ширину. Мы забыли упомянуть, что обычное занятіе козаковъ въ мирное время составляютъ охота и рыбная ловля. Вотъ все, что мы хотѣли сказать вообще относительно нравовъ и занятій этого народа.

Возвращаясь къ нашему разсказу, утверждаютъ, что въ то время, когда древній Кіевъ находился въ періодѣ наибольшаго своего величія, морской проливъ, идущій мимо Константинополя, не былъ еще открытъ. Есть предположеніе, осмѣлюсь даже сказать, точныя доказательства тому, что равнина по лѣвую сторону Днѣпра, простирающаяся до самой Московіи, нѣкогда вся была покрыта водою; подтвержденіемъ тому служатъ якоря, найденные нѣсколько лѣтъ назадъ на рѣкѣ Сулѣ въ окрестности Лохвицы и нѣкоторыя другія указанія. Сверхъ того всѣ города, находящіеся на этихъ равнинахъ, кажутся еще недавно возникшими и существуютъ всего нѣсколько сотъ лѣтъ. Я поинтересовался ознакомиться съ исторіею руссовъ, желая узнать что нибудь о древности поселеній въ этой странѣ, но тщетно распрашивалъ лучшихъ ихъ ученыхъ; отъ нихъ я узналъ только, что постоянныя войны, опустошавшія страну изъ конца въ конецъ, не пощадили ихъ библіотекъ, которыя прежде всего предавались огню. Но по старинному преданію, море покрывало нѣкогда всю эту равнину, какъ мы говорили выше; это было примѣрно за 2,000 лѣтъ до настоящаго времени. Около 900 лѣтъ назадъ древній Кіевъ былъ совершенно разрушенъ за исключеніемъ двухъ храмовъ, о которыхъ уже упоминалось выше. Наконецъ, въ доказательство того, что море простиралось до Московіи, приводятъ еще одинъ весьма солидный доводъ, а именно, что всѣ развалины старинныхъ замковъ и древнихъ городовъ, встрѣчаемыя въ этой области, всегда расположены на возвышенныхъ мѣстахъ и на самыхъ высокихъ горахъ и ни одного нельзя указать въ долинѣ. Это обстоятельство заставляетъ предположить, что въ древности равнина была затоплена; прибавьте къ тому, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ развалинъ найдены погреба, наполненные мѣдными монетами съ такимъ изображеніемъ [1]).

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Бопланъ помѣстилъ рисунокъ бронзовой византійской монеты имп. Юстиніана I, надписи которой или плохо сохранились, или не были разобраны Бопланомъ. На лицевой сторонѣ монеты бюстъ императора на право и изъ надписи уцѣлѣли буквы: ... NIV .... SP. На оборотной сторонѣ большое M, кругомъ котораго размѣщены: звѣзда и два крестика. (Сравн. Saulcy. Essaie de classification des suites monétaires byzantines Pl. II, № 6).

Какъ бы тамъ ни было, скажу только, что равнина, простирающаяся отъ Днѣпра до границъ Московіи и еще дальше, представляетъ страну очень низменную и песчаную, за исключеніемъ береговъ рѣки Сулы на сѣверѣ и береговъ Ворсклы и Псла, какъ это можно лучше замѣтить на картѣ. Слѣдуетъ при томъ обратить вниманіе и на то, что сила теченія этихъ рѣкъ почти не замѣтна, словно это стоячія воды; если же вы сопоставите эту особенность съ быстрымъ и стремительнымъ теченіемъ того пролива, который изъ Чорнаго моря проходитъ мимо Константинополя и затѣмъ впадаетъ въ Бѣлое [1]) море, тогда вы легко убѣдитесь въ томъ, что эта мѣстность нѣкогда была затоплена.

Продолжая описаніе Днѣпра, мы видимъ, что въ разстояніи одной мили вверхъ отъ Кіева съ противуположной стороны впадаетъ въ него рѣка Десна, которая беретъ начало не далеко отъ города Москвы и имѣетъ больше ста миль протяженія.

Въ полумилѣ ниже Кіева расположена деревня, называемая Пещеры, въ которой находится большой монастырь, обычная резиденція митрополита.

Въ ближайшей къ монастырю горѣ существуетъ большое количество пещеръ, т. е. подземныхъ ходовъ, наполненныхъ множествомъ человѣческихъ тѣлъ, которыя сохраняются здѣсь болѣе 1,500 лѣтъ [2]), напоминая египетскія муміи. По преданію, первые христіанскіе отшельники устроили себѣ эти подземныя убѣжища, чтобы тайно совершать богослуженіе и спокойно проживали въ пещерахъ во время гоненій отъ язычниковъ. Тамъ показываютъ мощи св. Іоанна, по поясъ погруженнаго въ землю. Здѣшніе монахи разсказывали мнѣ, что этотъ святой, чувствуя близость кончины, самъ приготовилъ для

---

[1]) Т. е. Мраморное.

[2]) Свѣдѣнія Боплана о хронологіи древней русской исторіи крайне неопредѣленны и ошибочны. Онъ относитъ надписи на стѣнахъ церкви св. Василія къ III столѣтію по Р. Х., разореніе Кіева Батыемъ къ VIII и время погребенія угодниковъ Печерскихъ ко II столѣтію. Общеизвѣстно, что церковь св. Василія построена въ концѣ X, погромъ Батыя случился въ XIII, а Кіево-Печерскій монастырь основанъ въ XI столѣтіяхъ.

себя могилу, но вырылъ ее не въ длину, какъ обыкновенно принято, а въ глубину; когда пришло время смерти, къ которой онъ давно приготовился, онъ простился съ братіею и самъ опустился въ землю, но по волѣ Божьей погрузился въ нее только до половины, хотя яма была достаточной глубины. Тамъ можно также видѣть св. Елену [1]), весьма почитаемую въ краѣ и желѣзную цѣпь, которою, по преданію, дьяволъ бичевалъ святаго Антонія и которая имѣетъ силу изгонять злыхъ духовъ изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ она возлагается. Есть также три человѣческія головы, лежащія на блюдахъ, изъ которыхъ постоянно сочится масло, лучше всего помогающее въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Также покоятся останки нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей, между прочимъ двѣнадцати каменьщиковъ, по преданію, строившихъ монастырскую церковь; всѣ они сохраняются какъ драгоцѣнная святыня и показываются посѣтителямъ. Когда мнѣ пришлось жить въ Кіевѣ на зимнихъ квартирахъ, я часто посѣщалъ мощи и имѣлъ возможность узнать приведенныя подробности. Я не нахожу существенной разницы (какъ я уже сказалъ) между этими мощами и египетскими муміями, развѣ только ту, что онѣ нѣсколько свѣтлѣе и мягче и думаю, что сохраняются онѣ нетлѣнными въ теченіи столь продолжительнаго времени, благодаря природнымъ свойствамъ пещеръ, которыя высѣчены въ песчаникѣ и вслѣдствіе того зимою въ нихъ тепло и сухо, лѣтомъ же сухо и прохладно и никогда не бываетъ малѣйшей сырости. Въ этомъ монастырѣ проживаетъ много монаховъ и митрополитъ всей Руси (какъ я уже сказалъ) имѣетъ здѣсь резиденцію; онъ зависитъ только отъ константинопольскаго патріарха. Противъ этого монастыря находится другой, въ которомъ живутъ монахини [2]), числомъ около ста; онѣ

---

[1]) Очевидно имя св. Елены названо Бопланомъ ошибочно; не знаемъ, разумѣлъ ли онъ мощи св. Іуліаніи (княжны Гольшанской), почивающія въ ближнихъ пещерахъ, или мощи преподобной Евфросиніи (княжны Полоцкой), почивающія въ дальнихъ пещерахъ.

[2]) Противъ Святыхъ вратъ лаврскихъ, гдѣ нынѣ находится арсеналъ, существовалъ печерскій дѣвичій Вознесенскій монастырь. Въ 1648 г. Богданъ Хмѣльницкій грамотою на имя игуменьи Магдалины Бѣлецкой подтвердилъ монастырю право на владѣніе селомъ Подгорцами. (Акты Зап. Рос. т. V, стр. 85). То же право

занимаются шитьемъ и изготовляютъ прекрасныя вышивки на дорогихъ матеріяхъ, которыя и продаютъ лицамъ, посѣщающимъ монастырь. Онѣ могутъ свободно выходить, когда угодно и для прогулокъ обыкновенно отправляются въ Кіевъ, отстоящій въ полумилѣ отъ ихъ монастыря; всѣ онѣ носятъ черную одежду и ходятъ всегда попарно, подобно большинству католическихъ монахинь; среди нихъ мнѣ случалось видѣть такія красивыя лица, какія едва ли можно отыскать въ цѣлой Польшѣ.

Между Кіевомъ и Печерскомъ, на горѣ надъ Днѣпромъ стоитъ русскій мужескій монастырь св. Николая, расположенный въ прекрасной мѣстности; монахи въ немъ употребляютъ въ пищу только рыбу, но пользуются правомъ выходить, когда угодно, для прогулки и посѣщать знакомыхъ.

Ниже Печерска въ долинѣ лежитъ селеніе, называемое Трипольемъ. Еще ниже на вершинѣ горы находится старинный городъ Стайки; тамъ существуетъ паромъ для перевоза черезъ Днѣпръ. Далѣе слѣдуетъ Ржищевъ, также расположенный на горѣ; это важный пунктъ, который слѣдовало бы укрѣпить, ибо въ этомъ мѣстѣ переправа черезъ рѣку очень удобна. Дальше внизъ по Днѣпру находится Трехтемировъ, русскій монастырь на возвышенности, окруженной оврагами и неприступными скалами. Въ этомъ монастырѣ козаки хранятъ всѣ свои драгоцѣнности; здѣсь также есть переправа и паромъ.

На противуположномъ берегу, въ разстояніи одной мили отсюда расположенъ Переяславъ, городъ, выстроенный на низменномъ мѣстѣ

въ 1687 подтвердилъ гетманъ Мазепа и сверхъ того пожаловалъ монастырю села: Бугаевку, Берковъ, Иваньковъ и Бузовъ. Игуменьею была въ немъ мать Мазепы— Марія Магдалина. (Тамъ же, V, 213—214). Въ 1712 году мѣсто, занимаемое монастыремъ, понадобилось для постройки крѣпостныхъ сооруженій; потому, по приказу Петра I, печерскій дѣвичій монастырь былъ закрытъ и монахини переведены въ существовавшій на Подолѣ Флоровскій монастырь, въ пользу котораго были перечислены и имѣнія бывшаго Вознесенскаго монастыря.

[1]) Названіе Трехтемирова появляется только въ концѣ XVI ст.; въ то время поселеніе лежало нѣсколько южнѣе нынѣшняго села Трехтемирова, гдѣ теперь находится деревня Монастырокъ. Въ 1575 г. Стефанъ Баторій, регулируя козацкія

и потому, вѣроятно, менѣе древній [1]); онъ имѣетъ очень серьезное значеніе, благодаря своему мѣстоположенію, укрѣпленному самою природою. Здѣсь легко было бы выстроить очень важную цитадель, которая служила бы арсеналомъ противъ москвитянъ и козаковъ. Въ Переяславѣ есть до 6,000 дворовъ и отдѣльный козацкій полкъ. Ниже Переяслава на русскомъ берегу стоитъ Каневъ, очень древній городъ съ замкомъ, въ которомъ расположенъ козацкій полкъ, составляющій гарнизонъ; здѣсь также существуетъ переправа и ходитъ паромъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра нѣсколько ниже виднѣется Бубновка, а за нею Домонтовъ; оба поселенія незначительныя.

Еще ниже на русской сторонѣ расположены Черкасы, очень старый городъ, который легко укрѣпить, благодаря его выгодному положенію. Я видѣлъ этотъ городъ въ періодѣ его величія, когда онъ служилъ центромъ для козаковъ и резиденціею ихъ начальника; но мы сожгли его 18 декабря 1637 года, два дня спустя послѣ одержанной надъ козаками побѣды [2]) во время войны съ ними. Здѣсь также есть козацкій полкъ и существуетъ паромъ.

Ниже находятся: Боровица, Бужинъ, Вороновка, а на другой сторонѣ Чигиринъ-Діброва въ разстояніи около четверти мили отъ берега, равно какъ и Крыловъ, расположенный уже на русской сторонѣ въ одной милѣ отъ Днѣпра на рѣкѣ Тасьминѣ.

отношенія, отдалъ Трехтемировъ козакамъ съ тѣмъ, чтобы они устроили въ мѣстномъ монастырѣ пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ своихъ воиновъ. Начало Трехтемировскаго монастыря точно не извѣстно; весьма вѣроятно, что подъ этимъ новымъ именемъ продолжалъ существовать древній Зарубскій монастырь, извѣстный уже въ 1147 г. (Ипат. лѣт. стр. 241). Съ нѣкоторыми колебаніями и перерывами Трехтемировъ и его монастырь принадлежали войску Запорожскому до совершеннаго разоренія ихъ турками въ 1678 г. Съ 1715 Трехтемировъ составлялъ староство, а въ исходѣ XVIII ст. перешелъ въ частное владѣніе. Въ 1621 г. въ монастырѣ гостилъ іерусалимскій патріархъ Өеофанъ; онъ возвелъ монастырь въ ставропигію и рукоположилъ его архимандрита, Езекіиля Курцевича, во епископы владимірскіе.

[1]) Конечно Бопланъ заблуждается вслѣдствіе предвзятой мысли о позднемъ заселеніи низменнаго лѣваго берега Днѣпра. Извѣстно, что Переяславъ существовалъ еще въ дохристіанское время; онъ упоминается въ договорѣ Олега съ греками. (Ипат. лѣт., стр. 18).

[2]) т. е. послѣ битвы подъ Кумейками.

Нѣсколько ниже на московской сторонѣ видѣнъ Кременчугъ; тамъ существуютъ развалины древняго зданія, [1]) на мѣстѣ котораго я заложилъ замокъ въ 1635 году; мѣстность прекрасная и удобная для поселенія. Это послѣдній городъ на Днѣпрѣ, ибо далѣе къ югу тянется пустынная степь.

Въ милѣ разстоянія ниже устья Псла, рѣки очень рыбной, на русской сторонѣ впадаетъ въ Днѣпръ маленькая рѣчка Омельникъ, изобилующая раками, а нѣсколько дальше, по той же сторонѣ протекаетъ другая такая же рѣчка, называемая Другой Омельникъ, [2]) подобно первому переполненная раками. Прямо противъ нея впадаетъ въ Днѣпръ довольно большая и чрезвычайно рыбная рѣка Ворскло и еще дальше по той же сторонѣ р. Орель, еще болѣе обильная рыбою, чѣмъ всѣ предыдущія. Я самъ видѣлъ, какъ на устьи этой рѣки, забросивши неводъ, въ одинъ разъ вытащили болѣе 2000 штукъ рыбы, изъ которой самыя мелкія достигали около фута въ длину.

На противуположной русской сторонѣ находится нѣсколько озеръ, переполненныхъ рыбою въ такомъ огромномъ количествѣ, что она гибнетъ отъ тѣсноты въ этой стоячей водѣ, разлагается и заражаетъ воду; эти мѣста называются Замокани [3]). Вокругъ нихъ я видѣлъ карликовыя вишневыя деревья, [4]) около двухъ съ половиною футовъ высотою, дающія очень сладкія вишни, величиною въ сливу, но которыя дозрѣваютъ только въ началѣ августа. Встрѣчаются цѣлыя лѣса этихъ вишень, чрезвычайно густые, занимающіе иногда болѣе

---

[1]) Древнія развалины замка вѣроятно остались отъ укрѣпленія, возведеннаго Витовтомъ для охраны переправы, о которой упоминаетъ Михаилъ Литвинъ. Въ 1590 Сигизмундъ III приказалъ возстановить крѣпость (Арх. Ю. З. Р. ч. III, т. I, стр. 30), но приказъ не былъ исполненъ и въ 1591 Лясcота отмѣтилъ лишь пустое старое городище. Возстановленіе крѣпости произведено Бопланомъ въ 1635 г.

[2]) Теперешній Омельничокъ по народному названію.

[3]) Очевидно Бопланъ разумѣетъ устье рѣки Самоткани, впадающей въ Днѣпръ у нынѣшняго города Верхнеднѣпровска; его: Zamokani есть имя Самоткани, нѣсколько извращенное французскою транскрипціею слова.

[4]) Описываемыя Бопланомъ карликовыя вишневыя деревья есть не что иное, какъ существующіе нынѣ въ балкахъ данной мѣстности въ большомъ изобиліи кусты растенія теренъ, Prunus spinosa (См. Роговичъ. Опытъ словаря народныхъ названій растеній Ю. З. Р., № 545).

полумили въ длину, но не болѣе двухъ или трехъ сотъ шаговъ въ ширину. Нужно признать, что въ это время года видъ этихъ вишневыхъ рощъ, довольно многочисленныхъ въ поляхъ и еще болѣе въ глубинѣ долинъ, представляетъ весьма пріятное зрѣлище. Тамъ встрѣчаются также въ большомъ количествѣ карликовыя миндальныя деревья, [1]) но это не больше какъ дички съ чрезвычайно горькими плодами; они не растутъ такими многочисленными группами, чтобы составлять рощи подобно вишневымъ, дающимъ плоды не хуже культивированныхъ. Признаюсь, что любопытство побудило меня пересадить нѣсколько вишневыхъ и миндальныхъ деревьевъ въ Баръ, мое обычное мѣстожительство; плоды сдѣлались оттого болѣе сочными и крупными, но благопріятныя условія увеличили въ тоже время и самый ростъ дерева.—Дальше на югъ встрѣчается маленькая рѣчка Домоткань, изобилующая рыбами, которые достигаютъ болѣе девяти дюймовъ въ длину; на ней собираютъ также водяные орѣхи, [2]) напоминающіе формою чесноки [3]), они очень вкусны въ вареномъ видѣ.

Спускаясь внизъ по рѣкѣ, вы встрѣчаете Романовъ [4]), большой холмъ, куда время отъ времени козаки сходятся для совѣщанія и сбора войска. Это было бы очень удобное мѣсто для постройки города.

Нѣсколько ниже находится островъ въ полмили длиною и 150 шаговъ шириною, называемый также Романовымъ; весною онъ заливается водою; здѣсь въ большомъ количествѣ пристаютъ рыболовы, приходящіе изъ Кіева и другихъ мѣстъ. У нижняго конца этого острова теченіе рѣки ничѣмъ не преграждается въ всю ея ширину; вотъ почему татары предпочитаютъ переправляться въ этомъ мѣстѣ, не опасаясь засады, которая могла бы скрываться выше острова.

---

[1]) Это вѣроятно растеніе, называемое народомъ „заячи оришки, дивоча кровь, бабчукъ или черсаки“, въ ботаникѣ: Amygdalus nana (Тамже № 50).

[2]) Иначе „рогульки или чортови орихи“, въ ботаникѣ Trapa natans. Тамже № 696.

[3]) Чеснокъ (chaussetrape) небольшой желѣзный снарядъ, состоявшій изъ острыхъ шиповъ, направленныхъ во всѣ стороны. Чесноки разбрасывали по полю, если желали затруднить движеніе непріятельской кавалеріи.

[4]) Вѣроятно, нынѣшнее село Романково Екатеринославскаго уѣзда.

Дальше внизъ на русской сторонѣ есть мѣстность называемая Таренскій Рогъ [1]); это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ для поселенія, какія я встрѣчалъ когда либо и одно изъ наиболѣе пригодныхъ для сооруженія крѣпости, которая могла бы господствовать надъ рѣкою, такъ какъ послѣдняя въ этомъ мѣстѣ течетъ въ одномъ руслѣ не болѣе 200 шаговъ въ ширину; помнится, мнѣ случалось попадать выстрѣломъ изъ карабина съ одного берега на другой. Противуположный берегъ нѣсколько возвышеннѣе и называется Высока гора. Ко всѣмъ удобствамъ мѣстоположенія можно прибавить еще, что Таренскій Рогъ весь окруженъ чрезвычайно обильными рыбою проливами и протоками между островами.

Еще ниже встрѣчается островъ Монастырскій, [2]) возвышенный и скалистый, со всѣхъ сторонъ спускающійся къ рѣкѣ обрывами болѣе 25 или 30 футовъ вышиною, за исключеніемъ одного конца, гдѣ скалы ниже; вслѣдствіе этого островъ никогда не затопляется водою. Нѣкогда здѣсь стоялъ монастырь, отъ котораго островъ получилъ названіе, но въ настоящее время отъ него не сохранилось и слѣда. Это было бы прекрасное мѣсто для поселенія, если бы надъ нимъ не господствовали возвышенности материка; островъ тянется шаговъ на тысячу въ длину и восемьдесятъ или сто въ ширину; на немъ водятся во множествѣ гадины и разныя змѣи.

Дальше слѣдуетъ Конскій Островъ около $^3/_4$ мили длиною и $^1/_4$ мили шириною; въ верхней части онъ покрытъ лѣсами и болотами и весною заливается. Здѣсь проживаетъ множество рыбаковъ, которые за неимѣніемъ соли сохраняютъ рыбу въ золѣ, а также сушатъ ее въ большомъ количествѣ. Рыбная ловля производится при устьи рѣки Самары, впадающей въ Днѣпръ слѣва противъ „головы" Конскаго Острова. Рѣка эта весьма замѣчательна какъ по обилію рыбы, такъ и потому, что орошаемая ею мѣстность богаче всѣхъ другихъ воскомъ, медомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ. Отсюда получался

[1]) Это нынѣшнее село Тарамское Екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Монастырскій островъ, называемый нынѣ также Рыбинъ, Бураковскій или Потемкинъ, расположенъ противъ города Екатеринослава (Эварницкій. Запорожье т. I, стр. 168).

весь лѣсъ, послужившій для постройки Кодака, о которомъ сейчасъ будемъ говорить. Теченіе рѣки чрезвычайно медленно по причинѣ ея извилинъ. Козаки называютъ ее святою рѣкою, вѣроятно благодаря ея природнымъ богатствамъ; я видѣлъ, что весною здѣсь ловятся сельди и осетры, которые не встрѣчаются въ другое время.

Ниже Конскаго Острова находится Князевъ Островъ, небольшой скалистый островокъ, отъ 500 до 600 шаговъ въ длину и 100 въ ширину, не заливаемый въ половодье, равно какъ и расположенный еще дальше Козацкій островъ, также состоящій изъ однихъ скалъ, безлѣсный, но кишащій змѣями.

Въ разстояніи пушечнаго выстрѣла внизъ по Днѣпру расположенъ первый порогъ, Койдацкій. Порогомъ называется рядъ скалъ, протянувшійся поперегъ рѣки съ одного берега на другой и составляющій препятствіе для судоходства. Здѣсь существуетъ замокъ, заложенный мною въ іюлѣ 1635 года; но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ августѣ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда, нѣкто Сулима, предводитель возставшихъ козаковъ, возвращался изъ морскаго похода и, замѣтивъ замокъ, затруднявшій ему возвратъ на родину, овладѣлъ имъ врасплохъ и перебилъ весь гарнизонъ, состоявшій примѣрно изъ 200 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ француза. Затѣмъ, разграбивъ укрѣпленіе, Сулима съ козаками возвратился на Запорожье. Однако они не долго владѣли этою крѣпостью; вскорѣ они были осаждены и разбиты другими вѣрными козаками по приказанію великаго Конецпольскаго, краковскаго кастеляна; наконецъ предводитель возстанія былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми соучастниками и отвезенъ въ Варшаву, гдѣ ихъ четвертовали. Между тѣмъ поляки оставили безъ вниманія этотъ замокъ, что усилило дерзость козаковъ и открыло имъ новый путь къ возстанію, которое не замедлило произойти въ 1637 году.

16 декабря этого года около полудня мы встрѣтили подъ Кумейками ихъ таборъ, въ которомъ числилось не менѣе 18,000 человѣкъ и, хотя наше войско не превышало 4,000 человѣкъ, мы аттаковали ихъ и одержали побѣду. Сраженіе продолжалось до полуночи; со стороны непріятеля осталось на мѣстѣ около 6,000 че-

ловѣкъ и пять пушекъ; прочіе спаслись бѣгствомъ, очистивъ поле сраженія подъ покровомъ очень темной ночи. Мы потеряли около ста человѣкъ убитыми и около тысячи раненными, въ томъ числѣ многихъ начальниковъ; пали въ битвѣ: г. де-Морюель, французскій дворянинъ, бывшій подполковникомъ, его хорунжій, капитанъ Юскевскій, лейтенантъ г. ла-Кротадъ и еще нѣсколько иностранцевъ. Послѣ этого пораженія козацкое возстаніе тянулось еще до октября слѣдующаго года; по заключеніи мира знаменитый и великодушный Конецпольскій лично отправился въ Кодакъ съ четырехтысячнымъ войскомъ и оставался тамъ около мѣсяца, пока не были возстановлены укрѣпленія. Затѣмъ онъ удалился, взявши съ собою 2,000 солдатъ, а мнѣ поручилъ съ отрядомъ войска и съ пушками сдѣлать развѣдки до послѣдняго порога и на обратномъ пути приказалъ подняться вверхъ по рѣкѣ въ лодкахъ вмѣстѣ съ великимъ шамбеланомъ, г. Остророгомъ, что доставило мнѣ случай видѣть паденіе тринадцати пороговъ и нанести ихъ на карту, какъ вы можете видѣть. Въ этихъ мѣстностяхъ сто и даже тысяча человѣкъ не бываютъ вполнѣ безопасны; даже цѣлое войско должно идти не иначе, какъ въ строгомъ порядкѣ, ибо степи составляютъ кочевье татаръ, которые, не имѣя осѣдлости, бродятъ то туда, то сюда въ этихъ обширныхъ степяхъ ордами отъ пяти до шести, иногда до десяти тысячъ человѣкъ. Дальше я опишу ихъ нравы, управленіе и военные пріемы; теперь же скажу только, что я видѣлъ и посѣтилъ всѣ тринадцать пороговъ, проѣхалъ всѣ водопады вверхъ противъ теченія въ простой лодкѣ, что на первый взглядъ покажется дѣломъ невозможнымъ, такъ какъ нѣкоторые изъ пороговъ имѣютъ отъ 7 до 8 футовъ паденія; судите поэтому, какъ хорошо нужно было владѣть весломъ. Никто не можетъ быть принятъ въ козацкую общину, пока не пройдетъ въ лодкѣ вверхъ черезъ пороги; слѣдовательно по ихъ обычаямъ я также могу быть козакомъ—честь, которую я заслужилъ въ это путешествіе.

Чтобы точно опредѣлить вамъ, что такое пороги, я скажу, что это русское слово, означающее скалу; эти пороги представляютъ какъ бы цѣпь скалъ, протянутую черезъ рѣку; нѣкоторыя скрыты подъ

водою, другія видны на поверхности; иныя достигаютъ болѣе 8 или 10 футовъ въ вышину и величиною въ домъ; притомъ онѣ расположены такъ близко другъ къ другу, что представляютъ какъ бы плотину, задерживающую воду, которая, прорываясь, стремительно падаетъ съ высоты пяти-шести футовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ другихъ отъ шести до семи, смотря по уровню воды. Весною во время таянія снѣговъ, всѣ пороги покрываются водою за исключеніемъ седьмого, называемаго Ненасытецъ, который одинъ затрудняетъ тогда судоходство. Лѣтомъ и осенью, когда уровень воды стоитъ очень низко, скалы достигаютъ иногда отъ 10 до 15 футовъ въ высоту; но изъ всѣхъ 13 пороговъ только между десятымъ, Будиловскимъ и одиннадцатымъ, Таволжанскимъ, татары могутъ переходить рѣку вплавь, такъ какъ берега здѣсь болѣе доступны. На всемъ протяженіи отъ перваго до послѣдняго порога я замѣтилъ всего два острова, не затопленные водою. Первый, называемый Стрильчимъ, [1]) лежитъ между третьимъ и четвертымъ порогами; это каменная скала около 30 футовъ въ вышину съ отвѣсными краями. Островъ имѣетъ около 500 шаговъ въ длину и 70 или 80 въ ширину. Не знаю, есть ли на немъ вода, ибо никто не посѣщаетъ его кромѣ птицъ; впрочемъ весь онъ по краямъ густо поросъ дикимъ виноградомъ. Другой островъ, значительно больше перваго, около 2,000 шаговъ въ длину и 150 въ ширину, также скалистый но менѣе обрывистый, представляетъ мѣсто, отъ природы укрѣпленное и удобное для поселенія; здѣсь въ большомъ количествѣ растетъ таволга [2]), красное растеніе, жесткое какъ буксъ, которое дѣйствуетъ на лошадей какъ мочегонное. Островъ называется Таволжаный [3]) подобно одиннадцатому

---

[1]) Островъ этотъ называется и теперь Стрильчій, на картѣ 1768 г.—„Лоханская Стрѣлица"; онъ лежитъ ниже Лоханскаго порога, у народа извѣстенъ подъ названіемъ „Стрильча Скела", лежитъ въ чертѣ села Волошскаго. Въ 1889 г. на вершинѣ скалы была открыта и изслѣдована богатая мастерская издѣлій неолитическаго періода каменнаго вѣка. (Извѣст. VIII арх. съѣзд. въ Москвѣ).

[2]) Родъ лозы, покрытой красною корою—называется народомъ таволга или шелюга; въ ботаникѣ: Salix acutifolia (Роговичъ Ор. с., № 595).

[3]) Островъ Тавильжанъ лежитъ ниже Будиловскаго порога, противъ нынѣшняго села Августиновки, Екатеринославскаго у. (Эварницкій. Ор. с. I 188—192).

порогу, какъ мы уже видѣли; тринадцатый порогъ называется Вольный; мѣстность здѣсь очень удобная для сооруженія города или замка.

Въ разстояніи пушечнаго выстрѣла ниже по Днѣпру встрѣчается скальный островокъ, называемый у козаковъ Кашеварница [1]), что значитъ варить просо, словно они желали выразить этимъ радость, что благополучно прошли пороги и желаніе отпраздновать это пиршествомъ на этомъ островкѣ; нужно знать, что они лакомятся пшеномъ во время своихъ экспедицій.

Внизъ отъ Кашеварницы до Кичкаса встрѣчается много прекрасныхъ мѣстъ для поселеній. Кичкасъ это маленькая рѣчка, впадающая въ Днѣпръ съ татарской стороны; она даетъ названіе длинному песчаному мысу, который врѣзывается въ Днѣпръ; его края представляютъ рядъ неприступныхъ обрывовъ, какъ это видно на картѣ. Доступъ сюда открывается только со стороны материка черезъ низменный перешеекъ около 2,000 шаговъ длиною. Стоитъ только преградить это мѣсто и можно было бы имѣть хорошо укрѣпленный городъ. Правда, поверхность почвы здѣсь не ровная, покрытая буграми, изъ которыхъ одни господствуютъ надъ татарскимъ берегомъ, надъ другими же господствуютъ отдѣльныя возвышенности этого послѣдняго. Вообще мѣстность очень возвышенная, русло рѣки открытое, свободное отъ преградъ, очень не широкое и съуживающееся къ югу; на картѣ обозначены точками тѣ мѣста, гдѣ рѣка показалась мнѣ наиболѣе сжатою. Мнѣ случалось видѣть, какъ поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой, при чемъ стрѣлы падали больше чѣмъ на сто шаговъ дальше противуположнаго берега. Это самая главная и удобная изъ татарскихъ переправъ, такъ какъ въ томъ мѣстѣ русло имѣетъ не больше 150 шаговъ въ ширину, берега весьма доступны и мѣстность открыта, такъ

---

[1]) По указанію Лерберга это, вѣроятно, тотъ островъ, который нынѣ называется *Дубовый* и лежитъ въ разстояніи версты отъ послѣдняго порога (Лербергъ. Описаніе Днѣпровскихъ пороговъ, стр. 277).

что нельзя опасаться засады. Эта переправа также называется Кичкасъ [1]).

Въ разстояніи полумили внизъ по теченію начинается островъ Хортица, но такъ какъ я не заходилъ дальше въ ту сторону, то могу сообщить лишь свѣдѣнія, заимствованныя изъ разсказовъ другихъ лицъ, не вполнѣ ручаясь за ихъ достовѣрность. Говорятъ, что этотъ островъ довольно значителенъ и возвышенъ, берега почти повсюду обрывисты и потому мало доступны; онъ занимаетъ не менѣе двухъ миль въ длину и полумили въ ширину, особенно въ верхней своей части, такъ какъ весь онъ постепенно съуживается и понижается по направленію къ западу. Онъ никогда не подвергается наводненіямъ, покрытъ дубовымъ лѣсомъ и представляетъ прекрасное мѣсто для поселенія, которое могло бы служить сторожевымъ укрѣпленіемъ противъ татаръ. Къ низу отъ Хортицы русло рѣки сильно расширяется.

Дальше встрѣчается Великій Островъ до двухъ миль въ длину, совершенно безплодный; онъ мало имѣетъ значенія, потому что весною заливается почти цѣликомъ за исключеніемъ середины, гдѣ остается сухое пространство около 1,500 или 2,000 шаговъ въ діаметрѣ. Противъ этого острова впадаетъ въ Днѣпръ съ татарской стороны очень быстрая рѣчка, называемая Конская Вода; она имѣетъ отдѣльное отъ Днѣпра русло вдоль татарскаго берега на всемъ его протяженіи до острова Тавани и на двѣ мили ниже; иногда она сливается съ русломъ Днѣпра, но затѣмъ снова отдѣляется отъ него большими песчаными отмелями.

Томаковка [2]) представляетъ островъ около 1/3 мили въ діаметрѣ, почти круглый и возвышенный въ видѣ полушарія, весь покрытый

---

[1]) Кичкасская переправа извѣстна была въ древности какъ самая удобная на нижнемъ Днѣпрѣ; ее упоминаетъ Константинъ Багрянородный подъ именемъ Крарійскаго перевоза, черезъ который пролегала дорога изъ Херсонеса въ Русь. (Брунъ. Черноморье II, 367, 371).

[2]) Островъ Томаковка окруженъ рукавами Днѣпра: Ревуномъ, Ревучею и Рѣчищемъ, а также Красногригорьевскимъ лиманомъ; окружность острова 6 верстъ, поверхность 350 десятинъ; имя Томаковка, вѣроятно, произошло отъ куполообразной формы острова: по татарски тумакъ значитъ шапка. Въ XVI ст. Томаковка при-

лѣсомъ; съ вершины его видно все теченіе Днѣпра отъ Хортицы до Тавани; въ общемъ островъ очень красивъ, но я могъ ознакомиться только съ характеромъ его береговъ; расположенъ онъ ближе къ русской, нежели къ татарской сторонѣ. Хмѣльницкій избралъ его мѣстомъ убѣжища, когда ему угрожалъ плѣнъ; здѣсь начали собираться козаки, готовясь къ возстанію въ маѣ 1648 года, и отсюда выступили въ походъ, кончившійся одержанною ими 26 мая побѣдою у Корсуня.

Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, посреди Днѣпра находится довольно обширный островъ, на которомъ существуютъ развалины; его окружаютъ въ различныхъ направленіяхъ болѣе 10,000 другихъ острововъ большихъ и малыхъ, расположенныхъ самымъ безпорядочнымъ образомъ; нѣкоторые изъ нихъ сухи, другіе болотисты, но всѣ сплошь поросли тростникомъ толщиною въ пику, который маскируетъ раздѣляющіе ихъ протоки. Этотъ лабиринтъ служитъ для козаковъ убѣжищемъ, которое они называютъ „Войсковою Скарбницею“ [1]), т. е. сокровищницею. Всѣ эти острова заливаются весною, сухимъ остается только то мѣсто, на которомъ стоятъ развалины. Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ болѣе мили въ ширину и всѣ силы турокъ ничего здѣсь не могутъ подѣлать. Здѣсь погибло не мало турецкихъ галеръ, которыя преслѣдовали козаковъ, возвращавшихся изъ морскихъ походовъ и запутавшись между островами, не могли отыскать дороги, между тѣмъ какъ козаки въ своихъ лодкахъ безнаказанно стрѣляли по нимъ изъ тростниковъ. Съ этого времени галеры не заходятъ въ Днѣпръ дальше 4—5 миль отъ устья. Разсказываютъ, что въ Войсковой Скарбницѣ скрыто козаками въ ка-

---

надлежала къ числу уходовъ черкаскихъ мѣщанъ и на ней, по словамъ Бѣльскаго, постоянно пребывали запорожцы. Въ половинѣ XVII ст. островъ носилъ еще другое имя: Бучки или Буцко. Хмельницкій дѣйствительно нашелъ первоначальный пріютъ на Томаковкѣ, но потомъ переѣхалъ въ Микитинъ Рогъ и оттуда выступилъ въ походъ. (Падалка. Кіевск. Старина 1893 г. Май 243—262. Эварницкій. Запорожье I, 285—294. Арх. Ю. З. Р. ч, VII. т. I, стр. 84. M. Bielski. Kronika 1574.

[1]) Въ спискѣ урочищъ запорожскихъ, помѣщенномъ въ лѣтописи Величка, названъ ниже Томаковки „Островъ Скарбній—до самой Сѣчи“ (Лѣтоп. Величка III стр. 472).

палахъ множество пушекъ и никто изъ поляковъ не знаетъ этого мѣста, ибо они никогда не бываютъ здѣсь, а козаки въ свою очередь держатъ это въ тайнѣ, которую знаютъ только немногіе изъ нихъ. Они опускаютъ на дно всѣ пушки, отнятыя у турокъ, а также свои деньги, которыя и достаютъ оттуда по мѣрѣ надобности. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой отдѣльный тайникъ; возвратившись послѣ каждаго похода, они собираются здѣсь для дѣлежа награбленной у турокъ добычи, послѣ чего каждый прячетъ подъ водою свою часть, т. е. такія вещи, которыя не портятся отъ воды. Здѣсь же они строятъ свои челны, т. е. лодки, въ которыхъ отправляются въ море; челны эти имѣютъ около 60 футовъ длины, 10 до 12 ширины и 8 глубины, и снабжены двумя рулями, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ.

Каиръ есть длинный островъ отъ 5 до 6 миль, совершенно плоскій, поросшій частью тростникомъ, частью вербами; главное русло проходитъ со стороны праваго берега и потому островъ шире съ татарской стороны, но за то западный его край никогда не заливается въ половодье.

Велыка Вода называется чистое пространство на Днѣпрѣ, не загроможденное островами, лежащее противъ впаденія Осокоровки.

Островъ Носаковка [1]) около двухъ миль длиною, безлѣсный, весною затапливается; татары переходятъ иногда черезъ этотъ островъ, равно какъ и черезъ Каиръ и Космаку, который имѣетъ всего полмили протяженія; между этимъ островомъ и русскимъ берегомъ находится протокъ, называемый также Космака, по которому пробираются козаки, когда спускаются въ море и боятся быть замѣченными турецкою стражею, постоянно оберегающею Таванскій проливъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ развалины стариннаго замка Асламъ Городища.

---

[1]) Островъ Носаковка обозначенъ еще на картѣ 1779 года; въ настоящее время онъ повидимому не существуетъ; по мнѣнію г. Эварницкаго ему соотвѣтствуетъ нынѣшняя плавня, лежащая между вѣтками Дармалюевской и Коловоротомъ и рѣчкою Носаковкой. (Эварницкій—Вольности запорож. козаковъ стр. 107).—Въ 1664 г. Запорожцы разбили у Носаковки турокъ, вышедшихъ изъ Исламъ—Кермена на четырехъ корабляхъ. (Акты Ю. и З. Р. т. V, стр. 240).

Таванская переправа весьма удобна для татаръ, такъ какъ рѣка имѣетъ одно цѣльное русло не болѣе 500 шаговъ въ ширину; русскій берегъ очень высокъ и обрывистъ, противуположный же, образуемый островомъ Таванью, низменъ и никогда не заливается; онъ представляетъ весьма удобное мѣсто для постройки укрѣпленія, чтобы удерживать козаковъ и препятствовать ихъ морскимъ экспедиціямъ. Рѣка течетъ однимъ русломъ на протяженіи двухъ миль, затѣмъ начинаетъ раздѣляться, образуя острова и между ними протоки.

Островъ Тавань занимаетъ пространство около $2^1/_2$ миль въ длину и $^1/_3$ мили въ ширину; протокъ, отдѣляющій островъ отъ татарскаго берега и есть та Конская Вода, о которой упоминалось выше; его легко можно переходить вбродъ, когда спадетъ вода; западная половина острова подвержена наводненіямъ.

Островъ Козацкій имѣетъ до полумили въ длину, но покрывается водою. Островъ Бурганка приблизительно одной величины съ предыдущимъ и также заливается, но облегчаетъ татарамъ переправу; здѣсь нужно переплывать три рукава, а именно Конскую Воду и двойное русло Днѣпра, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ нельзя перейти вбродъ.

Отъ Кичкаса до Очакова существуютъ пять татарскихъ переправъ: Кичкасъ, Носаковка, представляющая мало удобства, такъ какъ она имѣетъ больше $^3/_4$ мили въ ширину, переполнена островами и заростаетъ тростникомъ, который затрудняетъ переправу черезъ каналы; сверхъ того татары опасаются козаковъ, которые обыкновенно держатся невдалекѣ и часто устраиваютъ имъ засады. Третья и лучшая переправа Тавань, представляющая то удобство, что она отстоитъ всего на одинъ день пути отъ Крыма и имѣетъ всего два канала: Конскую Воду, которую обыкновенно можно переходить вбродъ въ этомъ мѣстѣ и затѣмъ Днѣпръ, который здѣсь не слишкомъ широкъ, хотя имѣетъ 500—600 шаговъ въ ширину и черезъ который нужно переправляться вплавь. Четвертая переправа Бурганская, менѣе удобна чѣмъ предыдущія; она состоитъ изъ трехъ протоковъ: Конской Воды и двухъ рукавовъ Днѣпра; всѣ три не

имѣютъ брода. Пятая и послѣдняя у Очакова, при самомъ устьи Днѣпра, шириною въ добрую французскую милю. Татары переправляются черезъ нее слѣдующимъ образомъ: поперегъ своихъ лодокъ, довольно плоскихъ, они прикрѣпляютъ жерди, къ которымъ привязываютъ лошадей въ рядъ одну возлѣ другой, въ равномъ количествѣ съ каждой стороны, чтобы сохранить равновѣсіе; затѣмъ укладываютъ въ лодку свой багажъ и направляютъ ея ходъ; привязанныя лошади слѣдуютъ такимъ образомъ и тихо переплываютъ лиманъ; онѣ положительно выбиваются изъ силъ, но при медленномъ движеніи судна, привязанныя очень коротко къ поддерживающимъ ихъ жердямъ, переплываютъ безопасно; разумѣется это возможно лишь при условіи благопріятной погоды.

Въ мое время такимъ способомъ переправлялась турецкая кавалерія, состоявшая изъ 40,000 лошадей, посланная султаномъ для осады Азова или Азака, города на Дону, который былъ взятъ московскими козаками въ предшествующемъ 1642 году и теперь снова отбитъ турками.

Въ трехъ миляхъ выше Очакова находится устье Буга, при которомъ расположенъ островъ Семеновъ Рогъ [1]), имѣющій видъ трехугольника около полумили въ длину и въ основаніи. Нѣсколько выше Семенова Рога надъ Бугомъ встрѣчается Виноградна Криныця, источникъ подъ обрывомъ, прекрасное мѣсто, весьма удобное для поселенія какъ вслѣдствіе изобилія лѣса, такъ и потому, что здѣсь можно было-бы настроить мельницъ. Андреевъ Островъ, около мили въ длину и $^1/_4$ мили въ ширину, весь покрытъ лѣсомъ. Песчаный Бродъ очень удобенъ для перехода, ибо рѣка имѣетъ не больше трехъ футовъ глубины, не широка, берега легко доступны, такъ что можно даже переправлять тяжелую артиллерію. Ниже этого

[1]) Семеновъ Рогъ есть собственно коса а не островъ; подъ этимъ именемъ она существуетъ нынѣ при соединеніи Бужскаго и Днѣпровскаго лимановъ близь деревни Лупаревой балки, противъ урочища „Царн камыши". Въ концѣ XVIII столѣтія существовало неясное преданіе о томъ, будто Запорожское войско было основано выходцами, поселившимися на Семеновомъ Рогѣ. (Кн. Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 1—2).

мѣста рѣка становится судоходною, къ верху отъ него во многихъ мѣстахъ существуютъ броды, какъ то можно замѣтить на картѣ.

Кременчовецъ продолговатый островъ около 1,500 шаговъ въ длину и 1,000 шаговъ въ ширину; сѣверный берегъ его, высокій и обрывистый, достигаетъ отъ 20 до 25 футовъ въ высоту, южная часть низменна. Строевой лѣсъ растетъ въ разстояніи не болѣе полумили по направленію къ Очакову. Къ сѣверу отъ названнаго острова встрѣчаемъ на материкѣ мѣсто, окруженное глубокими обрывистыми балками и весьма удобное для постройки замка или укрѣпленія. Устье-Саврани или Новый Конецполь [1]) послѣднее поселеніе, принадлежащее полякамъ со стороны Очакова; здѣсь я построилъ въ 1634—1635 годахъ крѣпость, въ которой можно было бы содержать прекрасный арсеналъ противъ турокъ.

Но возвратимся къ Очакову; этотъ городъ лежитъ при устьи Днѣпра, принадлежитъ туркамъ и называется на ихъ языкѣ Джанкерменда; это обычное убѣжище для галеръ, которыя стерегутъ устья Днѣпра и препятствуютъ козакамъ пробираться въ Черное море; здѣсь нѣтъ гавани, а только хорошая якорная пристань. Подъ защитою замка построены два города, расположенные на склонахъ по обѣ стороны балки и хорошо прикрытые оврагами отъ юго-запада до сѣверо-запада. Стѣны замка имѣютъ до 25 футовъ въ высоту, но городскія стѣны значительно ниже; число жителей простирается до 2,000. Къ югу отъ города находится другой замокъ поменьше

---

[1]) Это нынѣшнее мѣстечко Саврань Подольской губерніи, Балтскаго уѣзда, при устьи р. Савранки въ Бугъ. Еще В. К. Витовтъ пожаловалъ селище Саврань съ обширными землями земянину Костю Кошиловичу, котораго наслѣдники, земяне Козары, владѣли Савранью до конца XVI ст. (Rulikowski—Kwiaty i owoce, стр. 307—308. Арх. Ю. З. Россіи ч. VI, т. I, стр. 23). Въ XVII ст. Саврань пріобрѣли Конецпольскіе; гетманъ Станиславъ устроилъ мѣстечко, поручилъ Боплану построить крѣпость и переименовалъ поселеніе въ „Новый Конецполь“, но имя это не удержалось. Послѣ прекращенія рода Конецпольскихъ (1719) Саврань перешелъ по наслѣдству къ Любомирскимъ. 1799 года у кн. Александра Любомирскаго имѣніе это купилъ имп. Павелъ I и пожаловалъ его фельдмаршалу Ивану Петровичу Салтыкову, котораго сынъ продалъ Саврань гр. Ржевускимъ. Въ 1831 г. Саврань причисленъ къ государственнымъ имуществамъ.

въ видѣ платформы [1]), на которой расположено нѣсколько пушекъ, чтобы обстрѣливать черезъ рѣку противуположный берегъ Днѣпра (въ этомъ мѣстѣ лиманъ имѣетъ болѣе мили въ ширину); въ замкѣ этомъ существуетъ башня съ постоянною турецкою стражею, которая обязана издали открывать появленіе козаковъ на морѣ и давать сигналъ о томъ на галеры. Но это мало безпокоитъ козаковъ, такъ какъ они имѣютъ особый способъ проходить незамѣченными взадъ и впередъ, о чемъ я разскажу впослѣдствіи.

Почти въ милѣ разстоянія къ юго-западу отъ Очакова находится хорошій портъ Березань; ширина его у входа до 2,000 шаговъ; доступъ въ него возможенъ только для лодокъ, но самая бухта довольно глубока и для галеръ, которыя могли-бы подыматься на двѣ мили вверхъ по рѣкѣ, образующей этотъ портъ; рѣка называется Анчакракъ [2])

Озеро Телигулъ имѣетъ около 8 миль въ длину и $^1/_7$ или $^1/_8$ мили въ ширину; со стороны морскаго берега существуетъ естественная пересыпь, преграждающая сообщеніе между моремъ и озеромъ, которое до такой степени переполнено рыбою, что вода заражается, не имѣя ни теченія, ни стока. Озеро Куяльникъ отстоитъ на 2,000 шаговъ отъ моря и также богато рыбою, какъ и предыдущее. Къ этимъ озерамъ приходятъ караваны за 50 миль и больше, для рыбной ловли; здѣсь попадаются карпы и щуки необыкновенной величины.

При устьи Днѣстра въ разстояніи мили отъ моря расположенъ городъ Бѣлгородъ, который турки называютъ Аккерманъ; городъ принадлежитъ туркамъ. Килія также турецкій городъ, со всѣхъ сторонъ укрѣпленный стѣною съ контрескарпомъ; замокъ находится нѣсколько выше города на берегу Дуная, въ разстояніи мили отъ

---

[1]) Вѣроятно Бопланъ разумѣетъ крѣпость Кинбурнъ.

[2]) Описываемый портъ есть Березанскій лиманъ, длиною въ 25 верстъ и шириною въ 2 версты. Онъ соединяется съ моремъ неглубокимъ протокомъ; въ лиманъ впадаютъ двѣ степныя рѣки: Березань и Сасыкъ; одну изъ нихъ татары во время Боплана называли Анчакракъ. (Семеновъ. Геогр. Слов. т. I, стр. 238—239).

его владенія; на противуположной сторонѣ рѣки находится старая Килія, гдѣ сохранилось еще нѣсколько развалинъ.

Между Бѣлгородомъ и Киліею лежитъ Буджацкая степь на протяженіи 12-ти миль въ длину и 5-ти или 6-ти въ ширину; здѣсь пребываютъ мятежные татары, которые не подчиняются ни хану, ни туркамъ; они имѣютъ здѣсь отъ 80 до 90 поселеній. Эти своевольные татары постоянно рыщутъ по пустыннымъ степямъ, хватаютъ христіанъ и продаютъ ихъ на галеры, ибо живутъ они исключительно добычею подобно хищнымъ птицамъ. По временамъ они врываются въ Украину и Подоліе, но не долго остаются тамъ и должны быстро отступать тѣмъ болѣе, что число ихъ не превышаетъ четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ. За то они постоянно держатся на окраинахъ въ пустынныхъ степяхъ; деревни ихъ передвижныя, а дома построены на двухъ колесахъ какъ у французскихъ пастуховъ, ибо, когда съѣдены всѣ травы въ одномъ мѣстѣ, они снимаютъ улусъ и переходятъ дальше, о чемъ я разскажу въ концѣ. Островъ Тендеръ лежитъ въ четырехъ миляхъ отъ устья Днѣпра, длина его отъ трехъ до четырехъ миль; поверхность совершенно плоская и низменная, изрѣдка поросшая рѣдкимъ кустарникомъ; есть хорошая прѣсная вода и берега по всей окружности доступны для судовъ. Въ двухъ миляхъ отъ дунайскаго гирла находится низменный островъ около двухъ миль въ окружности, также съ прѣсною водою, называемый турками Илланада [1]), что значитъ змѣиный островъ.

Измаилъ турецкій городъ, совсѣмъ не укрѣпленный. Въ разстояніи одной мили выше Измаила и одного пушечнаго выстрѣла ниже Облизичи [2])находится то мѣсто, гдѣ Османъ, великій турецкій султанъ, выстроилъ мостъ на Дунаѣ въ 1621 году, выступая съ 600,000 войскомъ въ походъ на Подоліе, окончившійся взятіемъ ничтожной крѣпости

---

[1]) Змѣиный островъ по турецки называется Иланъ-Адасси (Брунъ. Черноморіе I, 18).

[2]) Названіе Облизичи очевидно ошибочно; вѣроятно Бопланъ имѣлъ въ виду крѣпость Исакчу, у которой турки всегда строили мосты, если имъ приходилось переправлять большія арміи черезъ низовья Дуная, какъ въ 1621 и 1672 годахъ (Sękowski—Collectanea z dziejów Tureckich т. I, 148—152 и т. II, 37—41).

Хотина на рѣкѣ Днѣстрѣ въ Валахіи. Поляки уступили его въ силу договора, по которому султанъ обязался возвратиться въ Константинополь послѣ того, какъ потерялъ болѣе 80,000 человѣкъ частью убитыми, частью отъ голода и болѣзней, распространившихся въ войскѣ. Дунай въ этомъ мѣстѣ очень узокъ, не болѣе пяти или шести сотъ шаговъ въ ширину, такъ что турки попадаютъ изъ лука съ одного берега на другой. Ниже указаннаго мостѣ рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ, главное же русло проходитъ мимо Киліи.

Между Рени и Облищицею находятся два острова, какъ видно на картѣ; одинъ изъ нихъ, Паллеко, круглый островокъ, занимающій около 2,000 шаговъ протяженія, обрывистый и весь покрытый лѣсомъ; быстрое теченіе рѣки ежегодно подмываетъ часть береговъ, такъ какъ почва острова песчанистая.

Галацъ расположенъ на Дунаѣ между впаденіемъ двухъ рѣкъ: Прута и Серета; городъ принадлежитъ волохамъ, которые исповѣдываютъ христіанство по греческому обряду.

Еще южнѣе находится Варна, портовый городъ на Чорномъ морѣ въ Болгаріи; далѣе не встрѣчается никакихъ замѣчательныхъ мѣстъ вдоль морскаго берега до самаго Константинополя, за исключеніемъ Башенъ черноморскихъ, расположенныхъ при устьи пролива въ трехъ миляхъ отъ столицы.

О Крымѣ или странѣ татаръ.

Крымъ большой полуостровъ на Чорномъ морѣ, расположенный къ югу отъ Московіи и густо заселенный татарами, которые происходятъ изъ Великой Татаріи. У нихъ есть царь, который называется ханомъ и находится въ вассальной зависимости отъ турецкаго султана. Это тѣ самые татары, которые такъ часто дѣлаютъ набѣги на Польшу и Московію въ количествѣ, достигающемъ иногда до 80,000 человѣкъ; они сожигаютъ и опустошаютъ все, что встрѣчается на пути и приводятъ иногда отъ 50,000 до 60,000 русскихъ плѣнниковъ въ свою сторону, гдѣ и продаютъ ихъ для галерной работы; народъ этотъ живетъ грабежемъ.

Полуостровъ отдѣленъ отъ материка узкимъ перешейкомъ не больше полумили въ ширину, перерѣзавъ который, можно обратить Крымъ въ островъ. Въ этомъ мѣстѣ находится небольшой городокъ безъ стѣнъ, окруженный однимъ рвомъ въ 20 футовъ шириною и 6 или 7 глубиною, на половину засыпаннымъ и ничтожнымъ валомъ также отъ 6 до 7 футовъ въ вышину и какихъ нибудь 15 футовъ въ ширину. Городъ расположенъ въ трехстахъ шагахъ отъ восточнаго берега; въ немъ есть каменный замокъ, окруженный другимъ замкомъ; отъ города до западнаго морскаго берега идетъ ровъ на протяженіи полумили до самаго моря. Въ городѣ не болѣе 400 домовъ. Татары называютъ его Оръ, поляки Перекопъ, вотъ почему географы называютъ эту часть Татаріи—Tartaria Perecopensis.

Козловъ [1]), одинъ изъ древнихъ городовъ на западномъ берегу Крыма, принадлежитъ хану, имѣетъ до 2,000 домовъ и портъ. Топе-Тарканъ или Херсонесъ замѣчателенъ древними развалинами. Бахчисарай столица татарскаго хана, въ которой можетъ числиться до 2,000 домовъ.

Альма [2]) или Фочола есть деревня, въ которой находится католическая церковь св. Іоанна; въ селеніи около 50 домовъ.

Балаклава замокъ и портъ, въ которомъ строятся корабли, галеры и шлюпки для султана; бухта имѣетъ около 800 шаговъ въ длину, 450 въ ширину и до 40 шаговъ у входа; я не могъ узнать, какова ея глубина и дно—песчаное, илистое, или скальное, но повидимому глубина превышаетъ 15 футовъ, такъ какъ сюда заходятъ корабли съ грузомъ болѣе 500 тоннъ; городокъ имѣетъ не болѣе 120 домовъ. Это одинъ изъ самыхъ удобныхъ и красивыхъ портовъ въ мірѣ, ибо въ немъ можетъ укрыться цѣлый флотъ въ самую сильную бурю, не испытывая качки, такъ какъ онъ защищенъ отъ всѣхъ вѣтровъ высокими горами, замыкающими бухту.

---

[1]) Козловъ, по татарски Гезлеве—нынѣшняя Евпаторія.

[2]) На берегахъ рѣки Альмы есть три поселенія, носящія имя рѣки: Алма-Тамакъ, Алма-Тарханъ и Алма-Керменъ; вѣроятно Бопланъ говоритъ о послѣднемъ изъ нихъ, въ которомъ остались слѣды какихъ то укрѣпленій.

Мангупъ, плохенькій замокъ, стоитъ на горѣ, называемой Баба, населенъ исключительно евреями; въ замкѣ не болѣе 60 домовъ.

Кафа главный городъ въ Крыму и резиденція намѣстника султана. Въ немъ немного татаръ, населеніе состоитъ по большей части изъ христіанъ; послѣдніе держатъ въ услуженіи невольниковъ, пріобрѣтаемыхъ отъ татаръ, которые захватываютъ ихъ въ плѣнъ въ польскихъ и московскихъ предѣлахъ. Въ этомъ городѣ 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и одна католическая св. Петра. Въ немъ можетъ быть отъ 5,000 до 6,000 домовъ, но не менѣе 30,000 невольниковъ, потому что въ этой странѣ не бываетъ иной прислуги. Городъ весьма промышленный, ведетъ торговлю съ Константинополемъ, Трапезундомъ, Синопомъ и другими пунктами какъ на всемъ Чорномъ морѣ, такъ и въ Архипелагѣ, и Левантскомъ морѣ.

Кримеида[1]) очень древнее поселеніе, составляющее собственность хана, имѣетъ около ста домовъ.

Карасу также принадлежитъ хану; 2,000 домовъ.

Тузла[2]), въ окрестности которой существуютъ соляныя озера; около 80 домовъ.

Карабасъ[3]) до 2,000 домовъ.

Керчь около 100 домовъ.

Акъ-мечеть около 150 домовъ.

Арабатъ или Орбатокъ каменный замокъ; одна изъ башень построена на самомъ перешейкѣ полуострова, заключеннаго между двумя морскими заливами—Лиманомъ и Тонкою водою[4]); перешеекъ имѣетъ не болѣе 1/8 мили въ ширину и прегражденъ палисадомъ отъ одного залива до другаго. Козаки называютъ полуостровъ косою, такъ какъ форма его напоминаетъ косу; здѣсь содержатся ханскіе табуны, въ которыхъ насчитываютъ не менѣе 70,000 лошадей.

---

[1]) Вѣроятно рѣчь идетъ о городѣ Эски-Крымъ т. е. Старомъ Крымѣ, первоначальной столицѣ хановъ, давшей имя всему полуострову.

[2]) Нынѣ деревня въ Перекопскомъ уѣздѣ.

[3]) Вѣроятно городъ Карасу-базаръ.

[4]) Т. е. между Азовскимъ моремъ и Сивашемъ.

Тонка Вода [1]) есть проливъ между материкомъ и косою не болѣе 200 шаговъ въ ширину, легко переходимый вбродъ въ тихую погоду; козаки переходятъ его таборомъ, когда идутъ отбивать лошадей изъ ханскихъ табуновъ, о чемъ будетъ разсказано ниже.

Морской берегъ отъ Балаклавы до Кафы очень гористъ и обрывистъ, между тѣмъ какъ остальная часть полуострова отъ южнаго берега до Перекопа представляетъ низменную равнину; здѣсь много подвижныхъ татарскихъ улусовъ, состоящихъ изъ двуколесныхъ тѣлегъ какъ у Буджаковъ.

Горы въ Балаклавѣ и Карасу носятъ названіе „Баба"; изъ нихъ берутъ начало семь рѣчекъ, орошающихъ весь полуостровъ; ихъ долины покрыты лѣсами.

Рѣчка Кабацъ [2]) окаймлена виноградниками; на р. Салгирѣ множество фруктовыхъ садовъ.

Проливъ между Керчью и Таманью имѣетъ не болѣе трехъ или четырехъ французскихъ миль въ ширину. Городъ Тамань въ странѣ черкесовъ принадлежитъ туркамъ; въ немъ есть небольшой замокъ съ гарнизономъ изъ 30 янычаръ, подобно какъ и въ Темрюкѣ, который охраняетъ путь въ Азакъ или Азовъ, важный городъ при устьи рѣки Дона. Къ востоку отъ Тамани лежитъ страна черкесовъ т. е. крещеныхъ татаръ, которые считаются самымъ правовѣрнымъ народомъ.

О Крымскихъ татарахъ.

Разъ коснувшись страны татаръ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ относительно ихъ обычаевъ, образа жизни, способовъ веденія войны, порядка, въ какомъ они слѣдуютъ во время похода, когда врываются въ непріятельскую страну и когда отступаютъ въ свои степи.

Татары являются на свѣтъ слѣпыми и въ первые дни послѣ рожденія не могутъ открывать глазъ, подобно собакамъ и другимъ животнымъ [3]); они небольшаго роста и самые высокіе изъ нихъ не

---

[1]) Нынѣ Геничскій проливъ.

[2]) Въ текстѣ „Kabats"; можетъ быть подъ этимъ извращеннымъ именемъ можно подразумѣвать р. Качу.

[3]) Разумѣется, Бопланъ повторяетъ ходячее мнѣніе или вѣрнѣе насмѣшку, сложившуюся о татарахъ на Украинѣ.

превышаютъ нашего средняго роста; большинство же ихъ малорослы, но корпасты, съ очень крупными членами, высокимъ и толстымъ туловищемъ, широкоплечи, съ короткою шеею и большою головою; лице у нихъ почти круглое, лобъ широкій, глаза мало открытые, но совсѣмъ чорные и широко прорѣзанные, носъ короткій, ротъ небольшой съ бѣлыми какъ слоновая кость зубами, кожа смуглая, волосы чорные и жесткіе какъ лошадиная грива. Вообще татары такъ отличаются наружностью отъ христіанскихъ народовъ, что легко узнаются съ перваго взгляда. Ростомъ и наружностью они напоминаютъ американскихъ индѣйцевъ съ береговъ Мараньяна или Караибовъ. Всѣ они храбрые воины, крѣпкіе и выносливые, легко переносятъ усталость и непогоду, ибо, начиная съ семилѣтняго возраста, когда они выходятъ изъ своихъ „кантаръ" т. е. двуколесныхъ кибитокъ, они спятъ не иначе какъ подъ открытымъ небомъ и даже съ этихъ лѣтъ никогда не получаютъ пищи, пока не собьютъ ее стрѣлою; такъ пріучаютъ татары своихъ дѣтей попадать въ цѣль при стрѣльбѣ изъ лука. По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста ихъ отправляютъ на войну. Матери ежедневно купаютъ малыхъ дѣтей въ соленой водѣ, чтобы сдѣлать кожу грубѣе и менѣе чувствительною къ холоду на тотъ случай, когда придется переходить рѣки вплавь въ зимнее время.

Нужно различать два татарскихъ племени, крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Первые населяютъ, какъ сказано, тотъ обширный полуостровъ, который врѣзывается въ Чорное море и называется обыкновенно Таврическою Скиѳіею. Ногайцы же дѣлятся на двѣ половины, Большую Ногайскую орду и Малую; обѣ кочуютъ между рѣками Дономъ и Кубанью подобно дикарямъ. Одни изъ нихъ считаютъ себя подданными крымскаго хана, другіе подданными московскаго царя, иные наконецъ признаютъ себя независимыми; это племя менѣе благородно чѣмъ крымскіе татары, а послѣдніе менѣе храбры чѣмъ буджацкіе. Одежду татаръ составляетъ короткая рубаха изъ бумажной ткани, спускающаяся всего на ½ фута ниже пояса, порты и шаровары изъ полосатаго сукна, или чаще всего изъ бумажной

ткани, настеганной сверху, болѣе знатные носятъ стеганный кафтанъ изъ бумажной матеріи, а сверху суконный халатъ, подбитый мѣхомъ лисицы или соболя, шапку изъ того же мѣха и красные сафьянные сапоги безъ шпоръ. Простые татары накидываютъ на плечи бараній тулупъ, который надѣваютъ шерстью вверхъ во время сильнаго зноя или дождя. Внезапная встрѣча съ ними въ открытомъ полѣ можетъ наводить ужасъ, ибо въ такой одеждѣ ихъ легко принять за бѣлыхъ медвѣдей верхомъ на лошадяхъ; но въ зимнее время они выворачиваютъ свои тулупы и шапки, сдѣланныя изъ того же матерьяла, шерстью внутрь. Вооруженіе ихъ составляютъ сабля и лукъ съ колчаномъ, въ которомъ бываетъ отъ 18 до 20 стрѣлъ; у пояса висятъ: ножъ, кремень съ огнивомъ, шило и 5 или 6 сажень ременныхъ веревокъ для вязанія плѣнныхъ, которыхъ надѣются захватить во время похода; каждый имѣетъ въ карманѣ нюренбергскіе часы. Только самые богатые изъ нихъ носятъ кольчуги, всѣ же остальные, за неимѣніемъ такого предмета роскоши, отправляются на войну безъ панцырей. Они отличаются ловкостью и смѣлостью въ верховой ѣздѣ, но посадка ихъ неудобная, такъ какъ при короткихъ стременахъ ноги сильно согнуты въ колѣнахъ; вообще татаринъ на лошади похожъ на обезьяну верхомъ на борзой собакѣ. Тѣмъ не менѣе они прекрасные наѣздники и отличаются такою ловкостью, что при самой крупной рыси перепрыгиваютъ съ утомленной лошади на другую свѣжую, которую каждый держитъ въ поводу, убѣгая отъ погони. Не чувствуя на себѣ всадника, свободная лошадь тотчасъ переходитъ на правую сторону и идетъ въ ногу съ первою, держась на готовѣ, чтобы господину удобно было вскочить на нее въ случаѣ надобности. Вотъ какъ они пріучены служить своимъ господамъ. Впрочемъ это особая порода лошадей, некрасивая и плохо сложенная, но необыкновенно выносливая и неутомимая, потому что никакая лошадь не способна пройти въ одинъ разъ отъ 20 до 30 миль подобно этимъ бахматамъ, какъ называется эта порода; она отличается густою гривою, которая падаетъ до земли и такимъ же длиннымъ хвостомъ.

Обычную пищу татаръ какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ за исключеніемъ тѣхъ, которые живутъ среди насъ, составляетъ не хлѣбъ

а лошадиное мясо, которое они предпочитаютъ говядинѣ и козлиному мясу, баранины же вовсе не употребляютъ; они рѣшаются зарѣзать лошадь только тогда, когда она сильно заболѣетъ и когда нѣтъ уже никакой надежды на то, чтобы можно было ею пользоваться. Если лошадь околѣетъ отъ какой бы то ни было болѣзни, то они не преминутъ съѣсть ее, такъ какъ народъ этотъ не отличается брезгливостью. Отправляясь на войну, татары продолжаютъ питаться точно также. Они составляютъ товарищества по десяти человѣкъ и, если у кого изъ нихъ лошадь выбьется изъ силъ и не въ состоянiи продолжать пути, ее убиваютъ. Если при этомъ случится мука, то ее размѣшиваютъ съ кровью просто руками, какъ свиную кровь для колбасъ, затѣмъ варятъ въ горшкѣ и ѣдятъ какъ большое лакомство. Мясо они приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: разбираютъ лошадь на части, три туши уступаютъ тѣмъ изъ товарищей, которые ничего не имѣютъ, для себя же отставляютъ только одну заднюю четверть; самыя мясистыя части рѣжутъ полосами какъ можно длиннѣе и не болѣе одного-двухъ дюймовъ толщиною, кладутъ на спину лошади, которую сѣдлаютъ, какъ можно туже притягивая подпругу, садятся на нее и ѣдутъ въ теченiи двухъ-трехъ часовъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ; затѣмъ слѣзаютъ съ лошади, разсѣдлываютъ ее, переворачиваютъ полосу мяса, смачивая ее, чтобы не засохла, собранною съ лошади пѣною; послѣ того снова сѣдлаютъ и притягиваютъ туго подпругу какъ въ первый разъ, опять ѣдутъ два-три часа и тогда мясо уже считается приготовленымъ по ихъ вкусу, какъ бы тушеннымъ. Вотъ ихъ лучшее жаркое; всѣ же остальныя части конины, которыхъ нельзя рѣзать большими кусками, они варятъ съ солью, не снимая пѣны, такъ какъ по ихъ мнѣнiю собиранiе пѣны отнимаетъ у мяса весь его вкусъ и питательность. Такъ питается этотъ народъ; они пьютъ хорошую воду, если встрѣтится, хотя случается это довольно рѣдко, а въ теченiи всей зимы пьютъ лишь растопленный снѣгъ. Болѣе зажиточные среди нихъ, напримѣръ мурзы, т. е. дворяне, которые имѣютъ кобылицъ, пьютъ ихъ молоко, которое замѣняетъ имъ вино и водку; конскимъ жиромъ приправляютъ вареныя зерна ячменя, проса и гречихи. Вообще у нихъ ничто не пропадаетъ даромъ;

изъ лошадиной кожи приготовляютъ ремни, уздечки, сѣдла, нагайки, которыми погоняютъ лошадей, такъ какъ они не носятъ шпоръ; все это они выдѣлываютъ сами. Тѣ, которые не идутъ на войну, питаются, сообразно съ временемъ года и возможностью, мясомъ овечьимъ, бараньимъ, козлинымъ, куринымъ и разною дичью (свинины они не ѣдятъ, такъ же какъ и евреи); если удастся добыть муки, то они приготовляютъ лепешки, которыя пекутъ въ золѣ; вообще же обычную пищу ихъ составляютъ пшено, ячменныя и гречневыя крупы, которыя они сами воздѣлываютъ, а также привозной рисъ. У нихъ мало фруктовъ, но медъ находится въ изобиліи; его очень любятъ и приготовляютъ изъ него особый напитокъ, но не варятъ его, вслѣдствіе чего онъ вызываетъ сильнѣйшую рѣзь въ желудкѣ. Татары, живущіе въ городахъ, болѣе цивилизованы; они пекутъ хлѣбъ, подобный нашему; обычное питье ихъ составляетъ брага, приготовляемая изъ кипяченаго проса, напитокъ густой какъ молоко, но опьяняющій; они употребляютъ также водку, привозимую изъ Константинополя. Болѣе бѣдные, не имѣющіе возможности покупать брагу, приготовляютъ для себя особаго рода питье: наливаютъ въ боченочекъ коровьяго, овечьяго или козлинаго молока, сбиваютъ его и, собравши немного масла, разливаютъ въ кувшины сыворотку, которая замѣняетъ имъ напитки; но она быстро окисаетъ, почему приходится изготовлять ее почти ежедневно. Народъ этотъ вообще отличается воздержностью; онъ мало употребляетъ соли съ пищею, но въ большомъ количествѣ пряности, между прочимъ турецкій перецъ. Татары изготовляютъ еще одинъ родъ питья подобный тому, какой употребляютъ туземцы Мадагаскара, а именно, отваривши мясо съ солью, не собирая пѣны, какъ мы указали выше, вынимаютъ мясо, а бульонъ сохраняютъ и подогрѣваютъ его, когда хотятъ пить; такой отваръ называется „чорба“. Когда жарятъ мясо, то надѣваютъ на вертѣлъ цѣлую овцу или ягненка, а изжаривши, рѣжутъ кусками около фута въ длину и въ четыре дюйма въ ширину. Такъ питаются эти племена.

Мы уже говорили о томъ, какъ они живутъ во время похода; разскажемъ теперь, какимъ образомъ они входятъ въ непріятельскую страну, грабятъ, жгутъ, и уводятъ плѣнныхъ.

Получивъ распоряженіе отъ султана идти въ Польшу, ханъ со всею поспѣшностью собираетъ войска; армія состоитъ изъ 80,000 человѣкъ, если самъ онъ участвуетъ въ походѣ; въ противномъ случаѣ численность войска достигаетъ отъ 40 до 50,000 человѣкъ и начальство надъ нимъ поручается одному изъ мурзъ. Вторгаются они въ непріятельскую страну обыкновенно не раньше начала января, во всякомъ случаѣ въ зимнее время, чтобы избѣжать возможныхъ препятствій на пути; тогда уже всѣ рѣки и болота замерзаютъ, что даетъ возможность двигаться безпрепятственно во всѣхъ направленіяхъ. Когда войска собраны, имъ дѣлается смотръ, послѣ чего армія выступаетъ въ походъ. Нужно замѣтить для читателя, что хотя Крымъ лежитъ между 46 и 47 градусами сѣверной широты, тѣмъ не менѣе пустынныя степи, прилегающія къ нему на сѣверѣ, покрываются снѣгомъ въ теченіи цѣлой зимы до марта мѣсяца. Это обстоятельство служитъ въ пользу татарамъ и дозволяетъ имъ предпринимать столь отдаленные набѣги, такъ какъ ихъ лошади не кованы, а снѣгъ предохраняетъ имъ копыта, между тѣмъ какъ обнаженная и мерзлая земля портитъ ихъ. Самые знатные и зажиточные дѣлаютъ для своихъ лошадей подковы изъ бычачьяго рога, которыя нашиваютъ имъ на ноги при помощи тонкаго ремня на подобіе дратвы или гвоздей; но такія подковы не прочны и легко теряются; вотъ почему татары опасаются безснѣжной зимы и гололедицы, когда скользятъ и найлучше подкованныя лошади. Идутъ они обыкновенно малыми переходами, около шести французскихъ миль въ день и двигаются день за днемъ со всѣми предосторожностями, располагая временемъ такъ, чтобы возвратиться раньше, чѣмъ ледъ начнетъ таять и отступленіе сдѣлается затруднительнымъ.

Такъ приближаются они къ предѣламъ Польши, пролагая себѣ путь по балкамъ, которыя тянутся одна за другою; татары ищутъ ихъ для того, чтобы остаться незамѣченными въ степи и укрыться отъ козацкихъ отрядовъ, которые стерегутъ ихъ въ различныхъ мѣстахъ, съ цѣлью своевременно предупредить населеніе края объ ихъ появленіи и направленіи ихъ пути. Но татары съ своей стороны прибѣгаютъ къ хитрости, избирая, какъ я уже ска-

залъ, для своего пути глубокія долины; останавливаясь для ночлега, они по той же причинѣ не зажигаютъ огня и посылаютъ впередъ развѣдчиковъ, съ цѣлью захватить нѣсколькихъ козаковъ и получить свѣдѣнія о непріятелѣ; при этомъ каждый старается выказать какъ можно больше хитрости и ловкости. Татары идутъ фронтомъ по сто всадниковъ врядъ, что составитъ 300 лошадей, такъ какъ каждый водетъ въ поводу по двѣ свѣжія лошади для перемѣны, о чемъ уже было сказано выше. Ихъ фронтъ занимаетъ отъ 800 до 1000 шаговъ, въ глубину строй заключаетъ отъ 800 до 1000 рядовъ лошадей, захватывая такимъ образомъ три или четыре добрыя мили, если шеренги держатся тѣсно; въ противномъ случаѣ линія ихъ тянется болѣе чѣмъ на десять миль. Это изумительное зрѣлище для того, кто видитъ его въ первый разъ, такъ какъ 80,000 всадниковъ составляютъ болѣе 200,000 лошадей, покрывающихъ степь гуще нежели деревья въ лѣсу. Издали кажется, будто какая то туча подымается на горизонтѣ, растетъ и растетъ по мѣрѣ приближенія, наводя ужасъ на самыхъ отважныхъ; разумѣется это говорится только о тѣхъ, кто не привыкъ видѣть такой массы войска за разъ. Такъ движется эта большая армія съ остановками въ четверть часа черезъ каждый часъ, чтобы дать помочиться лошадямъ, которыя такъ хорошо выдрессированы, что пользуются каждою остановкою; всадники также сходятъ на землю и слѣдуютъ ихъ примѣру, потомъ вскакиваютъ на лошадей и продолжаютъ путь; все это дѣлается по первому свистку. Приблизившись къ непріятельскимъ границамъ на разстояніи трехъ-четырехъ миль, они выбираютъ для привала хорошо закрытую мѣстность и останавливаются на два-три дня для отдыха; въ это время, пользуясь отдыхомъ, армія приводится въ боевой порядокъ, а именно дѣлится на три отряда; двѣ трети войска составляютъ одинъ корпусъ, остальная треть раздѣлена на два отряда, изъ которыхъ каждый образуетъ крыло, т. е. правый и лѣвый флангъ. Въ такомъ порядкѣ входятъ они внутрь страны. Главный корпусъ, который на ихъ языкѣ называется кошемъ, движется плотною массою вмѣстѣ съ крыльями, медленно но безостановочно день и ночь, давая лошадямъ не болѣе

часа для корму и не причиняя никакихъ опустошеній, пока не проникнутъ на 60 или 80 миль въ глубь края. Тогда кошъ поварачиваетъ назадъ тѣмъ же шагомъ, между тѣмъ какъ крылья, по распоряженію главнокомандующаго, отдѣляются и бѣгутъ каждое въ свою сторону на протяженіи отъ 8-ми до 12-ти миль отъ главнаго корпуса, направляясь въ сторону и впередъ. Я забылъ сказать, что каждое крыло, состоящее изъ 8,000 до 10,000 человѣкъ въ свою очередь распадается на 10—12 отрядовъ отъ 500 до 600 татаръ, которые разбѣгаются въ разныя стороны, нападаютъ на деревни, окружая ихъ и разстанавливая вокругъ по четыре сторожевыхъ поста, а по ночамъ зажигая большіе огни, чтобы никто изъ крестьянъ не ушелъ изъ ихъ рукъ; затѣмъ грабятъ, жгутъ, убиваютъ всѣхъ, кто оказываетъ сопротивленіе, берутъ и уводятъ въ плѣнъ тѣхъ, которые сдаются, не только мущинъ и грудныхъ дѣтей, но и скотъ: лошадей, быковъ, барановъ, козъ и т. д.; всѣхъ свиней сгоняютъ въ одну ригу или сарай и поджигаютъ съ четырехъ угловъ изъ ненависти къ этимъ животнымъ. Каждое крыло, (какъ мы сказали), получивъ приказъ не отдаляться болѣе 12-ти миль, вскорѣ возвращается съ добычею къ кошу, который оставляетъ за собою широкую тропу, такъ какъ фронтъ его имѣетъ 500 лошадей въ рядъ; поэтому его легко найти по слѣдамъ и въ теченіи четырехъ, пяти часовъ можно догнать корпусъ арміи. Тогда отъ него тотчасъ отдѣляются два другія крыла, численностью равныя первымъ и расходятся одно на право, другое на лѣво, въ свою очередь грабятъ окрестности, возвращаются какъ и прежнія, а отъ войска тотчасъ же снова отдѣляются два свѣжія крыла, которыя продолжаютъ дѣло опустошенія съ такою послѣдовательностью, что корпусъ никогда не уменьшается въ числѣ; онъ всегда состоитъ изъ двухъ третей арміи, движется шагомъ, чтобы не утомляться и всегда быть въ готовности сразиться съ польскимъ войскомъ, если бы оно встрѣтилось. Впрочемъ такая встрѣча не входитъ въ ихъ разсчетъ, напротивъ того они стараются по возможности избѣжать непріятельскихъ силъ и никогда не возвращаются тѣмъ путемъ, какимъ вошли въ край; вмѣсто того описываютъ родъ дуги, чтобы

успѣшнѣе уклониться отъ польской арміи, ибо сами они никогда не начинаютъ наступательной битвы, даже защищаются очень рѣдко и то только въ случаѣ крайней необходимости. Исключеніе случается развѣ тогда, если татары бываютъ въ десять разъ сильнѣе непріятеля, но даже и при такихъ условіяхъ они не всегда охотно нападаютъ, ибо эти хищники (такъ должно назвать ихъ) являются въ Польшу не для того, чтобы сражаться, но съ цѣлью грабить и захватывать врасплохъ добычу; при встрѣчахъ съ поляками они по большей части терпятъ пораженія и уходятъ, но уже не шагомъ. Наконецъ, ограбивъ и опустошивъ цѣлую область, татары возвращаются въ пустынныя степи, которыя тянутся на 30 или 40 миль вглубь отъ границы и здѣсь, чувствуя себя уже въ безопасности, они останавливаются, отдыхаютъ и приводятъ въ порядокъ свое войско, если оно пострадало въ стычкѣ съ поляками. Отдыхъ этотъ обыкновенно продолжается недѣлю, въ теченіи которой они собираютъ вмѣстѣ всю добычу, состоящую изъ невольниковъ и стадъ и дѣлятъ между собою. Самое безчеловѣчное сердце тронулось-бы жалостью при видѣ того, какъ разлучаются мужъ съ женою, мать съ дочерью, безъ надежды когда нибудь увидѣться и идутъ въ жалкую неволю къ язычникамъ мусульманамъ, которые наносятъ имъ всякія оскорбленія. Звѣрство татаръ таково, что они совершаютъ множество самыхъ грязныхъ поступковъ, какъ напримѣръ насилуютъ дѣвушекъ и женщинъ въ присутствіи ихъ отцевъ и мужей и на глазахъ у родителей обрѣзываютъ дѣтей въ честь Магомета. У самыхъ безчувственныхъ людей дрогнуло бы сердце, слушая крики и пѣсни побѣдителей среди плача и стоновъ этихъ несчастныхъ русскихъ, которые плачутъ, произнося съ напѣвомъ причитанія. Итакъ эти несчастные разлучаются въ разныя стороны; иныхъ отправляютъ въ Константинополь, другихъ въ Крымъ, третьихъ въ Анатолію и т. д.

Вотъ въ короткихъ словахъ тотъ пріемъ, посредствомъ котораго татары въ теченіи какихъ нибудь двухъ недѣль, ворвавшись въ чужую сторону, грабятъ и захватываютъ въ неволю до 50,000 душъ и больше; какъ они обходятся съ невольниками послѣ дѣлежа, затѣмъ продаютъ ихъ по своему желанію, возвратившись на родину.

Скажемъ теперь о томъ, какъ происходятъ татарскіе набѣги на Польшу въ лѣтнее время; при этомъ количество татаръ бываетъ отъ 10 до 20,000 не больше, иначе они легко могли-бы быть замѣчены.

Приблизившись на 20—30 миль къ границѣ, они раздѣляются на 10 или 12 отрядовъ, около тысячи лошадей въ каждомъ. Тогда половина войска удаляется направо пятью или шестью отрядами на разстояніи одной или полуторы мили другъ отъ друга; также точно поступаетъ и другая половина, захватывая такое же пространство по лѣвую сторону отъ намѣченнаго пути; такимъ образомъ они представляютъ растянутый фронтъ отъ 10 до 12 миль шириною. Впереди, на разстояніи около мили, идетъ сильный сторожевой отрядъ, чтобы ловить языка и управлять движеніемъ войска; благодаря этому, татары движутся съ полною безопасностью. Такъ идутъ они, описывая дугу и держась такъ, чтобы въ назначенный день сойтись подобно радіусамъ въ мѣстѣ, заранѣе указанномъ какъ сборный пунктъ въ двухъ—трехъ миляхъ отъ границы. Идутъ они отдѣльными отрядами изъ опасенія, чтобы козацкіе сторожевые пикеты, разсѣянные въ степи на разстояніи двухъ—трехъ миль другъ отъ друга, не узнали точнаго ихъ числа, между тѣмъ какъ при такихъ условіяхъ они могутъ извѣстить лишь о томъ отрядѣ, какой увидятъ. Сторожевые козаки, едва замѣтивъ издали приближеніе татаръ, поспѣшно ретируются, чтобы поскорѣе предупредить о томъ жителей; между тѣмъ, какъ встрѣтивъ тысячный отрядъ, они мало этимъ тревожатся и бываютъ случаи, что татары захватываютъ жителей врасплохъ нѣсколько дней спустя послѣ полученія ими извѣстія. Перейдя границу, татары движутся по водораздѣльной линіи между двумя большими рѣками, пролагая себѣ путь по самымъ возвышеннымъ мѣстностямъ между истоками малыхъ рѣкъ, текущихъ въ большія въ одну и въ другую сторону. Такимъ образомъ они не встрѣчаютъ преградъ на пути, грабятъ и опустошаютъ, но не вторгаются въ глубь страны дальше шести или десяти миль и тотчасъ возвращаются обратно. Въ общемъ они остаются въ краѣ не больше двухъ дней, затѣмъ отступаютъ, какъ было сказано выше, дѣлятъ

добычу и возвращаются по домамъ. Такіе набѣги предпринимаются независимыми татарами, которые не подчиняются ни хану, ни султану и населяютъ Буджацкую степь, простирающуюся между устьями Днѣстра и Дуная, какъ уже было сказано выше. Въ мое время здѣсь числилось не менѣе 20,000 бѣглецовъ и изгнанниковъ. Эти татары храбрѣе крымскихъ и лучше закалены, благодаря постояннымъ стычкамъ съ непріятелемъ; лошади ихъ также лучше. Въ степяхъ, отдѣляющихъ Буджакъ отъ Украины, пребываетъ обыкновенно 8,000 до 10,000 татаръ, распредѣленныхъ на отряды въ тысячу человѣкъ, которые размѣщаются на разстояніи десяти до двѣнадцати миль другъ отъ друга въ ожиданіи поживы. Передвиженіе въ этихъ степяхъ сопряжено съ такими опасностями, что козаки, въ случаѣ необходимости, переходятъ ихъ таборомъ, т. е. окруженные возами. Для этого возы располагаются въ два ряда по 8 или 10 на фронтѣ и столько же сзади; въ серединѣ помѣщается пѣшее войско, вооруженное ружьями, короткими пиками и косами, надѣтыми впрямь на древка, между тѣмъ какъ конница окружаетъ таборъ извнѣ. Впереди, позади и по сторонамъ ѣдетъ стража на разстояніи 1/4 мили, чтобы выслѣживать татаръ и извѣщать сигналами объ ихъ появленіи; тогда таборъ немедленно останавливается. Если татары открыты первыми, козаки одерживаютъ надъ ними верхъ; за то если сами они замѣчены раньше, татары захватываютъ ихъ врасплохъ и стараются взять таборъ приступомъ. Вообще, странствуя по этимъ степямъ, можно повторить итальянскую поговорку: „buono pede, bon oche“. Мнѣ случалось нѣсколько разъ встрѣчать въ степи татарскіе отряды болѣе 500 человѣкъ, которые аттаковали нашъ таборъ, но ничего не могли намъ сдѣлать, хотя меня сопровождали всего 50 или 60 человѣкъ козаковъ; въ свою очередь и мы не могли получить надъ ними перевѣса, такъ какъ они держались постоянно внѣ нашихъ выстрѣловъ. Но они ретировались послѣ нѣсколькихъ притворныхъ попытокъ аттаковать насъ, при чемъ посылали намъ на голову цѣлыя тучи стрѣлъ, такъ какъ они пускаютъ стрѣлу дугообразно и луки ихъ бьютъ вдвое дальше, чѣмъ наши ружья.

Вотъ хитрость, къ которой прибѣгаютъ татары, когда намѣреваются скрыться въ степи, чтобы напасть на какой нибудь караванъ, оставаясь незамѣченными. Надо вамъ знать, что здѣшнія степи покрываются травою до двухъ футовъ высоты, такъ что нельзя проѣхать, не примявши ее; такимъ образомъ остается вытоптанная тропа или слѣдъ, по которому легко опредѣлить численность татаръ и принятое ими направленіе. Чтобы уклониться отъ сильной погони, они придумали особый пріемъ, состоящій въ томъ, что каждый отрядъ изъ 400 всадниковъ дѣлится на четыре части по 100 человѣкъ въ каждой, которыя расходятся въ противуположныхъ направленіяхъ, къ сѣверу, югу, востоку и западу. Каждый изъ этихъ отрядовъ пробѣгаетъ около полуторы мили, затѣмъ снова распадается на три, по 33 человѣка въ каждомъ и продолжаетъ путь, если не встрѣтится преграда въ видѣ рѣчки; пройдя около полумили, эти кучки еще разъ дѣлятся на три по 10 или 11 человѣкъ и снова разбѣгаются каждая въ свою сторону, что лучше всего можно понять на основаніи прилагаемаго рисунка. Все это дѣлается менѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ часа времени и на всемъ скаку, ибо если отрядъ будетъ замѣченъ, его не спасетъ никакая поспѣшность; поэтому каждый какъ нельзя лучше знаетъ свою роль. Татары знаютъ степь также хорошо, какъ лоцмана каждую гавань; всѣ эти мелкіе отряды въ 10 человѣкъ разбѣгаются въ открытомъ полѣ по желанію, но въ разныя стороны, чтобы не встрѣтиться на пути; въ назначенный же день собираются всѣ въ условленномъ мѣстѣ за 10—12 миль отъ мѣста отправленія, гдѣ нибудь въ ложбинѣ, гдѣ есть вода и хорошая трава и тамъ дѣлаютъ привалъ. Каждая кучка движется отдѣльно; однимъ бываетъ близко къ сборному пункту, другимъ гораздо дальше вслѣдствіе обходовъ и изворотовъ, которые они принуждены дѣлать на пути; травы, примятыя одиннадцатью лошадьми, вскорѣ подымаются, такъ что до другаго дня не остается никакихъ слѣдовъ. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ скрытомъ и безопасномъ мѣстѣ, татары пускаются въ дальнѣйшій путь уже цѣлымъ корпусомъ, по дорогѣ берутъ приступомъ какой нибудь пограничный городокъ, застигнутый врасплохъ, или грабятъ

села и убѣгаютъ въ степь, какъ мы уже видѣли. Посредствомъ такой хитрости татары имѣютъ возможность скрываться въ степи и обманывать бдительность козацкой стражи, которая горячо преслѣдуетъ ихъ, зная что число ихъ не превышаетъ пяти или шести сотъ человѣкъ. Замѣтивъ появленіе татаръ, козаки садятся на коней въ количествѣ 1000 до 1200 человѣкъ и пускаются въ погоню, ищутъ слѣдъ и, найдя его, преслѣдуютъ враговъ до центральнаго пункта, описаннаго выше. Отсюда слѣды расходятся во всѣ стороны и въ такомъ количествѣ, что козаки теряютъ нить, не знаютъ, въ какомъ направленіи продолжать погоню и возвращаются по домамъ, говоря, что ничего не могли найти. Вообще встрѣтить татаръ чрезвычайно трудно, развѣ только случайно во время почлега, когда они ѣдятъ, пьютъ или спятъ, но и тогда они держатся постоянно на сторожѣ. Зрѣніе ихъ лучше нашего, они видятъ дальше и отчетливѣе, такъ какъ разрѣзъ глаза ихъ меньше и потому зрительный лучъ сильнѣе; они открываютъ насъ раньше, чѣмъ мы замѣтимъ ихъ на горизонтѣ; перевѣсъ оказывается на сторонѣ хитрости, а не силы. Если встрѣча происходитъ утромъ или вечеромъ, около часа послѣ восхода или до захода солнца, оба непріятеля наперерывъ другъ передъ другомъ стараются выиграть разстояніе, чтобы имѣть солнце съ тылу, подобно двумъ кораблямъ на морѣ, которые стараются стать за вѣтромъ. Наконецъ, если поляки врѣзываются во вражескій отрядъ, а татары не чувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы вооруженною рукою отразить аттаку, они какъ мухи разсыпаются въ разныя стороны, куда кто можетъ, но, убѣгая, оборачиваются и на всемъ скаку пускаютъ стрѣлу изъ лука такъ мѣтко, что никогда не промахнутся на разстояніи 60 до 100 шаговъ. Поляки не могутъ преслѣдовать ихъ, такъ какъ ихъ лошади имѣютъ болѣе короткое дыханье. Пробѣжавши около четверти мили, татары собираются вновь, всѣ вмѣстѣ оборачиваются назадъ и устремляются фронтомъ на непріятеля, затѣмъ снова разсыпаются, если ряды ихъ прорваны и отступаютъ всегда въ лѣвую сторону, такъ какъ имъ труднѣе сворачивать вправо. Благодаря этому маневру, они до того утомляютъ поляковъ, что принуждаютъ ихъ къ отступленію; но, какъ я уже сказалъ

такая игра происходитъ только тогда, когда татары бываютъ десять противъ одного; въ противномъ случаѣ они обращаются въ дѣйствительное бѣгство. Вотъ какъ ведется война въ этихъ странахъ.

Скажемъ теперь, какимъ образомъ татары переходятъ вплавь самыя большія рѣки въ Европѣ. Всѣ ихъ лошади умѣютъ плавать, особенно въ этихъ холодныхъ странахъ, гдѣ воды плотнѣе нежели во французскихъ рѣкахъ, такъ какъ онѣ менѣе очищены дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Но я увѣренъ, что если бы привести этихъ лошадей во Францію, онѣ не могли бы съ такою же легкостью переплыть Сену, какъ переплываютъ Днѣпръ, воды котораго плотнѣе, какъ я замѣтилъ, вслѣдствіи чего твердыя тѣла теряютъ въ нихъ часть своего вѣса, что я испыталъ самъ. Вотъ какъ поступаютъ татары, когда войско ихъ желаетъ переплыть Днѣпръ, самую большую рѣку въ краѣ. Отыскиваютъ такое мѣсто, въ которомъ бы оба берега были равно доступны, при чемъ каждый всадникъ собираетъ по пути небольшой запасъ камыша или тростника, изъ котораго дѣлаетъ двѣ связки около трехъ футовъ въ длину и 10 или 12 дюймовъ въ толщину. Оба пучка скрѣпляются тремя поперечными палками на разстояніи фута одна отъ другой, прочно привязанными сверху; внизу же прикрѣплена по діагонали въ двухъ противуположныхъ углахъ четвертая палка, которая привязывается къ лошадиному хвосту. Татаринъ кладетъ на этомъ плоту свое сѣдло, затѣмъ раздѣвается, складываетъ на сѣдлѣ одежду, лукъ, стрѣлы и саблю, крѣпко связавши все вмѣстѣ; потомъ входитъ въ воду обнаженный съ нагайкою въ рукѣ и ведетъ лошадь, закинувъ ей поводъ на шею и все время держа его одною рукою вмѣстѣ съ гривою, подгоняетъ ее и принуждаетъ плыть; самъ онъ плыветъ одною рукою, другою держа узду и гриву, ни на минуту не выпуская ихъ и такъ правитъ лошадью, погоняя ее нагайкою, пока не переплыветъ рѣки. Затѣмъ, когда лошадь станетъ на ноги и вода достигнетъ пловцу до живота, онъ останавливается, отвязываетъ отъ лошадинаго хвоста свой плотъ и переноситъ его на землю. Переправляются всѣ за разъ, растянувши фронтъ на протяженіи около полу-

мили вдоль по теченію; весь скотъ плыветъ точно также. Вотъ все, что мнѣ удалось узнать отъ татаръ въ этомъ отношеніи.

Объ украинскихъ козакахъ.

Намъ остается еще, согласно обѣщанію, разсказать о томъ, какимъ образомъ козаки избираютъ своего начальника и описать ихъ походы на Чорное море, въ которыхъ они достигаютъ до Анатоліи и нападаютъ здѣсь на турокъ. Вотъ какъ происходитъ избраніе предводителя: собираются всѣ старые полковники и старики, пользующіеся уваженіемъ среди козаковъ, каждый подаетъ голосъ въ пользу того, кого считаетъ наиболѣе способнымъ и получившій наибольшее количество голосовъ признается избраннымъ. Если тотъ, на кого палъ выборъ, неохотно принимаетъ эту должность, отговариваясь неспособностью и недостойностью, или ссылаясь на недостатокъ опытности или старость, это ни мало ему не помогаетъ: ему отвѣчаютъ, что повидимому онъ дѣйствительно не достоинъ такой чести и тотчасъ убиваютъ его на мѣстѣ какъ измѣнника, между тѣмъ какъ сами они поступаютъ измѣннически въ данномъ случаѣ [1]). Вы припомните то, что я говорилъ вначалѣ, разсказывая объ ихъ нравахъ и обычныхъ измѣнахъ. Если же избранный козакъ принимаетъ званіе начальника, онъ благодаритъ собраніе за оказанную ему честь, хотя самъ онъ и признаетъ себя недостойнымъ ея и неспособнымъ къ занятію такой высокой должности; тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ, что своими трудами и заботами постарается сдѣлаться достойнымъ чести служить всѣмъ вообще и каждому въ частности и что жизнь его всегда будетъ посвящена служенію своимъ братчикамъ (такъ называютъ они другъ друга). При этихъ словахъ всѣ апплодируютъ ему съ криками: „vivat, vivat!“ затѣмъ каждый под-

---

[1]) Въ приведенномъ Бопланомъ разсказѣ о выборѣ кошевого вкралось недоразумѣніе: запорожскій этикетъ требовалъ, чтобы избранное лице долго отказывалось отъ принятія должности, ссылаясь изъ скромности на недостатокъ способностей и незначительность своихъ заслугъ; должность принималась наконецъ, какъ бы подъ вліяніемъ настояній и угрозъ товарищества. Эту условную церемонію Бопланъ счелъ серьезною опасностью для избраннаго лица; мы не встрѣчаемъ ни одного факта, указывающаго на то, чтобы кто-либо былъ казненъ за отказъ отъ должности.

ходитъ, въ порядкѣ занимаемыхъ должностей и отдаетъ ему поклонъ, а начальникъ пожимаетъ ему руку, что составляетъ обычное между ними привѣтствіе. Таковъ обрядъ выборовъ начальника, происходящихъ нерѣдко среди пустынныхъ степей. Начальникъ этотъ, которому они безпрекословно подчиняются, называется на ихъ языкѣ гетманомъ; власть его неограничена, онъ имѣетъ право рубить головы и сажать на колъ всѣхъ непокорныхъ. Вообще онъ поступаетъ съ большою строгостью, но въ дѣлахъ общественныхъ ничего не можетъ предпринять безъ военнаго совѣта, называемаго радою. Отправляясь на войну, гетманъ долженъ быть чрезвычайно остороженъ и предусмотрителенъ, чтобы не потерпѣть неудачи; въ случаѣ неблагопріятной встрѣчи онъ долженъ обнаружить находчивость и отвагу, иначе при малѣйшей трусости козаки убиваютъ его, какъ измѣнника, послѣ чего немедленно приступаютъ къ избранію новаго гетмана обычнымъ порядкомъ, какъ было сказано выше. Должность предводителя и начальника въ походахъ составляетъ обязанность, сопряженную съ большими трудностями въ случаѣ неудачи. Въ теченіи 17 лѣтъ, которыя я провелъ на службѣ въ этой странѣ, всѣ лица, избранныя для занятія этой должности, несчастливо окончили жизнь.

Намѣреваясь предпринять морской походъ, козаки берутъ разрѣшеніе отъ своего гетмана, а не отъ короля, собираютъ раду, на которой избираютъ предводителя экспедиціи съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ, какія наблюдаются при выборахъ гетмана, съ тою лишь разницею, что это лице получаетъ власть только на время похода. Затѣмъ охотники направляются въ Войсковую Скарбницу, ихъ сборный пунктъ и начинаютъ строить суда около 60 футовъ въ длину, 10 или 12 въ ширину и до 12 футовъ въ глубину. Судно строится безъ кормы, въ основаніе берется лодка изъ вербы или липоваго дерева длиною около 45 футовъ, борты и дно покрываются рядами досокъ отъ 10 до 12 футовъ длиною и около фута шириною, которыя прикрѣпляются гвоздями, при чемъ каждый рядъ выпускаются надъ предыдущимъ, какъ на рѣчныхъ лодкахъ, пока судно не достигнетъ 12 футовъ въ вышину и 60 въ длину, постепенно расширяясь кверху.

Это лучше поясняется прилагаемымъ рисункомъ, который я наскоро набросалъ карандашемъ. Здѣсь видна обкладка изъ тростника, связаннаго пучками толщиною въ боченокъ, которые скрѣпляются конецъ съ концомъ, окаймляя всю лодку; они крѣпко привязаны къ бортамъ веревками изъ липоваго и черешневаго лыка. Козаки строятъ свои челны подобно нашимъ плотникамъ, съ перегородками и поперечными скамьями, затѣмъ осмаливаютъ ихъ. Челны снабжены двумя рулями по одному на каждомъ концѣ, какъ это видно на рисункѣ, такъ какъ вслѣдствіе значительной длины судна потребовалось бы слишкомъ много времени при поворотахъ, чѣмъ сильно затруднялась бы свобода и быстрота движеній въ случаѣ отступленія. Эти суда имѣютъ отъ десяти до пятнадцати веселъ съ каждой стороны и на ходу быстрѣе турецкихъ гребныхъ галеръ; сверхъ того на каждомъ есть мачта, на которой подымаютъ довольно плохой парусъ, но только въ хорошую погоду, въ вѣтренную же козаки предпочитаютъ идти на веслахъ. Челны ихъ не имѣютъ палубы, если же и заливаются водою, то окружающій ихъ тростникъ поддерживаетъ судно на поверхности воды, не допуская его затонуть. Походные припасы козаковъ состоятъ изъ сухарей, которые сохраняютъ въ длинныхъ бочкахъ, около десяти футовъ въ длину и четырехъ въ діаметрѣ, крѣпко увязанныхъ, откуда ихъ достаютъ черезъ воронку; затѣмъ изъ боченка варенаго пшена и другаго съ жидкимъ тѣстомъ, которое они ѣдятъ въ видѣ лакомства, смѣшивая съ пшеномъ; это кушанье служитъ въ одно время и пищею, и питьемъ, оно кисловатаго вкуса и называется саламаха, т. е. лакомая пища. Что до меня касается, то я не находилъ въ ней изысканнаго вкуса и если употреблялъ во время путешествій, то исключительно за неимѣніемъ ничего лучшаго. Козаки отличаются большою трезвостью во время походовъ и военныхъ экспедицій; тогда имъ строго запрещается брать съ собою водку или какіе нибудь крѣпкіе напитки, если же случится между ними пьяный, начальникъ приказываетъ выбросить его за бортъ.

Намѣреваясь предпринять походъ противъ татаръ съ цѣлью отомстить имъ за набѣги и грабежи, козаки обыкновенно выбираютъ для этого осеннее время; прежде всего посылаютъ на Запорожье все

необходимое для похода и сооруженія судовъ и вообще все, въ чемъ по ихъ мнѣнію можетъ встрѣтиться потребность; затѣмъ выступаютъ въ количествѣ пяти или шести тысячъ человѣкъ добрыхъ козаковъ, хорошо вооруженныхъ воиновъ, приходятъ на Запорожье и приступаютъ къ постройкѣ челновъ. Каждую лодку строятъ 60 человѣкъ и оканчиваютъ ее въ двѣ недѣли, ибо, какъ я сказалъ, они знаютъ всѣ ремесла; въ теченіи двухъ трехъ недѣль они изготовляютъ отъ 80 до 100 судовъ описанной выше конструкціи; въ лодкѣ помѣщается отъ 4 до 6 фальконетовъ и 50—70 человѣкъ, вооруженныхъ каждый двумя ружьями и саблею и снабженныхъ достаточнымъ количествомъ продовольствія; сверхъ того полагается по шести фунтовъ пушечнаго пороха и свинца, сколько нужно на человѣка, а также запасъ ядеръ для фальконетовъ. Одежду ихъ составляютъ двѣ перемѣны бѣлья, сорочекъ и шароваръ, плохой кафтанъ и шапка; сверхъ того каждый имѣетъ часы. Таковъ летучій козацкій отрядъ на Чорномъ морѣ, способный помѣряться силами съ лучшими городами Анатоліи.

Окончивъ всѣ приготовленія, козаки спускаются внизъ по Днѣпру. Атаманъ плыветъ въ передней лодкѣ, вывѣсивъ свое знамя на мачтѣ; прочія лодки держатся такъ близко одна къ другой, что почти касаются веслами.

Обыкновенно турки заранѣе предупреждены о походѣ и держатъ на готовѣ при устьи Днѣпра нѣсколько галеръ, чтобы помѣшать козакамъ выйти въ море; но тѣ оказываются хитрѣе и, въ ожиданіи темной ночи передъ новолуніемъ, держатся въ рѣчныхъ тростникахъ, покрывающихъ днѣпровскій лиманъ, за три или четыре мили вверхъ отъ устья, куда галеры не отваживаются заходить, такъ какъ уже неоднократно находили тамъ гибель. Поэтому турки довольствуются тѣмъ, что стерегутъ выходъ и всегда бываютъ застигнуты врасплохъ, но и козаки въ свою очередь никогда не могутъ проскользнуть незамѣченными. Тогда тревога распространяется по всей странѣ до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ во всѣ концы Анатоліи, Болгаріи и Румеліи, чтобы предупредить жителей, что козаки на морѣ и чтобы всѣ держались на сторожѣ. Но всѣ эти мѣры напрасны: козаки гребутъ не переставая

и, пользуясь благопріятнымъ временемъ года [1]), въ продолженіи 36 или 40 часовъ достигаютъ береговъ Анатоліи, выходятъ на землю съ ружьями въ рукахъ, оставляя по два взрослыхъ и по два мальчика стеречь каждую лодку. Затѣмъ устремляются на прибрежные города, берутъ ихъ приступомъ, грабятъ и жгутъ; иногда заходятъ около мили вглубь страны, но тотчасъ же возвращаются, отчаливаютъ съ добычею и плывутъ дальше, чтобы попытать счастья въ другомъ мѣстѣ. Если случается на пути что нибудь подходящее, они производятъ нападеніе, въ противномъ случаѣ возвращаются съ добычею на родину. Если попадаются на встрѣчу турецкія галеры или другого рода корабли, козаки преслѣдуютъ ихъ, аттакуютъ и берутъ приступомъ. При этомъ они употребляютъ слѣдующій пріемъ: такъ какъ ихъ челны возвышаются не болѣе $2^1/_2$ футовъ надъ поверхностью воды, то козаки замѣчаютъ непріятельскій корабль или галеру гораздо раньше, нежели будутъ замѣчены сами; они тотчасъ убираютъ мачты, справляются съ направленіемъ вѣтра и стараются держаться за солнцемъ до вечера. За часъ до солнечнаго захода они начинаютъ усиленно гресть въ направленіи галеры, пока не подойдутъ на разстояніе мили, чтобы не потерять судна изъ виду и держатся на этомъ разстояніи до полуночи; тогда козаки, по данному сигналу, принимаются гресть изо всѣхъ силъ, между тѣмъ какъ половина ихъ держатся совершенно готовыми къ битвѣ и ожидаютъ только абордажа, чтобы проникнуть на корабль, экипажъ котораго пораженъ недоумѣніемъ, видя себя окруженнымъ сотнею лодокъ и судно свое наполненнымъ вооруженнымъ непріятелемъ, который за первымъ приступомъ овладѣваетъ имъ. Послѣ того козаки забираютъ всѣ найденныя деньги, товары малаго объема, которые не портятся отъ воды, пушки и все, что по ихъ мнѣнію можетъ имъ пригодиться, затѣмъ пускаютъ ко дну корабль вмѣстѣ съ людьми. Такъ поступаютъ козаки; они забрали бы и самый корабль или галеру, если бы умѣли управлять ими, но не знаютъ необхо-

---

[1]) Козаки выѣзжаютъ обыкновенно въ море послѣ дня Св. Іоанна и возвращаются не позже начала августа.—Примѣч. Боплана.

димыхъ для того пріемовъ. Послѣ побѣды нужно возвращаться въ свою страну; при устьяхъ Днѣпра ихъ ожидаетъ теперь удвоенная стража, чтобы наказать за погромъ, но козаки мало тревожатся этимъ, хотя силы ихъ и ослаблены, ибо не возможно, чтобы многіе изъ нихъ не погибли въ сраженіяхъ и чтобы море не поглотило нѣсколькихъ лодокъ, такъ какъ не всѣ могутъ быть на столько прочны, чтобы выдержать экспедицію. Они входятъ въ заливъ, находящійся въ трехъ или четырехъ миляхъ къ востоку отъ Очакова; здѣсь къ морю примыкаетъ очень глубокая балка около 3 миль длиною, которая тянется по направленію къ Днѣпру и во время прилива наполняется водою на полфута въ высоту на протяженіи четверти мили. Здѣсь козаки сходятъ на берегъ и принимаются, по 200 и 300 человѣкъ за разъ, перетаскивать волокомъ своя челны одинъ за другимъ и въ теченіи двухъ, много трехъ дней переходятъ въ Днѣпръ со всею добычею. Тамъ они уже въ безопасности отъ погони, избѣгнувъ такимъ образомъ встрѣчи съ галерами, охраняющими входъ въ лиманъ противъ Очакова и наконецъ возвращаются въ свою Скарбницу, гдѣ происходитъ дѣлежъ добычи, какъ было уже сказано выше. Есть у козаковъ и другой путь для возврата: иногда они проходятъ черезъ проливъ между Таманью и Керчью въ донской лиманъ [1]), входятъ въ рѣку Міусъ и подымаются вверхъ по ней до тѣхъ поръ, пока она можетъ поднять ихъ лодки. Верховья Міуса отстоятъ всего въ одной милѣ отъ истоковъ рѣчки Тачаводы, впадающей въ Самару, которая въ свою очередь впадаетъ въ Днѣпръ въ разстояніи одной мили выше Кодака, какъ это можно видѣть на картѣ [2]). Впрочемъ козаки рѣдко возвращаются на Запорожье этимъ путемъ, такъ какъ онъ значительно длиннѣе, но иногда они избираютъ его для выхода въ море, если при устьи

---

[1]) Т. е. въ Азовское море.

[2]) Для того, чтобы возстановить этотъ путь, нужно повидимому измѣнить названія рѣкъ, приведенныя Бопланомъ: вмѣсто Міуса нужно принять Кальміусъ; Тачавода есть вѣроятно искаженіе названья „Волчья вода"; если такимъ образомъ видоизмѣнить названія, то понятенъ будетъ указанный Бопланомъ волокъ.

Днѣпра сосредоточены значительныя турецкія силы, преграждающія имъ путь, или же если сами они имѣютъ не болѣе 20—25 лодокъ.

Если галеры встрѣчаютъ козаковъ днемъ въ открытомъ морѣ, то разгоняютъ ихъ своими пушками какъ стаю скворцовъ, затопляютъ нѣсколько челновъ и приводятъ непріятеля въ такое смятеніе, что всѣ уцѣлѣвшіе спѣшатъ разсѣяться въ разныя стороны; но разъ вступивши въ битву съ галерами, козаки бываютъ непоколебимы, никто не двигается со своей скамьи, весла привязываются къ кочетамъ посредствомъ перевязи изъ лозы и въ то время, какъ одни стрѣляютъ изъ ружей, ихъ товарищи заряжаютъ и передаютъ имъ другія на перемѣну, такъ что пальба, весьма мѣткая, не прекращается ни на минуту. Между тѣмъ галера можетъ вступить въ рукопашный бой съ одною только лодкою за разъ, за то сильно вредитъ имъ своими пушками, такъ что въ подобныхъ встрѣчахъ козаки обыкновенно теряютъ двѣ трети своихъ силъ; изрѣдка только удается имъ возвратиться съ половиною экипажа, но во всякомъ случаѣ они приносятъ богатую добычу: испанскіе реалы, арабскіе секины, ковры, золотую парчу, бумажныя и шелковыя матеріи и другіе цѣнные товары.

Такъ живутъ козаки, таковы ихъ доходы, ибо единственное ихъ занятіе состоитъ въ томъ, чтобы пьянствовать и безобразничать съ пріятелями по возвращеніи изъ похода.

Чтобы исполнить до конца данное обѣщаніе, скажемъ нѣсколько словъ о соблюдаемыхъ ими обычаяхъ, между прочимъ о нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ и о способѣ заводить любовныя отношенія; обычаи эти многимъ изъ насъ могутъ показаться не только новыми, но просто невѣроятными. Въ противуположность общепринятымъ у всѣхъ народовъ обычаямъ, здѣсь дѣвушки сами ухаживаютъ за молодыми людьми, которые понравятся имъ и вслѣдствіе предразсудка, распространеннаго въ краѣ и свято соблюдаемаго народонаселеніемъ, онѣ почти никогда не испытываютъ неудачи и могутъ быть болѣе увѣрены въ успѣхѣ нежели мущина, если иногда иниціатива сватовства исходитъ отъ него. Вотъ какъ происходитъ дѣло. Влюбленная дѣвушка приходитъ въ домъ родителей любимаго человѣка въ та-

кое время, когда разсчитываетъ застать вмѣстѣ отца, мать и своего возлюбленнаго; входя въ комнату она говоритъ „Помагай Бигъ“ (т. е.: да поможетъ Вамъ Богъ), что составляетъ обычное привѣтствіе при входѣ въ домъ; затѣмъ садится и обращается къ тому, кто ранилъ ея сердце, съ такими словами: „Иванъ, Федоръ, Дмитрій, Войтекъ, Микита и т. п. (однимъ словомъ называетъ его однимъ изъ выше приведенныхъ именъ, самыхъ общеупотребительныхъ), я замѣтила въ твоемъ лицѣ извѣстное добродушіе, убѣждающее меня въ томъ, что ты способенъ хорошо направлять и любить свою жену, а твои добрыя качества даютъ мнѣ поводъ надѣяться, что ты будешь добрымъ господаремъ; все это побуждаетъ меня обратиться къ тебѣ съ покорною просьбою принять меня за жену.“ Затѣмъ говоритъ то же самое отцу и матери и проситъ ихъ согласія на бракъ; встрѣтивъ отказъ или какую нибудь отговорку, напримѣръ будто онъ слишкомъ молодъ и не готовъ еще къ женитьбѣ, дѣвушка отвѣчаетъ, что не уйдетъ, пока бракъ не будетъ заключенъ, если оба они останутся живы. Если послѣ этихъ словъ, не смотря на возраженія, она продолжаетъ упорствовать, настаивать и отказывается оставить домъ, пока требованіе ея не будетъ удовлетворено, отецъ и мать молодаго человѣка не только принуждены дать согласіе по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, но съ своей стороны убѣждаютъ сына взглянуть на нее благосклонно, какъ на суженую, т. е. дѣвушку, которой свыше предназначено сдѣлаться его женою. Равнымъ образомъ и молодой человѣкъ, видя, какъ дѣвушка настойчиво желаетъ ему добра, начинаетъ на нее смотрѣть, какъ на будущую госпожу своихъ желаній и неотступно проситъ родителей согласиться на бракъ.

Вотъ какимъ образомъ въ этой странѣ влюбленная дѣвушка въ короткое время достигаетъ цѣли, вынуждая своею настойчивостью и своего возлюбленнаго, и его родителей удовлетворить ея желаніе; ей уступаютъ изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ Божій и какое нибудь страшное несчастіе, ибо выгнать дѣвушку значило бы нанести оскорбленіе цѣлому ея роду, который не преминулъ бы отомстить за нее. Никто не смѣетъ употребить противъ нея силу въ

такихъ случаяхъ, чтобы не подвергнуться карѣ церкви, которая очень строго смотритъ на это дѣло, назначаетъ эпитиміи и крупные штрафы, придавая жилища виновныхъ безчестію [1]). Такимъ образомъ эти люди, запуганные ложнымъ суевѣріемъ, стараются по возможности избѣжать несчастій, которыя должны постигнуть ихъ, если бы они отказались дать своихъ сыновей дѣвушкамъ, требующимъ ихъ въ мужья, что признается ими какъ одинъ изъ догматовъ вѣры. Обычай, о которомъ я говорю, соблюдается только между людьми равнаго общественнаго положенія, ибо въ этой странѣ всѣ крестьяне равны по своему состоянію и имущественное различіе между ними весьма незначительно; но вотъ иная форма сватовства между людьми разныхъ сословій, напримѣръ, между крестьяниномъ и дворянскою дѣвушкою, которая соблюдается также въ силу давнихъ обычаевъ и привилегій.

По деревенскимъ обычаямъ этой страны, въ воскресные и праздничные дни всѣ крестьяне въ послѣобѣденное время сходятся въ корчму съ женами и дѣтьми, гдѣ проводятъ остатокъ дня, выпивая другъ съ другомъ; но пьютъ только степенные мущины и женщины, между тѣмъ какъ молодежь забавляется танцами при звукахъ дуды. Обыкновенно также присутствуетъ и мѣстный владѣлецъ съ семействомъ, любуясь танцами; но чаще всего онъ собираетъ молодежь передъ своимъ дворомъ и тогда уже и самъ онъ съ женою и дѣтьми принимаетъ участіе въ танцахъ, такъ что господа и крестьяне смѣшиваются въ одинъ кружокъ. Нужно замѣтить, что большинство подольскихъ и украинскихъ деревень окружены густыми лѣсами на пространствѣ не менѣе полумили; тамъ встрѣчаются тайники, гдѣ крестьяне спасаются въ лѣтнее время въ

---

[1]) Очевидно Бопланъ, какъ иностранецъ, принялъ исключительный частный случай за общераспространенный народный обычай сватовства, который хорошо извѣстенъ по многочисленнымъ ритуаламъ украинской свадьбы, изданнымъ во многихъ этнографическихъ сборникахъ. Описанный Бопланомъ обычай могъ имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, когда молодой человѣкъ, виновный передъ дѣвушкою уклонялся отъ исполненія данныхъ ей обѣщаній; только въ такомъ случаѣ и понятны покровительство и поддержка, оказываемыя дѣвушкѣ представителями церкви, равно какъ и давленіе на ея возлюбленнаго со стороны его родителей и общественнаго мнѣнія.

случаѣ тревоги при татарскихъ набѣгахъ. Хотя крестьяне подчинены владѣльцамъ почти какъ невольники, тѣмъ не менѣе они съ давнихъ поръ пользуются правомъ и привилегіею похищать, если удастся, во время танцевъ дворянскую дѣвушку, даже если бы то была дочь ихъ господина. При этомъ требуется только много проворства и ловкости; если же похищеніе не удастся, гибель молодаго человѣка неизбѣжна. Поэтому нужно, чтобы похититель успѣлъ скрыться въ сосѣднемъ лѣсу и продержаться тамъ въ теченіи сутокъ, не будучи открытымъ, не смотря на поиски и погоню; въ такомъ случаѣ преступленіе ему прощается. Если похищенная дѣвушка согласна на бракъ съ нимъ, онъ не въ правѣ отказаться отъ нея подъ страхомъ смертной казни и тогда онъ избавляется отъ всякой отвѣтственности за свое преступленіе. Если же онъ будетъ пойманъ въ продолженіи сутокъ, ему тотчасъ же отрубятъ голову безъ всякаго суда. Въ теченіи 17 лѣтъ, проведенныхъ мною въ этой странѣ, я ни разу не слышалъ о такомъ событіи [1]), за то много разъ приходилось мнѣ наблюдать случаи вышеописаннаго сватовства дѣвушекъ къ молодымъ людямъ. Послѣдній же обычай очевидно представляетъ слишкомъ много опасности; нужно имѣть очень быстрыя ноги для того, чтобы насильно похитить дѣвушку и бѣжать въ виду цѣлой толпы, не будучи пойманнымъ; это было бы очень затруднительно безъ предварительнаго соглашенія съ дѣвушкою; да сверхъ того крестьяне въ настоящее время гораздо болѣе угнѣтены чѣмъ въ старину, а дворяне въ свою очередь высокомѣрнѣе и неприступнѣе. Повидимому, эта привилегія дана была крестьянамъ еще въ тѣ времена, когда поляки избирали себѣ въ короли того, кто быстрѣе всѣхъ бѣгалъ босикомъ, какъ наиболѣе отважнаго и ловкаго, точно отвага и умъ зависятъ отъ быстроты и гибкости членовъ [2]). Вѣроятно къ тому же времени относится возникновеніе

---

[1]) Бопланъ очевидно слышалъ какую-то старинную сказку или легенду и на этомъ основаніи предположилъ существованіе страннаго, разсказаннаго имъ обычая.

[2]) Бопланъ имѣетъ въ виду преданіе, записанное польскими лѣтописцами объ избраніи баснословнаго, вѣроятно никогда не существовавшаго, польскаго князя Лешка втораго. (См. хронику Викентія Кадлубка, изд. Пржездзецкаго 1862 г. стр. 20—22).

другаго обычая, въ силу котораго дворяне, на слѣдующій день послѣ избранія новаго короля, заставляютъ его принести передъ алтаремъ клятвенное обѣщаніе въ томъ, что онъ не будетъ арестовать дворянина ни за какое преступленіе, по прошествіи двадцати четырехъ часовъ послѣ его совершенія, кромѣ преступленій противъ государства и особы короля. Это доказываетъ, какимъ уваженіемъ пользовались лица, отличавшіяся быстротою бѣга. Это замѣчается и понынѣ въ томъ, какъ высоко цѣнятъ они быстроту ногъ у лошади, не обращая вниманія ни на что иное и платятъ огромныя деньги, лишь бы лошадь была быстра; мнѣ кажется, это дѣлается въ разсчетѣ на возможность догнать бѣгущаго врага и самимъ спасаться отъ преслѣдованія.

Разсказавши о сватовствѣ у русскихъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о свадебномъ обрядѣ и соблюдаемыхъ при немъ обычаяхъ.

Свадебный обрядъ начинается тѣмъ, что обѣими сторонами приглашается молодежь, которой женихъ и невѣста поручаютъ созывать всѣхъ родственниковъ для присутствія на „весилли", т. е. на свадьбѣ. Въ доказательство такого порученія каждому дается вѣнокъ изъ цвѣтовъ, который онъ надѣваетъ на руку, а также перечень лицъ, которыхъ нужно обойти и пригласить накапунѣ свадьбы; молодые люди идутъ попарно, при чемъ первый, который долженъ говорить рѣчи, держитъ въ рукѣ трость. Я не буду останавливаться на перечисленіи всѣхъ блюдъ и сортовъ мяса, какіе подаются на обѣдѣ, скажу только, что невѣста бываетъ одѣта сообразно ихъ модѣ въ длинное платье изъ темнаго сукна, которое тянется по землѣ; оно подшито обручами изъ китоваго уса, отчего раздувается книзу и окаймлено широкою полушелковою, полушерстяною тесьмою; лице и голова ея открыты, волосы распущены по плечамъ и украшены вѣнкомъ изъ различныхъ цвѣтовъ смотря по времени года. Въ такомъ нарядѣ ее ведетъ въ церковь отецъ, братъ или другой близкій родственникъ; впереди идутъ музыканты: скрипка, дудка и цимбалы. Послѣ вѣнчанья одинъ изъ близкихъ родственниковъ беретъ ее за руку и отводитъ домой при звукахъ той же музыки. Я пройду молчаніемъ всѣ развлеченія, которыми

сопровождается брачный пиръ; во всякомъ случаѣ они весьма оживлены и ни въ чемъ не уступаютъ обычаямъ другихъ народовъ; замѣчу только, что крестьянъ еще больше побуждаетъ къ пьянству, къ которому они склонны отъ природы, то обстоятельство, что по случаю свадьбы, равно какъ и крестинъ, мѣстный владѣлецъ разрѣшаетъ имъ варить пиво. Это составляетъ своего рода привилегію, ибо въ такихъ случаяхъ они получаютъ напитокъ значительно дешевле и въ большемъ количествѣ, между тѣмъ какъ въ другое время всѣ подданные обязаны покупать напитки не иначе какъ на владѣльческой пивоварнѣ.

Когда приходитъ время уложить молодую ко сну, родственницы жениха уводятъ ее въ спальную, раздѣваютъ до нага и осматриваютъ самымъ тщательнымъ образомъ даже въ ушахъ, въ волосахъ, между пальцами ногъ и т. д., нѣтъ ли гдѣ крови, булавки или спрятаннаго клочка ваты, напитанной какою-либо красною жидкостью. Если отыщется что нибудь подобное, брачное торжество нарушается и происходитъ большое смятеніе. Не найдя ничего, молодую одѣваютъ въ красивую новую рубашку изъ бѣлой бумажной ткани, укладываютъ ее въ постель и вводятъ скрытно молодаго, затѣмъ задергиваютъ пологъ. Между тѣмъ большинство гостей переходитъ въ ту же комнату вмѣстѣ съ музыкантами, мущины танцуютъ со стаканами въ рукахъ, женщины пляшутъ и хлопаютъ въ ладоши, пока бракъ не совершится вполнѣ. Если новобрачная подаетъ при этомъ какой нибудь знакъ удовольствія, тотчасъ же все собраніе прыгаетъ, хлопаетъ въ ладоши и отвѣчаетъ радостными криками. Родственники жениха все время стоятъ на стражѣ вокругъ кровати, прислушиваются къ тому, что происходитъ и ожидаетъ финала, чтобы открыть занавѣсъ. Тогда они приносятъ молодой чистую рубаху и, найдя на той, которую снимаютъ, признаки дѣвства, оглашаютъ весь домъ криками радости и удовлетворенія, которе выражаетъ вся родня. Затѣмъ, одѣвши новобрачную, ей покрываютъ голову по обычаю замужнихъ женщинъ, въ число которыхъ она принята отнынѣ; такой головной уборъ дозволяется только замужнимъ женщинамъ, между

тѣмъ какъ дѣвушки не носятъ иного убора кромѣ собственныхъ волосъ, считая позоромъ для себя покрывать голову.

На слѣдующій день происходитъ другое представленіе не менѣе забавное, которое должно казаться невѣроятнымъ для тѣхъ, кто не видѣлъ его: продѣваютъ палку въ рукава сорочки, выворачиваютъ ее на изнанку и торжественно обносятъ по улицамъ города подобно знамени, носящему почетные знаки сраженія, для того чтобы всѣ жители были свидѣтелями дѣвства новобрачной и мужества ея супруга; за нимъ слѣдуютъ всѣ свадебные гости съ музыкантами, поютъ и танцуютъ еще съ большимъ увлеченіемъ чѣмъ наканунѣ, молодые люди ведутъ каждый за руку одну изъ дружекъ и процессія обходитъ цѣлый городъ; на шумъ сбѣгается все населеніе и сопровождаетъ ихъ до жилища новобрачнаго.

Но если бы не оказалось почтныхъ знаковъ, каждый бросаетъ на землю свой стаканъ, женщины прекращаютъ пѣніе, праздникъ разстроенъ и родители новобрачной предаются стыду и посмѣянію; свадебное торжество прекращается и гости производятъ всевозможныя опустошенія въ домѣ, бьютъ горшки, въ которыхъ варилось мясо, отбиваютъ вѣнчики глиняныхъ чарокъ, изъ которыхъ пили, надѣваютъ лошадиный хомутъ на шею матери новобрачной, усаживаютъ ее на почетномъ мѣстѣ и поютъ различныя грязныя и скандальныя пѣсни; заставляютъ ее пить изъ разбитыхъ кружекъ, всячески укоряютъ за то, что она не достаточно заботилась о сохраненіи чести дочери; наконецъ, истощивши запасъ самой постыдной брани, на какую были способны, всѣ расходятся по домамъ, пристыженные столь прискорбнымъ событіемъ, въ особенности родственники новобрачной, которые нѣкоторое время скрываются въ своихъ домахъ, не смѣя отъ стыда выйти на улицу. Что касается новобрачнаго, ему предоставляется на выборъ, удержать жену или нѣтъ, но въ случаѣ, если бы онъ рѣшился на первое, онъ долженъ быть готовъ переносить всѣ насмѣшки и оскорбленія, какимъ можетъ подвергнуться по этому поводу.

Я долженъ прибавить еще пару словъ относительно нравовъ здѣшнихъ женщинъ; нужно отдать имъ справедливость, что онѣ

очень цѣломудренны въ трезвомъ состояніи; но свобода, съ какою онѣ пьютъ водку и медъ, безъ сомнѣнія сдѣлала-бы ихъ болѣе доступными, если бы не страхъ подвергнуться публичному осмѣянію и позору, покрывающему дѣвушку, которая захотѣла бы выйти замужъ, не сохранивши всѣхъ признаковъ дѣвства, какъ это было указано выше.

Чтобы окончить наше повѣствованіе, скажемъ еще нѣсколько словъ о церемоніяхъ, сопровождающихъ праздникъ Пасхи. Въ Великую Субботу всѣ отправляются во храмъ, (который они называютъ *церква*), чтобы присутствовать при церемоніи положенія въ гробъ изображенія Спасителя, откуда вынимаютъ его съ большою торжественностью. По окончаніи этого обряда всѣ какъ мущины, такъ и женщины, дѣвушки и молодые люди подходятъ къ епископу (котораго называютъ *владыка*), становятся передъ нимъ на колѣна и подаютъ красное или желтое яйцо со словами „Христосъ воскресъ"; епископъ отвѣчаетъ „воистину воскресъ", подымаетъ и цѣлуетъ каждаго, равно какъ женщинъ и дѣвушекъ и такимъ образомъ въ теченіи двухъ часовъ собираетъ болѣе пяти или шести тысячъ яицъ и сверхъ того имѣетъ удовольствіе цѣловать самыхъ красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ, какія будутъ въ церкви; правда, для него было бы нѣсколько неудобно и непріятно цѣловать старухъ, но онъ, замѣтивъ лицо, которое ему не нравится, даетъ лишь цѣловать свою руку. То же самое продѣлываетъ все духовенство, начиная съ кіевскаго митрополита, главы всѣхъ епископовъ, который называется Могила [1]) и оканчивая самыми простыми священниками, которыхъ они называютъ *„господинъ"*.

Въ теченіи восьми дней нельзя выходить на улицу иначе, какъ съ большимъ запасомъ крашеныхъ яицъ, которыми принято обмѣни-

---

[1]) Бопланъ, помѣщая легкомысленно эти замѣчанія, очевидно не зналъ религіознаго значенія христосованія, т. е. поцѣлуевъ въ день св. Пасхи и не могъ воздержаться отъ крайне неумѣстной шутки, назначенной для потѣхи своихъ читателей. Эта шутка становится совершенно непристойною въ примѣненіи къ лицу столь просвѣщенному и серьезному какъ Петръ Могила, вся жизнь котораго протекла въ неусыпныхъ заботахъ о благѣ церкви.

ваться со всѣми встрѣчными знакомыми, повторяя тѣ же ритуальныя слова, съ какими обращаются къ владыкѣ или господину; пріятель или пріятельница отвѣчаютъ точно также, затѣмъ обнимаются и цѣлуются, послѣ чего тотъ, кого привѣтствуютъ, даетъ взамѣнъ другое яйцо и начинаетъ ту же церемонію.

Въ пасхальный понедѣльникъ продѣлывается слѣдующая шалость: рано по утру молодые люди ходятъ по улицамъ кучками въ нѣсколько человѣкъ, ловятъ всѣхъ встрѣчныхъ дѣвушекъ, приводятъ ихъ къ колодцу и выливаютъ на голову каждой по пяти—шести ведеръ воды, пока она совсѣмъ не измокнетъ; эта игра дозволяется только до полудня.

Дѣвушки отплачиваютъ за это въ слѣдующій вторникъ, но съ большею хитростью: въ одинъ домъ собираются по нѣсколько дѣвушекъ, каждая держитъ на готовѣ кувшинъ съ водою; затѣмъ ставятъ на сторожѣ маленькую дѣвочку, которая предупреждаетъ ихъ условнымъ крикомъ, когда проходитъ парубокъ, тогда всѣ дѣвушки выбѣгаютъ на улицу, съ криками схватываютъ его, на крикъ ихъ сбѣгаются сосѣднія дѣвушки въ помощь первымъ и, пока двѣ или три болѣе сильныя держатъ его, прочія выливаютъ ему за шею свои кувшины и не отпускаютъ, не промочивъ насквозь. Вотъ обычное препровожденіе времени молодежи въ праздникъ Пасхи, но мущины проводятъ иначе пасхальный понедѣльникъ: по утру они толпою отправляются въ замокъ, гдѣ владѣлецъ ожидаетъ ихъ по обычаю, низко кланяются ему, послѣ чего каждый подходитъ и подноситъ ему курицу или другую птицу; въ благодарность господинъ угощаетъ своихъ подданныхъ водкою, для чего выкачиваютъ на середину двора бочку и отбиваютъ дно. Крестьяне приближаются и становятся въ кругъ, господинъ подходитъ съ большою разливною ложкою, наполняетъ ее водкою и пьетъ къ старѣйшему изъ нихъ, послѣ чего передаетъ ему ложку; тотъ выпиваетъ и въ свою очередь передаетъ другому, третьему и т. д., пока снова очередь не придетъ къ первому и пока не опорожнится бочка; если это случится раньше наступленія вечера, (что бываетъ довольно часто) владѣлецъ долженъ поставить другую бочку на мѣсто порожней, ибо онъ обязанъ уго-

щать крестьянъ такимъ порядкомъ до захода солнца, если они могутъ устоять на ногахъ. Послѣ захода солнца дается сигналъ къ оступленію; тѣ, которые держатся еще на ногахъ, расходятся по домамъ, другіе ложатся и засыпаютъ на улицѣ, гдѣ и остаются до пробужденія, если не сжалятся надъ ними ихъ жены и дѣти и не доставятъ домой на носилкахъ; тѣ же, которые слишкомъ переполнятъ желудокъ, остаются тутъ же на дворѣ замка, пока не проспятся. Отвратительно видѣть до такой степени пьяными этихъ несчастныхъ, которые не съѣли куска хлѣба за цѣлый день и валяются въ грязи какъ свиньи; я видѣлъ, какъ одного изъ нихъ везли мертвымъ въ телѣгѣ, а тогда было не болѣе двухъ часовъ по полудни. Вотъ странные обычаи, доводящіе людей до гибели такимъ жалкимъ образомъ; не лучше и пословица, которую они постоянно повторяютъ: „лучше ничего не пить кромѣ воды, если не напиваться".

Обыкновенно крестьяне не спятъ послѣ обѣда, но въ пьяномъ видѣ засыпаютъ такимъ глубокимъ сномъ, что на утро ничего не помнятъ о предыдущемъ днѣ; водка до того отымаетъ сознаніе, что они едва сохраняютъ подобіе человѣка. Такимъ свойствомъ пользуются въ тѣхъ случаяхъ, если кто намѣренъ получить что нибудь въ подарокъ; онъ угощаетъ собесѣдника, дѣлая видъ, будто также пьетъ, а видя его навеселѣ, проситъ, чего хочетъ, (ибо въ такомъ состояніи они отличаются особенною щедростью) и тотчасъ получивъ просимое, немедленно уноситъ изъ дому. На утро ничего не помнящій хозяинъ чрезвычайно удивленъ, не находя подареннаго наканунѣ предмета, становится печальнымъ, сожалѣя о своей расточительности, затѣмъ утѣшается надеждою точно также обойти кого нибудь и вознаградить свою потерю.

Разъ заговоривши о русскихъ или козакахъ, скажемъ все, что намъ извѣстно о ихъ способѣ дѣйствія въ различныхъ житейскихъ случаяхъ и обстоятельствахъ. Я видѣлъ, какъ козаки, больные лихорадкою, употребляли вмѣсто лекарства половину заряда пушечнаго пороха, распущеннаго въ полумѣркѣ водки, выпивали его, размѣшавши хорошенько, затѣмъ ложились спать и просыпались совершенно здоровыми. У меня былъ кучеръ, который не разъ дѣлалъ это и всегда

излѣчивался этимъ средствомъ, котораго и не подозрѣваютъ ни лекаря, ни аптекари. Я видѣлъ также, какъ иные растворяли въ водкѣ золу и выпивали съ такими же послѣдствіями; видѣлъ также, какъ раненные стрѣлою, вдали отъ хирургической помощи, прикладывали къ ранѣ щепотку земли, замѣшенной въ ладони съ ихъ собственною слюною и залечивали рану какъ бы самою лучшею мазью; это доказываетъ, что необходимость также изобрѣтательна здѣсь, какъ и во всякой другой странѣ. Вспомню при этомъ, какъ однажды на берегу рѣки Самары я видѣлъ козака, который варилъ рыбу въ деревянномъ ведерцѣ, какое поляки и козаки привязываютъ къ сѣдлу, чтобы поить лошадей; для этого онъ клалъ въ сосудъ раскаленные въ огнѣ камни до тѣхъ поръ, пока вода не закипѣла и рыба не сварилась—выдумка, которая на первый взглядъ можетъ показаться грубою, но тѣмъ не менѣе не лишена остроумія.

Помнится, я уже говорилъ раньше объ одной болѣзни, которой они подвержены, называемой здѣсь гостецъ, французамъ она извѣстна подъ именемъ колтуна; думаю, что будетъ умѣстно сказать о ней нѣсколько словъ.

Лица, одержимыя этою болѣзнью, въ теченіи года остаются калѣками, теряя употребленіе всѣхъ членовъ подобно паралитикамъ, но съ такими сильными болями во всѣхъ членахъ, что они не перестаютъ кричать. По прошествіи года ночью голова больнаго покрывается такою сильною испариною, что на утро всѣ волосы слипаются въ одинъ широкій пластъ на подобіе трескового хвоста, послѣ чего больной чувствуетъ значительное облегченіе, а черезъ нѣсколько дней совсѣмъ выздоравливаетъ и чувствуетъ себя лучше, чѣмъ когда бы то ни было съ однимъ только неудобствомъ, что нельзя расчесать волосъ и они безобразны на видъ; если же ихъ остричь, то выдѣляющаяся сквозь волосныя поры жидкость по истеченіи двухъ дней бросается на глаза и больной слѣпнетъ. Болѣзнь эта считается здѣсь неизлѣчимою, но мнѣ удалось счастливо вылѣчить нѣсколькихъ больныхъ тѣмъ же средствомъ, какое примѣняется во Франціи къ больнымъ оспою; иногда больной проводитъ нѣкоторое время въ чужихъ странахъ и перемѣна воздуха служитъ луч-

нимъ средствомъ, излѣчивая незамѣтнымъ образомъ. Болѣзнь эта не передается, если пить изъ одного сосуда съ больнымъ, но если мущина спитъ съ больною женщиною, тогда она переходитъ отъ жены къ мужу и на оборотъ. Медики различаютъ гостецъ мужескій и женскій; говорятъ также, что старыя бабы (какъ здѣсь называютъ старухъ), травятъ людей и насылаютъ эту болѣзнь, давая имъ съѣсть извѣстный пирожокъ, другія же посредствомъ запаха горячей воды, которой пары бросаются на мозгъ и вдохнувшій ихъ вскорѣ заболѣваетъ. Случается, что дѣти родятся со слипшимися волосами, но это хорошій признакъ, ибо по мѣрѣ того какъ они растутъ, волосы выходятъ и дѣти теряютъ способность заразиться этою болѣзнью впослѣдствіи.

Особенности фауны на Украинѣ.

Отмѣчу еще одну особенность этой страны, а именно невѣроятное количество мухъ вдоль всего теченія Днѣпра. Съ утра можно видѣть обыкновенныхъ и безвредныхъ мухъ, въ полдень крупныхъ въ дюймъ величиною, которыя сильно мучатъ лошадей, до крови прокусывая имъ кожу, но еще хуже вечеромъ на берегу рѣки; тогда появляется такое множество комаровъ и мошекъ, что невозможно спать безъ полога; такъ называютъ козаки родъ палатки, подъ которою они спятъ для защиты отъ этихъ насѣкомыхъ, безъ чего каждый всталъ бы по утру съ совершенно вспухшимъ лицомъ. Я испыталъ это однажды и могу говорить по опыту; лице мое не ранѣе трехъ дней приняло свой первоначальный видъ, вѣки такъ вспухли, что я почти ничего не видѣлъ, не могъ открыть глазъ, вообще страшно было смотрѣть на меня. Но козаки, какъ я сказалъ, имѣютъ пологъ, который дѣлается такимъ образомъ: срѣзываютъ изъ дикаго орѣшника 15 вилообразныхъ жердочекъ въ палецъ толщиною и около двухъ съ половиною футовъ длиною, которыя втыкаютъ въ землю въ видѣ четырехугольника на разстояніи двухъ футовъ одна отъ другой въ направленіи длины полога и одного фута въ направленіе его ширины. Вверху кладутъ вдоль и вноперегъ по пяти такихъ же перекладинъ, которыя укрѣпляются на вилочкахъ и при-

вязываютъ шнуркомъ; затѣмъ сверху набрасывается покрывало изъ бумажной ткани, нарочно для того приготовленное и сшитое по мѣркѣ такъ, что покрываетъ не только потолокъ, но и стѣны, при чемъ остается еще болѣе фута внизу на землѣ; этотъ край подворачивается подъ матрацъ или постель, чтобы не пропустить мошекъ. Подъ такимъ пологомъ свободно могутъ помѣститься два человѣка, но такъ спятъ только старшіе офицеры, ибо не каждому позволяютъ средства завести себѣ такую палатку. Видя приближеніе дождя, пологъ покрываютъ сверху турецкимъ ковромъ, сдѣланнымъ изъ скрученныхъ нитокъ и непроницаемымъ для дождя: коверъ этотъ привѣшиваютъ на жерди, укрѣпленной выше полога и спускаютъ его на обѣ стороны въ два ската [1]. — Однимъ словомъ, насѣкомыя до такой степени преслѣдуютъ въ этихъ странахъ, что приходится непрерывно поддерживать огонь и отгонять ихъ дымомъ.

Отъ мухъ перейдемъ къ саранчѣ, которая до того изобилуетъ въ этихъ странахъ, что напомнила мнѣ кару, постигшую Египетъ въ наказаніе фараону. Мнѣ пришлось наблюдать здѣсь это бѣдствіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, въ особенности въ 1645 и 1646 годахъ. Насѣкомыя эти прилетаютъ не легіонами, но огромными тучами въ пять или шесть миль длиною и двѣ или три мили шириною. Обыкновенно приходятъ они со стороны татарскихъ степей во время сухой весны, такъ какъ Татарія и лежащія дальше къ востоку область черкесовъ, Абхазія и Мингрелія рѣдкій годъ избавлены отъ нихъ; восточный и юго-восточный вѣтеръ гонитъ этихъ насѣкомыхъ изъ названныхъ странъ, которыя они въ конецъ опустошаютъ. Саранча поѣдаетъ весь хлѣбъ и траву на корнѣ и гдѣ пройдетъ или остановится, истребляетъ все безъ остатка менѣе чѣмъ въ два часа, отчего и происходитъ потомъ дороговизна жизненныхъ припасовъ. Если саранча остается въ краѣ въ осеннее время до октября мѣсяца — время, когда она умираетъ, положивши каждая не менѣе 300 яицъ, то слѣдующею весною, при условіи сухой погоды, какъ я уже сказалъ, вылупливается молодая саранча и бѣдствіе пости-

[1]) Для объясненія устройства полога у Боплана приложены чертежи, которые мы сочли излишнимъ воспроизводить.

гаетъ край въ 300 разъ сильнѣе; если же во время вылупливанія стоитъ дождливая погода, то молодая саранча гибнетъ и страна гарантирована отъ нея на этотъ годъ, если только не придетъ откуда нибудь новая туча. Невозможно представить себѣ невѣроятнаго количества саранчи: во время полета воздухъ совершенно переполненъ ею и всего лучше можно уподобить ее движеніе пасмурной погодѣ, когда снѣгъ падаетъ густыми мелкими хлопьями, которые носятся по вѣтру въ разныя стороны; когда насѣкомыя эти опускаются на землю для корма, всѣ поля покрываются ими и слышенъ только нѣкоторый гулъ, который они производятъ во время ѣды; въ продолженіи одного или двухъ часовъ они пожираютъ все до самого корня, послѣ чего подымаются и летятъ, куда погонитъ ихъ вѣтеръ, затемняя собою солнечный свѣтъ въ самый яркій день, словно небо покрыто густыми тучами. Въ іюнѣ 1646 года я провелъ двѣ недѣли въ одномъ новомъ городѣ, называемомъ Новгородъ, гдѣ строилъ цитадель; я былъ пораженъ огромными массами саранчи, представлявшей невѣроятное зрѣлище, такъ какъ она вывелась въ окрестностяхъ весною и, еще не въ состояніи будучи хорошо летать, не только покрывала всю землю, но до такой степени переполняла воздухъ, что я не могъ ѣсть въ своей комнатѣ, не зажегши свѣчи. Саранча переполняла всѣ дома, комнаты, чердаки, конюшни, хлѣвы, даже погреба; всюду проникали эти насѣкомыя. Я пробовалъ жечь порохъ и сѣру, чтобы отогнать ихъ, но все это ни къ чему не вело; едва отворяли дверь, какъ тотчасъ появлялось безчисленное множество насѣкомыхъ; одни влетали, другія вылетали и кружились во всѣ стороны. Особенно непріятно было поминутно натыкаться на нихъ, выходя на воздухъ; разлетѣвшись, они попадали въ лицо, въ глаза, носъ, щеки, нельзя было раскрыть рта безъ того, чтобы не влетѣло нѣсколько штукъ за разъ; но этого мало, невозможно было ничего ѣсть, до такой степени животныя эти не давали покоя; такъ напримѣръ, желая разрѣзать кусокъ мяса на тарелкѣ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣзывали и саранчу, а раскрывши ротъ, чтобы проглотить кусокъ, нужно было тотчасъ же выплевывать влетѣвшее насѣкомое. Наконецъ самые изобрѣтательные люди становились втупикъ

передъ этими безчисленными массами, не поддающимися никакому описанію и которыхъ невозможно себѣ представить, не видѣвши самому, какъ довелось мнѣ. Опустошивъ всю страну въ теченіе двухъ недѣль, саранча за это время достаточно выросла и окрѣпла, чтобы летѣть дальше; тогда ее подхватило вѣтромъ и унесло въ другія страны, гдѣ она продолжала производить опустошенія. Я видѣлъ, какъ по вечерамъ она опускается на землю для ночлега; тогда она покрываетъ всѣ дороги слоемъ болѣе четырехъ дюймовъ въ толщину, сидя одна на другой; съ большимъ трудомъ, сильными ударами кнута удается заставить лошадей двигаться по такой дорогѣ и то они идутъ со страхомъ, насторошивъ уши и храпятъ. Раздавленная нашими колесами и лошадиными копытами саранча издаетъ такой непріятный запахъ, что онъ дѣйствуетъ не только на обоняніе, но и на мозгъ; я не могъ перенести этого смрада, не сполоснувши предварительно носъ уксусомъ и не смочивши имъ своего платка, который не переставалъ нюхать. За то для свиней саранча составляетъ любимое лакомство; онѣ ѣдятъ ее съ большимъ удовольствіемъ, сильно жирѣютъ, но никто не ѣстъ ихъ въ это время такъ какъ всѣ брезгаютъ этою нечистью, причиняющею людямъ столько зла.—Вотъ какъ плодятся и размножаются эти животныя. Остановившись тамъ, гдѣ застигнетъ ихъ октябрь мѣсяцъ, каждое насѣкомое сверлитъ хвостомъ ямку въ землѣ, кладетъ туда до 300 яицъ, загребаетъ яму лапками, послѣ чего умираетъ, такъ какъ вѣкъ ихъ длится не болѣе шести съ половиною мѣсяцевъ. Ни самые сильные дожди, ни лютые морозы не причиняютъ ни малѣйшаго вреда этимъ яйцамъ, которыя сохраняются до весны. Около половины апрѣля, когда солнце пригрѣетъ землю, изъ нихъ вылупливаются молодыя и расходятся во всѣ стороны; въ теченіи шести недѣль насѣкомыя еще не могутъ летать, только скачутъ и потому еще не слишкомъ удаляются отъ мѣста рожденія; но за это время у нихъ ы ростаютъ крылья, сами они растутъ, крѣпнутъ, затѣмъ подымаются и улетаютъ, куда понесетъ вѣтромъ. Если при началѣ ихъ полета господствуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, онъ уноситъ саранчу въ Чорное море, гдѣ она погибаетъ; но если вѣтеръ съ другой стороны, то

онъ гонитъ ее въ глубь края, гдѣ она причиняетъ указанныя выше опустошенія. Если же во время вылупливанія саранчи случается дождливая погода и продержится въ теченіи восьми или десяти дней, всѣ яйца погибаютъ и даже лѣтомъ, если бываютъ постоянные дожди въ продолженіи такого же времени, саранча теряетъ возможность летать и вся издыхаетъ на землѣ; тогда жители избавлены отъ этого бѣдствія; но въ сухое лѣто (что бываетъ чаще) они страдаютъ до тѣхъ поръ, пока она не погибнетъ естественною смертью въ октябрѣ. Мнѣ случилось наблюдать это въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ здѣшнихъ странахъ. Саранча достигаетъ трехъ четырехъ дюймовъ въ длину, толщиною же она въ палецъ; на крыльяхъ ея, по словамъ лицъ, хорошо знающихъ языки, написано халдейскими буквами „*Божій гнѣвъ*", что значитъ по французски *бичъ божій*; впрочемъ я ссылаюсь въ этомъ отношеніи на тѣхъ, отъ кого слышалъ это и которые знаютъ этотъ языкъ.

Перейдемъ теперь къ тому, что встрѣтилось мнѣ наиболѣе замѣчательнаго по ту сторону Днѣпра, гдѣ протекаютъ двѣ рѣки, Сула и Супой, обѣ впадающія въ Днѣпръ. Въ степяхъ между этими рѣками водятся маленькіе звѣрьки, называемые байбаками на мѣстномъ языкѣ, которые видомъ своимъ и величиною приближаются къ африканскимъ кроликамъ; они имѣютъ всего четыре зуба, два вверху и два внизу и цвѣтомъ шерсти напоминаютъ ласочку. Живутъ они въ землѣ подобно кроликамъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ удаляются въ свои норы, откуда выходятъ только въ концѣ апрѣля и бѣгаютъ по полямъ, отыскивая пищу. Цѣлую зиму они живутъ въ землѣ, питаясь запасами, заготовленными въ теченіи лѣта; они больше спятъ, очень разсчетливы въ потребленіи своихъ запасовъ и обладаютъ извѣстнымъ инстинктомъ въ дѣлѣ ихъ заготовленія. Можно думать, что среди нихъ есть рабы, такъ какъ они заставляютъ болѣе лѣнивыхъ ложиться на спину, нагружаютъ имъ на животъ охапку сухой травы, которую байбакъ крѣпко придерживаетъ лапами или вѣрнѣе говоря руками, такъ какъ эти животныя иногда дѣйствуютъ ими почти также какъ обезьяны своими руками; затѣмъ, другіе тащатъ его за хвостъ до входа въ нору; такимъ образомъ

это животное сперва замѣняетъ имъ сани, а потомъ принуждено само сноситъ сѣно въ нору. Я много разъ былъ свидѣтелемъ этого, иногда проводилъ цѣлые дни, наблюдая ихъ съ любопытствомъ и даже разрывалъ норы, чтобы видѣть устройство жилищъ; я нашелъ множество норъ, раздѣленныхъ на подобіе маленькихъ комнатокъ: однѣ служатъ магазинами, другія кладбищами или гробницами, въ которыхъ байбаки хоронятъ своихъ мертвецовъ, иныя приспособлены для какого то спеціальнаго назначенія. Живутъ они отъ восьми до десяти семействъ вмѣстѣ, но каждое животное имѣетъ свою отдѣльную нору, гдѣ живетъ въ большомъ порядкѣ; вообще ихъ республика ни въ чемъ не уступаетъ общежитію пчелъ и муравьевъ, о которыхъ такъ много пишутъ. Прибавлю еще, что эти животныя гермафродиты и взятыя молодыми въ маѣ мѣсяцѣ легко приручаются. Они цѣнятся очень дешево на рынкѣ, не болѣе пяти или шести шеляговъ за штуку. Я выкормилъ нѣсколько штукъ; они очень красивы, доставляютъ въ домѣ столько же удовольствія, какъ обезьяна или бѣлка и кормятся такимъ же кормомъ.

Я забылъ сказать, что звѣрьки эти чрезвычайно хитры; они никогда не выходятъ изъ норы, не поставивъ впередъ стражи, которая располагается гдѣ нибудь на возвышеніи, чтобы предупреждать объ опасности въ то время, какъ прочіе пасутся. Замѣтивъ кого нибудь, сторожевой байбакъ становится на заднія лапы и свистомъ подаетъ сигналъ къ бѣгству; всѣ спасаются въ свои норы, причемъ сторожъ уходитъ послѣднимъ; тамъ сидятъ они, выжидая пока, по ихъ мнѣнію, люди не удалились и имъ можно выйти снова. Разстояніе между рѣками Сулою и Супоемъ не болѣе шести миль, отъ Днѣпра же до границы Московіи не болѣе пятнадцати или двадцати; все это пространство населено байбаками, которые живутъ какъ было сказано и нигдѣ больше не встрѣчаются. Здѣсь невозможна быстрая ѣзда, такъ какъ вся почва изрыта норами; лошади падаютъ, встрѣчая ихъ подъ копытомъ и рискуютъ поломать ноги; мнѣ это случалось нѣсколько разъ. Крестьяне охотятся на байбаковъ въ маѣ и іюнѣ особымъ образомъ: они выливаютъ пять или шесть ведеръ воды въ нору, отчего животныя принуждены выйти и попадаютъ

въ разставленный у входа мѣшокъ или сѣтку. Прирученные даже съ самаго ранего возраста, они все же не могутъ отрѣшиться отъ своей природы и въ октябрѣ мѣсяцѣ, если не держать ихъ на привязи, они въ самомъ домѣ роютъ нору, куда забиваются на зимнюю спячку и гдѣ, если ихъ не тревожить, могутъ проспать цѣлыхъ полгода подобно суркамъ и сусликамъ. Мои воспитанники исчезали иногда по двѣ недѣли и больше; послѣ продолжительныхъ поисковъ открывалась нора, которую я приказывалъ обыскать и тамъ мы находили ихъ совсѣмъ одичавшими.

Въ той же мѣстности водится особый родъ перепелки съ синими ногами, мясо которой смертельно для тѣхъ, кто его отвѣдаетъ.

Я встрѣчалъ также въ приднѣпровскихъ степяхъ близь пороговъ особый видъ животнаго ростомъ въ козу, но съ очень тонкою короткою шерстью, гладкою почти какъ атласъ, когда животное облиняетъ, впослѣдствіи же она грубѣетъ; цвѣтъ шерсти каштановый, свѣтлѣе нежели у козы, рога бѣлые и весьма блестящіе, ноги и копыта тонкія; животное это называется по русски сайгакъ; оно не имѣетъ носовыхъ костей, вслѣдствіе чего пасется, постоянно отступая назадъ и не можетъ пастись иначе. Мнѣ приходилось ѣсть его мясо, оно также хорошо, какъ мясо дикой козы, а рога, которые я сохраняю въ видѣ рѣдкости, отличаются бѣлизною, гладкостью и блескомъ.

Въ этой странѣ водятся олени и дикія козы, которые ходятъ стадами, дикіе кабаны огромнаго роста и дикія лошади, живущія табунами въ 50—60 головъ, которыя очень часто производили среди насъ тревогу, такъ какъ издали мы легко принимали ихъ за татаръ. Лошади эти неспособны къ труду, даже прирученныя молодыми, онѣ годны только въ пищу; мясо ихъ очень мягко, нѣжнѣе телячьяго, но на мой вкусъ оно не такъ хорошо, ибо слишкомъ прѣсно; здѣшніе жители, которые ѣдятъ перецъ, такъ какъ мы горохъ, поправляютъ его вкусъ пряностями. Такъ какъ старыя лошади не поддаются прирученію, то онѣ годятся лишь для бойни, гдѣ мясо ихъ продается наравнѣ съ воловьимъ и бараньимъ. Сверхъ того ноги дикихъ лошадей испорчены отъ природы, ибо копыта ихъ, ни-

кѣмъ не подчищаемые, разростаются и сжимаютъ ихъ ноги, вслѣдствіе чего животныя лишены способности быстро бѣгать. Этимъ обстоятельствомъ ясно подтверждается, что оно самимъ Богомъ предназначено въ услуженіе человѣку, безъ помощи котораго становится совсѣмъ безсильнымъ и неспособнымъ къ бѣгу.

По берегамъ здѣшнихъ рѣкъ водятся птицы съ очень толстою шеею, или вѣрнѣе мѣшкомъ, въ которомъ, словно въ садкѣ, сохраняютъ живую рыбу, чтобы кормиться ею въ случаѣ необходимости [1]); той же самой породы птицъ я встрѣчалъ также въ Индіи. Другая птица, заслуживающая вниманія, это журавль, который водится здѣсь въ очень большомъ количествѣ. На окраинахъ, близь московской границы, водятся буйволы, бѣлые зайцы и дикія кошки. Близь границъ Молдавіи встрѣчаются бараны съ очень длинною шерстью; хвостъ ихъ короче обыкновеннаго, но гораздо шире и имѣетъ видъ трехугольника; встрѣчаются бараны, которыхъ хвостъ вѣситъ болѣе десяти фунтовъ; обыкновенно онъ достигаетъ болѣе десяти дюймовъ въ основаніи, нѣсколько больше въ длину, съуживается къ концу и наполненъ прекраснымъ жиромъ. Мѣстные дворяне держатъ также собакъ и лошадей „тарантовыхъ" т. е. испещренныхъ какъ леопарды, очень красивыхъ на видъ, которыхъ запрягаютъ въ кареты, отправляясь ко двору.

Главный недостатокъ въ Украинѣ состоитъ въ отсутствіи соли, которая доставляется изъ Покутья, [2]) страны, принадлежащей полякамъ и лежащей у границъ Трансильваніи, отстоящей отсюда въ разстояніи 80 до 100 миль, какъ это видно на картѣ. Всѣ колодцы этой страны наполнены соленою водою, изъ которой вывариваютъ соль, также какъ у насъ и приготовляютъ ее столбиками въ дюймъ толщиною и два дюйма длиною; 300 столбиковъ продаютъ за одинъ

---

[1]) Пеликаны, извѣстные въ народѣ подъ названіемъ „бабы". Послѣдніе, весьма впрочемъ рѣдкіе экземпляры встрѣчаются понынѣ въ низовьяхъ Днѣпра.

[2]) Покутьемъ называлась область, составлявшая юго-западный уголъ Червоной Руси, между Днѣстромъ, Молдавскою границею и Карпатами, по преимуществу въ бассейнѣ верхняго Прута; къ Покутью можно отнести нынѣшніе повѣты Галиціи Снятинскій, Коломыйскій, Коссовскій и Надворнянскій.

шелягъ. Соль эта очень пріятна на вкусъ, но слабѣе нашей; здѣсь добывается еще другой видъ соли изъ ольховой и дубовой золы, называемой коломыйскою солью, которую очень пріятно ѣсть съ хлѣбомъ. Въ окрестности Кракова находятся копи горной соли, чистой какъ хрусталь, въ мѣстности, называемой Величка; въ странѣ замѣчается также недостатокъ въ хорошей водѣ и я думаю, что это одна изъ причинъ, порождающихъ гостецъ болѣзнь, о которой мы говорили выше.

О климатѣ Украины

Хотя страна эта находится на одной широтѣ съ Нормандіею, тѣмъ не менѣе холода здѣсь гораздо рѣзче и морозы сильнѣе чѣмъ у насъ, какъ сейчасъ увидимъ. Изъ числа особенностей этой страны можно отмѣтить чрезвычайно холодныя зимы, повторяющіяся періодически черезъ нѣсколько лѣтъ: тогда наступаютъ такіе рѣзкіе, жестокіе морозы, что становятся совсѣмъ невыносимыми не только для людей, въ особенности для тѣхъ, которые служатъ въ войскѣ, но даже и для лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Тогда самая жизнь ихъ подвергается опасности и люди, поплатившіеся потерею нѣсколькихъ членовъ, могутъ считать, что дешево отдѣлались, лишившись пальцевъ рукъ и ногъ, носа, щекъ, ушей; естественная теплота парализуется въ нѣсколько мгновеній и члены тѣла погибаютъ отъ гангрены. Организмы болѣе крѣпкіе, хотя и не сразу лишаются своихъ оконечностей, но не обезпечены естественною теплотою отъ ранъ, мучительныхъ и подобныхъ тѣмъ, какія бываютъ при обжогахъ или инфекціонной болѣзни. Мнѣ случалось наблюдать, какъ въ этой странѣ сильные морозы истребляютъ и разрушаютъ все живое не хуже огня. Въ началѣ язва едва замѣтна, не больше горошины и почти безполезна, но въ теченіи нѣсколькихъ д ей, иногда нѣсколькихъ часовъ она расширяется и распространяется такъ сильно, что захватываетъ цѣлый органъ. Такимъ то образомъ двѣ знакомыя мнѣ особы въ теченіе самаго непродолжительнаго времени лишились отъ мороза самыхъ чувствительныхъ органовъ. Въ большинствѣ случаевъ морозъ поражаетъ людей такъ быстро и съ такою

силою, что невозможно избѣжать его дѣйствія, въ особенности если не принять предосторожностей какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Смерть отъ него бываетъ двоякая; одна быстрая почти мгновенная, которая однако можетъ быть названа спокойною, такъ какъ страданія непродолжительны и человѣкъ умираетъ во снѣ. Отправляясь въ дорогу верхомъ, въ повозкѣ или въ каретѣ, если не соблюдены необходимыя предосторожности, если путникъ недостаточно тепло одѣтъ или же просто не въ силахъ вынести такого рѣзкаго мороза, холодъ охватываетъ сперва оконечности рукъ и ногъ, затѣмъ распространяется дальше, приводя человѣка почти въ безчувственное полусонное состояніе, подобное летаргіи; имъ овладѣваетъ непреодолимая сонливость, которую если не прервутъ немедленно, то человѣкъ повидимому засыпаетъ, но сномъ уже непробуднымъ; если же самъ онъ и его окружающіе успѣваютъ преодолѣть этотъ сонъ, то человѣкъ спасенъ отъ смерти. Самъ я нѣсколько разъ находился въ такой опасности, но всегда избавлялся отъ нея, благодаря тому, что мои слуги, болѣе крѣпкаго сложенія и болѣе привычные къ рѣзкости климата, всегда будили меня и не давали спать. Другой видъ смерти отъ холода, хотя болѣе продолжительный, но до того ужасный, мучительный и невыносимый, что приводитъ больного въ состояніе близкое къ бѣшенству. Вотъ что случается съ самыми крѣпкими людьми: холодъ охватываетъ тѣло въ крестцѣ, вокругъ поясницы и у кавалеристовъ ниже кирасы, сжимаетъ эти части съ такою силою, что совершенно замораживаетъ животъ, въ особенности желудокъ и кишечникъ, которые вслѣдствіи этого не въ состояніи ничего переваривать. Не смотря на постоянный голодъ, желудокъ не переноситъ самой легкой и удобоваримой пищи, какую только можно доставить, какъ напримѣръ бульонъ и тотчасъ же выбрасываетъ ее съ такими сильными нестерпимыми болями и схватками, подобныхъ которымъ нельзя и вообразить. Стоны больного прерываются лишь частыми, сильными криками, словно всѣ внутренности его разрываются. Предоставляю ученымъ медикамъ изслѣдовать причины столь ужасныхъ страданій, такъ какъ это не входитъ въ

предметъ моихъ повѣствованій; приведу только то, что мнѣ удалось узнать, благодаря любознательности мѣстныхъ врачей, которые, желая опредѣлить причину такой мучительной болѣзни, произвели нѣсколько вскрытій, обнаружившихъ, что большая часть кишечника почернѣла словно отъ огня, при чемъ кишки какъ бы склеены между собою. Это убѣдило ихъ, что болѣзнь эта не излечима и что по мѣрѣ того, какъ внутренности поражаются гангреною, страданія больного усиливаются, заставляя его кричать день и ночь безпрерывно, пока не наступитъ смерть страшная, продолжительная и неизбѣжная.

Такіе жестокіе морозы пришлось намъ испытать въ 1646 году, когда польская армія вошла въ предѣлы Московіи съ цѣлью отрѣзать обратный путь татарамъ, вторгнувшимся туда, и отбить изъ рукъ ихъ плѣнниковъ, которыхъ они могли увести. Чрезвычайно жгучіе и постоянные морозы принудили насъ снять лагерь съ того мѣста, гдѣ мы расположились первоначально; мы потеряли болѣе 2000 человѣкъ; изъ нихъ большинство погибло такою мучительною смертью, какъ было сказано выше, прочіе остались калѣками; холодъ убиваетъ не только людей, но также и лошадей, сравнительно гораздо болѣе крѣпкихъ и выносливыхъ. Въ продолженіи кампаніи болѣе 1000 штукъ отморозили ноги и лишились возможности ходить, въ томъ числѣ шесть лошадей изъ кухоннаго обоза польнаго гетмана Потоцкаго (въ настоящее время великаго гетмана и краковскаго кастеляна). Холода эти наступили въ то время, когда мы стояли близь рѣки Мерла [1]), впадающей въ Днѣпръ. Противъ этой опасности можно принимать лишь предохранительныя мѣры: нужно хорошо закутаться и запастись всевозможными согрѣвательными средствами, которыя могли-бы противудѣйствовать столь сильному мо-

[1]) Рѣка Мерло, лѣвый притокъ Ворсклы, протекаетъ въ нынѣшнемъ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. О бѣдствіи, постигшемъ отъ мороза польскую армію на берегахъ Мерла въ концѣ января 1646 г., мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ дневникѣ Освѣцима (Кіевская Старина 1882 г. кн. I, стр. 149—150), а также въ лѣтописи Величка (т. IV стр. 295).

розу. Я помѣщался въ повозкѣ или въ экипажѣ и всегда, чтобы согрѣвать ноги, клалъ на нихъ собаку и покрывалъ ихъ теплымъ шерстянымъ одѣяломъ или волчьимъ мѣхомъ, лицо умывалъ крѣпкимъ спиртомъ, равно какъ руки и ноги, надѣвалъ чулки, пропитанные тѣмъ же спиртомъ, которые оставлялъ высыхать на ногахъ. Благодаря этому, мнѣ, съ Божьею помощью, удалось избѣжать опасности, о которой я говорилъ и которой болѣе подвержены тѣ, кто не употребляетъ горячей пищи, какую ѣдятъ здѣсь обыкновенно по три раза въ день: она состоитъ изъ горячаго пива, къ которому примѣшивается немного масла, перцу и искрошеннаго хлѣба; она замѣняетъ супъ и гарантируетъ внутренности отъ дѣйствія холода.

Объ избраніи польскихъ королей.

Когда умеръ король Сигизмундъ III. архіепископъ гнѣзненскій занялъ его мѣсто и предсѣдательствовалъ на конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ имъ въ Варшавѣ. спустя двѣ или три недѣли послѣ смерти этого короля. Всѣ сенаторы не преминули явиться сюда для совѣщанія и рѣшенія вопроса о времени и мѣстѣ избранія новаго короля. Порѣшивши этотъ вопросъ, сенаторы возвратились по своимъ воеводствамъ, гдѣ каждый собралъ провинціальный сеймикъ, т. е. созвалъ все дворянство ввѣренной ему области на извѣстный срокъ и мѣсто. Всѣ дворяне съѣхались и сообща обсуждали избраніе новаго короля, при чемъ каждый старался высказать все, что могъ, въ пользу желательнаго ему кандидата; затѣмъ, послѣ всѣхъ споровъ и дебатовъ, собраніе пришло къ соглашенію относительно нѣсколькихъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ, а не кого иного, должны были поддерживать назначенные на элекціонный сеймъ депутаты, послѣ того какъ каждый изъ нихъ заявитъ полномочіе на право участвовать въ выборахъ и подавать голосъ въ пользу одного изъ пяти или шести кандидатовъ, указанныхъ сеймикомъ. Такимъ образомъ провинціальные сеймики происходили одновременно во всѣхъ воеводствахъ. Депутаты отъ воеводствъ или провинцій имѣютъ главное значеніе и власть; по количеству голосовъ на сеймѣ они сильнѣе воеводъ, говорятъ они не иначе, какъ отъ имени всего

дворянства, ибо раньше нежели идти въ засѣданіе сейма, они совѣщаются между собою, приходятъ къ соглашенію по всѣмъ вопросамъ, назначеннымъ къ обсужденію и затѣмъ не дѣлаютъ никакихъ уступокъ. Такимъ образомъ можно сказать, что одни только депутаты имѣютъ силу, такъ какъ ни одинъ пунктъ не можетъ быть утвержденъ, если не будетъ принятъ всѣми единогласно и, если бы хотя одинъ голосъ опротестовалъ и крикнулъ во всеуслышаніе „не вольно", все собраніе было бы упразднено. Депутаты пользуются этимъ правомъ не только при избраніи короля, но могутъ точно также сорвать всякій другой сеймъ и отмѣнить всѣ постановленія сенаторовъ. Въ основѣ конституціи лежатъ слѣдующіе пункты:

1) Никто изъ дворянъ не можетъ претендовать на корону и не можетъ самъ предлагать себя въ кандидаты [1]).

2) Лицо, избранное королемъ, должно принадлежать къ римско-католической апостольской церкви.

3) Можетъ быть избранъ въ короли только иностранный принцъ, не владѣющій никакою поземельною собственностью въ польскомъ государствѣ, но королевскіе сыновья, хотя и рожденные въ Польшѣ. все же считаются здѣсь иностранцами и потому не могутъ пріобрѣтать наслѣдственныхъ имѣній, какъ это дѣлаетъ мѣстное дворянство. Въ силу этого опи и могутъ быть избираемы въ короли, какъ напримѣръ король Владиславъ IV, который былъ старшимъ принцемъ за смертью его отца, короля Сигизмунда III; ему же наслѣдовалъ братъ его, Янъ Казимиръ, нынѣ царствующій, чѣмъ нисколько не нарушается избирательный принципъ въ порядкѣ престолонаслѣдія.

Вотъ порядокъ избранія короля, которое происходитъ обыкновенно въ открытомъ полѣ въ разстояніи полумили отъ Варшавы, столицы Мазовіи и обычной королевской резиденціи; городъ этотъ служитъ центромъ для всѣхъ провинцій, соединенныхъ съ польскою короною, а въ замкѣ его засѣдаютъ сеймы. Мѣсто выборовъ, распо-

---

[1]) Положеніе Боплана ошибочно; напротивъ того, каждый шляхтичъ имѣлъ право на избраніе въ короли и нѣсколько королей: Михаилъ Вишневецкій, Янъ Собескій и Станиславъ Понятовскій были избраны изъ шляхетскаго сословія.

ложено въ полумилѣ отъ города по данцигской дорогѣ; оно представляетъ небольшой паркъ отъ 1000, до 1200 шаговъ въ окружности, окопанный неглубокимъ рвомъ около пяти или шести футовъ шириною, назначеніе котораго преграждать доступъ лошадямъ. Посерединѣ разбиты два большіе шатра, въ одномъ происходитъ избраніе и засѣдаютъ сенаторы, въ другомъ депутаты отъ провинцій, которые сперва совѣщаются между собою и прежде, чѣмъ явиться въ засѣданіе сената, каждый показываетъ свои инструкціи и то, на что онъ можетъ изъявить согласіе. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ депутаты должны все обсудить и придти къ соглашенію относительно того, за что голосовать и противъ чего возражать, для этого собираются ежедневно въ теченіи шести—семи часовъ и высказываютъ всѣ возможные доводы для поддержанія своихъ требованій. Во время избранія покойнаго короля Владислава въ теченіи двухъ недѣль слишкомъ маленькій паркъ былъ окруженъ восьмидесятитысячною конницею, состоявшею изъ солдатъ различныхъ сенаторовъ, такъ какъ каждый сенаторъ привелъ съ собою болѣе или менѣе значительный вооруженный отрядъ. Такъ напримѣръ краковскій воевода явился въ сопровожденіи семитысячнаго отряда; другіе также имѣли хоругви сообразно со своими средствами, каждый прибылъ въ сопровожденіи своихъ друзей и подчиненныхъ въ возможно лучшемъ вооруженіи и порядкѣ, съ рѣшимостью вступить въ бой въ случаѣ несогласія. Замѣтимъ, что во все время выборовъ цѣлое дворянство страны находится въ выжидательномъ положеніи и готово вскочить на коней при малѣйшемъ отголоскѣ раздора, ссоры или неудовольствія и броситься на каждаго, кто вздумалъ бы посягнуть на его вольности. Наконецъ, послѣ многихъ дебатовъ и совѣщаній собраніе пришло къ соглашенію, остановилось на выборѣ въ короли одного изъ королевичей, каждый скрѣпилъ актъ избранія своею подписью, по крайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ сенаторовъ и депутатовъ, но огласили выборъ только на слѣдующій день. Послѣ того всѣ возвратились по своимъ квартирамъ и приказали своимъ отрядамъ выстроиться въ боевой порядокъ, согласно распоряженію великаго гетмана (такъ какъ въ то время всѣ повинуются большому знамени королевства)

и держаться на готовѣ, чтобы привѣтствовать новаго короля; войска провозгласили его, трижды прокричавъ его имя. Затѣмъ послѣдовали троекратные пушечные и ружейные залпы, сопровождавшіеся выраженіемъ радости всѣхъ присутствующихъ, послѣ чего весь сенатъ поднялся съ мѣста и главнѣйшіе сенаторы отправились къ старшему принцу, избранному нынѣ въ короли. Онъ находился въ то время въ сосѣдней деревнѣ въ полумилѣ разстоянія. Его привѣтствовали отъ имени цѣлаго государства и сенаторы произнесли рѣчь. въ которой объявили, что страна избрала его своимъ королемъ, умоляли принять избраніе и править съ благоразумною осмотрительностью и увѣряли, что онъ будетъ имѣть вѣрныхъ и покорныхъ подданныхъ. Послѣ того какъ король принялъ избраніе, сенаторы показали ему статуты и законы, (извѣстные ему еще раньше), которые онъ обѣщалъ сохранять ненарушимо. На слѣдующій день короля сопровождали во храмъ св. Іоанна въ Варшавѣ, гдѣ онъ предъ алтаремъ и предъ лицемъ цѣлаго собранія принесъ присягу сохранять ненарушимо предложенныя ему условія:

1) Никогда не пользоваться коронными имѣніями кромѣ тѣхъ, которыя назначены на его содержаніе.

2) Никогда не пріобрѣтать и не владѣть ни пядью земли на всемъ протяженіи государства.

3) Никому не выдавать патентовъ и полномочій на право вербовать солдатъ, если не будетъ на то постановленія сейма.

4) Не брать подъ стражу польскаго дворянина ни за какое преступленіе, по прошествіи 24 часовъ съ момента его совершенія, кромѣ оскорбленія величества или государственной измѣны.

5) Король не можетъ объявлять войны другой державѣ, или даже отправлять посольства по дѣламъ государственнымъ безъ согласія речипосполитой.

6) Сеймъ назначаетъ трехъ сенаторовъ, которые должны будутъ составлять совѣтъ короля, постоянно находиться при его особѣ и слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не задумалъ чего либо въ ущербъ дворянскому сословію; эти три сенатора отбываютъ службу поочередно,

смѣняясь каждые три мѣсяца и король ничего не можетъ сдѣлать безъ ихъ вѣдома.

7) Безъ согласія сената король не имѣетъ права вступить въ бракъ, заключать союзы, ни даже выѣзжать за предѣлы государства.

8) Онъ не можетъ жаловать дворянскихъ грамотъ лицамъ низшихъ сословій за какія бы то ни было заслуги, кромѣ государственной службы и то не иначе, какъ съ согласія сената.

Поставленный въ такія условія, король тѣмъ не менѣе пользуется правомъ раздавать по желанію церковныя бенефиціи и староства, если таковыя окажутся вакантными, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы послѣднія раздавались только коронным дворянамъ, тѣмъ по преимуществу, которые окажутся достойными этого по своимъ заслугамъ на войнѣ, въ посольствахъ и другихъ общественныхъ дѣлахъ, дабы для нихъ это служило наградою, а для другихъ примѣромъ для подражанія и поощреніемъ, побуждающимъ ихъ быть полезными и добродѣтельными.

Король пользуется также правомъ разрѣшать жечь лѣса въ государственныхъ имѣніяхъ для добыванія поташа и другихъ продуктовъ, представляющихъ очень крупный доходъ, что впрочемъ ведетъ къ сильному истребленію лѣсовъ.

Онъ имѣетъ также верховное право раздавать пожизненно всѣ должности отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, при чемъ получившія ихъ лица могутъ быть смѣщены не иначе, какъ съ собственнаго согласія или по суду.

Король назначаетъ срокъ и созываетъ сеймы, которые собираются обыкновенно черезъ каждые два года. Онъ можетъ также, отправляясь лично на войну, потребовать, чтобы все дворянство любой провинціи сопровождало его; лица, уклонившіяся отъ похода, подвергаются смертной казни, родъ ихъ лишается дворянскаго достоинства и имѣнія конфискуются въ пользу государства. Таковы размѣры его власти; хотя онъ и король, но руки его во многомъ связаны, онъ не можетъ ничего сдѣлать по своей волѣ и принужденъ часто соглашаться на вещи для него непріятныя. Впрочемъ король

есть глава республики, все дѣлается его именемъ, хотя онъ не можетъ ничего рѣшить или предпринять самолично, какъ мы сказали.

Права и нравы польскихъ дворянъ.

Всѣ польскіе дворяне считаются равными, между ними нѣтъ никакихъ градацій какъ во Франціи, Германіи, Италіи, Испаніи и др., гдѣ существуютъ герцоги, маркизы, графы и бароны; здѣсь нѣтъ иныхъ леновъ кромѣ староствъ, т. е. государственныхъ помѣстій, которыя король отдаетъ въ управленіе дворянамъ. Своими собственными землями они владѣютъ безъ всякихъ ограниченій и зависимости другъ отъ друга, почему бѣднѣйшіе изъ дворянъ считаются равными по достоинству самымъ богатымъ; хотя они оказываютъ почетъ лицамъ, занимающимъ коронныя должности, но каждый, даже самый незнатный дворянинъ утверждаетъ, что со временемъ, по милости короля, онъ можетъ также сдѣлаться сенаторомъ; поэтому всѣ они съ самой ранней юности изучаютъ латинскій языкъ, на которомъ написаны всѣ законы страны. Всѣ стремятся также получить въ пользованіе какія нибудь бенефиціи въ коронныхъ имѣніяхъ; это поощряетъ ихъ къ добродѣтели, побуждаетъ служить въ войскѣ и при случаѣ совершать блестящіе и великодушные подвиги съ цѣлью быть замѣченными гетманомъ, который доложилъ бы о нихъ королю, а тотъ въ свою очередь наградилъ бы ихъ какою нибудь вакантною бенефиціею.

Сверхъ того дворянство имѣетъ привилегію избирать короля какъ мы сказали выше, а король не можитъ арестовать дворянина за самое важное преступленіе по прошествіи сутокъ съ момента его совершенія, кромѣ оскорбленія величества; никто не можетъ быть заключенъ въ тюрьму раньше, чѣмъ дѣло его не будетъ разсмотрѣно и рѣшено, пока не будетъ произнесенъ приговоръ и самъ подсудимый троекратно вызванъ въ судъ.

Такимъ образомъ подсудимый остается на свободѣ, можетъ просить судей и даже присутствовать при допросѣ свидѣтелей противной стороны, не опасаясь быть задержаннымъ раньше окончанія процесса, а тогда поспѣшно укрывается въ какой нибудь монастырь,

служащій убѣжищемъ; туда укрываются преступники, которые не въ состояніи спастись собственными силами. Знатные вельможи насмѣхаются надъ правосудіемъ и разъѣзжаютъ по селамъ въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, достаточно сильныхъ, чтобы противустоять лицамъ, съ которыми ведется процесъ. Обыкновенно судъ приговариваетъ къ обезглавленію и конфискаціи имущества[1]); приговоръ объявляется во всеуслышаніе, при чемъ подсудимый троекратно призывается предстать предъ судомъ въ теченіи часа; (разумѣется онъ не такъ наивенъ, чтобы добровольно отдаться въ руки палача, зная заранѣе, что будетъ осужденъ на смерть). Такъ какъ подсудимый не явился, то судъ прибавляетъ къ приговору инфамію, т. е. разрѣшеніе каждому убить его при встрѣчѣ и въ силу того же приговора каждый, кто будетъ ѣсть и пить съ нимъ, точно также присуждается къ потерѣ чести. Если противная сторона не достаточно могущественна, то она входитъ въ соглашеніе съ осужденнымъ и за извѣстную сумму денегъ признаетъ себя удовлетворенною, прекращая всѣ претензіи, послѣ чего преступникъ можетъ исходатайствовать королевское помилованіе, за двѣ или три тысячи злотыхъ получаетъ грамоту, освобождающую его отъ приговора и инфаміи и снова вступаетъ во владѣніе всѣмъ своимъ имуществомъ. Но если преступникъ слабѣе своего противника, онъ долженъ для спасенія жизни оставить отечество, а его имущество конфискуется въ пользу короны. Это и есть тѣ бенефиціи, которыми не можетъ владѣть король и которыя онъ раздаетъ въ пожизненное пользованіе дворянамъ. Время однако, по пословицѣ, смягчаетъ преступленіе; друзья осужденнаго хлопочутъ за него въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, тѣмъ временемъ можетъ случиться, что противная сторона умретъ или сжалится, проститъ его или примирится, послѣ чего изгнаннику легко получить обратно свое имущество, если оно сколько нибудь значительно.

Иное дѣло по отношенію къ служащимъ въ войскѣ; на нихъ смотрятъ какъ на солдатъ, а не какъ на дворянъ, арестуютъ за

---

[1]) Къ такому наказанію обыкновенно приговаривается дворянинъ, убившій другаго дворянина.—Прим. Боплана.

малѣйшіе проступки и предаютъ военному суду, приговоръ котораго немедленно приводится въ исполненіе.

Дворяне пользуются правомъ брать земли въ аренду, не унижая своего достоинства и продавать всѣ продукты своихъ имѣній, но вообще другаго рода торговля запрещена имъ точно также какъ и во Франціи.

Въ личныхъ своихъ ссорахъ они не обязаны давать удовлетвореніе поединкомъ за оскорбленіе; если же дворянинъ считаетъ себя оскобленнымъ, онъ собираетъ пріятелей и храбрѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ, устремляется въ походъ на встрѣчу противнику и не положитъ оружія, пока не сразится съ нимъ или пока не явится посредникомъ кто нибудь изъ общихъ знакомыхъ, который примиритъ ихъ и вмѣсто сабли вложитъ имъ въ руки по большому кубку токайскаго, которое они должны выпить за здоровье другъ друга.

Дворяне имѣютъ привилегію носить короны въ своихъ гербахъ подобно владѣтельнымъ князьямъ, отливать для себя пушки въ какомъ угодно количествѣ, строить замки болѣе или менѣе сильные сообразно со своими средствами, чего не могутъ имъ запретить ни король, ни речьпосполитая; не достаетъ имъ только права чеканить монету. чтобы стать настоящими монархами. Въ прежнее время монета чеканилась отъ имени республики, теперь же только отъ имени короля. Наконецъ дворяне, какъ было сказано, пользуются безграничною верховною властью надъ своими подданными крестьянами, крѣпостными въ ихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ; но власть ихъ надъ крестьянами коронныхъ имѣній, находящихся въ пожизненномъ ихъ пользованіи, болѣе ограничена; тамъ дворянинъ не имѣетъ права казнить крестьянина безъ суда, или безъ повода отбирать его имущество, ибо коронные крестьяне могутъ жаловаться на притѣсненія королю, который покровительствуетъ имъ и отстаиваетъ ихъ права.

Впрочемъ дворянинъ не можетъ быть осужденъ на смерть за убійство чужаго крестьянина, но приговаривается по закону къ уплатѣ 40 гривенъ наслѣдникамъ покойнаго и дѣло прекращается (гривна составляетъ 32 сольда). На судѣ достаточно свидѣтельства двухъ лицъ дворянскаго сословія, чтобы осудить на смерть крестьянина,

между тѣмъ какъ требуются показанiе четырнадцати крестьянъ, чтобы обвинить дворянина.

Иностранцы не могутъ прiобрѣтать земель въ Польшѣ, равно какъ и мѣстные крестьяне не имѣютъ собственной земли, но каждое поколѣнiе получаетъ ее въ пожизненное пользованiе отъ своего владѣльца за весьма значительную плату, безъ права продавать или закладывать свой участокъ, который по желанiю можетъ быть отобранъ владѣльцомъ. Но мѣщане имѣютъ право прiобрѣтать въ собственность дома въ городахъ и сады вокругъ города, что составляетъ одну изъ городскихъ льготъ и привилегiй. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что всѣ земли въ государствѣ сосредоточиваются въ рукахъ дворянскаго сословiя, составляя для него главный источникъ дохода. за исключенiемъ коронныхъ земель, (не наслѣдственныхъ, какъ было указано выше), гдѣ существуютъ села, находящiяся въ непосредственной зависимости отъ короля, раздаваемыя имъ боярамъ, особому сословiю, которое занимаетъ середину между дворянскимъ и мѣщанскимъ. Они получаютъ земли въ личное и потомственное владѣнiе съ обязательствомъ отбывать военную службу на свои средства, являться по первому призыву великаго гетмана въ назначенный имъ пунктъ и выполнять все, что потребуется для государственной службы. Нѣкоторые изъ бояръ довольно зажиточны но большинство очень бѣдно. Что касается польскаго дворянства, оно владѣетъ значительными богатствами, какъ было сказано выше, но въ Мазовiи, гдѣ дворяне чрезвычайно многочисленны и составляютъ не менѣе 1/6 всего населенiя, они значительно бѣднѣе, такъ что большинство занимаются земледѣлiемъ и не считаютъ себя унизительнымъ ходить за плугомъ, или служить въ свитѣ крупнаго магната,—занятiе во всякомъ случаѣ болѣе почетное нежели служить въ кучерахъ, къ чему бываютъ вынуждены менѣе способные изъ нихъ. Напримѣръ, двое такихъ людей были у меня кучерами въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ, которыя я провелъ въ этой странѣ, занимая должность старшаго капитана артиллерiи и королевскаго инжинера, не смотря на то, что они были несомнѣнными дворянами.

Наслѣдственныя имѣнія дворянъ свободны отъ зимнихъ квартиръ и всякихъ военныхъ постоевъ; они должны только давать дневку войскамъ, если лежатъ на пути ихъ слѣдованія; армія можетъ квартировать исключительно въ коронныхъ имѣніяхъ.

Если наслѣдство распадается между нѣсколькими братьями, старшій братъ производитъ раздѣлъ, а младшій первый выбираетъ себѣ часть.

Вступая во вторичный бракъ, вдова имѣетъ право передать все свое имущество мужу въ ущербъ дѣтямъ; этотъ законъ держитъ дѣтей въ повиновеніи родителямъ.

Польское дворянство отличается услужливостью и униженностью передъ высшими, какъ напримѣръ передъ воеводами и прочими сановниками, оно любезно и предупредительно съ равными себѣ соотечественниками, но нестерпимо дерзко по отношенію къ низшимъ; внимательно къ иностранцамъ, которыхъ здѣсь впрочемъ не много и съ которыми неохотно сообщаются. Съ турками и татарами встрѣчаются только на войнѣ съ оружіемъ въ рукахъ; что касается москвитянъ, то съ ними поляки не имѣютъ никакого общенія по причинѣ ихъ грубости, стараются даже избѣгать разговоровъ съ ними, равно какъ съ шведами и нѣмцами, къ которымъ питаютъ сильную ненависть и отвращеніе. Если поляки прибѣгаютъ иногда къ помощи нѣмцевъ, то ни иначе какъ вынужденные къ тому крайнею необходимостью; французовъ напротивъ называютъ своими братьями и имѣютъ съ ними много общаго въ нравахъ и наклонностяхъ, въ привычкѣ высказываться свободно и откровенно, согласно своему открытому и веселому темпераменту, отличающемуся полнымъ отсутствіемъ меланхоліи. Съ своей стороны французы, имѣющіе съ ними сношенія, чрезвычайно уважаютъ ихъ, ибо вообще поляки добры и щедры безъ хитрости, совсѣмъ не мстительны, отличаются остроуміемъ, а болѣе образованные изъ нихъ способны на великія дѣла. Польскіе дворяне обладаютъ отличною памятью, любятъ роскошь и великолѣпіе особенно въ одеждѣ, которую украшаютъ драгоцѣнными мѣхами; мнѣ случа-

лось видѣть собольи костюмы стоимостью больше 2,000 талеровъ[1]), украшенные крупными пуговицами изъ золота и рубиновъ, изумрудовъ, алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. Каждаго магната сопровождаетъ многочисленная свита служащихъ; дворяне отличаются храбростью и мужествомъ, а въ искусствѣ владѣть оружіемъ превосходятъ всѣхъ своихъ сосѣдей какъ люди, постоянно упражняющіеся въ немъ, находясь въ постоянныхъ войнахъ съ могущественными народами Европы каковы турки, татары, москвитяне, шведы, нѣмцы и др.; иногда съ двумя и тремя державами заразъ, какъ случилось напримѣръ въ 1632 и 1633 годахъ.

Тогда одновременно велась война противъ турокъ, татаръ и москвитянъ, изъ которой поляки вышли побѣдителями, выигравши нѣсколько сраженій и тотчасъ же занялись шведскою войною 1635 года. Вскорѣ однако, при посредствѣ французскаго посланника Даво (D'Avaux), заключенъ былъ миръ въ Пруссіи между Польшею и Швеціею къ большому удовольствію обоихъ монарховъ.

Кромѣ щедрости поляки отличаются гостепріимствомъ, съ большимъ радушіемъ принимаютъ друзей, почтившихъ ихъ посѣщеніемъ, а также иностранцевъ, которыхъ встрѣчаютъ впервые и которыхъ трактуютъ какъ давнихъ и близкихъ знакомыхъ. Встрѣчаются въ этой странѣ весьма богатые магнаты, имѣющіе по 800,000 ливровъ годоваго дохода изъ однихъ только наслѣдственныхъ имѣній, не считая коронныхъ, обнимающихъ болѣе $^1/_6$ части цѣлаго государства. Эти огромныя богатства происходятъ отъ того, что крестьяне не пользуются правомъ наслѣдственной земельной собственности; такимъ образомъ всѣ земли принадлежатъ дворянамъ, увеличиваясь то путемъ завоеванія, то путемъ конфискаціи имущества мятежныхъ и непокорныхъ, которое причисляется къ короннымъ имѣніямъ. Но дворяне, опасаясь, чтобы король, владѣя этими помѣстьями, не сдѣлался самодержавнымъ, устраняютъ его отъ владѣнія земельною собственностью и обращаютъ ее въ свое временное пользованіе.

Отправляясь въ походъ, польскіе дворяне снаряжаются такимъ страннымъ образомъ, что если бы они встрѣтились въ нашей арміи, то

[1]) Escus. Французская крупная серебряная монета экю заключала 6 ливровъ, т. е. почти 6 франковъ.

возбудили бы скорѣе любопытство, нежели страхъ, не смотря на большое количество наступательнаго оружія, которымъ они увѣшаны. Для примѣра приведу вооруженіе п. Дечинскаго, ротмистра, (т. е. капитана) козацкой хоругви [1]). Прежде всего сабля, надѣтая поверхъ кольчуги, шлемъ, состоящій изъ желѣзнаго шишака съ кускомъ такой же ткани какъ на кольчугѣ, покрывающемъ виски, затылокъ и плечи, карабинъ или вмѣсто него лукъ и колчанъ; у пояса привѣшены шило, огниво [2]), ножъ, шесть серебряныхъ ложекъ, вложенныхъ одна въ другую и заключенныхъ въ футляръ изъ краснаго сафьяна; за поясомъ пистолетъ, парадный платокъ, другой мѣшокъ изъ мягкой кожи, который складывается и расправляется; онъ служитъ для питья, замѣняя походный стаканъ и содержитъ добрую кварту; тамъ же шабельтасъ (большая плоская сумка изъ краснаго сукна, въ которой хранятся письма, бумаги, гребни и даже деньги, нагайка, два—три пучка шелковыхъ шнурковъ, толщиною въ полмизинца, предназначенныхъ для связыванія плѣнниковъ, если удастся ихъ поймать. Все это виситъ у пояса съ правой стороны и сверхъ того рогъ для подчистки рта у лошади. Сзади у сѣдла привязано деревянное ведерце, изъ котораго поятъ лошадей, вмѣстимостью въ полведра и трое ремневыхъ путъ для треноженія лошадей, отпускаемыхъ на пашу. Наконецъ, если лукъ онъ замѣнялъ ружьемъ, висящимъ на перевязи, то къ нему прибавлялъ лядунку съ патронами для карабина и пистолетовъ, пороховницу и ружейную отвертку. Судите, можетъ ли свободно сражаться человѣкъ, навьюченный такимъ образомъ.

Гусары, вооруженные копьями, пополняются обыкновенно изъ очень богатыхъ дворянъ, имѣющихъ до 50,000 ливровъ дохода. Всѣ они имѣютъ прекрасныхъ турецкихъ лошадей, приводимыхъ изъ Караманіи, одной изъ малоазійскихъ провинцій; самая дешевая стоитъ не менѣе 200 червонцевъ. Каждый является въ полкъ съ пятью

---

[1]) Это легкая конница, вооруженная луками и стрѣлами. Прим. Боплана.

[2]) Оно служитъ для оттачиванія сабли и ножа а также для того, чтобы высѣкать огонь. Прим. Боплана.

лошадьми, такъ что сотня гусаръ состоитъ изъ двадцати дворянъ, которые ѣдутъ всѣ въ рядъ, образуя фронтъ, а за ними слѣдуютъ въ четыре ряда ихъ служители, въ рядъ за своимъ господиномъ. Всѣ вооружены копьями около 19 футовъ длиною; наконечники, полые до самаго острія, надѣты на длинное, крѣпкое древко; къ нимъ прикрѣпляется очень длинный двухцвѣтный значокъ, достигающій отъ четырехъ до пяти локтей въ длину, бѣлый съ краснымъ, синій съ зеленымъ, бѣлый съ чорнымъ, но всегда въ два цвѣта вѣроятно для того, чтобы пугать непріятельскихъ лошадей; ибо когда всадники несутся въ карьеръ въ аттаку, опустивъ копья, эти значки развѣваются, описывая круги и наводя страхъ на непріятельскихъ лошадей, ряды которыхъ они желаютъ прорвать. Вооруженіе гусаръ состоитъ изъ панцырей, т. е. кирасы, наручниковъ, наколѣнниковъ, шлема и пр., сабли у лѣваго бока и палаша, привязаннаго къ сѣдлу съ лѣвой стороны; у правой луки виситъ длинный мечъ, широкій у рукояти и съуживающійся къ острію, назначеніе котораго колоть лежащаго на землѣ, живаго еще непріятеля; для этой цѣли мечъ имѣетъ около пяти футовъ въ длину и круглую головню, чтобы сильнѣе можно было нажимать внизъ и прокалывать кальчугу. Палашомъ рѣжутъ тѣло, а саблею рубятъ кольчугу. Они носятъ также боевыя сѣкиры, вѣсомъ не менѣе шести фунтовъ, очень острыя и съ длинными рукоятями, которыми раздробляютъ или пробиваютъ непріятельскіе панцыри и шлемы.

Если вооруженіе и военные пріемы поляковъ сильно разнятся отъ нашихъ, то дальнѣйшее изложеніе покажетъ вамъ, что ихъ пиры и соблюдаемые при нихъ церемоніи совершенно своеобразны и отличаются отъ обычаевъ всѣхъ другихъ народовъ въ мірѣ. Особенно стараются щегольнуть въ этомъ отношеніи дворяне; какъ богатѣйшіе изъ нихъ, такъ и менѣе зажиточные принимаютъ гостей слишкомъ роскошно, не по своимъ средствамъ; я могу утверждать положительно, что ихъ обыкновенные обѣды значительно превосходятъ обиліемъ и разнообразіемъ наши торжественные пиры; можно же себѣ представить, каковы бываютъ ихъ пиры, даваемые въ исключительныхъ случаяхъ. Особенно отличаются этимъ крупные магнаты и

коронные сановники во время сейма въ Варшавѣ въ тѣ дни, когда они свободны отъ засѣданій въ сенатѣ; тогда происходятъ пиршества, достигающія стоимостью до 50 и 60,000 ливровъ. Расходъ весьма значительный, если принять во вниманіе приготовленныя блюда и способъ сервировки тѣмъ болѣе, что здѣсь совсѣмъ не употребляютъ ни мускуса, ни амбры, ни жемчуга, ни тому подобныхъ роскошныхъ приправъ, поглощающихъ огромныя суммы въ другихъ странахъ. Здѣсь подаются кушанья самыя обыкновенныя и грубо изготовленныя, но въ изумительномъ количествѣ, ибо много истребляется служителями и лакеями гостей, (какъ мы увидимъ ниже) и это болѣе всего увеличиваетъ сумму расхода. Чтобы представить вамъ обращикъ того, во что можетъ обойтись цѣлый пиръ, скажу за вѣрное, на основаніи счетовъ, которые я самъ видѣлъ, что нѣсколько разъ въ одной только статьѣ помѣчено было напримѣръ однихъ стакановъ на 100 талеровъ, а между тѣмъ посуда эта совсѣмъ не дорогая, не болѣе одного сольда за штуку.

Къ обѣду приглашаютъ обыкновенно не болѣе четырехъ или пяти сенаторовъ, къ которымъ присоединяютъ иногда находящихся при дворѣ посланниковъ, что составляетъ очень незначительное число лицъ, сравнительно съ тѣми затратами, какія мы только что привели. Но количество гостей увеличивается ихъ свитою; каждый изъ сенаторовъ приводитъ съ собою 12—15 человѣкъ, что составитъ въ общемъ компанію изъ семидесяти или восьмидесяти особъ, которыя садятся за столъ, установленный изъ трехъ столовъ подковообразно, т. е. соединенныхъ концами подъ угломъ и представляющихъ въ цѣломъ длину около ста футовъ. Столы накрываются обыкновенно тремя прекрасными тонкими скатертями, а вся столовая сервировка бываетъ изъ позолоченнаго серебра; на каждой тарелкѣ кладется хлѣбъ, покрытый очень маленькою салфеткою, не больше платка величиною и ложка безъ ножа. Приготовленные такъ столы разставляются обыкновенно въ обширной залѣ, въ концѣ которой находится буфетъ, убранный множествомъ великолѣпной серебряной посуды и окруженный рѣшеткою въ видѣ небольшаго парапета, за которую никто не можетъ входить кромѣ пивничаго и служителей. На буфетѣ нерѣдко возвышаются восемь

или десять столбцевъ серебряныхъ блюдъ и такое множество тарелокъ, что кипы ихъ нерѣдко достигаютъ человѣческаго роста, довольно значительнаго въ этомъ краѣ. Противъ буфета, обыкновенно надъ входною дверью, расположены хоры, на которыхъ помѣщаются музыканты, играющіе на различныхъ инструментахъ и пѣвцы. Играютъ они не всѣ вмѣстѣ, чтобы не заглушать другъ друга, но сперва начинаютъ скрипки, за ними слѣдуютъ трубы въ требуемомъ количествѣ, а послѣ нихъ раздаются довольно мелодичные голоса дѣтей, нанятыхъ для хора; въ такомъ порядкѣ повторяются эти мелодіи и продолжаются вплоть до окончанія пира. Что касается музыкантовъ, то они ѣдятъ и пьютъ раньше, такъ какъ въ продолженіи пира они должны исполнять свое дѣло и не могутъ отвлекаться ѣдою.

Когда все готово и столы уставлены различными кушаньями, гостей приглашаютъ въ залу, посрединѣ стоятъ четыре шляхтича, изъ которыхъ двое держатъ вызолоченные серебряные тазы не менѣе трехъ футовъ въ діаметрѣ и такіе же рукомойники соотвѣтственной величины; они подходятъ къ знатнымъ гостямъ, подаютъ имъ умыть руки и удаляются, а на ихъ мѣсто подходятъ два другіе, которые держатъ за оба конца очень длинный (до трехъ локтей) [1]) утиральникъ и подаютъ всѣмъ гостямъ, которые вытираютъ руки; послѣ этого хозяинъ дома проситъ всѣхъ къ столу, указывая мѣсто каждому, сообразно его чину и общественному положенію. Когда всѣ гости размѣщены, подается первая перемѣна, при чемъ служатъ крайчіе по три у каждаго стола; кушанья приготовлены по здѣшней модѣ, а именно: одни съ шафраномъ т. е. съ желтымъ соусомъ, другія съ вишневымъ сокомъ т. е. съ краснымъ соусомъ, иныя съ выжимками и сокомъ изъ сливъ, отчего получается черный соусъ, иныя, наконецъ, приправлены сѣрымъ соусомъ изъ вареннаго лука, протертаго черезъ сито; эта приправа называется у нихъ „гонща“. Каждый видъ мяса подается особо вмѣстѣ со своею подливкою, нарѣзанный большими кусками, чтобы каждый могъ взять кусокъ

---

[1]) Въ подлинникѣ „aulsne.“ Мѣра aulne заключала въ себѣ 1,20 нынѣшняго метра.

сообразно своему аппетиту; здѣсь никогда не подаютъ супа, такъ какъ мясо готовится вмѣстѣ съ бульономъ и названныя блюда перемежаются различными мясными паштетами. Каждый беретъ по желанію тотъ или другой соусъ, которыхъ никогда не бываетъ больше четырехъ, указанныхъ выше. Затѣмъ подаютъ жареную говядину, баранину, телятину и куръ безъ соуса; какъ принято въ мѣстной кухнѣ, жаркое хорошо приправлено солью и пряностями, такъ что совсѣмъ не требуется солонокъ, которыхъ никогда и не подаютъ. По мѣрѣ того, какъ очищается одно блюдо, на мѣсто его подаютъ другое, какъ то: соленую капусту съ кусками соленаго сала, или вареное пшено, или тѣсто, которое они ѣдятъ какъ лакомство; дѣлаютъ также другой соусъ изъ особаго корня, называемаго хрѣномъ, который растираютъ и смачиваютъ уксусомъ; онъ имѣетъ очень пріятный острый вкусъ и представляетъ отличную приправу къ свѣжему и соленому мясу и разнаго рода рыбѣ.

Когда первая перемѣна окончена и блюда очищены не столько приглашенными, сколько ихъ свитою, о чемъ подробнѣе будетъ разсказано ниже, слуги убираютъ со стола и снимаютъ первые приборы вмѣстѣ съ верхнею скатертью. Затѣмъ слѣдуетъ вторая перемѣна, состоящая изъ жаренаго мяса: воловьяго, бараньяго и телячьяго, которое подаютъ цѣлыми четвертями, также жареныхъ каплуновъ, куръ, цыплятъ, гусей, утокъ, зайцевъ, оленей, дикихъ козъ и кабановъ и разной иной дичи, какъ то: куропатокъ, жаворонковъ, перепеловъ и другихъ мелкихъ птицъ, изобилующихъ въ краѣ. Что касается голубей, то ихъ не ѣдятъ здѣсь, такъ какъ они очень рѣдки въ этой странѣ, равно какъ кролики и бекасы. Всѣ эти кушанья подаются безъ опредѣленнаго порядка, въ перемежку одни съ другими для разнообразія и сопровождаются разнаго рода салатами. Затѣмъ слѣдуетъ закуска, состоящая изъ нѣсколькихъ различныхъ соусовъ: напр. протертый горохъ съ большимъ кускомъ сала, отъ котораго каждый беретъ себѣ часть, разрѣзываетъ ломтиками въ игральную кость величиною и ѣстъ ложкою вмѣстѣ съ пюре, не разжевывая; это у нихъ очень лакомое блюдо, такъ что обѣдъ считается неполнымъ, если оно не подается при концѣ, равно какъ

пшено съ масломъ или толченый ячмень, приготовленный точно также, который они называютъ каша (а голландцы грю); или тѣсто въ маслѣ, нарѣзанное на подобіе макаронъ и наполненное сыромъ, или же другой видъ тѣста изъ гречневой муки въ видѣ маленькихъ очень тонкихъ лепешекъ, которыя смачиваютъ маковымъ молокомъ; блюдо, которое, по моему мнѣнію, ѣдятъ съ цѣлью окончательнаго пресыщенія и усыпленія.

Вторая перемѣна убирается точно также, какъ предыдущая, послѣ чего подается дессертъ, какой позволяетъ время года и обстоятельства, какъ то: сливки, сыръ и пр., чего я уже не могу теперь припомнить; но всѣ эти кушанья и лакомства на столько ниже самыхъ простыхъ нашихъ рагу, что я не промѣнялъ бы одного нашего на десять польскихъ блюдъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ впрочемъ ихъ кухня стоитъ значительно выше нашей; такъ напримѣръ, они отлично умѣютъ приготовлять рыбу; дѣйствительно въ этой странѣ водятся лучшія породы рыбъ и приготовляютъ ихъ такъ хорошо, придаютъ имъ такой пріятный вкусъ, который можетъ возбудить аппетитъ у людей самыхъ пресыщенныхъ. Въ этомъ отношеніи поляки превзошли всѣ другіе народы и это не только мое личное мнѣніе и мой вкусъ, но такъ думаютъ всѣ французы и прочіе иностранцы, которые бывали на ихъ парадныхъ обѣдахъ. И въ самомъ дѣлѣ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ для приготовленія не жалѣютъ ни вина, ни масла, ни пряностей, ни коринки, ни другихъ подобныхъ приправъ, съ помощью которыхъ при нѣкоторомъ умѣніи можно изготовить очень хорошія и вкусныя блюда. Во время обѣда поляки пьютъ немного, чтобы сперва положить хорошее и прочное основаніе; пьютъ лишь пиво, которое наливаютъ въ высокіе цилиндрическіе стаканы и кладутъ въ него гренки изъ хлѣба, поджаренныя въ маслѣ.

Я уже замѣтилъ выше, что при первой и второй перемѣнахъ блюда убираютъ совсѣмъ почти пустыми; хотя сами гости съѣдаютъ лишь небольшую часть, но это совершенно понятно, если вспомнимъ, что каждый изъ сидящихъ за столомъ имѣетъ при себѣ одного или двухъ лакеевъ и, отдавая имъ тарелку, чтобы получить чистую,

беретъ изъ блюда кусокъ по своему вкусу и передаетъ лакею. Получивъ свою часть, слуги, столпившись въ одномъ концѣ залы, поѣдаютъ или вѣрнѣе пожираютъ все, какъ бы украдкою, съ самымъ неприличнымъ и дерзкимъ шумомъ, котораго впрочемъ не прерываютъ ихъ господа, такъ какъ это здѣсь въ обычаѣ и сами они тому причиною. Когда господа плотно поѣли за столомъ, а слуги сожрали все полученное отъ нихъ въ разныхъ углахъ залы, всѣ начинаютъ пить настоящимъ образомъ за здоровье другъ друга, уже не пиво, какъ до того времени, а вино самое лучшее и тонкое, какое есть на свѣтѣ. Вино это, хотя и бѣлое, придаетъ лицамъ самый яркій румянецъ и сильно увеличиваетъ стоимость пира, такъ какъ поглощается оно въ огромномъ количествѣ, а стоитъ по четыре ливра кварта; цѣнится оно не потому, чтобы было особенно рѣдко, а за его качества. Тотъ, кто выпилъ здоровье пріятеля, передаетъ ему свой стаканъ, наполненный тѣмъ же виномъ, для отвѣтнаго тоста, что и выполняется безъ всякаго затрудненія. При этомъ не требуется услуги лакеевъ, такъ какъ столы уставлены большими серебряными графинами и кубками, которые едва успѣваютъ наполниться, какъ тотчасъ снова опоражниваются и, по прошествіи одного или двухъ часовъ отъ начала этого милаго занятія передъ каждымъ собирается такое огромное количество стакановъ, что выпить ихъ нѣтъ никакой возможности. Разставлены они въ видѣ всевозможныхъ геометрическихъ фигуръ: квадратовъ, трехугольниковъ, оваловъ и круговъ, которыя быстро мѣняютъ очертанія, ибо стаканы находятся въ такомъ непрерывномъ движеніи, что, я увѣренъ, теченіе планетъ на небѣ не представляетъ столько извилинъ и аномалій; всему причиною пріятныя свойства этого прекраснаго бѣлаго вина. Послѣ четырехъ, пяти часовъ столь пріятнаго и не труднаго занятія иные, наскучивъ имъ, засыпаютъ, другіе, не въ силахъ будучи удержать подобнаго количества жидкости, выходятъ, чтобы облегчиться, и возвращаются готовыми снова продолжать состязаніе; иные разсказываютъ о своихъ геройскихъ подвигахъ на этомъ полѣ и хвалятся, что они остались побѣдителями, одержавши верхъ надъ всѣми соучастниками. Но поведеніе господъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ

ихъ слуги, ибо, если они причинили много убытковъ во время обѣда, то теперь убытки несравненно значительнѣе, такъ какъ они поглощаютъ вина въ десять разъ больше сравнительно съ господами; при этомъ они совершаютъ неслыханныя дерзости, напримѣръ вытираютъ грязныя и жирныя тарелки самыми прекрасными и рѣдкими драпировками или даже висящими рукавами своихъ господъ, безъ всякаго уваженія къ нимъ самимъ и къ ихъ дорогимъ костюмамъ; чтобы увѣнчать дѣло, всѣ пьютъ съ такимъ усердіемъ, что никто не остается свободнымъ отъ дѣйствія вина; подъ конецъ всѣ пьяны — и господа, и слуги, и музыканты, за исключеніемъ только тѣхъ, на чьей отвѣтственности лежитъ сбереженіе серебряной посуды; эти послѣдніе напиваются только въ половину и по возможности слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто не вышелъ изъ дома, пока не собрано все серебро. Однако и эти оффиціанты не всегда вполнѣ воздерживаются и часто бываютъ мало способны къ выполненію своей обязанности, отчего въ большинствѣ случаевъ не обходится безъ пропажи нѣсколькихъ предметовъ.

Вотъ что въ настоящее время подсказала мнѣ память относительно всего видѣннаго и слышаннаго въ этой сѣверной странѣ, относительно ея топографіи, племенъ ее населяющихъ, ихъ вѣроисповѣданія, нравовъ и военныхъ пріемовъ. Если, кромѣ всего сказаннаго, я припомню еще что нибудь достойное вашего вниманія, я не уклонюсь отъ исполненія своей обязанности, но предоставлю его вамъ отъ всего сердца въ надеждѣ, что если предложенное не пришлось вамъ по вкусу, вы простите мое неумѣніе писать болѣе гладко, чѣмъ подобаетъ рыцарю, который въ теченіи цѣлой жизни руководилъ земляными работами, отливалъ пушки и жегъ порохъ.

VII.

Сказаніе о невольникахъ, освободившихся изъ турецкой каторги.

1643.

Самое тяжелое бѣдствіе, испытанное южно-русскимъ народомъ въ теченіи его исторической жизни, составляли несомнѣнно татарскіе набѣги, мѣшавшіе мирному культурному развитію народа въ теченіи почти трехъ столѣтій. Начавшись со времени Менгли-Гирея во второй половинѣ XV вѣка, набѣги эти съ большею или меньшею интенсивностью продолжаются до второй половины XVIII [1]). Татарскіе набѣги не дозволяли мѣстному населенію заняться мирнымъ развитіемъ земледѣльческой и промышленной дѣятельности и тѣмъ болѣе развитіемъ умственной культуры; ежегодно, иногда нѣсколько разъ въ годъ, толпы хищниковъ, врываясь въ страну, разоряли села, мѣстечки и города, грабили или сожигали все имущество жителей и угоняли въ ясырь множество плѣнниковъ; участь послѣднихъ была безнадежна; на рынкахъ Кафы, Очакова и другихъ портовыхъ городовъ Крымскаго ханства ежегодно продавались тысячи, иногда десятки тысячъ южно-руссовъ; многіе изъ нихъ развозились какъ товаръ по всѣмъ рынкамъ Средиземнаго моря, обращались въ домашнюю прислугу или поступали въ качествѣ рабовъ на

---

[1]) Послѣдній набѣгъ Крымъ-Гирея на Новую Сербію и южную Кіевщину былъ предпринятъ въ 1769 году (Memoires du baron de Tott, т. III).

общественныя работы. Въ числѣ послѣднихъ самая тяжелая участь выпадала на долю тѣхъ плѣнниковъ, которые поступали въ собственность морскаго вѣдомства турецкой имперіи. Военные корабли того времени, такъ называемыя галеры, двигались или на парусахъ, или, въ случаѣ отсутствія или нежелательнаго направленія вѣтра, на веслахъ; въ виду этой потребности на палубахъ кораблей устроены были скамьи, на которыхъ помѣщалось нѣсколько сотъ скованныхъ желѣзными цѣпями невольниковъ, которые принуждены были по цѣлымъ суткамъ ворочать тяжелыя весла, обусловливавшія движеніе галеры. Непосильный трудъ, дурное содержаніе, жестокія наказанія и безчеловѣчное обращеніе доводили несчастныхъ невольниковъ до крайняго предѣла возможныхъ человѣческихъ страданій, изъ котораго не предвидѣлось никакого выхода до смерти. Каторга, такъ называлась функція гребца на галерѣ, въ представленіи южно-русскаго народа была синонимомъ безпредѣльной скорби и безнадежнаго бѣдствія, хуже котораго ничего не могло создать даже пылкое воображеніе. Разсказы немногихъ невольниковъ, случайно возвращавшихся изъ каторги на родину, послужили сюжетами прекрасныхъ произведеній народнаго творчества; въ числѣ думъ, посвященныхъ описанію судьбы невольниковъ на каторгѣ, самая полная и художественная, это дума о Самойлѣ Кошкѣ, разсказывающая освобожденіе невольниковъ изъ турецкой каторги и взятіе ими галеры, на которой они томились [1]). Это прекрасное произведеніе народнаго эпическаго творчества, передавая множество характерныхъ бытовыхъ чертъ изъ жизни невольниковъ и отношенія къ нимъ турокъ, долго не могло быть пріурочено къ точно опредѣленному историческому событію. Только въ послѣднее время фактъ, воспѣваемый въ думѣ, получилъ реальную историческую окраску, благодаря появленію въ печати двухъ отчетовъ о данномъ событіи, составленныхъ двумя его участ-

[1]) Дума эта была напечатана въ сборникахъ: Лукашевича—Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни (1836), Максимовича—Сборникъ украинскихъ пѣсней (1849) и Антоновича и Драгоманова—Историческія пѣсни малорусскаго народа—т. I (1874).

никами. Первый отчетъ, составленный, по всему вѣроятію, итальянцемъ Сильвестромъ изъ Ливорно, былъ изданъ отдѣльною брошюрою на итальянскомъ языкѣ въ Римѣ, въ 1643 г., въ типографіи Григнани; два рукописные перевода этой брошюры на польскій языкъ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ №№ 967 и 6; послѣдній, болѣе древній, написанный почеркомъ XVII столѣтія, помѣщенъ въ сборникѣ историческихъ и ученыхъ произведеній, собранныхъ Петромъ Яблонскимъ; онъ носитъ длинное заглавіе, начинающееся словами: „Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи и т. д.“. Переводъ изъ текста Яблонскаго помѣщенъ былъ въ Кіевской Старинѣ [1]), откуда мы его и заимствуемъ.

Другое свидѣтельство составлено главнымъ дѣятелемъ освобожденія невольниковъ, калужскимъ стрѣльцомъ Иваномъ Семеновымъ Мошкинымъ; оно было подано въ качествѣ челобитной на царское имя съ просьбою о назначеніи пособія и сохранилось въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи [2]); напечатано въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“ за 1894 г. кн. 2, откуда мы и заимствуемъ приведенный разсказъ. Оба свидѣтельства передаютъ совершенно тождественно обстоятельства событія и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ взаимно себя дополняютъ.

Сличая текстъ народной думы съ двумя приведенными свидѣтельствами, мы видимъ, что дума воспроизводитъ подробности событія, описаннаго его участниками, но переноситъ его въ другое, нѣсколько болѣе отдаленное время и главную роль приписываетъ гетману Самойлу Кошкѣ. Мы совершенно раздѣляемъ взглядъ г. Науменка [3]), который высказалъ предположеніе, что въ половинѣ XVII столѣтія въ памяти народной хранилось неясное преданіе о пребываніи въ турецкомъ плѣну и освобожденіи изъ него Самойла Кошки и что впослѣдствіи, въ то время, когда слагалась дума, преданіе это слилось съ болѣе свѣжими воспоминаніями, разсказан-

---

[1]) 1883 годъ, іюнь, стр. 224—228.

[2]) Приказнаго стола разряда столбецъ № 1408.

[3]) Кіевская старина L. с. стр. 229.

ными послѣ возвращенія на родину многочисленными товарищами Сильвестра изъ Ливорно и Ивана Семеновича Мошкина, котораго Сильвестръ называетъ капитаномъ Симоновичемъ [1]).

Гетманъ или „старшій войска Запорожскаго", Самуилъ Кошка, умеръ за 40 лѣтъ до описываемаго событія; онъ происходилъ изъ рода Брацлавскихъ земянъ; одна вѣтвь этого рода, владѣвшая помѣстьями въ южной Брацлавщинѣ, была разорена татарскими набѣгами и представитель ея, Иванъ Кошка, долженъ былъ продать въ концѣ XVI ст. свои имѣнія кн. Константину Острожскому [2]).—Вѣроятно одинъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, Самуилъ, отправился искать счастья на Запорожьи, побывалъ въ турецкомъ плѣну и затѣмъ подъ конецъ жизни занималъ постъ „Старшаго войска Запорожскаго". Въ этой должности онъ документально извѣстенъ намъ съ іюля 1600 года по январь 1602; затѣмъ имя его не упоминается болѣе, а въ мартѣ 1602 года вмѣсто Кошки ведетъ сношенія съ польскимъ правительствомъ новый представитель козачества, Гаврило Крутневичъ [3]).

---

1. Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріолля, какъ получили свободу 207 человѣкъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турокъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомянутый

---

[1]) По счету обоихъ мемуаристовъ въ числѣ 280 освободившихся плѣнныхъ было 207 „христіанъ изъ польской Руси", 20 человѣкъ служилыхъ людей Московскаго государства, которые перечислены поименно, и до 50 изъ другихъ христіанскихъ странъ.

[2]) Нейманъ. Старая Брацлавщина и ея люди. Кіевская Старина 1889. Іюнь, стр. 535.

[3]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, стр. 107—117.

Анти-паша со многими другими турками и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.

Нѣкій знатный офицеръ, русскій по фамиліи Симоновичъ, находился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возъимѣлъ твердое намѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготовлялъ планъ избавленія своего совмѣстно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ начальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ, въ ноябрѣ 1642 года онъ началъ подготовлять средства для освобожденія съ большою осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, сообща съ нѣкоторыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера находилась у крѣпости Азака, онъ сталъ припасать понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки, отдавалъ на храненіе нѣкоему русину Микулѣ. Этого Микулу Анти-паша считалъ вполнѣ вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для продовольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали за поведеніемъ Микулы; онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшокъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совмѣстно съ шестью другими, снялась съ якоря и приплыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ бѣжать невольникъ грекъ и донесъ султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечивающіе безопасность грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на свою галеру 40 человѣкъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартына, онъ въ полночь снялся съ якоря, распустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальныя шесть галеръ получили при-

казъ на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи-ди-Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговыя сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Цареграда, капитанъ Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальныя шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые же припасли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сильвестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ, и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался втайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, началъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ же изъ товарищей старался закрыть его собою; порохъ этотъ былъ подложенъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ ночевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блеститъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ. Симоновичъ отвѣтилъ, что куритъ трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не вспыхнулъ; замѣтивъ это, Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, обернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ угли внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе взлетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осыпать остальныхъ турокъ, которые принуждены были полу-

живые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ невольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся вслѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смирно!“ Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!“ Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотразимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!“ Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсѣченными, окровавленными головами, которыя русины сбрасывали въ море. По счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустить въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ пылавшихъ каютъ, такъ что всего два или три лука остались годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился съ желаньемъ доконать его, но товарищи во время пришли къ нему на помощь; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли одолѣть его, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники, съ Божьею помощью, одержали полную побѣду; они немедленно принялись разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распустить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи и невольники согласились даровать имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросались въ море изъ за спасенія жизни, а человѣкъ восемь или десять, въ томъ числѣ и сынъ Анти-паши, спрыгнули въ шлюпку; съ галеры видно было, какъ лодка эта,

полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она потонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только окончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ всѣ бросились къ весламъ и принялись грести изо всѣхъ силъ; они быстро помчались по морю тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они непрерывно работали веслами и плыли въ теченіе семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккіи, портѣ Орвіетской области, высадиться тамъ, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила турецкую фелюку, въ которой плыли семь человѣкъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ ли на пути христіанскихъ кораблей. Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки же съ крайнимъ прискорбіемъ увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванья поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и нынѣ находится упомянутая галера со всѣми взятыми на ней богатствами, которыя будутъ исчислены ниже.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ всего одинъ русинъ и ранено до двадцати человѣкъ; притомъ нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, двѣ турчанки, 3 мальчика, 2 негра и 4 богатые купца еврея, предложившіе 10,000 скуди выкупа. Самая галера, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всѣмъ турецкомъ флотѣ: вся она была вызолочена, снабжена

пятнадцатью прекрасными парусами различной величины, восемью большими канатами, двѣнадцатью якорями, семью большими пушками и двѣнадцатью меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе двадцати были оправлены въ золото и серебро, два полные набора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими камнями въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ, подбитыхъ соболемъ. 20 одѣялъ изъ златоглава, 40 кинжаловъ съ серебряными рукоятями, украшенными драгоцѣнными камнями; цѣльный рогъ единорога, предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обломковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другихъ припасовъ; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скуди, 250 деревянныхъ брусьевъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество штукъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

---

2. Челобитная калужскаго стрѣльца, Ивана Семеновича Мошкина.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой, калужской стрѣлецъ. Ивашка Семеновъ сынъ Мошкинъ. Былъ я, холопъ твой, на твоей государевой службѣ на Усердѣ [1]) и на той службѣ взяли меня, холопа твоего, въ полонъ крымскіе люди и продали меня, холопа твоего, въ Турскую землю на каторгу; и, я, холопъ твой, животъ свой мучилъ на каторгѣ за тебя, праведнаго государя, 7 лѣтъ, и вѣры

---

[1]) Городъ Усердъ основанъ 1641 года на берегу рѣчки того же имени; нынѣ это козацкая слобода „Стрѣлецкая" въ Бирючскомъ уѣздѣ Воронежской губ. Мошкинъ взятъ былъ въ плѣнъ еще до основанія города, отправляя станичную службу въ сторожевомъ посту на берегу рѣки Усерда.

христіанскія не забывалъ, и сталъ подговаривать своихъ товарыщей всѣхъ невольниковъ, чтобъ какъ турокъ побить и въ православную христіанскую вѣру пойтить. И тѣ, государь, мои товарыщи слова моего не ослушались и въ православную христіанскую вѣру пошли и розныхъ земель было со мною, холопомъ твоимъ, невольниковъ въ Турской землѣ 280 человѣкъ; и въ томъ мнѣ, холопу твоему, присягали, что слова моего слушать и ни въ чемъ меня, холопа твоего, не выдать и твоего государскаго счастія исповѣдать. И мы, холопи твои, Божіею милостію и твоимъ государскимъ счастіемъ турскихъ людей побили 210 человѣкъ, а 40 живыхъ взяли, и съ своихъ рукъ и ногъ желѣза поснили и имъ на руки и на ноги поклали. И какъ, государь, пошли турскіе люди изъ Царя-града на Черное море подъ Азовъ [1]) 100 кадергъ и 200 кораблей и со многими мелкими судами, и везли тѣ турскіе люди на тѣхъ корабляхъ многіе запасы; и пришедши тѣ турскіе люди подъ городъ подъ Азовъ, и выбирали изъ тѣхъ кораблей запасы, порохъ на каторгѣ, и возили на берегъ. И мы, холопи твои, въ тотъ часъ украли у тѣхъ турскихъ людей 40 фунтовъ пороху и схоронили межъ запасу сухарей. И тѣ, государь, турскіе люди доставали Озоевъ и его не достали, и много войска истеряли и пошли отъ Озоева опять во Царь-городъ, и пришли, государь, во Царь-городъ, и турской царь на нихъ опалился и многихъ пашой четвертовалъ и вѣшалъ, что они города Азоева не достали. И нашъ турчанинъ Апты-пашъ Марьевъ, у котораго мы, холопи твои, животъ свой мучили на каторгѣ, убоялся и побѣжалъ въ ночи изъ Царя-града на Бѣлое море, и отшедши отъ Царя-града 2 версты и сталъ ночевать; а то, государь, дѣется на Дмитрову субботу въ 8-мъ часу нощи нынѣшняго 151 г. И мы, холопи твои, вспомня православную христіанскую вѣру, и видимъ Божію милость и часъ добрый и взяли мы, холопи твои, порохъ изъ тѣхъ сухарей изъ запасу; и я, холопъ твой, Ивашка, подложилъ тотъ порохъ, гдѣ

---

[1]) Азовъ (по турецки Азакъ)—турецкая крѣпость на лѣвомъ берегу Дона близъ устья этой рѣки; Азовъ взятъ былъ въ 1637 году донскими козаками и оставался въ ихъ власти до 1643 года.

спитъ тотъ турчанинъ Апты-пашъ Марьевъ и съ нимъ спало лутшихъ янычаръ 40 человѣкъ. И зажегши я, холопъ твой, фитиль и сталъ порохъ палить и запаливалъ дважды, и не могъ загорѣться; и тотъ турчанинъ усмотрѣлъ съ тѣми янычарами у меня, холопа твоего, тотъ фитиль съ огнемъ, и сталъ меня, холопа твоего, бранить, что де ты собака дѣлаешь? И я, холопъ твой, ему сказалъ, что хочу пить табакъ дымной, „и ты де пивъ и ляги спать"; и мнѣ, холопу твоему, въ томъ повѣрилъ, и тотъ Апты-пашъ съ тѣми янычары легъ спать и поставилъ сторожу. И въ то время я, холопъ твой, не могъ ничего учинити. И подговорилъ одного иноземца Шпанскія земли, а ихъ турскую вѣру вѣровалъ, и наговорилъ я, холопъ твой, его на христіанскую вѣру и велѣлъ ему принесть головню огню и велѣлъ ему увертѣть въ платъ, чтобы не видали сторожа; и тотъ же государь иноземецъ принесъ головню съ огнемъ, увертѣвъ въ платъ, и подалъ мнѣ, холопу твоему. И потомъ я, холопъ твой, сталъ его выпрашивать, чтобы онъ мнѣ, холопу твоему, выдалъ сабель; и онъ слова моего не ослушался и выдалъ 12 сабель. И я, холопъ твой, тѣ сабли роздалъ ближнимъ своимъ товарыщамъ, которые сидѣли подлѣ меня. И потомъ я, холопъ твой, тое головню подложилъ подъ порохъ и отъ той, государь, головни порохъ загорѣлся и турскихъ людей, янычаръ, которые спали съ пашемъ, въ море половину побросало, а половина государь осталось тѣхъ сорока человѣкъ на каторѣ, а самъ Апты-пашъ спалъ на упокойномъ мѣстѣ, и всѣхъ государь было на каторѣ турскихъ людей 250 человѣкъ. И услышавъ Апты-пашъ крикъ и шумъ, и выбѣжалъ на переднюю лаву и держитъ въ рукахъ саблю и сталъ говорить: „то есте сабаки крестьяне измѣнники, сядьте, а не вставайте, и что вы то дѣлаете?" И я, холопъ твой, Ивашка, учалъ ему говорить спорно и сталъ его Апты-паша называть: „то еси сабака турчанинъ невѣрный". И прокололъ я, холопъ твой, того Апты-паша саблею въ брюхо, а потомъ его ухватили ближніе мои товарыщи и бросили его въ море, и потомъ я, холопъ твой, сталъ гоняться за турскими людьми со всѣми своими товарыщи, которые остались на каторгѣ. И въ то время тѣ турскіе люди учали съ нами биться и почали по

насъ изъ луковъ стрѣлять; и въ ту пору меня, холопа твоего, тѣ турскіе люди изъ лука пострѣлили въ голову, а другою стрѣлою въ правую руку и порубили меня саблею въ голову и въ брюхо. И потомъ я, холопъ твой, какъ зажигалъ подъ тѣхъ турскихъ людей, и обгорѣлъ я, холопъ твой, по поясъ. И пострѣляли государь тѣ турскіе люди моихъ товарыщей, поранили 20 человѣкъ, а до смерти, государь, убили одного человѣка; и потомъ мы, холопы твои, Божіею милостію и твоимъ государскимъ счастьемъ тѣхъ турскихъ невѣрныхъ людей побили. И пошли мы, холопи твои, на Шпанскую землю и далъ намъ Господь Богъ доброй вѣтеръ, и чинили мы два паруса, и пошли, государь, мы черезъ Бѣлое море, и шли мы, холопи твои. 7 дней и 8 ночей, и пришли мы въ Шпанскую землю въ побережный городъ въ Мисину; и стали насъ Шпанскія земли иноземцы призывать и призвали насъ, холопей твоихъ, въ городъ и зазвали насъ въ одну палату, и приставили къ намъ сторожу, и воду намъ, холопямъ твоимъ, продавали. И я, холопъ твой, не могъ въ томъ ничего учинити потому, что раненъ и обгорѣлъ и два мѣсяца лѣчился; и потомъ я, холопъ твой, оздоровѣлъ и сталъ писать Шпанскія земли до воеводы, чтобы насъ, холопей твоихъ, изъ своей земли отпустилъ въ православную христіанскую вѣру. И онъ насъ пустить не хотѣлъ и давалъ намъ гроши и платья и жалованья, чтобы мы служили шпанскому королю; и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули и шпанскому королю служить не захотѣли; мнѣ, холопу твоему Ивашкѣ, давалъ Шпанскія земли король по 20 руб. на мѣсяцъ, и мы ему служить не захотѣли. И пошолъ я, холопъ твой, съ своими товарыщи въ православную христіанскую вѣру на твою государскую милость. И какъ мы, холопи твои, пошли изъ той Шпанскія земли изъ города Мисины[1]), и взяли у насъ 7 человѣкъ, и засадили въ тюрьму, что мы, холопи твои, шпанскому королю не захотѣли служить, и каторгу у насъ, холопей твоихъ, тѣ Шпанскія земли отняли со всѣми животы, что

---

[1]) Сицилія и Неаполь принадлежали тогда Испаніи, почему Мошкинъ и называетъ эти страны Шпанскою землею.

было, и отняли у насъ, у холопей твоихъ, тѣ Шпанскіе нѣмцы 40 человѣкъ турскихъ людей невольниковъ: и потомъ мы, холопи твои, не могли ничего учинити, и отпустили насъ, совсѣмъ ограбивъ душею да тѣломъ, и дали намъ, холопямъ твоимъ, листъ вольной. И шли мы черезъ ихъ Шпанскую землю до Рима до папы римскаго наги и босы и голодны; и отъ папы римскаго шли мы на Вѣнецу и изъ Вѣнецы шли мы, холопи твои, до цесаря крестьянскаго. Цѣсарь крестьянской былъ намъ радъ и звалъ насъ на службу и давалъ намъ жалованье большое, а мнѣ, холопу твоему Ивашкѣ, давалъ помѣстье; и мы ему служить не захотѣли и христіанскія вѣры покинуть, и шли мы, холопи твои, въ православную христіанскую вѣру на твою государскую милость. И изъ Цысарскія земли пришли мы, холопи твои, на Венгерскую землю и изъ Венгерской земли пришли мы къ литовскому королю въ Варшаву; и литовской король для твоего государскаго величества велѣлъ намъ дати пити и ѣсть, далъ намъ пристава своего, королевскаго коморника Андрея Заклику, и далъ намъ подводы, мнѣ, холопу твоему Ивашкѣ, на дорогу далъ 10 руб., а товарищамъ моимъ всѣмъ по 2 руб., и везъ на подводахъ до Вязьмы, а изъ Вязьмы ѣхали мы, холопи твои, до Москвы на твоихъ государевыхъ подводахъ. И шолъ я, холопъ твой Ивашка, съ товарыщи своими черезъ многія земли нагъ и босъ, и во всякихъ земляхъ призывали насъ на службу и давали жалованье большое, и мы, холопи твои, христіанскія вѣры не покинули, и въ иныхъ земляхъ служить не хотѣли, и шли мы, холопи твои, на твою государскую милость. Милосердый государь царь и великій князь Михайла Ѳедоровичъ всея Россіи! Пожалуй меня, холопа своего, съ моими товарыщи за наши службишка и за полонское нужное терпѣніе своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ. А служили мы, холопи твои, Пронька Герасимовъ, Гришка Никитинъ, Ивашка Игнатьевъ, Юшка Михайловъ тебѣ государю на Дону казачью службу вѣрою и правдою съ воды и травы, и были подъ Азоевымъ и въ немъ зимовали; и какъ крымской царь пошелъ въ Русь, и мы, холопи твои, вышли изъ Азоева и пошли за крымскими людьми на

перевозъ на Донецъ на Сѣверской, не хотѣли государь ихъ въ Русь пустить, и на томъ перевозѣ насъ, холопей твоихъ, тѣ крымскіе люди переранили: меня Проньку въ четырехъ мѣстахъ, 3 раны стрѣляныя, четвертая саблю; а у меня Гришки на томъ бою тѣ крымскіе люди отсѣкли у лѣвой руки перстъ, да ранили меня жъ, холопа твоего, изъ лука подъ титьку, да саблею порубили по поясницѣ; а меня, холопа твоего, Ивашку, ранили турскіе люди на каторгѣ изъ лука въ стегно, какъ пошли мы въ православную христіанскую вѣру; меня Юшку ранили крымскіе люди въ трехъ мѣстахъ на томъ же перевозѣ. И на томъ бою насъ, холопей твоихъ, тѣ крымскіе люди взяли въ полонъ и продали на каторгу, и животъ свой мучали на каторгѣ за тебя, праведнаго государя, 7 лѣтъ.

Да верхняго города Ломова [1]) козачишка Тимошка Ивановъ: взяли меня холопа твоего тѣ крымскіе люди въ полонъ подъ городомъ подъ Ломовымъ и продали на каторгу, а въ то время былъ воевода на Ломовѣ Богданъ Ивановичъ Соковнинъ; и животъ свой мучилъ на каторгѣ 7 лѣтъ, и руку лѣвую у меня выбили изъ плеча мушкетомъ.

Меня, холопа твоего, Якимка Васильева, взяли въ полонъ литовскіе люди въ московское разореніе и животъ свой мучилъ въ Литвѣ 9 лѣтъ; и изъ Литовскія, государь, земли взяли меня въ полонъ крымскіе люди и въ Крыму животъ свой мучилъ 10 лѣтъ; и изъ Крыма уходилъ трижды въ православную христіанскую вѣру, и крымскіе, государь, люди меня поймали и мучили и продали на каторгу; и животъ свой мучилъ на каторгѣ 20 лѣтъ, и въ неволѣ государь, я животъ свой мучилъ 40 лѣтъ, и ранили государь меня турскіе люди на каторгѣ саблею дважды, какъ мы пошли въ православную христіанскую вѣру [2]).

---

[1]) Верхній Ломовъ, нынѣ заштатный городъ Пензенской губ. Нижнеломовскаго уѣзда.

[2]) Якимъ Васильевъ Быковъ подалъ сверхъ того отдѣльную челобитную, въ которой просилъ разрѣшенія постричься въ монахи въ монастырѣ Св. Спаса на Новомъ „безъ вкладу". Просьба его была удовлетворена. (Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и древностей 1894, кн. II, стр. 97—98).

Служилъ я, холопъ твой, Карюшка Кондраевъ тебѣ государю казачью службу; какъ была Литва въ Москвѣ, и бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской послалъ насъ съ Иваномъ съ Вельяминовымъ на Тулу, и подъ Тулою взяли меня, холопа твоего, ногайскіе люди въ полонъ, и у ногайскихъ людей животъ свой мучилъ 13 лѣтъ; и ногайскіе люди продали меня на каторгу, и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣстъ животъ свой мучилъ на каторгѣ.

Орлянинъ, сынчишко боярской Назарка Васильевъ сынъ Жилинъ; посылалъ меня, холопа твоего, съ Орла воевода Борисъ Колтовской въ подъѣздъ за крымскими людьми, и въ томъ государь подъѣздѣ крымскіе люди меня ранили саблею, порубили руку, и ранена государь взяли въ полонъ и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ у турскихъ людей на каторгѣ 7 лѣтъ.

Елчанинъ, сынчишко боярской неверстаный; посылалъ, государь, меня, холопа твоего, Ивашка Осипова сына Климова съ Ельца города воевода Василій Измайловъ за отца моего турскаго посла встрѣчать и въ той посылкѣ взяли меня, холопа твоего, въ полонъ крымскіе люди и продали на каторгу, и на каторгѣ животъ свой мучилъ я, холопъ твой, 16 лѣтъ.

Воронежецъ сынчишко боярской неверстаный, Мартинъ Яковлевъ сынъ Сенцовъ: ѣхалъ я, холопъ твой, изъ Воронежскаго уѣзда изъ своего помѣстьишка къ городу Воронежу, и на дорогѣ взяли меня крымскіе люди въ полонъ и продали на каторгу, и на каторгѣ животъ свой мучилъ у турскихъ людей 15 лѣтъ.

Бѣлогородецъ, сынчишко боярскій неверстаный, Филька Еремѣевъ сынъ Корепласовъ: служилъ я, холопъ твой, тебѣ государю неверстанъ за отца своего 3 года, и подъ Бѣлымъ городомъ взяли меня, холопа твоего, въ полѣ крымскіе люди въ полонъ и продали на каторгу, и на каторгѣ животъ свой мучилъ у турскихъ людей 2 года.

Служилъ я, холопъ, твой, Ивашка Лукьяновъ, тебѣ государю въ московскихъ стрѣльцахъ въ Никитинѣ приказѣ Бестужева, и былъ я, холопъ твой, на твоей государевой службѣ на Яблоновомъ и съ Яблонова посыланъ былъ я, холопъ твой, на Осколъ для твоего

государева запасу, а насъ было 200 человѣкъ; и въ то время выходилъ крымской царь и насъ, холопей твоихъ, тѣ люди поймали въ полонъ и продали на каторгу, и на каторгѣ я, холопъ твой, животъ свой мучилъ у турскихъ людей 7 лѣтъ; и какъ пошли мы съ каторги въ православную христіанскую вѣру, и въ тѣ поры, государь, меня ранили турскіе люди саблею.

Чугуевской стрѣлецъ. Логинка Макаровъ: посылапъ я, холопъ твой съ Чугуева въ походъ за крымскими людьми, и въ томъ, государь, походѣ взяли меня крымскіе люди и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ на каторгѣ 2 года; и какъ, государь, пошли мы съ каторги въ православную христіанскую вѣру, и въ тѣ поры меня ранили саблею по лѣвой рукѣ, да изъ лука дважды,

Одоевецъ [1]) Никита Афанасьевъ: взяли, государь, меня въ полонъ крымскіе люди въ полѣ и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ на каторгѣ 25 лѣтъ.

Валуйскаго города стрѣлецкой сынъ Родька Дементьевъ: служилъ я, холопъ твой, за отца своего и на сторожѣ взяли меня въ полонъ крымскіе люди и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ на каторгѣ 2 года, и турскіе люди меня ранили, посѣкли саблею лѣвую руку да изъ лука по поясницѣ.

Воронежецъ Гришка Кирѣевъ: взяли государь меня въ полѣ крымскіе люди и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ на каторгѣ 3 года, и какъ пошли мы съ каторги въ православную христіанскую вѣру, и турскіе люди ранили меня изъ лука дважды, и отъ тѣхъ ранъ лежалъ я при смерти 2 мѣсяца, и копье выняли у меня изъ раны у папы римскаго.

Лебедянскаго уѣзда Петрунька Ларіоновъ: взяли, государь, меня въ полонъ крымскіе люди на полѣ и продали на каторгу и животъ свой мучилъ на каторгѣ 2 года.

Шацкаго города [2]) Максимка Полуехтовъ: взяли государь меня въ полонъ на полѣ на работѣ крымскіе люди и животъ свой мучилъ

---

[1]) Одоевъ уѣздный городъ Тульской губ.

[2]) Шацкъ, уѣздный городъ Тамбовской губ.

въ Крыму 15 лѣтъ, и продали на каторгу, и животъ свой мучилъ на каторгѣ 17 лѣтъ.

Стенька Лукьяновъ: взяли государь меня въ полонъ литовскіе люди въ Московское разоренье маленька; и изъ Литовскія земли уходилъ я трижды, и, пагнавъ меня литовскіе люди, одинъ порубилъ топоромъ, а другой саблею и какъ я, холопъ твой, Ивашка, шелъ изъ неволи изъ Турскія земли съ каторги, и того Степашка нашли на него по дорогѣ въ Литовской землѣ и взяли, государь, мы его съ собою, что онъ похотѣлъ въ православную христіанскую вѣру.

Камарицкаго уѣзда твоей государевой дворцовой волости села Девяткина крестьянинъ Андрюшка Григорьевъ: взяли меня сироту твоего въ полонъ крымскіе люди подъ Мценскимъ городомъ на полѣ и продали меня на каторгу, и животъ свой мучилъ, я сирота твой, на каторгѣ у турскихъ людей 7 лѣтъ.

Пожалуй, государь, насъ бѣдныхъ и безпомощныхъ холопей и сиротъ своихъ для такого нужнаго полонскаго терпѣнія своимъ царскимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ праведному и милосердому государю объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣта думнаго дьяка Разряда Гавренева: „151 г. іюня въ 20 день государь пожаловалъ тому стрѣльцу .... велѣть дать корму по 2 алтына, а достальнымъ всѣмъ дѣтямъ боярскимъ по 8 денегъ, казакамъ по 7, пашеннымъ крестьянамъ по 6 денегъ, для того, что свободились безъ окупу *и отослать подначало къ патріарху для исправленія, для того, что у папы пріимали сокраментъ*“.

VIII.

Дневникъ Богуслава Казимира Машкевича.

1643—1649 г.

Дневникъ Богуслава Машкевича обнимаетъ весьма не долгій промежутокъ времени, всего $6^1/2$ лѣтъ (1643—1649), но представляетъ значительный интересъ для исторіи южной Руси, такъ какъ авторъ провелъ почти все указанное время въ южно-русскомъ краѣ на службѣ у лицъ, игравшихъ выдающуюся роль въ историческихъ событіяхъ половины XVII ст. Въ воспоминаніяхъ Машкевича мы находимъ весьма существенныя черты какъ для характеристики дѣятелей въ родѣ кн. Іереміи Вишневецкаго, воеводы Януша Тышкевича, литовскаго гетмана Януша Радзивилла, такъ и для обрисовки общаго положенія края непосредственно передъ движеніемъ Богдана Хмѣльницкаго и въ началѣ этого движенія.

Относительно біографіи Богуслава Машкевича намъ извѣстны только тѣ немногія данныя, которыя могутъ быть извлечены изъ его дневника; принадлежалъ онъ къ числу мелкой, вѣроятно беззэмельной, служилой шляхты, получилъ незначительное школьное образованіе и провелъ жизнь на службѣ у разныхъ богатыхъ пановъ; сначала въ качествѣ придворнаго при дворахъ Богуслава Радзивилла и люблинскаго кастеляна Зебржыдовскаго, потомъ въ качествѣ офицера надворной милиціи у кн. Іереміи Вишневецкаго и гетмана

Януша Радзивилла. Перемѣняя мѣсто службы, Машкевичъ обыкновенно умалчиваетъ о причинахъ своего перехода отъ одного пана къ другому и оставляетъ въ такихъ случаяхъ пробѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ дневникѣ. Дневникъ этотъ совершенно неожиданно обрывается съ 16-го Іюля 1649 года среди описанія военнаго похода, предпринятаго Янушемъ Радзивилломъ въ Бѣлоруссію противъ козаковъ. Можно предполагать, что Машкевичъ погибъ въ одной изъ послѣдовавшихъ стычекъ.

По развитію своему Машкевичъ представляетъ заурядный типъ шляхтича XVII столѣтія, не выдѣляясь изъ своей среды ни болѣе критическими взглядами, ни сколько нибудь оригинальными способностями, вполнѣ раздѣляя предубѣжденія и политическія тенденціи общества, къ которому онъ принадлежалъ: онъ рѣзко порицаетъ реформаторскія попытки Владислава IV, съ негодованіемъ относится къ примирительному направленію партіи такъ называемыхъ „политиковъ,“ встрѣтившейся ему въ лицѣ Януша Тышкевича, благоговѣетъ передъ самовластіемъ магнатовъ и т. п.

Мемуары Машкевича изданы были Ю. Нѣмцевичемъ въ коллекціи историческихъ матеріаловъ, носящей общее заглавіе: „Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze“ (Собраніе мемуаровъ, относящихся къ старой Польшѣ); въ собраніи этомъ дневникъ Машкевича помѣщенъ въ пятомъ томѣ (Лейпцигъ, 1840 г. стр. 55—85). Нѣмцевичъ для своего изданія пользовался рукописью, хранившеюся въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Пулавахъ; самая эта рукопись представляла копію, списанную во второй половинѣ XVIII ст. съ оригинала, мѣсто нахожденія котораго осталось неизвѣстнымъ.

Въ 1643 г. мой отчимъ, покойный Янъ Криштофъ Ощеклинскій, отдалъ меня въ услуженіе въ качествѣ придворнаго къ князю Богуславу Радзивиллу, хорунжію В. К. Литовскаго. Это была первая моя служба по выходѣ изъ школы, продолжавшаяся немного болѣе четверти года, такъ какъ князь Е. М. снова выѣхалъ заграницу. Въ томъ же году, около дня св. Михаила послали

меня къ п. Францеску Зебржыдовскому, покойному кастеляну люблинскому. Здѣсь прослужилъ я почти три года къ большому своему несчастью по причинѣ самой пани, обладавшей весьма раздражительнымъ характеромъ.

1645 г. Въ этомъ году польскій король, Владиславъ IV, по смерти первой своей жены Цециліи Ренаты, его двоюродной сестры, женился въ Варшавѣ на Маріи Людвикѣ Гонзага.

1646 г. Дня 25 іюля происходило коронованіе королевы Маріи Людвики Гонзага, урожденной княжны Мантуи и Монтеферрата. Въ томъ же году король Владиславъ IV задумалъ былъ расторгнуть договоръ, заключенный съ турками подъ Хотиномъ въ 1621 г. и началъ вербовать иностранцевъ, которыхъ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ на силезской границѣ, но всѣ королевскіе планы и намѣренія были разрушены сеймомъ. Огорченный король сказалъ однажды въ своемъ дворцѣ въ Варшавѣ (намекая на то, что напрасно истратилъ нѣсколько сотъ тысячъ на наемъ иностранныхъ войскъ): „Пусть считается такъ, какъ если-бы я роздалъ эти деньги моимъ.....“ [1]), такъ какъ дѣйствительно этотъ государь любилъ ихъ, хот былъ довольно тученъ.

1647 г. Князь Вишневецкій отправился на сеймъ въ Варшаву передъ вербною недѣлею; отпраздновалъ Пасху въ Люблинѣ. Отсюда въ понедѣльникъ на святой послалъ меня съ восемью тысячами злотыхъ къ своимъ племянникамъ, князьямъ Дмитрію и Константину Вишневецкимъ, которые воспитывались еще въ Краковѣ; самъ же князь прямо выѣхалъ на сеймъ.

На этомъ сеймѣ князь Вишневецкій велъ процессъ со своимъ шуриномъ Александромъ Конецпольскимъ, хорунжимъ коронымъ, за владѣніе Гадячемъ. Дѣло это должно было обсуждаться еще на предыдущемъ сеймѣ, но въ то время помѣшала болѣзнь князя, вслѣдствіе чего п. хорунжій коронный принудилъ князя Вишневецкаго присягнуть передъ сеймомъ въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ болѣнъ въ предыдущую осеннюю сессію. Сущность дѣла между

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.

княземъ Вишневецкимъ и п. хорунжимъ коронным состояла въ слѣдующемъ.

Покойный кастелянъ краковскій, великій гетманъ коронный Станиславъ Конецпольскій, отецъ коронпаго хорунжія, владѣлъ Гадячемъ по милости короля. Передъ смертью онъ исходатайствовалъ отъ короля привилегію на это владѣніе для своего сына, хорунжія короннаго; не зная о томъ, князь Вишневецкій тотчасъ по смерти пана краковскаго началъ хлопотать о Гадячѣ, получилъ на него привилегію и тотчасъ вошелъ во владѣніе. За это п. хорунжій потребовалъ его на сеймовой судъ, на который князь не явился по причинѣ болѣзни. Отсюда возникъ процесъ на сеймѣ 1647 года, при чемъ п. хорунжій коронный не хотѣлъ приступать къ разбору дѣла, пока князь Вишневецкій не подтвердитъ присягою, что онъ дѣйствительно былъ болѣнъ во время предыдущаго сейма. Узнавъ объ этомъ, князь старался всѣми мѣрами уклониться отъ присяги, но вслѣдствіе упорства п. хорунжія, не желавшаго уступить, принужденъ былъ присягать. Не дай Богъ, если-бы эта присяга состоялась, она могла-бы повлечь за собою большое несчастье, ибо наканунѣ князь Вишневецкій собралъ всѣхъ слугъ и бывшихъ съ нимъ людей, всего около 4,000 человѣкъ, за исключеніемъ пѣхоты и мелкаго люда и обратился къ нимъ съ рѣчью, прося сопровождать его и слѣдить за его дѣйствіями, а затѣмъ довершить то, что онъ начнетъ. Далѣе онъ объяснилъ, что если принужденъ будетъ присягать, то вставши съ колѣнъ тотчасъ намѣренъ рубить хорунжія и всѣхъ, кто сталъ бы поддерживать его требованіе, хотя бы и самаго короля; „а вы, прибавилъ онъ, всѣ до одного, дворовые слуги и молодежь, ворвитесь въ палату сенаторовъ и поддержите меня.“ Все это было-бы исполнено, если-бы состоялась присяга, но въ дѣло вмѣшался самъ король Владиславъ съ панами сенаторами и п. хорунжій отступилъ отъ своего требованія.

При разборѣ дѣла оказалось, что краковскій кастелянъ еще при жизни переуступилъ владѣніе своему сыну и Гадячъ присужденъ п. хорунжію коронному. Если-бы я зналъ объ этомъ, то разжился бы на лишнюю тысячу-другую вмѣстѣ съ моимъ товари-

щемъ Подпесенскимъ, когда мы выбирали квартирную плату въ этомъ Гадячѣ, но потомъ оставили ее.

Осенью господинъ мой, князь Вишневецкій, съ княгинею и цѣлымъ дворомъ выѣхалъ за Днѣпръ въ Лохвицу и другія помѣстья его украинной резиденціи. Прибывши туда, онъ собралъ свое войско: 6,000 слугъ своихъ, которые въ силу постановленія ординаціи (правъ, регулировавшихъ пользованіе землею) обязаны были доставлять всадниковъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а также выбранцевъ[1]) изъ своихъ имѣній, число которыхъ достигало 26,000 человѣкъ.

Въ день св. Михаила кн. Вишневецкій выступилъ изъ Лубенъ со всѣмъ этимъ людомъ, выслушавъ предварительно мессу, такъ какъ тамъ былъ костелъ св. Михаила; онъ отправился въ степь къ Запорожью, назначивъ мѣстомъ лагеря Жовнинъ, куда и собиралось войско.

Въ воскресенье мы пришли къ Кодаку[2]), т. е. не къ самой крѣпости, но остановились въ милѣ отъ нея, въ углу при впаде-

---

[1]) Подобно тому какъ существовали выбранцы въ королевскихъ имѣніяхъ, магнаты, владѣвшіе крупными помѣстьями, организовали такую-же милицію изъ своихъ крестьянъ.

[2]) Крѣпость Кодакъ или Кудакъ была построена по распоряженію гетмана Станислава Конецпольскаго Бопланомъ. Она лежала на правомъ берегу Днѣпра у перваго днѣпровскаго порога, Койдацкаго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится лоцманская слобода *Старые Койдаки*. Назначеніе крѣпости состояло въ томъ, чтобы облегчить польскому правительству возможность контроля и наблюденія надъ Запорожьемъ. Къ началу 1635 года крѣпость была окончена, Конецпольскій снабдилъ ее артиллеріею и гарнизономъ и назначилъ комендантомъ ея француза, капитана Маріона; послѣдній издалъ распоряженіе о запретѣ продавать запорожцамъ порохъ и оружіе и самимъ имъ воспретилъ заниматься рыбною ловлею и охотою. Въ томъ же 1635 г. запорожцы подъ начальствомъ Сулимы овладѣли Кодакомъ, перебили 200 человѣкъ нѣмецкой пѣхоты, составлявшей гарнизонъ и разстрѣляли Маріона. Въ 1636 г. реестровые козаки заняли крѣпость по приказу Конецпольскаго, послѣ чего поляки вновь укрѣпили ее въ 1637—1639 г.г. Въ этомъ видѣ и описываетъ ее Машкевичъ въ 1647 г. Въ концѣ 1648 г. Кодакъ былъ осажденъ по распоряженію Хмельницкаго нѣжинскимъ полковникомъ Шумейкомъ, который принудилъ коменданта Гродзицкаго сдаться; гарнизонъ вмѣстѣ съ комендантомъ былъ взятъ въ плѣнъ, а крѣпость Хмельницкій передалъ запорожцамъ, которые поставили въ ней свой гарнизонъ. Въ Переяславскихъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго 1654 г. сказано, что въ Кодакѣ содержится гарнизонъ изъ 400 чело-

ніи рѣки Самары въ Днѣпръ. Приблизившись, князь Е. М. приказалъ троекратно выпалить изъ пушекъ, привѣтствуя коменданта, нѣкоего Гродзицкаго (уже предупрежденнаго о его прибытіи), который взаимно привѣтствовалъ князя нѣсколькими пушечными залпами изъ крѣпости. Планъ мѣстности и расположеніе лагеря подъ Кодакомъ въ то время было слѣдующее [1]).

вѣкъ, для которыхъ испрашивалось жалованье и прокормленіе изъ государевой казны. Въ 1656 г. близь крѣпости населилось мѣстечко, въ числѣ жителей были лоцманы, проводившіе плоты черезъ пороги; построена была церковь св. Михаила. Въ 1658 г. Выговскій усилилъ гарнизонѣ крѣпости, но уже въ 1664 г. онъ состоялъ всего изъ двадцати запорожцевъ и Тетеря предлагалъ польскому правительству воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы овладѣть Кодакомъ.

Въ виду договорныхъ статей Брюховецкаго (1665 г.) въ Кодакѣ долженъ былъ помѣщаться русскій гарнизонъ изъ 300 человѣкъ подъ начальствомъ воеводы но запорожцы отказались допустить въ крѣпость этотъ гарнизонъ. Въ 1672 г. укрѣпленія состояли изъ высокаго вала съ острогомъ и рва въ 900 саженъ окружностью; въ крѣпости находилось четыре пушки. Въ 1673 г., по просьбѣ запорожцевъ, царь послалъ въ Кодакъ для охраны отъ татаръ 1000 человѣкъ гарнизона и воеводу, кн. Степана Волконскаго. Здѣсь въ 1687 г. былъ арестованъ воеводою Неплюевымъ и препровожденъ въ Сѣвскъ возвращавшійся изъ Крыма сынъ гетмана Григорій Самойловичъ. Въ 1689 г. основанъ городъ Самаръ и туда переселены жители Кодака. Мазепа впрочемъ поддерживалъ укрѣпленія, посылалъ провіантъ запорожскому гарнизону и въ 1697 г., во время похода на низовья Днѣпра, оставилъ здѣсь резервъ подъ начальствомъ Даніила Апостола. Въ 1708 г. запорожцы приняли въ Кодакѣ Булавина, который разослалъ отсюда нѣсколько сотъ агентовъ въ Московское государство и на Донъ съ грамотами, подстрекавшими къ возмущенію. Въ 1709 г. послѣ Полтавской битвы воевода Яковлевъ, посланный для упраздненія Запорожья, овладѣлъ Кодакомъ безъ сопротивленія и приказалъ сжечь его; съ того времени крѣпость перестала существовать. Поселеніе возобновилось въ 1744—1748 годахъ вслѣдствіе того, что сюда переселились многіе жители изъ Старой Самары. Въ 1784 г. въ Кодакѣ числилось 94 двора и 309 душъ, а въ 1787 изъ жителей Кодака и Каменки организована была правительствомъ лоцманская община и спеціальную лоцманскую повинность несутъ они понынѣ. Въ 1815 построена была вновь церковь св. Михаила. Въ 1863 г. число дворовъ въ Старыхъ Кайдакахъ достигло цифры 390, жителей считалось 754.

Въ немъ сохранились валы бывшей крѣпости, окруженные глубокимъ рвомъ. Высота валовъ достигаетъ 10 саженъ, расположены они въ видѣ четырехугольника съ четырехугольными бастіонами по угламъ; внутренняя площадь городища занимаетъ пять десятинъ, на ней помѣщается 10 лоцманскихъ усадебъ.

[1]) Очевидно въ подлинной рукописи Машкевича въ этомъ мѣстѣ приложенъ былъ планъ, но Нѣмцевичъ не нашелъ его въ копіи, которою пользовался для своего изданія.

Князь провелъ ночь въ лагерѣ, а на слѣдующій день отправился въ байдакѣ въ Кодакъ въ сопровожденіи своей козацкой хоругви, въ которой поручикомъ былъ п. Курошъ. Комендантъ Кодака, Гродзицкій, съ почетомъ принявши князя, угощалъ его венгерскимъ виномъ не смотря на то, что это было въ глухой степи, вдали отъ всякаго поселенія; былъ тамъ и я вмѣстѣ съ другими.

Самъ князь провелъ эту ночь въ замкѣ, (оставивъ при себѣ нѣсколько человѣкъ изъ молодежи), иные ночевали въ слободкѣ подлѣ самаго замка, прочіе возвратились въ лагерь.

Въ Кодацкомъ замкѣ постоянно соблюдались военныя предосторожности. Здѣсь всегда находился гарнизонъ изъ 600 человѣкъ добраго войска, которыхъ татары не могли одолѣть, хотя-бы ихъ самихъ набралось и 100,000. Передъ заходомъ солнца всегда били зорю и запирали ворота, послѣ чего никого уже не пропускали ни въ замокъ, ни изъ замка, хотя бы и въ случаѣ крайней необходимости; люди, находившіеся въ замкѣ, разумѣется всѣ вооруженные мушкетами, неусыпно оставались на стражѣ. Высота вала была такова, что изъ за него едва виднѣлся верхъ замковыхъ построекъ и на обязанности капитана лежало ежегодно подсыпать па локоть земли на всемъ его протяженіи; у подножія его былъ глубокій ровъ, а внутри замка множество вылѣпленныхъ изъ глины лачужекъ такихъ малыхъ размѣровъ, что въ иную можно было проникнуть только на четвереньках; въ нихъ жили различные ремесленники. Плѣнные татары постоянно работали надъ укрѣпленіемъ вала. Ночью обходила дозоромъ стража, равно какъ и самъ комендантъ. Часовой никого не подпускалъ близко къ себѣ, но, прицѣлившись изъ мушкета, спрашивалъ пароль по нѣмецкому обычаю и проходящій обязанъ былъ отвѣтить ему пароль. Въ слободкѣ подъ замкомъ было около шестидесяти домовъ, гдѣ жили захожіе люди, которые не занимались земледѣліемъ, по причинѣ опасности со стороны орды; если же кто и сѣялъ, то очень немного и съ осторожностью. Рыболовство шло очень успѣшно, хлѣбъ подвозили на байдакахъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ; кіевскій полкъ былъ освобожденъ отъ гарнизонной повинности подъ условіемъ снабжать Ко-

дакъ припасами. Надъ самымъ Днѣпромъ находился рынокъ, на которомъ продавались кожи и различныя мелочи.

Въ разстояніи полумили отъ Кодака стояла высокая башня, съ вершины которой открывался горизонтъ на восемь миль вокругъ; здѣсь постоянно находилась стража изъ сотни пѣшихъ стрѣлковъ и десяти человѣкъ конницы. Если стража на башнѣ замѣчала вдали какое нибудь неизвѣстное войско, котораго не могла сразу опознать, то немедленно отряжала одного или двухъ всадниковъ для поимки языка.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, князь возвратился въ лагерь байдакомъ по Днѣпру. Во вторникъ, въ сопровожденіи трехъ тысячъ конницы, онъ выступилъ въ степь къ Молочнымъ Водамъ съ цѣлью осмотрѣть пороги, которыхъ всѣхъ двѣнадцать: 1) Койдацкій, надъ которымъ стоитъ крѣпость Кодакъ, 2) Сурскій), 3) Лоханскій, 4) Воронова Забора, 5) Княжій, 6) Стрѣльчій, 7; Ненасытецъ; 8) Будило, 9) Звонецъ, 10) Таволжаный, 11) Кичкасскій [1]), 12) Вольный. Всѣ они лежатъ поперегъ Днѣпра на подобіе двернаго порога, отъ чего и получили свое названіе, или скорѣе на подобіе плотины; однако, ходить по нимъ невозможно, хотя скалы и хорошо видны изъ воды, такъ какъ въ силу быстраго теченія, волны, ударяясь о нихъ, заливаютъ пороги. Нѣкоторые пороги тянутся въ видѣ одной гряды скалъ, другіе въ нѣсколько рядовъ на близкомъ между ними разстояніи; поэтому то козаки, отправляясь въ лодкахъ на море, задолго передъ порогами высаживались на берегъ, сухимъ путемъ перетаскивали суда, минуя скалы, затѣмъ спускали ихъ на воду и плыли до слѣдующаго порога, гдѣ снова принуждены были вытаскивать ихъ на сушу—и такъ у всѣхъ двѣнадцати пороговъ. Тоже самое происходило и на обратномъ пути. Самый опасный между порогами Ненасытецъ, который состоитъ изъ семи рядовъ скалъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга; поэтому, хотя большинство козаковъ и перетаскивало свои челны сухимъ путемъ, тѣмъ не менѣе во время пути какъ внизъ, такъ и вверхъ,

---

[1]) Вѣроятно подъ этимъ названіемъ Машкевичъ разумѣетъ порогъ Лишній.

здѣсь всегда погибало нѣсколько человѣкъ; отсюда онъ и получилъ названіе Ненасытца. За недостаткомъ времени не буду останавливаться надъ происхожденіемъ названій прочихъ пороговъ.

Въ разстояніи нѣсколькихъ миль далѣе послѣдняго порога, т. е. Вольнаго, есть островъ на серединѣ Днѣпра въ одну милю длиною, поросшій густымъ дубовымъ лѣсомъ; здѣсь всегда находился козацкій гарнизонъ для предупрежденія татарскихъ набѣговъ; островъ этотъ называется Хортицею. Выше Хортицы находится урочище, называемое Кичкасово, противъ котораго князь приказалъ сложить высокій курганъ изъ камня на вѣчную память потомству, такъ какъ до него ни одинъ панъ изъ нашего народа не заходилъ такъ далеко въ степь въ этомъ направленіи.

Возвратились мы изъ Запорожья въ воскресенье, проведя въ пути шесть дней, при чемъ нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ переходили вбродъ рѣку Самару. Въ понедѣльникъ я отправился въ Кодакъ съ п. Закржевскимъ, чигринскимъ полковникомъ; тамъ и ночевали. На слѣдующій день, во вторникъ, князь передъ разсвѣтомъ отсалютовалъ троекратнымъ пушечнымъ залпомъ и двинулся въ обратный путь. Мы съ паномъ Закржевскимъ взяли лодку, и, не смотря на сильныя волны на Днѣпрѣ, поспѣшили въ лагерь, гдѣ никого уже не застали кромѣ нашихъ лошадей, привязанныхъ къ дубу, (на которомъ князь приказалъ вырѣзать свой гербъ и насыпать подлѣ него курганъ); если бы слуги не догадались привязать здѣсь лошадей, пришлось бы намъ пѣшкомъ догонять войско, которое мы при быстрой ѣздѣ едва настигли къ ночи.

Не успѣвъ ничего въ степи и не встрѣтивъ ни одного татарина, прибыли мы въ Лохвицу въ день св. Мартина, слава Богу благополучно; осень стояла такая теплая, какъ рѣдко бываетъ и среди лѣта, поэтому развелось множество пресмыкающихся въ особенности на обгорѣлыхъ степяхъ, ибо всѣ степи были обожжены и земля черна какъ сажа. Тамъ гдѣ травы были толще, стебли ихъ не выгорѣли до корня и эти остатки сильно вредили нашимъ лошадямъ, кололи имъ пятки, такъ что мы принуждены были обшивать ихъ ноги кожею. Шли все время по берегу Днѣпра, гдѣ не выгорѣли

травы на мокрыхъ мѣстахъ. Въ числѣ прочихъ змѣй, какъ-то: ужей, гадюкъ и веретеницъ мы встрѣтили полоза толщиною въ человѣческую руку пониже локтя, длиною почти въ копье.

Разсказываютъ, что зачуявши всадника, хотя бы ѣдущаго на самомъ быстромъ конѣ, полозъ догоняетъ его, обвивается вокругъ коня и человѣка и тотчасъ жалитъ въ горло какъ бы шиломъ; онъ имѣетъ жало на обоихъ концахъ тѣла, глазъ у него нѣтъ и ротъ очень малъ. Встрѣтивъ этого полоза, волошская хоругвь стражника Александра Замойскаго изрубила его въ куски, а позже, когда мы подошли, каждая отдѣльная часть его двигалась словно цѣлая живая змѣя; было и много иныхъ гадовъ.

За недѣлю передъ заговѣнами на филипповскій постъ прибылъ отъ п. Пржыемскаго, ленчицкаго воеводича, п. Бодзинскій просить руки княжны Анны Збаражской, старшей племянницы князя Вишневецкаго, которая вмѣстѣ съ младшею сестрою Варварою находилась подъ опекою этого князя. Этотъ панъ Бодзинскій, пріѣхавши вмѣстѣ съ другимъ паномъ, Ляссотою, попали на свадьбу придворныхъ князя; женился п. Станишевскій на фрейлинѣ княгини, паннѣ Ленской. Князь былъ весьма радъ панамъ Бодзинскому и Ляссотѣ, обдарилъ ихъ очень радушно и отпустилъ черезъ нѣсколько недѣль.

1648 г. января 7 дня. Князь мой господинъ вмѣстѣ съ княгинею, взявши съ собою п. Бодзинскаго, отправились на крестины къ своему слугѣ п. Суфчинскому въ Сенчу [1]), гдѣ и ночевали.

Января 15. Съ тѣмъ же п. Бодзинскимъ князь ѣздилъ въ Лубны на погребеніе своего слуги п. Закржевскаго, которому устроилъ приличныя похороны.

Дня 18. Выѣхали п.п. Бодзинскій и Ляссота, получивши въ подарокъ отъ князя по два прекрасныхъ коня турецкой породы.

Февраля 15. Дано знать князю Е. М., что какой-то Хмельницкій, собравши толпу бродягъ, прогналъ изъ Запорожья корсунскій полкъ, составлявшій тамъ гарнизонъ, послѣ чего призвалъ народъ къ бунту и теперь къ нему пристаетъ все населеніе.

---

[1]) Мѣстечко Лохвицкаго у. Полтавской губ.

Февраля 16. Князь послалъ меня съ письмомъ къ кастеляну краковскому[1]) съ извѣстіемъ объ этомъ Хмельницкомъ; я нашелъ кастеляна въ Богуславѣ, гдѣ онъ навѣстилъ тѣло своего шурина Адама Казановскаго, старосты богуславскаго.

Февраля 27. Я возвратился въ Прилуки съ письмомъ къ князю отъ краковскаго кастеляна.

Апрѣля 1 дня. Прибылъ въ Прилуки посолъ отъ крымскаго хана, Чаусъ-мурза, человѣкъ благопристойный; пришелъ въ 20 коней, прося князя отпустить трехъ татаръ, взятыхъ въ плѣнъ два года назадъ, въ то время, когда они шли со посольствомъ въ Москву; ханъ прислалъ князю въ подарокъ гнѣдаго коня турецкой породы, хотя стараго, но не дурнаго, сѣдло не особенно роскошное съ подушкою изъ турецкаго войлока, съ наборною уздечкою на бѣломъ ремнѣ, сверхъ того прекрасный турецкій лукъ.

Апрѣля 4. Князь съ женою прибыли въ Лубны на праздникъ Пасхи, взявши съ собою и ханскаго посла.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля Хмельницкій съ бунтовщиками и ордою окружилъ 40,000 коннаго кварцянаго войска, бывшаго подъ начальствомъ гетманскаго сына и разбилъ на голову при Жолтыхъ водахъ.[2]) Въ тотъ же день, еще не зная о пораженіи кварцянаго войска, князь послалъ меня въ Іеремiевку, откуда я долженъ былъ давать ему знать о томъ, что дѣлается въ войскѣ. Получивъ извѣстіе т. е. письмо отъ п.п. гетмановъ изъ Чигрина, гдѣ они стояли съ войсками, я отослалъ по почтѣ это письмо князю, который съ тою же почтой прислалъ мнѣ отвѣтъ для гетмановъ съ запросомъ, куда они укажутъ ему направиться съ его войскомъ, котораго было 6,000. Тѣмъ временемъ гетманы двинулись обратно къ

---

[1]) Николаю Потоцкому.

[2]) Битва эта произошла вблизи нынѣшняго села Жолте, лежащаго на сѣверо-западной окраинѣ Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ съ у. Александрійскимъ на водораздѣльной площади, отдѣляющей балку "*Селище*„ впадающую въ балку Жолтую (притокъ Саксагани), отъ балки "*Княжьи Байраки*„ впадающей въ Омельникъ. (См. спеціальное изслѣдованіе: „Сраженіе при Желтыхъ водахъ" г. Гейсмана. Саратовъ 1890 г.

Корсуню. Узнавши о пораженіи нашего отборнаго кварцянаго войска на Желтыхъ водахъ, я пустился вслѣдъ за гетманами и догналъ ихъ уже за Черкасами, не смотря на опасности, которымъ подвергался; ибо, проѣхавъ четыре мили отъ Черкасъ къ Сѣкирной[1]) и едва выйдя изъ перевоза, я нашелъ въ мѣстечкѣ толпы крестьянъ, которые сомкнули кобылицы[2]) вокругъ селенія и я навѣрно былъ-бы пойманъ вмѣстѣ съ товарищемъ королевскихъ войскъ п. Унишевскимъ, который съѣхался съ мною на пути, если-бы намъ не удалось замѣтить дыру въ оградѣ и выскочить въ поле. Выбравшись оттуда, мы пріѣхали въ Мошны, имѣніе князя также какъ и Сѣкирна. Въ милѣ отъ Сѣкирной мы принуждены были ночевать по причинѣ непогоды, хотя всѣ жители разбрелись изъ мѣстечка и крестьяне не оставили-бы насъ въ живыхъ, если-бы не слухъ о близости коронналго войска.

Мая 8. Утромъ слѣдующаго дня мы встрѣтили гетмановъ съ короннымъ войскомъ на Сахновомъ мосту[3]) за Кумейками, въ трехъ миляхъ отъ Мошенъ. Здѣсь я вручилъ письмо гетманамъ, которые не имѣли свѣжихъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля.

Мая 9. Войска прибыли въ Корсунь въ количествѣ около 60,000, считая вмѣстѣ съ панскими отрядами и расположились на еврейскомъ кладбищѣ возлѣ самаго города по богуславской дорогѣ.

Мая 10. Я отправился съ письмомъ отъ п.п. гетмановъ къ князю, не зная ничего достовѣрнаго, такъ какъ и сами гетманы не получали языка изъ подъ Корсуня. На почлегъ прибылъ въ Переяславъ.

Мая 11. Козацкій полковникъ Кривоносъ прибылъ на разсвѣтѣ подъ Корсунь съ двадцатью тысячами конницы, однихъ козаковъ безъ орды, которая вся оставалась при Хмельницкомъ. Гетманы наскоро выстроили войска и начали битву съ Кривоносомъ, въ ко-

---

[1]) Сѣкирна деревня на берегу Днѣпра черкасскаго уѣзда кіевской губерніи.

[2]) Кобылицами назывались ограды, сдѣланныя изъ заостренныхъ перекрещивавшихся кольевъ.

[3]) Въ XVII столѣтіи это поселеніе называлось *Осетровъ* или *Сахновъ мостъ* и было мѣстечкомъ.

торой, Божьею милостью, непріятель понесъ пораженіе, съ нашей же стороны потери были незначительны, но, хотя Богъ благословилъ въ этотъ день оружіе нашихъ гетмановъ, опасность не вполнѣ еще миновала. Поэтому они составили военный совѣтъ, на которомъ рѣшено на слѣдующій-же день идти въ Богуславъ и тамъ основать главную квартиру. Но Хмельницкій съ ордою и козаками, вѣроятно въ силу Божьяго приговора, разрушилъ ихъ планы; ибо когда гетманы и войсковая старшина постановили на совѣтѣ идти къ Богуславу, то на другой же день, т. е. во вторникъ, слухъ объ этомъ разнесся въ лагерѣ и всѣ уже знали рѣшеніе совѣта; козаки между тѣмъ поймали нашего языка, отъ котораго дознались о замыслахъ нашего войска и сперва хотѣли въ ту же ночь ударить на него со всѣми своими силами, затѣмъ перемѣнили намѣреніе, и тою же ночью заступили путь отъ Богуслава въ томъ мѣстѣ, гдѣ среди открытой степи находится въ милѣ отъ Корсуня злополучная долина, т. наз. *Крутая Балка*, которой никакъ невозможно было обойти. Ночью Хмельницкій занялъ ее со всѣми своими силами, вырылъ глубокій ровъ на протяженіи болѣе мили вдоль балки, поросшей густымъ и высокимъ дубнякомъ; въ этихъ заросляхъ укрылись войска Хмельницкаго и ожидали нашихъ.

Мая 12. На слѣдующій день послѣ битвы съ Кривоносомъ, т. е. во вторникъ, гетманы двинулись съ войскомъ изъ подъ Корсуня къ Богуславу въ большомъ безпорядкѣ, безъ всякой стражи, таборомъ, который окружали войска. Да и чортъ знаетъ, откуда взялся-бы тамъ порядокъ, когда великій коронный гетманъ, Николай Потоцкій, краковскій кастелянъ, постоянно напивался водкою и въ то время также сидѣлъ пьяный въ каретѣ, а другой, польный гетманъ Калиновскій, хотя и радъ былъ что нибудь сдѣлать, но ему не слишкомъ повиновались. Къ тому же онъ былъ такъ близорукъ, что плохо видѣлъ на разстояніи одной стаи[1]) и едва могъ различить человѣка

---

[1]) Старинная польская мѣра протяженія, никогда точно не установленная, измѣнявшаяся сообразно времени и обстоятельствамъ и заключавшая отъ 125 до 220 шаговъ.

на разстояніи полета стрѣлы. Итакъ подошли къ этой злополучной Крутой Балкѣ, не подозрѣвая засады и такъ велико было ослѣпленіе пановъ, что не послали впередъ даже какой нибудь хоругви раньше, чѣмъ начали спускать возы; впереди артиллеріи шеренгами шла пѣхота, непосредственно за нею пушки, а тотчасъ за ними возы. Значительная часть обоза спустилась въ долину и артиллерія приблизилась уже къ вырытому козаками рву, который былъ такъ широкъ и глубокъ, что его трудно было перейти; поэтому, остановясь на краю рва, начали кричать: „Стой! стой!“ чтобы возы не шли дальше; но склонъ былъ слишкомъ крутъ, обозъ уже на столько спустился съ горы что не было возможности сдержать лошадей; возы, обгоняли себя взаимно, наталкивались другъ на друга и переворачивались вмѣстѣ съ лошадьми. Среди такого смятенія Хмельницкій вышелъ изъ засады съ сорока тысячнымъ войскомъ, въ числѣ котораго были и татары, окружилъ обозъ и мгновенно уничтожилъ небольшой отрядъ п. Сенявскаго, шедшій отдѣльно отъ короннаго кварцянаго обоза. Нѣсколько хоругвей бросились къ каретѣ гетмана Потоцкаго, заклиная его послать ихъ въ рукопашную схватку съ непріятелемъ, но гетманъ не только не разрѣшилъ этого, но напротивъ подъ угрозою смерти приказалъ всѣмъ спѣшиться и взяться за мушкеты, что было очень дурно, такъ какъ поляки, не привычные къ пѣшему бою, не умѣли построиться въ надлежащемъ порядкѣ. Тогда эти хоругви, не помню кому принадлежавшія, видя безпорядокъ въ нашемъ войскѣ и не внемля гетманскому приказу, стремительно бросились на непріятеля, прорвались сквозь его ряды и успѣли спастись; впрочемъ ихъ не слишкомъ усердно преслѣдовали, такъ какъ болѣе лакомый кусокъ оставался въ рукахъ. Едва наши сошли съ коней, со всѣхъ сторонъ наскочилъ непріятель, разорвалъ таборъ, разгромилъ войско, взялъ живьемъ обоихъ гетмановъ и п. Сенявскаго; вообще почти всѣ взяты были въ плѣнъ живыми, такъ какъ среди наступившаго смятенія не могли опомниться и надлежащимъ образомъ повести защиту.

На этотъ разъ непріятель, кромѣ неожиданной добычи, при самомъ началѣ войны одержалъ никогда не слыханную побѣду, на

которую хотя и надѣются обѣ стороны, но все же каждая колеблется между надеждою и опасеніемъ. Добыча превосходила всѣ ожиданія, ибо горделивые коронные паны отправились на войну со всѣми богатствами. Больше другихъ потерялъ п. Сенявскій, который, отправляясь въ первый разъ на услугу отечеству, собрался въ походъ со всевозможною пышностью: онъ привезъ съ собою множество ненужныхъ предметовъ роскоши, весьма богатаго оружія, столоваго серебра для угощенія рыцарства въ лагерѣ и прочихъ богатствъ, какъ-то: лошадей, одеждъ и пр. Все это непріятель такъ убралъ въ одинъ часъ, что и слѣда не осталось; самихъ же пановъ, къ великому стыду и вѣчному поруганію польской короны, погнали въ татарскую неволю и гетмановъ на равнѣ съ другими вели связанныхъ и къ вѣчному позору и презрѣнію.

Между тѣмъ князь Вишневецкій, мой господинъ, не дождавшись меня отъ п.п. гетмановъ, 11 мая на ночь выступилъ съ войскомъ изъ Прилукъ въ Рудавку по переяславской дорогѣ, отправивши княгиню за Днѣпръ въ Брагинь. Въ тотъ же день и я прибылъ съ письмами отъ гетмановъ, которые ни о чемъ не увѣдомляли князя, такъ какъ ничего еще не было извѣстно во время моего отъѣзда. На слѣдующій день князь ночевалъ подъ Переяславомъ у с. Туровки [1]) въ роковой день 12 мая, когда наши войска были разбиты, а гетманы взяты въ плѣнъ.

Мая 13. Мы стояли подъ Яготиномъ; сюда пришелъ на ночлегъ пѣшкомъ, одѣтый въ грубую крестьянскую рубаху, старый ветеранъ п. Поляновскій, давно уже служившій у князя товарищемъ его гусарской кварцяной хоругви. Онъ то передалъ князю злополучную, неслыханную вѣсть о взятіи въ плѣнъ обоихъ гетмановъ и о разгромѣ короннаго войска. Вѣсть эта поразила не только князя, но и всѣхъ насъ; намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы когда нибудь этотъ врагъ могъ привести наше отечество къ такому упадку. Тѣмъ не менѣе князь шелъ дальше съ войскомъ, котораго могло быть 6,000 или болѣе. На пути приставали къ намъ бѣдняки,

---

[1]) Рудавка и Туровка с.с. въ западной части Прилукскаго уѣзда Полтавской губ.

успѣвшіе бѣжать изъ разныхъ мѣстъ того края; всѣ они повторяли тоже извѣстіе. Довѣряя имъ вполнѣ, князь направился къ Переяславу, куда мы прибыли 14 мая. Здѣсь Е. М. получилъ уже вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія обо всемъ случившемся, но предполагая, что часть войска еще уцѣлѣла, хотѣлъ со своими силами переправиться за Днѣпръ и съ этою цѣлью разослалъ для добыванія паромовъ отряды драгунъ въ нѣсколько десятковъ лошадей въ различныя мѣстечки, какъ то: въ Черкасы, Домонтовъ, Сѣкирну, Бучакъ, Стайки, Трехтемировъ и Ржищевъ. Сюда приказано сводить всѣ паромы, но ихъ нигдѣ не оказалось: всѣ они были затоплены въ первую же ночь послѣ пораженія коронпаго войска, чтобы затруднить переправу князю Вишневецкому, котораго сильно боялись козаки. Тогда князь, видя, что очутился за Днѣпромъ съ небольшою горстью своихъ людей, словно птица въ клѣткѣ, совѣтуется со своими полковниками и поручиками, что предпринять. Рѣшено уходить съ этими силами куда нибудь за Днѣпръ, пока не взбунтовались еще заднѣпровскіе крестьяне; единственная нора, куда можно было спастись, это былъ путь къ Чернигову.

Мая 16. Мы выступили съ войскомъ къ Чернигову; ночевали подъ Басанью, имѣніемъ п. Криницкой. Вечеромъ князь послалъ п. Понятовскаго, ротмистра надворныхъ козаковъ, вмѣстѣ съ его хоругвью въ сторону Канева для поимки языка; въ ту же ночь они привели пятерыхъ плѣнниковъ, которые повторяли тоже самое о пораженіи гетмановъ и пр. На утро обезглавили плѣнныхъ козаковъ.

Мая 19. Пришло извѣстіе о томъ, что король Владиславъ IV умеръ за недѣлю передъ разгромомъ гетмановъ.

Мая 25. Объявлено междуцарствіе. Мы прибыли въ Черниговъ и тамъ три дня переправлялись черезъ Десну.

Мая 29. Всѣ мы выступили изъ Чернигова, гдѣ шляхта укрѣпилась въ замкѣ въ ожиданіи козаковъ; князь совѣтовалъ имъ уходить вмѣстѣ съ нимъ, но они, не сознавая еще всей опасности и полагаясь на защиту окружающихъ лѣсовъ, остались въ замкѣ, гдѣ всѣхъ ихъ вырѣзали впослѣдствіи.

Мая 30. Прибыли въ Любечъ надъ Днѣпромъ, гдѣ князь оставилъ войско, а самъ переправился и поѣхалъ къ княгинѣ въ Брагинь за пять миль, куда и я сопровождалъ его. Окончивъ переправу, войско также пришло къ Брагиню [1]) въ праздничный день; здѣсь князь пробылъ недѣлю съ княгинею и далъ отдыхъ войску. Между тѣмъ козаки, шедшіе по нашимъ слѣдамъ, тотчасъ по выходѣ нашемъ изъ Чернигова подступили къ городу, оставили здѣсь половину своихъ силъ, а другую половину отрядили въ погоню за нами, но сами не могли взять Чернигова и вскорѣ отозвали ихъ, послѣ чего овладѣли городомъ и вырѣзали всѣхъ тѣхъ, которые заперлись было въ замкѣ, около трехъ недѣль отражая непріятеля, пока не исчерпался запасъ пороха и провіанта. Подкрѣпленія негдѣ было взять, потому что мы ни о чемъ не знали. Впрочемъ, если бы не этотъ Черниговъ, набрались бы страху князь съ княгинею, такъ какъ Брагинь лежитъ въ весьма невыгодной мѣстности, весь окруженъ болотами и непроходимыми лѣсами.

Недѣлю спустя, 8 іюня, выступили мы съ княземъ и княгинею къ Бабицѣ подъ Мозырь, такъ какъ трудно было переправиться черезъ Припеть. 10 іюня пришли въ Бабицу, гдѣ отпраздновали день Божьяго тѣла. Послѣ обѣда князь снарядилъ княгиню въ Туровъ къ своей теткѣ, воеводинѣ виленской, а войско нѣсколько дней переправлялось черезъ Припеть, затѣмъ расположилось лагеремъ въ полумилѣ отъ Бабицы на пути къ Овручу.

Іюня 28. Мы проходили черезъ Погребыще, имѣніе князей Збаражскихъ, находившихся въ то время подъ опекою князя; приведенный языкъ сообщилъ, что въ Немировѣ собралось 600 козаковъ, поэтому князь туда и направился съ войскомъ.

Іюня 29. Князь отрядилъ въ передовую стражу къ Немирову брацлавскаго стольника п. Барановскаго съ двумя стами ло-

---

[1]) Брагинь нынѣ мѣстечко Минской губ. Рѣчицкаго уѣзда. Упоминается въ лѣтописи уже въ 1147 году какъ одинъ изъ городовъ, входившихъ въ составъ Кіевскаго княжества. Въ XVI ст. Брагинь принадлежалъ князьямъ Вишневецкимъ; здѣсь при дворѣ кн. Адама В. въ 1604 году служилъ въ качествѣ его слуги первый самозванецъ и первый разъ заявилъ свои притязанія на происхожденіе отъ царскаго рода.

шадей, съ которыми послалъ и меня. Въ четырехъ миляхъ отъ Немирова встрѣтили въ с. Ободномъ [1]) до шестидесяти козаковъ, которыхъ, съ Божьею помощью, вырѣзали до послѣдняго. Отсюда п. Барановскій писалъ князю, прося подкрѣпленія, такъ какъ по свѣдѣніямъ въ Немировѣ находилось болѣе тысячи козаковъ. Князь отрядилъ 200 всадниковъ, которые присоединились къ намъ передъ разсвѣтомъ неподалеку отъ Немирова; тогда наши раздѣлились на два отряда и на самомъ разсвѣтѣ ворвались одни въ одинъ городъ, а мы въ другой. гдѣ находился замокъ. Ночью козаки изъ предосторожности начали уходить вбродъ черезъ рѣку или скорѣе прудъ, чего мы не замѣтили въ темнотѣ, но когда разсвѣло, мы перехватили часть ихъ въ полѣ и всѣхъ перебили; остальные бѣжали въ лѣса къ Винницѣ и Брацлаву, въ городѣ же мы захватили очень немногихъ. Тогда одинъ козакъ ружейнымъ выстрѣломъ едва не отстегнулъ мнѣ пуговицу у жупана, но это стоило ему жизни; девять человѣкъ однако взяты живьемъ. Въ полдень мы вышли изъ Немирова и въ тотъ же день соединились съ княземъ подъ Прилукою, имѣніемъ мазовецкаго воеводы [2]). Едва мы

---

[1]) Ободное село на верховьи р. Собка въ Брацлавскомъ уѣздѣ Подольской губерніи.

[2]) Прилука мѣстечко Бердичевскаго уѣзда на берегахъ р. Западной Десны. Упоминается какъ городъ Кіевскаго княжества еще въ 1146 году. Во второй половинѣ XVI ст. Прилука принадлежала Брацлавскимъ земанамъ, Ивану, Сергію и Семену Домаленкамъ-Прилуцкимъ; около 1590 года перешла во владѣніе кн. Януша Збаражскаго, который укрѣпилъ городъ и построилъ замокъ. Въ 1594 г. Эрихъ Лясота, проѣзжая черезъ городъ, нашелъ въ немъ до 4000 домовъ; помимо палисада, окружавшаго городъ, каждый домъ былъ приспособленъ къ защитѣ и снабженъ амбразурами. Послѣ смерти кн. Януша Збаражскаго 1608 г. Прилука досталась его сыну кн. Юрію, послѣднему представителю этого рода († 1631); послѣ его смерти Прилука перешла во владѣніе его двоюродной сестры Анны, жены кн. Константина Вишневецкаго, а затѣмъ, въ качествѣ приданнаго ея дочери Елены, перешла къ мужу послѣдней Станиславу Варшицкому, воеводѣ мазовецкому, (о которомъ и упоминаетъ Машкевичъ). Въ 1648 Прилуку заняли козацкіе полковники Гайжа и Кривоносъ и мѣстечко вошло въ составъ Кальницкаго полка въ качествѣ сотеннаго города. Въ 1652 моровая язва истребила многихъ жителей, остальныхъ перебилъ поголовно въ 1653 г. Стефанъ Чарнецкій во время своего набѣга на Украину, такъ что во время переписи, произведенной въ 1654 году, значится „городъ пустой Прилука." Только въ 1711 году послѣ Прутскаго договора вновь овладѣли Прилукою

вышли изъ лѣсу въ степь, въ разстояніи полуторы добрыхъ миль отъ Немирова, какъ изъ лѣсу высыпали и козаки въ большомъ количествѣ, замѣтивъ нашъ таборъ, гдѣ находилось множество евреевъ и евреекъ, которые пристали къ намъ въ городѣ, не смотря на то, что присягали козакамъ не оставлять ихъ. Мы бросились на нихъ и захватили до 30 человѣкъ, остальные бѣжали въ лѣсъ.

Дня 2 іюля. Войско просило князя доставить ему хлѣбъ и дать отдыхъ послѣ труднаго и продолжительнаго пути черезъ пустыню. Князь послалъ въ Немировъ (также принадлежавшій князьямъ Збаражскимъ и состоявшій подъ его опекою) двухъ капитановъ собирать хлѣбъ: капитана Калиновскаго и другого какого-то нѣмца, но добраго воина, при каждомъ 50 человѣкъ драгунъ. Къ вечеру того же дня они прибыли въ Немировъ, куда понемногу начали возвращаться бѣжавшіе оттуда жители. Оба капитана, остановившись въ замкѣ, потребовали къ себѣ войта и, когда тотъ явился съ притворною покорностью, объявили ему волю князя и показали универсалъ. Измѣнникъ этотъ обѣщалъ выполнить всѣ требованія, прося только повременить немного, пока соберется населеніе. Часъ спустя явился въ замокъ одинъ крестьянинъ, предостерегая капитановъ, что войтъ послалъ за козаками, желая истребить насъ; тѣ не повѣрили ему, предполагая, что это говорится лишь съ цѣлью напугать ихъ и такимъ образомъ избѣгнуть поборовъ, но все же оставались въ замкѣ, принявъ мѣры предосторожности.

3 іюля. Во вторникъ на разсвѣтѣ, какъ и предостерегалъ тотъ крестьянинъ, козаки сдѣлали приступъ, но безуспѣшно, затѣмъ другой, третій и т. д., каждый разъ крича, чтобы тѣ сдавались,

---

прежніе владѣльцы Варшицкіе, но вскорѣ въ качествѣ приданнаго имѣніе это перешло къ новымъ владѣльцамъ, Борженцкимъ, которые владѣли Прилукою до конца XVIII столѣтія. Въ началѣ XIX ст. за долги послѣдняго Борженцкаго, Александра, его кредиторы раздѣлили между собою его имѣніе. Нынѣшняя Прилука раздѣляется на двѣ половины: Старую и Новую Прилуку (бывшее село Кисели); въ мѣстечкѣ числится до 5000 жителей; есть двѣ православныя церкви и католическій костелъ. Въ Старой Прилукѣ сохранилось четырехугольное городище, обнесенное валами въ $4^1/_2$ сажени высотою и въ 163 сажень длиною на каждой сторонѣ четырехугольника; городище это соединено съ берегомъ Десны валомъ въ 500 сажень длиною.

но честные драгуны, хотя и навербованные тамъ же на Украинѣ, такъ отчаянно защищались, что осталась только груда труповъ. Только одинъ, оставшись въ живыхъ, пролежалъ между трупами до самой ночи, затѣмъ бѣжалъ и далъ знать князю о случившемся. Штурмъ продолжался день и ночь отъ вторника до пятницы; наконецъ, послѣ трехъ неудачныхъ приступовъ въ ночь съ четверга на пятницу и четвертаго приступа днемъ, старшина козацкая, сама оставаясь трезвою, напоила водкою крестьянъ и пустила на приступъ. Пьяная чернь лѣзла какъ ошалѣлая, между тѣмъ какъ нашимъ бѣднякамъ не доставало ни пороху, ни пуль. Замѣтивъ это, непріятель съ тѣмъ большею настойчивостью устремлялся на ограду, а добравшись до нея, лѣзъ на проломъ въ замокъ, гдѣ шла уже рукопашная схватка. Капитаны съ драгунами изрубили множество крестьянъ, но не могли до конца противустать превосходнымъ силамъ, такъ какъ и руки уставали, и силы изнемогали послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей и безпрерывнаго боя. Такимъ образомъ крестьянами были вырѣзаны всѣ драгуны, капитанъ Калиновскій убитъ, равно какъ и другой капитанъ нѣмецъ, который крѣпко защищался и самъ изрубилъ саблею до тридцати человѣкъ, пока одинъ крестьянинъ не ранилъ его издали косою.

6 іюля. Князь двинулся на Волынь, не зная еще ни о чемъ и полагая, что тѣ заняты собираніемъ припасовъ.

7 іюля. Пришелъ одинъ изъ драгунъ, участвовавшихъ въ защитѣ Немирова и далъ знать обо всемъ случившемся. Князь отрядилъ полторы тысячи кавалеріи съ приказаніемъ взять городъ, вырѣзать поголовно и правыхъ, и виноватыхъ, а самый городъ сжечь; но непріятель, предвидя это, укрѣпился такъ хорошо, что не далъ и подступить къ городу; итакъ отрядъ этотъ, ничего не сдѣлавши, со стыдомъ принужденъ былъ ретироваться, а князь съ войскомъ шелъ дальше на Волынь.

17 іюля. Мы стояли подъ Райгородомъ [1]), когда во время самаго обѣда пришло извѣстіе князю о томъ, что козаки съ утра

---

[1]) Райгородокъ мѣстечко Житомирскаго уѣзда на границѣ съ Бердичевскимъ.

добываютъ Махновку, имѣніе кіевскаго воеводы Тышкевича, который проситъ подкрѣпленія. Князь тотчасъ бросилъ обѣдъ и поспѣшилъ съ тысячью отборной конницы. День былъ чрезвычайно бурный, но князь все таки шелъ къ Махновкѣ, приказавши обозу съ остаткомъ войска идти въ Быстрикъ [2]), имѣніе того же пана воеводы. Когда мы приближались къ Махновкѣ, въ четверти мили отъ Быстрика встрѣтилъ насъ п. воевода кіевскій, который выѣхалъ въ поле, чтобы скорѣе повидаться съ княземъ и поблагодарить его за ту готовность, съ какою онъ поспѣшилъ на выручку Махновки. Послѣ всѣхъ привѣтствій п. воевода, по невѣдомой причинѣ, всячески отговаривалъ его прекратить походъ, измышляя различные предлоги, лишь бы прекратить дѣло. Съ другой стороны войско, настроенное уже въ извѣстномъ направленіи, настойчиво домогалось продолжать путь; наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, направились къ Махновкѣ и п. воевода кіевскій вмѣстѣ съ нами. Пока длились наши переговоры въ полѣ, козаки, взявши тѣмъ временемъ городъ, уже штурмовали замокъ, въ которомъ заперлась хоругвь надворныхъ козаковъ воеводы подъ начальствомъ п. Льва, а вмѣстѣ съ ними множество шляхтянокъ, евреевъ и евреекъ и, раньше чѣмъ мы подоспѣли, взяли сперва монастырь бернадиновъ, стоявшій позади замка, а оттуда повели приступъ на самый замокъ, которымъ вскорѣ и овладѣли.

Когда мы приблизились, нѣсколькимъ хоругвямъ было приказано занять позицію на горѣ, господствующей надъ городомъ; но тѣ, незнакомые съ положеніемъ мѣстности, бросились туда съ безполезными возгласами, чѣмъ обратили на себя вниманіе непріятеля, который, собравъ наскоро въ городѣ возы, вышелъ въ поле и расположился таборомъ вблизи города. Прежде чѣмъ наши хоругви обогнули рѣку, которую далеко нужно было объѣзжать по плотинѣ, непріятель успѣлъ къ вечеру настолько прочно построить таборъ, что хотя мы цѣлую ночь безпокоили его нападеніями, но ничего

---

[2]) Быстрикъ село на р. Гнилопяти Бердичевскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ къ югу отъ Бердичева.

уже не могли сдѣлать; передъ разсвѣтомъ отступили на гору за рѣчкою и тамъ, притаившись за горою, ожидали утра. Взявши замокъ раньше нашего прибытія, непріятель вырѣзалъ всѣхъ бывшихъ въ немъ поголовно, только п. Левъ спасся благополучно съ нѣсколькими товарищами; мы также не мало пострадали-бы отъ козаковъ, если-бы у нихъ не подмокли самопалы; однако, не смотря и на это, они не допустили насъ до приступа.

13 іюля. Едва разсвѣло, князь хотѣлъ начать наступленіе, но п. воевода кіевскій былъ сильно противъ этого, убѣждая князя оставить окончательно этого непріятеля на томъ основаніи, что тотъ въ раздраженіи станетъ мстить на его имѣньяхъ, послѣ чего Тышкевичъ будетъ вынужденъ искать убытки ни на комъ иномъ, какъ на самомъ князѣ. Между тѣмъ козаки, не подвергаясь нападенію, шли таборомъ къ Погребыщамъ, а такъ какъ мы желали незамѣтнымъ образомъ осмотрѣть козацкій лагерь, то князь приказалъ нѣсколькимъ солдатамъ ползкомъ взлѣзть на гору; тѣ, взобравшись, увидѣли только мѣсто лагеря, самаго-же непріятеля въ немъ не оказалось. Дали знать объ этомъ, послѣ чего всѣ мы взошли на гору, но и сами увидѣли только пустое мѣсто. Посланы были охотники, нѣсколько десятковъ конницы, въ числѣ которыхъ отправился и я, догнали ихъ въ разстояніи доброй мили и, если-бы шелъ самъ князь съ войскомъ, безъ сомнѣнія козаки были-бы разбиты на голову, такъ какъ ихъ можно было осадить въ открытой степи, отрѣзавъ отъ воды. Подкравшись къ табору, мы схватили хорошаго языка, который сообщилъ, что это шелъ сынъ Кривоноса съ трехтысячнымъ войскомъ самаго плохого состава; мы препроводили его къ князю, но все таки прекратили преслѣдованіе, внимая убѣжденіямъ п. воеводы кіевскаго и возвратились къ своему войску въ Быстрикъ, откуда продолжали путь на Волынь.

23 іюля. Пришли на ночь въ Росоловку [1]) въ двухъ миляхъ отъ Старо-Константинова на границѣ Волыни, непріятель же, вырѣзавши наканунѣ много шляхты въ Полонномъ, началъ показы-

---

[1]) Росоловцы, село Староконстантиновскаго уѣзда, Волынской губ.

ваться подъ Ст.-Константиновымъ со стороны Новаго Константинова. Здѣсь подъ Росоловкою мы простояли цѣлый день, ожидая нападенія.

24 іюля. Въ субботу позднимъ вечеромъ пришла вѣсть изъ С.-Константинова отъ Корицкаго, полковника войска сандомирскаго воеводы, князя Доминика Острожскаго [1]) и королевскаго полковника Осинскаго, что Кривоносъ наступаетъ съ большими силами на Константиновъ. Послѣ совѣщанія съ кіевскимъ воеводою и войсковою старшиною, князь ночью выступилъ къ С.-Константинову, куда мы пришли передъ разсвѣтомъ.

25 іюля. Утромъ заложили лагерь подъ самымъ городомъ между рѣкою Широю [2]) съ одной стороны и Случью съ другой. Непріятель не показывался и только послѣ полудня стража дала знать о его приближеніи. Подъѣздной отрядъ поймалъ языка, который разсказалъ, что Кривоносъ идетъ безъ орды съ 50,000 козаковъ. Тогда князь разставилъ всѣ силы въ полѣ въ боевомъ порядкѣ, хоругви князя Доминика въ количествѣ 1,500 и своихъ 4,000 человѣкъ, ибо множество людей, уходившихъ съ княземъ изъ Заднѣпровья, разбрелись въ разныя стороны, перейдя на правый берегъ Днѣпра. Подошелъ непріятель и расположился на противуположномъ берегу Случи на горѣ; войско его было безчисленно, между тѣмъ какъ съ нашей стороны была кучка около 6,000 человѣкъ или немногимъ больше.

Непріятель хотѣлъ было немедленно начать серьезное наступленіе, но Осинскій съ отрядомъ пѣхоты въ 1,200 человѣкъ засѣлъ у переправы и усиленно защищалъ ее. Князь приказалъ изъ разныхъ пунктовъ навести на нихъ пушки, которыхъ выстрѣлы слегка разили непріятеля. Затѣмъ одинъ изъ княжескихъ офицеровъ, молодой человѣкъ, Гавріилъ Аксакъ, имѣвшій собственный отрядъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о князѣ Владиславѣ-Доминикѣ Заславскомъ, а не Острожскомъ, родъ которыхъ уже прекратился раньше описываемаго времени.

[2]) Въ названіи рѣки кажется Машкевичъ ошибся; рѣка, впадающая въ Случь у С. Константинова, называется Икопоть.

кавалеріи въ 300 человѣкъ, просилъ князя о позволеніи начать съ этими силами атаку раньше прочаго войска; князь долго колебался, ибо это было почти равносильно тому, чтобы пытаться вилами достать солнце, наконецъ разрѣшилъ послѣ долгаго раздумья. Отрядъ Аксака тотчасъ пустился въ бродъ, за нимъ охотно пошли на приступъ и другія хоругви. Замѣтивъ это, непріятель столь многочисленный, благодаря неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, началъ уходить передъ такою горстью народа, а наши, призвавъ Бога на помощь, пустились въ погоню, рубили ихъ до самаго табора на протяженіи полуторы мили и, хотя не особенно густо, все же усѣяли землю ихъ трупами, причемъ пало съ ихъ стороны вѣроятно до 2,000 человѣкъ, а нашихъ очень немного.

Едва добравшись до табора, измѣнники такъ поспѣшно окопались въ долинѣ, что мы не могли ничего имъ сдѣлать, стояли только на горѣ надъ ними, поджидая гвардію. Пока войско стояло въ боевомъ порядкѣ, выстрѣломъ раненъ въ колѣно Андрей Мокрскій, полковникъ князя, человѣкъ престарѣлый и добрый, который спустя три недѣли умеръ отъ этой раны. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ самопала, а въ ранѣ найдена желѣзная четырехгранная стрѣла.

Не скоро подошла гвардія, съ которою мы намѣревались ударить на таборъ и вѣроятно взяли бы его, обладая достаточными силами, если бы воевода кіевскій не противодѣйствовалъ этому всѣми мѣрами, пока не настоялъ на своемъ, безразсудный человѣкъ. Итакъ, настоявшись вволю, мы отступили, когда совсѣмъ стемнѣло.

26 іюля. П. воевода кіевскій съ княземъ, полковниками и прочею старшиною потратилъ цѣлый день на совѣщаніе, которымъ подорвалъ вліяніе князя Вишневецкаго и не допустилъ его въ этотъ день брать приступомъ непріятельскій таборъ, какъ намѣревался князь. Между тѣмъ константиновскіе мѣщане, радуясь прибытію козаковъ, ночью того же дня тайкомъ доставили въ ихъ лагерь пиво, водку, порохъ и пр; когда это было замѣчено и доложено князю, онъ приказалъ арестовать виновныхъ и казнить около сорока человѣкъ. Въ то время, когда мы цѣлый день провели въ совѣщаніяхъ у Константинова, къ непріятелю прибыли въ подкрѣп-

леніе 20,000 украинскихъ крестьянъ, между которыми были и старые козаки; послѣ краткаго совѣщанія съ ними Кривоносъ рѣшился, не ожидая насъ къ себѣ, на утро идти со всѣмъ таборомъ и всѣми своими силами атаковать насъ, что и было исполнено.

27 іюля. Рано утромъ мы погребали товарища въ костелѣ о. о. доминикановъ; едва взошло солнце, дали знать о приближеніи козаковъ; прибѣгаемъ въ лагерь, а непріятель стоитъ уже таборомъ надъ Случью. Князь Вишневецкій со всею поспѣшностью отрядилъ 1,200 человѣкъ королевской гвардіи въ засаду у переправы, остальное войско разставилъ въ полѣ въ боевомъ порядкѣ въ виду непріятеля, обозу же приказалъ идти въ Кульчинъ, [1]) опасаясь измѣны со стороны мѣщанъ. Замѣтивъ это, непріятель всею массою устремился къ переправѣ, гдѣ Осинскій съ гвардіею далъ ему хорошій отпоръ; это повторилось нѣсколько разъ. Князь приказалъ также слегка потеребить ихъ изъ полевыхъ орудій, но и непріятельская артиллерія не умолкала; намъ благопріятствовало только то обстоятельство, что у нихъ не было хорошихъ пушкарей и ядра пролетали высоко надъ нами. Обозъ нашъ также успѣлъ удалиться.

Непріятель вновь попыталъ счастья, цѣлымъ таборомъ двинулся къ переправѣ и, не взирая на потери, причиняемыя гвардіею, измѣнники съ рѣшимостью шли къ рѣкѣ, пока князь не приказалъ гвардіи отступить и идти къ Кульчину вслѣдъ за возами. Козаки тотчасъ пустились переходить рѣку въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ и, едва переправилось ихъ около половины, тотчасъ, начали битву, такъ какъ мы поспѣшили имъ на встрѣчу и, Божьею милостью, дали имъ надлежащій урокъ; но когда всѣ они перешли на эту сторону, мы принуждены были немного отступить. Козаки тотчасъ же окопались полумѣсяцемъ надъ рѣкою и переправили артиллерію, которая непріятно дымила намъ подъ носомъ. Мы снова бросились на нихъ, но этотъ приступъ былъ уже затруднительнѣе перваго; впрочемъ и на этотъ разъ они понесли нѣкоторыя потери.

---

[1]) Кульчинъ мѣстечко Староконстантиновскаго уѣзда къ юго-западу отъ уѣзднаго города, на берегу р. Случи.

Мы опять отступили и остановились въ разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ лука; они тотчасъ принялись подводить другой окопъ ближе къ намъ, причемъ убили у насъ п. Кустоша, поручика козацкой хоругви князя, стоявшаго впереди своего отряда. Тогда князь снова скомандовалъ атаку, ставши лично во главѣ своихъ козаковъ; на этотъ разъ мы захватили пять пушекъ, двѣ гаковницы и два органка [1]), которые едва удалось увезти оттуда, такъ какъ измѣнники тотчасъ же оправились. Снова послали звать гвардію и пѣхоту, чтобы въ послѣдній разъ ударить на непріятеля и попытать счастья, что было-бы очень хорошо, ибо козаки, замѣтивъ это, пришли въ смятеніе; чернь уже схватила было Кривоноса, котораго живьемъ хотѣла выдать князю, сложивъ на него вину, будто онъ силою понуждалъ ихъ къ этой битвѣ. Но опять чортъ принесъ кіевскаго воеводу съ его злостными совѣтами, который употребилъ всѣ усилія, чтобы не допустить князя завершить битву и успѣлъ въ этомъ. Князь рвалъ на себѣ волосы въ отчаяніи, но принужденъ былъ отступить съ войскомъ на ночлегъ въ Кульчинъ, оставивъ въ лѣсу развѣдчиковъ; такимъ образомъ онъ напрасно сражался цѣлый день и упустилъ побѣду по винѣ кіевскаго воеводы. Справедливо можно примѣнить къ нимъ старинную пословицу: „Князь написалъ золотомъ, а воевода... припечаталъ". Въ этотъ день непріятелей легло на мѣстѣ до 1,500, а нашихъ сто человѣкъ.

Іюля 28. На другой день утромъ или въ ту же ночь пришли развѣдчики изъ подъ Константинова, привели языка, который сообщилъ, что непріятелъ сильно былъ встревоженъ наканунѣ, когда увидѣлъ гвардію и пѣхоту и, если бы (говоритъ) пѣхота разъ только пошла въ атаку, козаки сдались бы и выдали Кривоноса живьемъ.

Послѣ того мы двинулись дальше на Волынь съ людьми князя Доминика.

Августа 3. Нѣсколько дней спустя, узнавши, что непріятель въ Заславѣ, князь послалъ туда передовую стражу, но непріятель бѣжалъ.

---

[1]) Organek военный снарядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ мушкетныхъ стволовъ, установленныхъ на одномъ ложѣ и соприкасающихся между собою такъ, что поджигались всѣ за разъ и одновременно давали залпъ.

Августа 5. Стража возвратилась ни съ чѣмъ, тогда князь отправился въ Збаражъ и я поѣхалъ съ нимъ.

Октября 6 [1]). Получено извѣстіе, что 27 сентября непріятель разгромилъ 40,000 короннаго войска подъ Пилявцами въ сторонѣ отъ Новаго Константинова. Виною этому былъ фатальный демонъ, князь Доминикъ, который замѣщалъ должность великаго короннаго гетмана впредь до возвращенія гетмановъ изъ плѣна; онъ первый поддался паникѣ и ночью бѣжалъ изъ лагеря. Войско, не видя гетмана, разсѣялось такъ поспѣшно, что непріятель сперва не замѣтилъ этого и цѣлый день простоялъ въ виду лагеря, предполагая, что люди притаились съ умысломъ; затѣмъ сдѣлалъ приступъ и, не встрѣтивъ сопротивленія, овладѣлъ всѣмъ, что было въ лагерѣ. Добыча была неисчислимая, ибо коронные паны съ такою необычайною роскошью выступили въ походъ, что не только экипажи, но и вьючные возы были обтянуты пурпуромъ съ золотыми шнурками; каждый возъ съ собою множество роскошныхъ одеждъ, золота, драгоцѣнностей, дорогихъ матерій и т. п., такъ что рѣдкій изъ товарищей не равнялся пышностью знатнымъ вельможамъ. Каждый не задумываясь продавалъ послѣднее имущество, лишь-бы какъ можно роскошнѣе собраться въ походъ; за эту роскошь такъ сильно и покаралъ ихъ Господь, такъ какъ они все оставили, спасаясь бѣгствомъ, хотя никто ихъ не преслѣдовалъ, чѣмъ навлекли на отчизну несмываемое пятно позора.

Послѣ столь постыднаго бѣгства нашихъ, непріятель взялъ верхъ и шелъ уже вглубь края, куда хотѣлъ.

Декабря 21. Князь конюшій [2]), въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей изъ своей хоругви, отправился на коронацію короля Яна Казимира, которая должна была происходить въ январѣ.

---

[1]) Очевидно въ промежуткѣ между 5 Августа и 6 Октября Машкевичъ оставилъ службу у кн. Вишневецкаго; къ Машкевичу доходитъ лишь извѣстіе о Пилявецкомъ погромѣ, между тѣмъ какъ кн. Вишневецкій принималъ со своимъ войскомъ участіе въ этомъ походѣ.

[2]) Богуславъ Радзивиллъ

Января 20 1649. Гетманъ литовскій князь Янушъ Радзивиллъ, собравши войско В. К. Литовскаго, двинулся изъ Бреста къ Турову.

1 февраля. Мы прибыли въ Туровъ, гдѣ не только козаковъ, но живой души не застали: всѣ разбѣжались, такъ какъ еще раньше разогналъ ихъ п. Карлъ Эсманъ. новгородскій повѣтовый ротмистръ.

7 февраля. Взявши съ собою по половинѣ отъ каждой хоругви, князь гетманъ отправился на развѣдки къ Мозырю, въ 15 миляхъ отъ котораго укрѣпился непріятель. Пройдя въ этотъ день три мили, мы остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Петриковѣ, гдѣ ночевалъ и гетманъ со всѣмъ войскомъ.

9 февраля. За два или три часа до разсвѣта вышли изъ Петрикова, мѣстечка, принадлежавшаго виленскому воеводѣ Іерониму Ходкевичу; къ вечеру прибыли въ Скрыгаловскую слободу—Хмѣлища [1]), гдѣ пришлось размѣщаться на ночлегъ по нѣсколько товарищей въ одной хатѣ; отсюда князь выслалъ въ разныя стороны развѣдчиковъ для поимки языка. между прочимъ хоругвь своихъ козаковъ направилъ въ село въ милѣ отъ Мозыря, для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній. Узнавши, что въ селѣ стоитъ одна только хоругвь, непріятель ночью сдѣлалъ нападеніе столь внезапное, что наши едва успѣли опомниться и бѣжать; при этомъ изрубили одного изъ товарищей, п. Заламая и нѣсколькихъ слугъ, прочіе всѣ спаслись. Между тѣмъ гетманъ, ничего не зная о случившемся, выступилъ за три—четыре часа до разсвѣта и медленно подвигался къ Мозырю.

Передъ разсвѣтомъ привели пойманнаго казака, который сообщилъ обо всемъ происшедшемъ и о разсѣяніи княжеской хоругви, а также нѣкоторыя свѣдѣнія о непріятельскомъ войскѣ, котораго находилось въ Мозырѣ нѣсколько десятковъ тысячъ; старшимъ начальникомъ былъ мозырскій сѣдельный мастеръ, вторымъ Михненко. Когда начало свѣтать, князь съ такою поспѣшностью устремился къ городу со своими силами, что я на бѣгу отморозилъ себѣ половину носа, которую послѣ едва могъ оттереть. Приблизившись къ самому

---

[1]) Слобода Скрыгаловская село Минской губ. Мозырскаго уѣзда у дороги изъ м. Скрыгалова въ г. Мозырь.

городу, князь размѣстилъ по нѣсколько хоругвей по ту и другую сторону его отъ рѣки Припети, которая была защищена прорубями вдоль береговъ. Измѣнники окружили валомъ цѣлый городъ, построили себѣ шанцы по оврагамъ и возвышенностямъ, чѣмъ преграждали намъ приступъ; но, съ Божьей помощью, мы одержали побѣду.

Сперва князь послалъ на приступъ пѣхоту, стрѣлковъ капитана Рона и компанію капитана Раецкаго, но непріятель причинилъ имъ большой уронъ. Видя это, князь приказалъ нѣсколькимъ коронным хоругвямъ аттаковать валы, которые хотя были не особенно высоки, но весьма скользки и снабжены сильнымъ гарнизономъ: другія хоругви, направленныя на другой конецъ города, дѣйствовали также безуспѣшно, пока наконецъ князь не скомандовалъ цѣлому войску спѣшиться съ коней и идти на приступъ.

Давши нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, наши пошли на штурмъ; впереди шолъ Гапцкосъ со своими рейтарами, оставившими лошадей. Тѣмъ временемъ кто то изъ нашихъ прицѣлился въ бочку пороха у непріятеля; порохъ взорвало, а наши войска, съ Божьей помощью, одержали верхъ надъ непріятелемъ, который тотчасъ обратился въ бѣгство, мы же довершая начатую побѣду, рубили и жгли дома. Болѣе другихъ при этомъ отличались нѣмцы, которые не щадили не только самихъ козаковъ, но женщинъ и дѣтей; бѣжалъ, кто могъ, но немного ихъ спаслось. Только сѣдельникъ, бывшій старшимъ поковникомъ, спасся на добромъ конѣ; его товарищъ, второй полковникъ Михненко, взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со многими другими и всѣ тамъ же посажены на колъ. Князь гетманъ, желая осмотрѣть поле битвы, назначилъ въ тѣлохранители себѣ по два товарища изъ каждой хоругви, въ томъ числѣ и меня вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ изъ хоругви князя конюшаго Богуслава Радзивилла; объѣзжая трупы между холмами и кустами, обнаженными въ эту пору года, мы испытывали удовольствіе равное охотѣ, такъ какъ непріятель, уходившій въ разсыпную по болотамъ, оврагамъ и т. д., старался каждый по одиночкѣ укрыться въ кустахъ, при чемъ всѣхъ хорошо видно было съ горы; мы же свободно прицѣливались кто

изъ охотничьяго ружья, кто изъ мушкета и каждый убивалъ намѣченнаго. Нѣкоторые впрочемъ, словно зайцы, прокрались въ поле, но и тѣ не спаслись, такъ какъ стоявшія тамъ хоругви рубили и всячески истребиляли ихъ.

Затѣмъ зажгли городъ, такъ что едва успѣли послѣ потушить пожаръ, а сверхъ того князь гетманъ приказалъ драгунской пѣхотѣ не пропускать туда никого, ни изъ товарищей, ни изъ слугъ, что было въ точности исполнено. Далѣе, въ силу княжескаго приказа, пѣхота Юскемоза и драгуны Оттенгауза обирали въ пользу князя всѣ лавки и дома; прочему войску приказано идти въ Хмѣлища, гдѣ мы ночевали наканунѣ; съ нами возвратился и князь, оставивши въ Мозырѣ нѣсколько нѣмецкихъ хоругвей.

Оглашенъ приказъ по всему войску, чтобы никто, подъ страхомъ смерти, не смѣлъ ни самъ ѣхать въ Мозырь, ни посылать слугъ; такъ никто и не посылалъ цѣлыхъ два дня.

Февраля 13. Снова оглашенъ приказъ, разрѣшающій всѣмъ, кому угодно, ѣхать въ Мозырь за добычею, но уже не зачѣмъ было ѣздить, такъ какъ все лучшее отобрано въ пользу князя, остальное взяли нѣмецкіе драгуны и пѣхота, а чего тѣ уже не хотѣли брать, то намъ бѣднымъ оставили по пословицѣ: „На тоби небоже, що мени негоже“; и не досталось намъ никакой добычи, развѣ кто привезъ какую куницу или кусокъ сала, все же олово, мѣдь, серебро, золото, деньги и т. п., все это отошло на долю князя. Въ понедѣльникъ выступили изъ Хмѣлищъ, слободы Скрыгаловской, къ Бобруйску, который осадилъ было польный писарь Воловичъ съ полутора тысячнымъ войскомъ и держалъ въ осадѣ четыре недѣли.

Прибыли въ Бобруйскъ въ субботу передъ полуднемъ и, не показываясь непріятелю, остановились въ лѣсу за рѣкою Березиною. Князь послалъ козакамъ приказъ сдаться, обѣщая имъ свободный пропускъ, но тѣ ни за что не хотѣли согласиться. Желая страхомъ принудить ихъ къ сдачѣ, князь приказалъ нашимъ хоругвямъ вечеромъ слѣдующаго дня, 21 февраля, приблизиться къ городу, но измѣнники, думая, что это тѣже отряды Воловича, смѣялись надъ ними, говоря: „Воловичъ пугаетъ, но не испугаетъ насъ“.

Февраля 22. Половина войска нашего пришла изъ Турова и князь рано утромъ окружилъ городъ. Тогда непріятель, видя, что дѣло серьезное, покорился князю, изъявляя готовность сдаться; даже священники вышли съ процессіями, но ничто уже не помогло и князь, вступивши въ городъ, приказалъ хватать всѣхъ измѣнниковъ, при чемъ взятъ между козаками полковникъ Поддубскій. Мѣщане также не всѣ получили прощеніе. Дома росписаны по хоругвямъ для постоя и хоругвямъ приказано вступать въ городъ, гдѣ мы простояли три дня; подъ страхомъ смерти запрещено было брать, что бы то ни было, кромѣ пищи для себя и лошадей; но и то козаки почти все съѣли во время осады, такъ что на нашу долю осталось очень немного.

Тамъ же въ Бобруйскѣ за одинъ платокъ, взятый у хозяевъ дома вопреки запрету гетмана однимъ изъ слугъ, князь приказалъ повѣсить виновнаго на воротахъ, положивши платокъ возлѣ него. Во всѣ три дня нашего пребыванія въ Бобруйскѣ казнили плѣнниковъ, сажая ихъ на колъ; первымъ казненъ Поддубскій, который прожилъ на колу всего одинъ часъ, а если бы дѣло было лѣтомъ, могъ бы оставаться въ живыхъ дня три, такъ хорошо услужилъ ему палачъ.

Іюня 16. Посланъ на развѣдки къ Гомелю обозный войсковый п. Беньковскій съ нѣсколькими хоругвями козаковъ и драгунъ и различною челядью изъ всѣхъ прочихъ хоругвей. Я шелъ съ челядью изъ нашей хоругви, такъ какъ въ то время всѣ шли пѣшкомъ въ силу приказа п. стражника, заступавшаго мѣсто гетмана. Конницы было съ нами едва 400 человѣкъ, а всего народа около 2000 если не больше. Въ ту же ночь мы переправились черезъ Днѣпръ подъ Глыбавомъ, имѣніемъ п. Халецкаго и продолжали путь; передъ разсвѣтомъ подошли къ протоку, идущему изъ одного озера и сами переправились въ лодкахъ, которыя везли съ собою на этотъ случай, а лошади вплавь. Дальше въ полумилѣ встрѣтили другой протокъ, называемый Крапивнымъ, очень глубокій; когда начали переправляться, я, желая ускорить дѣло, пѣшкомъ отправился въ лѣсъ искать другой переправы, и найдя ее въ сторонѣ, сперва перешелъ

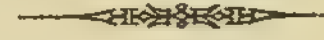
съ старшинами по упавшимъ нѣкогда деревьямъ, когда же вторично подошелъ къ берегу, мнѣ вдругъ разсказываютъ, что мой слуга, Стефанъ Заблоцкій, хотѣлъ верхомъ на лошади переплыть въ этомъ мѣстѣ и утонулъ. Затѣмъ двинулись дальше и, придя въ какое-то опустѣвшее село въ двухъ миляхъ отъ Гомеля, остановились кормить лошадей; здѣсь нѣкоторые изъ капитановъ, сговорившись между собою, на отрѣзъ отказались идти дальше, говоря, что нѣтъ ни пороху, ни пуль. Съ такими рѣчами пришли они къ обозному Беньковскому, которому поручено было начальство надъ отрядомъ. Беньковскій желалъ продолжать походъ, но нѣмцы всѣми силами упирались и отказывались; наконецъ, послѣ долгихъ споровъ всѣ мы возвратились въ Млынокъ, въ двухъ миляхъ отъ Гомеля,не видѣвши въ глаза непріятеля; и хотя все время стояла хорошая погода, вода такъ сильно прибыла, когда мы возвращались, что нужно было вплавь переходить самые мелкіе броды.

20 іюня. Возвратились въ Рѣчицу, ничего не узнавши на развѣдкахъ, за что насъ не поблагодарили; но по справедливости слѣдовало бы отрубить головы тѣмъ нѣмчищамъ, которые, взбунтовавшись, не хотѣли идти дальше, такъ какъ они только для грабежа нанимаются на службу, если не всѣ, то большинство изъ нихъ.

Іюля 7. Прибылъ въ Рѣчицу князь гетманъ, войско котораго постоянно враждовало съ хоругвями, стоя за городомъ на большой дорогѣ; гетманъ пробылъ въ Рѣчицѣ двѣ недѣли съ лишнимъ и выступилъ въ Лоевъ со своимъ полкомъ. На другой день выступилъ вслѣдъ за княземъ полкъ смоленскаго воеводы, при которомъ находилась и наша хоругвь, затѣмъ полкъ п. Гонсѣвскаго, стольника В. К. Л. съ полкомъ п. стражника; въ Рѣчицѣ князь оставилъ Карла Эсмана и рейтарскаго ротмистра Швейцера съ нѣсколькими десятками людей, давши имъ инструкцію немедленно сжечь предмѣстья, если только замѣтятъ гдѣ нибудь непріятеля, самимъ же защищаться въ городѣ и замкѣ; раньше, чѣмъ мы возвратились изъ Лоева, всѣ предмѣстья были сожжены, такъ какъ замѣчены были непріятельскія хоругви.

Въ среду всѣ полки сошлись подъ Избинцами въ трехъ миляхъ отъ Лоева, тамъ отдыхали день; затѣмъ князь съ полковою старшиною порѣшили отправить водою на байдакахъ пѣхоту и стрѣлковъ, которыхъ было болѣе тысячи, начальство надъ которыми принялъ Викентій Корвинъ Гонсевскій, стольникъ В. К. Лит. Кавалерія вся должна была идти сухимъ путемъ.

Іюля 16. Поутру въ пятницу выступили изъ подъ Избинецъ къ Лоеву; стрѣлки съ п. стольникомъ шли водою на байдакахъ, построивши на нихъ гуляй-городы для болѣе безопаснаго приступа къ непріятельскимъ берегамъ. Гетманъ прибылъ съ коронннымъ войскомъ тотчасъ по полудни, но ни самъ онъ, ни войско не были готовы къ бою, поэтому всѣ мы остановились въ лѣсу близь Лоева, ожидая прихода судовъ, которые должны были прибыть въ одно время съ нами, но опоздали и пришли съ пѣхотою уже передъ заходомъ солнца; тогда и наше коронное войско приблизилось къ байдакамъ и стало надъ Днѣпромъ. Начали было наши, т. е. п. стольникъ съ стрѣлками, въ байдакахъ подступать къ непріятелю, который расположился въ углу между Днѣпромъ и Сожемъ, такъ какъ здѣсь рѣка Сожъ впадаетъ въ Днѣпръ у самаго Лоева. Между этими рѣками окопался непріятель и крѣпко защищался, обстрѣливая байдаки, откуда наши отвѣчали выстрѣлами изъ гуляй-городовъ. Около полутора часа длилась усиленная перестрѣлка, а съ приближеніемъ ночи гетманъ отдалъ приказъ отступить и высадиться на другомъ берегу Днѣпра, также въ углу между Сожемъ и Днѣпромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КЪ СТРАНИЦѢ 344

